

Семь искусств 10/2015

Журнал

Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

10/2015

Журнал

**«Семь искусств»
№ 10 (67) 2015**

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник
Дорота Белас

Семь искусств
Ганновер 2015

Журнал «Семь искусств» № 10 (67)/2015 — Ганновер:
Семь искусств. 2015. — 403 с., 25,7 а.л.

«Семь свободных искусств – основа воспитания, которое надлежит
давать не для практической пользы, но потому, что оно достойно
свободнорожденного человека и само по себе прекрасно».
Аристотель. "Политика".

Семь искусств
Ганновер 2015

Оглавление

<i>Евгений Беркович</i> Томас Манн глазами математика	5
<i>Наталья Тихомирова (Шальникова)</i> Маленькие истории из советской научной жизни	23
<i>Анатолий Сонин</i> Восприятие теории относительности советскими философами и «философствующими» физиками в период 1945 — 1960 гг.)	40
<i>Фридрих Горенштейн</i> Крим-брюле, или Веревочная книга (Libro de cuerda). Вступление. Уголовно-антропологический мефистофельский роман-комикс с мемуарными этюдами. Публикация, вступительная статья и комментарии <i>Григория Никифоровича</i>	68
<i>Лев Бердников</i> Культурологические этюды	84
<i>Генрих Иоффе</i> Георгий Гапон. Крест и молот (январь 1905 г. — март 1906 г.)	116
<i>Александр Бархавин</i> Простые фермеры	135
<i>Игорь Юдович</i> История Четвертой (самой очевидной, самой противоречивой и самой игнорируемой поправки к Конституции США)	148
<i>Борис Тененбаум</i> Учет векселей в условиях кризиса. Главы из новой книги «Израильские войны»	175
<i>Ася Лапидус</i> Между небом и землей. "Труд этот, Ваня, был страшно громаден — не по шечу одному..."	178
<i>Владимир Порудоминский</i> Из "Детского альбома"	195
<i>Елена Кушнерова</i> Интермеццо. Служба на Военфаке при Московской Консерватории	220
<i>Сергей Колмановский</i> Несвобода творчества	225
<i>Ольга Новиковская</i> Деревенская история. Два года спустя. Дело инвалида Великой Отечественной войны О.Г. Желябужского	232
<i>Александр Кунин</i> Люди и убеждения	245
<i>Борис Лихтенфельд</i> «Эта действительность недействительна...»	254

<i>Женя Левкович</i> Вокруг Петербурга. Предисловие <i>Галины Гампер</i>	265
<i>Борис Кушнер</i> Там-далеко-вдали	276
<i>Анатолий Николин</i> Течение и заводь. Повесть	304
<i>Эдуард Бормашенко</i> Заседание Сената	321
<i>Филипп Исаак Берман</i> Двор империи	327
<i>Майя Квятковская</i> Переводы из испанской поэзии	349
<i>Изабелла Мизрахи</i> Переводы из Харта Крейна, Чеслава Милоша, Шеймаса Хини	359
<i>Елена Тамаркина</i> Поэтические переводы	366
<i>Алла Цыбульская</i> Долгий путь от одного ужаса к другому	379
<i>Игорь Ефимов</i> Закат Америки. Саркома благих намерений	388

Евгений Беркович

ТОМАС МАНН

ГЛАЗАМИ МАТЕМАТИКА

(продолжение. Начало в № 7/2015 исл.)

Часть четвертая.

Меланхолия, музыка и математика

Меланхолия в древности и в новые времена

Дюреровская гравюра на меди «Меланхолия I», из которой Томас Манн взял в роман «Доктор Фаустус» магический квадрат, имеет к математике непосредственное отношение. Чтобы разобраться в этом, начнем издалека.

Что мы видим на этой небольшой гравюре размером 23,9 на 16,8 сантиметров?

А. Дюрер. Меланхолия

На низкой каменной ступеньке возле недостроенного дома сидит, глубоко задумавшись, крылатая женщина с темным лицом, на котором контрастно выделяются белки глаз. Одной рукой, сжатой в кулак, она подпирает голову, в другой руке, опирающейся на книгу, держит циркуль. И книга, и циркуль сейчас не при деле. На голове у женщины венок из каких-то растений, в которых знатоки-ботаники узнают цветы, живущие в воде, типа водяного лотика. Неподалеку расположено большое озеро или море, зловеще мерцающее в свете яркой кометы под ра-

дугой. В воздухе над водой летает существо, напоминающее летучую мышь, и держит транспарант с надписью по-латыни «Меланхолия I». Недалеко от женщины на огромном точильном камне или мельничном жернове сидит печальный амурчик, усердно карябающий какие-то каракули на грифельной доске. На земле у ног женщины улетлась худая, дрожащая от холода собака. Крылатая женщина сосредоточенно и печально думает о чем-то своем, взгляд ее обращен в пустоту. К ее поясу прикреплены ключи и кошелек. На стене недостроенного строения висят рычажные весы, солнечные и песочные часы, колокол, под которым и располагается знаменитый магический квадрат. Незаконченность строения подчеркивает деревянная лестница, прислоненная к задней стене дома. На земле в беспорядке разбросаны разнообразные столярные инструменты и измерительные приборы: рубанок, пила, клещи, молоток, гвозди, небольшой тигель для плавки свинца, линейка, угольник, чертильница с пеналом... Под складками юбки прячутся на полу кузнечные меха, от которых виден только мундштук. Два предмета не являются инструментами в точном смысле слова, а представляют собой скорее символы прикладной математики, используемой в строительстве и столярном деле. Это точеный деревянный шар и вытесанный из камня полидр, многогранник. Они вместе с весами, песочными часами, магическим квадратом и циркулем символизируют роль математики, которую в своей работе используют и ремесленник на земле, и архитектор Вселенной. Эти символы заставляют вспомнить «равенство меры, веса и числа», о котором говорит Платон в своих «Диалогах»^[1].

Что же означает название гравюры Дюрера? Меланхолия — это один из четырех типов человеческих темпераментов по градации Гиппократа и Аристотеля. Согласно господствовавшим в античные и средневековые времена представлениям, за темперамент отвечали четыре главных «сока» человеческого тела: кровь, флегма, желтая желчь и черная желчь. Они согласуются с четырьмя основными элементами (воздух, вода, огонь и земля), с четырьмя временами года, с четырьмя периодами человеческой жизни, с четырьмя ветрами (направлениями в пространстве), с четырьмя временами суток.

Самым здоровым и счастливым считался сангвиник, от лат. *sanguis* — кровь. Тогда полагали, что Господь создал человека именно сангвиником, а остальные виды темпераментов появились уже после грехопадения Адама и Евы. Кровь, влажная и теплая, уподоблялась элементу «воздух» и сравнивалась с весной, с юностью, легким западным ветром зефиром и с утром.

Холерик (от греч. *chole* — желчь) связан элементом «огонь» и обладал его качествами — жаром и сухостью. Поэтому его сравнивали с летом, зрелостью человека, с горячим и сухим восточным ветром эфиром, с полднем.

Флегматик назван от греческого слова *phlegma* — флегма, которая представлялась влажной и холодной, как элемент «вода», и связывалась с зимой, старостью, вредным для здоровья южным ветром Австер и ночью.

Наконец, самым печальным и опасным темпераментом считался меланхолик — от греч. *melas chole* — черная желчь, которой соответствовал холодный и сухой элемент «земля», осень, пожилой возраст человека, суровый северный ветер борей и вечер.

Сочетание соков в организме человека определяют его комплекцию (телосложение) и особенности характера. Само слово «комплексия» происходит от латинского «*complexion*», которое означало смешение соков. Темперамент в понимании Гиппократа и Аристотеля влияет и на подверженность тем или иным болезням,

и на способности к тем или иным занятиям. У флегматика другие недостатки, чем у холерика, но и добродетели у них разные. Им подходят разные профессии, у них разная манера общения с близкими, их жизненные установки сильно отличаются.

Четыре вида темперамента: сангвник, холерик, флегматик, меланхолик

Обладание тем или иным темпераментом еще ничего не говорит о душевном и физическом здоровье человека. Можно быть вполне здоровым флегматиком или меланхоликом, если количество преобладающего «сока» организма не переходит определенную границу. Но если динамическое равновесие соков по той или иной причине нарушается, человек заболевает, причем меланхолику грозят самые страшные болезни — душевные. Конечно, от помешательства, депрессии, шизофрении и эпилепсии страдают люди разных темпераментов, но у меланхоликов эти болезни случаются чаще.

И в ученых кругах античных и средневековых медиков, и в фольклоре сложилось устойчивое представление, что и здоровый меланхолик обладает весьма неприятными чертами характера. Сухощавый, с темным цветом лица, он, как правило, жадный, неловкий, злой, трусливый, ненадежный, ленивый. К тому же он задуллив, забывчив, уныл, вял, неуклюж, избегает общества своих близких и презирает противоположный пол. Единственная достойная черта меланхолика, по представлениям древних, это его склонность к научным занятиям, которые он любит проводить в одиночестве. Недаром его часто изображали с книгой.

До Дюрера существовало множество изображений меланхоликов. По назначению их можно разделить на две большие группы. Во-первых, рисунки в медицинских трактатах и пособиях, во-вторых, карикатуры и шаржи в популярных календарях, лубках, книжках-картинках для простого народа, которых, как правило, не сильно владел грамотой. В медицинских изданиях меланхолия рассматривалась как болезнь, и рисунки показывали, как ее лечить. Способы лечения были разнообразны — от слушания музыки до битья кнутом. Напротив, в популярных книжках и народных календарях меланхолики изображались как обычные люди с типичными для этого темперамента недостатками. Чаще всего изображались скряги с туго набитыми кошельками и лентяи, которые спят вместо того, чтобы работать.

Распространенные сюжеты картин про меланхоликов: пахарь, спящий рядом с пашней, пряжа, заснувшая с веретеном в руке, молившийся человек, который положил голову на молитвенник и тоже забылся сном. Общим для всех этих изображений было представление о меланхолии как унылом бездействии.

Меланхолик жаден, сонлив, ленив, бездеятелен

Меланхолия на гравюре Дюрера изображена совершенно иначе. Да, она тоже бездействует, но в отличие от пряжи или пахаря, которые от лени впадают в сон, крылатая женщина напряженно размышляет, за ее оцепенением видится интенсивное, хотя и безрезультатное пока исследование какой-то проблемы. Она застыла не потому, что ленится работать, нет, работа стала для нее в данный момент бессмысленной. Ее энергия парализована не сном, а мыслью.

Дюрер предложил абсолютно новый тип меланхолии, не похожий на привычные для того времени образы ленивой растяпы-домохозяйки или сонливой пряжи. Перед нами творческая личность, наделенная сильным духом и мощным воображением. Она окружена инструментами для созидательной работы и научных исследований. И это позволяет нам отметить еще одну новую черту дюреровской гравюры, тесно связанную с темой настоящих заметок.

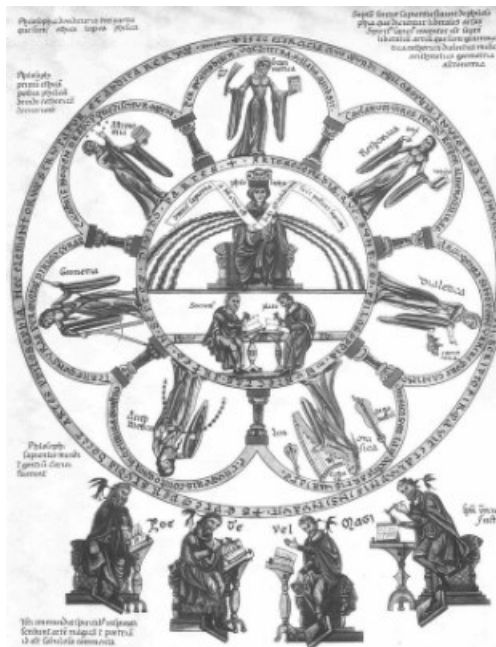
Семь свободных искусств

Здесь нужно сказать несколько слов о науках, которые в античности и средневековье часто называли «искусствами». У Аристотеля в «Политике» говорится: *«Семь свободных искусств — основа воспитания, которое надлежит давать не для практической пользы, но потому, что оно достойно свободнорожденного человека и само по себе прекрасно».*

В европейских университетах учебные предметы, образующие «семь свободных искусств», изучались на подготовительных факультетах, которые сначала назывались «артистическими» (от латинского *ars* — искусство), а потом стали именоваться философскими. Основными же факультетами, выпускавшими специалистов,

считались богословский, медицинский и юридический. Только в Новое время философский факультет стал равноправным с другими университетскими факультетами.

Изучение «семи свободных наук» проводилось в два цикла, которые назывались тривиум и квадривиум. Нетрудно догадаться, что тривиум состоял из трех предметов, а квадривиум — из четырех. Для тривиума (по латыни *trivium* — три дороги) это грамматика, риторика и диалектика. Математику начинали изучать во втором цикле, квадривиуме (*quadrivium* — четыре дороги). Он состоял из арифметики, геометрии, астрономии и музыки.

Семь свободных искусств: тривиум и квадривиум

Это, кстати, объясняет происхождение слова «тривиальный», которое большинством этимологических словарей и словарей иностранных слов трактуется немного загадочно и... неверно. Например, в уважаемом «*Этимологическом словаре русского языка*» Макса Фасмера можно прочесть: «*тривиальный. Через нем. trivial или франц. trivial — то же из lat. trivialis „то, что валяется на большой дороге“: trivium „перекресток трех дорог“*» [2]. Остается непонятным, почему «тривиальная вещь» должна валяться именно на перекрестке трех дорог? А то, что лежит на перекрестке двух — уже нетривиально?

На самом деле, происхождение слова «тривиальный» следует искать в кругу «семи свободных искусств». Тривиальной называли вещь, которую поймет человек, прошедший первый цикл начального обучения, т. е. освоивший тривиум. Другими словами, вещь не сложную, для понимания требующую минимального образования. При таком объяснении проблема «двух дорог» не встает. Дорога здесь вообще имеет иной смысл — не пыльный тракт, не базарная площадь, а путь к свету, к знаниям [3].

Символика «семи свободных искусств» явственно просматривается на гравюре Дюрера «Меланхолия». Амурчик, сидящий на мельничном жернове и карабающийся что-то на грифельной доске, символизирует грамматику, простейшую из семи наук. Весы с чашами — атрибут риторики, стоящей на службе правоповедения, а весы — известный символ юстиции. Магический квадрат, очевидно, представляет арифметику, циркуль — геометрию, шар — астрономию и т. д.^[4]

К семи аристократическим свободным искусствам, предназначенным для свободных людей, Дюрер добавляет семь «механических, или технических искусств», требующих применения физической силы. Именно они используются ремесленниками, строителями, землемерами... Соответствующие атрибуты тоже разбросаны на полу перед сидящей крылатой Меланхолией. Это измерительные и строительные инструменты: рубанок, молоток, тигель и пр.

Как чистые, «свободные» искусства, так и технические, прикладные виды деятельности к началу XVI века были широко представлены на гравюрах, рисунках, картинах европейских художников. В частности, популярный в то время энциклопедический трактат Грегора Райша (Gregor Reisch, 1467(?) - 1525) «Маргарита философика» (Margarita Philosophica) включал в себя двенадцать глав, из которых семь были посвящены «свободным искусствам». Каждая глава иллюстрировалась соответствующей гравюрой по дереву.

Образ Геометрии

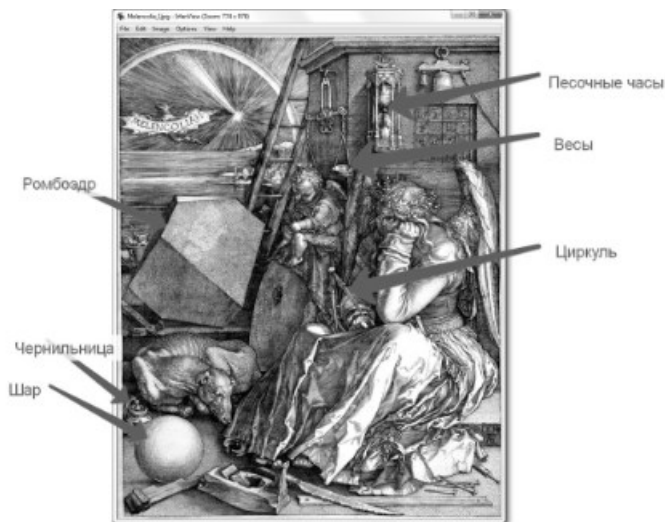
В одной из центральных глав книги приведен «Образ Геометрии» («*Tyrus Geometriae*»), созданный лет за 6-10 до дюреровской «Меланхолии». На гравюре изображена богато одетая женщина с циркулем в руке, что-то измеряющая на шаре^[5]. Циркуль, как мы помним, — это основной атрибут геометрии. Женщина сидит за столом, на котором разложены чертежные принадлежности, стоят чернильница, многогранник, другие модели объемных тел. Рядом с недостроенным зданием высятся кран, поднявший огромный тесанный камень для стены. Один строитель проверяет щипцами качество кладки, двое других работают над составлением топографического плана местности. На полу, как и на гравюре Дюрера, в беспорядке разбросаны столярные инструменты, молоток, линейка, угольники... Облака, луну и

звезды изучают с помощью квадранта и астролябии двое ученых, то ли астрономов, то ли метеорологов. То, что геометрия имеет прямое отношение к астрономии, говорит павлинье перо, прикрепленное к шляпе женщины: оно в Средние века было символом звездного небосвода (Panofsky, 216).

На гравюре «*Образ Геометрии*» представлен синтез «чистой» и прикладной науки, показана центральная роль геометрии в технике и естествознании. При этом женщина, символизирующая одно из «свободных искусств» — геометрию — лишена эмоций, это некий абстрактный образ, скорее, ангельский, чем человеческий.

Взгляд на математику как важнейшую из наук разделал и Дюрер. Он и сам слыл лучшим математиком среди художников своего времени. Его перу принадлежат несколько математических трактатов, получивших признание профессионалов-математиков. Наиболее известно, пожалуй, «*Руководство по измерениям циркулем и линейкой*»^[6], ставшее первым учебником геометрии на немецком языке. Слово «измерение» в заглавии книги использовалось в то время в словосочетании «искусство измерений» как перевод греческого слова «геометрия». В современном понимании это слово «измерение» ближе к понятию «конструкция», «построение». Дюрер по праву считается одним из основоположников начертательной геометрии.

Многие предметы, характерные для «*Образа Геометрии*», можно найти и на его гравюре «*Меланхолия*». Книга, чернильница и циркуль — атрибуты «чистой» геометрии, песочные часы с колоколом, рычажные весы — инструменты для измерений пространства и времени, столярные и строительные инструменты — продукты прикладной геометрии, наконец, вытесанный из камня полиэдр — символ описательной геометрии и учения о перспективе.

Инструменты для научных занятий

Отчего же геометрия, или «искусство измерений», играет такую важную роль в гравюре «*Меланхолия*»? Упомянутый нами исследователь творчества Дюрера Вильгельм Ветцольдт задает этот вопрос и сам на него отвечает: «*Почему однако Дюрер выхватил из множества различных сатурнианских профессий и видов*

деятельности именно искусство измерений? Потому что мера, число и вес ^[7] об-разовывали для него самого краеугольный камень собственной научной работы, потому что математика представлялась ему (и не только ему одному) центральной наукой» (Waetzoldt, 106).

Заметим попутно, что в процессе работы над «Доктором Фаустусом» Томас Манн изучал солидную монографию Вильгельма Ветцольдта о Дюрере. В конце дневниковой записи от 19 апреля 1943 года отмечено: «В Дюрере Ветцольдта»^[8].

Обсуждаемая нами гравюра Дюрера демонстрирует слияние двух классических тем — Меланхолии из народных календарей и медицинских трактатов и Геометрии из философских трудов и энциклопедий. При этом художнику удалось оба образа представить в новом свете. Унылая тоска меланхолии приобрела у Дюрера энергию поиска истины, а к абстрактной чистоте и возвышенности геометрии художник добавил человеческие страсти и эмоции. Можно сказать, что на гравюре изображены «творческая меланхолия» и «очеловеченная геометрия».

Новый взгляд на меланхолию, который продемонстрировал Дюрер, как часто бывает, оказался хорошо забытым старым. Ибо еще Аристотель в главе XXX «Проблем» отмечал взаимосвязанность меланхолии и таланта:

«Почему все выдающиеся мужи, будь они философами, государственными деятелями, поэтами или художниками, явно были меланхоликами? И некоторые из них в такой степени, что страдали от болезненных приступов, вызванных черной желчью, о чем говорится в героической саге о Геракле» (Klibansky, 59).

Эта надолго забытая работа Аристотеля после гравюры Дюрера снова стала популярной. Со временем смысл высказывания великого философа перевернулся, и вместо «все гении — меланхолики» стали считать, что «все меланхолики — гении». Быть меланхоликом стало модно, те, кто хотел произвести впечатление в высшем свете, учились меланхолическим манерам и специально принимали меланхолический вид.

Сатурн — покровитель меланхоликов

Возвышение меланхолии в общественном сознании имело еще одно следствие: оказалось, что планета Сатурн, имевшая ранее весьма дурную репутацию, обладает рядом несомненных достоинств. Этот феномен тоже связан с темой настоящих заметок.

Планетами в древности называли небесные тела, которые, в отличие от неподвижных звезд, перемещались по небосклону. Таких объектов было семь: Солнце, Луна, Меркурий, Марс, Венера, Юпитер, Сатурн. Их наделяли качествами, присущими богам, чьи имена они носили. Планеты покровительствовали и различным типам темпераментов.

Сангвиникам помогал теплый и влажный, как воздух, Юпитер (другим покровителем сангвиников считалась Венера). Холерикам сопутствовал, конечно, горячий и сухой Марс, флегматикам — холодная и влажная Луна. На стороне меланхоликов был холодный и сухой Сатурн — старейший бог Земли, некогда управлявший всем миром, но свергнутый сыном Юпитером. Греки называли этих богов Кронос и Зевс, соответственно. Время правления Сатурна считалось на Земле «золотым веком».

Английский язык сохранил эту связь настроения и планеты, в нем слово saturnine означает печальный, а jovial (от Jove — Юпитер) — веселый. То же значение и у русского слова jovиальный.

Как черная желчь считалась худшим соком человеческого организма, так и Сатурн имел славу самой несчастливой планеты. Ведь бог Сатурн, оскопленный и свергнутый в мрачный Тартар сыном Юпитером, пожирал своих детей! Рожденные под знаком Сатурна были обречены на печальную, тоскливую жизнь, и даже богатство и власть, которыми могущественный когда-то бог самой высокой планеты надеялся своих подопечных, не делали этих людей счастливыми. Обычно под знаком бога Земли рождались крестьяне и рабочие самых непрестижных профессий: чистильщики выгребных ям, камнетесы, могильщики, а также калеки, нищие и преступники.

Сатурн — покровитель землеустройства, ремесленников и ученых

Меланхолия представлялась неразрывно связанной с Сатурном, у них были многие общие черты и символы. Ряд их изображен на дюреровской гравюре «*Меланхолия*». Тонко чувствующая собака с печальными глазами (собаки часто болеют бешенством), и летучая мышь, живущая в мрачных, укромных местах, — типичные атрибуты как меланхолии, так и Сатурна. То же относится и к ключам, символу власти, и к кошельку, символу богатства, и к водной глади.

С изменением отношения к меланхолии было пересмотрено и отношение к Сатурну. Этому способствовала позиция флорентийской школы неоплатоников, прежде

всего, Марсилио Фичино (1433-1499) и Пико делла Мирандола (1463-1494), которые обнаружили, что основатель неоплатонизма античный философ Плотин и его последователи так же высоко оценивали Сатурн, как Аристотель — меланхолию. Сатурн, по представлениям неоплатоников, олицетворял дух вселенной, тогда как Юпитер — ее душу. Юпитер управляет практической деятельностью на Земле, в то время как Сатурн покровительствует исследованиям высших и тайных вещей, философскому осмыслению и раскрытию непознанного. Философам, современникам Дюрера, грел душу тот факт, что сам Платон родился под знаком Сатурна (Panofsky, 223).

Признание за Сатурном покровительства ученым не могло пересилить народной веры в опасность, которую несет эта несчастливая планета. Поэтому, к примеру, Марсилио Фичино, рожденный под этим знаком, всю жизнь пользовался сам и советовал другим использовать астрологические амулеты, которые с помощью силы Юпитера ослабляли бы воздействие Сатурна. По словам Фичино, такие амулеты *«превращают зло в добро, изгоняют смятение и страх»* (Panofsky, 223). Одним из таких амулетов являлся магический квадрат, подчиненный, как и вся арифметика, власти Юпитера. Именно как средство против меланхолии, как противоядие от Сатурна и появился магический квадрат на гравюре Дюрера. Этот атрибут светлого и спокойного Юпитера явственно отличается от многочисленных предметов на гравюре, символизирующих мрачный Сатурн.

После этих астрологических мер предосторожности, по мнению Фичино, *«для ученых, которые живут в сфере благородного Сатурна, он сам становится благодетельным отцом (Юпитером)»* (Panofsky, 223).

Каким же видам деятельности благоволил Сатурн, каким наукам покровительствует этот противоречивый бог Земли? Прежде всего, работам с деревом и камнем, строительству, столярному делу и прочему ремеслу. Но как бог земледелия Сатурн отвечает еще и за раздел земельных участков и связанные с этим процессы их обмера. Но это и есть буквальный перевод греческого слова «геометрия» - измерение земли. В Средние века была такая молитва: *«Сатурн, планета, пошли нам мудрецов, которые бы нас геометрии обучили»* (Panofsky, 224).

Меланхолики, которых часто называли «детьми Сатурна», как правило, показывают способности к геометрии или, более общо, к математике. Но верно и обратное: тот, кто математически одарен, не может не быть меланхоликом, ибо он должен страдать от сознания ограниченности своих интеллектуальных возможностей. Тот, кто «знает, что он ничего не знает», не может быть веселым и беззаботным оптимистом.

После того, как мы в деталях рассмотрели гравюру Дюрера и обсудили ее связь с Сатурном и математикой, вернемся к *«Доктору Фаустусу»*.

Меланхолический музыкант

Герой романа Томаса Манна — не математик, а музыкант. На первый взгляд, Адриан Леверкюн вовсе не меланхолик, он много и результативно трудится, пустым созерцателем его не назовешь. И все же в разных частях романа можно заметить у него типичные меланхолические черты. Судя по всему, это качество у него наследственное.

Явным меланхоликом представлен отец Адриана — страдающий от периодической мигрени Ионатан Леверкюн. Его любимое занятие — изучение красивых узоров на белом фоне новокаледонской раковины, — как и следовало ожи-

дать, не дает никаких практических результатов. Рассказчик так характеризует потомка *«искусных ремесленников и зажиточных земледельцев»* (профессии под знаком Сатурна):

«Да, папаша Леверкюн был, как сказано, любознательным и созерцателем, и его исследования, если можно говорить об исследованиях там, где все сводилось к мечтательному умствования, всегда принимали определенное, а именно — мистическое или смутно-полумистическое направление, в котором, думаю, почти неизбежно движется человеческая мысль, стремящаяся постичь природу» (V, 27).

Сын «любознательного и созерцателя» тоже временами был готов, подобно крылатой женщине на гравюре Дюрера, бесцельно уставиться в пустоту. Вот что случилось с ним *«на концерте или в театре, когда его поражал какой-нибудь незамысловатый для массы слушателей искусный трюк или остроумный ход внутри музыкальной структуры, какой-нибудь тонкий психологический намек в диалоге драмы... Он запрокидывал голову, делал легкий, короткий выдох ртом и носом... Но глаза его при этом настораживались, искали чего-то в пустоте, и еще темнее становился их крапленый металло сумрак»* (V, 43).

В заключительной сцене последней главы *«он сидел, скрестив руки, слегка склонив голову набок, глядя прямо перед собой, только чуть-чуть вверх»* (V, 639). Сходство с дюреровской Меланхолией усиливается, если обратить внимание на его позу: *«он подпер щеку рукой и помолчал, словно в раздумье»* (V, 640).

Одна из характернейших черт меланхолии — одиночество. Меланхолик стремится быть один, но страдает от отсутствия близких людей. Это в полной мере относится к Адриану Леверкюну. Томас Манн неоднократно отмечает эту черту композитора. В первой же главе романа рассказчик сообщает:

«Одиночество Адриана я бы сравнил с пропастью, в которой беззвучно и бесследно гибли чувства, пробужденные им в людских сердцах. Вокруг него царил стужа» (V, 13).

И в счастливые времена студенчества Адриан страдает без друзей:

«Водворившись в Галле, он даже просил меня к нему приехать — просьба, видимо, продиктованная чувством сиротливого одиночества» (V, 114).

В другом месте Серенус Цейтблом замечает:

«Кое-кого, наверно, поражали его робость, его одиночество, вся гордая трудность его бытия» (V, 234).

В письме другу Леверкюн признается:

«Я ищу, <...> я мысленно спрашиваю и прислушиваюсь к ответу извне, где находится место, в котором можно было бы, укryвшись от мира и без помех, поговорить один на один со своей жизнью, своей судьбой...» (V, 274).

Даже близкие люди не понимали *«Адрианово одиночество, горестность, тревожность такого уединения»* (V, 338). И несколькими строками ниже Серенус прямо говорит о *«холоде меланхолии»* (V, 339).

Местечко Пфайферинг, в Верхней Баварии, которое выбрал для проживания уже повзрослевший Леверкюн, оказалось удивительно похожим на городок Кайзерсасерн на Заале, в котором прошли его школьные годы. Цейтблом оценивает это как симптом той же болезни:

«Выбор места, словно воскрешающего обстановку раннего детства, прибежища в давно минувшем или хотя бы во внешнем антураже минувшего, мог, конечно, свидетельствовать о глубине привязанностей, но в большей мере свидетельствовал о тяжелом, очень тяжелом душевном состоянии» (V, 39).

Все симптомы меланхолии, грозящей обернуться страшной душевной болезнью, здесь налицо. Но мы помним, что этот темперамент имеет и положительные качества. Это, среди прочего, математические способности, любовь к математике. И они у Леверкюна явно заметны.

Пожалуй, лучше всего о роли математики сказано в романе словами профессора Нонненмахера, университетского светила, увлекательно и вдохновенно читавшего лекцию о великом Пифагоре, который *«математику, абстрактную пропорцию, число возвел в принцип становления и бытия мира» (V, 123).*

Леверкюн тоже возвел числовые ряды в принцип становления музыки. Эту идею пересказывает его верный друг Серенус Цейтблом:

«Он указал мне тогда на магический квадрат музыкального стиля или техники, создающей предельное разнообразие звуковых комбинаций из одного и того же неизменного материала, так что не остается ничего нетематического, ничего, что не было бы вариацией все того же самого. Этот стиль, эта техника, утверждал он, не допускает ни единого звука, который не выполнял бы функции мотива в конструктивном целом, — так что ни одной свободной ноты более не существует» (V, 628).

Такую роль магического квадрата мы уже обсуждали. По меткому выражению Соломона Апта, этот квадрат является «автокомментарием романа», моделью главного изобретения Леверкюна — додекафонии. Но, как мы видели при обсуждении гравюры Дюрера, магический квадрат — это еще и противоядие от меланхолии. Это объясняет тот факт, что Леверкюн не расстается с ним ни на день. Переезжая из города в город, он берет изображение квадрата с собой и вешает его на стену рядом со своим инструментом, т.е. в том месте, в котором он проводит самые важные часы жизни.

Как мы помним, магический квадрат появляется первый раз в романе при описании студенческой комнаты Адриана в Галле. В XII главе автор сообщает, что он *«наряду с песочными часами, циркулем, весами, многогранником и другими символами изображен на Дюреровской «Меланхолии» (V, 122).*

Обратим внимание, какие детали гравюры Дюрера выбрал Томас Манн для ее характеристики: песочные часы, циркуль, весы, многогранник... Мы видели, что Дюрер изобразил множество разных предметов, имеющих отношение к Сатурну и меланхолии, среди них и столярные инструменты, и животные, ангелочек, лестница, гвозди, солнечные часы, кузнечные меха, показаны и природные катаклизмы... Но автор *«Доктора Фаустуса»* отметил только то, что относится к «творческой меланхолии», является атрибутом науки, прежде всего, «искусства измерения», т.е. геометрии. Этим он показывает близость позиций Леверкюна и Дюрера в отношении математики. Для Дюрера *«мера, число и вес образовывали... краеугольный камень собственной научной работы»*. Чем была математика для Дюрера-живописца, тем стала она и для Леверкюна-композитора. Для художника математика — *«центральная из наук»*, для музыканта — *«интереснейшая из наук»*, ибо сама музыка, по его мнению, является *«магическим слиянием богословия и математики»*.

На этой торжественной ноте можно было бы закончить размышления математика над текстами Томаса Манна. Но затронув тему «математика под знаком Сатурна», нельзя обойти молчанием и другую сторону медали, а именно, «музыку под знаком Сатурна». Такой поворот темы сулит множество интересных вопросов и неожиданных выводов. Ведь два понятия — музыка и Сатурн — до Томаса Манна считались несовместимыми.

Обратимся еще раз к гравюре Дюрера «Меланхолия». Среди множества предметов-символов, изображенных на ней, нет ни одного, который бы напоминал о музыке. Там есть приборы для измерений, для научных изысканий, есть инструменты строителя и столяра, типичных профессий, находящихся под покровительством Сатурна, но нет и намека на какой-нибудь музыкальный инструмент. И это не удивительно. С античных времен меланхолия, как и ее покровитель Сатурн, были далеки от музыки. На старинных гравюрах меланхолики никогда не изображались поющими или играющими на каких-то музыкальных инструментах.

Лечение меланхоликов — от битья кнутом до слушания музыки

Напротив, сангвиники, находившиеся под покровительством Юпитера, часто изображаются с арфой или лютней. Музыка была одним из лечебных средств, к которым прибегали врачи, чтобы помочь страдающим от тяжелых депрессий. Широко известно описанное в Библии излечение царя Саула. Его будущий преемник на царстве Давид игрой на арфе изгнал злой дух, под власть которого попал Саул. В результате Саул был излечен от черной меланхолии.

Со времен Саула и Давида струнные музыкальные инструменты считались наиболее эффективным средством борьбы с тоской и депрессией. Музыка, типично сангвинистическое искусство, разгоняла тоску и грусть, служило противоядием от опасного меланхолического темперамента, считавшимся немзыкальным.

В романе *«Доктор Фаустус»* Томас Манн радикально перевернул представление о взаимоотношениях музыки и меланхолии: главный герой его романа сочетает в себе, казалось бы, несовместимое — он и меланхолик, и музыкант. В большом письме своему ментору Кречмару Леверкюн сравнивает музыку с алхимией и черной магией, а композитора — с исследователем, ведущим алхимические поиски в *«герметически закупоренной лаборатории»* (V, 173).

Какую же музыку мог создать такой композитор, если он погружен в состояние меланхолии? Современник и духовный наставник Дюрера, реформатор церкви Мартин Лютер проповедовал, что *«печаль, эпидемия и хандра приходят от сатаны, так как сатана есть дух печали»* (Klibansky, 563). Меланхолик, по Лютеру, уже находится в лапах сатаны. Союз с чертом, который погубил Леверкюна, был изначально предreshен.

Мне представляется, что сама мысль о возможности «сатанинской музыки» пришла в голову Томасу Манну в результате трагического знакомства с порядками нацистской Германии. В *«Истории „Доктора Фаустуса“»* автор романа вспоминает о *«всегдашней, а в молодости благодаря колдовской критике Ницше особенно горячей и глубокой приверженности к миру Вагнера, об огромном, пожалуй, даже определяющем влиянии двусмысленного волшебства этого искусства на мою юность»*. И тут же с горечью констатирует, что это искусство оказалось *«чудовищно посрамленным ролью, выпавшей на его долю в национал-социалистском государстве»* (IX, 360). В том, что музыке Вагнера пришлось сыграть эту роль в «Третьем рейхе», есть доля вины и самого композитора, что с болью должен был признать и Томас Манн.

Ганс Пфитцнер

Еще одно сильное музыкальное разочарование связано с композитором Гансом Пфитцнером ^[9], автором знаменитой оперы *«Палестрина»*, которой Томас Манн восхищался в годы Первой мировой войны. В письме от 6 ноября 1917 года шурина Петеру Прингсхайму, который в те годы томился в Австралии в концлагере для военнопленных и ингернированных лиц, Томас писал, что опера Пфитцнера: *«в*

духовном и культурном смысле представляет собой исключительную высокую работу, причем в высшей степени немецкую, нечто из области Фауста-Дюрера, и своей исповедальностью очень точно мне подходит» (Briefe 1889-1936, 141-142).

В этом же письме писатель признается, что в тот сезон слушал оперу пять раз и написал о ней большую, в двадцать две журнальных страницы, рецензию в «Нойе Рундшау». Кроме того, очерк о «Палестрине» вошел в книгу Манна «Размышления аполитичного», увидевшую свет в 1918 году.

Пфицнер всю жизнь придерживался мнения, что великая музыка создается по вдохновению, ниспосланному свыше. В опере «Палестрина», либретто которой написал сам Пфицнер, главному герою, тоже композитору Палестрине, потерявшему на время способность творить, спустившийся с небес ангел спел новую мессу, и вновь обретший творческие силы Палестрина записал ее за одну ночь. Похожая сцена воспроизводится и в «Докторе Фаустусе» во время знаменитого разговора Леверкюна с чертом:

«Действительно счастливое, неистовое, несомненное вдохновение, вдохновение, не задумывающееся о выборе, не знающее поправок и уловок, такое вдохновение, когда все воспринимается как благословенный диктат, когда стирает дух, когда всего тебя пронизывает священный трепет, а из глаз катятся слезы блаженства, — оно не от бога, слишком уж много оперирующего разумом, оно от черта, истинного владыки энтузиазма» (V, 310).

Показательно, что сцена с чертом происходит в том самом итальянском городке Палестрина, откуда родом герой оперы Пфицнера, композитор, носивший то же имя.

В заключительной главе «Доктора Фаустуса» Леверкюн признается, что и его музыка писалась не без сатанинских «вливаний»:

«И во мне часто начинали звучать то орган, то арфа, лютни, скрипки, трубы, свирели, кривые рога и малые дудочки, каждая о четырех голосах; мог бы подумать, что я на небе, если бы не знал о другом. Много из этого я записал. Часто приходили ко мне в комнату и некие дети, мальчики и девочки, которые пели мне с листа хоралы, при этом хитро улыбались и переглядывались между собой. Красивенькие дети! Иногда волосы у них поднимались словно от горячего воздуха, и они приглаживали их пухлыми ручками, а на ручках были ямочки и в каждой по маленькому рубину. Из их ноздрей иной раз, извиваясь, выползали желтые червяки, сбегали к ним на грудь и исчезали...» (V, 647).

Другими словами, ангельская музыка в представлении Леверкюна становилась дьявольской.

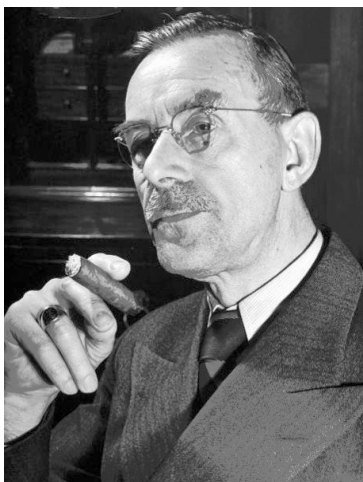
С момента крушения кайзеровской Германии пути Томаса Манна и Ганса Пфицнера разошлись. Манн отказался от многих своих националистических убеждений, выбросил из «Размышлений аполитичного» наиболее одиозные места. В 1922 году писатель открыто провозгласил себя демократом и республиканцем, призвал молодых немцев поддержать недавно рожденную Веймарскую республику.

Эволюция убеждений Пфицнера происходила в противоположном направлении. После первой мировой войны его взгляды сильно политизировались, из аполитичного романтического художника он превратился, по словам Манна, в «антидемократического националиста». Веймарскую республику композитор, в отличие от Томаса, не признал, в своих взглядах отошел еще дальше вправо, примкнув к национал-социалистам, и стал убежденным последователем Гитлера. Друга-покровителя Пфицнер нашел

в лице Ганса Франка, генерал-губернатора Польши, под чьим началом строились и функционировали крупнейшие фабрики смерти — концлагеря уничтожения. В 1944 году Пфизнер привез в подарок Франку увертюру «*Краковская встреча*» («*Krakauer Begrüßung*»), впервые исполненную в тридцати километрах от Освенцима.

Когда Нюрнбергский трибунал в 1946 году приговорил Франка к повешению, Пфизнер послал ему в камеру телеграмму со словами благодарности и поддержки. Позже об этой телеграмме узнал и Томас Манн: о ней писатель говорит в письме Бруно Вальтеру от 26.3.1948: «*Телеграмма Пфизнера Франку тоже недурна. И чудной же вы, музыканты, народ!*»^[10]. Ганса Франка повесили 16 октября 1946 года.

В 1933 году Пфизнер открыто выступил против Томаса Манна, подписав знаменитый «*Протест вагнеровского города Мюнхена*» против доклада писателя «*Страдания и величие Рихарда Вагнера*», сделанного зимой того же года в Мюнхенском университете по случаю пятидесятилетия со дня смерти Вагнера. Доклад этот через пару дней был повторен в Амстердаме, куда Томас и Катя выехали 11 февраля, собираясь после выступлений в трех европейских столицах (кроме Амстердама планировались еще Париж и Брюссель) и небольшого отдыха вернуться домой. Но в Германию они больше не вернулись, оказавшись до конца жизни в добровольном изгнании.

Томас Манн

Так Томас Манн на себе почувствовал, как музыка может служить злу, а музыканты — преступникам. Эта история заслуживает отдельного разговора, который, надеюсь, мы еще проведем. Закончить же тему «музыка под знаком Сатурна» мне хотелось таким эпизодом. В заключительной главе своего «*Романа одного романа*» Томас Манн, покаявшись в своей «*глубокой приверженности к миру Вагнера*», искусство которого оказалось «*чудовищно посрамленным ролью, выпавшей на его долю в национал-социалистском государстве*», пишет о работе над последней главой «*Доктора Фаустуса*»:

«XLVII глава, глава собрания и исповеди, была начата на авось во второй день нового года, и, помнится, в тот же вечер я слушал чудесное си-

мажорное трио Шуберта, предаваясь мыслям о счастливом состоянии музыки, сказавшемся в этом произведении, о позднейшей судьбе искусства, о потерянном рае» (IX, 361).

В дневниковой записи за тот же день — четверг второго января 1947 года — мы читаем: *«по вечерам знакомое трио Шуберта. Счастливое состояние музыки. Хорошо бы, чтобы она оставалась на этом уровне»* (Tagebücher 1946-1948, 83).

Писатель признается, что есть и другие уровни, далекие от счастья. Музыка, созданная под влиянием меланхолии, под знаком Сатурна, неминуемо ведет к союзу с чертом. Этому научил Томаса Манна горький опыт национал-социалистической Германии ^[1].

Но вернемся к основной теме наших заметок — «Томас Манн и математика» - и подведем некоторые итоги. В руках мастера любой предмет, любое понятие могут стать средством создания литературного произведения. Математика — не исключение. Мы видели, как у Томаса Манна она служит для характеристики героев, является материалом для авторской иронии, выступает элементом сюжетной канвы, участвует в построении структуры произведения... *«Ясноглазая богиня математики»* излечивает от пороков, охлаждает излишние страсти. Она посредник *«между науками гуманистическими и практическими»*, проводник в мир *«чистых идей»*.

Конфликт живой, теплой неупорядоченности и застывшего, холодного порядка — сквозная тема творчества писателя. Казалось бы, математика, вносящая в мир систему, олицетворяющая *«меру, число, вес»*, тоже противостоит жизни, ее непознанной магии и тайне. Но введенный с картины Дюрера в роман *«Доктор Фаустус»* магический квадрат ломает эту простую схему. Этот математический объект символизирует тайну создания музыкального произведения, одновременно являясь противоядием от страшной меланхолии и тоски, убивающих все живое и толкающих человека к союзу с дьяволом. *«Слияние разума с магией»* — вот чем оказывается математика у Томаса Манна. Думаю, что многие математики с ним согласятся.

(продолжение следует)

Примечания

[1] Подробнее см. в книге *Panofsky Erwin. Das Leben und die Kunst Albrecht Dürers. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt 1977, S. 209.* В дальнейшем ссылки на эту книгу будут даваться в круглых скобках с указанием слова Panofsky и номера страницы или номера иллюстрации.

[2] *Фасмер Макс.* Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Изд-во «Прогресс», М. 1987

[3] Подробнее об этом см. в моей статье *Беркович Евгений.* Похвала точности, или О нетривиальности тривиального. «Заметки по еврейской истории», №7(110) 2009.

[4] См., например, *Waetzoldt Wilhelm. Dürer und seine Zeit. Büchergilde Guttenberg, Frankfurt a. M. Новое издание Phaidon Verlag, Zürich 1953, S. 104.* В дальнейшем ссылки на эту книгу будут даваться в круглых скобках с указанием слова Waetzoldt и номера страницы.

[5] Гравюра воспроизведена, например, в книгах (Panofsky, илл. 229) и *Klibansky Raymond, Panofsky Erwin, Saxl Fritz. Saturn und Melancholie. Suhrkamp Verlag, Frankfurt a.M. 1990,*

илл. 110. В дальнейшем ссылки на эту книгу будут даваться в круглых скобках с указанием слова Klibansky и номера страницы.

[6] *Dürer Albrecht. Underweysung der messung mit dem zirckel und richtscheyt in Linien ebenen unnd gantzen corporen.* Hieronymus Andreae, Nürnberg 1525.

[7] Выражение «мера, число и вес» встречается в самых разнообразных источниках. Например, у Платона в «Диалогах», у Еврипида в «Финикиянка», у Августина в «Творениях», в «Книге премудростей Соломона» и др. По-видимому, это выражение восходит к толкованию пророком Даниилом знаменитой надписи на стене «мене, текел, упарсин» на пиру у Вальтара (Дан. 5:26-28)

[8] Mann Thomas. *Tagebücher 1940-1943*, herausgegeben von Peter de Mendelssohn. S. Fischer Verlag, Frankfurt am Main 1982, S. 565. Фамилия автора монографии о Дюрере в публикации дневника Томаса Манна приведена с ошибкой: Waezoldt вместо Waetzoldt.

[9] Ганс Пфицнер (Hans Erich Pfitzner, 1869-1949) — немецкий композитор, дирижер, музыкальный писатель и публицист.

[10] *Mann Thomas. Briefe 1848-1955 und Nachlese.* Hrsg. von Erika Mann. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1965, S. 29.

[11] Более подробно о музыке под знаком Сатурна можно прочесть в основательной статье *Borchmeyer Dieter. Musikim Zeichen Satums. Melancholie und Heiterkeit in Thomas Manns „Doktor Faustus“.* In: *Thomas Mann Jahrbuch. Band 7.* 1994. Vittorio Klostermann GmbH, Frankfurt a. M. 1995.

Наталья Тихомирова (Шальникова)

МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ ИЗ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Я проработала в Институте Кристаллографии почти всю свою научную жизнь до пенсии. Эти маленькие истории написаны давно, некоторые лет 20 тому назад. Посылала их тем сотрудникам института, которые еще могли об этих историях помнить. Теперь боюсь, что вспоминать о них уже почти никому. Но мне хочется, чтобы эти истории прочитали, вспомнили старые времена и посмеялись.

Служебный роман

Зал был полон. Я давно не видела некоторых сотрудников института. Они обычно не посещали ни Ученые советы, ни вечера, ни профсоюзные собрания. А тут пришли все! Должно было слушаться персональное дело. Сотрудница института с известной академической фамилией забеременела от лаборанта, с которым налаживала какую-то рентгеновскую установку, а он жениться не предлагал и ребенка от нее не хотел. Не помню, как формулировалось происходящее, может быть "Персональное дело". За столом Президиума сидел секретарь парторганизации Иван Степанович Желудев, пострадавшая и ее унылый заведующий лабораторией Зиновий Григорьевич Пинскер. Было видно, что ему было крайне неприятно происходящее, но он лишь иногда глубоко вздыхал и смотрел куда-то поверх голов присутствующих. Суд начался с зачитывания заявления пострадавшей председательствующим секретарем парторганизации. Потом он сел и сказал, что можно приступать к обсуждению. Потерпевшая гордо смотрела на присутствующих. Присутствующие переглядывались и шептались в поисках виновника происшедшего. "Прошу задавать вопросы!" — с напором произнес Иван Степанович. Вопросов не поступало. И желая, по-видимому, стимулировать обсуждение, Иван Степанович спросил у потерпевшей: "Римма, а почему собственно Вы апеллируете к институтской общественности? Ведь насколько мне известно, виновник происшествия уже уволился из института".

И Римма гордо произнесла: "Как это почему к институтской общественности? А к кому я еще могу апеллировать? Ведь это произошло в рабочее время!" Зал замер на какое-то время, а потом раздался такой дружный хохот всего зала, что встрепенулся и захохотал даже унылый Зиновий Григорьевич. И гордая Римма стала смеяться вместе со всеми. После чего сидящие в Президиуме переговорили друг с другом и еще продолжающий смеяться Иван Степанович сказал: "Римма снимает свое заявление. И на этом повестку дня можно считать исчерпанной!". Римма вскоре уволилась из института, дальнейшая судьба ее мне неизвестна, а эта история, рассказываемая в разных вариантах, еще многие годы веселила сотрудников института.

Люся

Как же она была хороша в 1958 году, когда я с ней познакомилась! Красотка! Жар-птица на фоне серых мышек — институтских сотрудниц! Для меня она олицетворяла стандарт американский красоты тех далеких лет — хорошенькая, курносенькая, с прекрасными белокурыми волосами, ну настоящая Мэрилин Монро, но еще при этом образованная, умная, с прекрасным чувством юмора. Я впервые ее увидела на одном из Ученых Советов в нашем Институте Кристаллографии, в то время еще находившимся в Пыжевском переулке. Мест в зале не было, и, взглянув на меня с улыбкой, Люся любезно уступила мне часть стула. Мы сразу подружились. Она только что окончила физический факультет МГУ и получила распределение в Институт Кристаллографии, а я уже год после окончания физфака МГУ проработала в Институте твердых сплавов. Мы с ней были еще лаборантами в своих лабораториях, практически своих научных тем не ввели. Я была замужем, но детей еще не имела, Люся — свободна. Времени после работы у нас было много, и мы часто с ней ходили в консерваторию и театры. Муж мой был этому очень рад, так как это позволяло ему не чувствовать себя виноватым, часто работая до глубокого вечера.

Я подружилась и с Люсиным отцом — еще очень красивым и статным капитаном дальнего плавания Иваном Александровичем. Нас сдружила обоюдная любовь к собиранию грибов в дальнем и ближнем Подмосковье. А мать Люси нас с ним всегда очень вкусно кормила после таких походов.

Люся прекрасно говорила по-английски, что в то время было исключением. Большинство сотрудников изучало в школах и институтах в то время немецкий язык. Разговаривая со мной по-английски, Люся помогла мне быстро восстановить и давно забытый мною разговорный английский язык. Помню, как я очень удивила свою довоенную учительницу Сильвию Эдуардовну тем, что за короткий срок я стала прилично говорить по-английски. Все это — благодаря встречам и болтовне по-английски с Люсей.

Люсю и меня стали привлекать для помощи англоговорящим иностранцам во время проведения различных международных конференций, семинаров и съездов, которых во времена хрущевской оттепели было в Москве очень много. Я так осмелела, что даже дважды попробовала себя в сложном синхронном переводе. Сначала эта работа мне очень нравилась, я с удовольствием общалась с иностранцами, стараясь им помочь в трудностях и особенностях необычной для них советской жизни, но вскоре я поняла, что обязана поддерживать в разговорах с иностранцами только положительный образ Советской страны. Мне это стали настоятельно рекомендовать появившиеся у нас с Люсей "начальники". Это произошло не сразу. На первых международных конференциях никаких "начальников" над нами не было. Но когда для обслуживания Международного конгресса по астрономии астрономов-академиков, членов оргкомитета и переводчиков стали инструктировать "люди в штатском", я поняла, что последний раз в этом участвую. На этом наши с Люсей дороги разошлись. Я — родила дочь Катю, стала активно интересоваться своей научной работой. А Люся все больше и больше погружалась в контакты с иностранцами, несмотря на мое дружеское предостережение. Но я продолжала общаться с Люсей, которую полюбила, была в курсе ее многочисленных романов, искренне жалела ее в неудачах и неоправдавшихся надеждах. Я знала, если Люся не звонит и не заходит, то у нее очередной роман. Но все ее романы, начинавшиеся

бурей страстей, быстро заканчивались. Она же всегда после очередной неудачи появлялась в моей комнате в институте, как будто и не прошло каких-то полгода с нашей последней встречи.

Ей было трудно в жизни. Тот уровень и образ жизни, который был создан для нее родителями, ни в какой мере не мог быть удовлетворен получаемой в институте зарплатой. Ей всегда не хватало денег. "Левые" частные переводы оплачивалось смотхотворно. Институтское же начальство старалось использовать Люсю, вообще ничего не платя, а предлагая компенсировать ее работу соблазнительными заграничными поездками. Но часто все это заканчивалось только обещаниями или прямым обманом. Люся не была замужем, не состояла в партии. Два таких существенных "недостатка" делали ее почти "невъездной". А ей так хотелось где-то в еще неведомых ей "заграничных" странах получить так необходимое ей уважение и восхищение, которого она была лишена в своей повседневной жизни. Хотя Люся защитила кандидатскую диссертацию, работа в лаборатории не доставляла ей удовольствия. Личная жизнь тоже не складывалась. Я видела, что Люся все больше и больше становится несчастной. Умер от тяжелой болезни любимый отец. Хотя Люся чрезвычайно была загружена переводами, я чувствовала, что она в глубоком кризисе. А тут еще старение, перестройка, отсутствие денег и надежд на быстрое улучшение жизни...

Все иностранные ученые, которым Люся помогала, все, без исключения, были в восхищении от Люси. Красота, юмор, тонкое знание английского языка, быстрая реакция, все вызывало у иностранцев доверие и симпатию. Думаю, что это не нравилось нашему институтскому начальству, но другой Люси под рукой не было. Сотрудники же института, наверно, подозревали Люсю в связях с КГБ. Уж больно часто она переводила в самых "высоких" инстанциях. Помню посещение Маргарет Тэтчер нашего института в 1987 году. Большинство сотрудников института даже были закрыты на этажах, "отказников" и подавших на эмиграцию "дружески" попросили в этот день на работу не приходить, а Люся присутствует на всех фотографиях среди самого высокого начальства. Возможно, что от меня Люся скрывала степень своей "лояльности" к сильным мира сего, но эту тему мы с ней никогда не обсуждали.

О Люсином странном браке я узнала от нее не сразу. Рассказала, что ее муж живет в Швеции, много старше Люси, почти ровесник ее матери, познакомился он с Люсей за много лет до этого, когда приезжал вместе с женой в СССР. Овдовев, он сделал Люсе официальное предложение выйти за него замуж и уехать жить в Швецию. Люся ничего не говорила о своих чувствах, ни о какой любви не было и речи, она прозаично интересовалась лишь формальными последствиями такого брака. Ко времени нашего разговора об этом, она уже приняла решение, и мне предстояло только с ним согласиться. Я знаю, что она много раз после этого ездила в Швецию, но каждый раз на короткие сроки и не решилась переехать полностью. Может и к лучшему. Впрочем, что может быть "к лучшему" для Люси... Муж отправил ее покататься и отдохнуть на Кипре, а по возвращении в Стокгольм, не встретил, как обещал в аэропорту. Войдя в квартиру, она застала его мертвым, в кресле, с газетой в руках. Он умер от сердечного приступа, а рядом никого не было. Кажется, у него были взрослые дети, и Люсю ждали не самые приятные наследственные проблемы. Люся огорчалась, но в ее сожалении я не чувствовала ничего, кроме потери возможности свободно приезжать в Швецию...

Последние годы Люсиной жизни прошли без меня. Я переехала в Америку, но по семейным обстоятельствам продолжала бывать в Москве. Появилась элек-

тронная почта, и мы с Люсей стали переписываться. Ее письма были мрачными, а все окружающие ее люди казались ей врагами, работа — бессмысленной. Я пыталась ее как-то утешить.

В один из моих приездов в Москву Люся предложила отвезти меня на своем "Москвиче" к одному нашему общему знакомому в Переделкино. Мы договорились встретиться у метро "Университет". Я давно не видела Люсю, может быть 3-4 года. Меня потряс ее внешний вид. Едва доходящая до середины ляжек короткая юбка, очень открытая на груди откровенно обтягивающая кофта, на которой блестяли на нескольких цепях какие-то кресты, распущенные по плечам крашенные светлые волосы, багровая помада на губах — и это Люся, моя такая красивая Люся? Она казалась страшной ведьмой из сказки... Я помню свое смущение. Я всеми силами старалась не показать ей, что мне не нравится ее внешний вид. Сердце мое разрывалось от жалости.

В 2005 году я приехала в Москву отмечать 100-летие отца. Люся предложила мне остановиться в квартире ее недавно умершей матери, но по ряду причин я не смогла воспользоваться этим. При первой же возможности, я позвонила. Трубку никто не взял, хотя это было поздно вечером. Что-то тревожило меня. Я позвонила утром — ответа не было. Звонила еще несколько раз, но безуспешно.

На следующий день я узнала, что Люся внезапно умерла от инсульта в своей однокомнатной квартире.

Глубокое чувство вины не оставляет меня до сих пор, хотя я понимаю, что никакая моя помощь, никакие советы не могли бы помочь Люсе. Она была "кошка, которая ходит сама по себе". Конец еще одной нереализованной жизни. Она была так не похожа на других, а это то, чего не признает тяжелое до сих пор "совковое" общество. Оно несет на себе вину за такие сломанные судьбы.

Вспоминаю нас с ней веселых, молодых, смеющихся над порядками, соблюдения которых от нас требовали какие-то организаторы Международного конгресса по астрономии в 1957 году, где мы работали переводчиками. Развязный молодой человек, явно по виду «не астроном», попросил нас собирать в принесенную им «папку» заявления от участников конгресса на встречу с иностранцами и с перечислением всех гостей, которых хозяева собирались пригласить к себе домой. Т.е. донос не только на себя, но и на всех своих друзей и сотрудников. Мы не могли с Люсей поверить, что такое произойдет. Но на следующий же день уважаемые ученые стали приносить и почти насильно сдавать нам такие листки. Сам же «не астроном» появился только через несколько дней. До его прихода с согласия Люси я порвала эти бумаги. А «не астроному» мы сказали, что никто ничего нам не принесил. Может этим мы спасли не одну, не хочу думать жизнь, но уж карьеру — точно.

О трагикомедии в науке

В то время, когда произошла эта трагикомическая история, я работала в группе Сергея Стишова в Институте Кристаллографии АН СССР и занималась высоким давлением. Нам предложили одну исследовательскую работу, связанную с прессованием образцов. Эту работу поручили выполнить мне. Образцов было очень много, и все они были из разных экспериментальных партий. Для каждого прессования требовалось использовать мощный пресс, и собирать и разбирать сложную экспериментальную камеру. Все это создавало дополнительную работу для механиков и занимало много времени. И стала я думать и думать, как бы упростить и ускорить

такую работу. Разные по свойствам образцы были все одинаковых размеров. Необходимо было, сохранив их маркировку, опрессовать каждый в общей камере. Хорошо бы использовать какую-то мягкую, передающую давление мягкую оболочку. Резина — подходит. Заворачивать каждый образец в маленький кусок резины? А нет ли чего-то попроще? И тут мне пришла в голову идея — использовать презервативы. Механики лаборатории с ядовитыми намеками в мой адрес согласились попробовать. Первые же опыты прошли успешно, облегчив работу и сроки ее выполнения. Но заказчики стали требовать большего: прессовать при большем давлении и при повышенных температурах. И, увы! изделия баковского завода резиновых изделий этого экзамена на прочность не выдержали. Других изделий в продаже в аптеках Москвы не было. Надо сказать еще, что только за бутылку спирта мой механик соглашался покупать в нескольких аптеках презервативы в требуемом для нашей работы количестве. Мое обращение к приятельницам и приятелям по этому вопросу вызвало некоторое недоумение. Особенно со ссылкой, что это необходимо для моей успешной работы. И поехала я в Баковку на завод резиновых изделий. Подписав без проблем у нашего директора гарантийное письмо об оплате по безналичному расчету, я смело отправилась в путь. Директор завода принял меня очень благожелательно. Наверно, из Академии Наук к нему не часто обращались. Взяв в руки гарантийное письмо, он любезно произнес: «Ну, и чем мы можем вам помочь?» Я так уже привыкла к использованию баковских изделий не по их прямому назначению, что без тени смущения ответила, что их изделия не отвечают требуемым для нас параметрам. У директора это вызвало приступ неудержимого смеха: «Да где же вы находите таких пользователей?» Тут я и сама растерялась. Я ведь просто хотела узнать, нельзя ли изготавливать эти штуки из более прочной и жаростойкой резины.

Отказ директора меня очень огорчил. Желая меня утешить, директор позвал секретаршу, взял у нее ключ от большого шкафа в своем кабинете, открыл его и показал мне свою коллекцию презервативов со всего света. Чего там только не было... Ясно было, что такую коллекцию надо было держать под замком. С большим интересом и с подробными объяснениями директора я все просмотрела. Но ни с одним из коллекционных образцов директор расстаться не захотел. «Да еще не по назначению» — прокомментировал он.

В это время моя сестра с мужем жили в Праге. Я попросила ее прислать мне несколько разных вариантов чешского производства. Просьба ее никак не удивила. Она тоже занималась научной работой... Вскоре я получила от нее посылку. Образцы самого распространенного вида оказались идеальными. Они отвечали всем нашим требованиям. Механики требовали от меня разрешения пользоваться ими до опытов, но я запрещала категорически. Мы их многократно использовали, мыли, чистили и развешивали по всей комнате для сушки. И так к этому привыкли, что удивлялись некоторому смущению командированных. Когда мои родители поехали навестить сестру в Прагу, я попросила ее прислать мне побольше чешских изделий. Просила не говорить об этом родителям, чтобы не вызывать у них лишних вопросов. Сестра купила целую коробку, аккуратно заклеила ее и просила родителей передать ее мне в «подарок». Родители возвращались из Праги поездом. На границе в их купе зашли советские таможенники и попросили открыть чемоданы. «А что у вас в этой коробке?» — «Это подарок дочери от ее сестры». «А что в ней?» — «Мы не знаем» «А разве вы не знаете, что нельзя ничего везти для передачи третьим лицам? Вскрывайте». Далее следует немая сцена. Всю оставшуюся дорогу отец требовал от мамы объяснений, что со мной происходит, и почему мне требу-

ется такое количество презервативов. Бедная мама могла придумать только одно объяснение — для подарков. «Ну, потому, Шурик, что они лучшего качества, наверно» — смущенно объясняла моя скромная мама. Возмущению отца не было предела. Но это позволило нам быстро закончить договорную работу. Остатки презервативов были розданы механикам и друзьям в подарок.

Но на этом их история не заканчивается. Чешские эти изделия продавались в пластмассовых коробочках. На коробочках было написано «Экстра». И надо же мне было сохранять эти красивые пустые пластмассовые коробочки в ящике своего письменного стола в лаборатории.

1964 год. Институт Кристаллографии участвует в Международном конгрессе по росту кристаллов. Наша лаборатория активно в нем участвует. Научный сотрудник Елизавета Николаевна Емельянова занималась выращиванием кристаллов в гидротермальных условиях. Я очень хорошо помню ее. Она была очень аккуратна, педантична и принадлежала к старой школе кристаллографов. Мы с ней дружили. Она мне показывала и читала письмо, полученное ей от ее бывшего руководителя, с которым она была еще студенткой в экспедиции, много — много лет тому назад. «Дорогая Елизавета Николаевна, пишу книгу о нашей экспедиции. Помню, что Вы в ней участвовали, но не могу вспомнить, находились ли Вы со мной тогда в близких отношениях. Если да, то прошу Вас прислать мне свою фотографию того времени». Елизавета Николаевна зашла ко мне в комнату. «Наташа, нет ли у Вас каких-нибудь пустых коробочек для демонстрации моих кристаллов на Международной конференции? У меня нет ничего подходящего» — «Посмотрите у меня в ящиках стола». — «Какая прелесть! Как раз то, что мне нужно. Можно я возьму несколько штук? А от чего они?». Я сказала, что от какого-то лекарства. Не хотела смущать ее словом «презерватив». Елизавета Николаевна взяла несколько штук коробочек и счастливая удалилась. Механиками был сделан роскошный стенд: в приклеенных на толстый картон пластмассовых коробочках с закрытыми крышками на черном бархате ждали своего часа для демонстрации образцы новых кристаллов, выращенных Елизаветой Николаевной...

Конгресс проходил в Доме Ученых на Кропоткинской улице. Я в нем не участвовала. В тот вечер я уже собиралась идти домой, когда дверь в мою комнату распахнулась и на ее пороге застыла в негодовании возбужденная Елизавета Николаевна. Ее возмущению не было предела: «Наташа, я никогда Вам этого не прощу. Вы скомпрометировали меня перед всем научным миром, перед сотрудниками нашего института, перед и-н-о-с-т-р-а-н-ц-а-м-и! Как Вам не стыдно! Что теперь обо мне будут думать?» Оказалось, что в первых рядах слушателей доклада Емельяновой сидели «ростовики» из Брно, Братиславы и Праги, которым хорошо были известны коробочки, которые красовались на стенде бедной Елизаветы Николаевны. Ее стенд вызвал у них дружный смех, а за тем и смех всей аудитории. Никто не мог поверить, что «наша скромная Елизавета Николаевна — не может быть!» Ссора была недолгой. Елизавета Николаевна была человеком с хорошим чувством юмора, и меня простила. Через несколько дней мне позвонили и попросили зайти в Дирекцию, к заместителю директора Леониду Михайловичу Беляеву. Вальяжный был мужчина, его украшало даже его необычное заикание и малопонятные речи. «Мне передали, что у Вас много изделий из Праги. Как Вы их получаете?» «А Вам коробочки нужны пустые или полные?» — с вызовом спросила я. «Конечно, полные» И я поверила институтским сплетням о его романе с одной важной партийной дамой нашего института. Вот, как много комедии и трагедии было в нашей научной жизни.

Реструм для Маргарет Тэтчер

Март 1987 года. Москва, Ленинский проспект 59. Институт Кристаллографии АН СССР. Известие о том, что наш институт посетят какие-то знатные гости, мгновенно распространилось, хотя было "страшным" секретом. Скрыть такое было невозможно, т.к. все институтские службы забегали и заработали с невероятной активностью. И, ко всеобщему недоумению, подготовка началась с закрытия женских туалетов на первом и пятом этажах институтского здания. Завезли невиданную для всех нас тогда красивую керамическую плитку, голубые унитазы и огромные зеркала. А после этого капремонта туалеты запечатали. Кто же должен нас посетить? Все сошлись во мнении, что это может быть только жена генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева — Раиса Максимовна. Более значимых женщин в СССР в то время не было. Но зачем Раисе Максимовне посещать наш институт? Да еще и пользоваться нашими туалетами? Научные сотрудники пришли к выводу — по-видимому, наше СКБ (Специальное Конструкторское Бюро) выращивает какие-то привлекательные для Раисы Максимовны ювелирные кристаллы.

Однако через несколько дней из "хорошо информированных" источников стало известно — нас посетит Маргарет Тэтчер! Железная леди Великобритании! Вот так сюрприз! И с чего бы это?

Чтобы это понять, обратимся к событиям в нашем институте за пару лет до этого. Директор института академик Вайнштейн был не чета замечательному основателю и многолетнему директору института академику Алексею Васильевичу Шубникову. Тот, беспартийный, независимый и смелый, не позволил уволить и репрессировать ни одного сотрудника института в жуткие годы послевоенного антисемитизма, зачислил членом Ученого Совета отправленного в опалу Капицу, брал на работу детей репрессированных и вернувшихся после ссылок научных сотрудников. А сильно партийный Борис Константинович Вайнштейн был сверхосторожным и трусливым человеком. При нем в Институт евреев трудно было попасть даже на должность лаборанта — мыть химическую посуду. Дочь моей подруги не смогла поступить на химический факультет, и для нее искали работу по специальности. Я знала, что эта девочка очень исполнительная и готова была ее порекомендовать. Спросила ведущую сотрудницу лаборатории Вайнштейна — не нужна ли им хорошая лаборантка? Узнала, что нужна, и, обрадованная, пошла звонить своей подруге. Но не успела я дойти до конца коридора, как взволнованная сотрудница Вайнштейна Галя догнала меня. Очень смущенная, покрасневшая, она спросила меня: "Ты не знаешь национальности этой девочки?" — "Неужели даже для мытья химической посуды национальность важна?" — "Ты знаешь, нам в лабораторию лучше не принимать на работу евреев. Ну, знаешь, директору это могут ставить в упрек — берет своих". "Успокойся, она — русская. Но я не буду рекомендовать ей поступать в вашу лабораторию — не хочу портить хорошую юную душу".

Лаборатория Вайнштейна многие годы сотрудничала с Дороти Ходжкин, известным химиком из Англии, лауреатом Нобелевской премии. Ходжкин была членом Исполкома Международного Союза кристаллографов и посещала наш институт. Работали в Англии у Ходжкин и сотрудники из лаборатории Вайнштейна. Ну, конечно, самые проверенные и партийные. Одного такого послали, а он не захотел возвращаться обратно. И Ходжкин, и Вайнштейн умоляли его вернуться, но он не захотел. Дальнейшая его судьба мне неизвестна, но наш институт пострадал

изрядно. Райком партии метал громы и молнии: никаких заграничных командировок, никаких международных обменов, а в субботник... — всех на уборку Черемушкинского рынка! Выдать всем "этим ученым" по метле для уборки! Наш заведующий лабораторией Лев Александрович Шувалов требовал 100% явки от сотрудников и грозил всевозможными санкциями. Нельзя было даже сослаться на плохое самочувствие. Директора нельзя было подвести!

Наверно, в чьей-то умной голове тогда и родилась мысль о возможной помощи нашему институту доброй Дороти Ходжкин. Ведь премьер-министр Англии "железная леди" Маргарет Тэтчер, которую так уважал Михаил Сергеевич Горбачев, была ученицей Ходжкин, кончала химический факультет Оксфордского Университета и даже короткое время работала химиком, изучая свойства каких-то целлюлозных пластмасс.

Что происходило в институте! Расстилали ковровые дорожки, отремонтировали и обновили новой мебелью кабинет директора и его секретарши, освободили и отремонтировали несколько комнат, куда внесли важные, по мнению дирекции, установки. Нашей группе тоже предложили продемонстрировать "красивые картинки" двигающихся сегнетоэлектрических доменов. Но оказалось, что показывать нашу установку должны были не мы. От нас потребовали две страницы английского текста об этом, чтобы затем передать их какому-то человеку, который придет к нам и "отрепетит" эксперимент. Мы от такого унижения отказались. С трудом отбились.

Настал день 28 марта 1987 года. С раннего утра к входу в Институт подъехали поливальные машины, заправленные горячей водой, и рабочие начали смывать из брандспойгов горы черного тающего снега в радиусе нескольких десятков метров от главного входа в Институт. Сотрудников закрыли на этажах. Нескольким сотрудникам, подавшим на эмиграцию в Израиль, запретили в этот день приходиться на работу.

Я влезла на подоконник, чтобы увидеть происходящее — наше окно выходило прямо на главный вход в институт. Кавалькада черных машин в сопровождении мотоциклистов торжественно подъехала к входу. На крыльце уже полчаса ее ожидали с десяток человек: все без пальто, хотя было довольно холодно. Я узнала только директора. Остальных никогда не видела. Элегантная, в строгом костюме, Маргарет Тэтчер легко поднялась по ступеням и пожала всем встречающим руки. Дальнейшее мне не известно. Я видела лишь, как милиция отгоняла любопытных от черной машины и от мотоциклистов, которым пришлось простоять в напряженном ожидании пару часов. Знаю еще, что почти все встречавшие и провожавшие простудились.

Неизвестно, воспользовалась ли Маргарет Тэтчер нашими роскошными туалетами. Туалеты имени Маргарет Тэтчер, как все стали называть их, так сильно отличались от туалетов на других этажах института, что посещение их совмещало необходимость с развлечением. Но это продолжалось недолго. Сначала пропали зеркала, потом унитазы заменили на обычные, плитка частично тоже исчезла... Зато с Института проклятие сняли, институт перешел в "любимчики", фотография директора снова появилась среди лучших людей нашего района на маленькой площади против входа в Парк культуры и отдыха на Ленинском проспекте. А сотрудников перестали отправлять на субботах чистить рынок. Спасибо Дороти, спасибо Маргарет — великие женщины!

Мало осталось в институте тех, кто помнит этот маленький эпизод. Но, как оказалось, благодаря великой женщине, он вошел в анналы истории, а оттуда проник и на просторы интернета. "В ходе последнего визита М. Тэтчер в Москву одним из приятных сюрпризов стало для нее посещение Института Кристаллографии

Академии наук СССР. Высокую гостью тепло встретили ученые, специалисты. Беседа с ними напомнила британскому премьеру ее молодость: Тэтчер по образованию — химик, выпускница химического факультета Оксфордского университета. Одним из любимых ею преподавателей была Дороти Ходжкин. Лауреат Нобелевской премии, удостоенная в мае 1987 года и Международной премии мира. Портрет Ходжкин можно видеть в домашнем кабинете Тэтчер, и она не раз говорила, что очень обязана этой женщине, ибо именно она научила ее использовать научные методы в работе, что весьма важно не только для университетского профессора или сотрудника исследовательской лаборатории, но и для полигика.

Возвращаясь из Института в британское посольство на Софийской набережной, Тэтчер была в приподнятом настроении. Ей льстило, что известный в научном мире Институт, входящий в систему советской Академии наук, присвоил ей степень почетного доктора. "То, что произошло сегодня, — это признание той роли, которую многие ученые Запада и Востока вместе с политиками играют в борьбе за стабильность и мир", — говорила она. А поднявшись на парадное крыльцо посольства, она остановилась и долго смотрела на ярко блиставшие под лучами солнца золоченные купола соборов Кремля. "Как мне нравится этот вид! Когда я бываю в Москве, всегда люблюсь из окон посольства вашим Кремлем. В прекрасном районе города наше посольство..." (<http://womensworld.com.ua/>)

Остался след и в анналах Института кристаллографии:

Получено в 2К МИД СССР
из Посольства Великобритании
13 апреля 1987

Уважаемый господин Вайнштейн,

Я весьма благодарна Вам за организацию моего посещения Института Кристаллографии. Я была совершенно очарована и единственное, что меня огорчило, это недостаток времени, чтобы должным образом ознакомиться с той работой, которую Вы проводите в Институте. Как Вы знаете, с самого первого момента обсуждения программы моего визита в Советский Союз я интересовалась возможностью посещения Вашего института, и действительность превзошла все мои ожидания.

Я была бы признательна, если бы Вы передали мою горячую благодарность Вашим коллегам и сотрудникам Института.

Шлю Вам мои наилучшие пожелания.

Искренне Ваша
Маргарет Тэтчер

(из книги "Институт кристаллографии АН СССР им. А.В. Шубникова 1943-2003». стр.145)

1977 год. «Сложная обстановка в Институте Кристаллографии»

Разбирая свой архив, я обнаружила документ, который вернул меня в исчезнувшую — советскую — цивилизацию, и который, надеюсь, поможет совершить такое путешествие и тем, кто ее забыл или уже не застал.

Разрешив евреям уезжать из СССР в Израиль в 1970 году, советское руководство не ожидало массового исхода. В 1970 году выехала всего одна тысяча человек, в

1971 году более 10 тысяч, а в 1973 году уже более 30 тысяч. И никакие последующие ужесточения правил выезда не смогли остановить этот поток. Не только евреи, но и другие советские люди тоже хотели улизнуть в эту тоненькую щель бегства из лучшей в мире страны развитого социализма. Заключались фиктивные браки с евреями, покупались фиктивные паспорта с «пятым пунктом». Евреи стали «нарасхват». Советская власть по-настоящему испугалась. Усложнить отъезд, создав почти непреодолимые по трудностям условия выезда? Это было сделано. С 1975 по 1977 выезжало в год всего по 13 тысяч человек (по данным Марка Тольца «Демоскоп weekly», № 303-304, 1-14 октября 2007). У Советской власти оставалось еще одно «оружие». Из евреев стали делать «врагов народа». Отделы кадров перестали принимать евреев на работу, и можно было услышать: «Я его возьму, а он подаст на выезд!» По этой же причине перестали принимать еврейскую молодежь в престижные ВУЗы. Росла ненависть, и бытовой антисемитизм снова стал давать свои грязные всходы.

Заработали обкомы и райкомы, рассылая во все организации инструкции и рекомендации. Вот в это время и появился на обязательном для посещения сотрудниками Института методологическом семинаре присланный райкомом просветитель — лектор Рыжиков. Но не учел, как ему было потом разъяснено в райкоме, «сложной обстановки в данной организации», и он был отправлен продолжать читать свои лекции на заводах, в рабочие коллективы.

В чем же заключалась «сложная обстановка» в институте Кристаллографии АН СССР? В аудитории среди слушателей лекции Рыжикова было много евреев. Объясняя слушателем, как сионизм может проникнуть в душу человека через символы, лектор, достав из портфеля приклеенную на картонку упаковку от болгарских замороженных овощей, где над тарелкой была изображена шестиконечная звезда, лектор многозначительно добавил: «и снежинки падают шестиконечные...» и под смех и призывы: «Отменить гексагональную сингонию!», хотел уже покинуть аудиторию. Но бесстрашная молодая женщина — младший научный сотрудник Татьяна Волк стала задавать острые вопросы лектору, обвиняя его в антисемитизме.

Присутствующие на лекции партийные институтские боссы быстро прекратили дискуссию. Все последующие дни институт мрачно «шумел». Из письма ко мне из Израиля от бывшей сотрудницы института: «На семинаре в 1977 году я была, впечатление абсолютно незабываемое, помню яркие детали. Таня Волк была на высоте, но, к сожалению, единственная, кто выступил. Все остальные, включая меня, предпочли отмолчаться, за что до сих пор мне очень стыдно. (Я сидела и думала: надо уезжать, изменить эту страну невозможно)».

А Татьяна Волк продолжила свой протест. Она написала письмо в партбюро.

В партийное бюро Института Кристаллографии АН СССР
от мл.н. сотр. лаб. фазовых переходов, канд. физ.-мат. наук
Т.Р. Волк

ЗАЯВЛЕНИЕ

16 марта 1977 г. на объединенном заседании общественно-политических семинаров ИКАН СССР доктором исторических наук Рыжиковым была прочитана лекция «Сионизм и его реакционная сущность».

Эта лекция носила неприкрытый оголтело-шовинистический характер, как по содержанию, так и по форме. Попытаюсь обосновать свое утверждение.

1. Лекция была проникнута воинственно-враждебным отношением к США, достойным, насколько я себе представляю, самых активных пропо-

ведников «холодной войны» в этой стране. В частности, было открыто заявлено, что США — «наш враг номер один», с которым нам «не дай Бог, конечно, придется воевать» и что «народ должен знать своих врагов».

Такие заявления в период активно проводимой Советским правительством политики разрядки международной напряженности являются в лучшем случае политической ошибкой, свидетельствующей о крайней оторванности лектора от проблем современности. По-видимому, доктор исторических наук обязан различать понятия идеологической борьбы и военного конфликта.

2. Лекция носила характер пропаганды самого откровенного черносотенного антисемитизма, достойного печальной памяти «доктора» Геббельса. Она содержала как абсолютно недостоверные и намеренно искаженные факты, касающиеся истории и традиций еврейского народа, так и прямые антисемитские высказывания.

Основная мысль лектора сводилась к утверждению тождественности понятий «сионист» и «еврей» (в течение всей лекции лектор систематически произносил эти слова через запятую). Не было сделано никакой попытки провести грань между этими понятиями, объяснить их коренное различие. Напротив, для протаскивания этой реакционной идеи лектор сознательно фальсифицировал и извратил целый ряд исторических фактов. Приведу некоторые примеры.

Например. Было заявлено, что чрезвычайно благоприятным было положение евреев в царской России, так что 50% из 6 млн. евреев, проживающих в России, были кушачами 1 и 2 гильдий. Во время контрреволюционного восстания в Москве в 1917 году 50% восставших юнкеров, по утверждению автора, были евреями. Полагаю, что нет необходимости доказывать полное несоответствие подобных высказываний с событиями, имевшими место в действительности. Далее автор заявил, что «цель жизни еврея — приумножить свое достояние, сделать «гешефт» в соответствии с рекомендациями Ветхого завета и, что и в наше время в нашей стране «традиционное воспитание в еврейских семьях» предусматривает «каждо наживы, желание устроиться», «отсутствие моральных и этических норм».

Такие провокационные высказывания могут иметь и имеют только одну цель — разбудить отвратительное чудовище антисемитизма, посеять национальную рознь.

Наверно, нет необходимости напоминать, что антисемитизм, как один из наиболее испытанных методов реакции, был решительно осужден в основополагающих документах марксизма — ленинизма. Излишне также доказывать, что отождествление понятий «сионист» и «еврей» аналогично отождествлению понятий «фашист» и «немец». Все это должно быть известно доктору исторических наук, взявшему на себя смелость разрабатывать этот сложный актуальный вопрос.

Возникает недоумение: что помешало лектору объективно осветить эту проблему с марксистских интернациональных позиций — только ли абсолютная некомпетентность, свидетельством которой служат, в частности, приведенные выше высказывания, или же вполне определенная личная позиция, позиция воинствующего антисемита? Очевидно, этот вопрос должен быть рассмотрен соответствующими организациями.

В Постановлении ЦК КПСС «О повышении роли устной политической агитации в выполнении решений 25 съезда КПСС от 25 февраля 1977 г.» говорится, в частности о том, что «встречаются факты, когда партийные организации... поручают эту работу слабо подготовленным товарищам» и что «парткомы и партийные бюро должны привлекать квалифицированных лекторов». Лекция Рыжикова полностью противоречит рекомендациям этого Постановления.

В моем заявлении приведено лишь ограниченное число примеров возмутительного извращения фактов и безответственности лектора Рыжикова, но и малая часть свидетельствует о том, что содержание и стиль заслушанной нами лекции противоречат интернациональным принципам нашего государства, оскорбляют интернациональные чувства советских людей.

Считаю инцидент, произошедший на объединенном заседании семинаров ИКАН СССР, недопустимым. Надеюсь, что партийная организация ИКАН СССР открыто выразит свое отношение как к лекции, так и к личности лектора Рыжикова.

Прошу партийное бюро ИКАН СССР рассмотреть мое заявление.

Т.Р.Волк.

Из письма ко мне от Т.Р. Волк: «Сейчас даже не могу поверить, что я так владела партийно—советской демагогией! Мне очень стыдно из-за ссылок на марксизм-ленинизм».

Прошло много лет, уже нет ни Советского Союза, ни райкомов, ни обкомов. А «лекторы Рыжиковы» продолжают читать свои пропагандистские лекции на главных телеэкранах России. А россияне все продолжают и продолжают уезжать...

Конференция в Японии

В 1988 году в Японии должна была состояться Международная конференция по сегнетоэлектричеству. На этой конференции заведующий нашей лабораторией Л.А. Шувалов должен был делать один из основных докладов о наших новых работах. Вся лаборатория тщательно к этому готовилась, каждый стремился, чтобы и его работы стали известны специалистам со всего света. Поехать в Японию, чтобы самим участвовать в такой конференции, мы и мечтать не могли. Партбюро, дирекция, Иностранный отдел АН СССР, отдел науки ЦК — никогда на то, чтобы какие-то «просто» научные работники смогли поехать на конференцию за границу, особенно в капиталистические страны, разрешения не давало. Стояли единым строем против любой поездки желающих участвовать в конференциях по своей специальности хотя бы «научными туристами», т.е. за свой счет.

Все подготовлено, Л.А. Шувалов готов к поездке. И тут мы узнаем, буквально за день до выезда, что он не едет, не включен в делегацию. Раньше бы промолчали, как всегда бывало, но на дворе уже 1988 год! Сотрудники лаборатории пишут письмо Президенту АН СССР академику Г.А. Марчуку, требуя объяснений. И первый раз мы получаем ответ и результат: руководство УНС АН СССР принесло извинение Л.А. Шувалову, объявило выговор за плохую работу инспектору и зам. директору по международным связям ИКАН СССР, и было готово встретиться с коллективом лаборатории. К сожалению, в моем архиве не сохранилось

наше коллективное письмо, но сохранилось разъяснение зам. директора института по международным связям Ю. Водопьянова, зачитанное на нашем собрании:

«В 1985 году Л.А. Шувалов нарушил установленные требования о передаче кристаллов за границу. (Скорее всего дал какие-то образцы из выращенных в нашей лаборатории кристаллов для исследования коллегам из Польши или Чехословакии. Неофициальный обмен образцами без оформления был общепринятой практикой, но кто-то донос). В связи с этим дирекция Института решила не рекомендовать его в загранкомандировки; учитывая положительную характеристику Льва Александровича, он уже в сентябре 1987 г. выезжал в ПНР, а в январе 1988 г. в СФРЮ. Следует, однако, отметить, что отчеты о поездках в ПНР и СФРЮ Л.А. Шувалов сдал только 4 июля 1988 г. после неоднократных напоминаний иностранной комиссии и лично директора Института, а также приостановления в связи с этим его выездного дела в Японию. В результате его выездные документы были отправлены в ООФА позже установленных сроков — 01.07.1988 г., тогда как на остальных членов делегации — более, чем на 3 недели раньше — 07.06.1988 г. Это первая, хотя и субъективная причина, повлиявшая на последующие события, т.к. в конечном счете, оказалось, что основную роль сыграл дефицит времени.

Вторая причина состояла в том, что Институт не указал в характеристике упомянутый факт нарушения 1985 года. В связи с этим УНС АН СССР вынуждено было запросить подтверждение характеристики с указанием факта нарушения. Когда 12 августа (выезд в Японию планировался на 20.08.88) подтверждение было получено инспектором УНС АН СССР, у него уже было решение выездной комиссии и ЦК КПСС по всей делегации. Последнее, по видимому, послужило причиной тому, что инспектор М.Ж. Михайлов, не отправил новую характеристику Л.А. Шувалова в эту выездную комиссию. Учитывая, что инспектор не принял мер для получения решения о выезде Л.А. Шувалова, а просто подшил подтверждение характеристики в дело, а также то, что он не сообщил об отсутствии положительного решения о выезде Л.А. Шувалова руководителю делегации К.С. Александрову и Л.А. Шувалову, руководство Управления Научного сотрудничества АН СССР объявило М.Ж. Михайлову выговор. Руководство УНС АН СССР принесло Л.А. Шувалову свои извинения и готово встретиться с коллективом лаборатории, обратившимся с письмом к Г.И. Марчуку. Ю.Н. Водопьянов».

Из воспоминаний об этой истории: «Уточню, и это важно! Шувалову сообщили о непоездке не накануне, а непосредственно в аэропорту за 3 часа до вылета, когда привезли из УВС все паспорта, кроме его паспорта. Он шел мне навстречу с чемоданом и плакал! Я это видела собственными глазами. И еще я бы подчеркнула, что это был не «хрен собачий», а заслуженный деятель науки, фронтовик, орденносец и организатор этого самого Симпозиума, который существует и по сей день. Помню еще, что Водопьянов нам пенял, что мы «подали» письмо «мимо него», как он сказал, «сотрудника органов безопасности».

Попробую попытаться разобраться в официальном ответе на наше письмо.

Характеристики для сотрудников носили формальный характер, со стандартными формулировками, а в текст никогда не включались сведения о каких-либо провинностях командированного. Каждая заканчивалась стандартно: «политически грамотен, морально устойчив». Да, еще для разведенных: «причина развода партбюро известна». Характеристика завершалась треугольником Института: дирек-

тором, секретарем партбюро и профсоюзной организации. Потом характеристика завершалась комиссией по выездам райкома КПСС. Помню, как с секретарем нашей институтской парторганизации я однажды была на заседании комиссии по выездам для поездки на горнолыжный курорт в Болгарию. Критически оглядев меня, секретарь сказал, чтобы я сняла весьма скромные сережки и кольцо. «Этого они не любят» — командным тоном произнес он. Для членов выездной комиссии, состоящей в основном из партийных пенсионеров, уже само желание поехать за границу считалось аморальным. Забыла написать, что такой порядок оформления касался всех, вне зависимости от того, был ты членом партии или нет.

При оформлении характеристики, утверждаемой на заседании лаборатории, ни о каких-либо «секретных» провинностях и тем более о наказании сотрудника дирекцией института никогда не говорилось.

О несданном отчете о поездке. Отчет был обязательной частью командировки. Задержка отчета было нарушением существующего правила. Но из объяснительного текста следует, что отчет был сдан уже после направления характеристики в УВС АН СССР.

А откуда и от кого стало известно о нарушении, совершенном Шуваловым в 1985 году? Разве в характеристику Шувалова от ИКАН это нарушение вносилось? Ясно, что нет. Иначе бы он не смог поехать никуда, даже в ПНР. Следовательно, Институт скрывал эту провинность Шувалова три года. Кого же следует винить в том, что результаты наших работ не были представлены на Международном симпозиуме в Японии, зачем мы так усердно трудились, часто и в неурочное время? Кто-то донес, кто-то не передал, кто-то скрыл, чиновник поленился, решение принято... Эта унижительная система со скрипом функционировала, но конец ее был неизбежен. Думаю, правда, что такие Водопьяновы, возвращенные системой, до сих пор у власти и процветают.

Образцами кристаллов теперь свободно торгуют, а если получишь грант от Академии наук РАН и денег хватит, сможешь поехать на любую конференцию. Но душа по-прежнему болит от обиды за прошлое...

Визит к президенту

Хотя я и не опаздывала к назначенному отцом времени, он уже ждал меня на скамейке около крыльца. По его виду я сразу поняла, как сильно он волнуется. Мы шли на прием к Президенту Академии наук — Анатолию Петровичу Александрову, старому другу отца, который был несколько тяжелых послевоенных лет директором Института физических проблем. Отношения между отцом и Анатолием Петровичем всегда были очень хорошими, но я понимала, почему отец волнуется, и почему и меня попросил пойти с ним. Предстоял неприятный разговор и не о науке. Родителям в очередной раз отказали в ОВИРе в разрешении на поездку в Канаду к любимой дочери, моей сестре Тане. Отец хотел просить Александра поручиться за него перед КГБ. Таня приехать навестить родителей не могла, т.к. уехала в Канаду с мужем, чехом из Праги, во время событий 1968 года без разрешения советских властей. Это было единственно возможным вариантом сохранения ее семьи с мужем-чехом после введения в Прагу советских войск.

Мое сердце разрывалось от жалости к отцу. Он с таким трудом поднимался по покрытой ковром мраморной лестнице Президиума АН СССР.

Беседа с Александровым была последней надеждой родителей. Анкеты, характеристики, утвержденные партийными органами института и района, письменные и устные объяснения, унижительные по форме отказы после многочасовых очередей, проведенных в ОВИРе — невозможно перечислить всего, что пришлось за это время перенести и пережить уже далеко молодым людям.

Мы почти не ждали в приемной. Александров шумно поднялся к нам навстречу. Я давно не видела его, почти 20 лет. А ведь когда-то мы виделись почти каждый день. Девчонкой, школьницей старших классов я проводила в гостеприимном доме Александровых большую часть своего свободного времени. С Юрой Александровым и его школьными друзьями мы ходили в походы, катались на лыжах.

Анатолий Петрович, как всегда, был со мной очень доброжелателен, шутил и все не верил, что я уже такая взрослая «дама». «И когда ты успела так вырасти?»

Отцу почти не понадобилось никаких объяснений. Все бумаги с просьбой о помощи были посланы заранее. И вот почти вся беседа...

«Шурка, лабораторию хочешь, может даже институт хочешь? Проси — могу! Большие деньги на самое современное оборудование — хочешь? Могу! Это — могу. А то, о чем просишь, не могу. Пойми, я даже не могу иметь знакомых, у которых родственники за границей, не то, что просить о таких поездках. Не могу. Все понимаю, но помочь в этом не могу. Проси о том, в чем могу помочь».

И это говорит всесильный человек, Президент Академии наук, член ЦК КПСС, Депутат Верховного Совета, который прекрасно знает моего отца? О такой малости, как частная поездка его друга, уважаемого человека, на месяц к дочери... Вот оно — рабство!

Мы возвращались из Президиума на троллейбусе. Всю обратную дорогу отец молчал. Смотреть на него было невозможно. Он так надеялся на помощь друга...

Войдя в квартиру, отец обменялся безмолвным взглядом с мамой и поднялся по лестнице в свою комнату. Мама прокомментировала: «Я была уверена в отказе. Этот Фантомас Александров такой же раб, как и мы, хоть и увешен всевозможными формальными регалиями».

Я поднялась к отцу в комнату. Он лежал на тахте. «Папочка, не переживай ты так. Ну что же можно сделать?» Отец, как маленький ребенок, поджал ноги, отвернулся к стене и закрыл глаза.

На этом эпизоде история не заканчивается. Она имеет счастливый конец. Дважды, в 1976 и 1978 годах, по ходатайству П.Л. Капицы родителям разрешили поездку к дочери в Канаду. И это было сделано Капицей, несмотря на довольно сложные отношения с отцом. Это можно понять из моего неотправленного письма Павлу Евгеньевичу Рубинину:

«Дорогой Павел Евгеньевич!

Мне передали, что Вы интересуетесь моими комментариями к Вашей статье к 90-летию отца. Постараюсь написать, хотя это очень не просто. Люди, о которых мы судим, были «титаны». Уж не мне чета — точно. Но не хочется и неправды о них. И елса — тоже.

Кличка «Кентавр» была ругательной, «получеловек-полускотина». Я много раз ее слышала еще девочкой и даже не могу сказать, знала ли тогда, кто такой «кентавр». «Скотским» отец считал в Капице его отношение к своим сотрудникам. Отец и любил, и ненавидел Капицу. Осуждал его поведение в институте и пытался — безрезультатно — влиять на него. Всю свою душу вкладывая в улуч-

шение работы института, отец хотел от Капицы, если не любви, то хотя бы признания и благодарности, «...но что от «скотины» ждатель»... Говоря, что Капица советовался лишь с женой и тестем, отец, при всем уважении к ним, был уверен, что и с ним Капице следовало советоваться, — для интересов дела.

Уже в Казани отец практически не работал по тематике института. Знаю, что помогал Арцимовичу и другим, но с Капицей почти не взаимодействовал. К проблеме Главкислорода не привлекался. Капица к этому времени окружил себя сановными лицами и сам все более становился «сановником», чего отец категорически не принимал.

В 76-м, когда Капица помог ему поехать к Тане в Канаду, отец сказал: «Я ему все прощаю». И помню, как, узнав о смерти Петра Леонидовича, папа горько плакал, быть может, первый раз в жизни в присутствии других.

Имея в кармане визу и билет на пароход, отплывающий в Англию, отец отказался от поездки по моральным соображениям (всю жизнь вспоминал, как мечтал поработать в лаборатории Резерфорда). Честь и повышенное болезненное чувство собственного достоинства были в основе характера отца. Его стиль — открытость, доброжелательность, желание помочь друзьям, ученикам, всем окружающим, все так не совпадало со стилем Капицы: закрытость, самодостаточность, изоляция. Капица срабатывался только с теми, кто не претендовал на равенство, он требовал полного и беспрекословного подчинения.

Хорошо помню один эпизод моего личного общения с Капицей. Отец был болен и попросил меня зайти к Капице — срочно подписать одно письмо. Это была просьба предоставить жилплощадь женщине, помогавшей дочери А.Ф. Иоффе — Валентине Абрамовне в разборе архива ее отца. Папа понимал, что подпись Капицы под письмом для Ленинградского Горкома будет иметь большее значение, чем подпись отца. В моем присутствии Петр Леонидович внимательно прочел письмо и ответил: «Но ведь не разрешат же», — и вернул его мне словами: «Я стараюсь никогда не ставить свою подпись под письмами, на которые будет дан отказ».

Я была потрясена отказом. Ведь это его ни к чему не обязывало. И речь шла о помощи старой женщине, помогавшей разбирать архив его учителя. Думаю, что отказ был скорее потому, что отец его просил об этом. Не удивлюсь даже, если отец специально послал меня к Капице, рассчитывая, что тот мне не откажет. Вернувшись домой, рассказала отцу об отказе Капицы. Отец разъяренно прокомментировал: «Вот скотина!»

Убеждена, что отец очень переживал ссылку Капицы и помогал ему, чем мог. У меня есть записка Капицы к отцу с очередной просьбой. Академик А.В. Шубников, директор Института Кристаллографии, в котором я работала, рассказывал мне, что принял Капицу на работу «по просьбе Вашего отца».

При А.П. Александрове [директоре ИФП в 1946-1955], старом друге отца еще по Ленинграду, отец расцвел. Сотрудники ИФП и Капица должны были быть благодарны отцу за то, что удалось сохранить институт таким, каким он был при Капице. А что отец получил от Капицы после возвращения из ссылки? Процитирую беспристрастного Шарвина: «С годами его [отца] все чаще посещали едкие мысли о том, что при других условиях он мог бы полнее реализовать свой творческий потенциал». Сколько раз отцу предлагали другие, очень хорошие места работы, но «если я Капице не нравлюсь, пусть он уходит» и все. Продолжал работать и очень, очень страдал.

Мои родители очень любили Анну Алексеевну. Считали ее «добрым ангелом» Капицы. Ценили ее интеллигентность, скромность, независимость. Вспоминали ее помощь нашей семье во время эвакуации в Казани. Когда тяжело умирала наша бабушка, а жили мы в одной комнате, Анна Алексеевна взяла меня к себе в семью. Она бывала и посредником при ссорах отца с Капицей, призывала папу не сердиться на Капицу, простить его.

Дорогой Павел Евгеньевич! Уже нет никого из тех, кто хорошо знал и понимал и отца, и Капицу. Мы, наверное, последние... А история их жизни так занимательна. Вы назвали свою статью «Плечом к плечу», а я думаю «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии...»

Буду рада Вашему ответу.

Наташа Шальникова (Тихомирова) 20 сентября 1995 года».

Письмо отца из Монреаля в Кембридж своему другу Давиду Шенбергу (1911-2004), работавшему в Институте Физпроблем в 1937-1938 годах:

29 ноября 1978 года по Р.Х

«Дорогой Давид!

Так как ты меня переживешь по крайней мере на тридцать три года — пишу все в подробностях — для Истории. Теперь — (вернее не раньше чем через десять лет по «дипломатическим соображениям») ты сможешь на этом и кое-что заработать.

Итак:

Через несколько месяцев после первого моего достаточно близкого знакомства с П.Л. в Ленинграде (в конце лета 34-го) и возвращения из Москвы (в январе 35 г.), где мы с ним занимались экскурсионной деятельностью и обсуждали проект будущего Института, я встретился на лестничной площадке главного входа здания Ленинградского Физико-Технического Института с Абрамом Исааковичем Алихановым — Абушей, моим близким другом. Он набросился на меня с расспросами по поводу дальнейшего развития сенсационной тогда истории с «задержкой» П.Л. в Союзе и моей судьбой в связи с этим. В особенности он интересовался личностью П.Л. и нашими с ним отношениями — личными и деловыми. Я, ничего не утаивая, изложил ему все, что знал с возможной объективностью и всей осторожностью. Мой рассказ произвел на него ошеломляющее впечатление. Он помолчал и задал мне вопрос — «Так кто же по твоему мнению Капица, скотина или человек?» И я ответил: «Он получеловек-полускотина — Кентавр».

Вот и вся эта забавная история.

Вся моя дальнейшая судьба, тем самым, была уже определена вперед по крайней мере на сорок четыре года, так как Абуша рассказывал всем встречным и поперечным о нашем разговоре, не скрывая моего авторства: «Шурка сказал, что Капица полускотина, получеловек — Кентавр»

С тобой бы этого, конечно, никогда бы не случилось, — ты ведь прирожденный дипломат.

Даст Бог е.б.ж. увидимся. Не поминай лихом. Твой всегда Шура».

Анатолий Сонин
ВОСПРИЯТИЕ
ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ
советскими философами
и «философствующими» физиками
в период 1945 — 1960 гг. *)

1.

В этот послевоенный период в стране сложилась непростая социально-политическая и идеологическая обстановка. После кратковременной оттепели опять усилилась конфронтация с Западом — началась холодная война. Мир начал готовиться к третьей мировой войне. И хотя с обеих сторон не было недостатка в мирных заверениях, началась безудержная гонка вооружений, прежде всего, атомного и ядерного.

Подготовка к войне диктовала и внутреннюю политику СССР. Необходимо было упрочить тылы — восстановить и укрепить политическое и идеологическое единомыслие граждан. Этой цели должна была служить национально-патриотическая идея — мы (советский народ) «самые-самые»: самые умные, самые культурные, мы строим общество будущего — коммунизм, а Запад загнивает, и ничего хорошего там уже нет. Началась борьба со всем иностранным, начиная с моды (узкие брюки, джинсы, длинные волосы), с западным джазом и кончая современной западной литературой и искусством. В то же время всё советское подавалось как самое лучшее и прогрессивное.

Особое внимание власти уделяли интеллигенции. Для борьбы с западным влиянием на людей творческих профессий, в частности, на учёных, были организованы две мощные кампании: по борьбе с антипатриотизмом или низкопоклонством перед Западом и по борьбе за идейность творческих произведений.

Кампания по борьбе с антипатриотизмом, которую вскоре стали называть борьбой с космополитизмом, была направлена против творческой интеллигенции, которая испытывала профессиональный или личный интерес к культуре, философии, политике, общественной жизни или науке Запада [1]. Антипатриотов (космополитов) осуждали в печати и на собраниях, выгоняли с работы, лишали возможности заниматься своей профессиональной деятельностью. Космополитами были объявлены учёные, печатавшие свои статьи в иностранных журналах, цитирующие иностранные источники, участвующие в переписке с западными коллегами. В то же время проводилась кампания по восхвалению достижений отечественной науки,

*) Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Грант 09-08-00246)

которая часто сопровождалась откровенной фальсификацией исторических фактов. Доходило до того, что почти все крупные научные достижения приписывались русским и советским учёным.

Кампания по борьбе за идейность творческих произведений началась после известных идеологических постановлений ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров», об опере В. Мурадели «Великая дружба».

На первый взгляд все эти постановления будто бы проникнуты заботой о развитии искусства в стране. Однако, на самом деле, цели у власти были совсем другие. Они боролись против свободной мысли, против самостоятельных суждений, не совпадающих с принятой идеологическими органами точкой зрения. Право на существование, по мнению властей, имеют лишь рафинированные, идеологизированные схемы, прославляющие существующий порядок и утверждающие непогрешимое руководство партии во всех сферах жизни страны. Такие схемы считались идейно выдержанными. Всё, что не укладывалось в эти рамки, объявлялось злопахательством, чуждым влиянием, безыдейностью.

Понятие идейности распространялось не только на произведения искусства и литературы, но и на научные произведения. Они тоже должны быть идейно выдержанные — в них методологической основой должен являться диалектический и исторический материализм. Поэтому те исследования, где высказывались другие точки зрения или любые точки зрения отсутствовали вообще, объявлялись идеалистическими [2]. В эти годы по стране прокатились идеологические кампании по борьбе с идеализмом в химии, физике, биологии и ряде других наук.

В этой идеологической постановке борьба за идейность объединялась с борьбой против преклонения перед Западом. Таким образом, у этих двух кампаний фактически была единая цель — изолировать советское общество от влияния западной культуры и науки, а западный мир представить в образе врага. Естественно, что такая сложная общественно-политическая обстановка не могла не сказаться на восприятии теории относительности советскими философами и философствующими физиками.

2.

Как мы уже говорили [3], казалось, что спорам о соответствии теории относительности диалектическому материализму был положен конец на Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений (1929 г.) и усилия философов и философствующих физиков в рассматриваемый нами период переместились в область проблем микромира и прежде всего квантовой механики. Однако оказалось, что всё не так просто.

В конце 40-х годов власти готовили Всесоюзное совещание физиков, которое должно было разгромить идеалистическую квантовую механику и теорию относительности и их приверженцев по аналогии с сессией ВАСХНИЛ, разгромившей идеалистическую генетику. По вполне прагматической причине — атомное оружие разрабатывалось на основе теории относительности и квантовой механики — Сталин совещание отменил. Но Оргкомитет по подготовке совещания работал почти три месяца, обсуждая представленные доклады и готовя их обсуждение. Поскольку в работе Оргкомитета принимали участие большинство ведущих физиков и философов, можно сказать, что заседания Оргкомитета представляли собой предпологаемое Всесоюзное совещание в миниатюре.

Теории относительности на этих заседаниях уделялось мало внимания, так как центр тяжести дискуссий лежал в области физики микромира — тогда казалось, что именно там в физику проникает идеализм.

Методологические вопросы теории относительности затрагивали в своих выступлениях испытанные борцы, известные нам физик А.К. Тимирязев и философ А.А. Максимов.

Тимирязев посвятил своё выступление [4] анализу преподавания механики, которое, по его мнению, ведётся у нас по системе Э. Маха. Здесь он, как и в 1920-е годы, настаивал на существовании эфира, который, по его мнению, теперь выступает под названием поля. При этом, зацепившись за старое высказывание Эйнштейна, которое повторял позже и Кедров, о неразделимости поля на отдельные части, Тимирязев обвинял их в том, что полноту не присуще механическое движение.

Однако большую часть своего выступления Тимирязев посвятил критике «махистских предрассудков, к сожалению, весьма распространённым, которые засоряют современную теорию квант» [4, л. 120]. Здесь он критикует Гейзенберга, Маркова и Эйнштейна, последнего за его высказывание о неразрывной связи геометрии и физики. Оргкомитету выступление понравилось.

Максимов посвятил своё выступление [5] критике физического идеализма. Одновременно он опубликовал его в журнале «Вопросы философии» [6]. Теперь его позиция по отношению к теории относительности изменилась — он сформулировал её следующим образом: «Значит ли сказанное нами, что теория относительности — плод недомыслия? Нет, не значит. Математический аппарат теории относительности безупречен, и его значение для расчёта физических явлений огромно; неправильны лишь философские выводы об относительности пространства, времени, одновременности, которые делаются буржуазными учёными.

Но эти выводы не связаны органически с научным пониманием теории относительности. Более того, из этой теории при правильном ее истолковании и критическом к ней отношении следуют выводы, которые служат подтверждением положений диалектического материализма» [6, с. 118].

Посмотрим теперь на аргументы Максимова. Первый аргумент? «тесно связанный с теорией относительности» — вопрос о траектории тела «в смысле философского релятивизма». Максимов утверждает, что траектория тела абсолютна, а не относительна в зависимости от выбранной системы координат, ибо это лишь вычислительная сторона дела. А след, пробитый падающим метеоритом в земле — это и есть абсолютная его траектория. Второй аргумент — теория относительности использует преобразование Лоренца. «Но из этого преобразования, — пишет Максимов, — не следуют те выводы агностического характера, которые из него делались и делаются — именно выводы об относительности длины, пространства вообще, времени, одновременности и т.д.» [6, с. 115]. По Максиму телу и ход событий существуют сами по себе, а не в зависимости от той или иной системы координат, но обнаруживает свои свойства в отношении и взаимодействии с другими вещами событиями — и далее цитата из Маркса. Третий аргумент — «идеалистическое понятие относительности в смысле отрицания объективного существования движения, покоя, протяженности, длительности, одновременности и т.д.» [6, с. 117]. По Максиму, «одновременность существует объективно и независимо от способов ее познания» [6, с. 117],

Причина всей этой путаницы, по мнению Максимова, лежит в идеализме и махизме самого Эйнштейна.

Обсуждение выступления Максимова было бурным [7]. Выступавшие физики академики Фок и Леонтович, члены-корреспонденты Вул и Александров, профессор Фриш, Путилов, Космодемьянский и Волькенштейн, философы профессор Кедров и доцент Свицерский убедительно показали, что Максимов не только ничего не понял в теории относительности, но и его критика методологических выводов из нее ведется с позиций механического, а не диалектического материализма.

Особенно возмутило физиков рассуждение Максимова об абсолютной траектории тела — он рассуждает о теории относительности и в то же время не знает основ классической механики, которые должен знать любой студент-физик.

Кстати, почувствовав, что в вопросе о траектории что-то не так, редакция журнала «Вопросы философии» к статье Максимова сделала такое примечание: «Редакция вполне разделяет критику, направленную автором против идеалистической трактовки вопроса о траектории, вместе с тем считает, что данная далее автором оценка объективного характера траектории, точнее говоря, отношение автора к закону падения тела, не охватывает этот вопрос во всей его сложности, не раскрывает, исходя из объективного характера закона, своеобразий его конкретного проявления» [6, с. 114].

Поддержали Максимова только профессора физического факультета МГУ Кессених и Тимирязев. Кессених призвал Максимова развивать дальше саму теорию относительности, а Тимирязев поддержал идею об абсолютной траектории тела, уточнив, что реальная траектории падающего камня — это прямая линия, а все остальные — относительные.

Министр Высшего образования, председатель Оргкомитета Кафтанов напомнил собравшимся о целях и задачах совещания: необходимо искоренить идеалистические извращения в теоретической физике и согласовать ее методологические выводы с диалектическим материализмом. Однако сформировать сейчас однозначное мнение по всем вопросам физики невозможно, она быстро развивается. «Возьмем теорию относительности, — продолжал Кафтанов. — Конечно, сказать, что этот закон на все времена и на все периоды, что он является единственно неизбывным, который нельзя тронуть — нельзя. Неправильно было бы также и отказаться сейчас от этого. Это, товарищи, мое мнение. Почему я об этом говорю? Можно с трибуны совещания объявить теорию относительности чистейшим идеализмом, заявить, что она от лукавого, развенчать ее с материализмом. Но что из этого получится? Допустим, профессор Ташкентского университета будет на совещании, послушает выступления наших профессоров, которые скажут — теория относительности — это идеализм. А завтра ему нужно преподавать и перед ним встанет вопрос: надо студенту преподавать теорию относительности или нет? А если подходить к теории относительности, как некоторые товарищи, то завтра же надо перестать преподавать в высших учебных заведениях квантовую механику, теорию относительности. Правильно ли это будет? Готовы ли мы, чтобы отвергнуть это? Так просто не бывает, чтобы отвергнуть в науке теорию, бросить ее в ящик: ты, мол, свое дело сделала, теперь отдыхай. Нет, это неправильно. Надо нашим физикам показать, если бы наши философы сумели показать, это было бы полезно — где в теории относительности кончается наука и где начинается идеализм» [7, с. 232-233].

Вот такое заключение сделал председатель Оргкомитета. К счастью, советские философы не смогли показать, где же в теории относительности кончается наука и начинается идеализм, а физикам было ясно давно, что никакого идеализма там нет.

В других выступлениях и в обсуждениях тема теории относительности тоже звучала, но очень тихо. Так историк физики доцент физического факультета МГУ Спасский призывал не абсолютизировать теорию относительности, а искать пути ее улучшения. При обсуждении доклада Вула Путилов сетовал, что все говорят об идеализме теории относительности не конкретно. Он призывал: «Нужно поймать Эйнштейна, где он делает ошибки, что приводит его к идеализму». Егоршин обратил внимание, что в теории относительности размеры тела зависят от системы координат потому, что скорость света конечна. Поэтому, по его мнению, наблюдатель определяет размер тела не в «чистом» виде, как если бы тело было изолировано от всего мира, а вместе с переносчиком сигнала, т. е. свет не является пассивным переносчиком сигнала. По поводу выступления Фока, который назвал теорию относительности основой современной физики, Путилов заметил, что в этой теории гипертрофирован математический формализм. Философ Кузнецов призвал называть теорию относительности теорией быстрых движений и посоветовал на то, что она не объясняет сокращение размеров тела на атомном и молекулярном уровне.

В проекте постановления, подготовленном на случай, если бы Совещание состоялось, за трескучими фразами о борьбе с низкопоклонством и физическим идеализмом теория относительности не просматривалась.

Все это обсуждение показало, что теория относительности как физическая теория является общепринятой и классической, а искать в ней идеалистические извращения могут только такие недалекие философы как Максимов и другие. Об этих «других» речь пойдет ниже.

3.

Всесоюзное совещание физиков было отменено по прямому указанию Сталина потому, что оно могло помешать работам по созданию ядерного оружия — ведь делали его те же ведущие физики-идеалисты, которых критиковали на заседаниях Оргкомитета.

Однако и во время работы Оргкомитета по подготовке совещания и после его отмены инициаторы совещания продолжали громить идеалистов и космополитов в печати, главным образом, в журнале «Вопросы философии». Интересно, что они громили главным образом западных физических идеалистов (Милна, Расселла, Эддингтона, Джинса, Карнапа и др.), но своих идеалистов упоминали только вскользь — доставалось только Френкелю и Маркову.

Интересно, как в конце 40-х годов в этих статьях воспринималась теория относительности.

Г.И. Наан [8], критикуя Рассела, который ссылается на теорию относительности, т.е. утверждение, что материалом мира являются события, а по сути, восприятия, подробно излагает понятие мировой линии, описывающей события в общей теории относительности, подчеркивая при этом, что «под событиями теория относительности понимает исключительно реальные изменения в реальном, материальном мире» [8, с. 291].

М.Э. Омеляновский [9] тоже критикует физических идеалистов, апеллирующих к теории относительности. Он рассматривает два утверждения физических идеалистов: относительность ускорений и замкнутость вселенной. Из первого утверждения они делают вывод о равноправности геоцентрической и гелиоцентри-

ческой систем. Здесь Омеляновский ссылается на Фока, который показал непропорциональность такого утверждения.

Что касается второго утверждения, то Омеляновский считает это поповщиной и ссылается на работу Фридмана, показавшего, что из общей теории относительности следуют разные сценарии развития вселенной вплоть до бесконечного ее расширения. «Космологическая проблема еще ждет своего решения, - пишет Омеляновский — В его основу следует положить идею структурности бесконечной вселенной, используя данные общей теории относительности и других физических теорий» [9, с. 158].

Эти свои взгляды Омеляновский развил в работе [10]. Здесь он обратил внимание на работы Лобачевского создателя неевклидовой геометрии. По мнению Омеляновского, «эти идеи, по существу дела, и лежат в основе частной теории относительности» [10, с. 157]. Такая точка зрения, как мы увидим дальше, высказывалась и в других работах, вышедших в эпоху утверждения приоритета отечественных ученых во всех областях и во все времена.

Как мы видим, оба процитированных философа, критикуя иностранных идеалистов, вообще вполне адекватно воспринимают теорию относительности, что можно сказать и о философе Р.Я. Штейнмане [11]. Однако он полагает, что «Эйнштейн направил свои усилия на критический анализ самого процесса **изменения** длин и длительностей в разных условиях» [10, с. 172] и в этом состоит его главная заслуга. Это открывает возможность «махистской обработки» теории относительности. Но все же, считает Штейнман, заслуга теории относительности состоит в том, что она открыла новые связи между свойствами вещей.

«Положительное физическое содержание» теории относительности отметил даже такой ортодоксальный философ как М. Б. Митин [12]. Он пишет, что теория относительности является новым доказательством правоты материализма. «Никакая точка зрения наблюдателя, никакая система отсчета, принимаемая в качестве исходных предпосылок теорией относительности, не в состоянии уничтожить объективный факт природных процессов» [12, с. 78] - пишет Митин.

В то же время Митин считает, что философские взгляды Эйнштейна являются махистскими. Но, пишет он далее, «когда Эйнштейн говорит о физическом содержании своего учения, то часто выступает как стихийный материалист, не сомневающийся в объективном существовании физической реальности [12, с. 78]

Во время кампании много писалось о Лобачевском. Наиболее рьяные патриоты старались доказать, что Лобачевский является истинным отцом теории относительности. Причем, оказывается, такая точка зрения существовала уже достаточно давно, но она не носила характера утверждения. Так еще в 1910 г. В. Варичак в статье, переведенной в сборнике «Новые идеи в математике» в 1914 г., писал: «Геометрия Лобачевского является, *по-видимому* (курсив мой — А.С.), адекватным орудием для исследования теории относительности» [13, с. 44]. Но уже в 1922 г. профессор Н.Н. Иовлев утверждал более определенно: «*Принцип относительности*» в том виде, как он понимается в настоящее время, был *открыт* еще *Лобачевским*» [14, с. 9]. Профессор А.П. Котельников в 1927 г. писал, что «геометрия пространства Лобачевского трех измерений определяет законы механики Einstein'a» [15, с. 30].

Но это все в прошлом. Новые времена, кампания по борьбе с идеализмом и космополитизмом требовали большей определенности. И она не заставила себя ждать — в журнале «Вопросы философии» появилась статья Л.И. Сторчака [16], где определенно сказано: «задача настоящей заметки состоит в том, чтобы пока-

зять, что истинным автором идей теории относительности, сделавшим исключительно глубокие выводы, имеющие первостепенное значение для физики, был Н.И. Лобачевский» [16, с. 142]. Однако, в статье Сторчака мы не находим доказательств этого утверждения. Рассматривая заметки Лобачевского по механике, он находит там определение движения как изменение места, которое занимало тело. Место это пространство, а движение это время, утверждает Сторчак. Поэтому, пишет он, «истолкование этой мысли дает все основания полагать, что Лобачевский представлял себе пространство и время не оторванными друг от друга, а в их органическом единстве» [16, с. 146]. Это же утверждает теория относительности. Далее, по Лобачевскому, движение определяется силами. Но силы не могут быть бесконечно большими, поэтому, по Сторчаку, Лобачевский предсказал, что скорость всегда имеет конечное значение, т.е. предсказал предельную скорость — скорость света (?). Но и это еще не все, Лобачевский предполагал использовать свою воображаемую геометрию в механике, и думал, что это приведет к изменению некоторых ее законов, в частности, закона сложения сил. По Сторчаку, именно Лобачевский предсказал закон сложения скоростей теории относительности.

Роль Лобачевского в создании теории относительности подробно обсуждал и Г.А. Курсанов [17]. Он утверждал: «Идеи Лобачевского о зависимости геометрических понятий от физических, материальных свойств пространства не только предвосхищали идеи теории относительности, но и самое создание теории относительности было бы невозможно без создания неэвклидовых геометрий, без гениальных идей Лобачевского. Лобачевский предвидел, что если физические свойства пространства подтвердят справедливость неэвклидовой геометрии, то это вызовет *необходимость пересмотра и классической ньютоновой механики*» [17, с. 182]. Курсанов высказал предположение, что геометрия реальной вселенной это гиперболическая геометрия, т.е. геометрия Лобачевского, и тогда вселенная бесконечна как утверждает диалектический материализм. «Утверждение же Эйнштейна о царящей в мире эллиптической геометрии (геометрии Римана) требует признания антинаучного тезиса о конечности вселенной с постоянной кривизной пространства» [17, с. 183] — пишет в заключение Курсанов.

Восприятие теории относительности советскими философами хорошо проявилось при обсуждении книги нашего соотечественника академика А.Ф. Иоффе «Основные представления современной физики» [18]. Эта была первая послевоенная научно-популярная книга, в которой были изложены основы современной физики: теория относительности, статистическая, атомная и ядерная физика. Иоффе сильно рисковал — он знал, что изложить современную физику без того, чтобы затронуть связанные с ней философские проблемы, невозможно. Поэтому в конце книги он поместил специальную часть под заглавием «Методологические выводы», где пытался показать, что новая физика подтверждает основные положения диалектического материализма. Более того, он покритиковал и физических идеалистов Гейзенберга, Эйнштейна, Эддингтона и Джинса, которые «видят в научном знании лишь приведенные в систему наши переживания» [18, с. 357]. Но это не помогло — на книгу обрушилась сокрушительная критика философов.

Омельяновский в своей рецензии [19] сразу заявляет, что «А.Ф. Иоффе еще не стал на путь последовательного проведения марксистско-ленинского принципа партийности в философии и науке» [19, с. 204]. Его критика касалась в основном физики микромира. Что же до теории относительности, то игнорирование принципа партийности привело к тому, что в книге теория относительности излагается

точно также, как ее излагает сам Эйнштейн, «который выводит основные идеи теории относительности с «точки зрения наблюдателя», из традиционного разбора пресловутых «мысленных измерений» Эйнштейна пространственной и временной координаты при помощи световых сигналов. Такого рода понимание «относительности» означает сведение свойств вещей к их отношениям и ведет прямой дорогой к идеализму» [19, с. 204]. Омеляновский подчеркивает, что длина движущегося тела не зависит от системы отсчета, а есть свойство самого тела. Затем он выдвигает следующее утверждение. Рассмотрим равномерное и прямолинейное движение поезда относительно вокзала. Теория относительности утверждает, что безразлично, кого из них считать покоящимся телом, а какое — движущимся. Это, утверждает Омеляновский, не так — поезд движется и останавливается у вокзала и это не учитывает теория относительности.

Что же касается общей теории относительности, то, по мнению Омеляновского, у Иоффе здесь все в порядке, хотя он не сделал соответствующих философских выводов. По поводу равноправия систем Птолемея и Коперника, Иоффе сделал ссылку на Фока, а по поводу конечности вселенной — на Фридмана.

Более основательной критике книга Иоффе подверглась в рецензии философов И.В. Кузнецова и Н.Ф. Овчинникова [20]. Они тоже критиковали, главным образом, изложение квантовой механики. Переходя к теории относительности, рецензенты возмутились тем, что Иоффе причислил эту теорию к основным законам природы. «Возведя теорию относительности до уровня Всеобщего закона природы — писали рецензенты, автор допустил серьезнейшую ошибку... Его интерпретация теории относительности носит, по существу, субъективистский характер, и, фактически, не отличается от того, что пишут по поводу теории относительности зарубежные буржуазные физики» [20, с. 120]. Рецензенты считают теорию относительности ограниченной, так как она является микроскопической, но имеет ограниченное применение в области микрокосмоса.

Рецензенты пишут, что Иоффе при изложении в теории относительности делает акцент на процедуре измерения времени и пространства, сводя эту процедуру к условному соглашению. Везде главным является «наблюдатель». Здесь авторы рецензии подчеркивают, что теория относительности изменила представления не только о процессах измерения пространства и времени, но и о самих пространстве и времени - формах существования материи.

Другая ошибка Иоффе, считают рецензенты, - неправильная его трактовка («в духе буржуазных философов») соотношения массы и энергии. В книге везде говорится об эквивалентности массы и энергии, т.е. о возможности замены этих величин друг на друга. В действительности, утверждают рецензенты, речь идет только об их «тесной неразрывной связи». Поэтому высвобождение энергии за счет дефекта массы авторы рецензии трактуют так: «всякому изменению массы системы соответствует вполне определенное изменение ее энергии» [20, с. 124]. Заметим здесь, что вопрос о массе и энергии еще долго являлся предметом дискуссий в советской философской среде (см. ниже).

Книгу Иоффе раскритиковали и на заседании Ученого совета Ленинградского физико-технического института, где он был директором еще совсем недавно [21]. Причем местные критики повторили аргументы статьи Кузнецова и Овчинникова.

Иоффе выступил с традиционным признанием своих философских ошибок. Их он объяснил тем, что книга писалась в 1947-1948 гг., когда философские

вопросы физики стояли не так остро. «Недостаточно острая критика зарубежных физиков-идеалистов — сказал Иоффе, — проистекала из недооценки во время написания книги той агрессивной позиции, которую они заняли в борьбе двух миров... Следует провести четкую грань между передовой советской марксистской наукой и идеологическим туманом, под которым скрывается научная реакция, под покровом которой ведется идеологическая война против сил мира и демократии» [21, л. 107-108].

С позиций нашего времени покаяние Иоффе можно было бы считать неприципиальным, но в те годы это был единственный способ сохранить себя в профессии.

В августе 1954 г. Иоффе опубликовал в УФН письмо в редакцию с признанием своих философских ошибок [22]. «Совершенно верно, что теория относительности изложена в моей книге неудовлетворительно как с дидактической, так и с философской стороны: систематическое привлечение наблюдателя и методики измерений в движущейся среде, как обоснование теории во всех изложениях, в том числе и в моем, затемняет ее физическое и философское содержание как учения об обусловленности пространственно-временных свойствах материальной среды» — [22, с. 589] — признает Иоффе. Иоффе считает, что описание системы с точки зрения наблюдателя удовлетворяет как идеалиста, так и материалиста, и не дает представления о том, что же, на самом деле, происходит в движущейся системе.

Большое место в ответе Иоффе занял вопрос о связи массы и энергии. Он признал, что двадцать лет назад считал, что поскольку масса определяет весь запас ее энергии, то допустимо измерять в энергетических единицах и количество материи. «Этой ошибки я с тех пор больше не повторял... Я ее признаю и сожалею о ней» [22, с. 590] — пишет Иоффе. Однако, продолжает он, некоторые авторы обвиняют его в том, что он говорит о превращении вещества в энергию. Поэтому дальше Иоффе подробно разъясняет свою позицию по данному вопросу.

Он не понимает разницу между «эквивалентностью» (употребляемой физиками) и «взаимосвязью» (употребляемой философами) масс и энергии, но считает, что этот спор не имеет «значения ни для физики, ни для философии» [22, с. 591]. Иоффе подчеркивает, что «есть основание утверждать, что не только изменение энергии связано с изменением массы, но что и весь запас энергии тем же соотношением связан со всей массой» [22, с. 591]. Хотя признает неудачной фразу «энергия обладает массой», хотя подчеркнул, что речь идет о массе покоя. Далее Иоффе признал, что «более серьезные недостатки имеются при изложении квантовой теории» и подробно разобрал свои ошибки.

Закончил Иоффе свое письмо так: «Необходима решительная борьба с идеалистическими теориями, в каком бы виде они ни появлялись. В моей книге нет такой борьбы... Я недооценил враждебности этих концепций и тогда, когда писалась моя книга. Это — моя ошибка» [22, с. 597].

4.

Основной удар по физическим идеалистам и космополитам от физики советские философы нанесли в знаменитом «зеленом томе» - сборнике «Философские вопросы современной физики» [23], вышедшем в 1952 г. В нем досталось и теории относительности.

Целью сборника, как сказано в предисловии, «способствовать борьбе за передовую физическую теорию, борьбе с пережитками капитализма в сознании советских физиков». При этом авторы предисловия откровенно сетуют на то, что в «среде советских физиков еще не проделана работа, аналогичная той, которая дала значительные результаты в агробиологии, физиологии и некоторых других отраслей советской науки» [23, с. 4]. Здесь они явно имеют в виду отмену Всесоюзного совещания физиков (см. выше).

Выходу этого сборника предшествовала острая борьба академических физиков с философами, которые хотели сделать его рупором борьбы с идеализмом и космополитизмом. Статьи этих философов получили резко отрицательные отзывы ведущих физиков. Они несколько раз переделывались, но все же некоторые из них вошли в окончательный вариант сборника. Составители включили в сборник и доклад уже покойного академика Вавилова на заседании Оргкомитета по подготовке совещания физиков.

Методологические проблемы, которые ставит теория относительности, обсуждались в большинстве статей сборника. И.В. Кузнецов в статье «Советская физика и диалектический материализм» утверждает, что «непреодоленными остаются, в частности, серьезнейшие ошибки, связанные с трактовкой закономерностей движения материальных объектов с большими скоростями (так он называет теорию относительности — А.С.). *Эта область в последние десятилетия стала одной из важнейших в физической науке и достигла значительных успехов.* Однако, успешному развитию теории движения с большими скоростями мешает распространенная среди физиков эйнштейнианская трактовка закономерностей быстрых движений, эйнштейнианское понимание существа физической теории.

Интересы физической науки настоятельно требуют глубокой критики и решительного разоблачения *всей системы* теоретических взглядов Эйнштейна и его последователей эйнштейнианцев, в области физики, а не просто отдельных их философских высказываний. Идеалистические воззрения Эйнштейна и эйнштейнианцев заводят физическую теорию в безвыходный тупик. *Разоблачение реакционного эйнштейнианства в области физической науки — одна из наиболее актуальных задач советских физиков и философов*» [23, с. 46-47].

А дальше Кузнецов поучает физиков, как нужно строить физическую теорию в соответствие с диалектическим материализмом. Затем он возвращается к Эйнштейну и вопрошает: «Каковы же взгляды Эйнштейна на теорию относительности? Какой смысл он вкладывает в нее?» [23, с. 48]. И отвечает, что для Эйнштейна теория относительности не описывает объективное движение тел в природе, а представляет собой «простое *логическое следствие* условно принятых процедур измерения» [23, с. 48]. Поэтому для него, поясняет Кузнецов, теория — «не более чем приемы упорядочения ощущений наблюдателей... Это — типичная субъективно-идеалистическая постановка вопроса, порывающая с наукой, непримиримо враждебная науке» [23, с. 49].

По Эйнштейну, пишет далее Кузнецов, связи между явлениями природы, выражаются математическими уравнениями. «Никакой физик — материалист, — утверждает Кузнецов, — не может мириться с этими представлениями. Но это значит, что *то, что Эйнштейн и эйнштейнианцы выдают за физическую теорию, не может быть признано научной физической теорией*» [23, с. 52].

Распространено мнение пишет Кузнецов, что теория относительности хорошо подтверждается многими экспериментами и наблюдениями. Однако, пояс-

няет Кузнецов, «когда физик-материалист говорит о теории относительности, он имеет в виду нечто совершенно отличное от того, что рисуют нам Эйнштейн и эйнштейншанцы в их теориях. Они совсем по-иному понимают смыслуравнений, установленных при исследовании весьма быстрых процессов» [23, с. 54]. Вот такая оригинальная точка зрения — уравнения те, а смысл их — другой!

Что же касается общей теории относительности, то и тут у Кузнецова свой оригинальный подход. Речь идет о принципе соответствия. Оказывается, по Кузнецову, в соответствие с этим принципом «произошла подмена реального физического объекта — гравитационного поля, являющегося одной из форм материи, воображаемым «объектом» само существование которого обязано просто выбору наблюдателем новой «точки зрения» [23, с. 60], а уравнения тяготения «в действительности Эйнштейном не выведены физически, а угаданы, должны трактоваться совсем не так, как они трактуются в общей теории относительности, полностью кинематизирующей и геометризующей материальное гравитационное поле» [23, с. 62].

Интересно, что Кузнецов не только «разгромил» теорию относительности, но он предлагает пути построения новой «теории быстрых движений», согласующейся с диалектическим материализмом. Оказывается, он вынужден это сделать потому, что «идейно-философский тупик, в который с годами уходил все глубже Эйнштейн, имеет неизбежным следствием научную бесплодность» [23, с. 62].

Исходным пунктом этого нового пути Кузнецов считает труды Н.И. Лобачевского, который «первым в истории естествознания выдвинул идею неразрывной связи свойств пространства и материи» [23, с. 67]. Далее идет Н.А. Умов, который, как пишет Кузнецов, «прямо указал на возможность зависимости массы тел от скорости» [23, с. 67]. Затем — П.Н. Лебедев, который установил связь между массой и энергией. Потом «физик-материалист» Г. Лоренц, получивший уравнения преобразования пространственных и временных величин, справедливые при больших скоростях. Ну, и наконец, Эйнштейн, сыгравший «важную роль в открытии некоторых из указанных физических закономерностей» [23, с. 68]. Но, чтобы ни у кого не возникало никаких недоумений, Кузнецов тут же добавляет: «однако, созданная им (Эйнштейном — А.С.) теоретическая концепция всей совокупности законов быстрых движений стоит в непримиримом противоречии с существом вновь найденных законов» [23, с. 68].

А вывод, к которому пришел в результате Кузнецов, состоит в следующем: «Критикуя общеполитические идеалистические высказывания Эйнштейна, нередко говорят о необходимости сохранения теории относительности Эйнштейна как «физической теории». Из сказанного выше следует, что такой подход к эйнштейновской теории относительности неправилен. Во-первых, общеполитические положения, провозглашенные Эйнштейном, не являются на самом деле неким внешним «привеском» к его теории, всего лишь «неправомерным выводом из нее», а входят в нее, существенно определяют само ее содержание. Сами по себе уравнения, фигурирующие в этой теории, не составляют «физической теории». *Материалистическое же истолкование закономерностей быстрых движений есть в действительности отказ от теории относительности Эйнштейна как от физической теории* и развитие принципиально иной по своей сути физической теории. Во-вторых, стремление «подправить» эйнштейновскую теорию относительности, «чинить» или латать ее запутывает фактическое положение дел в этой области физики. Оно неправильно ориентирует ученых, снимает с физики задачу всесторонней разработки основ действительно научной и последовательной теории движения с боль-

шой скоростью, основанной на принципах диалектического материализма, адекватно выражающей сущность уже познанных закономерностей и открывающей пути для раскрытия новых закономерностей» [23, с. 72].

Вот так! Можно думать, что эта беспардонная статья не что иное, как призыв, по образу и подобию мичуринской биологии, строить «мичуринскую физику».

М.М. Карпов в статье «Критика философских взглядов А. Эйнштейна» доказывает, что великий физик был идеалистом и махистом. Отсюда и его идеалистический и махистский взгляд на пространство и время. «Геометрия — наука о пространственных формах внешнего мира — по Эйнштейну занимается, как и все науки, лишь упорядочением ощущений» [23, с. 219] — пишет Карпов. Что касается времени, то оно у Эйнштейна тоже субъективно. Оно зависит от субъекта (человека) и его часов. «Не будь человека (и его часов), не было бы и времени, таков взгляд Эйнштейна на время» — продолжает Карпов.

«В 1946 году Эйнштейн выпустил книгу «The meaknig of relativity», в которой объявляет себя сторонником реакционной теории расширяющегося мира. В этой книге он пытается «научно доказать» поповскую догму о сотворении мира... Эта «теория» служит оружием идеалистов в борьбе против диалектического материализма» [23, с. 222] — далее пишет Карпов.

Еще одна статья сборника, громящая теорию относительности, принадлежит Р.Я. Штейнману. Она называется «За материалистическую теорию быстрых движений». Штейнман, как и Кузнецов, утверждает, что теория относительности никуда не годится и ее надо заменить материалистической теорией быстрых движений. «Основным пороком эйнштейновского понимания теории относительности - пишет он, - является кинематизация (или геометризация) основ последней. Это, в свою очередь, связано с тем, что соотношения между пространственными и временными величинами, полагаемые в основу теории, рассматриваются как следствия некоторых универсальных *принципов измерения* этих величин, в силу этого имеющие неограниченное применение» [23, с. 235]. По мнению Штейнмана, теорию относительности нельзя считать ни исчерпанной — даже в пределах ее применимости — ни абсолютной, т.е. применимой ко всем без исключения процессам в любых «замкнутых» инерциальных системах. Кроме того, теория относительности не дает ответа на вопрос о «механизме» *установления* относительности длин, длительности, масс и так далее. «Однако, - пишет Штейнман, - в теории относительности есть положительное содержание, по существу противоречащее трактовке теории, данной Эйнштейном» [23, с. 295]. Правда, что это за положительное содержание, Штейнман не сообщил.

В заключение своей статьи Штейнман призвал советских физиков к «критической переработке основных теорий современной физики, в том числе и теории относительности» [23, с. 297].

А.И. Уемов в статье «Гелиоцентрическая система Коперника и теория относительности» на многих страницах «опровергает» Эйнштейна и доказывает, что Коперник был прав.

Теория относительности упоминается и в статье А.В. Шугайлина «Об открытии светового давления П.Н. Лебедевым». В ней утверждается, со ссылкой на С.И. Вавилова, что именно Лебедев, а не Эйнштейн, установил связь между энергией тела и его массой.

Остальные статьи сборника, посвященные философским вопросам квантовой механики, были написаны в том же духе отрицания.

«Зеленый том» физики разгромили на философском семинаре в Физическом институте АН СССР 27 января 1953 г. [24]. В своем докладе академик Фок сказал, что теория относительности и квантовая механика являются основой современной физики и подтверждается громадным опытным материалом. Философы же считают, что эти теории настолько пропитаны идеализмом, что после их чистки мало что останется от сути самих этих теорий. Они призывают вернуться к доэйнштейновской классической физике, считая, что это и есть диалектический материализм.

«Общая тенденция сборника, — продолжал Фок, — несомненно, антинаучная. Ни в одной статье в сборнике нет безоговорочного признания правильности теории относительности и квантовой механики. Но в ряде статей есть более или менее прямое их отрицание» [24, л. 6].

«Так вот, все это вместе взятое, — сказал в заключение Фок, — низкий научный уровень, низкий философский уровень большинства работ, резкий антинаучный характер некоторых из них — заставляет признать сборник порочным и способным нанести вред» [24, л. 8].

Эту оценку, данную Фоком «Зеленому тому», поддержали все выступавшие физики.

5.

Как хорошо было видно из приведенной выше информации, советские философы в целом относились к теории относительности настороженно. Конечно, такие как Максимов, вообще считали ее лженаукой. Более осторожные философы огульно ее не отрицали, но видели в ней пропаганду идеализма и махизма, а ее выводы несовместимыми с диалектическим материализмом.

И вдруг в 1951 году в журнале «Вопросы философии», который только что громил теорию относительности, появляется статья Г.И. Наана, того самого Наана, который еще недавно криковал физический идеализм [8], в которой он защищал физическое содержание теории относительности. По его мнению, причиной критики философами теории относительности является «путаница». «*Исходным пунктом* всей путаницы в вопросе о смысле и значении принципа относительности в физике является сознательное или бессознательное *отождествление физической относительности с необъективностью*» [25, с. 58] — пишет Наан. Он подробно разъясняет, что физическая относительность не имеет ничего общего с относительностью в философском смысле и считает, что теория относительности вполне материалистическая теория. Ее основы Наан излагает, начиная с систем отсчета, принципа относительности Галилея. Специальный раздел статьи называется «Вздорность трактовки принципа относительности физическим идеализмом», где Наан показывает, что физические идеалисты подменяют «*системы отсчета наблюдателем и его точкой зрения, подменяют объективное субъективным*» [25, с. 70].

Вот эта подмена привела Максимова к отрицанию физического содержания теории относительности, пишет Наан. Он рассказывает об «открытии» Максимовым абсолютной траектории тела, о том, что, по его мнению, есть абсолютные размеры тела и абсолютное время.

В заключение Наан пишет: «В общем, как мы видели, теория относительности может быть понята с точки зрения идеализма и метафизического материа-

лизма столь же мало, как и любая другая современная естественнонаучная теория. Попытка же обратиться против диалектического материализма, несмотря на все усилия физических идеалистов, представляет собой, в конечном счете, лишь софистику. Физика, как и все естествознание, несмотря на противодействие буржуазных философов и физиков, дает все новые подтверждения правоты диалектико-материалистического мировоззрения» [25, с. 77].

Возникает вопрос: как могла в те годы появиться эта статья в журнале «Вопросы философии»? По мнению М.Д. Ахундова и Л.Б. Баженова [26] это было сделано умышленно — редакция решила организовать дискуссию по теории относительности и к статье Наана сделала примечание: «Печатается в порядке обсуждения. Редакция просит специалистов высказаться по вопросам, затронутым в статье» [25, с. 57]. Но, зная позицию журнала, Ахундов и Баженов высказали предположение, что Наан был выбран в качестве «мальчика для битья» — отклики на его статью должны были окончательно разгромить теорию относительности.

Первые отклики на статью Наана подтвердили это предположение. В том же номере журнала, вслед за статьей Наана, были, «в порядке обсуждения» были опубликованы сразу четыре статьи, резко критикующие обсуждаемую статью. При этом все критики подтверждали свои аргументы ссылками не на физиков, а на классиков марксизма-ленинизма.

Статья Г.А. Курсанова [27] начиналась вполне определенно: «статья Г.И. Наана... не является удовлетворительной, прежде всего, потому, что в ней почти отсутствует критика порочных сторон и выводов теории относительности» [27, с. 169]. Как это ни удивительно, Курсанов защищает идею Максимова об абсолютной траектории движущегося тела. Он пишет: «Всякое материальное тело движется в реальном объективном пространстве, занимая в каждый момент времени вполне определенное место в данной точке пространства (и непрерывно выходя из нее), а не 5 или 12 различных точек. Следовательно, всякое материальное тело в своем движении в пространстве и времени имеет одну действительную траекторию, а не 5 или 12» [27, с. 170]. Но, признает Курсанов, для описания этого движения «во взаимодействии с другими телами» приходится вводить разные траектории.

Далее Курсанов обвиняет Наана, который «слепо следуя за авторами теории относительности и всеми философами и физиками-идеалистами, заявляет, что теория относительности якобы доказала реальную сокращаемость длин и интервалов (времени)» [27, с. 170]. На самом деле, пишет Курсанов, никакого сокращения нет, а «взаимодействие тел в движении дает соответствующий результат измерения пространственных и временных интервалов» [27, с. 171]

«Разоблачает» Курсанов и махистские утверждения Эйнштейна о конечности вселенной и о геометризации пространства. А апофеозом доказательной базы Курсанов считает попытку Эйнштейна построить единую теорию поля, которую Курсанов назвал «лженаучной».

Другой критик Наана, В. Штерн (Берлин) [28], ставит ему в вину разделение философской и физической относительности. «Что верно в философии, то верно в физике» [28, с. 175] — пишет Штерн. Поэтому «утверждение, что нет абсолютного пространства и абсолютного движения, является не чисто физическим, а философским, и именно агностико-идеалистическим, релятивистским утверждением, которое, в конце концов, ведет к отрицанию объективной реальности пространства и научная несостоятельность которого может быть доказана» [28, с. 177]. Абсолютное пространство — это бесконечная вселенная и движение в ней — это абсолют-

ное движение. То есть, абсолютное движение существует, как и абсолютная истина, но мы его не постигаем, так же как абсолютную истину.

Штерн утверждает, что существует и абсолютное время и оно не связано с замедлением хода часов в движущейся системе. Абсолютное время существует в абсолютном пространстве.

Д.И. Блохинцев [29] фактически не критикует Наана, а излагает свое понимание инерциальных систем. Опираясь на ленинское понятие абсолютной истины, он считает, что по мере развития науки будет найдена инерциальная система, которая в наибольшей степени отвечает этому определению — «наинерциальнейшая» система, и тогда можно будет говорить об абсолютном движении любого тела относительно этой системы.

М.Б. Вильницкий [30] критикует Наана за то, что тот сводит теорию относительности только к установлению количественных связей и выражению их математическими формулами, а не как систему взглядов автора теории. Эйнштейн, по мнению Вильницкого, интерпретирует относительное движение так, что «движение данного тела растворяется в отношении к телу отсчета. Этот взгляд прямой дорогой ведет к отрицанию объективности движения, к философскому субъективному релятивизму» [30, с. 184]. То же самое относится и ко времени. Эта трактовка, когда все многообразие взаимодействия тел сводится только к системе отсчета, ведет к идеализму.

К эти статья подверстано «От редакции», в котором «Редакция обращается к советским ученым с просьбой принять участие в обсуждении философских проблем специальной и общей теории относительности, а также проблем массы и энергии» [31, с. 186].

Советские ученые — физики откликнулись на этот призыв, но их реакция была совсем не той, которую ожидала редакция журнала «Вопросы философии».

Так М.Ф. Широков представил большую статью [32], где в очередной раз, но уже с физической аргументацией опровергает утверждение идеалистов и махистов, о равноправии гелиоцентрической и геоцентрической систем.

Я.П. Терлецкий обращает внимание на математический аспект теории относительности [33]. По его мнению, основное содержание теории относительности — это установление геометрической связи пространства и времени. При этом главное — это «представление Минковского о четырехмерном, геометрическом пространственно-временном многообразии и взгляд на систему отсчета только как на способ изображения пространства-времени» [33, с. 195]. Поэтому он считает более правильным называть ее «просто «четырёхмерная теория», так как временной интервал это проекция четырехмерного интервала, а скорость — проекция четырехмерной скорости.

По Терлецкому выбор системы отсчета определяется не наличием каких-либо реальных тел отсчета, а постановкой задачи и методами ее решения. Тогда система отсчета только способ изображения пространства и поэтому объективные характеристики тел есть только отражение абсолютных их свойств при том или ином «способе изображения». Таким образом, Терлецкий отрицает всякую объективную физическую относительность. Так «время относительно данной системы отсчета» не объективно, а существует только в нашем сознании как «способ изображения», как элемент «воображаемой координатной сетки» [33, с. 194].

П.Г. Кард [34] констатирует, что многие философы, участвующие в дискуссии по теории относительности «занили по отношению к этой теории фактически

нигилистическую позицию» [34, с. 240], они на словах ратовали за материалистическое понимание теории относительности, но о самой теории, в силу того, что они «не знают, что такое теория относительности», ничего вразумительного не могли сказать. Кард в своей статье показывает, «что эта позиция неверна и что правильно понятая теория относительности глубоко материалистична» [34, с. 240].

Он критикует Наана и Штерна за различные неточности при изложении специальной теории относительности и подробно разъясняет понятие об инерциальных системах, траектории тел, проблему наблюдателя, определение одновременности событий и т.п. Правда, он считает, что нельзя отделять философское и физическое понимание принципа относительности, так как всякое достижение физики находит отражение в философии.

Большую статью опубликовал в следующем номере журнала «Вопросы философии» И.П. Базаров [35]. В соответствии с диалектическим материализмом, который учит различать результаты физических исследований и философские выводы из них, он считает, что есть теория относительности — учение о количественных пространственно-временных закономерностях движущихся тел — и есть теория относительности Эйнштейна, где кроме этих закономерностей, еще и его интерпретация их.

В результате длительных рассуждений и критики всех предыдущих участников дискуссии, Базаров пришел к следующему выводу:

«1. Теория относительности на основе закона природы об универсальности скорости света раскрывает пространственно-временные свойства тел в их отношениях с другими телами, устанавливая новые представления о пространстве и времени. Этим определяется ее основное содержание.

2. Философская интерпретация этого содержания теории относительности, даваемая Эйнштейном и его последователями, является идеалистической, реакционной и должна быть поэтому отброшена» [35, с. 185].

Похожую позицию занимает и академик В.А. Фок [36]. Он прямо пишет, что «философские взгляды основоположника теории относительности Эйнштейна можно характеризовать как идеалистические (махистские)» [36, с. 169]. Но в формулировке физических законов Эйнштейн выступает как материалист. Философы же, не понимая физики теории относительности, отождествляют ее с философскими установками создателя и поэтому ее отвергают.

Резко критикует Фок наиболее одиозного противника теории относительности Максимова: «А.А. Максимов, несмотря на свою многолетнюю практику в критике физических теорий, не удосужился изучить теорию относительности и опыты, на которых она базируется» [36, с. 173]. Вывод, к которому пришел Фок, вполне определен: «нет ничего более чуждого задачам передовой советской науки, чем невежественная критика этих теорий, приводящая к их бессмысленному и вредному отрицанию» [36, с. 174].

Максимов ответил Фоку в этом же номере журнала большой статьей [37]. Интересно, что редакция решила подстраховаться на тот случай, если читатели сочтут, что статья Максимова выражает официальное мнение редколлегии, которое в то время было обязательным для всех советских философов. Поэтому к статье дана сноска «Статья члена редколлегии А.А. Максимова печатается как дискуссионная, в общем порядке» [37, с. 175].

Как это ни странно, но Максимов практически не отвечает на критику Фока. Он подробно рассказывает о ньютоновских началах (по-видимому, для того, чтобы

показать, что физику он знает), затем — о движении как форме бытия материи, о законе стоимости Маркса и об измерении стоимости, о философских взглядах Эйнштейна. Затем Максимов опять пытается доказать единственность траектории тела. Правда, на этот раз Максимов скорректировал свою позицию. Теперь он пишет, что траектория существует «в одной-единственной форме — в той, которая реально существует в реальном пространстве Земли» [37, с. 190].

И вывод Максимов делает традиционный: «Определяя задачу диалектических материалистов как задачу «очищения» и «истолкования» того, что создано буржуазными физиками, В.А. Фок уводит внимание наших физиков и философов от создания подлинно новаторских теорий, сбивая их на путь апологетики, враждебных диалектическому материализму воззрений» [37, с. 178].

Критике взглядов Терлецкого и Максимова была посвящена большая статья член-корреспондента АН СССР А.Д. Александрова [38]. Подробно рассмотрев аргументацию Терлецкого (см. выше), Александров пришел к следующим выводам:

«1. Теория относительности есть *физическая* теория, а четырехмерная геометрия есть ее математическая форма, которая не может быть верно понята в отрыве от физического содержания теории. Нельзя сводить теорию относительности только к четырехмерной геометрии, отбрасывая ее физическое содержание.

2. Система отсчета есть объективная координация предметов и явлений по отношению к телу отсчета, определенная их материальными связями с телом отсчета. Система координат есть абстракция этих реальных отношений и имеет тем самым объективное содержание. Неправильно усматривать в системе отсчета только способ изображения, только воображаемую координатно-временную сетку и утверждать, что без познающего субъекта понятие системы отсчета бессмысленно. Всякий научный «способ изображения» отражает нечто объективно существующее, и именно это объективно существующее является предметом физики; выявление объективного содержания научных понятий должно составлять первую задачу материалиста, подходящего к анализу теории.

3. Физическая относительность как проявление свойств тел и процессов в их отношениях друг к другу существует столь же несомненно, как самитела и процессы. Ошибочно отрицать объективную физическую относительность и заменять ее зависимостью от выбора способа изображения, зависимостью от точки зрения физика.

4. Принцип относительности есть объективный закон физики, отражающий объективно общее в реальных отношениях предметов и явлений. Нельзя толковать принцип относительности как утверждение о независимости законов физики от выбора способов их изображения и подменять объективный закон, касающийся объективной действительности независимо от сознания, общим положением, касающимся отношений объекта к познающему субъекту» [38, с. 238].

Что же касается критики Максимова, то тут спорить не о чем — нельзя путать физику и философию, да и прежде чем писать о физике, ее надо изучать.

Последним в дискуссии выступил Н.Н. Харин [39], который раскритиковал Штерна (см. выше) за его «абсолютное пространство» и «абсолютное движение». Кроме него, по его мнению, взгляды участников дискуссии Максимова, Кузнецова, Курсанова «находятся в противоречии с требованиями марксистской философии к анализу содержания научных теорий» [39, с. 199]. Он подробно проанализировал ошибки этих философов, о которых мы подробно говорили выше.

Редакция журнала «Вопросы философии» подвела итоги дискуссии только в 1955 году, когда общая полигическая и идеологическая атмосфера серьезно изменилась.

6.

Вслед за журналом «Вопросы философии» дискуссию по проблеме связи массы и энергии, установленной теорией относительности, организовал журнал «Успехи физических наук» (УФН). В выпуске 2 за 1952 год была опубликована заметка «От редакции» [40, с. 146-147]. В заметке говорится, что открытие закона взаимосвязи массы и энергии, подготовленное классическими экспериментами П.Н. Лебедева и обобщенное «в теории быстрых движений» является большим успехом современной физики. Но этот закон за рубежом получил идеалистическое истолкование. И в советской литературе тоже существует определенная пуганица. Так в статье Т.П. Кравца, опубликованной в УФН [41], утверждается, что энергия есть материя. Некоторые говорят и о взаимопревращении массы и энергии. Но это недоразумение. Поэтому редакция открывает дискуссию по этому вопросу и просит физиков высказать свою точку зрения.

Действительно, Кравец в своей статье писал: «Энергия предстает нам, как некоторая субстанция, во всем подобная весоному веществу и наделенная всеми теми свойствами, которые заставляют нас считать весоное вещество субстанцией: она неразрушима и несоздаваема; она локализована в пространстве; она движется и передается; она обладает инертной массой; она весома; она разделена на атомы. Устанавливается точный закон эквивалентности между энергией и веществом. Можно утверждать, что то и другое в одинаковой мере суть то, что мы называем материей» [41, с.357].

В этом же выпуске [40] редакция опубликовала шесть статей ведущих советских физиков на эту тему.

Сотрудники физического факультета МГУ А.М. Бутов и Е.Г. Швидковский в большой статье [42] раскритиковали идеалистические извращения в понимании массы и энергии. Так Д. Франк-Каменецкий утверждает, что масса это одна из форм энергии. А.И. Бродский пишет, что масса и энергия есть разные формы движения материи, а Т.П. Кравец — что энергия это субстанция. А.А. Максимов говорит, что масса и энергия эквивалентны. Все эти точки зрения авторы статьи считают идеалистическими. Они утверждают, что между массой и энергией есть только взаимосвязь, которая и выражается законом Эйнштейна $E=mc^2$. Но что это такое, авторы так и не разъясняют.

Более содержательные статьи опубликовали академик В.А. Фок и профессор С.Э. Фриш.

Вначале Фок [43] подробно рассказывает об инертной и гравитационной массах и их равенстве, об определении энергии через способность производить работу. Это, по-видимому, ликбез для философов. Затем, Фок пишет, что «теория относительности утверждает, что масса и энергия неразрывно друг с другом связаны и притом пропорциональны друг другу. Это относится не только к изменениям кинетической энергии тела, при которых масса покоя остается неизменной, но и к изменениям различных видов внутренней энергии, при которых масса покоя меняется» [43, с. 162]. Эта неразрывная связь и пропорциональность позволяют «выражать массу и энергию в одних и тех же (скажем, энергетических) единицах».

И вот тут Фок ставит интересный вопрос: масса и энергия эквивалентны, а фактически наблюдаются два закона сохранения — для массы — по взвешиванию, энергии - по выделяющемуся теплу или по произведенной работе? Как это согласуется с тем, что в теории относительности формулируется только *один* закон? Фок отвечает: «строгий закон сохранения — один: для полной массы M и для соответствующей ей полной энергии тела W . Но подавляющая часть энергии (и соответствующей ей массы покоя) в превращениях обычно не участвует и сохраняется в отдельности. Тем самым сохраняется и остальная, активная, часть энергии, участвующая в превращениях» [43, с. 163].

В то же время «определенная из взвешивания полная масса тела практически сохраняется, несмотря на то, что тело выделяет или поглощает энергию. Это объясняется просто недостаточной точностью взвешивания, в соединении с тем, что подавляющую часть массы обычных тел составляет пассивная ее часть» [43, с. 163] — поясняет Фок. Тогда встает вопрос о более глубокой причине того, что при обычных условиях подавляющая часть энергии связана настолько прочно, что находится в совершенно пассивном состоянии. Почему даже ничтожная ее часть не выходит из этого состояния и не нарушает баланса активной части энергии? Фок считает, что ответ следует искать в области квантовой механики.

Большая статья Фриша [44] больше похожа на главу из учебника общей физики. Он подробно рассказывает о формировании понятий о массе и энергии. Переходя к вопросу о связи энергии и массы, Фриш формулирует общеизвестный закон: «Энергия и масса взаимно связаны в том смысле, что увеличение энергии системы приводит к одновременному увеличению ее массы, уменьшение энергии — к уменьшению массы. При этом дело идет о всех проявлениях массы, т. е. при изменении энергии меняются и инерционные и гравитационные свойства системы» [44, с. 181]. При этом он подчеркивает, что ни о каком превращении массы в энергию речи быть не может — эти величины *эквивалентны* друг другу. Поскольку это так, то возникает вопрос: нельзя ли объединить их в одном более общем физическом понятии? В теории относительности для этого вводится так называемый «тензор масс» T^{ik} , который является функцией состояния системы. Инвариант T^{ik} имеет размерность плотности масс, тот же инвариант, умноженный на c^2 — размерность плотности энергии. Но, подчеркивает Фриш, применение такого подхода к ядерным реакциям наталкивается на определенные трудности. Поэтому, считает Фриш, «по нашему мнению, современный уровень знаний еще не позволяет окончательно решить вопрос, можно ли полностью обобщить понятия массы и энергии в едином, более общем понятии, аналогично тому, как это можно сделать по отношению к понятиям о массах «инертной» и «гравитационной» [44, с. 190].

Большая статья Э.В. Шпольского [45] изобилует примерами из различных областей физики, которые позволяют понять, как связаны масса и энергия. Так, на примере соударения абсолютно упругих шаров, он показывает, что масса тела зависит от скорости, что в неявном виде содержит соотношение между массой и энергией. На примере образования ядра из протонов и нейтронов вводится понятие дефекта массы, соответствующая энергии связи между частицами. Но это не значит, что здесь масса перешла в энергию, «масса ни во что не превращается и не может превращаться, так как не существует массы без энергии и энергии без массы: то и другое свойство материи неразрывно связаны между собой» [45, с. 205]. С этой точки зрения разъясняется и процесс аннигиляции электрона и позитрона.

Суворов [46] под физику подводит философскую базу. Он считает, что движение в общем смысле это «изменение связей тела со всеми другими частями си-

стемы, связей, осуществляемых через поле» [46, с. 217]. Отсюда «*масса тела должна определяться всей совокупностью его связей с другими телами (его полем)*» [46, с. 217]. Поэтому процесс соударения, по Суворову, следует рассматривать не как процесс обмена энергией, а как процесс, в результате которого происходит изменение связи соударяющихся тел с полем, а вследствие этого и изменение их массы. Правда, остается неясным, о каком поле следует говорить при соударении тел?

Этот философский подход типичен и для статьи И.В. Кузнецова [47]. Она представляет собой расширенный текст доклада, прочитанного автором на заседании Ученого совета сектора диалектического материализма Института философии АН СССР в мае 1952 года.

Как и в рассмотренных ранее статьях вначале Кузнецов рассматривает понятия массы и энергии. Затем он критикует западных идеалистов, которые видят в массе только коэффициент в неких формулах, отрывают ее от материи. То же утверждают и советские физики Хайкин, Иоффе, Юрьев. Раскритиковал Кузнецов и идеалистов, извращающих закон сохранения и превращения энергии.

Затем Кузнецов переходит к главному — к связи массы и энергии. Он пишет, что только идеалисты считают, что масса превращается в энергию, а энергия — в массу. Среди наших физиков это Иоффе, Кравец, Сыркин, Капустинский, Рогинский, Шпольский, Максимов. Разоблачению последнего Кузнецов посвятил большую часть своей статьи.

На самом деле, говорит Кузнецов, «не может быть материального объекта, обладающего массой, но не обладающего в то же время энергией или обладающего энергией, но не имеющего массы: масса и энергия неразрывно связаны между собой» [47, с. 244].

Интересно, что вслед за статьей Кузнецова, редакция УФН поместила краткое обсуждение его доклада в Институте философии [48]. Поскольку в обсуждении доклада участвовало большинство авторов рассмотренных нами выше статей, и они имели возможность еще раз высказать свои точки зрения и выслушать критику, можно думать, что это обсуждение и есть, до некоторой степени, подведение итогов дискуссии на страницах УФН.

Все выступавшие в обсуждении сохранили свои позиции, заявленные в предыдущих статьях. В принятом после обсуждения доклада решении Ученого совета отмечается важность борьбы против физического идеализма и энергетизма. Вместе с тем указано, что ряд ученых, в частности Максимов, «развивает в корне неправильные взгляды на соотношение массы и энергии и даже материи и энергии» [48, с. 284].

Естественно, что доклад Кузнецова, характер обсуждения и решение Ученого совета не всех удовлетворило. Максимов в своем письме в редакцию УФН [49] обвиняет Кузнецова в том, что он приписывает Максиму утверждение Бутлерова, которое цитирует Максимов, о том, что «количество вещества меняется, превращаясь в энергию».

Кузнецов тут же ответил [50]. Да, признается он, так утверждал действительно Бутлеров. Но ниже Максимов пишет, что физика XX века полностью подтвердило предположение Бутлерова, в котором тот сильно сомневался. Поэтому претензии Максимова не обоснованы. «Письмо А.А. Максимова в редакцию УФН, — пишет Кузнецов, — вновь подтверждает справедливость вывода, сделанного Ученым советом сектора диалектического материализма Института философии АН СССР о том, что А.А. Максимов при обсуждении вопроса о массе и энергии занял несамокритичную позицию» [50, с. 499].

Терлецкий тоже недоволен [51]. Он пишет, что в обзоре выступлений по докладу Кузнецова Овчинников искажил формулу и смысл, приведенные в выступлении Терлецкого. Овчинников написал, что Терлецкий не считает соотношение $E = mc^2$ законом природы. Терлецкий оправдывается тем, что это соотношение является лишь частным физическим соотношением, по сравнению с общими законами сохранения, следующими из теории относительности.

Овчинников не преминул ответить тут же [52]. Он цитирует стенограмму, где четко сказано, что Терлецкий отрицал необходимость называть соотношение $E = mc^2$ законом природы. И Кузнецов, и Овчинников, пишет далее последний, считают это соотношение законом природы, а не частным физическим соотношением.

В связи с рассматриваемой дискуссией в УФН появились две статьи о понятии масса. А.И. Морозов [53] настаивает, что массу нельзя рассматривать только как меру инерции, так как это сводит массу к движению и, в конечном счете, к энергии. Он считает массу мерой количества материи. А Н.Н. Малов [54] считает, что «количество материи» является настолько неопределенным, что его применение является вообще нежелательным.

Так закончилась и эта дискуссия. В результате, как видно из приведенных материалов, подавляющее большинство физиков поняли, что масса не переходит в энергию и наоборот, а эти два свойства материи взаимосвязаны.

7.

Обсуждение основных, прежде всего, методологических вопросов теории относительности, продолжалось все пятидесятые годы. Активность проявляли все те же А.Д. Александров [55-57], М.Ф. Широков [58,59], Г.А. Курсанов [60], Я.П. Терлецкий [61], Б.М. Вул [62].

Важным событием стало Всесоюзное совещание по философским вопросам современного естествознания, состоявшееся в Москве в октябре 1958 года. Оно проходило в период идеологической оттепели — уже была реабилитирована кибернетика, теорию относительности уже отрицать был невозможно, генетика уже не считалась лженаукой. Кстати, на совещании Лысенко не выступал, а Н.И. Гашенков, хотя и упоминал мичуринскую биологию, но только в контексте. В следующем году труды этого совещания были опубликованы отдельным томом [63].

На совещании одной из главных тем была теория относительности. Основной доклад по теории относительности сделал член-корреспондент АН СССР А.Д. Александров [64]. Кстати сказать, этот доклад был опубликован заранее [57] и рздан участникам совещания.

Александров начал свой доклад так: «Теория относительности есть физическая теория пространства и времени... и поэтому общие выводы этой теории имеют философское значение и понимание ее невозможно без должного философского анализа ее основ»[64, с. 93]. Далее Александров попытался раскрыть философам основные положения теории относительности, используя их язык. «Истинная сущность теории относительности, - сказал он, - состоит не в том, что она установила относительность времени, не в том, что она рассматривает явления в их отношениях к тем или иным системам отсчета и находит различие в их характеристиках по отношению к разным системам. Сущность теории относительности состоит в раскрытии того, что эти относительные характеристики суть лишь аспекты безот-

носительного, абсолютного. Главное не в относительности времени и пространства, а в том, что они являются лишь аспектами единой абсолютной формы существования материи — пространства — времени [64, с. 95-96]. Эту точку зрения Александров развивал на протяжении всего доклада.

Но начал он с критики ошибок в понимании теории относительности. По его мнению, основная ошибка создателя теории относительности состоит в том, *«основным оказывается понятие инерционной системы отсчета (координат) и исходной — точка зрения относительности, не абсолютная структура (геометрия) пространства-времени, не реальность «сама по себе», а реальность в ее относительном проявлении. Безотносительное же определяется через относительное как инвариант преобразования координат»* [64, с. 98]. Такой подход, по Александрову, подобен тому, как надо восстанавливать форму предмета по его различным проекциям и поэтому он содержит ряд трудностей и недостатков.

Этот подход, сказал Александров, дал нашим авторам повод приписывать идеализм самим выводам теории относительности и поносить ее как махистскую. Более того, ряд авторов вообще отрицают эту теорию, как не соответствующую диалектическому материализму. Это происходит, считает Александров, от незнания физики и диалектики. Тут докладчик нелицеприятно критикует И.В. Кузнецова, С.Я. Штейнмана и венгерского ученого Яноши.

Большая же часть доклада Александров посвящена его попытке построить «правильную» теорию «структуры абсолютного пространства-времени» [64, с. 111]. Самой «правильной теории», конечно, в докладе нет, но есть краткое суммирование ее основ: *«Пространство-время есть множество всяких событий в мире, взятое в отвлечении от всех его свойств, кроме тех, которые определяются структурой системы отношений воздействия одних событий на другие, причем пространство-время является четырехмерным многообразием, максимально однородным, насколько позволяет вообще система указанных отношений. Избранные — инерциальные, или, как мы предложили бы здесь сказать, Лоренцовы системы координат выделяются как избранные самой этой структурой»* [64, с. 125].

В заключении Александров формулирует следующие методологические выводы:

«Теория относительности дает подтверждение, конкретизацию и развитие учения диалектического материализма о пространстве и времени как формах существования материи... Тем, что теория относительности установила все эти связи: пространства и времени, структуры пространства-времени и материи, структуры пространства-времени и причинности, массы и энергии и т. д., она подтверждает и развивает учение диалектического материализма о взаимной связи и взаимной обусловленности всех сторон действительности, о материальном единстве мира» [64, с. 127-128].

Таким образом, Александров на этом представительном совещании, решения которого, что бы ни говорилось в резолюции (см. ниже), будут обязательны для всех советских философов, еще раз во всеуслышание заявил, что теория относительности вполне соответствует диалектическому материализму. Что же касается его попыток (см. также [57]) развить ее в нужном «абсолютном» плане, то пока у него ничего не вышло.

Второй доклад, связанный с теорией относительности, назывался «Некоторые методологические вопросы космогонии» [65]. Сделал его академик В.А. Амбарцумян. Этот доклад тоже был размножен и роздан участникам совещания.

Амбарцумян был очень осторожен — вначале он долго рассуждал о недопустимости построения «умозрительных» теорий, пытающихся объяснить поведение всего, и призывал опираться только на хорошо проверенные факты.

Положение его было очень тяжелое — астрофизические данные (красное смещение, реликтовое излучение) несомненно говорили о расширении вселенной и о ее замкнутости. Но это противоречило диалектическому материализму. Что же делать?

Амбарцумян нашел остроумный выход. Да, говорил он, все это есть. Но, в-первых, красное смещение измерено очень неточно и поэтому можно думать, что разбегаются только ближайšie к нам галактики. Во-вторых, выводы общей теории относительности применимы только к однородной вселенной, а она, как показали последние исследования, резко неоднородна. Поэтому рано делать глобальные выводы.

А для того, чтобы окончательно не потерять лицо, Амбарцумян заявил: «Сделанные выше критические замечания, относящиеся к построению теорий вселенной в целом, имеющей равномерную плотность, отнюдь не означает, что исследования некоторых формальных решений уравнений тяготения Эйнштейна, при некоторых идеальных, воображаемых условиях, не имеют никакого смысла. Отнюдь нет. Дело только в том, что следует правильно расценивать значение этих решений» [65, с. 275].

Закончил Амбарцумян так: «Когда мы смело ставили какие-либо вопросы, и когда наука подходила к чему-то еще не разгаданному, к чему-то чрезвычайно глубокому и интересному, то нас старались некоторые философы сдерживать, - как бы наши ученые не впади в идеализм! Философы должны знать, что за ними большой долг, и мы хотим, чтобы наши философы настолько углубились в решение больших, принципиальных вопросов в области естествознания, чтобы они могли факелом философской мысли освещать новую дорогу, открывающуюся перед современным естествознанием» [66, с. 290].

В обсуждении докладов приняло участие 44 участника. Большинство выступавших обсуждали проблемы физики микромира, биологии и кибернетики и только несколько выступлений было посвящено теории относительности.

Профессор М.Ф. Широков [66] раскритиковал Александрова за то, что в его докладе отрицается объективная реальность общего принципа относительности как физического закона. Он, говорит Александров, имеет лишь формально-математический смысл. Тем самым отрицается реальность инерционных сил и всех физических эффектов, связанных с ними. Но почему-то Александров, тем не менее, признает закон всемирного тяготения.

Академик АН ЭССР Г.И. Наан [67] заметил, что на западе считают, что наша вселенная имеет катастрофическое происхождение (Большой взрыв), что приводит к фидеистическим спекуляциям. Наан утверждает, что катастрофическая гипотеза в космологии не необходима. Далее он считает, что красное смещение еще не доказательство расширения всего космического пространства, а вопрос о кривизне пространства еще не решен.

А.Л. Зельманов [68] окончательно запутал вопрос о конечности или бесконечности пространства и времени. Он сказал, что общая теория относительности допускает простые модели, в которых пространство конечно, но и такие модели, где пространство бесконечно. В сложных моделях пространственно-временной континуум инвариантен, но в зависимости от выбранной системы координат, он может распасться как на конечное пространство, так и на бесконечное.

А.А. Тяпкин [69] поставил на обсуждение вопрос о том, какие конкретные свойства движения и взаимодействия материи отражают релятивистские преобразования пространства и времени? Нужно проанализировать природу релятивистских эффектов, сказать, вскрыть их причины и выделить в этих эффектах стороны динамического воздействия, которые, безусловно, заключены в самом содержании теории относительности. Необходимо, по его мнению, выявить причины того, почему в движущейся системе процессы изменяют свою ритмику.

Н.Ф. Овчинников [79] критикует логику построения теории относительности, высказанную Александровым — от относительного к абсолютному. Но что принять за абсолютное, из доклада не ясно. По Александрову, это материальная связь явлений. Но как ее учесть? Оказывается, абсолютное относится к пространству-времени, то есть, Александров возвращается к логике теории относительности.

В своем заключительном слове Александров ответил на замечания [71]. Он не отрицает общий принцип относительности, как утверждает Широков. Теория относительности есть теория пространства-времени в духе Римановой геометрии и поэтому, какой тип этой геометрии — таково и поле тяготения.

Александров согласен с Овчинниковым, что надо брать за первичное абсолютное. Но Овчинников не понял, что абсолютное это совокупность событий.

В своем заключительном слове один из организаторов совещания член-корреспондент АН СССР П.Н. Федосеев [72] подчеркнул, что заслушанные доклады не являются «руководящими, директивными» материалами, а мнения, высказанные в обсуждении, не являются обязательными. Он настаивал на атмосфере творческой дискуссии без идеологических оценок. «Здесь мы уже не слышали бездоказательного наклеивания ярлыков «идеалист», «метафизик» и т.п.» - сказал Федосеев. Но в то же время: «Борьба против идеализма, против буржуазного влияния должна вестись самым решительным и самым последовательным образом. Это требуют интересы марксистско-ленинского воспитания, интересы развития самой науки» [72, с. 593].

Кстати, Федосеев специально коснулся и теории относительности. Он сказал: «Изражаются, например, данные общей теории относительности в таком направлении, что, якобы, из нее вытекает ограниченность вселенной в пространстве и начало ее существования во времени... В прошлом веке еще господствовали представления об «абсолютном пространстве» и «абсолютном времени» как о внешних формах, оторванных от материи и друг от друга, а диалектический материализм убедительно доказал, что пространство и время неразрывно связаны с материей и друг с другом» [72, с. 596-597]. Оказывается, не теория относительности, а диалектический материализм!

В решении совещания «О задачах разработки философских вопросов естествознания» [73] говорится о том, что «успехи современного естествознания все глубже раскрывают и обогащают основные положения диалектического материализма. Современная астрономия дает новые научные аргументы для обоснования материалистических идей о бесконечности мира во времени и пространстве» [73, с. 602]. Ну и конечно, ставится задача усиления борьбы против идеализма и метафизики.

Отчеты о работе этого совещания были опубликованы в журналах «Вопросы философии» [73] и «Успехи физических наук» [74].

В журнале «Вопросы философии» были опубликованы вступительное слово Президента АН СССР академика А.Н. Несмеянова, заключительное слово члена-корреспондента АН СССР П.Н. Федосеева и решение совещания. Кроме того, был дан обзор обсуждения основных тем: квантовой механики (Ю.В. Сачков),

теории относительности (Н.Ф. Овчинников) и проблем биологии (Ю.П. Фролов, Л.Н. Плющ и А.И. Игнатов). В заключение Е.Н. Чесноков обобщил результаты работы совещания. Он констатировал, что «совещание прошло под знаком торжества идей диалектического материализма в современном естествознании» [73, с. 88].

В журнале «Успехи физических наук» тоже были опубликованы вступительное слово Президента АН СССР академика А.Н. Несмеянова, заключительное слово члена-корреспондента АН СССР П.Н. Федосеева и решение совещания. В разделе «От редакции» она, редакция, констатирует что «совещание показало полное единодушие советских ученых в оценке основополагающей роли философии диалектического материализма для современного естествознания» [74, с. 717].

В целом, это совещание положило конец идеологизации науки, когда, на протяжении многих лет, новейшие достижения современного естествознания и, в частности, теория относительности, объявлялись идеалистическими, метафизическими, махистскими, позитивистскими и т.п. потому, что их, науки, методологические выводы противоречили диалектическому материализму.

Литература

1. *Сонин А.С.* Борьба с космополитизмом в советской науке. М. Наука. 2011
2. *Сонин А.С.* «Физический идеализм». История одной идеологической кампании. М. Физматлит. 1994.
3. *Сонин А.С.* Восприятие теории относительности в советской философской литературе в 1920—1930 е годы. "Семь искусств", №9/2015
4. ГАРФ. Ф. 9396. Оп. 1. Д. 261. Л. 111-141.
5. ГАРФ. Ф. 9396. Оп. 1. Д. 265. Л.20-43.
6. *Максимов А. А.* Марксистский философский материализм и современная физика. Вопросы философии. 1948. № 3. С. 105-124.
7. ГАРФ. Ф. 9396. Оп. 1. Д. 246. Л. 191-262.
8. *Наан Г.Н.* Современный «физический» идеализм в США и Англии на службе поповщины и реакции // Вопросы философии. 1948. № 2. С. 288-308.
9. *Омельяновский М. Э.* Фальсификаторы науки (об идеализме в современной физике) // Вопросы философии. 1948. № 3. С.143-162.
10. *Омельяновский М. Э.* Борьба материализма против идеализма в современной физике. В сб. Вопросы диалектического материализма. 1951. М. АН СССР.С. 143-170
11. *Штейнман Р.Я.* О реакционной роли идеализма в физике // Вопросы философии. 1948. № 3. С.164-173.
12. *Митин М. Б.* «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленина и борьба против современной идеалистической реакции // Вопросы философии. 1949. № 1. С.60-84.
13. *Варичак В.* О неевклидовом истолковании теории относительности // Новые идеи в математике. 1914. № 7 С. 44.
14. *Иовлев Н.Н.* Пространство и время и принцип относительности в сочинениях Н.И. Лобачевского // Известия Самарского государственного университета. 1922. Вып. 3. С. 9-66.
15. *Котельников А.П.* Принцип относительности и геометрия Лобачевского // Сборник памяти Лобачевского 1927. Казань. С. 30
16. *Сторчак Л.И.* Значение идей Лобачевского в развитии представлений о пространстве и времени // Вопросы философии. 1951. № 1. С. 143-147.

17. Курсанов Г.А. Диалектический материализм о пространстве и времени // Вопросы философии. 1950. № 3. С. 173-191.
18. Иоффе А.Ф. Основные представления современной физики. Гостехтеориздат. М. - Л. 1949.
19. Омельяновский М.Э. О книге академика А. Ф. Иоффе «Основные представления современной физики» // Вопросы философии. 1951. № 2. С. 203-207.
20. Кузнецов И.В., Овчинников Н.Ф. За последовательное диалектико-материалистическое освещение достижений современной физики (О книге А.Ф. Иоффе «Основные представления современной физики») // УФН. 1951. Т. XLV № 1. С. 113-140.
21. Архив ЛФТИ. Ф. 3. Оп. 1. Д.210. Л. 60-142.
22. Иоффе А.Ф. Письмо в редакцию. К вопросу о философских ошибках моей книги «Основные проблемы (так в тексте — А.С.) современной физики»//УФН. 1954. Т. LIII. № 4. С. 589-598.
23. Философские вопросы современной физики. М.: АН СССР. 1952.
24. Архив РАН. Ф. 532. Оп. 1. Д. 231. Л. 1-102.
25. Наан Г.И. К вопросу о принципе относительности в физике // Вопросы философии. 1951. № 2. С. 57-77.
26. Ахундов М.Д., Баженов Л.Б. Философия и физика в СССР. Знание. 1989.
27. Курсанов Г.А. К критической оценке теории относительности // Вопросы философии. 1952. № 1. С. 169-174.
28. Штерн В. К вопросу о философской стороне теории относительности // Вопросы философии. 1952. № 1. С. 175-181.
29. Блохинцев Д.И. За ленинское учение о движении // Вопросы философии. 1952. № 1. С. 181-183.
30. Вильницкий М.Б. За последовательно-материалистическую трактовку принципа относительности // Вопросы философии. 1952. № 1. С. 183-186.
31. От редакции // Вопросы философии. 1952. № 1. С. 186.
32. Широков М.Ф. О преимущественных системах отсчета в ньютоновской механике и теории относительности // Вопросы философии. 1952. № 3. С. 128-139.
33. Терлецкий Я.П. О содержании современной физической теории пространства и времени // Вопросы философии. 1952. № 3. С. 191—197.
34. Кард П.Г. О теории относительности // Вопросы философии. 1952. № 5. С. 240-247.
35. Базаров И.П. За диалектико-материалистическое понимание и развитие теории относительности // Вопросы философии. 1952. № 6. С. 175-185.
36. Фок В.А. Против невежественной критики современных физических теорий // Вопросы философии. 1953. № 1. С. 169-174.
37. Максимов А.А. Борьба за материализм в современной физике // Вопросы философии. 1953. № 1. С. 175-194.
38. Александров А.Д. По поводу некоторых взглядов на теорию относительности // Вопросы философии. 1953. № 5. С. 225-245.
39. Харин Н.Н. О некоторых философских проблемах теории относительности // Вопросы философии. 1954. № 4. С. 194—201.
40. От редакции // УФН. 1952. Т. 48. Вып. 2. С. 145-146.
41. Кравец Т.П. Эволюция учения об энергии // УФН. 1948. Т. 36. Вып. 11. С. 338-358.
42. Бутов А.М., Швидковский Е.Г. О законе взаимосвязи массы и энергии (Против идеалистических извращений в толковании закона $E=mc^2$) // УФН. 1952. Т. 48. Вып. 2. С. 147-160.
43. Фок В.А. Масса и энергия // УФН. 1952. Т. 48. Вып. 2. С. 161—165.
44. Фриш С.Э. Представление о массе и энергии в современной физике // УФН. 1952. Т. 48. Вып. 2. С. 167-190.

45. *Шпольский Э.В.* О связи между массой и энергией // УФН. 1952. Т. 48. Вып. 2. С. 191-211.
46. *Суворов С.Г.* К вопросу о законе взаимосвязи массы и энергии // УФН. 1952. Т. 48. Вып. 2. С. 213-220.
47. *Кузнецов И.В.* Против идеалистических извращений понятий массы и энергии // УФН. 1952. Т. 48. Вып. 2. С. 221-262.
48. *Овчинников Н.Ф.* Обсуждение доклада И.В. Кузнецова «Против идеалистических извращений понятий массы и энергии» на Ученом совете сектора диалектического материализма Института философии АН СССР (Краткий обзор выступлений) // УФН. 1952. Т. 48. Вып. 2. С. 263-285.
49. *Максимов А.А.* Письмо в редакцию. О статье И.В.Кузнецова «Против идеалистических извращений понятий массы и энергии» // УФН. 1953. Т. 49. Вып. 3. С. 497-498.
50. *Кузнецов И.В.* По поводу письма А.А. Максимова в редакцию журнала «Успехи физических наук» // УФН. 1953. Т. 49. Вып. 3. С. 498-499.
51. *Терлецкий Я.П.* Письмо в редакцию по поводу статьи Н.Ф. Овчинникова «Обсуждение доклада И.В. Кузнецова» // УФН. 1953. Т. 50. Вып. 1. С. 157.
52. *Овчинников Н.Ф.* Ответ Я.П. Терлецкому // УФН. 1953. Т. 50. Вып. 1. С. 158-159.
53. *Морозов А.И.* Масса как мера количества материи // УФН. 1954. Т. 52. № 2. С. 206-217.
54. *Малов Н.Н.* По поводу обсуждения понятия «масса» // УФН. 1954. Т. 52. № 3. С. 498-500.
55. *Александров А.Д.* О сущности теории относительности // Вестник ЛГУ. 1953. № 8. С. 107-108.
56. *Александров А.Д.* Философское содержание и значение теории относительности // Вопросы философии. 1959. № 1. С. 67-84.
57. *Александров А.Д.* Теория относительности как теория абсолютного пространства — времени // В сб. Философские вопросы современной физики. 1959. М.: АН СССР. С. 269-323.
58. *Широков М.Ф.* О материалистической сущности теории относительности // В сб. Философские вопросы современной физики. 1959. М.: АН СССР. С. 324-369.
59. *Широков М.Ф.* О преимущественных системах отсчета в ньютоновской механике и теории относительности // В сб. Диалектический материализм и современное естествознание. 1957. М.: Госполитиздат. С.59-81.
60. *Курсанов Г.А.* К оценки философских взглядов А. Эйнштейна на природу геометрических понятий / В сб. Философские вопросы современной физики. 1959. М.: АН СССР. С. 339-410.
61. *Терлецкий Я.П.* О содержании современной физической теории пространства и времени // В сб. Диалектический материализм и современное естествознание. 1957. М.: Госполитиздат. С.82-96.
62. *Вул Б.М.* О законах механического движения в классической и квантовой физики // В сб. Диалектический материализм и современное естествознание. 1957. М.: Госполитиздат. С.45-58.
63. Философские вопросы современного естествознания. Труды Всесоюзного совещания по философским вопросам естествознания. 1959. М.: АН СССР.
64. *Александров А.Д.* Философское содержание и значение теории относительности // В сб. Философские вопросы современного естествознания. 1959. М.: АН СССР. С. 93-136
65. *Амбарцумян В.А.* Некоторые методологические вопросы космогонии // В сб. Философские вопросы современного естествознания. 1959. М.: АН СССР. С. 268-290.
66. *Широков М.Ф.* Выступление // В сб. Философские вопросы современного естествознания. 1959. М.: АН СССР. С. 365-369.
67. *Наан Г.И.* Выступление // В сб. Философские вопросы современного естествознания. 1959. М.: АН СССР. С. 416-420.
68. *Зельманов А.Л.* Выступление // В сб. Философские вопросы современного естествознания. 1959. М.: АН СССР. С. 434-441.

69. *Тяпкин А.А.* Выступление // В сб. *Философские вопросы современного естествознания*. 1959. М.: АН СССР. С. 446-449
70. *Овчинников Н.Ф.* Выступление // В сб. *Философские вопросы современного естествознания*. 1959. М.: АН СССР. С. 449-456.
71. *Александров А.Д.* Заключительное слово // В сб. *Философские вопросы современного естествознания*. 1959. М.: АН СССР. С. 573-575
72. *Федосеев П.Н.* Заключительное слово // В сб. *Философские вопросы современного естествознания*. 1959. М.: АН СССР. С. 589-601.
73. Всесоюзное совещание по философским вопросам современного естествознания // *Вопросы философии*. 1959. № 2. С. 59-88.
74. Всесоюзное совещание по философским вопросам современного естествознания // *УФН*. 1959. Т. 68. Вып. С. 717-727.

Фридрих Горенштейн

КРИМ-БРЮЛЕ, или ВЕРЕВОЧНАЯ КНИГА (LIBRO DE CUERDA). ВСТУПЛЕНИЕ

Уголовно-антропологический мефистофельский
роман-комикс с мемуарными этюдами

(публикация, вступительная статья и комментарии
Григория Никифоровича)

Среди русских писателей второй половины двадцатого века не было, пожалуй, равного Фридриху Горенштейну по глубине проникновения в человеческую психологию. Романы «Искушение» (1967), «Псалом» (1975), «Место» (1976), «Попутчики» (1985) мощно продолжили традицию классической русской литературы — «вторым Достоевским» его называли по праву. В то же время прозаик, драматург и киносценарист Горенштейн всегда интересовался проблемами российской истории, посвятив им пьесу «Детоубийца» о противостоянии Петра Первого и царевича Алексея (1985) и фундаментальный роман-драму «На крестцах. Хроника времен Ивана IV Грозного» (1997-1999). Роман «Веровочная книга» — из того же ряда.

Роман был начат в 1999 году. Горенштейн писал тогда Л.И. Лазареву: *«Я начал новый роман о коммунистической и посткоммунистической России. С корнями в недалекое, далекое и очень далекое прошлое. Без корней ничего не вырастает»*. И заключал со свойственной ему самоиронией: *«Год-полтора придется трудиться. В моем возрасте пишут уже только графоманы. Нормальные пишут мемуары»*. Судя по другим его письмам, к середине 2001 года черновик романа уже сложился: на его последней странице Горенштейн проставил дату завершения — 29.7.2001, воскресенье. Но внезапно нагрянувшая скоротечная болезнь помешала дальнейшей работе, и до своей кончины в марте 2002 года писатель успел надиктовать на магнитофон лишь около 150 страниц из более чем тысячестраничной рукописи. В этом ему помогала **Мина Полянская** — писательница и литературный редактор берлинского журнала «Зеркало загадок», немало сделавшая для Горенштейна в последние годы его жизни. Она и сообщила в печати о существовании романа: сначала в некрологе, а потом — и в книге «Я — писатель незаконный» (2003).

Сегодня, однако, роман находится в положении неопределенном: он и существует, и не существует одновременно. Существует рукопись всего романа — несколько папок, хранящихся в Восточно-европейском архиве Бременского университета, — и аудиозапись, которая охватывает вступительные фрагменты к книге и три первых главы «романа-бабочки» (к нему и относится заглавие «Веровочная книга»), отделившегося от первоначального замысла «романа-гусеницы» — так называл эти две части книги сам Горенштейн. Полностью рукопись еще далеко не расшифрована — почерк писателя настолько неразборчив, что иначе, как с рас-

шифровкой, процесс ее чтения не сравнить. Тем не менее, уже тот текст, который удалось восстановить, дает представление и о содержании, и о стиле книги.

Первая страница вступления к роману: рукопись Ф. Горенштейна

«Веревочная книга» не похожа ни на что, написанное Горенштейном ранее. Впрочем, писатель и прежде не повторял самого себя — в интервью журналистке Маргарите Хемлин он говорил: *«Ну, нельзя работать на одном и том же... Я никогда так не делаю. Это тяжело — менять прием. Я каждый раз придумываю что-то новое»*. В этот раз с самого начала была задумана книга для широкого читателя, потенциальный бестселлер — может быть, еще и для того, чтобы сломать издательский стереотип, о котором Горенштейн горько шутил: *«...я — хороший писатель, в котором нет потребности»*. И, судя по уже прочитанному, замысел удался.

Одна из сюжетных линий «романа-бабочки» — предположение о том, что случилось (или могло случиться) с деньгами партии большевиков, добытыми вооруженным ограблением транспорта Тифлисского казначейства, удачно проведенным под руководством будущего вождя мирового пролетариата товарища Сталина в 1907 году. Действие романа происходит в разные времена и в разных точках земного шара — Аргентина, Женева, Крым, Симбирск, — а в судьбах персонажей, как реально существовавших (Ленин, Крупская, Сталин), так и вымышленных (потомок молочан Спиридон Уклеин, мальчик-сирота Мигель Гутьерес, его дядя Хосе) историческая правда и вымысел перемешаны до полной неразличимости, что неожиданно придает изложению особую убедительность.

Скажем, двоюродный дедушка Ленина профессор-ихтиолог Веретенников целиком — за исключением фамилии — выдуман писателем. Однако областью его исследований — скрещиванием карпа и карася — до сих пор занимаются серьезные рыбоводы; издательство Павленкова, якобы напечатавшее книжку профессора о пушкинской золотой рыбке, было хорошо известно в России; и даже некто товарищ Бергавинов, участник XV съезда ВКП(б), мельком упомянутый в связи с «методом профессора Веретенникова», действительно в те годы был секретарем Архангельского губкома. И вот уже читатель легко принимает за чистую монету трагическую гибель дедушки-ихтиолога, съеденного бенгальским тигром в экспедиции на бере-

гах Ганга «со всеми карманными часами и кошельком, где лежало 200 рублей серебром и 300 фунтов стерлингов», что конечно же — даже сомневаться не приходится — оставило глубокий след в психике его двоюродного внука.

Ирония на грани издевки (сейчас сказали бы — «стеб»), насмешка, сатира, пародия — вот главные художественные средства писателя в «Веревочной книге». Но, в самом деле, «как писать о России без сатиры?» — спрашивает Горенштейн. Ведь даже роман «Евгений Онегин», не говоря уже о поэме «Мертвые души», — произведения сатирические. Да, история России трагична, однако и «по-настоящему смешной анекдот в основе своей всегда трагичен и умен. Пародия же на исторический мемуарный роман, чем является эта книга, уж особенно трагична». Чтобы взяться за такую книгу, нужна отвага реформатора Мартина Лютера — или пожарного, бесстрашно «разгребающего головушки, пылущие жаром истории». Или Горенштейна — мастера, знающего, что даже легкая «бабочка», выпорхнувшая из-под его пера, не окажется легковесной.

Сюжет другой части книги — «романа-гусеницы», который писатель озаглавил «Крим-брюле», — остается пока неизвестным. В бременском архиве хранится машинописная копия неопубликованной повести Горенштейна «Астрахань — черная икра» (1983); по некоторым сведениям, этот материал мог быть использован при написании «гусеницы». Можно полагать также, что значительная часть «Крим-брюле» посвящена «временн переломному и смутному» — истории России после краха коммунизма. При оценке столь недавних событий автор неизбежно есть «лицо слишком предвзятое и заинтересованное» — и Горенштейн, якобы для полной объективности, поручает введение к «Крим-брюле» наблюдателю, отделенному от происходящего расстоянием в полтора века. Правда, подвох обнаруживается очень быстро: компиляция цитат из книг и статей А.И. Герцена, написанных в такой же переломный исторический момент — сразу после потрясших Европу революций 1848 года, — оборачивается беспощадной сатирической картиной современности.

О полном содержании последней книги Фридриха Горенштейна читатели и исследователи узнают, когда (и если) удастся завершить расшифровку рукописи. Литературное общество имени Фридриха Горенштейна (Берлин), ставящее своей целью популяризацию творчества писателя, планирует по инициативе председателя общества Юрия Векслера создание международного проекта по расшифровке рукописи романа и подготовке ее комментированного издания. Однако даже в самом лучшем случае было бы нереально ожидать появления текста всей рукописи в печати в ближайшее время. Но тем более важно уже сейчас обозначить присутствие романа в русской литературе, и без того обедненной когда-то *непубликацией* произведений Горенштейна: одно только «Место», будь оно каким-то чудом издано сразу после написания, могло бы изменить весь тон, а возможно, и уровень тогдашней прозы. В этой связи предлагаемый вниманию читателей вариант вступления к роману («Avis au lecteur») — по существу, законченного литературно-исторического эссе — позволит, будем надеяться, не только заявить о романе, но и оценить новый, необычный стиль автора. И хотя некоторые фрагменты этого эссе уже пересказывались Миной Полянской в ее многочисленных статьях, никакой пересказ не может, конечно, заменить знакомство с оригинальным текстом.

В заключение следует сделать несколько необходимых замечаний о подготовке материала к печати. Обычно Горенштейн диктовал свои рукописи либо сначала на магнитофон, либо прямо машинистке — это была как бы первая авторская редакция — и правил затем получившуюся машинопись. Но начало «Веревочной книги»

писатель диктовал уже будучи смертельно больным, и аудиозапись содержит многочисленные пропуски, добавки, оговорки, нечеткое произношение и чисто технические помехи. Поэтому основным методом восстановления текста стало объединение рукописи и аудиозаписи: явные пропуски в аудиозаписи восполнялись по рукописи, однако ни одного не принадлежащего автору слова вставлено не было (исправлялась только несогласованность падежей и пунктуация). При наличии разночтений в этих двух источниках предпочтение отдавалось словам, более соответствующим ритмике текста (именно ритм Горенштейн считал главной характеристикой прозы). Самые крупные изменения состояли в разбивке на абзацы и подглавки — в рукописи эта разбивка отсутствует — и некоторой их перекомпоновке. Кроме того, из нескольких эпиграфов, предшествующих рукописи в целом, были выбраны только три, наиболее характерные для публикуемого фрагмента романа. Далее, для публикации в «Семи искусствах» некоторые абзацы изъяты и заменены знаком <...> — полный текст приведен в журнале «Вопросы литературы» за 2015 год, номер 2, стр. 328-352 (в интернете доступен только отрывок). Разумеется, в будущем «академическом» издании «Веревоной книги» тот же текст может быть представлен в несколько отличающемся виде; это относится и к комментариям к нему.

Публикатор благодарен сыну и наследнику писателя Дану Горенштейну (Берлин) за его согласие обнародовать текст, а также Ларисе Щиголь (Мюнхен) и Ольге Юргенс (Ганновер), поделившихся письмами Фридриха Горенштейна и воспоминаниями о нем.

Григорий Никифорович, Сент-Луис, 2014

Verba volant, scripta manent — слова улетают, то, что написано, остается
Латинская пословица

Что написано пером, не вырубишь топором
Русская пословица

**Русская история до Петра I — сплошная панихида,
а после Петра I — сплошное уголовное дело.**
Федор Тютчев

Avis au lecteur

Avis au lecteur — «к сведению читателя» — употребляется, когда хотят подчеркнуть что-нибудь в тексте. Впрочем, этот термин французской словесности ныне почти не употребляется, в отличие, например, от латинского *postscriptum, p.s.* — после написания, но более в эпистолярном жанре. В романах же заменен греческим «эпilog» — «после слов». Меж тем всякий текст, частного ли письма, много-томного ли романа, нуждается в определенных устоявшихся условностях между пишущим и адресатом, или адресатами, условностях, облегчающих и организующих взаимопонимание, которое, как известно, нелегко, а случается, и невозможно. О невозможных случаях говорить не буду, но и возможные случаи требуют постоянного душевного напряжения со стороны пишущего, ибо не всегда пишущий находится во взаимопонимании даже с самим собою. Случается, что убеждая в чем-

либо других, он тем убеждает и себя, ибо писатель есть первый свой читатель. Иногда приходится прибегать для подобных целей к предисловию, когда разъяснение и убеждение особенно необходимы. Но это — в крайнем случае.

Достоевский, этот большой мастер внушений, разъяснений и литературных скандалов с оппонентами-читателями и с самим собой, прибегает к предисловию только три раза. В «Дневнике писателя» за 1876 год он даже признается: «...я не мастер писать предисловия... предисловия мне писать так же трудно, как и письма»¹. Только три раза пишет он предисловия: в «Братьях Карамазовых», в «Бесах» и «Записках из Мертвого дома». Впрочем, «Предисловие» — от автора, короткое и сбивчивое, напоминающее последнее слово подсудимого, но произнесенное не в конце, а в начале процесса, — только в «Братьях Карамазовых»; в «Бесах» и «Записках из Мертвого дома» не «Предисловие», а «Введение». Это не одно и то же — введение менее лично. И эти два введения различны, употребляются автором с разными целями.

В «Бесах», собственно, не «Введение», а «Вместо введения: несколько подробностей из биографии многочтимого Степана Трофимовича Верховенского». То есть и тени нет того смутного беспокойства и волнения, которое чувствуется в коротком «от автора» предисловии к «Братьям Карамазовым», а наоборот — любимая Достоевским сернокислотная насмешка-ирония над персонами и событиями. В «Бесах» автор не подсудимый, а соглядатай и свидетель обвинения, готовый ради своих целей прибить к ложным показаниям, к литературным провокациям — наподобие Азефа, который насмеялся над преданными им персонами и одновременно их жалел. Другое дело «Записки из Мертвого дома» — введение без изысков и насмешек, и озаглавлено просто «Введение». Некая переключка с пушкинскими «Повестями Белкина» — автор-издатель хочет занять положение объективного судьи или хотя бы присяжного заседателя-собеседника, прибегая к достаточно прозрачной мистификации и перекладывая авторскую ответственность на персону-псевдоним Александра Петровича Горяничкова², как Пушкин на Ивана Петровича Белкина.

Писание — процесс. Даже если пишешь *о делах минувших дней, преданных старины глубокой*, современность, сиюминутность постоянно в этом процессе проявляется и в этом процессе присутствует, иногда незримо, а иногда и зримо. Едва дошел я до сравнения введения к «Запискам из Мертвого дома» Достоевского с введением к «Повестям Белкина» Пушкина, как произошло некое событие, организованное неким Посторонним, заставившее меня временно прервать начатую мысль, да и вообще прервать начатый в тот день, 14 марта 1999 года, процесс работы с рукописью романа, даль которого я еще не ясно различал. Хотя, думаю, дело тут не в конкретных мыслях — вторжение Постороннего могло произойти и в другом месте, и на иных мыслях, ибо, как я понимаю, Постороннему не нравился сам процесс моего писания, и он просто дождался момента, когда я начну перезаряжать самопишущую ручку чернилами.

Пишу я, кстати, чернилами, и рукопись моя в прямом смысле пишется ручкой. Это иным смешно, особенно в век всеобщей компьютеризации. Пишу я чернилами с малых лет, и опыт обращения с чернильницами у меня большой, гораздо больший, чем с компьютерами. Я помню еще замечательные чернильницы-невыливайки² моего детства, не допускавшие разлития чернил, чернильных пятен на учебниках, партах, столах и детской одежде — к огорчению Некогого, а он и тогда

был недалеко, иной же раз просто рядом. К сожалению, чернильницы-невывайки, это великое изобретение неизвестного гения, ныне исчезли. Да и пишут в школах современные детки не чернилами, а шариковыми ручками или «патронами»⁴, повзрослев же, переходят на компьютеры.

Я не хочу становиться поперек прогресса. Конечно же, компьютер есть чудо века, наравне с атомной энергией, генетикой и прочим подобным. Ну, издержки атомного чуда или чуда генетики всем, или почти всем, ясны. Но и издержки компьютеров становятся все более очевидны. Все чаще употребляется сравнение с Големом, составшим на своих создателей⁵. Особенно это видно в литературном процессе, в компьютеризации черновика, потому что, по крайней мере в сфере духа, «процесс» создания влияет и на мысль, и на чувство. Уже пишущие машинки писателей-журналистов этот процесс начали протезировать, но все-таки еще существовали ошибки, огорки, вставки, вклейки, еще существовала личность. Еще существовали черновики, еще существовало нарождающееся чувство. В компьютере литературные черновики, по сути, отсутствуют — все стерильно, чисто, безлико, безошибочно.

Дело не только в общеизвестном пушкинском *«как уст румяных без улыбки, без грамматической ошибки я русской речи не люблю»*. Главное дело не в мишьяк-грамматических ошибках, не в гоголевских украинизмах и не в корявостях стиля Достоевского — исчезла графика письма. Черновик, писанный рукой, это ведь не только писание, это еще и рисунок. Как красивые факсимиле страниц Пушкина, Достоевского, Толстого, Гоголя, Чехова... Хоть в рамку вставляй и вешай на стену. Да и органика черновика была иная — интимная.

Лев Толстой переписывал черновые сцены по многу раз, и некоторые, поражая своим конечным совершенством, были в вариантах ужасно примитивны, глупы и даже пошлы. Толстой не любил свои тексты, особенно *«Войну и мир»*⁶, измучившую его и расстроившую его нервы, которые он поправил, перейдя на время от художественности к назидательной философии. Но черновики он любил. Так строгий отец не любит своих светских красавцев-детей, подсознательно ревнуя их к жизни, им же данной, не дорожит ими, как дорожат маленькими беспомощными глупенькими детками.

Впрочем, отношения отцов и детей, конечно же, разные и зависят от многих причин. Пушкин писал *«Евгения Онегина»* 7 лет, 4 месяца 17 дней⁷ — и не разлюбил. У Пушкина были хорошие отношения со своими книгами, но, главное, со своими черновиками, потому что он писал легко: не легковесно, а легко. Он углублялся только в отдельные темы, а в целом он был энциклопедист. Пушкин как учитель российской словесности демонстрирует ненужность для писателя, и даже вредность, чрезмерной специализации, специальных знаний, в которые художественная фантазия погружается, как в болотистую топь. Даже невежественность в художественном сочинительстве может быть иной раз полезна, если она обволакивается яркой игрой выдумки, умеющей «играть» подобно пастернаковской игре алмазов: *«как играют алмазы, как играет вино...»*. <...>

Федор Михайлович Достоевский, автор многотомной прозы, вообще писать не любил, «процесс» писания не любил. В своем молодом романе *«Униженные и оскорбленные»* в главе первой на первой же странице он откровенничает: *«Кстати: мне всегда приятнее было обдумывать мои сочинения и мечтать, как они у меня напишутся, чем в самом деле писать их, и, право, это было не от лени. Отчего»*

же?» Ответа Достоевский не дает, мысль свою оканчивает вопросительным знаком, переходя к описанию лихорадочного состояния в тот петербургский мартовский, 22-го числа, вечер, когда «случилось престранное происшествие».

Престранные происшествия издавна случаются с персонажами и с авторами в процессе писания. Вот и со мной на первых страницах начатого 14 марта романа случилось престранное происшествие, наподобие того, что случилось в шестнадцатом веке с Мартином Лютером в процессе перевода Библии, хоть я находился в состоянии нормальном, не лихорадочном. Как известно, обер-проповедник Лютер, увидев черта, не перекрестился, а запустил в него чернильницей⁸. Конечно же, не попал. Я слышал, будто на стене замка в городе Виттенберг, расположенного недалеко от Берлина, до сих пор есть чернильное пятно, которое показывают туристам.

Я уже писал вначале, что очень опытен в употреблении чернил и с чернильницами обращаться умею. Тем более трудно предположить, что я дурно завинтил крышку. Некто Расторопный несомненно умышленно отвинтил ее, лишь положив обратно для прикрытия своего диверсионного деяния. Не зная того, я взял с полки чернильницу и, сев в свое удобное кожаное на шарнирах кресло, хотел отвинтить крышку, чтоб заполнить самопишущую ручку, которой я пишу эти строки. И в этот момент полная черных чернил чернильница, словно выбитая толчком из руки, рухнула, залив меня и оставив на моем коврике пятно не меньше, чем на лютеровской стенке. Однако ни капли не пролилось на письменный стол и на рукопись. К тому же бес не учел, что, приступив к процессу писания, я, как при дальнем забеге, находился в хорошей спортивной форме — трусах и майке. Так что верхняя одежда не пострадала, плоть я отмыл в ванной, а душу отмыл, сатирически посмеявшись над произошедшим.

Федор Достоевский и Мартин Лютер, особы, как мне кажется, с близким мироощущением, с частыми приступами лихорадки, а то и эпилепсии, хоть и разделены были тремястами годами, однако оба встречались с одной и той же Персоной и даже привлекали ее к себе. Но Достоевский подсаживал этот факт сатирической солью, Лютер же воспринимал с немецкой натурфилософией. Ну а при такой натурфилософской серьезности лучшей возможности, чтоб подразнить и поохотать, для черта и не придумаешь. Мне кажется, что черт, который сам сатирик и юморист, чужого юмора и чужой сатиры боится сильнее, чем креста и ладана. Страх черта перед крестом и ладаном вообще сильно преувеличен христианскими проповедниками. Да и сами они вряд ли верят в силу креста против черта.

Итак, у меня 14 марта 1999 года появилось большое чернильное пятно на ковре у письменного стола. Но святым я его, разумеется, не считаю, хотя бы потому, что не я швырнул чернильницу в черта, а черт швырнул чернильницу в меня. От пятна я избавился пятновыводителем. Правда, иные советовали чертово пятно накрыть по-лотеровски и оставить, тем более, ковер не слишком дорогой, небольшой стандартный коврик, и этим чертовым пятном от 14 марта он приобретет нечто. <...>

Латинское Люцифер переводится «клеветник»². То есть, насколько я понимаю, речь о стремлении оклеветать людей перед Богом, но более, конечно, друг перед другом, что дается гораздо успешнее. Василий Розанов назвал гоголевские

«Мертвые души» гениальной клеветой на человечество¹⁰. Если разложение человеческих натур на образы — подобно разложению радуги на разные цвета — есть клевета, то это научная заслуга автора «Выбранных мест из переписки».

Наша прогрессивная интеллигенция, особо же шестидесятники прошлого девятнадцатого века и проходящего двадцатого, любила образы с ярлыками для комических надобностей. Чернышевский любил, Добролюбов любил, Белинский любил, Ленин любил... Однако сами они, «отцы прогресса», при всем благородстве замыслов, так по цветам разложились, такой цветовой концентрации достигли, что по сравнению с гоголевскими фигурами даже очень мало дают возможности для клеветника. Ленин, несомненный политический гений, «перепахавший» Россию, да и весь мир, словно на соху налегая рукою, такие незаживающие шрамы, борозды оставил, что как его оклеветать? А при моем замысле в романе мимо этой личности не пройти. Что говорить о персонах помельче, таких как Свердлов, Сталин и так далее по ранжиру вплоть до нынешних. И мимо них не пройдешь в процессе романа.

Подобные замыслы, когда нельзя и оклеветать, нуждаются в сатире. В России Гоголь — признанный старшина сатирического романа. Однако Ахматова называет «Евгения Онегина» тоже сатирическим романом¹¹. Соглашаясь, хочется лишь отметить пушкинский юмор — для тех, конечно, кто знаком с «Евгением Онегиным» не по опере Чайковского, где хорошая музыка прикрывает глупое либретто, вывернувшее наизнанку пушкинские замыслы¹². Впрочем, я думаю, что таким натурам, как кригик-разночинец Писарев, обличитель пушкинской «легковесности», по-базаровски грубое, зримое либретто Чайковского должно было нравиться более пушкинского романа.

Известно, что человеческие натуры, особенно же натуры фанатические, не меняющие своих убеждений, чаще всего закладываются в юные незрелые годы. Притом какой-нибудь случай, совпадение имеют роковые последствия. «Пахал» Ленина, по его собственному признанию, в его юные годы Чернышевский своей книгой «Что делать?»: *«Он меня всего глубоко перепахал»*¹³. Причем «Что делать?» Ленин прочел еще до марковского «Капитала» и стал марксистом, будучи уже «чернышевцем». Случись наоборот, может, и не воспринимал бы Ленин марксизм так топорно, не звал бы на основании научного социализма Русь к топору.

Белинского, который в свою очередь перепахал Чернышевского, в ещё более младенческие годы родной отец «перепахал»: за какую-то невинность высек по филейным частям. Это, по его, Белинского, признанию, потрясло младенческую душу¹⁴, и он начал ненавидеть отца, желать его смерти не хуже, чем Ваня Карамзов. Однако постепенно подросток Белинский осознал, что вина не на самом отце, а на старом обществе, на строе, формирующем таких отцов и такое отечество. Бороться надо с общественным строем, мстить общественному строю. Так закладывались и формировались натуры, которые по цепочке, путем естественного отбора создавали реальность, весьма слабо подчинявшуюся клевете.

Поэтому, даже если бы кто-то из перечисленных персон или им подобные заявили, что те или иные факты, те или иные позорящие их честь сведения заведомо ложны, то сами их деяния и последствия их деяний таковы, что эти факты, якобы клеветнические, не слишком бы усугубили представление об их сути и о природе их деяний. Можно ли чем-либо истинно оклеветать Иосифа Виссарионовича Сталина после его деяний? Да и Якова Михайловича Свердлова. Да и иных, вплоть до

нынешних... И прошлое России таково, что даже для Люцифера-клеветника возможности невелики. Тем более возможности клеветать у нас, соперников-подражателей. Что же делать? Не чернильницей же по-лютеровски в Ленина и прочих запускать. Тем более, Люцифер ревнует, сам чернильницами швыряет.

Может быть, некоторым читателям, которых пахарь-пропагандист Чернышевский называет «*проницательными*» и с которыми постоянно *желчно* воюет на протяжении всего текста «Что делать», описание такого инцидента с чернильницей, т.е. случая, происшествия, обычно неприятного характера, покажется излишним и даже назойливым навязыванием личного быта общественному делу, чем, безусловно, является писание романа. Но тут мне ничего не остается, как заимствовать объяснение у Достоевского из его предисловия — от автора — к роману «Братья Карамазовы»:

«Разумеется, прозорливый читатель (Достоевский называет такого читателя «прозорливым», а Чернышевский «проницательным», что одно и то же) уже давно угадал, что я с самого начала к тому клонил (то есть в данном случае, что черт и рабы чертовы меня не любят и мне стараются помешать, как Лютеру, или соблазнить, как Достоевского), и только досадовал на меня, зачем я даром трачу бесплодные слова и драгоценное время. На это отвечаю уже в точности: тратил я бесплодные слова и драгоценное время, во-первых, из вежливости, а во-вторых, из хитрости: все-таки, дескать, заранее в чем-то предупредил».

Он предупредил, и я хочу предупредить, что роман сатирический — как писать о России без сатиры? Это во-первых. А во-вторых, что роман, как следует из заголовка, уголовно-антропологический, потому что черт лишь там, где разбой. Антропологическая школа уголовного права в данном случае берет психиатрию на службу анализу преступлений и принимает во внимание наследственные и биологические причины патологических личностей. Я еще добавлю: для преступлений общественных — историческую наследственность и патологические черты общества.

25 октября (по старому стилю) 1917 года Ленин заявил: «*Отныне наступает новая полоса в истории России и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма*»¹⁵. Но о том не будем. В те же дни литератор Аверченко Аркадий Тимофеевич, состоявший, как известно, в частной переписке с Владимиром Ильичом, получил, среди прочих, послание, о котором Аркадий Тимофеевич рассказывает¹⁶:

«А вот еще одна записочка. Какая милая записочка, жизнерадостная! "Итак, друг Аркадий, — свершилось! Россия свободна! Пал мрачный гнет, и новая заря свободы и светозарного счастья для всех грядет уже. Боже, какая прекрасная жизнь впереди! Задыхаюсь от счастья. Вот теперь мы покажем, кто мы такие. Твой Володя"».

Да... показали, — добавляет от себя Аркадий Тимофеевич. Но дело не в этом — я не о сути, я о стиле. А стиль — Чернышевского, смесь Тредьяковского, городского сумасшедшего русской словесности, с гоголевским Поприщиным. Того самого Тредьяковского, который требовал упразднить некоторые буквы из русского алфавита, «э», например, и «з» как не соответствующие российскому звуча-

нию¹⁷, и того самого Поприщина, который открыл, что Китай и Испания совершенно одна и та же земля, и луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге.

Георгий Валентинович Плеханов, первый русский марксист, которого Ленин, несмотря на дальнейший разрыв, считал своим учителем, обнаружил стиль Поприщина даже в программных «Апрельских тезисах» своего ученика, в тезисах апреля 1917 года, заложивших основу первой «великой перестройки» страны и программы коммунистической партии. В социалистической газете «Единство» Плеханов опубликовал статью «*О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен*»¹⁸:

«Я сравниваю ленинские тезисы с речами ненормальных героев великих художников, Чехова и Гоголя, и в некотором роде наслаждаюсь ими. И думаю, что тезисы эти написаны как раз при той обстановке, при которой набросал одну свою страницу Авксентий Иванович Поприщин¹⁹. Обстановка эта характерна следующей пометкой: “Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает, что такое”».

Георгий Валентинович не учел, что бред способен материализоваться и даже приобретать число и месяц, становиться красной государственной датой. Бред может становиться материальным бытом, оставаясь при этом бредом. Самого Плеханова революционные народные массы искали, чтобы как раз в те самые числа расстрелять или заколоть штыком прямо на больничной койке, как были расстреляны и заколоты на больничной койке несколько министров Временного правительства²⁰. Справедливости ради надо сказать, что Ленин устанавливает охрану, чтобы не дать убить своего обидчика. А позднее именем Плеханова были названы улицы и учебные заведения, и вообще имя его не замалчивалось, было достаточно известно интеллигентной образованной публике, да и более широким массам, что дало повод такому интеллигенту, как Остап Бендер, возмутиться, когда извозчик не мог найти улицу Плеханова. Помните: «*Тожже мне извозчик — Плеханова не знает!*».

Ленин, как известно, тоже был способен к жестокостям, но жестокости эти Ленину лично наслаждения не доставляли, как иным будущим коммунистическим люмпен-вождям, и личные обиды, не несшие прямую угрозу, прощались, хоть и не забывались. Может, для политического историка это второстепенно, но для литератора это важно при художественном анализе. Второстепенности очень важны у таких, казалось бы, разных на первый взгляд литераторов, как Чернышевский и Достоевский. Но так ли уж они разнятся, по крайней мере, по стилю? Мне кажется, если бы Достоевский не обладал своим победоносным разящим талантом, он был бы Чернышевским, пусть и с противоположными идеями. Ибо стиль — общий. Свидетельство тому слюнявенькие места из «Братьев Карамазовых»: мальчики Илюша и Коля Красоткин и прочие. А иной раз и брат Алеша. <...>

Название романа, признаюсь, мной заимствовано. Титул иной раз бывает не менее важен, чем сюжет, проясняя и уточняя идеи. Гоголь писал критику-приятелю о «Мертвых душах»: «...никому не сказывай, в чем сюжет»²¹. Но сюжет — это событие или цепочка событий, в которых раскрывается характер персон, а титул — это девиз, краткое изречение, выражающее руководящую идею. Понятия «мертвые души» в русском языке до Гоголя не существовало: были ревизские души.

Гоголь титул выдумал, а Лев Толстой заимствовал у Прудона. Первоначально название романа «Война и мир», две части которого были напечатаны в журнале «Русский вестник» за 1865-1866 год, — «Тысяча восемьсот пятый год». Затем появилось совсем нелепое заглавие «Все хорошо, что хорошо кончается». Всемирно известное «Война и мир» заимствовано у Прудона, который издал книгу под таким названием в 1861 году. В русском переводе она появилась в 1868 году, но Толстой, безусловно, был знаком с подлинником и решился на заимствование после безуспешных поисков своего²². <...>

Толстой заимствовал не только название романа «Война и мир», но и руководящую идею. Идея эта — прославление войны, делающей человека мужественным, возвышающей душу. Если бы войны не было, то ее выдумали бы поэты, — такова квинтэссенция прудоновой идеи. Эта идеализация ужасного, трудно понимаемая и принимаемая человеком двадцатого века, вполне естественна не только для созерцательного экстаза таких мыслителей, как Ницше или Шопенгауэр, но и для выдумывающих поэтов с их эротическими грезами, романтизирующих войны, преступления и стихи.

Блоковский рыцарь грядущего, носитель того грозного христианства, которое не идет в мир через людские дела и руки, но проливается как стихия; Скрябин, сравнивающий Прометея с Люцифером-сатаной, — все это символы творящего начала. *«Грех, моральное преступление теперь — убивать человека, — писал Скрябин, — а ведь были эпохи, в предшествующих расах, когда убивать, напротив, было моральной добродетелью»*, — и далее: *«Бывали периоды в жизни человечества, когда убийство есть именно добродетель и убиваемый испытывает при этом величайшее наслаждение»*²³. Та же идея в «Пляске смерти» Листа²⁴ — *memeto mori*, помни о смерти. И оккультизм Блаватской²⁵ призывал убивать в себе желания «вакхические». Пиршество смерти, слияние Вакха и Христа, эллинизма и христианства должно было стать идеей, не осуществленной в Десятой симфонии Бетховена²⁶. И плотский экстаз смерти карлика Вагнера²⁷, возвышающий и дающий идеал истеричным женщинам и волю слабым безвольным мужчинам, таким, как Вагнер.

Могли ли великие романы русской прозы, такие как «Преступление и наказание» Достоевского и «Война и мир» Толстого, миновать все эти чувства и идеи: ужас войны и ее романтизация у Толстого, ужас преступления и его сладость у Достоевского? При сошествии Святого Духа на апостолов они впали в веселье духа и стали говорить на языках непонятных. Мистики называли это «ангелогололание», язык ангелов, а слышавшие говорили: «Они напились сладкого вина»²⁸. Но не то же ли есть сошествие духов тьмы, особенно на чистые юношеские души? Вот о войне говорит Скрябин:

«Война должна ведь давать совершенно необыкновенные по силе и яркости ощущения. Уже одно это освобождение от обычных, привычных основ ответственности, от будней житейских... А затем — эта возможность убивать людей — это ведь совершенно особое и чрезвычайно яркое ощущение! Вообще очень полезно иногда стряхнуть с себя некоторые путы, которые налагаются моралью. Мораль — гораздо шире своего обычного содержания, вернее, ее вовсе нет. То, что есть грех в одном состоянии сознания или бытия, то может стать высшим моральным поступком в другом. Есть состояния, когда убивать очень нравственно, и быть убитым не так плохо...»

Так, чисто по-детски, выбалтывают тайны взрослых мальчики Достоевского. Но есть времена, когда подобная болтовня особенно модна и привлекательна: вре-

мена различны, времена до смешного революционные, времена, когда историк, философ, поэт Владимир Соловьев, друг Достоевского, с которого Федор Михайлович писал братьев Карамазовых, Алешу и Ивана, явился к своему приятелю Пантелееву и так запросто, за чаем, сообщил ему, что он совместно с Иоанном Кронштадским и генералом Драгомировым намерен устроить в России революцию²⁹. Чего же ждать от братьев Ульяновых, Саши и Володи, перепавших Чернышевским?

Все это историческое развитие, вплоть до наших дней, требует широкого анализа. Но анализ невозможен без синтеза, без собирания расчлененного, без идеи, без девиза-титула. Так и я, в подражание великим, перебрав множество заголовков-девизов для этого романа, решил заимствовать.

Титул романа должен быть сходен с притчей. Для того, чтобы продемонстрировать наглядно, что такое титул и как важен титул, скажу, что заимствование Достоевским для своего романа у итальянского криминалиста Чезаре Беккариа титула «Преступление и наказание», по сути, изменило замысел романа³⁰. Первоначально, как известно, роман должен был называться «Пьяньские»³¹, о падшем чиновнике Мармеладове, а не об убийце-террористе Раскольникове.

А теперь о титуле этой моей книги. Собственно, первоначально я писал одну книгу, написал довольно много уже страниц, а от нее вдруг отделилась другая книга, похожая на первоначальную, как яркая бабочка на отвратительного червя, которого и раздавить-то противно. А меж тем бабочка, как известно, привлекает своей лиричностью поэтов самой высокой золотой пробы и даже литературных снобов, способных над всем насмеяться³². <...>

Однако не хочу и не могу присваивать себе чужие увлечения, тем более что коллекционирование бабочек, собирание их требует известной ловкости и искусства, коими я не обладаю и в своей литературной профессии, но которыми не случайно обладает упомянутый эстетствующий литературный коллекционер. Я вообще не любитель заимствовать чужие увлечения, но чужой титул я, в конце концов, решил позаимствовать, не сумев выдумать своего.

Как известно, удачно заимствовать чужое гораздо бывает труднее, чем свое выдумать, и требует, если хотите, даже большего таланта. При этом находишь обычно не там, где ищешь. Я, по крайней мере, так нашел, подобно случайному ньютоновому яблоку. Просто на голову упало со страниц провинциальной астраханской газеты «КК» — «Комсомолец Каспия», или «Каспийский Комсомолец» — уж и не помню. В этом «КК» был раздел под названием «Крим-брюле», остроумно сочетающим в себе отдел юмора с городской и областной уголовной хроникой. Слово «крем» — «сладость», слово «крим» — «криминальный»: сладость преступления. А «брюле» по-французски — «горение», точнее «перегар», «пожарище».

Криминальный пожар — разве может быть более точный титул для задуманной мной книги об истории России нынешней и прошлой, уходящей далеко, в дореволюционную историческую утробу. Да и вообще об истории разве может быть точнее. Но только без фактопклонства. Фактопклонство и вера в непогрешимость истории — вот что мешает познанию исторической истины. Отказ от суда над историей есть отказ от истины, а лучший суд над историей — это суд безликого времени. Жизнь — химический процесс, но и смерть — химический процесс, соединение с кислородом, горение. Оба процесса образуют то, что именуется историей. Конечно, исторический про-

цесс скорей ближе к алхимии, чем к химии: возрождение не через смерть зерна, а через самовозгорание из «брюле» — пожарища, головешек — стран и народов. Сгорать медленно, без пламени — истлевать и возрождаться, пусть и в ином качестве.

Однако это не то направление алхимии, которое из алчности стремилось превратить в золото неблагородные металлы, а то, что занималось отысканием философского камня, влияющего на человеческие судьбы. Основной ошибкой алхимиков-золотоискателей было убеждение, что металлы представляет сплав разных свойств, а не простые тела, но судьбы людей и народов как раз и представляют такие разнородные сплавы простых тел и простых событий, на которые оказывает влияние взаимное превращение элементов — воздуха, воды и земли, проповеданное еще Платоном и Аристотелем. Потому писателю, исследующему романтический перегар истории — «брюле» — требуется увлекательная мечта алхимика, преодолевающего всякие трудности и всякие неудачи ради составления самых фантастичных обобщений и предположений. И одновременно — отвага пожарного, идущего в пламя и разгребающего головешки, пышущие жаром истории. Поэтому в случае удачи такие писатели достойны высочайшей награды. Я имею в виду не нобелевские и прочие подобные элитарные камерные, комнатные, как герань, награды, а медаль «За отвагу на пожаре» или «За отвагу на пожарище».

Литературное художественное мышление напоминает разгадку ребуса: от вещей к словам, от слов к вещам. «Роман» имеет общий корень со словом «романтизм», возникшим задолго до метода: сюжет и образы, созданные мечтой. Название «Крим-брюле» было найдено еще для романа-гусеницы, но роман-гусеница породил роман-бабочку, внезапно для меня вспорхнувшую и требующую иного, более летучего, менее материального титула. Ибо захотелось мне вдруг все тяжести, тяготы и даже ужасы российской и мировой истории вообще сделать не только ползающими и не столько ползающими, но и порхающими, то есть об ужасном написать пусть и не в легковесном, но в легком жанре. Таким образом — пародия.

Как известно, классика пародии — «Дон-Кихот», пародия на рыцарские романы. Но что нам Гекуба³³, что нам рыцарские романы! Не над рыцарским романом шестнадцатого века насмешничает мы, беря ныне в руки «Дон-Кихота». Да и насмешничает ли? А разве так уж смешон «Бравый солдат Швейк» — пародия на военный роман? Или даже «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» — пародия на советский роман? То есть, конечно, смешны, но только лишь ради смеха а бы не советовал брать их в руки, а лучше другие — комиксы. Вообще, по-настоящему смешной анекдот в основе своей всегда трагичен и умен. Пародия же на исторический мемуарный роман, чем является эта книга, уж особенно трагична.

Тут, надо признать, возникают для автора и, наверное, для читателя, но для автора в первую очередь, чрезвычайно большие моральные трудности, потому что ужасные злодеи истории — фигуры в общем-то трагичные, а обозначать их таковыми значит частично оправдать, то есть не их оправдать, а то, что они таковыми были и такое совершили. Смешная печаль — вот главенствующее чувство подобных романов-пародий. А смешная печаль имеет свою прародину, свою страну рождения — это Испания. Недаром гоголевский Поприщин стремился в Испанию.

Да и легенда о Великом Достоевском — простите, невольно описался, но вычеркивать не буду, — о Великом Инквизиторе — испанская. Это Севилья: «воз-

дух лавром и лимоном пахнет»³⁴. Поэтому и я, как известно, большой подражатель великим, решил обратить свои взоры на Испанию и на испанское. *«Действие у меня в Испании в Севилье, в самое страшное время инквизиции, когда во славу Божью в стране ежедневно горели костры»* — это из Достоевского, из вступления к Великому Инквизитору. Это, кстати, и время Сервантеса.

В Севилье, на ярмарке, особенно много книг продавали, этим она была известна. Впрочем, и на иных, в Кордове, в Гренаде. Веревоочные книги — так они назывались — это, по-нынешнему, нечто вроде бестселлеров. Только определяли эти бестселлеры не профессора и литературные критики, а ярмарочные торговцы. Книги, по их мнению, достойные продажи наряду с мясом, рыбой, овощами, фруктами и прочим товаром, они подвешивали на веревке рядом со всеми остальными предметами торговли. Большая честь была для книги попасть на ярмарочную веревку. Будто бы Мигель Сервантес Сааведра удостоился этой чести только своим «Дон-Кихотом», да и то не в Севилье, а в Гренаде, считавшейся менее именитой ярмаркой. Так будто бы было. Иные же его книги — пастуший роман «Галатея»³⁵, драмы, новеллы из популярных тогда жюльнических нравов — торговцы отвергали, предпочитая ему других авторов.

Так ли истинно было, утверждать не буду. Да и не в том дело, дело в названии, чрезвычайно мне понравившемся: «Веревоочная книга». И я решил его заимствовать для романа-бабочки, выпорхнувшего из романа-гусеницы. Поэтому название у книги двойное, с двух сторон ее обозначающее и характеризующее.

Комментарии

1. Точный текст Ф.М. Достоевского: *«... я вижу, что я не мастер писать предисловия. Предисловие, может быть, так же трудно написать, как и письмо»*. Из «Дневника писателя», 1876 год, январь, глава первая).
2. Повествование в «Записках из мертвого дома» ведется от имени Александра Петровича Горянчикова, арестанта-уголовника из бывших дворян.
3. Чаше употреблялся термин «чернильница-непроливайка», цилиндрическая емкость с конусообразным горлышком, направленным внутрь: такая конструкция предохраняет от выливания чернил при случайном опрокидывании.
4. «Патрон» — заправленный чернилами цилиндрический запасной баллончик для автоматических перьевых ручек.
5. Голем — человек из глины, оживлённый каббалистами с помощью тайных знаний. По легенде, голем был создан в XVII веке главным раввином Праги, Махаралем Йехудой Бен Бецалелем (1512-1609) для защиты еврейской общины.
6. Из письма Л.Н. Толстого к А.А. Фету, январь 1871 года: *«...писать дребедени многословной, вроде «Войны», я больше никогда не стану. И виноват я, ей-Богу, никогда не буду»*.
7. В 1830 году в Болдино А.С. Пушкин, окончив IX песнь, подсчитал полный срок создания «Евгения Онегина» и записал: *«7 лет, 4 месяца 17 дней»*, то есть с 9 мая 1823 года (Кишинев) до 25 сентября 1830 года (Болдино).
8. Основатель протестантизма Мартин Лютер (1483-1546) переводил Новый завет с греческого языка на немецкий в пюрингском замке Вартбург; по преданию, ему пытался помешать черт, в которого Лютер запустил чернильницей.
9. Неточность: «люцифер» дословно значит «носитель света» (от лат. lux "свет" и fero "несу"). В то же время Люцифер в христианстве — падший ангел (херувим), отождествляемый с дьяволом, а слово «дьявол» (от др.-греч. диаволос) переводится как «лукавый, клеветник».

10. В.В. Розанов (1856-1919) о сожжении Гоголем второго тома рукописей «Мертвых душ»: «... "Мне отмщение и Аз воздам" — как будто слышатся эти слова из-за треска камина, в который гениальный безумец бросает свою гениальную и преступную клевету на человеческую природу». Из книги «Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского».
11. Определение «...сатирический роман „Евгений Онегин“» содержится в статье А. Ахматовой «„Адольф“ Бенжамена Констана в творчестве Пушкина».
12. Либретто оперы «Евгений Онегин» П.И. Чайковского (1840-1893) было написано самим композитором в сотрудничестве с К.С. Шилловским (1849-1893).
13. Этот отзыв Ленина о романе Н.Г. Чернышевского «Что делать» содержится в воспоминаниях «Мои встречи с Лениным» Н.В. Валентинова-Вольского (1879-1964).
14. «Один из его ближайших друзей последнего времени рассказывает (вероятно, по воспоминаниям, слышанным от самого Белинского), что однажды, когда Белинскому было лет десять или одиннадцать, отец его, возвратившись с попойки, стал без всякого основания бранить сына. Ребенок оправдывался; взбешенный отец ударил его и повалил на землю. Мальчик встал переродившимся: оскорбление и глубокая несправедливость запали ему в душу». М.А. Протопопов «В.Г. Белинский. Его жизнь и литературная деятельность», Изд-во Ф. Павленкова, СПб, 1891 год.
15. Из выступления В.И. Ленина на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 г.
16. Из рассказа «Моя старая шкатулка» А.Т. Аверченко (1881-1925). О книге Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» (Париж, 1921) Ленин отозвался статьей «Талантливая книжка» (1921), в которой, назвав автора «озлобленным почти до умопомрачения белогвардейцем», заключил тем не менее: «Талант надо поощрять». Аверченко ответил Ленину рассказом «Приятельское письмо Ленину» (журнал «Зарницы», Константинополь, 1921).
17. Василий Кириллович Тредиаковский (Тредьяковский) (1703-1769) — известный русский учёный и поэт. Автор трактата «Разговор чужестранного человека с российским об орфографии старинной и новой и всем, что принадлежит к сей материи» (1748), в котором предлагалась реформа русской орфографии за счет, в частности, устранения из церковнославянского алфавита букв, различающихся по написанию, но в речи звучащих одинаково. Так, предлагалось, например, сохранить «е», но не «ё» (разные написания буквы «есть»), или «s» («зело»), но не «з» («земля»).
18. Приведенный вариант цитаты из статьи Г.В. Плеханова (1856-1918) ближе к ее пересказу в брошюре Н.И. Бухарина (1888-1938) «Программа Октября (к 10-летию Программы нашей партии)», М., 1929, чем к оригинальному тексту.
19. Авксентий Иванович Поприщин — литературный персонаж, главный герой повести Н. Гоголя «Записки сумасшедшего» (1835).
20. 7 января 1918 года в Марининской поремной больнице революционные матросы убили — расстреляли из револьверов и закололи штыками — членов Учредительного собрания от партии кадетов А.И. Шингарёва (1869-1918) и Ф. Ф. Кокошкина (1871-1918). А.И. Шингарев был первоначально министром земледелия, а затем министром финансов в первом составе Временного правительства (март-июль 1917 года). Ф.Ф. Кокошкин был государственным контролером во втором составе Временного правительства (июль-август 1917 года).
21. Из письма Гоголя В.А. Жуковскому от 12 ноября 1836 года: «Никому не скажите, в чем состоит сюжет Мертвых душ. Название можете объявить всем. Только три человека, вы, Пушкин да Плетнев, должны знать настоящее дело».
22. Пьер-Жозеф Прудон (1809-1865) — французский политик, публицист и социолог, первым назвал себя «анархистом». Л.Н. Толстой познакомился с Прудоном в 1861 году в Брюсселе при посредстве А.И. Герцена. В этом же году Прудон выпустил книгу «Война и мир» («La guerre et la paix»), которая была переведена на русский язык в 1864 году. В черновиках Толстого есть запись: «В прошлом году мне случилось говорить с 2-ном Прудоном о России. Он писал тогда свое сочинение о праве войны». (Литературное наследство, т. 15, стр. 283, М., 1934).
23. Высказывания А.Н. Скрябина (1871-1915) цитируются по книге Л.Л. Сабанеева (1881-1968) «Воспоминания о Скрябине», вышедшей в свет в 1925 году (перездана в 2000). Ф. Го-

ренштейн посвятил композитору отдельное произведение: «Александр Скрябин. Кинороман», журнал «Юность», 1995, №2 стр. 8-37.

24. «Пляска смерти» — произведение выдающегося композитора и пианиста Ф. Листа (1811-1886), вдохновенное фреской «Страшный суд» во флорентийском соборе Санта-Кроче.

25. Елена Петровна Блаватская (1831-1891) — религиозный философ теософского (пантеистического) направления, литератор, публицист, путешественница.

26. Есть предположения, что Людвиг ван Бетховен (1770-1827) работал над последней, Десятой, симфонией с 1822 по 1825 год. Часть этого произведения (15 минут) была восстановлена по сохранившимся наброскам английским музыковедом и композитором Барри Купером (рожд. 1949) и впервые исполнена в 1988 году.

27. Рост композитора Рихарда Вагнера (1813-1883) был, по некоторым данным, всего 152 см. Писатель Томас Манн в письме 1911 года назвал его «...саксонским карликом с огромным талантом и несносным характером».

28. «Деяния апостолов», 2:13: *«А иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина».*

29. Владимир Сергеевич Соловьёв (1853-1900) - русский религиозный мыслитель, поэт, публицист. Иоанн Кронштадтский (1829-1908) — настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Михаил Иванович Драгомиров (1830-1905) — российский военный и государственный деятель. В книге К.В. Мочульского «Владимир Соловьёв. Жизнь и учение» (Париж, YMCA-Press, 1936) говорится: «Л.Ф. Пантелеев запомнил следующие слова Соловьёва: “Я хочу предложить Драгомирову стать во главе русской революции ... Если во главе революции будут стоять генерал и архиепирей, то за первым пойдут солдаты, а за вторым народ, и тогда революция неминуемо восторжествует”».

30. Цезаре Беккариа Бонесано (1738-1794) — итальянский мыслитель, публицист, правовед и общественный деятель, автор трактата «О преступлениях и наказаниях» (1764), который оказал большое влияние на уголовное правосудие в Европе. Ф.М. Достоевский был знаком с трактатом: в издаваемом им и его братом М.М. Достоевским журнале «Время» (1861-1863) публиковался обзор В.П. Попова «Преступления и наказания. Эскизы из истории уголовного права» (март-апрель 1863 года), где подробно обсуждались идеи книги Беккариа.

31. Из письма Ф.М. Достоевского издателю А.А. Краевскому от 8 июня 1865 года: *«Роман мой называется «Пьяненькие» и будет в связи с теперешним вопросом о пьянстве. Разбирается не только вопрос, но представляются и все его разветвления, преимущественно картины семейств, воспитание детей в этой обстановке и проч. и проч.»*

32. Намек на В.В. Набокова (1899-1977), выдающегося русского и американского писателя, который занимался также энтомологией и открыл многие виды бабочек, более двадцати из которых названы в его честь.

33. «Что он Гекубе? Что ему Гекуба?» Слова принца Гамлета, потрясенного переживаниями актёра — постороннего человека, — исполнившего отрывок, описывающий страдания Гекубы, жены убитого троянского царя Приама.

34. «Воздух лавром и лимоном пахнет» — цитата из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского, из главы «Великий Инквизитор». В свою очередь, она является реминисценцией пушкинских строк: *«...ночь лимоном/И лавром пахнет...»* («Каменный гость»).

35. «Галатея» (1585 год) — первый роман Мигеля Сервантеса (1547-1616), повествующий о превратностях любви идеализированных пастухов и пастушек.

Лев Бердников

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

I. ВЕРТОПРАХ, ГОВОРЯЩИЙ И ЧИТАЮЩИЙ

В своей программной «Эпистоле о стихотворстве» (1747) Александр Сумароков, намечая пути развития молодой русской поэзии, поставил перед словесниками XVIII века такую задачу:

Представь мне щеголя, кто тем вздымает нос,
Что целый мыслит век о красоте волос.
Который родился, как мнит он, для амуру,
Чтоб где-нибудь к себе склонить такую ж дуру.

И сам Сумароков, несмотря на то что, как светский человек, одевался во вкусе того времени весьма модно, был отчаянным противником щегольства, или, как его называли на французский манер, — петиметрства. Американский исследователь Майкл Фехер отметил, что для петиметров «похоть — главный мотив эротической привлекательности; сексуальное удовольствие — вот заветная цель, к которой надо стремиться». По словам же Сумарокова, «презренна любовь, имущая едино сластолюбие во основании». «Презрение петиметрства» он почитал непременной обязанностью «великого человека» и «великого господина». Щеголи служили для него важнейшей мишенью комедийной и журнальной сатиры.

Именно в его произведениях щеголь впервые обретает голос в русской литературе. Мы имеем в виду реплики петиметра Дюлижа, выведенного в комедии Сумарокова «Чудовищи» (1750). «Волосы подвивает он хорошо, по-французски немного знает, танцует, одевается по-щегольски, знает много французских песен; да полно еще, не был ли он в Париже?» — говорят о нем персонажи комедии. Главная черта, которой автор наделяет своего незадачливого героя — это воинствующее чужебесие. «Я бы Русскова языка знать не хотел. Скаредной язык!.. Для чего я родился Русским! О, натура! Не стыдно ль тебе, что ты, воспроизведя меня прямым человеком, произвела меня от Русскова отца!» — восклицает Дюлиж и напевает легкомысленную французскую песенку, причем песенка эта, по его словам, «всего Русскова языка стоит». Об окружающих Дюлиж судит исключительно «по одежке»: для него человек несветский — дикарь, не стоящий и полушки. Но более всего смехотворна его неукротимая вера в то, что одними своими куртуазными манерами он приносит России неопенимую пользу: «Научиться етому как одеться, как надеть шляпу, как табакерку открыть, как табак нюхать — стоит целова веку, а я етому формально учился, чтоб я тем отечеству своему мог делать услуги». И тут же он клянет «неблагодарное отечество», не признающее его, Дюлижа, этих бесценных «заслуг».

В комедии «Нарцисс» (1750) Сумароков дает образец пародийной панегирической оды, написанной в похвалу самовлюбленному петиметру. Вот эта сцена:

«Нарцисс: ...А ода эта сочинена не от моего лица: да будто кто другой мне эту похвалу сошел. Послушайте:

Твоих умильных блеск очей
Во изумление всех приводит:
Сиянье солнечных лучей
Во оных образ твой находит;
И в виде смертной красоты,
Изображенны зря черты,
Аврора, въздыхая, рдится;
Адонис пред тобой Сатир;
Оставлен Флорою Зефир,
И мать Эротова стыдится.

Тирса: Эта похвала меры превзошла.

Пасквин: Только в меры вошла.

Нарцисс: А мне кажется, что еще не дошла...»

И далее Нарцисс говорит об издании этой оды (по всем правилам щегольства и моды!): «Мне хотелось при этой Оде в заглавии положить свой портрет, да ни написать, ни вырезать никто не в состоянии. Мне думается, что меня и редкое зеркало точно изображает. Едакова человека произвела природа!».

Забавны и незамысловатые резонерства Нарцисса, выдержанные в духе щегольского поклонения красоте: «Разум и премудрость потребны школам; золото и серебро великолепию, чин гордости; а красота любви, на которой все сладчайшие мира сего основаны утехы».

Другая комедия Сумарокова «Пустая ссора» (1750) примечательна тем, что в ней впервые воспроизводится своеобразный жаргон российских петиметров. Мы не будем специально останавливаться на этой теме (ей посвящены работы академика Виктора Виноградова, Бориса Успенского, Виктора Живова, Елены Биржаковой и др.). Отметим лишь, что такая макороническая речь очень напоминает разговорную практику некоторых современных американских и германских русскоязычных эмигрантов, с той лишь разницей, что она ориентирована не на английские и немецкие, а на французские языковые модели. Вот, к примеру, диалог щеголя и щеголихи — Дюлижа и Деламиды:

"Дюлиж: Вы мне еще не верите, что я вас адорирую

Деламида: Я этого, сударь, не меритирую.

Дюлиж: Я думаю, что вы давно ремаркировать могли, что я в вашей презанс всегда в конфузии".

Однако сквозь эти смеха достойные словесные конструкции проглядывают характерные черты петиметрской морали (точнее, отсутствие таковой). Речь заходит о возможном замужестве Деламиды, на что она отвечает:

«Деламида: И я вас очень эстимую, да для того-то за вас нейду; когда б вы моим мужем стали, так хотя вы и многие калите имели, мне б вас эстимовать было уже нельзя.

Дюлиж: А чего, разве бы вы любить меня не стали?

Деламида: Любить мужа! Ха! Ха! Ха! Ха! Это посадской бабе прилично!

Дюлиж: Против этого спорить нельзя, однако ежели вы меня из адоратера сделали меня своим амангом, то б это было пардонабельно.

Деламида: Пардонабельно любить мужа! Ха! Ха! Ха! Ха! Вы ли, полно это говорите, я б не чаяла, чтоб вы так не резонабельны были!»

А в его комедии «Мать совместница дочери» (1772) вертопрашка Минодора твердит о своей холодности к супругу и о радостях «модной» любви: «Мужа не люблю я по ангипатии... Что во мне маркирует и что тебе меня любить ампеширует? Имей компассию! А я тебе капигально рапигирую, что ты меня смертно фрапируешь.»

Тем парадоксальней, на первый взгляд, выглядит такой сонет Сумарокова, помещенный им в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» в июне 1755 года:

Не трать, красавица, ты времени напрасно,
Любися; без любви все в свете суеты,
Жалей и не теряй прелестной красоты,
Чтоб больше не тужить, что век прошел несчасно.
Любися в младости, доколе сердце страстно:
Как младость пролетит, ты будешь уж не ты.
Плети себе венки, покамест есть цветы,
Гуляй в садах весной, а осенью ненастно.
Взгляни когда, взгляни на розовый цветок,
Тогда, когда уже завял ея листок:
И красота твоя, подобно ей, завянет.
Не трать своих ты дней, доколь ты не стара,
И знай, что на тебя никто тогда не взглянет,
Когда, как розы сей, пройдет твоя пора.

Речь, как видно, идет здесь о побуждении к сластолюбию, что автор подчеркнул напечатанным сразу же после этого сонетом об умерщвленном плоде, написанном от лица женщины, последовавшей призыву «любитья». Был искус воспринять приведенный сонет в буквальном смысле. Собственно, так и поступил литературный антагонист Сумарокова Василий Тредиаковский — он настроил доклад в Академию наук, в котором обвинил издателя журнала Герхарда Фридриха Миллера в том, что тот удостоил печати «стишки... о незаконной любви». Однако позднее историк литературы Василий Покровский уловил провокационный характер сего текста, а потому включил его в книгу «Щеголихи в сатирической литературе XVIII века» (М., 1905). Ученый понял, что позиция, выраженная в сонете, — ложная, порицаемая автором, и на самом деле содержит скрытое порицание щегольского взгляда на любовь.

И в самом деле, сонет писан от лица презируемого автором щёголя-вертопраха. А потому резонен вопрос, что за нужда была передовым литераторам века Просвещения излагать кредо «гадких петиметров» (так назвал их редактируемый Сумароковым журнал «Трудолюбивая пчела», 1759) — тех, кого они почитали носителями чуждой морали и взглядов? Да именно для того, чтобы вести с ними полноценную полемику! Дело в том, что русские щёголи заявляли о себе кричащими, баснословно дорогими нарядами и, вполне овладев причудливым языком тафтяных мушек и опahal, вовсе не были озабочены написанием текстов, излагавших их культурную позицию. И тут случился парадокс: в целях развенчания и осмеяния

щеголей Сумароков сам заговорил от их имени. Это была мистификация, своеобразная литературная игра — попытка создания пародийной словесности и книжности, составляющей якобы круг чтения щеголей.

Впрочем, речь идет не только о чтении. Русский литератор Иван Елагин, отказывая щеголям в способности к оригинальному творчеству, упоминает некоторые произведения, которые вертопрах «счерна... переписывает сам» в угоду красавицам. В этом же ключе может быть рассмотрен и приведенный выше сонет Сумарокова.

Правомерен вопрос: а были ли в России XVIII века сами щеголи, писавшие не сатирические, а «всамделишные» тексты с изложением их взглядов? Обратившись к известной литературной полемике о петиметрах начала 1750-х годов, можно дать утвердительный ответ. Хотя тут же следует оговориться, что это были единичные примеры, не попавшие в печать, следовательно, известные весьма узкому кругу лиц. В силу этого они не стали заметным явлением русской культуры, а потому не могли остановить поток пародийных мистификаций.

Весь сыр-бор загорелся здесь из-за «Сатиры на петиметра и кокеток» Ивана Елагина, подвергшей бичеванию невежество, слепое поклонение моде, галломанию и мотовство российских щеголей. В ходе дебатов в этой словесной биталии были предложены две диаметрально противоположные оценки щегольства. Одни видели в нем опасный общественный порок и рассматривали петиметра как «непримиримого неприятеля добродетели, имевшего с нею явную и всегдашнюю ссору»; другие оценивали вертопрашество как «безвинную» страсть, недостойную стать объектом злой сатиры.

Позиции сторон и сами произведения полемистов были детально проанализированы литературоведом Павлом Берковым еще в 1936 году. Нас же будут интересовать тексты, введенные в научный оборот позднее, в 1976 году, исследователями Иваном Мартыновым и Ириной Шанской. Ими был обнаружен сброшюрованный сборник, принадлежавший известному стихотворцу XVIII века Алексею Ржевскому. В этом сборнике в числе прочего рукописного и печатного материала содержатся два стихотворных послания. Первое из них, названное «Письмо Бекетову», принадлежит перу преподавателя Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса, автора

«стихотворений разного рода, а особливо песен» Николая Муравьева. Помимо филиппики ученым педантам и отрицания пользы наук, письмо заключало в себе восхваление щегольской дерзости как гарантии успеха в любви:

Венерин сын и слеп, и мальчик молодой,
Он хочет, чтоб ему безумием и игрой
На свете угождали. Он тихих проклиняет,
Сам дерзок, он иском и дерзким помогает...
Изрядное весьма есть правило влюбляться —
Быть можно влюбленну, не надо лишь казаться.

Эти «правила влюбляться» как раз и содержались в ответном послании Никиты Бекетова, которое так и называлось: «Правила как любиться без печали. Письмо к приятелю». Бекетова по праву считали «эталоном истинного петиметра» (между прочим, Сумароков вывел его в уже знакомом нам образе Нарцисса в одноименной комедии). Кратковременный фаворит императрицы Елизаветы Петровны, обладатель дорогих и экстравагантных нарядов, острослов и даровитый стихотворец-песенник, он, по словам Екатерины II, тогда быстро «входил в моду». Его письмо являет собой своего рода руководство к одержанию любовных побед, причем изложенное без всякого «извигтия» словес:

Коль в свете счастливым хочешь быть,
Старайся ты скорей лобезной объявить
И страсть свою и все, что сердце ощущает,
А как ты изъяснишь то, чем твой дух страдает,
Ответа ты ее неправдой не считай —
Сумнением своим драгой не раздражай...
Когда с обеих стран страсть нежна изъяснится,
То должно обоим отнюдь того храниться,
Чтоб новой сей любви никто не мог узнать,
Кто может тайною любовию пылать.

И совсем, как завязтый вертопрах, поэт говорит о бесплодности неразделенной чувственной любви:

Сурова кто к тебе — престань о том вздыхать,
И злым мучением приятства обретаать.

Какие же литературные жанры пользовались успехом у петиметров? Если верить периодике XVIII века, то это преимущественно произведения французские. «Петиметрское упражнение состоит в том, чтобы... восхищаться любовными враками, которые в Париже продаются по копейке, то есть Идиллии, Стансы, Сонеты, Мадригалы и Билеты», — говорит журнал «И То и Сно» (1769). «Петиметры только и читают песни, сонеты, элегии, да и то французские», — констатирует Алексей Ржевский. «Одна только из них (наук. — Л.Б.) заслуживает несколько мое внимание: ето стихотворство; да и оно нужно мне тогда только, когда захочется написать песенку», — заявляет щеголь со страниц новиковского «Живописца». Литератор Александр Писарев вторил им: петиметры «читают новые песенки, любовные цыдулочки». А Иван Елагин отметил, что «петиметр ничего не должен писать, кроме любовных писем, сонетов и песен». Щеголь, распеваящий песенки, представлен в сборнике «Дело от безделья» (1792), а также в лубочных листах (Ср.: «В прекрасных садиках гуляю, // Амурные песенки попеваю, // Никогда не работаю»). В своей

«Сатире на петиметра и кокеток» (1753) Елагин расширяет жанровый диапазон щегольских текстов:

Хваленый петиметр, чтоб больше показаться,
Тут велеречием потщится украшаться,
Сбирает речи все в романах что читал.

«Чтение романов и французских театральных сочинений... довершили всю глубину премудрости, в кою она когда-либо снисходила», — говорит о щеголихе «Собеседник любителей российского слова» (1783). «Почта духов» (1792) подчеркивает, что петиметры «выдают себя знатоками театральных пьес». Будучи «Охотниками до театральных представлений», щеголи «присваивают себе право рассуждать об остроумных, а особливо о Театральных изданиях и осуждать то, что не на их чистый вкус сделано» («Всякая всячина», 1769).

Особенное озлобление вызывают у франгов отечественные авторы; их они «ругают... без милосердия и ...от свиста у них самые распухнут губы... Они с язвительными насмешками стараются помрачить их хвалу».

А журнал «Утренние часы» (1788) в числе прочих аксессуаров щегольского быта называет «забавные романы», «любовные цыдулки» и «эпиграммы».

Обратимся же непосредственно к многожанровой пародийной щегольской культуре, существование которой в России XVIII века представляется нам очевидным. Не претендуя на полноту, мы ограничимся лишь некоторыми примерами конкретных жанров, воссоздающих нравы и жизненные устремления вертопрахов с целью их сатирического уничтожения.

О сонете, рассматриваемом русскими стихотворцами XVIII века как жанр щегольской, любовный мы уже писали, и, прежде сего, о его разработке Алексеем Ржевским* Сродни сонету и жанр рондо, так же приспособленный Ржевским к пародированию щегольской культуры. В журнале «Свободные часы» (1763) помещено сатирическое рондо, в первой части которого занятие науками и творчеством (при незначительном приложении усилий) объявляется занятием доступным каждому («Лишь потрудись, то может всяк // Никак»). Зато щегольство объявляется делом архиважным и в сущности недостижимым для большинства:

Но букли хорошо чесать,
И чтоб наряды вымышлять,
Чтоб моды точно соблюдать,
Согласие в цветах познать,
И чтоб нарядам вкус давать,
Или по моде поступать,
Чтоб в людях скуку прогонять,
Забавны речи вымышлять,
Шутить, резвиться и скакать,
И беспрестанно чтоб кричать,
Но, говоря, и не сказать, —
Того не может сделать всяк
Никак.

Распространение получили и надгробные надписи щеголяем. Их отличительной чертой явилось отсутствие обязательной для такого случая скорби, что противоречило жанровым канонам традиционной эпитафии. Это и явно притворное сожаление («крушение») о неком «щеголеватом красавце»:

Прохожий! Потужи, крушись, как мы крушились —
Щеголеватого красавца мы лишились.
Того, кто первый был изобретатель мод
Того, кем одолжен толико смертный род.
В тот час, когда его дух с телом разлучался,
Он в твердых мыслях был, с сим словом он скончался;
С сим словом навсегда его покинул зрак:
Ах! В чем мне умирать, не шит мой модный фрак.

Это и прямое указание на неуместность плача о покойном вертопрахе:

...прохожий, посмотри,
Ты плачешь, перестань, и слезы оботри.
Не станет слез твоих, не станет сожаленья,
Коль станешь ты сии оплакивать мученья.
И, конечно, исполнена презрением к щеголю такая «Надгробная»:
Под камнем сим лежать был должен петиметр,
Но прежде, нежели зарыли в землю тело,
Оно уже истлело
Один остался прах, и тот развеял ветр.

К щеголям и кокеткам были обращены многочисленные эпиграммы явно издевательского характера. Вот одна из них, которая так и называется «Щеголихе»:

Один мне друг сказал,
Что будто волосы свои ты почернила.
Неправда, он солгал:
Мне кажется, что ты их черными купила.
Выделяются эпиграммы, написанные от лица вертопрахов:
Я клялся век любить красавицу свою,
И клятву на листке я написал свою,
Ну что ж? Повеял ветерок;
Прощай, и клятва, и цветок.

К эпиграмматической поэзии можно отнести и жанр «Разговоров». Интересен в этом отношении своеобразный цикл — «Разговор между ученым и щеголем» Павла Фонвизина и «Разговор между щеголем и ученым» Василия Санковского.

Ученой: Когда б вы были нам подобны хоть одним.
Мы после говорим, а прежде рассуждаем.

Щеголь: А мы совсем не так в сем случае поступаем,
Мы после думаем, а прежде говорим.

.....
Щеголь: Конечно, у тебя пустая голова,
Что на сто слов моих одним ты отвечаешь.

Ученой: Болтают вздор один, а говорят слова,
Я мало говорю, а много ты болтаешь.

В журнале «Разсказчик забавных басен» (1781) опубликована целая подборка эпиграмм, посвященных «Кокетке»:

Страстью нежною пылаю,
Хоть покрыта сединой;
Но любовью я страдаю,
В ней потерян мой покой.

В сорок лет еще не чужды
Утешения в любви.
В страсть вдаюсь я не от нужды,
Коль есть жар в моей крови.

В ряду разработанных словесниками XVIII века пародийных образцов можно назвать и жанр ложного панегирика щеголю. В одном из своих очерков Ржевский высказывает шутливое намерение «вознести хвалою того петиметра, которого сатирики осмеивают несправедливо», а затем пишет о нем надлежащий опус, построенный по всем правилам риторики: «А ты! любимец и первосвященник Венерин, Амур тебе послушен; Грации следуют тебе повсюду. Ты более славился победами, как Пирр, Александр и Геркулес...; орудия тех супротивлялись противоборники их; тебе же твои во плен безоружному даются. Где между красавиц беседуешь ты: не слышно инаго, как только вопль покоряющихся тебе: победа, твоя победа. О плен! приятнейшей свободы. Пленить единое сердце труднее, нежели множество городов и народов. Вот какую приносишь обществу ты пользу...»**.

Замечательно, что Ржевский говорит о внимательном чтении этого пассажа самими щеголями, поначалу принявшими текст за чистую монету и не заметившими его явно сатирической подкладки. Тем самым он подчеркивает неискренность и непосредственность читателей-щеголей. Он пишет: «Они прежде были весьма довольны моею похвалою, которую издал я прошлаго году в печать. Она им столько нравилась, что петиметр удостоивал ту книжку, где она напечатана, возить в кармане и показывать ее в собраниях и таких, где он старался одерживать любовные победы... И красавица моему сочинению чести делала столько, что не довольно читала его, ложась спать, по несколько строк всякий вечер; но удостоивала класть на уборный стол... и, что еще больше, за уборным столом, окруженная петиметрами, говаривала про мое сочинение и нередко заставляла петиметров читать, которые в угодность ей делали столь много чести моему сочинению, что читывали его, смотря в лорнет...»

Но наиболее рельефно ложный панегирик моде был представлен в пародии на ведущий жанр поэзии классицизма — торжественную хвалебную оду. В анонимной «Оде в защиту полосатому фракку» пародиен уже сам объект восхваления. При этом использован свойственный одической поэзии высокий стиль, своеобразный композиционный строй, а также набор традиционных риторических приемов. Здесь наличествует и обращение к «златовласому» Аполлону, а также к целому сонму мифических и библейских героев. Начинается же повествование со времени оно, когда якобы уже имелись модные «полосатые тела»:

Вот где источник и начало
Носимым ныне полосам;
Сие искусство доставляло

Одежду древним щеголям,
Тогда народы различались
Различной полосой цветов,
И так же ими украшались
Герои дальних сих веков.

Преклонение перед полосатым фракком овладевает щеголем настолько, что в полосах видится ему весь окружающий мир — это и «полосатая заря», и «луч солнца полосатый». Полосатым кажется ему и ветхозаветный Иосиф, к которому он апеллирует, утверждая, что тот пас в Месопотамской долине «пеструю скотину». Он говорит о «полосатой парче», «полосатом фэтоне» и даже о «полосатой вражде». Замечательно, что даже расположение стихов с перекрестной рифмовкой в самой оде сравнивается с чередованием полос на новомодном фраке. Завершается ода обращением к Моде самого автора текста:

А ты, божественная мода!
Которой сильная рука
Твори́т красавца из урода,
А умного из дурака;
Внемли усердное проше́нье,
Окончи тьмы своих чудес:
Я б на камин во всесожже́нье
Тебя, мой пестрый фрак принес.

Говоря о текстах, писанных от имени щеголих, нельзя не остановиться на стихотворных «Любопытных известиях о браке и о любви по моде девушек и щеголей» (1790). Наше внимание привлекает дневник за неделю одной такой «девушки» с примечательным названием «Любовь модного века»:

В понедельник я решилась
К одному любовь питать,
Но во вторник вновь пленилась,
Стала страстью той пылать
И, не зрев свободы боле,
Среду всю была в неволе.
Не терпя оков, я тщетно
Умоляла небеса,
Мне четверг лишь неприметно
В том открыл все чудеса
И соделал рай в напасти,
Дав вкусить иные сласти.
Пользуясь опять свободой,
В пятницу союз сплела
И, довольствуясь сей модой,
Верность день весь тот блюла;
Но в субботу мысль разбилась;
Страстью новой заразилась...

Подобные откровения кокетки говорят сами за себя.

Хотя щеголи и щеголихи и «вытверживали из романов некоторые места», сами они «редко встречались на страницах романа» XVIII века. Однако в России

были переведены посвященные вертопрахам сочинения Ф. Ковентри, Ф.А.А. Критцингера, Л. Хольберга, Г.В. Рабинера, П.Ж.Б. Нугаре, Р. Додсли, Ж.Ф. Дре дю Радье.

Скажем, в произведении Михаила Чулкова с вызывающим названием «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины» (1770) сама его героиня, некая Матрона, дает описание одной щегольской вечеринки: «Чуднее всех показался мне один старик, который уговаривал тринадцатилетнюю девушку, чтобы она согласилась выйти за него замуж... В углу сидел какой-то молодец с бабушкой... Сего молодого человека хотела было я похвалить за то, что имеет он почтение к своим предкам и в угодность бабушке оставляет вертопрашные увеселения, но хозяйка уверила меня, что это любовник с любовницею. Молодой человек уверяет ее, что он, убегая хронологии, которая престарелым кокеткам весьма приятна, говорил ей: «Вы, сударыня, весьма приятны, ветрености в вас никакой быть не может и всех тех пороков, которые молодости приличны; зрелые лета имеют свою цену, и вы будете обузданием моей молодости... Инде красавица приставала к задумчивому щеголю и представляла себя к его услугам... Одним словом, нашла я тут любовную школу, или дом беззакония».

В книге «Зубоскал или Новый пересмешиник, египетские сказки» содержится описание поведения петиметра: «Почитал себя не меньше, как взросшим в Париже, — смеялся всем, кои не попрыгивают на одной ножке и не вмешивают в разговоры таких слов, кои не по-французски и не по-немецки».

Казалось бы, трагедия — отнюдь не щегольской жанр. Между тем в комедии Николая Николаева «Самолюбивый стихотворец» (1775) выведен петиметр Модрстих, дерзнувший поднести стихотворцу Надмену, сочиненную им трагедию. Надмен отвечает сочинителю-франту гневной филиппикой:

О гнусный петиметр! Французский водовоз!
 Спесив, а нужен так, как в улицах навоз.
 Парижем хвастает... науки презирает.
 А сам едва-едва Часовник разбирает...
 Того лишь я и ждал от дерзости твоей,
 Чтоб ты из дурака на модах зараженна
 Преобразился вдруг в рифмовраля надменна.

И хотя это единственное свидетельство о драматических потугах петиметра, журнал «Полезное с приятным» допускает, что щеголь может «прокрикивать... некоторые стишки из трагедии» (впрочем, «как попугай, без всякого смысла»). Забавно, что Сумароков, как бы учитывая эту особенность вертопрахов, издал «Любовную гадательную книгу» (1774), составленную из двустийшей любовной тематики, взятых из шести своих трагедий. Книжка эта предназначалась не для непосредственного чтения, а для гадания с помощью игральной кости, указующей на соответствующий номер выбранного наудачу двустийшия.

Своеобычный сатирический ракурс получила тема щегольства и в так называемой «низовой» культуре, охватывающей самые широкие читательские круги. Этнограф Дмитрий Ровинский в капитальном труде «Русские народные картинки» приводит целый ряд забавных лубочных листов, живописующих не только эксцентрическую трехэтажную прическу щеголих, но и их огромные чепсы кораблем, высокие модные шляпки, красные сапоги, черные мушки, налепляемые на лицо, грудь и руки. Таким лубкам в еще большей степени свойственна бьющая в глаза карикатурность, граничащая с явной издевкой. Приводится здесь и речь петиметров. Однако, рассчитанная на восприятие самым незамысловатым читателем, она адаптирована и лишена непонятных галлицизмов, а потому вполне доходчива. Например, текст мог быть такой:

Щеголь: Когда я жил в Казани, бродил в сарафане, прибыл в Шую, носил козлиную шубу. Ныне стал богат, ярыгам не брат, по моде убираюсь, по моде наряжаюсь, прут[и]ком подпираюсь, в прекрасных садиках гуляю, амурные песенки попеваю, никогда не работаю, веселюсь и гуляю. Какая б молодлица, иль хотя девица, моей красоте подивится. Да вот уже первая и есть, хочет со мной знакомство свести.

Щеголиха: Я красна, я пригожа, я хороша, в нарядах знаю вкус, по моде живу, со многими ложусь. Знать, немного ты учен, высоко тупей (хохол на голове. — Л.Б.) вздрочен, опустить его пониже, к моим услугам поближе. Так будем со мной парочкой, как барашек с ярочкой».

«Услужи, радость, мне, собери все наши модные слова и напечатай их особливую книжкою, под именем «Модного женского словаря», ты многих одолжишь... Мы бы тебя до смерти захвалили», — писала в журнал «Живописец» некая щеголиха. Издатель, однако, рассудил за благо поместить такой лексикон на страницах своего журнала и назвать его — «Опыт модного словаря щегольского наречия». Открывался словарь словом «Ах!», о котором говорилось, что щеголихи изменили его употребление: «В их наречии «Ах» большею частью преследуется смехом, а иногда говорится в ироническом смысле, итак, удивительный и ужасный «Ах» переменялся в шуточное восклицание». Далее приводятся примеры щегольского употребления междометия: «Мужчина, притащи себя ко мне, я до тебя охотница. — Ах, как ты славен! Ужесть, ужесть, я от тебя падаю!.. Ах... Ха, ха, ха... Ах, как он славен, с чужою женою и помахать не смеет — еще и за грех ставит! Прекрасно, перестань шутить по чести, у меня от этого делается теснота в голове. — Ах, как это славно! Ха, ха, ха. — Они до смерти друг друга залюбят. — Ах, мужчина, ты уморил меня».

Другой образчик модного лексикона принадлежит литератору Николаю Осипову, напечатавшему в своем журнале «Что-нибудь от безделья на досуге» (1800), «Опыт Ученого и Модного Словаря» и «Лексикон для щеголей и модников». Первый из названных опытов подзаголовок «Ключ ко всем дверям, ларцам, сундукам, шкапам и ящикам Учености». Какого рода эта ученость, видно из

следующих словарных статей: «Библиотека, Книгохранилище. Ученые люди полагают свои библиотеки по содержанию книг; а щеголи полагают их в число домовых украшений, устанавливают в шкапах по величине переплетов, которые должны сообразоваться с цветом комнатных обоев»; «Уметь жить... умеет всякой только выучился сказать что-нибудь забавное, по моде шаркать, прыгать и вертеться, писать любовные письма и говорить в собраниях всякую пустюшь с театральным тоном и кривлянием»; «Щегольство есть модная болезнь, которая столько же неизлечима, как чума или оспа».

Приноровленным к щегольству оказался и жанр библиографической описи, столь популярный с незапамятных времен не только в античной и европейской, но и в русской письменной культуре (древнейшие восходят к X веку). Знакомо российскому читателю было и использование этого жанра в сатирических целях. Речь идет об изданном по инициативе Петра I псевдокаталоге «Книги политические, которые продаются в Гааге» (1723), имевшем ярко выраженную антикатолическую направленность. Комический эффект создавался здесь с помощью манипулирования такими устойчивыми внешними признаками издания, как его объем, формат, художественное оформление и полиграфическое исполнение. Подобный же сатирический прием был использован при описании библиотеки, расположенной рядом с туалетным столиком щеголихи. «В ней книги на две разделялись части, — пишет журнал «Невинное упрямство» (1763), — Одни исторические, другие о науках». К историческим сочинениям, по мнению кокетки, надлежало отнести «новейшие романы и все любовные описания». Далее приводятся названия «научных» книг, популярных в среде петиметров. Обращают на себя внимание фолиант «О уборках женского пола» (50 книг в лист), многотомное (30 книг) «Препровождение времени за уборным столом, сие состояло в баснях, песнях, эпиграммах и прочем», а также руководство «Искусство налепливать по пристойности мушки» (2 книги в восьмую долю листа) и «Сатиры на скромность, на нежные чувства, на постоянство, на верность и проч.» (в восьмушку). Завершает же эту опись «Нужное сведение светским женщинам о Философии, Истории, Географии и проч., издание модного писателя в шести (!) страницах, в двадцать четвертую долю листа (!)».

Одна из модификаций жанра — пародийный книгопродавческий реестр, представленный в журнале Николая Новикова «Трутень». В нем, помимо названных признаков, обыгрывается цена издания и характерная «говорящая» фамилия сочинителя. Так, в частности, сообщается, что у господина Искушателява продается книжка под заглавием «Атака сердца кокеткина, или Краткий и весьма ясный способ к достижению сердец прекрасного пола». Иронический смысл подобного псевдоиздания усиливало его читательское назначение — «в пользу юношества». Была указана и цена — 5 рублей (стоимость немалая, если учесть, что подушный налог с крестьянина составлял тогда меньше 1 рубля в год). Но еще вдвое дороже (10 рублей) стоила книжка «Тайные наставления, по которым безобразная женщина может совершенно сделаться красавицей». Ее автором назван «славный и искусный лекарь» по фамилии Обман. Наконец, сообщалось, что у перешетчика любовных книг продается «Проект о взятии сердец штурмом» (сочинения господина Соблазнителява), одобренный «в тайном г. волокит совете».

Наиболее выразительный и законченный образец жанра сатирического книгопродавческого каталога принадлежит Николаю Страхову. В своем журнале «Сатирический вестник, удобоспособствующий разглаживать наморщенное чело старичков, забавлять и купно научать молодых барынь, девушек, щеголей, вергопра-

хов, волокит, игроков и прочего состояния людей, писанный небывалого года, неизвестного месяца, неведомого числа, незнаемым сочинителем» (1790-1791, Ч. 1-9) он систематически печатал объявления о продаже книг некоей вымышленной Типографии Мод. Сочинитель воссоздавал, таким образом, целый поток изданий, предназначенных исключительно для щеголей, то есть по существу моделировал пародийный репертуар щегольской книжной культуры. Помимо традиционной характеристики изданий, Страхов в ряде случаев приводит данные об оформлении переплета и иллюстрациях. Вниманию петиметров предлагались, в частности, такие книги: «Известие о числе невест, их летах, красоте, богатстве и приданом, о местах, в коих можно с ними видаться, и о средствах им нравиться; С присовокуплением нужных объяснений, сколько времени живут и в котором именно месяце привозятся зимою в города их родителями, тетушками или бабушками. Сочинение славной свахи Пройдоховой, 18 частей, в переплете из театральных объявлений, 25 рублей»; еженедельное издание «Кто за кем в городе волочится, и кто в кого влюблен, цена каждой недели в переплете из визитных карточек и билетов 1 рубль»; «Исторический словарь петиметров, щеголих, танцовальщиков и танцовальщиц, мотов, игроков и всех тех, которые заработали себе громкую славу и соделали имена незабвенными в памяти обманутых купцов, обогащенных танцмейстеров, портных, французенок и обманутых людей, 112 (!) томов по подписке; за каждую часть, переплетенную в выкройку и мерки, ноты и надранные вексели — 5 рублей; для тех же, которые при жизни сделались достойными помещения в словарь, и в случае, когда благоволят сообщить издателю о деяниях своих, все сии томы будут отпускаемы с обождаением денег на 50 лет». Впечатляют и такие якобы вышедшие из Типографии Мод сочинения: «Новое средство выводить пятна из совести, сочинение славного г. Санам, переводу же г. Бездушникова, 350 коп.»; «Новые и особенные правила и положения о том, как и кому должно кланяться, какой делать из себя вид, вступая в собрание, как надлежит сидеть и что говорить и каким произношением и голосом, как подавать руку в то время, когда девица или дама удостоивает чести идти вместе прогуливаться, к кому и когда должно подходить целовать руку, каким образом откланиваться, с каким видом извиняться, обещать и пр., еженедельное издание некоторого знающего общества в щегольстве, притворстве и обхождении светском — Билет на 12 тетрадок с эстампами, фигурами, рисунками и планами, 30 рублей». Всего подобных псевдоизданий приведено более шести десятков. Обратим внимание на цены. Даже по масштабам XVIII века они астрономические.

Страхов считал нужным подчеркнуть это весьма своеобразно — он поместил в своем реестре как бы случайно затерявшиеся среди щегольских изданий книги: «Опыт о здравии, или Доказательство о том, что если мы живем здоровы, то сие есть достоверный знак, что мы не были в руках лекарей, сочинение г. Прямоудова, 50 копеек»; «Рассуждение о похвальных речах, или Доказательство о том, что нынешние похвальные речи более приносят чести тем, кто их сочиняют, нежели тем, о коих оные пишут, цена 10 копеек», «Увещание болтунам, чтоб они более смотрели, более слушали и менее говорили — Достойное похвалы сочинение г. Благоразумова, в котором ясно доказывается, что природа одарила нас двумя глазами, двумя ушами, а одним только языком, цена 20 копеек». Смехотворно низкая цена подобных книг, как сообщает сатирик в сопроводительной аннотации, объясняется «причиной нераскупки оных» щеголями, что вполне понятно.

Заслуживает пояснения другое — сам механизм создания Страховым модели пародийной книжности. Приглядимся повнимательней к заглавиям «модных

книг», соотнесем их с существовавшими в XVIII веке видами изданий, и перед нами оживут знакомые современнику устойчивые шаблоны книжной продукции. Так, «Исторический словарь петиметров, щеголих, танцовальщиков и танцовальщиц...» имитирует распространенные тогда исторические словари, один из которых, кстати, начал тогда издаваться в Москве. Всевозможные «способы», «науки», «наставления», «известия», «правила», «начертания» — все это типичные ключевые слова в заглавиях книг того времени: по нашим подсчетам, в России с 1725-1800 год были изданы 95 «способов», 85 «наук», 173 «наставления», 82 «известия», 83 «правила», 36 «начертаний». Все эти виды изданий сатирик осмыслил наново и представил в контексте щегольской культуры. Иногда просматривается почти буквальное сходство (Ср. псевдоиздание «Наука быть счастливым, или Искусство притворяться» и реальная книга «Наука счастливым быть...» (СПб., 1759). Примечательно и то, что сам Страхов как бы в шутку адресовал петиметрам и модникам свои антищегольские сатирические произведения.

Помимо книг, Страхов упоминает вещи и «редкие рукописи», хранящиеся у петиметра. Это и «коробочка с любовными стишками», и «ящичек с разными женскими силуэтами», и «лучшая голландская бумага, коей исходило на любовные письма, каждой день около десяти», а также «Собрание любовных стихов, песен и трагедии покойного Виноглода», «в 12 книжек переплетные подлинных письма тех женщин, которых он обманул в продолжение 12 месяцев». Сатирик приводит якобы «подлинную записку» щеголя, названную им «Журнал жизни». Это, как пишет Страхов, «сметка», сделанная вертопрахом по прошествии года: «I. Сделано 52 обновы. II. Танцевал 5670 раз. III. Играл в карты 270 раз. IV. Был дома целой день 5 раз. V. Брошено прежних любовниц 30. VI. Приобретено новых 27. VII. Обмануто замужних 9. VIII. Обмануто вдов 18. IX. Обмануто старушек 6».

Замечательно, что Страхову принадлежит почин псевдощегольского издания. Это своеобразное жанровое образование, относящееся не столько к словесности, сколько к книжности; издание-перевертыш (недаром он назвал его «в платье навыворот»), в котором речь ведется якобы от имени всемогущей Моды, предписывающей свету свои правила поведения, — на самом же деле уязвляющее и уничижающее щегольство. Впрочем, лучше всего сказал об этом сам сатирик: «Моду представил я властительницею и такою сильную собою, к покровительству коей имели прибежище и самые люди». Под стать и название книги — «Переписка Моды, содержащая письма безруких Мод, размышления неодушевленных нарядов, разговоры безсловесных чепцов, чувствования мебели, карет, записных книжек, пуговиц и старозаветных манек, кунгашей, шлафоров, телогрей и проч. Нравственное и критическое сочинение, в коем с истинной стороны открыты нравы, образ жизни и разныя смешныя и важныя сцены модного века» (М., 1791). Среди прочего здесь помещено самоизобличающее письмо Моды к Непостоянству: «Правду сказать, где я, Moda, поживу хоть десяток лет, то надобно несколько на то веков, дабы истребить тот образ мыслей, которой я внушаю людям. Глупость не делать может столько в один год, что и самая мудрость не исправит того в десять... Где роскошь поживет десять лет, там через сто лет не научишь людей быть умеренными. Словом, где я, Moda, побываю хоть год, оттуда дурачество и ветренность не выживешь в пятьдесят».

Приводятся 56 постановлений Моды, из которых приведем наиболее характерные: «Над любовию начальствовать ветренности, легкомыслию и корыстолюбью»; «Главнейшими достоинствами прекрасного пола да будут: пустомозглость, щегольство, роскошь, городской образ мыслей, ложные понятия, ветреные мысли,

презрение истинных дарований, добродетели и трудолюбия». Далее: «Великое число любовников, позднее вставание, ежедневное небытие дома, рассеянность, карточная игра, праздность и пр.»; «Повелеваем, чтоб супружество было такою торговою вещию, которая продавалась бы по вольной цене» и т.д. Автор прямо говорит о цели своего издания, и состоит она в том, «чтоб безпристрастное сие начертание могло некоторым людям открыть глаза и удостоверит их о вреде, причиною Модою, роскошью, вертопрашеством и прочими пороками, которые являються повсюду и во многих сценах нынешней жизни».

С развитием сатирической периодики диапазон щегольских псевдопроизведений заметно расширился за счет новых газетных и журнальных жанров. Достаточно обратиться к вводной статье журнала «Трутень» (1769-1770) «Каковы мои читатели», чтобы понять характер предпринятых новаций. Издатель Николай Новиков среди прочих носителей пороков (Злорад, Скудоум, Лицемер и др.) упоминает и Вертопраха. Автор тем самым обозначает читательские запросы петиметров: «Вертопрах читает мои листы, сидя перед туалетом. Он все книги почитает бездельцами, не стоящими его внимания... Однако ж «Трутень» иногда заставлял его смеяться. Он его почитает забавною книгою и для того покупает. Вертопрах, повертевши листки в руках, и которые заслужат его благоволения, те кладет, а прочие употребляет на завивание волос...». (К слову, такое отношение щеголя к книгам было ранее представлено в сатирах поэта Антиоха Кантемира).

Замечательно, что на страницах русских журналов их издатели, как ранее Сумароков и Ржевский, так же говорят от имени щеголей. При этом использовался новый в то время жанр русской журналистики — письмо издателю от читателя. Примечательно в этом отношении послание из далекой провинции к издателю журнала «Смесь» (1769): «Сделайте милость, внесите в ваши листы нашего щеголя, который носит на голове престрашные кудри, у него зеленый мундир подложен розовую тафтою, а сапоги с красными каблуками... Пожалуйте, г. издатель, не пренежите моей просьбы, дайте сему молодцу местечко в вашем издании».

В ряду подобных опытов находятся и присланные письма от щеголих. Это тоже своеобразная мистификация, поскольку в подавляющем большинстве такие

письма сочинялись самими издателями, которые, как правило, не оставляли их без ответа и, полемизируя с ними, развенчивали щегольство во всех его проявлениях.

Так, в послании к издателю «Трутня» из Москвы, датированном 25 ноября 1769 г., речь ведется от лица кокетки, а потому изобилует «модными словами», то есть характерными оборотами щегольского наречия («ужесть, как ты славен», «теснота в голове», «уморишь, радость», «мила, как ангел» и др.). Начав свое письмо со свойственной щеголям хулы серьезных книг, будто бы заставившей ее «провождать сухою моралью» («все Феофаны да Кантемиры, Телемаки, Роллени, Летописцы и всякий этакий вздор»), эта дама разглагольствует о том, как из «деревенской дуры», знавшей только «как и когда хлеб сеют, когда садят капусту, свеклу, огурец, горох, бобы», она превратилась в первую щеголиху. И уж ясное дело — тут не обошлось без «французской мадамы», научившей ее щегольской науке. «Ни день, ни ночь не давала я себе покоя, — откровенничает кокетка, — но, сидя перед туалетом, надевала корнеты, скидывала, опять надевала, разнообразно ломала глаза, кидала взгляды, румянилась, притиралась, налепливала мушки, училась различному употреблению опахала, смеялась, ходила, одевалась и, словом, в три месяца все научилась делать по моде». Воздавая непомерную хвалу французам («они нас просвещают и оказывают свои услуги»), она сосредоточивается на своем отношении к сильному полу, говоря, что дурачила «с десяток молодчиков».

Весьма показательно, что сразу же вслед за откровениями кокетки издатель помещает в «Трутне» другое письмо, в котором, проясняя собственную позицию, категорично заявляет: «Поступки ваши совсем мне не нравятся». Он отчаянно полемизирует с щеголихой, выступая противником моды и модного поведения — призывает следовать естеству и отрицает всякую пользу французских «учителей». По мысли Новикова, наших дам должны просвещать не «мадамы», а чтение серьезной литературы, о которой кокетка отзывалась с таким презрением.

Вообще, неприятие щеголями наук и учения просматривается во многих журнальных публикациях Новикова. В пространной статье «Автор к самому себе» («Живописец», 1772) он вкладывает в уста Щеголихи характерную сентенцию: «Ужесть, как смешны ученые мужчины, а наши сестры ученые — о! они-то совершенные дуры... Не для географии одарила нас природа красотой лица, не для математики дала нам острое и пронизательное понятие, не для истории награждены мы пленяющим голосом, не для физики вложены в нас нежные сердца, для чего же одарены мы сими преимуществами? — чтобы быть обожаемыми. — В слове уметь нравиться все наши заключаются науки. За науки ли любят нас до безумия? Наукам ли в нас удивляются, науки ли в нас обожают? — Нет, право, нет».

Далее слово предоставляется Вертопраху, который излагает свое понимание наук: «Моя наука состоит в том, чтобы уметь одеваться со вкусом, чесать волосы по моде, говорить всякие трюгающие безделки, воздыхать кстати, хохотать громко, сидеть разбросану, иметь приятный вид, пленяющую походку, быто совсем развязану, словом, дойти до того, чтобы тебя называли шалуном те люди, которых мы дураками называем; когда можно до этого дойти, то это значит, дойти до совершенства в моей науке».

Другое письмо к издателю написано от имени щеголихи-писательницы (забавная контаминация, едва ли реально существовавшая!) и заключает в себе несколько жанровых сценок, названных «историческими картинками». Но к истории эти «картины» ни малейшего отношения не имеют, ибо живописуют повседневные быт и нравы. Одна из них запечатлела буквально следующее: «Представляется вдо-

вушка лет двадцати — ужесть как недурна! — наряд ее показывает довольно знающую свет, подле нее в пребогатом уборе сидит согнувшийся старик, в виде любовника: он изображен отягченным подагрой, хирагрой, коликою, удушьем и, словом, всеми припадками, какие чувствуют старички при последнем издыхании. Спальня и кабинет сей вдовушки скрывают двух молодых ее любовников, которых она содержит на иждивении седого старика в должности помощников. Она делает это для для облегчения старости своего возлюбленного.

Еще один образчик послания — нравоучительная «повесть» (как автор сам называет этот жанр) из жизни щеголихи. Так, в журнале «Праздное время в пользу употребленное» (1759) помещена слезная исповедь кокетки. Героиня буквально с молоком матери впитала в себя поклонение «высокой о красоте науке» и сызмальства готовила себя к тому, чтобы блистать в свете. Имея потом множество любовников, она никому не отдавала предпочтения, ибо знала щегольское правило — «сердце, сколько возможно, содержать в вольности». «Я готовилась еще к новым завоеваниям, — рассказывает она, — ...но вдруг напала на меня она прекрасному полу страшная неприятельница, стократно проклиная им воспа». В результате болезни красавица потеряла приятность лица, а заодно все, что ей «честь и славу приносило». Нравоучение же, по ее словам, в том, что «надобно, чтоб в женщине такие были свойства, которая бы и по умалении цветущей красоты, делали ее любви достойною». А свойства эти в щеголихе как раз отсутствуют.

Следующий жанр, использованный для осмеяния щегольства — известный в русской сатирической литературе еще с XVII века, — пародийный «Лечебник». В нем приписывались своеобразные «рецепты» пациентам, «больным душою» (в терминологии той эпохи — носителям «больных», то есть порочных страстей). В числе прочих персонажей особый «рецепт» новиковский «Лечитель» прописал престарелой щеголихе госпоже Смех, которой рекомендовалось: «Не изволишь ли полечиться и принять следующее лекарство: оставь неприличное тебе жеманство, брось румяны, белилы, порошки, умыванья и сурмилы, которые смеяться над тобою заставляют. Храни, по крайней мере, хотя в старости твоей благопристойность, которой ты в молодости хранить не умела, и утешай себя воспоминанием прошедших твоих приключений. Поступя таким образом, не будешь ты ни смешна, ни презрительна».

Не могли сатирики обойти вниманием и известный в России еще с петровских времен газетный жанр «ведомостей» (говоря современным языком, корреспонденций с мест), который Новиков так и назвал — «сатирические ведомости». Вот показательный пример: «В Санкт-Петербурге. Из Мещанской. Есть женщина лет пятидесяти. Она уже двух имела мужей и ни одного из них не любила, последую моде. Достоинства ее следующие: дурна, глупа, упряма, расточительна, драчлива, играет в карты, пьет без просыпу, белился в день два по два, а румянится по пяти. Она хочет замуж, а приданого ничего нет. Кто хочет на ней жениться, тот может виться у свах здешнего города».

Издатель «Трутня» не ограничился этим «заманчивым» предложением — через несколько месяцев на страницах своего журнала он вернулся к нему. Дескать, в Москве «подряд любовников к престарелой кокетке, напечатанный в трутневых ведомостях, многим нашим господчикам вскружил голову, они занимают деньги и, в последний раз написав: «В роде своем не последний», с превеликим поспешением делают новые платья и прочие убранства, умножающие пригожество глупых вертопрашных голов, а по совершении того, хотят скакать на почтовых лошадях в Пе-

тербург, чтобы такого полезного для них не совершить случая». И снова налицо мистификация, уязвляющая щегольство!

Другая сатирическая ведомость представлена в новиковском журнале «Живописец» (1772). В ней говорится об абсурдном проекте «славного Выдумщика» по поводу приобщения «молодых российских господчиков к чтению русских книг. Онный в том состоит, чтобы русские книги печатать французскими литерами. Г. Выдумщик уверяет, что сим способом можно приманить к чтению российских книг всех щеголей и щеголих, да и самых тех, которые российского языка терпеть не могут...». (Заметим в скобках, что эта идея не нова — латинскими буквами писали русские слова некоторые жители московской Немецкой слободы во времена Петра I). Издатель, разумеется, иронизировал, назвав Выдумщика «великим человеком».

Одной из разновидностей сатирических ведомостей был жанр «Известия» (объявления о текущих событиях). «Будущего июня 10 числа, в доме г. Наркиса, состоящем в Вертопрашной улице, — пишет «Живописец», — будут разыгрываться лотерейным порядком сердца разных особ, в разные времена г. Наркисом плененные и за ветхостию к собственному его употреблению неспособные. При каждом сердце отданы будут и крепости на оные, состоящие в любовных письмах и портрете. Билеты можно получать в собственном его доме, где и цена оным будет объявлена».

В журнале «Пустомеля» (1770) Новиков загадывает читателю характерную «Загадку» (еще один жанр!): «Вертопрах волочится за всякою женщиною, всякой открывает свою любовь, всякую уверяет, что от любви к ней сходит с ума, а приятелям своим рассказывает о своих победах, на гулянье указывает на женщин, в коих, по уверению его, был он счастлив и которых очень много; но в самом деле Вертопрах может ли быть счастлив? Читатель, отгадай».

Разработка темы велась и в популярном в XVIII веке жанре мемуаров, или «Записок», как их называли в России. «После покойного Г. Волокитова отысканы записки, — мистифицирует читателя «Сатирический вестник», — содержащая главное начертание любовных его приключений, превратностей и прочих злополучий его жизни». Эти пародийные «Записки» в деталях живописуют амурные похождения Волокитова, его связи с красотками с говорящими именами — Вертопраховой, Корыстолюбых, Великолепы, Безрассуды, Попрыгушкиной, Глупомысли, Несмысли и пр. Чем же завоевывал Волокитов любовь щеголих? Одна проявила к нему склонность из-за цвета сукна его кафтана, другую пленила его изысканная табакерка, третью — модная карета, четвертую — пряжки на ботинках, пятую — щегольская прическа, шестую — модная ария и т.д. Завершив «Записки» Волокитова, издатель считал нужным донести до читателя и собственное понимание предмета: «Как из сего... ясно усматривается, что не сердце, не чувствования наши, но одне только скоропреходящие наружности, блеск нашего благосостояния, минующиеся красы младости, жеманства и щегольства пленяют красавиц. От сего-то самага видим мы токмо непрерывную цепь непостоянств, обманов, притворств и ложностей».

Пародировались и бытовые документы эпохи. Так, в том же «Сатирическом вестнике» представлен образчик прејскуранга XVIII века — «Такса ценам за обучение разным искусствам прельщать», содержащая такие пункты: «За обучение искусства одному петиметру давать держать веер, а другого в то ж время дарить цветом — 25 р. На двух смотреть быстро, а двум будто украдкою давать знак за собою следовать — 30 р... Одному подавать руку, чтоб с ним идти, а для прочих метать другую за спину и столь искусно шалить пальчиками, дабы каждый движение оных

толковал в свою пользу — 75 р.» и т.д. Здесь же приводится и другой тип документа, а именно «Штрафная пошлина» со следующими предписаниями: «За постоянство, против прочих вертопрахов — лишних 10 лет холостой жизни... За умеренность, презрение к роскоши и мод вместо штрафной пошлины от всех модников и мотов налагается презрение».

Думается, однако, что русские литераторы XVIII века не были обескуражены отношением к ним петиметров. Они сами презирали щеголей и заявляли об этом и прямо, и опосредованно, создав на них едкую пародию в целом ряде жанров словесного и книжного творчества.

Примечания

* См. Бердников Л.И. Дерзость Алексея Ржевского // Новая Юность, № 6, 2011; Он же. Разгадка тройного сонета // Новый берег, № 43, 2014.

** О бесполезности петиметров для общества будет писать впоследствии журнал «И то и Сно»: «Петиметр столько делает пользу отечеству, сколько и себе, проматывает деревни, занимает у всех без разбору, впадает от того в бедность и последний кафтан перешивает раз пять в различные валаны, но и тут еще не перестает быть петиметром, сказывая, что золотом обложенные кафтаны ныне уже не в моде, и носить их очень тяжело, потому что лгать петиметру свойственно и необходимо должно».

II. РУССКИЕ МЮНХГАУЗЕНЫ

Невероятные истории о волке, запряженном в сани, об олене, на голове которого выросло вишневое дерево, о восьминогом зайце, о коне, привязанном к макровке колокольни, - знакомы нам с детства и связаны с именем “самого правдивого человека на свете”: легендарного барона Мюнхгаузена. Одних только книг о его всевозможных приключениях насчитывается сегодня свыше шести сотен; о нем ставятся пьесы; снимаются кинофильмы. В литературе появлялись и появляются многочисленные “клоны” Мюнхгаузена (достаточно назвать Тартарена из Тараскона, астронавта Йона Тихого и капитана Врунгеля).

Сей популярнейший литературный герой имел своего вполне реального прототипа. Им был барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен (1720-1797) из городка Боденвердера, что неподалеку от Ганновера (теперь здесь создан его мемориальный музей). Примечательно, что добрый десяток лет он прослужил в России, куда последовал в свите немецкого принца Антона Ульриха Брауншвейгского; принял участие в Русско-турецкой войне 1735-1739 гг. и отличился при взятии Очакова. В официальных бумагах сохранились отзывы о нем как об офицере бравом, исполнительном и весьма находчивом. В 1750 г. Мюнхгаузен вышел в отставку в чине ротмистра и, навсегда покинув Московию, окончательно обосновался в родном Боденвердере. Образцовый семьянин, хлебосол и записной остроумец, он потчевал многочисленных гостей не только горячим пуншем и отменнейшей снедью, в коих знал толк, но и удивительными рассказами о своих приключениях. Слушать его байки съезжалась публика не только с предместий Ганновера, но и со всей Германии.

Уже при жизни Мюнхгаузену суждено было нискатъ всеевропейскую славу. Произошло это исключительно благодаря борзописцам от словесности. Воспользовавшись репутацией барона как отчаянного враля, они приписали ему такие неслыханные подвиги, о коих всамделишний Мюнхгаузен не мог даже и помыслить. А все

началось с того, что в 1785 г. в Лондоне вышло издание его земляка из Ганновера Рудольфа Эрика Распе (1737-1794) под заглавием “Рассказы барона Мюнхгаузена о его необычайных путешествиях и походах в России”. Книга сразу же стала бестселлером и была сметена с прилавков читателями в первые же недели. Исследователи установили широчайший круг источников, творчески переработанных Распе для сего сочинения. Это и комедии Древней Греции, и фацетии времен Ренессанса, и немецкие фавлю XVI века, и популярные в XVIII веке сборники анекдотов, и т.д. Из сих разрозненных и разнородных историй автор сотворил единый литературный сплав, объединенный колоритной фигурой рассказчика-выдумщика.

В 1786 г. в Геттингене (хотя на титуле для конспирации значится Лондон) печатается на немецком языке издание “Удивительные путешествия на воде и суше, походы и веселые приключения барона Мюнхгаузена, как он сам их за бутылкой вина имеет обыкновение рассказывать”. Автором этого варианта был профессор Готфрид Август Бюргер (1747-1794). В его изложении произведение увеличилось на треть и приобрело новую окраску. Существенно, что литературный Мюнхгаузен, от лица которого здесь ведется речь, не просто измышляет и фантазирует — он доводит до гротеска и абсурда способность человека солгать, прихвастнуть. А потому рассказанные им небывлицы — это не ложь в собственном смысле слова, ибо на самом деле они-то и разоблачают ложь, выставляя ее в самом неприглядном и комическом виде. Не случайно Мюнхгаузен назван автором “карателем лжи”.

Речь пойдет здесь не столько о восприятии Мюнхгаузена и его удивительных “приключений”, сколько о так называемом “синдроме Мюнхгаузена” в России. Термин этот принадлежит к области психиатрии и, понятно, к самому легендарному барону непосредственного отношения не имеет. Люди, одержимые сим синдромом, стремятся привлечь к себе внимание собственными вымыслами, подчас самыми фантастическими, которые они выдают за реальность. Считаю возможным применить этот термин и к сфере русской культуры. Это тем более уместно, что подобные персонажи существовали в России до появления не только рассказов о Мюнхгаузене, но и самого их прототипа.

Еще одно предварительное замечание. Стихотворцу и филологу XVIII века В.К. Тредиаковскому принадлежит знаменательное высказывание: “По сему, что поэт есть творитель, еще не наследует, что он лживец...”. Как мы покажем, сам образ рассказчика невероятных историй существовал в русской культуре XVIII — начала XIX века в этих двух ипостасях: “творитель” — “лживец”. Сознаем, что такое разграничение несколько схематизирует культурный процесс рассматриваемой эпохи. Подчас в одном явлении и даже у одного и того же лица или героя свойства тривиального лжеца и вдохновенного художника (изобретателя “остроумных вымыслов”) соседствуют, и выявить их в чистом виде бывает порой затруднительно.

Тем не менее, такая, на первый взгляд, грубая градация обладает известной точностью и подтверждается конкретным историческим материалом.

Невероятное и неправдоподобное берет свое начало в фольклоре всех народов мира. А в русском народном творчестве издавна существовал специальный жанр: “небылица в лицах” или “небывальщина”. Пронизанные шутовским, скоморошным началом, небывальщины были исполнены всякого рода несообразностями, вызывающими комический эффект:

“Медведь летит по поднебесью,
В когтях же он несет коровушку...
На дубу свинья да гнездо свила,
Гнездо свила да детей вывела”.

Как отметил фольклорист Б.Н. Путилов, “вероятность восприятия небылиц в параметрах достоверности начисто исключается”. Сказитель из народа (бахарь, скоморох) и не претендовал на правдоподобие, руководствуясь известной русской поговоркой: “Не любо — не слушай, а лгать не мешай”.

Любопытные образчики фантасмагорических историй, рассказываемых в стародавние времена, приводит историк А.О. Амелькин в своей статье “Российские Мюнхгаузены” (Вопросы истории, № 4-5, 1999). Так, из XVI века до нас дошел сказ, как один крестьянин спасся тем, что крепко ухватил за хвост огромную медведицу, которая якобы вытащила его из глубокой пучины. Некий заезжий иноземец слышал от поселян и историю о том, что зимой на Днепре слова путешественников замерзают, а весной оттаивают. Другой рассказчик самым серьезным тоном убеждал собеседников, что владеет чудодейственным растением, из семени которого вырастает ягненок пяти падей вышиною. Удивительно, что эти и им подобные байки часто принимались на веру иностранными визитерами, воспринимавшим и экзотическую Московию как страну чудес, где и “небывалое бывает”...

Впрочем, наблюдались и примеры обратного свойства: когда россияне сами оказывались ошеломленными рассказами выходцев из-за рубежа. В 1761 году из Лондона в Петербург прибывает Федор Александрович Эмин (1735-1770), определяется преподавателем в Сухопутный кадетский корпус и уже через два года печатает собственные сочинения и становится одним из самых плодovitых и читаемых российских писателей. Его романы (Непостоянная Фортуна, или Похождения Мирамонда. - Спб., 1763. - Ч.1-3; Приключения Фемистокла... - Спб., 1763; Награжденная постоянность, или Приключения Лизарка и Сарманды. - Спб., 1764 и др.), назидательно-моралистические “Письма Эрнеста и Доравры” (Спб., 1766. - Ч.1-4), а также компилятивные труды по истории составили 19 томов, и большинство из них многократно переиздавались в XVIII веке.

Плодом бурной фантазии этого литератора стала сама его жизнь, о коей он давал различным лицам самые противоречивые сведения, меняя их в зависимости от требований текущего момента. “Все попытки установить подлинную биографию Федора Эмина, — пишет по сему поводу Г.А. Гуковский, — были безуспешны; он создал о себе столько легенд, так запутал вопрос о своем происхождении, что отличить выдумку от правды крайне затруднительно”.

Существует по крайней мере четыре варианта биографии Эмина. Согласно одной из версий, он родился в Константинополе. Отец его, Гусейн-бек, был губернатором Лепанта, мать — невольницей-христианкой. Получив превосходное домашнее образование, он продолжил обучение в Венеции. По возвращении же из Италии, узнав, что отец его сослан, Эмин организовал его побег и вместе с ним

нашел приют у алжирского бея. Там Эмин принял участие в алжиро-туниской войне, где проявил такую отвагу и доблесть (он, между прочим, конвоировал плененного туниского бея), что был удостоен звания “кавалерийского полковника”. Отличился на поле брани и Гусейн-бек, получивший после войны должность губернатора Константинской и Бижийской провинций; однако вскоре он умер от ран.

Эмин вернулся в Константинополь, а оттуда, дав обещание матери принять христианство, направился в Европу торговать пряностями. В пути на его корабль напали морские пираты. Эмин попал в плен, откуда сумел бежать в португальскую крепость, объявил там о своем желании креститься и был отправлен в Лиссабон. Здесь, по именному распоряжению короля, он обучается догматам христианской религии под руководством самого кардинала. Но, убедившись, что ему более по сердцу православие, он отказывается от обращения в католичество и отбывает из Португалии в Туманный Альбион. Прибыв в Лондон, он незамедлительно является к русскому посланнику А.М. Голицыну, принимает крещение и отбывает в Россию.

Когда в 1768 году грянула русско-турецкая война, в условиях которой турецкое происхождение нашего героя говорило не в его пользу, Эмин мимикрирует и изменяет собственную биографию. Просветитель Н.И. Новиков в “Опыте исторического словаря о российских писателях” (СПб., 1772) приводит, со слов того же Эмина, совершенно иные данные о Федоре: родился тот якобы в Польше или в пограничном с нею русском городе; некий иезуит обучил его латинскому языку и другим наукам, а затем взял с собой в заграничное путешествие. Поколесив довольно по Европе и Азии, странники прибыли в Турцию, где Эмин был взят под стражу. Чтобы избежать “вечной неволи”, он принял ислам и несколько лет вынужден был прослужить янычаром, не оставляя при этом надежды вернуться на родину. Познакомившись по случаю с капитаном английского корабля, он упросил взять его с собой в Лондон. Там-то Эмин и принял “природную свою христианскую веру”.

Другому лицу Эмин поведал, что родился в венгерском городке Липпе, на самой турецкой границе; отец его венгр, а мать полька; обучался он в иезуитском училище, где слыл одним из лучших учеников. Сохранился также рассказ одного “достойного веры” человека, что Эмин, дескать, родом был из местечка, находившегося неподалеку от Киева; учился в Киевской академии, где весьма преуспел в риторике, грамматике, философии, богословии и латыни; что жил наш герой в бурсе, но, имея склонность к путешествиям, оставил Малороссию, и “слышно было”, что он находился в Константинополе. Вот такие версии...

Для нас не столь уж существенно, какая из биографий Эмина более всего соответствует действительности. Важно, как оценивали фантастические обстоятельства его жизни современники. И в этом отношении весьма показательны слова проницательного Н.М. Карамзина, назвавшего жизнь Эмина “самым любопытнейшим из его романов”. Хотя романы не пользовались у законодателей русского классицизма (В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова) высокой репутацией, сам Эмин был их ревностным популяризатором. “Романы, изрядно сочиненные, и разные нравочения и описания земель в себе содержащие, — говорил он, — суть наиболее полезные книги для молодого юношества и приключению их к наукам. Молодые люди из связно-сплетенных романов основательнее познать могут состояние разных земель, нежели из краткой географии... Роман и всякого чина и звания людям должен приносить удовольствие”.

Биография Эмина, обрастая все новыми и новыми подробностями, служила основой и фабулой для многих его романов. Автор упорно отождествлял себя

с героем собственных книг. Обращает на себя внимание книгопродавческое объявление, которое поместил Эмин об одном своем романе в газете “Санкт-Петербургские ведомости” от 6 июня 1763 года: “Продается книга Мирамондово похождение..., в которой сочинитель описывает разные *свои* [курсив наш — Л.Б.] приключения и многих азиатских и американских земель обыкновения”.

Катаклизмы, выпавшие на долю героя его романа, стремительно сменяют друг друга, держа читателя в постоянном напряжении. Эмин ловко и к месту вводит в повествование конкретные детали быта и нравов иных стран и народов (Египта, Португалии и др.) и даже дает медицинские рецепты (кускуса, например). Он заботится о достоверной подаче фантастического, приправляя текст скрупулезными описаниями вполне реальных фактов и событий. Так, он живописует разрушения, вызванные землетрясением в Лиссабоне 1755 года, сообщает подробности противостояния иезуитов и королевского Двора в Португалии и т.д. Эпизодами из жизни писатель наполняет и сочинения иных жанров: так, в книге “Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты” (Спб., 1769) он распространяется о том, как вступил “по нужде” в янычары.

Ясно, что неправдоподобные повествования о жизни “творителя” Эмина воспринимались как плод остроумного вымысла, рассматривались в ряду произведений словесности, а потому они обретали в русской культуре эстетический статус.

Однако, Эмин вымышлял не только в “изустных рассказах” и творимой им литературе, но и в трудах по истории. Речь идет прежде всего о его “Российской истории жизни всех древних от самого начала России государей...” (Т.1-3. Спб., 1767-1769), обратившей на себя внимание книгочеев обилием ошибок и неточностей.

Труд сей наполнен ложными ссылками на показания историков и на никому не известные летописи. Чтобы подтвердить свои, часто весьма спорные, утверждения и голословные факты, Эмин ссылается на выдуманные им источники, для большей убедительности указывая при этом несуществующие том и страницу. Что это

как не “синдром Мюнхгаузена” — Мюнхгаузена от науки, стремящегося ошеломить читателя глубиной знаний и широтой эрудиции, оставаясь на деле недобросовестным дилетантом? Исторические анахронизмы, искажение географических имен и понятий дополняет представление о научной “ценности” “Российской истории...” вызвавшей уничтожающие сатирические стихи литератора М.Д. Чулкова в журнале “И то и сию” (1769):

“Кто цифров не учил, по летописи строит
И Волгою берега Санктпетербургски моет, —
Дурак.
Кто взялся написать историю без смысла
И ставит тут Неву, где протекает Висла, —
Дурак.”

Как историк Эмин снискал себе сомнительную славу “лживца”, и именно поэтому сей труд, в отличие от других его сочинений, ни разу не переиздавался и был вскоре благополучно забыт.

Зато сокращенный перевод (“переделка”) сочинения Г.А. Бюргера пользовался в России исключительной популярностью и в XVIII — первой четверти XIX вв. выдержал по крайней мере пять изданий (1791, 1797, 1804, 1811 и 1818 гг.). В качестве заглавия книги переводчик (а им был известный сатирик, имитатор и пародист Н.П. Осипов) использовал известную народную поговорку “Не любо - не слушай, а лгать не мешай”, адаптируя тем самым материал к российским условиям.

Примечательно, что в их русском варианте “приключения” никак не соотносились с личностью легендарного барона (здесь не упоминалось даже имени Мюнхгаузена). В книге представлено несколько героев, от лица которых ведется речь. Один из них — иноземец. Сообщается, что отец его был родом из Берна (Швейцария) и “ему было поручено иметь попечение о чистоте улиц, переулков и мостов; должность сия называлась: чистильщик улиц”. Мать родилась в Савойских горах, занималась торговлей мелкими товарами, потом пристала к кукольным комедиантам, торговала устрицами в Риме, где и познакомилась с отцом героя. В Риме же наш герой “произошел... на свет к общей радости и удовольствию... родителей, и там взрос и пришел в совершенные лета”.

Хотя Н.П. Осипов всемерно стремился изъять из текста перевода российские реалии, они все равно выходят наружу. Откуда ни возьмись, появляются вдруг ямщики с залихватским посвистом, с коими надо браниться на почтовых станциях, а в дороге останавливаться у каждого питейного дома, давая им на водку; герой облачается в епанчу и покупает русские розвальни; после попойки он просыпается в избе, одетый по-крестьянски, и кто-то кричит ему: “Ну, Ванько, вставай-ко да запрыгай коней!”.

Более того, во второй части книги описывается быт помещиков именно в русской деревне. Автор рассказывает о детстве и юношеских годах уже другого своего героя — дворянского недоросля, растущего среди крепостных крестьян и борзых собак. “Чем больше я резвился с борзыми и лягавыми собаками, — вспоминает сей герой, — чем больше дразнил и бил крестьянских ребят, тем больше получал от матери вкусных сладостей, отцу же моему делался час от часу милее. Мне было от роду 9 лет; и при таком моем малолетстве думал я, что дворянин есть от прочих людей совсем отличное творение... В сем правиле заключались все мои мысли, с которыми я взрос и вошел в современные годы. Я гремел в карманах деньгами, когда у других не было ни копейки; я дрался, а другие должны были сносить

терпеливо; я приказывал, и мне повиновались. Я сердился, и все дрожали”. По мнению исследователя А.В. Блома, здесь представлен типичный Митрофанушка, и “прямая перекличка с “Недорослем” Д.И. Фонвизина” явственно обозначена. Интересно и то, что одна из гравюр, помещенная в сем издании, имеет надпись отечественного толка: “Речка Хвастунишка. Село Вралаха”.

Круг источников, послуживших основой для создания книги, сочинением Г.А. Бюргера не ограничивается. Об этом прямо говорится в главе “Еще барышок. Что не долгано, то надобно добавить новым поlyingаьем”: “*Двум авторам* вздумалось описывать мои похождения”. Речь идет тут, по-видимому, о каком-то еще не установленном нами иностранном оригинале, который переводчик, как говорили тогда, “склонил на наши нравы”. Тем более, что здесь содержатся главы, отсутствующие у Г.А. Бюргера: “Ездит верхом по морю”, “Вешает шляпу и перчатки на солнечный луч”, “Едва не утонул в своем поте”, “Сочинитель говорит прежде своего рождения”, “Родясь, выливает за окно таз с водою”, “Попадает сам в котел и переваривается”, “Наевшись яиц, выплевывает живых цыплят” и т.д.

Кроме того, вполне очевидно и творческое участие в издании самого Н.П. Осипова, выступающего в ряде случаев оригинальным автором. Именно ему принадлежит посвящение в книге, адресованное не какому-то влиятельному лицу (как это было принято в изданиях того времени), а “тридцати двум азбучным буквам” русского алфавита — “сильным, удивительным, великим, отменным, преполезным, и пагубным чадам человеческого остроумия”. Переводчик вовсе не преклоняется перед листом печатной бумаги, прекрасно понимая, что печатное слово несет с собой не одни благодетения. “Без Вашей [букв — Л.Б.] помощи, — пишет он, — никакая истина изобразиться не может, равным образом и всякая ложь Вам обязана, если не рождением, то по крайней мере существованием”.

Слово “ложь” и производные от него настойчиво повторяются и варьируются на протяжении всего текста, настраивая читателя на нарочитую нереальность происходящего. Показательна в этом отношении главка с примечательным названием: “Обличение во лжи авторов, писавших сию книгу”. Герой обращается здесь к “книжечной публике” с изобличением во лжи сочинителей его невероятных приключений: “В повествованиях их нашел я такую мякину, что с настоящею моею пшеницею ни малейшего не имеет сходства. Большею частью выдавали они за мои похождения площадные враки”. Но и сам герой предстает перед нами как несправимый враль, восхваляющий свои несуществующие подвиги: он и себя называет “надутым ложью так, что не знал, как ею разродиться”. Однако, сами фантастические истории, объединенные в книгу и циклизированные вокруг фигуры говорящего лица, были отмечены печатью остроумия, находчивости и искрометного юмора, а потому создавали совсем иной образ их рассказчика, обаятельного и весьма привлекательного. “Читатели находили для себя в тех вздорах, — продолжает он, — немалую забаву. Хватали несбыточные и небывалые мои приключения с великою жадностью и хвастали тем, что их читали. Похождения мои читаны были больше и охотнее, нежели какие другие важные и полезные книги”. Все это обусловило амбивалентность восприятия книги современниками: рассказчик мог оцениваться и как бесстыдный бахвал (в этом случае он становился антигероем), и как подлинный герой (“творитель” оригинальных вымыслов).

В 1818 году, следом за пятым изданием книги “Не любо — не слушай, а лгать не мешай”, под таким же названием выходит в свет стихотворная комедия еще одного литератора — Александра Александровича Шаховского (1777-1846).

Одно то, что Шаховской использовал популярное заглавие, говорит о его непосредственной ориентации на опыт Н.П. Осипова. И действительно, в качестве главного персонажа (антигероя) его пьесы выведен неисправимый враль Зарнишкин, лишенный каких-либо привлекательных черт. Сюжет таков: Зарнишкин пропал восемь лет и теперь возвращается — согласно его собственным (обманным) показаниям — после героических ратных трудов и блестящих заграничных путешествий к своему дядюшке Мезецкому и тетушке Хандриной в их подмосковное имение. Он сочиняет самые неправдоподобные истории. То сулит “на праздничный кафтан заморского сукна не толще паутинь”, то распространяется о “целом возе” дикувинок, которые будто бы вывез из Европы:

“Во-первых, те часы, которые Вольтер
В подарок получил от Фридриха Второго;
Они в четвергачок, а сколько в них затей!
Играют: зори, сбор и с лишком сто маршей, —
Он мне достал их прямо из Женевы.
Еще же перстенок с курантами, с руки
Французской королевы;
И папы Римского зеленые очки,
Да не очки, а чудо!
Поверишь ли? На место стекол в них
Два плоских изумуда”.

Зарнишкин преисполнен собственной значимости и похваляется тем, что сумел “навек себя прославить”. Вот, к примеру, что говорит он о своем пребывании в Швейцарии:

“Еще на этих днях
Я письма получил, мне из Лозанны пишут,
Что в память дня отъезда моего
Там траур наложен для города всего”.

К комической демонстрации его вранья и сводится содержание комедии. В финале, однако, выясняется, что Зарнишкин не только лгун, но еще вдобавок и аферист и мерзавец: когда у него вышли все деньги, он стал распространять ложные слухи, будто его тетя Хандрина умерла (“Он тетушку свою заочно уморил”) и что якобы он - ее единственный наследник. Под этим предлогом он занял кругленькую сумму, а потому высматривал себе денежную партию для брака. Выбор его пал на графиню Лидину, помолвленную с его дядюшкой. В результате мистификации сего “лживца” полностью разоблачаются, а его дядя Мезецкий произносит патетические слова:

“Когда ж хоть раз солжешь, то должен в тот же час
В коляску сесть, скакать и не казать нам глаз”.

Помимо влияния книги “Не любо — не слушай, а лгать не мешай”, Шаховской оказался под очевидным воздействием житейских фактов современности. По мнению большинства исследователей, прототипом Зарнишкиного в его комедии был не кто иной, как Павел Петрович Свиныин (1788-1839), писатель, этнограф, дипломатический чиновник, издатель журнала “Отечественные записки”.

Как раз за несколько месяцев до написания комедии Шаховского Свиныин вернулся из-за границы и поведал обществу невероятные истории о своем пребывании в Европе и Северной Америке и о военных подвигах, будто бы им совершен-

ных. Свињина не раз обвиняли в том, что он описывает местности, им не посещенные, и аттестовали “русским Мюнхгаузеном”. Рассказанные им небывальщины передавались из уст в уста.

Филолог А. А. Гозенпуд пришел к выводу, что в книгах Свињина, описывающих его заграничные впечатления, обнаруживаются прямые параллели с монологами Зарнишкина. Так, Зарнишкин, служа во флоте, будто бы совершил чудеса храбрости. То же рассказывал себе и Свињин. Турецкие ядра и пули отскакивали от него; он падал с корабля в море, намокшая одежда тянула его на дно, но он спасся (Свињин П. П. Воспоминания о флоте. Спб., 1818). Описывая в качестве очевидца гибель генерала Моро, Свињин говорит: “Ядро, оторвавшее ему правую ногу, пролетело сквозь лошадь, вырвало икру у левой ноги и раздробило колено” (Свињин П. П. Опыт живописного путешествия по Северной Америке. Спб., 1815). И Зарнишкин распространяется о бомбе, будто бы попавшей в его лошадь, и о картечи, залетевшей ему в рот. По словам Свињина, тот встречался со всеми выдающимися деятелями своего времени, в частности, бывал в Париже в салоне мадам Рекамье (как и Зарнишкин). Примеры подобных соответствий можно легко умножить.

Современники не видели в рассказах Свињина творческого начала, почитая его заурядным “лживцем”. Вот как характеризовал его поэт О. М. Сомов в “Сатире на северных поэтов” (1823):

“Хвала, неукротимый лгун,
Свињин неугомонный,
Бумаги дерзостный пачкун,
Чужим живиться склонный!...”

А стихотворец А. Е. Измайлов в басне “Лгун” (1824) писал о нем в еще более резких тонах:

“Павлушка — медный лоб (приличное прозвание!)
Имел ко лжи большое дарованье.
Мне кажется, еще он с колыбели лгал!
Когда же с бариним в Париже побывал
И через Лондон с ним в Россию возвратился,
Вот тут-то лгать пустился!...”

Едко и остроумно высмеял Свинына и А.С. Пушкин в сказке “Маленький жец” (1830): “Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик, но имел большой порок. Он не мог сказать трех слов, чтобы не солгать. Папенька в его именины подарил ему деревянную лошадку. Павлуша уверял, что эта лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой он ускакал из Полтавского сражения. Павлуша уверял, что в доме его родителей находится поваренок-астроном, форейтор-историк и что птичник Прошка сочиняет стихи лучше Ломоносова. Сначала все товарищи ему верили, но скоро догадались, и никто не хотел ему верить даже тогда, когда случалось ему сказать и правду”. Любопытно, что, когда Н.В. Гоголь обратился к Александру Сергеевичу с просьбой дать ему какой-нибудь сюжет, Пушкин “подарил” ему живого героя — Свинына, описав и его характер, и его похождения в Бессарабии, что Гоголь и воплотил в комедии “Ревизор”. Так что Свинын в довершение ко всему послужил прототипом гоголевского Хлестакова.

Иной была судьба другого фантазера — обосновавшегося в Москве легендарного балагура, красноречивая и хлебосола грузинского князя Дмитрия Евсеевича Цицианова (1747-1835). Он воспринимался окружающими именно как вдохновенный “творитель” вымыслов. П.А. Вяземский находил в его рассказах поэзию и говорил, что в нем “более воображения, нежели в присяжных поэтах”. Свойственную Цицианову “игривость изображения” отмечал и А.С. Пушкин; а мемуарист А.Я. Булгаков восторгался присутствием только ему, Цицианову, “особенным красноречием”.

Интересно, что князь выдавал себя за автора книги “Не любо — не слушай, а лгать не мешай” (благо та была издана анонимно). Это, конечно, явная мистификация, но совершенно очевидно, что сочинение это послужило литературной моделью для Цицианова, который в соответствии с ней выстраивал свое повествование. Сюжеты по крайней мере двух поведанных им историй прямо заимствованы из этой книги. Таковы записанные со слов Цицианова анекдоты о бекеше, пожалованной нищему, и о взбесившейся одежде. Приведем их. “В трескучий мороз, - рассказывает П.А. Вяземский, — идет он [Цицианов — Л.Б.] по улице. Навстречу ему нищий, весь в лохмотьях, просит у него милостыни. Он в карман, а денег нет. Он снимает с себя бекеш на меху и отдает ее нищему, сам же идет далее. На перекрестке чувствует он, что кто-то ударил его по плечу. Он оглядывается. Господь Саваоф перед ним и говорит ему: “Послушай, князь, ты много согрешил, но этот поступок твой один искупит многие грехи твои: поверь мне, я никогда не забуду его!” Другой анекдот дошел до нас в записи А.О. Смирновой-Россет: “Между прочими выдумками он [Цицианов — Л.Б.] рассказывал, что за ним бежала бешеная собака и слегка укусила его в икру. На другой день камердинер прибегает и говорит: “Ваше сиятельство, извольте выйти в уборную и посмотрите, что там творится”. — “Вообразите, мои фраки сбесились и скачут”.

Цицианов в своих повествованиях был и непредсказуемо оригинален. По словам исследователя Е.Я. Курганова, автора блистательной книги “Литературный анекдот Пушкинской эпохи” (Хельсинки, 1995), в Цицианове “живо и остроумно проявилась личность “русского Мюнхгаузена”, по-кавказски пылкая, темпераментная, склонная к преувеличениям и парадоксам”. Среди рассказов нашего героя выделяется целый цикл анекдотов, приправленных поистине кавказским бахвальством. Жизненный материал обретал здесь подчеркнуто грузинский колорит, что и делало его своеобразным и самобытным. Историк П.И. Бартевев записал: “Он [Цицианов — Л.Б.] преспокойно уверял своих собеседников, что в Грузии очень выгодно иметь суконную фабрику, так как нет надобности красить пряжу: овцы ро-

дятся разноцветными, и при захождении солнца стада этих цветных овец представляют собою прелестную картину”. Условно-грузинская тематика становилась точкой отсчета для самого безудержного фантазирования, в результате чего бытовой эпизод превращался в эстетическое событие. Мемуарист сообщает: “Случилось, что в одном обществе какой-то помещик, слывший большим хозяином, рассказывал об огромном доходе, получаемом им от пчеловодства...

Очень вам верю, возразил Цицианов: но смею вас уверить, что такого пчеловодства, как у нас в Грузии, нет нигде в мире.

— Почему так, ваше сиятельство?

— А вот почему: да и быть не может иначе; у нас цветы, заключающие в себе медовые соки, растут, как здесь крапива, да к тому же пчелы у нас величиною почти с воробья; замечательно, что когда оне летают по воздуху, то не жужжат, а поют, как птицы.

— Какие же ульи, ваше сиятельство? — спросил удивленный пчеловод.

— Ульи? Да ульи, — отвечал Цицианов, — такие же как везде.

— Как же могут столь огромные пчелы влетать в обыкновенные ульи?

Тут Цицианов догадался, что басенку свою пересоля, он приготовил себе сам ловушку, из которой выпутаться ему трудно. Однако же он нимало не задумался: “Здесь об нашем крае, — продолжал Цицианов, — не имеют никакого понятия... Вы думаете, что везде так, как в России? Нет, батюшка! У нас в Грузии отговорок нет: *хоть тресни, да полезай!*”. Цициановская фантазия развертывается здесь как реакция на тривиальное хвастовство незадачливого помещика-пчеловода. Князь доводит ложь до комизма и полного абсурда, обнажает ее, выступая тем самым как “каратель лжи”, что точно укладывается в мюнхгаузенскую модель поведения.

Весьма примечателен и анекдот, дошедший до нас в редакции А.О. Смирновой-Россет: “Я был, говорил он, фаворитом Потемкина. Он мне говорит: “Цицианов, я хочу сделать сюрприз государыне, чтобы она всякое утро пила кофий с калачом, ты один горазд на все руки, поезжай же с горячим калачом”. — “Тотов, ваше сиятельство”. Вот я устроил ящик с конфоркой, калач уложил и помчался, шпага только ударяла по столбам все время: тра, тра, тра, и к завтраку представил собственноручно калач”.

Невольно вспоминаются следующие строки из главы седьмой “Евгения Онегина” А.С. Пушкина:

“Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, теща праздный взор,
В глазах мелькают, как забор”.

В примечании к сим стихам (№ 43) Пушкин пишет: “Сравнение, заимствованное у К**...К** рассказывал, что будучи однажды послан курьером от князя Потемкина к императрице, он ехал так скоро, что шпага его, высунувшись концом из тележки, стучала по верстам, как по частоколу”. По предположению филолога Б.Л. Модзалевского, под К** поэт разумел именно Цицианова (К** расшифровывалось как князь такой-то). Любопытно и то, что сюжет о доставке издалека горячего блюда присутствует в комедии Н.В. Гоголя “Ревизор”: Хлестаков бахвалится тем, что горячий суп к его столу привозят в кастрюле на пароходе прямо из Парижа.

А еще князь сообщал, что однажды доставил своему покровителю Потемкину шубу, легкую, как пух, которая вполне помещалась в его зажатом кулаке.

Потрясали воображение слушателей и рассказы Цицианова о том, что одна крестьянка в его деревне разрешилась семилетним мальчиком, и первое слово его в час рождения было: “Дай мне водки!”. Говорил он и о сукне из шерсти рыбы, будто бы пойманной в Каспийском море; о соусе из куриных перьев и т.д. А одной из его небывлиц суждено было войти в пословицу. Современник сообщает: “Во время проливного дождя являлся он к приятелю. “Ты в карете?” — спрашивают его. “Нет, я пришел пешком”. — “Да как же ты не промок?” — “О (отвечает он), я умею очень ловко пробираться между каплями дождя”. Забавно, что эта история рассказывалась уже в советское время об А.И. Микояне, якобы споклоино уходившем в сильный дождь без зонга и калош. Этот анекдот соответствовал сложившемуся в народе политическому портрету этого члена Президиума ЦК КПСС, способного всегда выходить сухим из воды...

О том, сколь притягательными были для слушателей цициановские небывальщины, свидетельствует тот факт, что находились краснобаи, которые использовали их сюжеты и беззастенчиво выдавали их за свои. Историк-популяризатор М.И. Пыляев говорит, что в 20-30-е гг. XIX века петербуржцев забавлял своими рассказами некто Тобьев, отставной полковник (сведений о нем найти не удалось). Он также похвалялся, что в проливной дождь оставался совершенно сухим. Когда же интересовались, как такое возможно, он невозмутимо отвечал: “Я так искусно орудуя своей палкой, отбивая капли, что ни одна не падает на мое платье”. Часто повторял Тобьев и цициановскую историю о шубе величиной с ладонь, не преминув при этом аттестовать себя главным фаворитом всемогущего Потемкина. Полковник, дабы угодить Таврическому, будто бы помчался за шубой в далекую Сибирь, да так резво, что загнал (для ровного счета!) 100 лошадей, проделав путь в 3000 верст за шестеро суток (то есть со скоростью современного электровоза)!

А другой отставной полковник, малоросский дворянин Павел Степанович Тамара, был некогда и в самом деле адъютантом Потемкина (о нем упоминает Ж. Ромм в своем “Путешествии в Крым в 1786 году”). В начале XIX в. он жил в Нежине, и имя его было известно местным лицеистам — Н.В. Гоголю и Н.В. Кукольнику. Ветеран “времен Очакова и покоренья Крыма”, Тамара героизировал ту эпоху беспримерной славы и величия России. Тогда он был так молод! И это время небывалых по своей грандиозности побед, личностей богатырского масштаба и феерических празднеств одушевляло его и без того дерзкую фантазию. Можно сказать, что в своих остроумных выдумках Тамара демонстрировал подчас подлинно художническое воображение. Находились, однако, скептики, которые относились к нему с иронией и пустили в обиход обидную поговорку: “Врет, как Тамара”. Павел Степанович, однако, на маловеров никак не реагировал и невозмутимо продолжал свои вдохновенные рассказы.

Известен случай, когда однажды за обедом у этого хлебосольного малоросса кто-то стал разглагольствовать об одной сложной хирургической операции, сделанной искусным врачом. — “Что ж тут удивительного? — вмешался в разговор Тамара, — Вот в наше время хирургия выкидывала штучки почище этой”. И он поведал ледящую кровь историю о том, как после батальи с турками объезжал по заданию Потемкина поле брани в надежде найти какую-нибудь живую душу. Кругом горы трупов, вдруг слышит: кто-то окликает его слабым голосом. Подъезжает ближе — ба! Да ведь это глаголет отрезанная голова! Взматривается — узнает: то голова знакомого унгер-офицера Кузнецова. Заплакала голова и жалобно просить стала: “Сделайте божескую милость, Павел Степанович, велите найти мое

тело. И распорядитесь, чтобы доктор пришел его к моей голове!”... Через месяц Тамара оказалась с оказией в одном из лазаретов, где вновь встретил Кузнецова. Он был здоров и целехонек, только пребывал в самом скверном настроении. — “Эх, Павел Степанович, беда со мной приключилась, - горько сетовал он, - ведь промашка тогда вышла: впопыхах взяли не мое, а турецкое тело и к нему пришли мою голову! Что ж такое получается: головою-то я русский, а животом турка! Как же мне, православному, с басурманским туловищем жить-то теперь!?”.

Слушатели Тамары едва сдерживались от смеха, а он с самым серьезным видом изрек: “Вот какая была хирургия! А вы удивляетесь на нынешнюю! Молоды-зелены: видов не видывали!”.

Вся эта история действительно комична, но отнестись к ней надо со всей серьезностью и вниманием. Напомним, что в своей бессмертной поэме “Руслан и Людмила” (1820) А.С. Пушкин так передаст небывалость увиденного ее героем:

“...смотрит храбрый князь —
И чудо видит пред собою.
Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова”.

Конечно, Тамаре не довелось найти “краски и слова”, достойные подлинного мастера, да он, понятно, и не ставил перед собой эстетической задачи. Но все-таки в его, казалось бы, незатейливой байке рассказано о “чуде” — о “живой голове”, а это в известной мере превосходит художественный образ гениального поэта.

Наконец еще один враль: “вдохновенный и замысловатый поэт в рассказах своих” (как сказал о нем П.А. Вяземский) - сподвижник Наполеона I, а затем генерал-адъютант императора Александра I, польский граф Викентий Иванович Красинский (1783-1858). “Речь его была жива и увлекательна. Видимо, он сам наслаждался своими импровизациями, — говорит о нем современник и добавляет: “Бывают лгуны как-то добросовестные, боязливые; они запинаятся, краснеют, когда лгут. Эти никуда не годятся. Как говорится, что *надобно иметь смелость мнения своего*.., так надо иметь и смелость своей лжи; в таком только случае она удается и оболъщает”.

Красинский “обольщал” слушателей душещипательными историями, носившими преимущественно мрачный, апокалиптический характер. Так, например, поведал он о встрече на улице двух подруг после долгой разлуки: “Та и другая ехали в каретах. Одна из них, не заметив, что стекло поднято, опрометью кинулась к нему, пробила стекло головою, но так, что оно насквозь перерезало ей горло, и голова скатилась на мостовую перед самую каретюю ее искренней приятельницы”.

В другой раз он сообщал о некоем покойнике, которого положили в гроб и вынесли в склеп, чтобы отправить на семейное кладбище. “Через несколько времени гроб открывается. Что же тому причину? “Волоса, — отвечает граф Красинский, - и борода так разрослись у мертвеца, что вышибли крышку гроба”.

Как-то, живописуя свои военные подвиги, он занесся в своем рассказе так высоко, что, не зная, как выпутаться, сослался на своего адъютанта Вылежинского, который, по счастью, находился рядом. “Ничего сказать не могу. — заметил тот, — Вы, граф, вероятно, забыли, что я был убит при самом начале сражения”.

Красинский “имел смелость” утверждать, будто бы Наполеон Бонапарт в порыве восхищения его отчаянной храбростью снял с себя звезду Почетного легиона и приколот к его груди. “Почему же вы никогда не носите этой звезды?” — спросил его один простодушный слушатель. Красинский парировал: “Я возвратил ее императору, потому что не признавал действия моего достойным подобной награды”.

А.О. Смирнова-Россет вспоминала, что наш герой уверял окружающих, что в одном саду растет магнолия, на коей 60 000 цветков. “Кто же считал их?” — спросили его. — “Это было поручено целому полку, и он двадцать четыре часа простоял около дерева!” — ответил Красинский с самым невозмутимым видом...

Итак, синдром Мюнхгаузена материализовался в России XVIII – первой половины XIX веков в образах рассказчика-“творителя” и рассказчика-“лживца”. Причем заметным явлением в рассматриваемую эпоху стали обе эти ипостаси единого культурно-исторического типа. Невероятные истории, поведенные изобретателями “остроумных вымыслов”, обнаруживали подлинное творчество и высокое словесное искусство их создателей. Но и салонные “лживцы”, попадая на страницы мемуаров и литературных произведений, обретали долгую жизнь в русской культуре. Они становились прототипами персонажей бессмертных творений классиков и уже поэтому достойны нашего пристального внимания.

Генрих Иоффе

ГЕОРГИЙ ГАПОН. КРЕСТ И МОЛОТ

(январь 1905 г. — март 1906 г.)

Харизматик из села Белики

Был он невысокого роста. Сухощав, скрываемый священнической рясой. Чуть впалые щеки, обрамленные небольшой бородкой. Прямые, длинные черные как смоль волосы почти до плеч. Но главное, глаза! Мало кто мог выдерживать их долгий, прямой взгляд, казалось, просвечивавший человека насквозь. Оратор. Особый, необыкновенный, странный. В присутствии нескольких человек часто тушевался, иной раз становился будто косноязычным. Но перед массой людей речь его необычайным образом воспламенялась. Может быть, происходило это от скрытого от него самого честолюбия, которое и «отверзало» ему уста. Никто не оставался эмоционально равнодушным. Многие, встречавшиеся с ним, говорили, что похож он на иконописного Христа.

Это набросок портрета Георгия Гапона — харизматической личности, способной вести за собой рабочий народ. Он родился в 1870 г. в селе Белики на Полтавщине. Мальчишкой крестьянствовал, но рано показал себя способным к учебе. Раз так, его определили в духовное училище, а потом и в духовную семинарию, которую он закончил в 1893 г. Уже в следующем году рукоположен был в дьяконы, а вскоре в священники и получил приход в церкви «Всех святых» на полтавском кладбище. Тут Гапон проявил свои незаурядные качества. На его наставления и его проповеди стекалась масса народа. Слушали со всем вниманием а, расходясь, оживленно обсуждали услышанное. Но Гапон не только говорил и призывал. Он бескорыстно помогал неимущим, бедным прихожанам. Известность его росла. Последствия не заставили себя долго ждать. В некоторых душах братьев-священников вызрала и зависть и недоброта. По церковному начальству пошли письма, обвинявшие Гапона в честолюбии и тщеславии, при помощи которых он якобы создавал себе популярность. К этим немалым неприятностям прибавилась и настоящая беда: в 1898 г. неожиданно умерла жена, оставив ему двоих детей. Поддержку оказал епископ Илларион. Написал письмо лично ему известному обер-прокурору Священного Синода К. Победоносцеву. Тот являл собою твердого консерватора и непримиримого поборника самодержавия. И именно как таковой он видел в православной религии прочную защиту от распространения революционаризма и и демократии, которую считал «великой ложью нашего времени». Илларион в письме Победоносцеву характеризовал молодого Гапона как священнослужителя, вполне достойного для поступления в петербургскую Духовную академию. И был принят. Но проучился там он недолго. Учеба показалась ему скучноватым делом. В 1899 г. он уехал в Крым, но уже через некоторое время вернулся в Петербург. Гапон приехал в Петербург в канун больших, судьбоносных для России событий. Великая реформа, ликвидировавшая крепостничество, дала мощный толчок углублению и расширению капиталистического предпринимательства. Создававшимся заводам и фабрикам требовалась все новая и новая рабочая сила. Ее «вбрасывала» в основном

деревенская Россия. Десятки тысяч вчерашних крепостных крестьян становились наемными рабочими на различных промышленных предприятиях. Еще в разгар дискуссий о радикальной аграрной реформе многие дальновидные люди (преимущественно из числа консерваторов) указывали на то, что такая реформа (как и всякая реформа вообще) неизбежно будет иметь обратную сторону. Отмена крепостного права, утверждали они, неизбежно создаст в России «язву пролетариата». Так и произошло. Конечно, не на всех предприятиях условия жизни и работы были одинаково изматывающе-тяжкими. Но в большинстве случаев было именно так. Цеха и мастерские, как правило, находились за городскими заставами, где, как пелось в песне, «закаты в дыму», уровень жизни был низким, социальной защиты — почти никакой, зарплата невысокая, быт неустроенный, бескультурный. М. Горький описал все это в романе «Мать».

«Полицейский социализм»

Власть не могла оставить проблему «язвы пролетариата» без внимания. Она сознавала ее опасность для существовавшего режима. И этой проблемой все в большей степени занимались сотрудники охранных отделений департамента полиции министерства внутренних дел. Среди них живым умом и образованностью выделялся Сергей Зубатов. В молодости он симпатизировал революционным настроениям, лично знал многих из лидеров народничества, но затем разочаровался в этой среде и отошел от нее. И начал работу провокаторского характера в департаменте полиции, где его знания и опыт были быстро оценены. В 1896 г. он стал начальником московского охранного отделения, а в 1902 г. возглавил особый отдел департамента полиции. Зубатов хорошо понимал какую угрозу представляет растущий рабочий класс существовавшему строю. «Рабочий класс, — писал он, — коллектив такой мощности, какой в качестве боевого средства революционеры не располагали ни во времена декабристов, ни в период «хождения в народ», ни в моменты массовых студенческих выступлений. Будучи разложены социалистической пропагандой и революционной агитацией в направлении уничтожения существующего государственного и общественного строя, коллектив этот может оказаться серьезнейшей угрозой для существующего порядка вещей». Главная цель Зубатова заключалась в том, чтобы выбить из рабочей среды почву для революционной пропаганды и агитации, главным образом социал-демократической, эсеровской и др. Это, по его мыслям, должно было быть достигнуто не только привычными репрессиями, но главным образом созданием на предприятиях легальных рабочих организаций, хотя и подконтрольных охранным отделениям. По сути зубатовская идея была направлена на попытку проповеди государственного и классового мира. Первой организацией, которую создал Зубатов, было московское «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве» (1901 г.). За ним последовали другие: в Петербурге, Одессе, Минске, Вильно и др. На собраниях обществ читались лекции (в Москве обычно в помещении Исторического музея), обсуждались прочитанные книги (специальную брошюру для рабочих по просьбе Зубатова написал бывший народник, ставший монархистом, Л. Тихомиров), формулировались разного рода запросы и предложения, связанные с трудом и бытом и т.п. Хотя политическая проблематика в зубатовских обществах, как правило, не допускалась, она все-таки не могла совершенно исключаться. И многие в департа-

менте полиции с самого начала подозрительно поглядывали на зубатовскую «за-тею», называли ее «полицейским социализмом». Чтобы отвести эту «шутку», Зубатов стремился привлечь для работы в своих обществах образованных людей, духовных лиц, священников. Как раз в это время в Петербурге и объявился приехавший из Крыма Гапон.

В столице он сразу включился в церковную жизнь и особенно в религиозно-благотворительную деятельность. Он проповедовал в храме «Милующей Божьей Матери», находившейся в Галерной Гавани — районе беспросветной нищеты и божества, чем-то напоминающем горьковское «На дне». Одновременно Гапон принимал активное участие в «Обществе религиозно-нравственного поведения в праздничные дни» и составил «План общества ревнителей разумного христианского поведения». А еще в 1900 г. Гапона назначили главою сиротского приюта «Святой Ольги» и священником приюта «Святого Креста». Популярность Гапона в Петрограде быстро росла. Он часто выступал с проповедями и молебнами с широко известными в столице духовными лицами, в том числе со знаменитым Иоаном Кронштадтским. Известность Гапона открывала ему двери в верхние круги общества. Особо он привлекал некоторых высокопоставленных дам, неудовлетворенных, пресыщенных жизнью и уже готовых видеть в молодом священнике выразителя высших, божественных сил, праведника и учителя. И все-таки именно рабочей люд Галерной Гавани, прихожане находившихся там церкви «Милующей Божьей Матери» и других церквей были постоянной средой Гапона.

Деятельность Гапона, его успешные проповеди среди рабочих не прошли мимо Зубатова. В 1902 г. он пригласил Гапона сотрудничать в петербургском «Обществе взаимовспомоществования рабочих механического производства». Градоначальник Н. Клейгелс со своей стороны просил Гапона побывать на заседаниях зубатовских собраний и высказать свое мнение. Гапон согласился. Он посетил несколько собраний «Общества взаимовспомоществования». Начальнику департамента полиции А. Лопухину после писал, что считает необходимым в благородном стремлении под руководством истинно русских образованных людей выработать трезвый, в христианском духе, взгляд на жизнь и положение рабочих». И выражал надежду на «улучшение жизни и труда рабочих без насильственных нарушений порядка и законности в своих отношениях с хозяевами и правительством». Тут была, так сказать, основополагающая идея, сближавшая Зубатова и Гапона. Вероятно, эта связь стала почвой, на которой впоследствии проросли и черные слухи о «провокаторстве» Гапона. Он, конечно, знал о них и всегда с гневом отрицал. Увы, слухи обладают немалой силой.

Отход от Зубатова

А митрополиту Антонию, градоначальнику Н. Клейгелсу и самому Зубатову Гапон писал, что, по его мнению, очевидные связи зубатовских организаций с полицией, ее плотный контроль над ними, политически компрометируют их и отталкивают от них рабочую массу. По мысли Гапона рабочим обществам, возникающим не на партийной, а на профессиональной или христианской основе, следует функционировать, например, в духе, близком английским профсоюзам, во всяком случае они должны иметь больше самостоятельности. Любопытно, что, такая точка зрения Гапона нашла одобрение митрополита Антония, градоначальника Кейейгелса, а позд-

нее у самого министра внутренних дел, одного из самых крепких столпов самодержавия П. Дурново. Вероятно, они усматривали в «не слишком полицезированной гапонаде» объединения, способные противостоять революционной пропаганде среди рабочих. Верилось, возможно, и в силу личного воздействия и обаяния самого Гапона. Зубатов со своей стороны отверг высказанные Гапоном соображения. Он полагал, что вне полицейского контроля и постоянного наблюдения рабочие общества могут легко стать открытыми для проникновения в них революционных элементов. И хотя Зубатов находился во вполне лояльных отношениях с Гапоном, он не считал его своим единомышленником. «Не будучи моим искренним сторонником, — писал Зубатов, — Гапон и не мог быть моим естественным продолжателем».

Гапон не стал «продолжателем» дела Зубатова и по другой причине. Личные столкновения Зубатова с министром Дурново в 1903 г. привели к тому, что Зубатов был вообще уволен из департамента полиции в отставку и уехал на жительство в Москву. Гапон фактически стал единственным возглавителем рабочих объединений в столице.

В феврале 1904 г. министерство внутренних дел с небольшими поправками утвердило гапоновский проект «Собрания русских фабрично-заводских рабочих города Санкт-Петербурга» (официальное открытие состоялось в апреле). Поначалу численность членов «Собрания» была относительно невелика, тем более, что Гапон отверг почти всех бывших зубатовцев. Вместе с тем он стремился привлечь в свой круг рабочих, уже имевших политический опыт левого направления. Осенью 1903 г. он сумел установить связь с рабочими, прошедшими через социал-демократические кружки. Они вышли из них, не приняв некоторых строгих «норм партийности» и не находя контактов с партийной интеллигенцией, что было близко и взглядам самого Гапона. Наиболее активную роль среди них играли А. Карелин (бывший большевик), Д. Кузин (бывший меньшевик), И. Васильев и Д. Вермишев (беспартийные). Поначалу Карелин и другие проявляли недоверие и осторожность, подозревая Гапона в связях с Зубатовым и полицией. Их, естественно, не могли миновать слухи о том, что Гапон не только провокатор, но и платный полицейский агент. Однако Гапон познакомил Карелина и др. с тремя основными частями своей программы, в которую входили: «Меры против невежества и бесправия русского народа», «Меры против нищеты народа», Меры против гнета капитала над трудом». Программа полностью соответствовала мыслям рабочих. Она получила название «программы пяти». Доверие рабочих к Гапону постоянно крепло. Своему товарищу, рабочему И. Павлову, Карелин писал: «Гапон по своему внутреннему существу не только не провокатор, но, пожалуй, такой страстный революционер, что может его страстность в этом отношении немного излишня. Он безусловно предан идее освобождения рабочего класса». Гапоновское «Собрание» довольно быстро росло. Гапон не жалел ни сил, ни времени, хотя по-прежнему являлся настоятелем церкви Святого Благодящего Михаила Черниговского. Разъезжал по разным городам, агитируя рабочих за вступление в «Собрание». К осени 1904 г. оно уже состояло из 11 обществ. Больше всего их было в Выборгском, Василеостровском и Нарвском районах. В них уже числилось около 20 тысяч человек. Но цели Гапона шли гораздо дальше. Он мечтал, ни много, ни мало, об объединении рабочих всей страны! «Ежели, — писал он, — мы устроим наши клубы как в Петербурге в Москве, Харькове, Киеве, Ростове, Иванове, покроем постепенно такую сеть всю Россию, объединим рабочих всей России, может быть произойдет вспышка всеобщая экономическая, а мы предъявим требования политические».

Численное расширение «гапонады» поставило вопрос о создании ее руководящего ядра, и Гапон у себя на квартире стал собирать кружок (некий «тайный комитет») наиболее доверенных людей — человек 9-10. В него вошли А. Карелин, И. Васильев, Н. Варнашев, Д. Кузин и др. Если на общих собраниях организаций обсуждались вопросы быта, просветительства, производства и т.п., то на «тайном комитете» рассматривались политические проблемы тактики и планов всего гапоновского движения на более или менее длительные сроки. Возник своего рода штаб гапоновского движения.

Поздней осенью 1904 г. в стране по инициативе либерального «Союза освобождения» развернулась так называемая банкетная (или петиционная) кампания. Она была приурочена к 40-летию судебной реформы 1864 г. и либеральные златоусты вкупе с видными земскими деятелями устраивали юбилейные встречи, производили на них пышные речи. Они заканчивались принятием петиций (по-старорусски — челобитных), публично требующих дальнейшей демократизации страны, введения конституции и парламентского представительства. Поддержать кампанию «Союз освобождения» предложил и гапоновскому «Собранию». «Тайный комитет» согласился. Решено было, наряду с либеральными и земскими петициями, подготовить и подать петицию о нуждах рабочего класса. Весь «тайный комитет» вначале поддержал эту идею. Но постепенно произошел раскол. «Антипартийцы» — А. Карелин и его сторонники, поддержанные либералами и земцами, доказывали, что именно сейчас — самый подходящий момент для выступления с петицией и медлить ни в коем случае нельзя. Но Гапон держался другого мнения. Он призывал к осторожности, считал, что рабочие в массе своей еще не готовы к широкому совместному выступлению, а если оно произойдет, то полиция без труда подавит его. Своих противников Гапон называл «скорополитиканами», а их ссылки на поддержку интеллигенции отвергал. «Интеллигенция, — говорил он, — кричит только из-за того, чтобы захватить власть, а после сесть на нашу шею и на мужика. Это будет похуже самодержавия». Надо, считал он, ждать более благоприятного времени. Споры приобретали все больший накал, и «карелинцы» готовы были даже устранить Гапона как руководителя. Неизвестно, что могло произойти, если бы...

Забастовка на Путиловском

Если бы не события, происшедшие на Путиловском заводе в конце декабря 1904 г. С завода уволили четырех рабочих. Администрация уверяла, что увольнение произошло на вполне законном основании. Но этому не верили. Считали, что от рабочих избавились по той причине, что они состояли членами Нарвского отделения гапоновского «Собрания», быстро увеличившимся численно. И сокращение должно было стать знаком для прекращения роста «гапоновщины» на заводе. Дело дошло до Гапона. Его заключение было однозначным. «Мы, — говорил он, — обязаны защитить своих товарищей, иначе — кто мы такие и зачем мы вообще?» Избрали три депутации: к директору завода, фабричному инспектору и градоначальнику И. Фулону. Директор и инспектор настаивали на своем, хотя депутации и грозили стачкой. Чтобы защитить уволенных рабочих, Гапон считал ее вполне достаточной. «Мне казалось, — говорил он, — что наверху успеют понять настоящее положение дела и не дадут развернуться событиям — пойдут на уступки, т.к. сделают путиловской администрации внушение, и она удовлетворит наши пока мирные требования».

При этом Гапон очень рассчитывал на Фулона, с которым был в хороших отношениях. Фулон обещал переговорить с С. Вигте, в то время занимавшим пост председателя Комитета министров. Но надежды оказались тщетными. Гапон вознамерился было попасть на прием к министру внутренних дел П. Святополк-Мирскому, однако тот его не принял. И тут Гапон уступил давившим на него «левакам» из «тайного комитета» в петиционном вопросе. 5 января к забастовке на Путиловском заводе присоединились другие предприятия Петербурга. Но забастовщики уже требовали не только восстановления на работе 4-х своих товарищей. Был сформулирован перечень экономических требований: 8-часовой рабочий день, установление расценок с участием рабочих, включение их в комиссии по жалобам на администрацию и др. Гапон теперь говорил: «Сознавая, что в свою очередь я сделал все, чтобы сохранить мир, я решил, что другого исхода не было, кроме всеобщей забастовки, а так как такая забастовка несомненно вызовет закрытие моего Союза, то я и поспешил с составлением петиции». Было ясно: гапоновское Собрание переходило к политической борьбе. Хозяева, — объяснял Гапон рабочим, — «берут верх» потому, что правительство и его чиновники — на их стороне. И мы должны потребовать ликвидации «средостения» между властью, царем и народом... Мы должны требовать уничтожения такого политического строя, при котором на нашу долю выпадает только бесправие. И огнем одно будет нашим изречением: «Долой чиновничье правительство!»

На свет была извлечена гапоновская «программа пяти». Но она представляла собой только перечень тех мероприятий, которые по мнению Гапона должны были быть осуществлены в интересах рабочих. Обоснования мотивов этих мероприятий и необходимые комментарии отсутствовали. Требовалась поэтому серьезная доработка. Понимая это, Гапон стал приглашать журналистов и оппозиционных интеллектуалов для дополнений и редактуры. Однако некоторые предложенные тексты (например, журналиста Я. Стечкина) он отклонял, считая, что они написаны специфическим «пртийным стилем» и не будут понятны простым рабочим. Существует мнение, что окончательный текст петиции писал журналист из газеты «Наши дни» А. Матюшевский. Он и сам заявлял об этом. Но многие близкие к Гапону не соглашались с таким утверждением. А. Карелин считал, что основной текст в итоге был написан самим Гапоном. «Это гапоновский слог, — утверждал Карелин. Это его слог — простой, ясный, точный, хватающий за душу, как и его голос».

Петиция 9 января

Текст петиции состоял из трех частей. Первая часть начиналась обращением к царю. В нем говорилось: «Мы пришли к тебе искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют невыносимым трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам. Пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук». Свои экономические пожелания и требования мы уже излагала предпринимателям-хозяевам. «Мы не многого просили», но и они были отвергнуты. Получается так, что мы, рабочие, находимся в полном бесправии. Весь народ — рабочие и крестьяне — отдан на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, ведет Россию к гибели». И здесь петиция переходила к своему главнейшему требованию: «Повели

сейчас же призвать представителей народа земли Русской от всех классов, всех сословий. Они должны быть избраны всеобщим, прямым и равным голосованием и образовать Учредительное собрание, которому надлежит решить все важнейшие проблемы огромной страны». Осуществление такого кардинального требования вело бы к концу вековое российское самодержавие, ибо Учредительное собрание почти наверняка высказалось бы за конституционную монархию, либо даже за республику. «Это, — говорилось в петиции, — самая главная наша просьба. В ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для наших больных ран». А если не так, не лучше ли умереть — умереть тут всем нам, трудящимся всей России, — говорилось в петиции. — Пусть живут и наслаждаются капиталисты и чиновники-казнокрады, грабители русского народа». Вслед за изложением этого поистине убийственного для самодержавия требования, петиция включала гапоновскую «программу пяти»: «Меры против невежества и бесправия русского народа», «Меры против нищеты народа», «Меры против гнета капитала над трудом». Эти меры включали такие требования, как окончание войны, гражданские свободы, 8-часовой рабочий день, бесплатное образование народа, отмена выкупных платежей и передача земли народу, нормирование труда и многие другие. Петиция заканчивалась словами: «Повели и поклянись исполнить их (требования) и ты сделаешь Россию счастливой и славной. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем!»

Петиция была отпечатана в 12 экземплярах и роздана в каждый из 11 отделов Собрания. Там многие переписывали ее от руки. В большинстве отделов петицию читали назначенные Гапоном люди. Но повсюду ждали самого Гапона. Сила его воздействия, казалось, достигла пика. Слушая его, мужчины и женщины плакали, падали на колени, молились: «Помоги, господи, люди твоя!» Женщины подносили к Гапону детей и просили благословить их. В эти дни Гапон предстал перед народом чуть ли не в облике пророка, а происходившее напоминало религиозную экзальтацию. По призыву Гапона присутствовавшие клялись не отступать, умереть за лучшую жизнь и свободу. В умах и душах подавляющей части рабочих царил только Гапон. Революционеры-эсдеки (большевики и меньшевики), а также эсеры утратили какую-либо значимость, отошли на задний план, ступевались. Их агитаторов не слушали, нередко и прогоняли. Социал-демократ С. Гиммер признавал: «Видно было, и в этом надо сознаться: Гапон поставил нам мат». То же в сущности докладывал по начальству прокурор петербургской судебной палаты: «Гапон дал пощечину революционерам, которые потеряли какое-либо значение». Тем не менее эсдеки все же выпустили свою прокламацию, в которой говорилось, что свобода и равенство не добываются петициями, просьбами и даже требованиями. Она завоевывается в жестокой борьбе, часто кровавой. И потому не просить надо царя, а свергать его. Однако такие призывы в канун 9 января успеха не имели. Чаще всего такие прокламации вали. Но Гапон все же не отвергал участия представителей эсдеков и эсеров в петиционном шествии. Напротив, он призывал к общему, единому выступлению, но только на тех условиях, которые были выработаны руководством его Собрания. «Партийцы» не должны были провозглашать собственных лозунгов, поднимать красных флагов, учинять насильственных столкновений и т.п. Понятно, что все это никак не могло прибавить симпатий партийных центров социал-демократов и эсеров к гапоновскому Собранию. Гапон хорошо понимал, что включение в петицию политических требований, особенно требование созыва

Учредительного собрания, может встретить самую острую реакцию (вплоть до применения оружия) со стороны властей. Поэтому, стремясь умерить радикализм и возможный экстремизм революционных (левых) партий и групп, он предпринимал меры, направленные на то, чтобы свести к минимуму неизбежные репрессивные действия властей. Утром 7 января Гапон написал два письма: министру внутренних дел Святополк-Мирскому и самому царю. Письмо министру повез Кузин, но тот оказался в отъезде. Письмо царю, которое, в частности, заверяло его в полной безопасности, на поезде повез в Царское Село некий рабочий, но по пути для смелости хвативший, видимо, немного горячительного. По прибытии в Александровский дворец он, конечно, тут же был арестован.

«По толпе беглым «Пли!»

7 января днем Гапон посетил министра юстиции Н. Муравьева, который уже был знаком с содержанием петиции. Гапон просил Муравьева «пасть перед царем на колени» и умолить его принять петицию во благо России, народа и своего собственного. Выслушав Гапона, Муравьев сказал, что у него есть свой долг, и он будет его выполнять. Позднее на совещании министров Муравьев рассказал о своей встрече с Гапоном, назвав его «крайним фанатиком-социалистом». Обо всем этом донесли царю, который находился в Царском Селе. В дневнике царь записал: «8 января. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Во главе рабочего союза какой-то священник-социалист Гапон». Больше ни слова. Такого рода записи вообще были характерны для дневниковых записей Николая II. Он обычно лишь скупо фиксировал события, очень редко высказывая свое отношение к ним. Во всяком случае, в тот же день, 8 января, в министерстве внутренних дел был подписан ордер на арест Гапона. Арестовать его, однако, не удалось. Полицейское начальство, зная, что Гапона охраняют рабочие, не рискнуло направить даже группу городовых.

— Терять из-за этого попа десяток своих людей не буду! — сказал полицеймейстер, получивший приказ об аресте Гапона

В последний день перед 9 января Гапон буквально метался по всем отделениям Собрания. Выступая, беседуя, наставляя, он заклинал всех соблюдать абсолютный порядок по ходу шествия. Не брать с собой никакого оружия, даже перочинных ножей, не допускать никаких столкновений, ни в коем случае не прикасаться к спиртному. Хотя предстоящее шествие не являлось религиозным, Гапон намеревался придать ему вид мирного крестного хода, с хоругвями, портретами царя. Удивительно, но большинство участников шествия пребывали в каком-то странном нерелеванном бытии. Большинство не допускали мысли, что шествие может быть не допущено или остановлено любым путем, в том числе и с применением силы. Гапон не рассеивал подобные мысли. Похоже, что и он сам долго верил, что ему удастся мирно, без больших инцидентов довести петиционное шествие до Дворцовой площади. Лишь накануне он заколебался и засомневался в этой убежденности. Возможно, под влиянием своих разговоров с «партийцами» — эсдеками и эсерами. Так вечером 8-го к Гапону пришел его хороший знакомец, инженер с Путиловского завода П. Рутенберг. Он был убежден, что власти всеми мерами будут препятствовать выходу рабочего шествия на Дворцовую площадь. Тогда, считал Рутенберг, необходимо будет пробиваться силой.

Решено было концентрироваться по отделам Собрания (Выборгское, Нарвское, Московское, Владимирское, Коломенское, Невское, Колпинское — Обводный канал, Рождественское, Петербургское, Гаваньское) и оттуда двигаться на Дворцовую площадь. По некоторым данным в шествии должно было участвовать до 150 тысяч человек. С истинно религиозной верой Гапон считал, что ему ничто не помешает вывести такую огромную массу людей к царскому дворцу. А дальше? Дальше религиозную веру сменяла политическая наивность. Она рисовала ему два возможных исхода. Первый исход — успешный. На Дворцовой площади петиционеры выбирают депутацию, и она пройдет в Зимний, где встретится с прибывшим из Царского Села царем. Если он согласится с петицией, Гапон подаст радостный знак толпе, размахивая белым платком. Тогда можно праздновать победу! Если же петиция будет отвергнута, Гапон взмахнет красным платком, что должно означать отказ от петиции и в сущности переход к методам революции. И тогда за дело могут взяться радикалы — революционные партии эсдеков и эсеров. Было в обоих этих исходах нечто театральное.

Гапоновская петиция царю, главным требованием которой был созыв Учредительного собрания, представляла собой важнейший политический документ. Фактически, как уже отмечалось, она ставила вопрос о перемене государственного строя России, и потому реакция на неё не могла не быть только политической (исходящей от политического руководства страны). Но как раз в этих кругах странным образом еще царили то ли непонимание действительности, то ли стремление остаться в стороне от надвигающегося события, то ли какая-то апатия, то ли все вместе. Подавление петиционного шествия и расправа оказались в руках военных, которыми командовал командующий войсками Гвардейского корпуса князь С. Васильчиков, подчинившийся командующему Петербургским военным округом великому князю Владимиру Александровичу. В Петербург были переброшены подкрепления (кавалерия и пехота) из Пскова, Ревеля, Петергофа и других мест. Сприданными им в помощь полицейскими силами они составили около 40 тысяч человек. В ночь на 9 января войска стали занимать позиции в отведенных им 8-и районах города с главной задачей блокировать движение рабочих шествий в центр Петербурга. Через 12 лет, после расстрела на р. Лена царский министр внутренних дел Макаров прямо заявил: «Если вызваны войска, то они стреляют». Так произошло и 9 января 1905 г. Как это случилось, кто отдал приказ открыть огонь на поражение по мирно следующим, обезоруженным людям — остается невыясненным. В некоторых районах шедшие просто не верили в то, что солдаты будут стрелять по своим русским рабочим и не реагировали на приказы офицеров остановиться. В других районах рабочие, охваченные эйфорией солидарных действий, ожидания торжества справедливости, могли не слышать предупреждающих сигналов, требующих остановиться под угрозой стрельбы. В-третьих — агрессивно настроенные военные или полицейские открывали огонь, опасаясь, что сами могут стать объектом нападения движущейся толпы. Так или иначе, 9 января кровь пролилась у Нарвских ворот (здесь шествие возглавлял сам Гапон), у Троицких ворот, на Васильевском острове, возле Александровского сада, на Невском проспекте. Шествие рабочих, мирно несших царю петицию о своих нуждах и просьбах, было расстреляно. И рассеяно.

Когда солдаты открыли огонь, Гапон, как и многие другие, был сбит с ног отхлынувшей толпой. Лежащим на мостовой его заметил уже упоминавшийся П. Рутенберг. Придвинулся к нему:

- Жив, отец?
- Живой покуда!
- Идем тогда?
- Идем!

В тот день Рутенберг, возможно, спас Гапону жизнь. Пройдет примерно полтора года, и он... Но об этом дальше. А сейчас мимо них бежали, толпились, кричали, падали. Они перешагивали через тела убитых и раненых, через кровь. Рутенберг спешно вел Гапона к знакомому рабочему, потом, путая следы возможной слежки, к другому. Там его переодели в штатское. Рутенберг сам постриг и побрил Гапона. Находившиеся тут люди брали волосы Гапона на память, шептали: «Свято!» Некоторое время Гапон скрывался на квартирах Максима Горького и писателя Ф. Батюшкова. У Горького он написал воззвание к рабочим: «Родные товарищи рабочие! Итак, у нас нет больше царя. Невинная кровь легла между нами. Да здравствует же начало новой борьбы за свободу!». В других воззваниях он прямо призывал к восстанию. «Так отомстим же, братья, проклятому народом царю, всему его змеиному царскому отродью. Смерть им всем!».

Через 10 дней 19 января депутация рабочих в составе 35 человек была принята Николаем II. По заранее написанному тексту он сказал, что ему хорошо известна нелегкая жизнь рабочих, что много требуется улучшить и упорядочить. Однако заявлять о своих нуждах и требованиях «мятежной толпой» преступно. «Я верю в честные чувства рабочих людей и неколебимую преданность мне, — говорил царь, — а потому прощаю им их вину».

В эмиграции против «партийцев»

Между тем, решено было переправить Гапона за границу. Ему указали тайные пароли и адреса, дали деньги. Но по пути он запутался и вынужден был переходить германскую границу при помощи контрабандистов. Заметив его, пограничники стали стрелять, но Гапону все же удалось уйти. Из Германии он вскоре прибыл в Швейцарию, страну-эльдорадо для большинства российских революционных лидеров-эмигрантов. Слава Гапона была невероятной! Первыми с распростертыми объятиями его встретили вожди социал-демократии (меньшевиков) Г. Плеханов, П. Аксельрод, А. Потресов и др. Они тут же были готовы без колебаний принять Гапона в свои ряды. Но им хотелось бы, чтобы он серьезно взялся за изучение марксизма и, главное, не требовал себе руководящего положения в партруководстве. А он как раз и подумывал об этом. Ведь это он, Георгий Гапон, а не кто другой, сумел поднять 150 тысяч рабочих Петербурга и возглавить их для того, чтобы вручить самому царю петицию с требованием радикальных перемен в государственном и общественном строе России. Ведь это он, Георгий Гапон, заглянул в глаза смерти, вместе с рабочими приняв на себя огонь царских солдат. А вот эти социалистические вожди в то же время сидели в тихой, благословенной Женеве, читали К. Маркса и писали свои ученые трактаты. «Между тем, язык этих партийных вождей, отуманенных «отвлеченными теориями, — писал Гапон, — малопопытен или совсем непонятен простым рабочим». В феврале 1905 г. Гапон встретился и с В. Лениным, который дал высокую оценку его деятельности, но посоветовал «не слушать лести, а главное — серьезно учиться».

Побывав некоторое время в социал-демократах, в мае 1905 Г. Гапон решил перейти к эсерам. В них он усматривал людей более «практической складки», революционеров, готовых действовать и действующих не одним только словом, но и оружием, не чуждающихся даже террора. Как и социал-демократические лидеры, эсеры (В. Чернов, В. Савинков, Е. Брешко-Брешковская, А. Гоц, Е. Азэф и др.) тоже держали для Гапона двери своей партии открытыми нараспашку. Но и они, склонные все же усматривать в нем анархическое начало, отнюдь не торопились видеть Гапона в своем ареопаге, в то время, как он сам готов был занять там место. Однако и у эсеров он тоже долго не продержался. «Очень их уважаю, особенно некоторых, — говорил он, — но не могу же я подчиняться им, влезть в их рамки». Отвергнув социалистические партии (он не раз называл их «галмудистами» и «фарисеями»), Гапон проникся идеями народовластия. Уже весной 1905 г., связавшись со своими соратниками в России, он предложил создать там новую организацию — «Всероссийский Рабочий Союз». В воззвании «Русскому рабочему классу городов и деревень от Российского Рабочего Союза» Гапон писал, что социалистические партии бессильны взять руководство рабочим классом в свои руки, что рабочие «снизу» сами должны сорганизоваться и добиться освобождения. Кара не заставила долго себя ждать. В марте 1905 г. Правительствующий Синод лишил Гапона сана священника и духовного звания. В старые времена таких называл «расстригами». В начале августа 1905 г. Гапон переехал в Лондон. Здесь он близко познакомился со знаменитым П. Кропоткиным, выдающимся ученым-географом, публицистом, революционером, проповедовавшим анархо-коммунизм. Уже старый Кропоткин и молодой Гапон понравились друг другу. Кропоткин разглядел в Гапоне «большую силу», а в Кропоткинском анархо-коммунизме (и близком ему рабочем анархо-синдикализме) Гапон увидел многое, ему близкое и понятное. Кропоткин проповедовал создание низовых, самоуправляющихся организаций трудящихся, отвергал в них участие и власти, и политических партий. Эти идеи Гапон готов был разделять. В Лондоне он написал автобиографию — «Историю моей жизни», которую закончил предсказанием неминуемого свержения Николая Романова. В это время в некоторых местах России прокатились еврейские погромы, и Гапон резко выступил против антисемитизма. В обращении к русским рабочим и крестьянам, изложенным «церковным языком», Гапон писал: «Христос заплакал бы, увидев как вы празднуете его воскресенье погромами его народа любимого — бедноты еврейской». Но в Лондоне, как и вообще в эмиграции, Гапону было «тесно». Широта размаха его души требовала действий.

Когда Гапон прибыл из России в Швейцарию, несмотря на поражение шестивия 9 января 1905 г., он верил в себя, в то, что он сумеет объединить разные партии, организовав все революционные силы для вооруженного восстания против самодержавия. И уже в феврале он выступил с предложением создать межпартийную конференцию для обсуждения и решения этого вопроса. Конференция состоялась в апреле 1905 г. с участием представителей 11 партий. Председателем был избран Гапон. Конференция приняла резолюции, требующие выборов в Учредительное собрание и установления в России республики. Для достижения этих целей провозглашался лозунг вооруженного восстания и создавался Боевой комитет. Восстание готовилось. Его движущей силой были главным образом эсеровские (в том числе финские) боевики. Для приобретения оружия сумели получить японские и финские деньги: примерно 100 тыс. руб. Решено было загрузить купленным оружием шхуну, но чтобы запутать слежку в скрытом месте, прямо на Ла-Манше перегру-

зять винтовки и все остальное оружие на зафрахтованный в августе пароход «Джон Графтон». Оружие предполагалось выгрузить под Выборгом и возле некоторых поселков на финском побережье. Там его должны были принять рабочие гапоновских организаций. Гапон заверял, что он способен собрать в этом районе десятки тысяч рабочих-повстанцев, готовых двинуться на Петербург. Скорее всего это было, мягко говоря, некоторым преувеличением. Но Гапон рассчитывал, что он сможет поднять «окружающее население». Дело однако сорвалось. В шхерах «Графтон» сел на мель. Оружие стали спешно переносить на берег, где большая его часть вскоре попала в руки полиции. Сам «Графтон» был затоплен командой, которая рассеялась. Вопрос о том, почему провалилась так тщательно готовившаяся операция «Джон Графтона» не прояснен до сей поры. Но так или иначе этот провал усилил рознь между партиями и теми участниками, которые готовили эту операцию. Одни возлагали вину на других.

Вернувшись в сентябре из Финляндии после провала с «Граптоном», Гапон с присущей ему энергией принялся за организацию своего «Российского рабочего союза». Первым делом был созван съезд. Гапона избрали председателем Союза, выдав ему невиданный мандат: «вождь русского рабочего класса». Он провозгласил лозунг: «Рабочие для рабочих!» и по-прежнему проповедовал недоверие к партийной интеллигенции. И интеллигенции вообще. А планы были просто грандиозными. Шли переговоры об объединении рабочих и крестьян во всероссийском масштабе через сеть потребительской кооперации! Но в итоге съезд (не исключено, что в том числе и раздражавшее многих партийцев провозглашение Гапона «рабочим вождем») привел к еще большему отчуждению Гапона с руководителями соцпартий — эсдеками и эсерами. Социал-демократы обвиняли Гапона в авантюризме и демагогии, а его политику квалифицировали как раскольническую. Еще хуже складывались отношения Гапона с эсерами. Здесь «яблоком раздора» прежде всего стала «экспедиция Графтона». Гапон самонадеянно приписывал ее организацию в основном себе и своим людям. Эсеры считали это ложью. Действительно, «Графтон» готовили и люди из английского профсоюза моряков, некоторые финские и латышские социал-демократы, большевики М. Литвинов и Н. Буренин, несколько эсеров, в том числе П. Рутенберг. Впрочем, Гапон от расхождения с лидерами партий не слишком страдал. На высказываемые сожаления некоторых своих сторонников замечал: «Когда начнется настоящее дело, они (т.е. партии) сами придут к нам».

17 октября 1905 г в России был опубликован царский Манифест, во многом изменившим жизнь страны. Начался ее переход от самодержавной к конституционной монархии. Политические арестанты попадали под амнистию, а политические эмигранты могли возвращаться на Родину. Освободились и активисты отделений гапоновского «Собрания фабрично-заводских рабочих г. Петербурга». Все. Кроме Гапона. Освободившиеся тут же принимали решения о восстановлении гапоновского Собрания. Особые делегации направилась к председателю Совета министров С.Ю. Витте и другим министрам с просьбой санкционировать открытие отделов Собрания.

В России. Соглашение с Витте

А Гапон буквально рвался в Россию. «Тяжко здесь, — писал он своим сторонникам в Петербурге, — душа простора ищет. Без отделов я, как рыба без воды. А там меня понимают, так как мы говорим на одном языке, который непонятен партийным людям, отуманенным отвлеченными теориями». Но ходатайства в Пе-

тербурге не помогали. Въезд Гапону на Родину был блокирован. Тогда в конце 1905 г. он пробрался в Россию нелегально. Слухи об этом, конечно, не могли не дойти до Витте. Можно было бы без особого труда арестовать Гапона, но Витте воздерживался, учитывая, что в либеральной обстановке (после Манифеста 17 октября, принятию которого сам Витте способствовал) это могло вызвать нежелательную реакцию. Тем более, что революция была на подъеме. В стране проходила всеобщая стачка. В Петербурге действовал Совет рабочих депутатов, требовавший избрания народного представительства. И Витте вознамерился противопоставить революционной обстановке гапоновское Собрание. По его замыслу оно должно была стать политически умеренным, не только декларативно отказаться от призывов к вооруженному восстанию, но, напротив, пропагандировать легальную деятельность, укрепление того, что уже было достигнуто в рамках Манифеста 17 октября. С помощью такой пропаганды Витте рассчитывал сбить накал революции и вывести из-под влияния революционеров определенную часть рабочих. Но он хорошо понимал, что без договоренности лично с Гапоном это будет невозможно. И по его поручению с Гапоном встречался чиновник по особым поручениям И. Манасевич-Мануйлов. После долгих выяснений и уточнений Гапон принял предложение Витте. Но со своей стороны выдвинул требование скорейшего открытия всех бывших 11-ти отделов Собрания и полной компенсации их потерь. Кроме того, он согласился, как предлагал Витте, покинуть Россию, по крайней мере, на 6 недель (в расчете на спад стачечного движения), но с амнистированием после возвращения. И Гапон уехал. Витте выдал ему определенную сумму из собственных денег.

Условия, которые выдвигал Витте были ему, конечно, выгодны. А для Гапона? Почему он-то принял их? Ясно, что одно из них помогало ему амнистироваться и легально вернуться в Россию. Другое (еще важнее) должно было содействовать восстановлению отделений его Собрания. Это понятно. Но практическое изменение программы, отказ от рабочего революционизма и замена его ненасильственными действиями против капиталистов и властей?! Сделка Гапона с Витте не могла оставаться тайной, да и сам Гапон не намерен был скрывать ее. Враги и недруги не сомневались: это своего рода итог провокаторской деятельности Гапона, берущей начало еще со времени Зубатова. Сам Гапон решительно отвергал это как клевету и наветы. «Я действую: — писал он, — по собственному убеждению и не боюсь прослыть изменником народному благу. Все же инсинуации, которые будут, без сомнения, распространять относительно меня лицемеры и недоброжелатели — заранее заявляю: буду презирать, как презирал до 9 января». Вполне возможно, что кровавые жертвы 9 января, жизнь в эмиграции, где партии, выступавшие как представители трудящихся, не только не могли действовать воедино, но проводили время в спорах и склоках, не проходили бесследно для Гапона. Не прошло мимо и влияние П. Кропоткина, анархокоммунизм которого содержал весьма привлекательную для Гапона идею.

Витте выполнил обещание. 21 ноября 1905 г. открылся учредительный съезд отделов гапоновского Собрания. Присутствовало 4 тыс. рабочих, а так как каждый представлял свою «пятерку», то фактически на этом съезде было представлено 20 тыс. человек. За отсутствием Гапона председателем восстановленного Собрания избрали М. Варнашева. На съезде присутствовали и социал-демократы. Большинство своими выступлениями пытались политически скомпрометировать съезд, но это не удавалось. Как писал один из журналистов, «невидимая рука Гапона» вырвала из их рук «целую армию организованных и сознательных рабочих в 20 тысяч человек». Рабочие по-прежнему верили Гапону безоговорочно.

А Гапон, покинув Россию, находился во Франции. Пресса и раньше проявляла к нему повышенное внимание, но теперь журналисты ходили за ним по пятам. Он не скрывал своего благоприятной позиции в оценке политики Витте и, с другой стороны, резко критического отношения к революционным партиям. «Вооруженное восстание, — говорил и писал он, — не может быть постоянным и непрменным методом пролетариев. Бывают такие времена, когда оно может стать вредным и опасным для рабочего класса». Между тем, многие революционные партийцы, призывая к восстанию «толкают народ в пропасть», а страну в кровавую гражданскую войну. Надо уметь пережить, закрепляя уже завоеванные позиции. В революционных кругах отвергали эти «откровения» Гапона. Многие уличали его, как он и предвидел, в отходе от революционных традиций, даже подозревали в провокаторстве и предательстве. Но в начале декабря 1905 г. Варнашев получил документ об официальном открытии всех бывших отделов гапоновского Собрания, а 31 декабря в Тертоках состоялся съезд руководителей этих отделов. На съезде выступил Гапон. Он отчитался о своей деятельности за год, высказав мысль, что теперь тактика должна быть иной, что нынешнее время не способствует силовым методам, вооруженным восстаниям. Ныне требуется закрепление завоеванных позиций. И Гапон вновь был избран председателем.

В сети «охранной» и эсеровской «БО»

В начале 1906 г. общая обстановка в стране стала меняться. В Москве еще в декабре 1905 г. власти разгромили вооруженное восстание, руководимое эсерами и большевиками. В Петербурге в начале января 1906 г. арестовали и ликвидировали Совет рабочих депутатов. Стачечное движение, крестьянские волнения, армейские и флотские восстания постепенно шли на убыль. Правительство быстро ощутило, что предпочтение в борьбе с революцией снова следует отдать силе. В апреле 1906 г. либерал Витте покинул пост премьер-министра. Практически решающей фигурой в правительстве стал последовательный и умный сторонник самодержавия, министр внутренних дел П. Дурново. Для этого человека рабочее движение, руководимое социалистическими партиями, практически мало отличалось от отделов гапоновского Собрания. По его распоряжению сходки и собрания отделов были запрещены. Но связь с Гапоном Дурново не порвал, возложил на вице-директора департамента полиции, старого опытного «сыщика» Д. Рачковского, придав ему в помощь начальника Петербургского охранного отделения А. Герасимова. При встрече с Гапоном Рачковский сказал ему, что Дурново смотрит на «гапонаду» весьма мрачно и потому вопрос с открытием гапоновских отделов (на что соглашался Витте) обстоит «туго». Министр требует заверений в том, что ничего подобного 9-му января быть не может. Гапон ответил, что его взгляды во многом изменились: отныне он сторонник мирных путей. Дурново счел это всего лишь словами и потребовал от Гапона более веских доказательств преданности. Тогда в конце января Гапон написал Дурново текст, известный как «Покаянное письмо», хотя собственно специфически покаянного в нем трудно было различить. В письме говорилось, что в душах участников шестива 9 января жила вера в царя, и они направились к нему за правдой, гарантируя при этом неприкосновенность царской особы. Только благо русского народа, — писал Гапон, — «было для нас выше и больше». Прочитав эту фразу, Дурново в негодовании отшвырнул «Покаянное

письмо» Гапона прочь. В феврале Дурново написал доклад царю. В нем он доказывал абсолютную нежелательность легального рабочего движения. Зная, что после спада революционного подъема царь во многом винил Вигте как инициатора либерального Манифеста 17 октября, Дурново представлял его чуж ли не покровителя Гапона и всего его движения.

В марте 1906 г. гапоновские отделы были закрыты. Но оставался Гапон с его мощным влиянием на рабочих. В верхах департамента полиции (или в окружении самого Дурново) полагали, что лучшим способом, по крайней мере, убедиться в нейтрализации Гапона, было бы завербовать его в департаментско-полицейские сети. Эти люди, конечно, не могли не понимать, что Гапон скорее всего отвергнет их предложение, даже несмотря на посулы высоких должностей и высочайших окладов. Поэтому в их замыслах несомненно присутствовал элемент, может быть, и смертельный для Гапона. Ведь если бы он согласился, его почти наверняка как предателя «убрали» бы свои же рабочие или эсеровская Боевая организация — БО. А не согласись он, сразу превратился бы в жертву департаментских «охотников».

Со стороны властей приглашение Гапона в свои «сферы» было понятно: Гапон являлся их врагом, как они считали, способным повторить 9 января. Поэтому лучше было иметь его «себе», а для этого правые и правительственные газеты начали настоящую травлю, приписывая крупные суммы, якобы полученные Гапоном от правительства, в частности от самого Вигте. Травлю против Гапона развернули и с противоположной, левой стороны — революционные партии. Они опасались, что Гапон сумеет отколоть от них их «живую силу» — рабочую массу. Но этого мало. Его намеревались скомпрометировать как личность. Газеты распускали слухи, будто Гапон проводит время в лучших ресторанах, с дамами полусвета, стремится к наслаждениям и удовольствиям. Кроме того, среди левых его тоже все больше подозревали в провокаторстве, связью с охранкой и получении от нее денег. Здесь правые смыкались с левыми. Гапон писал: «Меня, лежачего, лишнего гражданского прав, со всех сторон, не стесняясь, люди различных лагерей и направлений — революционеры и консерваторы, либералы и люди умеренного центра, подобно Пилату Ироду, сошлись в одном злобном крике: „Распни Гапона — вора и провокатора! Распни гапоновцев-предателей!» И еще: «Разве вы не знали, что и до 9 января я посещал все гнезда старой бюрократии — и что же? Разве эта близость отношений помешала мне повести рабочие организации против оков русской жизни? Разве вы после 9 января не вознесли меня на верхи русского революционного движения? Почему же вы думаете теперь, что побеседовав с Вигте, я изменил своему делу и общественному служению?». Большинство рабочих верило Гапону. «Какое нам дело, что Гапон брал деньги. Пусть берет у правительства больше. Мы ему верим и будем верить. Умрем за Гапона. Мы так же пойдем, как пошли 9 января и завоюем все, что нам нужно». А у Гапона, как мы знаем, был свой план, пусть наивный, даже фантастический. Он работал над ним, рассчитывая «обойти» как департамент полиции с его директором Дурново, так и многих партийных руководителей. Гапон, как уже отмечалось, мечтал создать «Единый рабочий союз» с «Программой русского синдикализма». В ней говорилось. «Рабочие должны объявить себя государством в буржуазном государстве, управляться свободно выбранным правительством, издавать собственные законы, записаться средствами — и материальными и духовными. Мы не пойдем под начальство партий, мы будем самоуправляться, мы не будем ожидать чужой, всегда корыстной денежной поддержки, мы образуем свой пролетарский фонд. Мы не отдадим своих детей в буржуазные школы. Мы заведем свои школы свободного разума. Мы будем

«Единый союз рабочих», обладающий могуществом — материальным и духовным. **Только тогда мы будем сильны.** Эту почти завершенную программу Гапон читал группе рабочих всего лишь за два дня до своей гибели.

Петр Рутенберг

И вот здесь нужно снова вспомнить о Петре (Пинхасе) Рутенберге. Настало время сказать о нем подробнее, ибо именно этот близкий друг Гапона, фактически спасший его от солдатских пуль 9 января 1905 г., сыграл в его жизни роковую роль. Пинхас Рутенберг родился в 1878 г. в г. Ромны Полтавской губ. Его отец был купцом 2-ой гильдии, мать — дочерью раввина. Рутенберг получил хорошее техническое образование. Окончил Ромненское реальное училище, затем поступил в Петербургский технологический институт, из которого был отчислен за участие в студенческом революционном движении и сослан в Екатеринослав. Там он работал чертежником на заводе, железнодорожником. В 1902 г. его восстановили в Петербургском институте, который он закончил с отличием и через год был принят инженером на Путиловский завод. Здесь он сначала примкнул к социал-демократам, а затем перешел к эсерам (партийная кличка — Мартын). Через Б. Савинкова Рутенберг познакомился с Гапоном, уже приступившим к организации отделов «Собрания фабрично-заводских рабочих г. Петербурга». Гапону понравился сообразительный, смелый и волевой молодой человек. Между прочим, в его жизни случился такой эпизод. Он влюбился в русскую женщину и, чтобы жениться на ней, принял православие. Много позднее, став сионистом, он решил вновь перейти в иудейство. Переход сопровождался ударами 39-ю шпелетями. Рутенберг, не дрогнув, выдержал эту суровую кару. Но это будет позже. А 9 января 1906 г. Рутенберг шел к Зимнему дворцу рядом с Гапоном в колонне рабочих Нарвской заставы, и когда солдаты открыли огонь, фактически спас его. Он же помогал Гапону эмигрировать. После опубликования Манифеста 17 октября участники гапоновского шествия 9 января были амнистированы, многие вернулись в Россию. Вернулся и Рутенберг. Не попавший под амнистию Гапон тем не менее в течение года трижды побывал в Петербурге и Москве. В департаменте полиции знали об этом, но не арестовывали его, поскольку связывали с ним определенные расчеты. В свой последний приезд (начало февраля 1906 г.) Гапон через жену Рутенберга О. Хотенко встретился с Рутенбергом. В рассказе о дальнейших драматических событиях приходится следовать в основном за фактами из воспоминаний Рутенберга, изданных в 1925 г. В разговорах с Рутенбергом Гапон по большому секрету сообщил ему, что будучи в Петербурге, он дважды секретно встречался с директором департамента полиции П. Рачковским. Тот сообщил Гапону, что он знает о его отрицательном отношении к принципу партийности в рабочем движении и предложил ему сотрудничество с департаментом полиции. Это сотрудничество должно было предполагать осведомление департамента о революционном подполье (эсдеки и эсеры) и особенно о некоторых эсеровских террористах из Боевой организации (БО). В ходе разговора с Рачковским Гапон вспомнил о своем приятеле Рутенберге, который был близок к руководству эсеров и их Боевой организации. Он сказал Рачковскому о Рутенберге, и тот согласился, что вдвоем они будут полезнее департаменту. За их сотрудничество Рачковский обещал «хорошие деньги» — до 100 тыс. рублей. «На эти деньги, — говорил Гапон при встрече с Рутенбергом, — мы расширим наше рабочее дело, активизируем отделы Собрания, потесним «партийцев». Правду ли говорил Гапон? Есть много свиде-

тельств, что правду. «Продать себя за 30 тысяч? — писал хорошо знавших Гапона писатель С. А-ский, — да и за 300 млн. в ущерб интересам народа он не мог, но для нужд народа мог бы взять, ошибочно, увы, не учитывая последствия».

— Да, но как же быть с осведомлением департамента? — спрашивал Рутенберг. — Ведь мы же выдадим охранке своих товарищей-революционеров?

— Людей можно предупредить заранее, укрыть.

Рутенберг обещал подумать. Но вместо этого поторопился встретиться в Хельсинки с Е. Азефом — главой Боевой организации (супер-провокатором и секретным сотрудником департамента полиции), его помощником Б. Савинковым и главой партии эсеров В. Черновым. Там Рутенберг написал несколько «отчетов», в которых подробно изложил свои разговоры с Гапоном относительно предложений Рачковского. Азеф, у которого и раньше было немало столкновений с Гапоном, будто бы пришел в ярость и потребовал в обязательном порядке ликвидировать обоих: и Гапона и Рачковского. Его поддержал Б. Савинков. По их мнению, убийство только одного Гапона может создать у эсеровских партийцев уверенность, что это дело является как бы мстью Гапону за «увод» от партии многих эсеровских партийных членов. В заключение Азеф сказал, что предстоящее дело ЦК эсеров на себя не возьмет, так что придется Рутенбергу находить собственные пути его осуществления. Рутенберга это, мало сказать, огорчило. Пожалуй, испугало. Но отказаться он не мог, ибо отказ лишил его революционного престижа. Он вернулся в Петербург. 21, 22 или 24-го февраля приехал к Гапону в Триоки и сказал ему, что готов вплотную обдумать предложение Рачковского, но кое-что еще надо обдумать и обсудить. Однако скоро стало ясно, что встретиться Рутенбергу одновременно с Гапоном и Рачковским, чтобы покончить с ним, вряд ли удастся. Не все еще было для этого подготовлено, да и старый опытный охранник задолго чувствовал опасность. Тем временем Гапон развивал (на деньги, полученные от Вигте и Рачковского?) планы активной деятельности по новой организации отделов своего бывшего Собрания и разрабатывал «Программы русского сидикализма». Много сил отнимала работа по подготовке к изданию собственной газеты. Но не покладал рук и бывший спаситель Гапона Петр Рутенберг. Только теперь он готовился к иному итогу. Исходя из того, что ЦК эсеров отказался взять решение об убийстве Гапона и Рачковского на себя, Рутенберг уже в начале марта создал некую собственную «боевую организацию». По его утверждению в нее вошли 6 рабочих-эсеров. Настоящие их имена неизвестны до сей поры, кроме, пожалуй, одного, установленного много позже. Он не был рабочим, учился в Военно-медицинской академии. Его фамилия — А. Дикгоф-Деренталь. О нем стоит кратко сказать. Позднее он стал ближайшим человеком Б. Савинкова, а жена Деренталь — его любовницей. В 1924 г. все трое были арестованы ОГПУ в Минске. Савинков в 1925 г. погиб (при не совсем ясных обстоятельствах) на Лубянке, а Дикгоф-Деренталь с женой через некоторое время освобождены. Мало кто знает, что в дальнейшем он стал писателем, писал либретто для многих оперетт, с успехом шедших на сцене советского театра оперетты. И еще одна деталь. По некоторым сведениям, в группе убийц находился некий сотрудник департамента полиции.

Убийство в Озерках

Но мы отвлеклись. Вернемся в март 1906 г., к Гапону и Рутенбергу. Для своего «мокрого дела» в начале 20-х чисел марта Рутенберг снял на имя И. Петелина пустующую двухэтажную дачу в Озерках (под Петербургом), а 24-го доложил о готовности Азефу. Тот ничего не ответил. Молчание — знак согласия. В 4 часа

28 марта Гапон сел в поезд. Примерно через час сошел на станции. Его встретил Рутенберг, и они вместе пошли на дачу, где уже находилась «рутенбергская команда свидетелей». Рутенберг заранее распределил помещения. Наверху — в маленькой комнате — должны были находиться и приватно разговаривать Рутенберг с Гапоном, в соседней — большой — размещались те, кому надлежало этот секретный разговор подслушивать и в конце концов решать судьбу Гапона. Рутенбергу не требовалось придумывать «разоблачительные» вопросы для Гапона. Ведь тема встречи в Озерках была ясна: окончательное согласие Рутенберга (в связке с Гапоном) принять предложение Рачковского, т.е. фактически согласиться служить департаменту полиции. Войдя в комнату, Гапон снял шубу и, расхаживая, стал говорить совершенно открыто, считая что на даче никого нет. Отвечая на вопросы Рутенберга, Гапон говорил, что Рачковский обещает хорошие деньги, а если некоторые рабочие и узнают откуда они, то ответ может быть тот же, что и раньше: эти деньги народные и пойдут на то, чтобы широко развернуть «наши дела», дела рабочего движения. Да, конечно, придется выдать Рачковскому имена и сведения о ряде членов Боевой организации эсеров, но при этом заранее предупредить их, чтобы они могли скрыться. Вопрос следовал за вопросом. Нет, сидевшие в соседней комнате «свидетели» не доверяли ответам Гапона. Они верили фактам, которые приводил Рутенберг. С департаментом полиции Гапон связан? Связан. Деньги от него получал? Получал. Боевиков выдать собирается? Рутенберга в провокаторы вовлекает? Вовлекает. Достаточно всего этого? С лихвой. Конечно, на подслушивателей повлияла и прежняя травля Гапона, учиненная как властями, так и революционными партиями. А дальше произошло неожиданное.

Гапоны понадобилось спуститься вниз, и когда он вышел на лестницу, вдруг увидел незнакомого человека, стоявшего возле входа в ту комнату, где находились «люди Рутенберга». Гапон бросился назад с криком:

— Ужас! Нас подслушивают! Этот человек может стать свидетелем!

Рутенберг подошел к входу в большую комнату, отодвинул занавес, отворил дверь и произнес:

— А вот они, мои свидетели.

5 или 6 человек набросились на Гапона. Сдавленным голосом он просил:

— Товарищи! Не надо. Дорогие товарищи, не надо!

В ответ только хрип:

— Мы тебе не товарищи!

Его вязали, но он отчаянно боролся и торопливо говорил:

— То, что вы слышали — это не правда! Я старался только ради бывшей у меня идеи.

— Знаем мы твои идеи!

Когда совершалась эта жуткая казнь казнь, Рутенберг вышел из комнаты. Он не мог это видеть.

Впоследствии Дикгоф-Деренталь рассказывал, будто Рутенберг, чуть не плача, говорил:

— Ведь это я спас его. А теперь вот он висит.

И будто показывая ножницы, которой резали веревку повешенного Гапона, Рутенберг, всхлипывая, продолжал:

— Вот этими ножницами я стриг ему волосы, когда спасал в кровавый день 9 января, а вот теперь те же ножницы.

Говорил ли он это? Неизвестно. Все было кончено к 7 часам вечера. Плотнo заперев двери, все разошлись. Полицейские прибыли на эту смертнyю дачу только 30 апреля 1906 года.

Дело об убийстве Гапона так и осталось нераскрытым. Несколько раз и в разное время его пытались раскрыть следователи-профессионалы и журналисты — тщетно. Никто из убийц не был арестован, куда они скрылись — неизвестно. Рутенберг эмигрировал. Лишь в 1908 г., с помощью известного журналиста В. Бурцева Е. Азеф (это глава эсеровской Боевой организации) был разоблачен как сверх-провокатор и полицейский агент. ЦК эсеров тогда отметил, что Азеф мог иметь отношение и к убийству Гапона. Однако сам Азеф упорно отвергал свою причастность к этому делу, стремясь приписать его Рутенбергу. И Азеф не пострадал. Он бежал в Германию и благополучно прожил там до 1918 г. Ну а Рутенберг? Трагедия в Озерках все же «покачула» его. Он эмигрировал в Италию, жил у М. Горького, писал воспоминания. Однако многие видные эсеры не советовали этого делать. Известный эсер М. Натансон писал Рутенбергу: «Для меня не подлежит сомнению, что книга Ваша произведет на широкую публику впечатление, невыгодное для автора».

Рутенберг много ездил по Европе, где постепенно стал отходить от эсерства и в конце концов примкнул к сионистам, принимавшим меры в различных странах для создания Еврейского государства. 11 лет Рутенберг отсутствовал в России. Февральская революция вернула его. По распоряжению А. Керенского он был назначен одним из управителей Петрограда и в Октябрьские дни защищал Зимний дворец от большевиков. В 1918 Рутенберг снова покинул Россию. Уже навсегда. Он обосновался в Палестине и как инженер-гидротехник много сделал для ее электрификации. Об убийстве Гапона в далеком 1906 г. он вспоминать не любил. Както незадолго до своего конца произнес: «Я и до сих пор не убежден, было ли убийство Гапона справедливым. Был ли он на самом деле провокатором». Большого и более ясного Рутенберг сказать не решился. А мог бы, мог.

Александр Бархавин

ПРОСТЫЕ ФЕРМЕРЫ

1. Вступление

Гражданская война в США закончилась полтора века назад, а дискуссии и споры о ней продолжают до сих пор. Американцы никак не придут к общему мнению о причинах конфликта между рабовладельческой Конфедерацией и остальными, в основном свободными штатами, вылившегося в самую кровопролитную в истории страны войну. При обсуждении причин как правило упоминается, что простые фермеры, не имевшие рабов, составляли большинство населения Конфедерации и солдат ее армии ^[1]. За что же воевали простые фермеры-южане, у которых и рабов-то не было?

Попытки простых ответов на подобного типа вопросы сплошь и рядом сводятся к навешиванию ярлыков, поскольку простой ответ зачастую уже включает в себе моральную оценку. Скажем, конкистадоры — кто они, бесстрашные первопроходцы или алчные искатели наживы? Носители передовой цивилизации или безжалостные поработители и убийцы? Возможно, ярлыков удастся избежать, если попытаться посмотреть на эту войну глазами простого фермера-южанина.

Для начала, выберем нашему герою имя. Пусть это будет распространенное американское имя — скажем, Джордж.

Я не претендую на документальность: кто-нибудь другой глазами Джорджа мог увидеть другое, как и я мог увидеть другое глазами другого персонажа. Джордж — образ собирательный, и по моим представлениям достаточно распространенный. То что с ним происходило — происходило в этой войне с тысячами людей.

Вместе с тем, я постарался, чтобы последовательность упоминаемых исторических событий соответствовала действительности, как и сами факты, не являющиеся непосредственно деталями биографий вымышленных персонажей. Комментарии к происходящим событиям и ссылки на источники вынесены в конец статьи, в раздел "Примечания", что позволяет избежать перегрузки текста и нарушения динамики событий ^[2].

Нас интересует, за что воевали фермеры, которые рабов не только не имели, но не предполагали и не собирались приобретать. Те фермеры, которые хотели бы иметь рабов, воевали за то же, за что воевали рабовладельцы — а на этот вопрос, тоже достаточно непростой, мы сейчас ответить не пытаемся.

Итак, знакомьтесь — Джордж.

2. Джордж и его война

К началу войны Джорджу где-то за 40, его семья владеет фермой среднего размера, рабов у них нет — своих рук достаточно. Почти у всех ближайших соседей Джорджа тоже нет рабов — но если нужно, можно нанять на двух расположенных

неподалеку плантациях. Джорджу этого делать не приходится, чем он доволен — к рабам, как и всем неграм, а заодно к их хозяевам, он относится прохладно, не очень доверяет ни тем, ни другим. Будь его воля, он бы всех рабов убрал с глаз долой куда подальше (хоть обратно в ту же Африку) — глядишь, у их хозяев побавилось бы пшени, да и выращенное на ферме было б легче продавать, меньше конкуренции.

Кроме того, из-за рабов приходилось патрулировать дороги по ночам — это делали все белые по очереди, даже те, у кого рабов не было ^[3]. Джордж понимал: это нужно, чтобы рабы без разрешения хозяев не шлялись между плантациями. Он был подростком и помнил то время, когда в Вирджинии рабам удалось сговориться, и они успели убить несколько десятков белых в течение двух дней, пока восстание не было подавлено ^[4]. Джорджа раздражало что владельцы рабов перекладывали задачу на всех, однако законы он привык выполнять — даже те, которые не очень нравились — и порой даже был доволен возможностью неторопливо поболтать с соседями. Конечно, он общался с другими фермерами не только в патрулях: встречались на ярмарках, изредка на выборах, или когда приезжали по делам в ближний городок — но для неторопливой беседы с обсуждением всех новостей Джорджу больше по душе был ночной патруль, когда спешить никуда не нужно.

Джордж последнее время ходил в церковь неохотно. Он давно обратил внимание, что проповеди все чаще и настойчивее стали восхвалять рабство. Его смущало не столько само по себе восхваление, как то, что раньше на проповедях звучала совершенно другая оценка рабства — Джорджу не верилось, что Б-г меняет свое мнение ^[5]. Сыновья его сомнений не разделяли, точнее — не замечали: по малолетству они не помнили, что там говорили в церкви полтора-два десятка лет назад, а он своими воспоминаниями с ними не делился.

Несколько лет назад он услышал, что на севере появились республиканцы, которые хотят всех рабов освободить ^[6]. Наверное, сумасшедшие — куда ж эти черные тогда денутся, будут шляться вокруг днем и ночью, сколько времени уйдет за ними следить, и к хозяину не отведешь — а у шерифа рук на всех не хватит, ему помощников нанимать придется. Так что — пусть на Севере делают что хотят, а здесь свои порядки, и нужно три раза подумать, прежде чем их менять.

В один прекрасный день (точнее, ночь — во время патруля) Джордж узнает, что президентом выбрали республиканца Линкольна. Как же так, на выборах не было бюллетеней ни с именем Линкольна, ни вообще с республиканцами? Кто-то объяснил ему, что республиканцы вообще не заявлялись на выборах на Юге — мол, плевать они хотели на южан. Маленькую подробность, что республиканцы не могли этого сделать, поскольку южные штаты запретили у себя всякую критику рабства (в частности, уничтожали северные газеты, пересылаемые по почте), Джорджу никто не растолковал ^[7].

Потом в столице штата собралась конвенция — решить, оставаться ли в стране с президентом-республиканцем ^[8], или выйти из нее, пока он не пришел к власти и не освободил рабов. Когда окрестные жители выбирали делегатов на конвенцию, Джордж даже выступил и сказал, что тут опять-таки надо подумать три раза, а не пороть горячку. Вместе штаты — сила: вместе отбивались от Англии, вместе прижучивали индейцев, вместе построили военный флот и смогли защитить свою торговлю по всему миру. Лучше посмотреть, что Линкольн будет делать, когда станет президентом, и если что не так — уйти тогда: если можно уйти сейчас, можно будет и тогда. Большинство соседей-фермеров его поддержали, но когда до-

шло до выбора делегатов, никто из них ехать на конвенцию не захотел — у фермеров дел полно и лишних рук нет. Поехал старший сын плантатора Джона Адамса, который обещал передать конвенции мнение фермеров. Словом, получилось как при выборах законодателей штата — большинство избирателей фермеры, а законы принимают без них.

Вернувшись, молодой Адамс сообщил, что конвенция решила отделить штат от страны. Джорджу и его соседям это не очень понравилось (в первую очередь то, что молодой Адамс проигнорировал их мнение и голосовал за отделение), но было уже поздно что-либо сделать. К тому же несколько соседних штатов тоже отделились, и собирают представителей, чтобы договориться о совместных действиях, то есть все-таки штат не останется один.

Власти штата поручили молодому Адамсу сформировать отряд добровольцев, чтобы заняв военные объекты (склады оружия, укрепления, бараки), принадлежащие федеральной армии — и силой разоружить северян, если те будут сопротивляться.

Том, старший сын Джорджа, недавно женился, его жена вот-вот должна была родить. А второй сын, Джим, захотел записаться добровольцем. Это сильно поднимало молодых людей в глазах местных барышень, кроме того, Адамс обещал своему отряду бесплатную форму и оружие, да и посмотреть другие места любопытно. Джордж не возражал — суматоха скоро утрясется, и Джим должен успеть вернуться к весеннему севу.

Тем временем пришло известие, что представители отделившихся штатов собрались в Монтгомери и объявили о создании новой страны, Конфедерации, в которую вошли все семь отделившихся южных штатов^[9]. Президентом выбрали сенатора из Миссисипи Джефферсона Девиса. Выбор президента Джорджу понравился: Девис отличился в войне с Мексикой, командуя созданным им полком, был военным министром несколько лет назад, так что в случае конфликта с северянами, можно рассчитывать на его опыт. Хотя, скорее всего, конфликта не будет. По рассказам Адамса, на конвенции это обсуждали: северяне воевать не умеют и не очень любят. А если восемь рабовладельческих штатов, пока остающиеся с Севером, тоже отделятся и войдут в Конфедерацию — это будет такая сила, что северяне уж точно не полезут на рожон. И еще — в случае войны Англия заступится за южан, поскольку ей никак без южного хлопка.

В начале марта Линкольн принял присягу как президент Штатов, а в середине апреля пришла весть о сражении в Южной Каролине между войсками Конфедерации и гарнизоном форта Самтер — там по-прежнему оставался отряд северян, около сотни человек^[10]. Южане форт захватили легко, но это означало войну — Линкольн объявил призыв 75 тысяч добровольцев сроком на 90 дней^[11].

Для Конфедерации война началась удачно: в считанные недели после бескровного захвата Самтера население новой страны увеличилось вдвое — еще четыре рабовладельческих штата решили выйти из США и войти в состав Конфедерации. Среди них — Вирджиния, самый уважаемый и промышленно развитый рабовладельческий штат, место первых английских поселений в Америке, родина Джорджа Вашингтона и Томаса Джефферсона. За неделю до захвата Самтера конвенция Вирджинии проголосовала за то, чтобы штат оставался в США, но когда разразилась война, часть делегатов конвенции изменила свое решение. В признание роли Вирджинии в истории страны, столицу Конфедерации перевели в столицу Вирджинии Ричмонд — самый крупный промышленный центр и один из самых крупных городов Юга.

Отряд добровольцев, в котором служил сын Джорджа Джим, перешел под командование Конфедерации — все его бойцы записались в армию на год ^[12]. В весенний сев Джордж, Том и третий сын, Эндрю, легко обошлись без Джима — тем более что самый младший, Мартин, подрос достаточно, чтобы работать почти наравне со взрослыми.

В разгар лета произошло большое сражение с северянами — южане победили, и говорят, чуть не захватили Вашингтон ^[13]. После этого Эндрю стал рваться в армию — война вот-вот закончится, ему будет стыдно, что отсиделся дома. Джордж рассудил, что сына все равно не удержать, и отпустил его после окончания осенних работ — зимой на ферме и так обойдутся. А к весеннему севу домой вернется Джим, у которого кончается годовой призыв, и рук хватит, даже если война затянется еще на год.

Война затянулась — северяне переправили морем громадную армию, высадились южнее Ричмонда и двинулись на столицу ^[14]. Вышел закон, увеличивающий срок службы в армии до трех лет, так что ни на Джима, ни на Эндрю рассчитывать с полевой не приходилось. Джим приехал летом, но только в отпуск — отслужив добровольно год, он хотел бы вернуться насовсем, но новый закон этого не позволял ^[15].

Хуже того — этот закон, впервые в истории Америки, установил обязательный призыв в армию всех белых мужчин (за исключением некоторых профессий) от 18 до 35 лет. Во всех предыдущих войнах страна обходилась добровольцами, которых каждый штат набирал по своим правилам. Том, старший сын Джорджа, смог протянуть до конца сева, но летом все же записался добровольцем в армию, не дожидаясь, что за ним придут — чтобы не позориться. К тому же Конфедерация платила при записи в армию 50 долларов, и штат тоже обещал добавить.

Теперь на ферме остались из мужчин только Джордж и Мартин. Часть мужской работы пришлось на себя взять женщинам — хотя от жены Тома, вообще-то очень работающей, пока большой помощи ожидать не приходилось: маленький ребенок, и опять беременна.

Осенью призывной возраст подняли до 45 лет — и Джордж, которому недавно исполнилось 46, впервые за долгое время порадовался, что он такой старый. Ему трудно было представить, как женщины с одним Мартином, еще мальчишкой, управятся на ферме. Стало легче, когда неожиданно вернулся Эндрю — с одним глазом и без двух пальцев на руке, но зато насовсем.

Пришло известие, что Линкольн издал указ об освобождении рабов ^[16]. Джордж удивился — он считал, что Линкольн это сделал, как только стал президентом. Впрочем, большой разницы Джордж не видел: Линкольн командовал у себя на севере, здесь на юге его законов никто выполнять не собирался, есть свое правительство и своя армия, которая северян сюда не пускает — и не пустит.

После двух лет войны появилась надежда, что война скоро закончится: генерал Ли выиграл несколько сражений в Вирджинии и повел свою армию на север, на территорию противника. Однако летом пришла весть, что Ли потерпел поражение в Пенсильвании, война опять вернулась в Вирджинию ^[17]. На западе северяне после долгой осады взяли крепость Висксбург, теперь почти вся Миссисипи в их руках, а половина Конфедерации отрезана от столицы ^[18].

Вышел новый закон, который расширил призывной возраст, теперь служить должны были все от 17 до 50 лет. Джордж никогда не был в восторге от затеи отделения штата, его отношение к этому не улучшилось от того, что его сосед и ровесник Джон Адамс от призыва освобожден — поскольку у Адамсов больше 20 рабов ^[19]. В

окрестных лесах и болотах к тому времени пряталось много дезертиров и уклоняющихся от призыва. Войска Конфедерации и милиция штата пытались их отловить, но это не всегда удавалось — дезертиры объединялись в отряды и пользовались поддержкой многих местных жителей, в первую очередь — своей родни^[20]. Джордж подумывал, не укрыться ли и ему в лесу. Но мысль о том, что за ним будут охотиться солдаты в той же форме, в которой воюют его сыновья, удержала его.

По возрасту Джордж мог служить в пределах своего штата, во вспомогательных частях. Среди обязанностей этих частей были те, которые Джорджу не хотелось исполнять — сбор продуктового налога у фермеров^[21] и охота за уклоняющимися призывниками и укрывающимися в лесах дезертирами. Он никогда не был воинственным, но одно дело — воевать против совершенно незнакомых тебе янки, другое — отбирать продукты на соседних фермах и ловить своих же, среди которых могут оказаться знакомые с детства. Поэтому Джордж попросился в действующую армию.

Хуже всего было то, что Мартину через полгода исполнялось 17, и он тоже должен будет служить. Перед уходом Джордж заставил сына пообещать не рваться в армию раньше времени, а когда подойдет срок — оставаться возле дома, во вспомогательных частях, хоть и понимал, что этому обещанию грош цена.

Полки южан обычно формировались из жителей одной местности, пополнялись тоже земляками, но в неразберихе военного времени Джордж не попал в часть, где служили Джим и Том — его команду направили в Армию Теннесси^[22]. Воевал он добросовестно, зря на рожон не лез, в нем не было показной храбрости, но за спинами не отсиживался, если нужно — без колебаний рисковал жизнью. Поначалу он хотел перевестись к сыновьям, но вскоре привык к сослуживцам, которые относились к нему уважительно, как к отцу — по возрасту многие действительно годились ему в сыновья. Он участвовал в нескольких битвах, защищая Атланту от армии Шермана^[23]. Когда Атланта пала, Армия Теннесси двинулась на север в попытке очистить штат Теннесси от захвативших его северян^[24]. Там Джордж узнал, что его младший сын уже в армии. По закону, Мартин мог какое-то время (до 18 лет) нести вспомогательную службу, но захотел быть вместе с братьями. Потом пришло известие, что Мартин ранен — не тяжело, так что вскоре, после госпиталя, должен вернуться в свою часть.

Попытка очистить Теннесси от северян провалилась, армия потерпела несколько поражений. В конце концов с ее остатками Джордж попал в Северную Каролину, где генерал Джозеф Джонстон, собрав остатки нескольких южных армий, пытался остановить Шермана, двигавшегося теперь на север к столице Конфедерации Ричмонду^[25]. Когда пришла весть, что оборонявший Ричмонд генерал Ли был окружен превосходящими силами и капитулировал^[26], Джонстон после нескольких дней переговоров с Шерманом последовал примеру Ли^[27].

Для Джорджа и его измученных голодных сослуживцев война была закончена. Теперь им надо было как-то добраться домой и успеть посеять, а потом собрать урожай — только по пути в разоренной стране нужно было чем-то питаться, и лошадей на фермах у южан не хватало, поскольку их обычно забирали с собой в армию. Проблема решилась неожиданно: после капитуляции Шерман распорядился раздать солдатам южан десятидневный запас продовольствия и вернуть лошадей и мулов. Джордж служил в пехоте и добрую часть пути ему пришлось проделывать пешком, зато продовольствие было отнюдь не лишним^[28].

Получая продовольствие, Джордж разговорился с Биллом, капралом северян, почти ровесником, тоже фермером и по речи южанином. Билл рассказал свою

историю. Родом он был из Техаса, в его округе Кук большинство населения рабов не имели, и на референдуме об отделении голосовали против. Когда Конфедерация объявила обязательный призыв в армию, Билл вместе с другими подписал петицию против призыва. Осенью местные власти арестовали полтора десятка человек из недобровольных, свезли их в окружную тюрьму в Гейнсвиле, устроили импровизированный суд присяжных (в основном из рабовладельцев), и повесили более 40 человек — среди них оказался младший брат Билла [29].

Билл спасся тем что записался добровольцем в армию, но при первой же возможности (а она представилась когда, Роберт Ли повел свою армию на север, в Пенсильванию, где под Геттисбергом проиграл северянам большую битву) перебежал к северянам. По словам Билла, многие его земляки (некоторые с семьями) бежали на север, или в Мексику, или в Нью-Орлеан, который северяне заняли через год после начала войны, и тоже записались в армию северян. У северян два техасских кавалерийских полка [30], но Билл свыкся со своими сослуживцами-северянами и решил дослужить с ними до конца войны.

На прощанье Билл подарил Джорджу брошюру с речами Линкольна и сказал, что в них многое не так, как писали о Линкольне южные газеты — скажем, до войны Линкольн не собирался отменять рабство на Юге, и сделал это только когда увидел, что иначе северяне могут проиграть войну. По словам Билла, весь сыр-бор разгорелся из-за того, что Линкольн просто не разрешал хозяевам ввозить рабов туда, где рабства нету — на территории, не принадлежащие никакому штату. Джорджу вообще-то было наплевать, мог его богатый сосед Джон Адамс возить своих рабов в Канзас или Колорадо, или не мог. Если Билл говорил правду — значит, Джорджа и его соседей-фермеров просто надули, рассказывая перед войной, что Линкольн собирается освободить рабов, как только придет к власти. Джордж решил почитать брошюру, когда доберется домой, но к тому времени он ее потерял.

По дороге домой Джордж видел разоренные усадьбы и фермы, но его ферма уцелела — военных действий в его краях не было, янки туда не дошли. От случайных групп пришлых мародеров неплохо защищали прятавшиеся по соседним лесам дезертиры и укрывающиеся от призыва из местных — их отряды не только отбивались от рекрутеров Конфедерации, но при нужде могли помочь оставшимся на фермах женщинам, старикам и детям.

Домой Джордж пришел последним — Том и Джим вернулись раньше, Мартина так и не дождался. В госпитале он заразился корью и умер.

3. Послесловие

Вот мы взглянули на войну глазами Джорджа, и по-прежнему не можем однозначно сказать, за что он воевал, за что воевали его сыновья, за что воевали земляки Билла, которым пришлось записаться в армию Конфедерации, и которые не решились дезертировать.

Попробуем разбить вопрос на два: "почему пошли воевать" (т.е. как попали в армию) и "почему так (упорно) воевали", попав в армию.

На второй вопрос ответ более-менее очевиден: а что оставалось делать? В принципе можно дезертировать, прятаться за спины сослуживцев, или поднять бунт. Все это в истории Конфедерации было (об этом, если удастся, в другой раз), но большинство продолжало служить. Не говоря уже о естественном в ситуации

войны чувстве братства и долга перед теми, с кем рядом воевал, все эти выходы могут оказаться более опасными, чем честно выполнять свою долю обязанностей.

Что касается первого вопроса, существует довольно распространенное (особенно в русскоязычной среде) мнение, что южане, в отличие от северян, все как один шли на войну с энтузиазмом, добровольно.

Вот что пишет Александр Бушков в довольно популярной книге "Неизвестная война. Тайная история США" [31]:

"Все южное население было проникнуто мыслью, что сражается с иноземным врагом для защиты всего, что ему дорого..."

Интересно, что «коренные» ангlosаксы в нее не спешили (речь идет об армии северян)... Север оказался разобщенным, а вот Юг, наоборот, спаянным — там-то четко представляли, за что воюют и против чего: за родину, против северян, посягавших на независимость Конфедерации. Можно сколько угодно порицать эту незатейливую идею, но именно она сплотила Юг и вдохновила на борьбу..."

В том же духе высказывается Кирилл Маль в книге "Гражданская война в США 1861-1865" [32]:

"Моральное превосходство солдат Юга было одним из ключевых факторов, наложившим отпечаток на ход этой войны..."

Попробуем разобраться с этим подробнее.

В начале войны обе стороны объявили набор добровольцев в армию — как это было принято в США (во всех предыдущих войнах армия страны была добровольческой). И на Севере, и на Юге количество отозвавшихся превысило требуемое. Но когда энтузиазм пошел на убыль, как северяне, так и южане ввели обязательный призыв (правда, различного характера).

Первый настораживающий факт — Конфедерация объявила обязательный призыв намного раньше, уже через год после начала войны (напомню — четырехлетней), почти за год до того как Север объявил аналогичный (но более мягкий — можно сравнить). Само по себе это объяснимо — у Севера вчетверо больше белого населения. Но картина "все как один" как-то тускнеет: если пришлось объявить призыв, значит, было кого призывать, добровольно пошли далеко не все.

Сравнительные цифры для обеих армий можно найти в книге того же Кирилла Маля. Вот о южанах:

"Приблизительно, по оценкам американских историков, было призвано (а не поступило добровольно) около 300 тысяч человек, что составляло примерно 1/3 от общего числа военнослужащих конфедеративных армии и флота" [33].

Через несколько страниц — о северянах:

"В целом за годы гражданской войны на федеральную военную службу было призвано всего 46 тысяч человек, в то время как рекрутов было 118 тысяч [34]. Вместе они составили лишь 6% всех служивших в то время в различных армиях Союза" (по другим подсчетам — 8%; это связано с различной оценкой общего числа служивших в армии северян).

После чего Кирилл Маль делает довольно любопытный вывод:

"Таким образом, как на Юге, так и на Севере всеобщая воинская повинность играла не самую важную роль в формировании вооруженных сил. Вплоть до конца войны армии Союза и Конфедерации оставались все же

добровольческими по своему характеру. Преимущественно в них служили солдаты-ветераны, которым соображения патриотизма и верности долгу не позволили покинуть ряды и уйти домой даже тогда, когда они имели на это право”.

Трудно с этим спорить в отношении армии Севера, где по крайней мере одиннадцать из двенадцати служили добровольно, по окончании срока службы солдат мог уйти из армии, и набор до последних дней войны был в основном добровольным (только если в каком-либо штате добровольцев не хватало, недостающее число там добирали по жребию). При этом, конечно, не следует забывать, что верности долгу шли на пользу неплохое снабжение и оплата солдат — в отличие от Юга, Север мог себе это позволить. Рядовой в армии северян получал \$13 в месяц, полноценное питание, обмундирование (включая обувь, которая для армии южан было одной из замых серьезных проблем) и солидные разовые "подъемные" от штата и федерального правительства при записи в армию.

Что касается армии Конфедерации, такое заявление весьма сомнительно.

Во-первых, ни о каком "уйти домой даже тогда, когда они имели на это право" речи не было, поскольку не было такого права — законы Конфедерации постоянно продлевали срок службы, и в конце концов обязывали служить до конца войны. А без этих законов воевать мало кто хотел — как пишет сам Маль несколькими страницами раньше, *"Весной 1862 года истек срок службы первых волонтеров Юга, и немногие из них были готовы вновь стать под ружье"*.

Кстати, это довольно показательный пример, как шаблон устоявшегося мнения непринужденно побеждает логику известных фактов. Кирилл Маль пишет о нежелании большинства солдат-конфедератов продолжать службу, и что именно это заставило правительство Конфедерации перейти на поголовный (не по жребию) принудительный призыв. Он знает, что меняющийся в течение войны закон не давал права попавшим в армию южанам уйти домой до конца войны. Однако это не мешает ему повторять общепринятое "Вплоть до конца войны... оставались все же добровольческими по своему характеру" и "соображения патриотизма и верности долгу не позволили покинуть ряды и уйти домой даже тогда, когда они имели на это право".

Во-вторых, следует учитывать, что потери первого с лишним года войны были исключительно среди добровольцев, поскольку вся армия тогда действительно состояла из добровольцев. Эти потери, как и все остальные последовавшие в течение войны потери армии, со второго года войны восполнялись преимущественно не добровольцами (трудно говорить о новых добровольцах призывного возраста после объявления практически поголовной мобилизации).

Из этого можно сделать вывод, что доля воюющих по принудительному набору к концу войны была значительно выше, чем среди всех служивших в течение войны. Более того, большинство тех, кто в начале войны действительно шел в армию добровольно на год, дольше служить добровольно не хотели ("немногие из них были готовы вновь стать под ружье"). То есть поначалу действительно добровольческий характер армия Конфедерации утратила даже не к концу войны, а значительно раньше.

Логично предположить, что среди фермеров, не имеющих рабов, доля воюющих по принудительному набору был еще выше, чем в среднем по армии. Вспомним эпизод ^[35], когда в графстве Кук, населенном в основном не рабовладельцами, было арестовано полтора (по другим источникам — около двух сотен) человек, из которых сорок с лишним были повешены. Остальные арестованные были вы-

нуждены подчиниться закону и пойти в армию — как и многие другие по всей стране (см. уже упоминавшуюся книгу “Bitterly Divided”^[36], где до крайностей типа столь массовых казней не доходило.

Теперь мы можем вернуться вопросу в начале статьи: “За что же воевали простые фермеры-южане, у которых и рабов-то не было?”. У нас по-прежнему нет простого однозначного ответа на него. Но, по крайней мере, на имеющий к нему прямое отношение вопрос, почему они воевали, мы ответить можем: в основном потому, что их призвали в армию, и в принудительном порядке удерживали в ней до конца войны.

Примечания

[1] <http://www.nps.gov/civilwar/facts.htm> “Farmers comprised 69 percent of the civilian occupations in the Confederacy”

[2] Для удобства читателей, я по возможности старался ссылаться на источники, доступные онлайн на русском языке, если есть заслуживающий доверия перевод (увы, не всегда). Я не гнушаюсь использовать Википедию, преимущественно английские статьи (русские приходится проверять и в большинстве случаев отвергать - по крайней мере по вопросам американской истории). В хороших Вики-статьях приведены ссылки на источники, полезные при углубленном анализе.

Раз уж зашла речь о ссылках, хочу упомянуть вялотекущую дискуссию в Гостевой, с обсуждением отсутствия ссылок в работах Тененбаума.

Моя статья посвящена вопросам, острая политически окрашенная полемика по которым идет в течение полутора столетий, и конца ей не видно. У каждого есть свое мнение (сплошь и рядом сформированное художественными произведениями, вольно трактуемыми историко), точки зрения преподносятся как факты, факты искажаются. Что бы я ни написал — для достаточно большого количества читателей это будет если не прямо противоречащим их устоявшейся точке зрения, то по крайней мере спорным и сомнительным. Поэтому ссылки здесь не роскошь.

Работы Бориса Тененбаума информативны и познавательны, но как правило, полемического характера не несут. У большинства читателей нет не только устоявшегося мнения — но порой даже более-менее цельной (пусть даже не подробной) картины того, о чем пишет автор. В этом случае ссылки — это стрельба из пушек по воробьям. Зная на опыте, сколько времени занимают ссылки, я считаю вполне оправданным их отсутствие в работах Тененбаума, о которых шла речь.

[3] Anthony W. Neal, *Unburdened by Conscience: A Black People's Collective Account of America's Ante-Bellum South and the Aftermath*
Часть седьмая, Вездесущие патрули
https://en.wikipedia.org/wiki/Slave_patrol

[4] Восстание Нета Тернера

[5] При создании страны рабство считалось моральным злом, которое терпели, поскольку не видели легких путей от него избавиться:

“Это было зло с которым они не знали что делать, но всеобщим мнением в те дни было, что так или иначе, по воле Провидения рабство исчезнет и умрет. Эта идея, хотя и не отраженная в Конституции, была превалирующей идеей того времени.”

Alexander H. Stephens, “Comer Stone” Speech, Savannah, Georgia, 1861
<http://teachingamericanhistory.org/library/document/comerstone-speech/>

Поколения спустя, когда благодаря спросу на хлопок рабство на Юге стало очень выгодным, мнение рабовладельцев по этому вопросу стало другим:

"Однако эти идеи были фундаментально ошибочны. Они основаны на предположении равенства рас. Это была ошибка... Наше правительство основано на совершенно противоположной идее; оно основано, его краеугольные камни лежат на великой правде, что негр не равен белому человеку, что рабское подчинение высшей расе - его естественное и нормальное состояние" — Там же.

В результате, в течение четверти века, предшествующей Гражданской войне, три самые многочисленные церкви страны (методистская, баптистская и пресвитерианская) разделились. Северная ветвь каждой церкви по-прежнему считала рабство злом, южная ветвь — благом: <http://www.christiantimelines.com/Denominations%20Splitting.htm>

[6] Республиканская партия была создана в 1854 г. Ее основным лозунгом было недопущение распространения рабства на территории, не принадлежащие конкретным штатам, а управляемые непосредственно федеральным правительством страны (согласно Конституции, вопрос рабства внутри каждого конкретного штата решался самим штатом). [https://en.wikipedia.org/wiki/Republican_Party_\(United_States\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Republican_Party_(United_States))

Республиканцам противостояла Демократическая партия, которая считала разрешение рабства на федеральных территориях приемлемым (северные демократы) или обязательным (южные демократы). Перед выборами 1860 г. южные и северные демократы не смогли выработать общую позицию по отношению к рабству и разделились на две партии, которые выставили разных кандидатов. Тем самым победа республиканцев на выборах практически была обеспечена.

[7] *Secession and the U.S. Mail: The Postal Service, the South, and Sectional Controversy*, by Conrad Kalmbacher. Стр. 120

The anti-slavery history of the John-Brown year: being the twenty-seventh annual report of the American Anti-Slavery Society, 1861. Стр. 192

[8] После избрания Линкольна президентом 6 ноября 1860г, в рабовладельческих штатах решался вопрос о выходе из страны. Семь штатов вышли до вступления Линкольна в должность 4 марта 1861г. В остальных либо было принято решение из страны не выходить, либо вопрос о выходе не ставился вообще. Начало войны 12 апреля 1861г подтолкнуло к выходу из страны еще четыре штата: https://en.wikipedia.org/wiki/Ordinance_of_Secession

[9] Представители отделившихся штатов собрались 4 февраля 1861 г. в Монтомери, столице Алабамы, и объявили о создании нового государства - Конфедеративных Штатов Америки, или Конфедерации. <http://www.encyclopedia.com/doc/1G2-3401802736.html>

[10] 14 апреля 1861 г., после 36-часового обстрела, гарнизон форта Самтер сдался многократно превосходящими силами Конфедерации. Это было началом Гражданской войны: https://en.wikipedia.org/wiki/Battle_of_Fort_Sumter

[11] Решение Линкольна призвать добровольцев всего на три месяца, приписываемое его неадекватности и некомпетентности, служит мишенью насмешек и попреков. Между тем и число рекрутов, и срок призыва были ограничены законом: Militia Act of 1795 https://en.wikipedia.org/wiki/President_Lincoln%27s_75,000_volunteers

Когда масштабы и характер войны показали недостаточность числа призванных и сроков призыва, Линкольн призвал дополнительно несколько десятков тысяч добровольцев. В июле 1861 г. собрался Конгресс и постановил набрать 500тыс сроком на 3 года.

[12] 6 марта 1861 г., более чем за месяц до обстрела Самтера и призыва Линкольном 75 тыс. добровольцев, Конгресс Конфедерации издал закон о наборе в армию Конфедерации 100 тыс. добровольцев сроком на год: *The War of the Rebellion: A Compilation of the Official Records of the Union and Confederate Armies. Series IV - Volume I, Section I.* WASHINGTON, Government printing office, 1900. Стр. 126

Для сравнения — вся армия США в это время насчитывала около 16тыс человек, разбросанных по гарнизонам, в основном западных штатов и территорий — в местах контакта с индейскими племенами.

[13] *Первое крупное сражение Гражданской войны произошло 21 июля 1861 г., в Вирджинии, в полусотне километров от Вашингтона: https://en.wikipedia.org/wiki/First_Battle_of_Bull_Run*

[14] *Весной и летом 1862 г. сотысячная армия северян находилась в шести километрах от Ричмонда (в несколько раз ближе, чем южане от Вашингтона после First Bull Run битвы), и выиграла там несколько сражений.*

https://en.wikipedia.org/wiki/Peninsula_Campaign

https://en.wikipedia.org/wiki/Seven_Days_Battles

Нерешительность командующего армией северян генерала Джорджа Маккеллана привела к тому, что северяне упустили возможность взять столицу противника и, возможно, быстро закончить войну и сохранить сотни тысяч жизней - как северян, так и южан.

[15] *16 апреля 1862 г., когда годичный срок службы большинства добровольцев в армии южан подходил к концу, и мало кто из них высказывал желание продолжать службу, Конгресс Конфедерации издал первый в истории Америки закон о всеобщем призыве в армию на 3 года:*

<http://www.nellaware.com/blog/the-confederacys-conscription-act.html>

<http://www.civilwarhome.com/conscription.html>

Conscription and conflict in the Confederacy, by Albert Burton Moore, NY1924

Закон продлевал срок службы добровольцев до 3-х лет или конца войны, а также объявлял мобилизацию всех белых мужчин в возрасте от 18 до 35 лет. Закон освобождал от призыва некоторые профессии, что привело к резкому увеличению числа обладателей таких профессий (скажем, учителей и аптекарей).

Призывной возраст несколько раз менялся: весна 1862 г. — от 18 до 35 лет; осень того же года — от 18 до 45 лет, февраль 1864 г. — от 17 до 50 лет.

[16] 1 января 1863 г. Линкольн подписал указ, освобождающий всех рабов Конфедерации (Emancipation Proclamation, Прокламация об освобождении рабов). Указ не касался той территории Конфедерации, которая к этому моменту находилась под контролем армии США (как президент, Линкольн не имел права освобождать рабов своей страны, но как главнокомандующий, имел право во время войны объявить свободными рабов противника).

Предварительно, 22 сентября 1862 г., Линкольн объявил о том, что такой указ будет написан — что давало возможность штатам, входящим в Конфедерацию, в индивидуальном порядке выйти из войны и сохранить у себя рабство.

https://en.wikipedia.org/wiki/Emancipation_Proclamation

Прокламация об освобождении рабов

[17] Битва при Геттисберге, 1-3 июля 1863 г., была самым кровопролитным сражением Гражданской войны. Южане три дня атаковали позиции северян, пытаясь сбросить их с высот в окрестностях города Геттисберга в Пенсильвании, понесли большие потери и вынуждены были отойти обратно в Вирджинию. https://en.wikipedia.org/wiki/Battle_of_Gettysburg

[18] Южане считали крепость Вicksberg, находящуюся в труднодоступной местности на крутом берегу Миссисиппи, неприступной и называли ее "Гибралтаром Конфедерации". После полугодовой компании и полутраесячной осады, Вicksberg был сдан армии Гранта 4 июля 1863 г.: https://en.wikipedia.org/wiki/Siege_of_Vicksburg

Вместе с поражением под Геттисбергом, это практически лишило Конфедерацию надежды на успех.

[19] Осенью 1862 г. в перечень освобожденных от призыва были включены владельцы или надсмотрщики плантаций с числом рабов 20 или больше: https://en.wikipedia.org/wiki/Twenty_Negro_Law

[20] Эти факты достаточно известны, но как правило обходятся молчанием, поскольку не укладываются в популярную картину поголовного энтузиазма южан во время войны (в том числе в ее начале). Вот цитата из романа "Убить пересмешника" (Пулитцеровская премия 1961 г., фильм с Грегори Пеком, получивший три Оскара, книга изучается в большинстве американ-

ских школ): "Когда Алабама отделилась от США 11 января 1861 г., графство Уинстон отделилось от Алабамы, и каждый ребенок в графстве Мэйкомб это знал". *Этой цитатой начинается рецензия на книгу "Bitterly Divided", посвященную проблемам Конфедерации, связанными с дезертирством и уклонением от призыва: David Williams, Bitterly Divided: The South's Inner Civil War. The New Press, 2010*

Вот статья, в которой перечислены шесть наиболее крупных очагов сопротивления власти Конфедерации — включая Западную Вирджинию, которая действительно отделилась от Вирджинии и была принята в Юнион отдельным штатом: <https://www.history.com/news/6-unionist-strongholds-in-the-south-during-the-civil-war>

Местные власти южных штатов зачастую сами не могли управиться с бунтовщиками, Конфедерации приходилось отвлекать боевые части. В книге "Падение дома Дикси" (Bruce Levine, *The Fall of the House of Dixie: The Civil War and the Social Revolution That Transformed the South*, 2014) на стр. 113-114 описывается, что в начале сентября 1863 г. Роберт Ли, по просьбе губернатора Северной Каролины, отправил туда на подавление сопротивления два полка пехоты и эскадрон кавалерии. Солдатам удалось захватить тысячи, но для поисков дезертиров и чтобы побудить их сдаться, пришлось пытать их семью.

[21] Tax-in-kind, продналог, введенный Конфедерацией во время войны чтобы снабжать армию, вызвал большое недовольствие фермерских семей. Конфедерации пришлось пойти на эту непопулярную меру, поскольку контролируемый рабовладельцами Конгресс блокировал все попытки администрации заставить плантаторов увеличить производство продовольствия за счет уменьшения выращивания хлопка.

[22] https://en.wikipedia.org/wiki/Army_of_Tennessee

[23] https://en.wikipedia.org/wiki/Atlanta_Campaign

[24] https://en.wikipedia.org/wiki/Battle_of_Nashville

[25] https://en.wikipedia.org/wiki/Carolinas_Campaign

[26] Армия Северной Вирджинии под командой Ли почти год обороняла Ричмонд от превосходящих сил северян: https://en.wikipedia.org/wiki/Siege_of_Petersburg

Когда оборона стала невозможной (силы южан таяли, а северян - росли), в начале апреля Ли оставил Ричмонд и попытался прорваться на соединение с армией Джонстона, непрерывно отбиваясь от противника. 9 апреля 1865г остатки его армии были окружены, и в безнадежном положении Ли подписал капитуляцию своей армии: https://en.wikipedia.org/wiki/Appomattox_Campaign

[27] 26 апреля Джонстон подписал капитуляцию не только своей армии, но всех армий Конфедерации к востоку от Миссисипи, бывших в его подчинении, хотя президент Конфедерации Джефферсон Девис, находившийся со своим кабинетом в бегах после падения Ричмонда, настаивал на продолжении безнадежного сопротивления: >>>

[28] Кроме десятидневного продовольствия солдатам южан, Шерман распорядился раздавать продовольствие гражданскому населению Юга. Любопытно, что ни о том, ни о другом нет информации в статье Википедии о Шермане, но об этом говорится в статье о Джонстоне, в разделе где описывается капитуляция — хотя, казалось бы, логичнее наоборот:

https://en.wikipedia.org/wiki/William_Tecumseh_Sherman

https://en.wikipedia.org/wiki/Joseph_E._Johnston

[29] https://en.wikipedia.org/wiki/Great_Hanging_at_Gainesville

[30] <https://tshaonline.org/handbook/online/articles/qlf03>

[31] Александр Бушков. Неизвестная война. Тайная история США. Олма Медиа Групп, 2008 <http://book-online.com.ua/read.php?book=3056&page=1>

[32] Маль К.М. Гражданская война в США 1861-1865. Минск: Харвест, 2002 http://militera.lib.ru/h/mal_km/index.html

[33] Та же оценка числа призванных (300 тысяч), как и общей численности армии Конфедерации (850-900 тысяч), приведена в книге историка-южанина, профессора истории Алабамского университета Альберта Бартон Мура "Военный призыв и конфликт в Конфедерации" (*Conscription and conflict in the Confederacy*, by Albert Burton Moore, 1924). Оценка в 300 тыс призванных приведена на стр. 357, оценка общей численности армии — на следующей странице.

Строго говоря, цифра 300 тыс. должна быть увеличена, поскольку Мур дает оценку призванных в штатах к востоку от Миссисипи (cis-Mississippi), без учета штатов Техас, Арканзас, Миссури и части Луизианы, которые в середине войны были отрезаны от остальной Конфедерации, и данные по призыву там не вошли в отчеты, которые Мур анализировал (оценка общей численности армии дана по всей Конфедерации).

[34] Тут несколько неясная терминология, требующая уточнения.

Согласно закону 1863 г, когда Север проводил очередной призыв (четырежды - июль 1863, март, июль и декабрь 1864), каждому штату выделялась квота - сколько новобранцев штат должен поставить. Штат объявлял набор добровольцев, и если этот набор покрывал квоту, на этом призыв в штате заканчивался. Если добровольцев не хватало, недостающее число добиралось по жребию. Те, на кого выпал жребий, либо шли служить ("было призвано всего 46 тысяч человек"), либо нанимали себе замену, "рекрутов" ("рекрутов было 118 тысяч").

[35] https://en.wikipedia.org/wiki/Great_Hanging_at_Gainesville

[36] David Williams, *Bitterly Divided: The South's Inner Civil War*. The New Press, 2010

Игорь Юдович

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТОЙ

(самой очевидной, самой противоречивой и самой игнорируемой поправки к Конституции США)

«Бедный человек может в своём жилище не повиноваться королю ипротивостоять домогательству и насилию королевской власти. Его жилище может иметь хрупкую крышу, ветер может гулять по его комнатам, любой ураган может ворваться в него, дождь может залить его, но король Англии не может войти в него — всей его силы недостаточно, чтобы переступить порог его разрушенной обители»

(Уильям Питт старший. Выступление в Парламенте, 1763)

«Самый значимый человек Англии»

— 1 —

Переселение в чужие края, колонизация новых земель или уход в эмиграцию — очень тяжёлое испытание. От ностальгии никуда не деться, и неудивительно, что люди, осваивающие новые земли, часто дают своим поселениям старые привычные имена. Так в английских колониях на американском континенте возникли многочисленные Новые и старые Амстердамы, Лондоны, Берлины, Афины и более десятка городков с названием Москва. Славный городок Камден в Южной Каролине (Camden, SC) знаменит своей революционной историей и, ещё больше, историей Гражданской войны, которую, впрочем, в городе, как и на всем Юге, называют «войной между штатами». Во всех Соединённых Штатах нет другого города давшего так много (пропорционально к общей численности населения) офицеров и генералов, воевавших на одной из сторон конфликта, в данном случае — в армии Конфедерации. Косвенным доказательством этого является памятное сооружение на одной из площадей, крыша которого опирается на **шесть колон** — столько генералов дал этот небольшой городок армии южан.

Было логично предположить, что так понравившийся мне город в Южной Каролине, и ещё более 20 его тёзок в других штатах названы, согласно традиции, в память об английском Камдене, когда-то отдельном городе, сегодня части Лондона.

Мое логическое построение оказалось неверным. Все многочисленные Камдены были названы в честь Чарльза Пратта, 1-го лорда Камдена, юриста, судьи и политического деятеля второй половины 18-го века. Чем же он заслужил такое уважение? Попытка найти корни названия города привели к открытию удивительной истории, в которой не город, но имя Камден переплелось с легендарным по обе стороны океана именем Джона Уилкеса. После чего, от этих двух уже было несложно провести прямую линию — к... американской Конституции. Вернее, к знаменитой Четвертой поправке, той самой, которая в наши дни находится под двойным прессингом: американской политической системы и почти полного безразличия граждан страны.

В 1215 году в Англии землевладельческой аристократией (баронами) и королём Иоанном Безземельным была подписана «Магна Карта — Великая Хартия Вольностей». 800-летие этого эпохального события в этом году отмечает весь западный мир. Это был первый документ в современной истории, который ограничивал абсолютную власть короля.

А через много-много лет, в 1761 году, в той же Англии королём стал человек, который это ограничение совершенно не переносил. Конечно, король Георг III (из Ганноверской династии) не был таким уж редким исключением среди английских монархов, но в его случае такое отношение пришло к нему буквально с молоком матери: его германская мама воспитывала принца Уэльского в изоляции от всего мира и в полном неуважении к английской традиции соблюдения прав подданных.

22-х летний король не был большим интеллектуалом, но в умении бороться за власть у него оказались недюжинные способности. Не теряя времени он где подкупом, где угрозой перетянул на свою сторону многих лидеров оппозиции в Парламенте и поставил премьер-министром верного себе человека (король не переносил вигов и опирался на торы, которые были готовы на все, чтобы наконец выйти из политической изоляции). Кроме политических перестановок, за первые два года своей власти он ввёл новый налог на сидр и, самое главное, закончил Семилетнюю войну. Все эти меры были крайне непопулярны как в народе, так и среди английской политической элиты ^[i]. То там, то тут начались народные выступления как против крайне непопулярного налога, так и против явной политической коррупции.

Для того, чтобы снизить напряжение в обществе, правительство стало выпускать еженедельную газету «*the Briton*», в которой пытались популярно объяснить и обосновать текущую политику. В газете допускалась критика министров и даже эссе, написанные оппозиционными парламентариями ^[ii], но не допускалась никакая-либо критика короля. На это было абсолютное табу. Газета выходила массовым тиражом, но не стала популярной, как отмечают историки ещё и потому, что отличалась скучным канцелярским языком.

Король и авторы правительственной газеты не учли, что с 1215 года народ Англии кое-чего добился, к кое-чему привык и кое-чему научился.

Буквально мгновенно, как прямое противостояние официальной пропаганде, возникла частная газета «*the North Briton*» ^[iii], которая сразу же приобрела просто легендарную популярность и славу. Целью газеты было бороться «против адской доктрины произвола и за неотъемлемое право на часть суверенной власти». Газета была чудо как хороша и нравилась всем — от простолудинов до членов Парламента. Да и как могла не нравиться, если каждый номер рассказывал о коррупции в верхах, о бездарных постановлениях правительства, издевался над министрами. Информация была такой достоверной и свежей, что ни у кого не было сомнений в том, что источник может быть только на самом вершине власти. И хотя в духе времени заметки подписывались анонимно, но вскоре никто не сомневался в авторе. Им был молодой и яркий политик, кроме всех прочих своих достоинств, прекрасно владеющий языком сатиры. Примерно через десять лет Уильям Питт старший назовёт его «самым значимым человеком Англии».

Его звали Джон Уилкес ^[iv] (John Wilkes)

Он был далеко не красавец, своей большой выступающей челюстью напоминал американского комедианта Лено, происхождения был самого простого: отец

был мелким фабрикантом, производителем спиртного. Его родители — Израэль и Сара были христианами англиканской конфессии, весьма религиозным всю жизнь оставался и сам Уилкес. Пожалуй, самыми главными его отличительными чертами были острый язык, политический популизм и какой-то редкий, чуть ли не болезненный патриотизм. В политике он занимал место на противоположном полюсе от короля: если король, по-своему тоже патриот Англии, ненавидя Парламент, для усиления своей власти пользовался методом «кнута и пряника» и опирался на чиновников-министров исполнительной власти, то Уилкес — убеждением и опорой на «commoners» (англичан, не принадлежащих к аристократии) и представляющих их членов Парламента. Уилкес сам стал членом Парламента (нижней палаты) в 1757 и затем был переизбран ещё четыре раза.

Интересно, что у короля и Уилкеса — была одна общая черта: непреодолимое упрямство, которое со временем привело к интересным результатам.

Конфликт короля и Уилкеса, внешне представляемый различными взглядами двух газет, оставался в рамках холодной войны до выхода «*the North Briton*» №45. В этом номере Уилкес разнёс в щепки традиционное ежегодное послание короля Парламенту. И хотя формально он обвинял людей, написавших послание для короля (было известно, что автором текста был премьер-министр Джон Стюарт, граф Бьют), но терпение короля лопнуло: фразы «привилегией короны является приложение усилий в рамках ограниченных конституционными обязанностями» и «свобода — есть исключительное право королевских подданных» не могли обмануть ни читателей, ни самого короля. Последние слова эссе прозвучали прямым оскорблением короля: «Я, как каждый человек в королевстве, хотел бы видеть честь и достоинство королевской власти сохраняемой в духе истинного величия. Я сокрушаюсь видеть, что она упала ниже проституции».

Георг III приказал ^[v] своему заместителю министра внутренних дел (в терминах нашего времени) лорду Халифаксу издать **общий ордер** на арест для «строгого и непреклонного поиска авторов, издателей и печатников криминального и антигосударственного издания, называемого «*the North Briton*» №45». В ордере было предписано арестовать причастных к изданию номера и изъять все персональные бумаги арестованных.

— 3 —

Вспомним, что дело было в Лондоне в 1763 году. Оба героя — Халифакс и Уилкес — были членами Парламента. Приличия должны были быть соблюдены, кроме того, существовали ещё некоторые обстоятельства, которые не могли не волновать Халифакса. Поэтому Халифакс, выполняя роль прокурора, пригласил Уилкеса к себе домой на пред пасхальный ужин, после чего за рюмкой портвейна предъявил ему ордер на арест. Когда Уилкес прочёл ордер, то вполне обосновано назвал его «бессмысленным и бесполезным».

Дело в том, что, конечно, Уилкес был хорошо знаком с юридической системой и законами страны. По существовавшим законам и традиции, основанной на прецеденте, одном из основополагающих принципов юриспруденции королевства, в ордере должно быть указано имя человека, подлежащего аресту, и дана убедительная причина, по которой именно этот человек подвергается аресту ^[vi]. Это было существенно важным и для человека, который *предъявляет* ордер: в противном случае арестованный мог судить предъявителя ордера (в данном случае — лорда Халифакса) за ложный арест и нарушение границы частного жилища. Осторожный

Халифакс знал о совсем недавнем прецеденте и решил обезопасить себя хотя бы от второго обвинения. По весьма обоснованному мнению Уилкеса в ордере обязательно должно быть конкретное имя подозреваемого и конкретные свидетельства против него. Общий же ордер, предъявленный Халифаксом, не содержал ни первого ни второго, а только название преступления. На основании общего ордера «органы» по мельчайшему подозрению могли днём или ночью арестовать любого человека без какого-либо обоснования.

Что, собственно говоря, и произошло в марте-апреле 1763 года. Хотя согласно устному указанию короля Халифакс собирался арестовать только троих: одного автора, одного издателя, одного печатника, но «забывшие» вперёд «органы» на основании единственного общего ордера арестовали 49 человек, всех, кто каким-либо образом был задействован в выпуске №45, включая совершенно невиновных помощников наборщиков и даже рассыльных.

Уилкес на сравнительно дружеском допросе у Халифакса отказался признать какую-либо вину и даже отвечать на вопросы. Следующие пять суток он провёл в тюрьме, знаменитом *Tower*. Шестым днём был Пасхальное воскресенье. Религиозное шествие в этот день приняло не совсем обычный вид. Значительная часть населения города вышла на демонстрацию в защиту Уилкеса. Во главе шли члены Парламента. Вернее, «члены нижней палаты были верхом на лошадях, а лорды — ехали в каретах». Нетрудно догадаться, что лозунги протестующих были весьма обидными для короля.

Через несколько дней Уилкес предстал перед королевским судом в Вестминстерском дворце. Лондонские обыватели заполнили места для публики на балконе зала. Все ждали решающего противостояния и интересного представления.

Председателем королевского суда был **Чарльз Пратт**, известный своими либеральными мыслями и относительно либеральными приговорами противникам королевской власти. Пропуская процедурные вопросы и ответы, пропуская не относящиеся к нашей теме, вспомним, что Уилкес сказал по существу вопроса.

Свобода всех простолодинов и дженгльменов и — что для меня наиболее чувствительно — свобода людей, принадлежащих к самым низам нашего общества, людей, которые больше других нуждаются в защите, сегодня, в рассмотрении именно моего дела, будет решена раз и навсегда.

Вопрос стоит так — есть ли в Англии свобода или осталась только её тень.

Я был арестован и заключён в тюрьму в результате умышленной злобы в отношении меня... Мне сказали, что мой дом был разгромлен людьми, находящимися на королевской службе. Мои самые личные и секретные бумаги были похищены. Это тирания ... которую я верю осудит Суд... Отныне [после решения суда], каждый невиновный человек, каким бы бедным и зависимым он ни был, может надеяться жить в мире и безопасности его собственного дома, не нарушаемом посланниками короля и своевольными деспотическими мандатами властного министра.

Чарльз Пратт оправдал Уилкеса. Но оправдал не так как хотели люди на балконе, а на «техническом» основании — сложные и неоднозначные английские законы по поводу иммунитета членов Парламента на этот раз были интерпретированы в пользу Уилкеса ^[viii]. Конечно, Уилкес триумфально вернулся в свой дом, сопровождаемый многотысячной толпой. Конечно, «Уилкес и свобода!» стал популярным

лярным лозунгом. Конечно, он стал национальным героем, особенно среди людей, не обременённых властью.

Так закончилось первое действие драмы, которое сделало Уилкеса известным в Англии.

Второе действие сделало его знаменитым по обе стороны океана.

— 4 —

Вернувшись, Уилкес нашёл дом перевернутым вверх дном. Все его личные бумаги, все, что касалось его работы в Парламенте и, конечно, все относящееся к газете исчезло. Он немедленно написал письмо Халифаксу и потребовал возвращения «украденного». Уже на следующий день был получен ответ, из которого следовало, что все конфискованные документы останутся в суде, как свидетельства дальнейшего расследования и возможного будущего обвинения. Через несколько дней Уилкес подал в суд на Халифакса и ещё трёх высокопоставленных чиновников, обвинив их незаконном проникновении в частное жилище, надругательстве над его правом на частную жизнь, в разрушении и краже его собственности.

Исход дела зависел от того, признает ли Суд общий ордер законным документом. Всего год назад Уилкес косвенно был «интересантом» в процессе, который решал подобный вопрос.

Немного предыстории внутри этой истории.

Право защиты от необоснованного обыска и изъятия собственности при обыске было прописано в Общем Праве — кодексе английской юриспруденции. «Оно было основано на библейской традиции, римском юридическом праве и положениях Магна Карта»^[viii]. В Англии оно стало ещё и прецедентным правом после известного процесса 1603 года (дело *Semayneas*), когда была провозглашена знаменитая максима: «Мой дом — моя крепость». Председательствующий по данному делу судья написал в решении: «Во всех случаях, когда действие осуществляется по указанию короля, шериф может войти в закрытый дом или для ареста обвиняемого или для осуществления других действий исходящих из указаний короля, но во всех других случаях шериф не может войти в дом. Но в первом случае, в случае необходимости взломать дверь, он должен предварительно объявить причину проникновения в дом и потребовать его открыть. ... Дом любого человека есть его крепость...».

Мы видим, что решение 1603 года было половинчатым, оставляло возможность в особо важных государственных делах, особенно — по указанию короля, входить в жилище и предъявлять общий ордер на арест и конфисковать собственность.

Более известным и более близким к описываемому нами времени было решение по делу *Entic vs. Carrington* 1762 года.

Джон Энтик был помощником (возможно — редактором) Уилкеса по выпуску газеты. В 1762 году в поисках компромата на Уилкеса и на «*the North Briton*» его жилище было взломано, был произведён обыск со взломом закрытых шкафов и ящиков стола. Энтик подал в суд на агентов короля, проникших в его жилище. Суд в своём решении заявил: «... общий ордер и поведение агентов короля, которое было обосновано общим ордером, является противоречащим представлениям о комфорте общества, и выдача ордера на изъятие личных бумаг человека, не обвинённого в конкретном преступлении, противоречит духу английского закона».

Кроме общих соображений, суд отметил, что данный общий ордер не может быть признан судом законным, так как он был выдан без привязки к какому-либо

уголовному делу и не требовал инвентаризации изъятых бумаг. Это был сильный удар по репутации королевской власти, но не самого короля и его министров: в данном случае общий ордер был выписан по указанию нижестоящего чиновника королевского кабинета и принципиальный вопрос о праве абсолютного монарха или его министров на любое юридическое сумасбродство не обсуждался.

Прошёл всего один год и вся Англия опять ожидала решения суда по подобному вопросу, но на этот раз Уилкес фактически не только обвинял высокостоящих королевских чиновников, включая министра внутренних дел, но и требовал признать незаконной саму возможность короля и министров отдавать указания своим подчинённым об аресте на основании общего ордера, указания, нарушавшие сложившиеся традиции и юридические законы страны. Или, если сказать предельно коротко — Уилкес потребовал решением суда закрыть последние лазейки, которые все еще оставались у английского монарха для утверждения своей абсолютной власти. Судьба Уилкеса, как и будущее Англии были подвешены на тонкой нити. От Чарльза Пратта зависело, перерезать ее или нет.

Суд состоялся 6 декабря 1763 года в том же Вестминстерском дворце. Балкон опять был переполнен сторонниками Уилкеса, но между вторым процессом и первым было два важных отличия. На этот раз Уилкес не защищался, а нападал. Требуя, кстати, и денежной компенсации «тысяч фунтов стерлингов». Но главное, пожалуй, заключалось в том, что за спиной Председателя королевского суда сидели 12 присяжных. Их обычно набирали из среднего класса, поэтому, само собой, жюри было на стороне Уилкеса. Присяжные не скрывали своего отношения к открывшимся фактам по делу. Например, к тому, что агентам короля понадобилось взломать около двадцати дверей, к тому, как они двенадцать часов рылись в бумагах. Но все это не имело бы никакого значения и Уилкес не получил бы ни пенса компенсации, если бы Судья признал общий ордер законным. Да, могли быть некоторые нарушения со стороны агентов короля, но не более, чем в рамках обычной человеческой безалаберности или чрезмерной исполнительности... если они действовали согласно закону.

Чарльз Пратт, Первый лорд Камдена, Председатель Королевского суда начал свою длинную речь с того, что тщательно суммировал все аргументы защиты, сказав, что правительство, возможно, имело право, согласно прецеденту, на взлом дверей, изъятие бумаг и прочее на основании общего ордера, в котором не было названо определённое имя. У правительства в определённых обстоятельствах существуют дискреционные полномочия ^[ix] на обыск в любом месте, где оно почитает нужным. Пока все выглядело плохо для Уилкеса. Но затем Пратт сказал буквально следующее: «Но если такое право действительно возложено на министра внутренних дел, а он в свою очередь может [по своему желанию] передать своё право другим людям (облачить других людей своим правом), то результат может отразиться на каждом человеке в этом королевстве и полностью уничтожить свободу субъекта (человека)».

Этими словами и последующим решением Чарльз Пратт, Председатель Королевского суда, раз и навсегда не только признал общий ордер незаконным в данном конкретном случае, но *объявил незаконными все общие ордера*.

Присяжные присудили Уилкесу 4 тысячи фунтов стерлингов, которые должен был выплатить лорд Халифакс! Последующий суд обязал государство заплатить 100 тысяч фунтов (13 миллионов долларов по нашему курсу) всем проходящим по делу о №45.

Это была победа громадного значения. В Англии нет писанной конституции. Да, Магна Карта ограничила власть короля, но борьба между монархией и ограничивающей ее силой всегда была похожа на перетягивание каната. Общий ордер всегда оставался сильной картой в руках короля. Обозначив только преступление, но не назвав и не обосновав имена подозреваемых, люди короля всегда могли ворваться в любой дом, арестовать любого человека, изъять его собственность и бумаги. 6 декабря 1763 года стало днём, когда был выбит важнейший козырь в руках короля и его сторонников, днём введения реальной конституционной монархии.

Вечером того же дня весь Лондон вышел на улицу. В уже привычный лозунг добавили только одно имя:

«Пратт, Уилкес и свобода — навсегда!»

— 5 —

Следующие одиннадцать лет не король, не Эдмунд Бёрк, не Уильям Питт старший, но Уилкес был самым известным человеком в Англии. Просто невероятно, через что ему пришлось пройти за эти годы, после того как король «назначил» его своим личным врагом. Его лишили иммунитета и исключали из Парламента пять раз — и избиратели самого важного избирательного округа, куда входил Лондон, каждый раз избирали его снова. Он четыре года скрывался во Франции и отсидел два года в английской тюрьме (что не помешало избрать его в Парламент) после публикации порнографической сатирической поэмы. После оглашения приговора толпа на улице кричала «Нет свободы — нет королю!» Солдаты стреляли в толпу, было убито 7 человек и 15 ранено.

За эти годы избиратели выбирали Уилкеса сначала членом муниципального совета Лондона, потом шерифом, а затем — в 1774 году — и мэром Лондона. Везде и всюду он яростно боролся за законодательное утверждение «Билля о Правах», не менее яростно — за свободную прессу и религиозную терпимость. С годами его популярность только росла. Каждое исключение из Парламента сопровождалось массовыми уличными протестами и беспорядками; каждые новые выборы — массовым празднованием буквально всего Лондона. И это — не преувеличение. Больше тонны еды и других подарков было послано в тюрьму, на тысячах дверей и на сотнях лондонских кэбов значилась цифра 45. Ещё одна лондонская традиция — зажигать свечи в окнах по поводу хороших новостей — была доведена до своего предела в дни избрания Уилкеса в Парламент или на одну из его должностей.

Бенджамин Франклин, путешествуя по Англии писал: «50 тысяч фунтов свечей было использовано для празднования избрания Уилкеса... На 15-ти мильной дороге до Лондона нельзя было найти ни одной двери или окна, на которых не было бы цифры 45» [8]. Даже дети короля Георга III однажды влетели в покои отца с криком «Уилкес и номер 45 — навсегда!»

А в 1775 году началась Война за Независимость американских колоний. Трудно было найти в Англии до и во время войны человека, который бы так громко и *последовательно* был сторонником предоставления свободы Америке и протестовал против войны, как Уилкес. Выступая в Парламенте в самом начале войны, Уилкес сказал:

...Я говорю как решительный и непоколебимый друг Англии и Америки, но в ещё большей степени как сторонник универсальной свободы и прав людей

всего человечества. Я утверждаю, что никакая часть населения этой огромной империи никогда не согласится оказаться в положении рабов...

Никогда Англия не была втянута в конфликт такого значения для ее собственных владений и интересов... Мы воюем за подчинение, за безусловную покорность страны бесконечно большей чем наша собственная. Страны, которая с каждым днём увеличивает своё богатство, свою естественную силу, численность своего населения.

Если мы достигнем своей цели... мы будем для них наиболее заклятыми врагами, непримиримое разъединение последует после этого, а величие Британской империи останется в прошлом.

Война с нашими братьями в Америке несправедливая..., пагубная и разрушительная для нашей страны.

К тому времени его известность и слава давно уже распространились по другую сторону Атлантики. Если сказать точнее, это был уже культ. В Бостоне, например, по образцу Кредо Апостолов была опубликована брошюра, которая начиналась так: «Я верую в Уилкеса, настоящего патриота, автора номера 45. Который был рождён для победы нашего дела. Страдал от деспотизма. Был запрещён и осуждён...». Именем Уилкеса называли детей и населённые пункты. Так в Джорджии появилась Wilkes County, Wilkesboro в Северной Каролине, Wilkes-Barre в Пенсильвании. Частью культа было помешательство на цифре 45, которая стала символом репрессивной королевской власти. Тень славы Уилкеса перебросилась и на Чарльза Пратта, 1-го лорда Камдена, Председателя Королевского суда Англии. Тогда и появились на карте Америки многочисленные Камдены.

По другую сторону Атлантики

— 1-

Не было гвоздя — подкова упала,
подкова упала — лошадь захромала,
лошадь захромала — командир убит,
армия разбита, конница бежит,
враг заходит в город, пленных не щадя,
Потому что в кузнице не было гвоздя!

(С. Маршак)

Конфликт американских колоний с материнской державой развивался медленно и на каждом этапе ухудшения отношений колонисты предлагали варианты примирения и были готовы к разумным уступкам. Король и большинство в палате Лордов обычно были категорически против самой идеи примирения, требуя беспрекословного подчинения. Даже в случае очевидных ошибок и несоразностей, как к примеру с дискриминационными тарифами на чай, король и Парламент исправляли ими же содеянное с безнадёжным отставанием во времени.

Но вот что интересно: трое самых популярных политических деятелей Англии того времени как раз были за колонистов, считали их требования справедливыми и соглашались с ними. И открыто и громко говорили об этом всем, желающим услышать. Эти люди представляли, казалось, все главные политические слои

английского общества: Эдмунд Бёрк — ведущий интеллектуал Англии, а возможно и всей Европы - представлял нижнюю палату Парламента, Уильям Питт старший — двукратный в прошлом премьер-министр, трибун и один из самых уважаемых людей в королевстве — палату лордов, а Джон Уилкес, популист и «авторитет улыбки» — был гласом народа.

Если на секунду предположить, что противостоящий им король Георг III обладал бы элементарным представлением о реальности или хотя бы проявил нормальную в его положении политическую гибкость, если бы он прислушался к мнению этой тройки — и многих других (впрочем, справедливо сказать — значительного меньшинства), то мировая история могла пойти совершенно другим путём. Если бы страсти по вопросу налогообложения («*no taxation without representation*») утихли естественным путём после уступок требованиям колонистов, то со временем Америка наверняка получила бы независимость в духе Канады, Южной Африки или Австралии, оставаясь членом Британского Содружества. Если бы между двумя странами сохранялись не только дружественные, но и официально-договорные близкие государственные отношения, то трудно себе представить, что Германия осмелилась напасть на Англию в 1914-м. И совершенно невозможно представить агрессивную европейскую политику Германии, прежде всего — против Англии, в конце 1930-х — начале 1940-х.

Но — не случилось. То ли гвоздя в кузнице не оказалось, то ли король был чересчур упрямым, но в результате история пошла своим, кровавым путём.

— 2 —

Известность Уилкеса и пристальное внимание в американских колониях Англии к событиям, описанным выше, возникли не на пустом месте. Проблема и трагедия «общего ордера» была слишком близка колонистам. Если в Англии правительство действовало все же с некоторой оглядкой на законы, то в колониях все было проще. В Англии к общему ордеру прибегали в основном в вопросах утверждения авторитета королевской власти и «государственной безопасности». В колониях — в весьма насущных для колонистов экономических.

До 1750 года в колониях *все* ордера на арест и на обыск были общими. Практически любой руководитель местной таможни, прокурор и даже иногда губернатор выступал в роли *ex officio*, издавая общий ордер, по которому производились аресты, обыски и конфискации в интересах представляемого ими института. Такое правило даже в колониях имело в 1750-е годы очень слабое юридическое обоснование. В 1756 году массачусетское законодательное собрание приняло закон, объявляющий общий ордер незаконным, но англичане не обратили на это никакого внимания. Тем не менее, с конца 1750-х английские колониальные власти в основном перешли к практике выдачи *writ of assistance* (исполнительный приказ о передаче полномочий), подписанном губернатором. На основании *writ of assistance* выписывались — не в суде! — те же самые общие ордера, но формально у нового положения было более серьёзное юридическое основание.

Существует разница между *writ of assistance* и общим ордером, хотя в популярной литературе в одних и тех же случаях произвольно употребляются оба термина. Разница между ними небольшая и очень часто несущественная, но все же есть. Мы знаем, как легко выписывались общие ордера в колониях, но в Англии к делу часто подходили более формально. Если, например, в деле Уилкеса общий

ордер был выдан некоторым высокопоставленным чиновником по указанию короля или в других случаях мог быть выдан самим чиновником из «общих» соображений, то *writ of assistance*, как правило, утверждался *Парламентом*, после чего суд на этом основании выдавал *общий ордер*. Таким образом, *writ of assistance* по-прежнему фактически действовал как общий ордер, он как и раньше не указывал имя подозреваемого и место проведения обыска. Его особенностью было то, что он не имел окончания срока действия, за одним исключением: переставал действовать через шесть месяцев после смерти короля.

В 1760 году англичане заметили, что при росте товарооборота между колониями и Англией ожидаемые таможенные сборы существенно уменьшились. Они определили, что причиной была контрабанда товаров из Вест-Индии. В том же году был усилен «Закон о Навигации», по которому значительно увеличили наказание за контрабанду. С точки зрения Англии это было естественным и законным подтверждением своего суверенитета, но в колониях к английским законам относились все с большим пренебрежением. Нелегальная торговля продолжала процветать, и тому были объективные причины: английские товары в рядом расположенных странах были значительно дешевле. У англичан была с самого начала различная и очень противоречивая таможенная политика в отношении колоний на материке и колоний и стран в Карибском море; они сами создали в американских колониях мощную экономическую заинтересованность в контрабанде.

В том же 1760 умер английский король Георг II.

Как только в декабре новость стала известна в колониях, около 50 бостонских бизнесменов и владельцев кораблей подали в суд с требованием признать общий ордер, выданный умершим королём, недействительным. Протестующих в суде представлял местный адвокат Джеймс Отис. Суд состоялся 23 февраля 1761 года. Отис выступил с «выдающейся 5-ти часовой речью, обличив саму идею общего ордера и несоответствие его основным положениям английского правосудия». Колонисты в суде проиграли по техническим причинам, но там же в суде присутствовал в качестве слушателя простой бостонский адвокат Джон Адамс, будущий второй американский президент. Как когда-то «декабристы разбудили Герцена», так происходившее 23 февраля разбудило Адамса. По его словам, речь Отиса «была искрой, воспламенившей Американскую революцию». В любом случае, эта искра воспламенила самого Адамса, ставшего, без сомнения, главной политической фигурой ранней стадии борьбы за Независимость.

Несмотря на поражение в суде, а до этого незамеченный англичанами местный закон 1756 года, колонисты добились определённых послаблений: англичане в период 1761-67 годов очень редко пользовались общим ордером. Но в 1767 году Парламент, существенно недополучая деньги с колоний, решил раз и навсегда покончить с безобразием. Был утверждён *writ of assistance*, на основании которого *Court of Exchequer*, один из двух главных судов Англии, выдал общий ордер таможенной службе в американских колониях на конфискацию контрабандных товаров и захваченных с контрабандой кораблей. Ордер предписывал оказывать *assistance*, то есть, помощь шерифу и любым другими официальным лицам в исполнении их обязанностей. На основании общего ордера власти могли продолжать производить обыск и конфискации в любом месте в любое время без получения специального ордера с указанием имени и убедительной причины обыска. После этого впервые началась массовая конфискация кораблей колонистов, что вызвало сильное возмущение среди бостонских торговцев. Самая первая массовая политическая кон-

фронтация колонистов — во всяком случае, в районе Массачусетского залива — и Англии произошла как раз из-за данного общего ордера 1767 года и последовавшей конфискации десятка кораблей.

— 3-

Массачусетский Закон 1756 года был первым законом на территории английских колоний в Америке, объявляющий арест, обыск и конфискацию без подписанного судьёй ордера с указанием имени и обоснованной причины *тиранией* королевской власти. Джеймс Отис, избранный после суда 1761 года в Массачусетское законодательное собрание, подготовил, а собрание приняло закон, требующий чтобы специальный *writ of assistance* выдавался «любым судьёй только на основании информации и под присягой офицера таможни, с указанием имени подозреваемого и основания для исполнения». Этот же закон запрещал общий ордер, как не имеющий юридической силы. Губернатор Массачусетса, тем не менее, закон не утвердил, сославшись на его противоречие английскому Общему Праву.

В других штатах с большим вниманием следили за происходящим в Бостоне. Ко времени провозглашения Независимости в 1776 году политической элите в колониях стало понятно, что в общем ордере и в самом существующем праве на необоснованный арест и обыск заключается зло, характерное не только для королевской власти, но *любой* власти. В 1776 году вирджинская Декларация прав запретила общие ордера со следующей формулировкой:

«... что общие ордера (general warrants), по которым любой офицер или чиновник может быть послан обыскать подозреваемые места без свидетельства факта содеянного, или арестовать любого человека, не названного в ордере, или группу людей, не названных в ордере, или чья провинность не определена конкретно и не поддержана свидетельствами — есть вопиющая и деспотическая практика, которая не должна осуществляться».

В 1780 году 14-й параграф массачусетской Декларации прав, написанной Джоном Адамсом и аналогичный вирджинской Декларации, с одним дополнением вошёл в массачусетскую Конституцию. Дополнение было важным. Было добавлена фраза о том, что все обыски должны быть «reasonable», целесообразными, то есть иметь под собой твёрдое основание. К 1784 году восемь штатов имело в своих конституциях специальный параграф, запрещающий общие ордера.

Так была создана предпосылка для Четвертой поправки к американской Конституции.

— 4-

Американская Конституция, предложенная конституционной Конвенцией в сентябре 1787 года, могла вступить в силу только после ратификации девятью штатами из тогда существовавших тринадцати. Предложенный для ратификации текст был тяжёлым компромиссом, который оставил многих участников весьма недовольными тем, что вошло в текст и тем, что в него не вошло. Одним из очень многих поводов для недовольства было решение Конвенции не включить в окончательный текст некий Билль о Правах (Bill of Rights), причём недовольные делегаты под Биллем о Правах (БоП) понимали весьма разные вещи.

Основным делегатом Конвенции, настаивающим на включении БоП в текст Конституции, был представитель Вирджинии Джордж Мейсон, который в своё время написал вирджинскую Декларацию прав. Он требовал включения в Основной документ БоП, защищающий и гарантирующий определённые гражданские свободы. Другой представитель Вирджинии, который вошёл в историю как «отец американской Конституции», Джеймс Мэдисон, будущий американский президент, был категорически против. Его основной аргумент звучал так: если включить в Конституцию защиту некоторых определённых гражданских прав, то будет создано впечатление, что Конституция не защищает все остальные гражданские права и тем самым будет дан ложный посыл юридическим подконституционным актам.

Интересна переписка по этому поводу между Мэдисоном и его ментором Томасом Джефферсоном, в то время Послом во Франции. Джефферсон писал: «Я искренне восхищён... нашей Конституцией. Это отличная канва, на которой необходимо добавить только несколько узоров... Первым из них должен быть Билль о Правах, который требуют многочисленные голоса от севера до юга». Отвечая Джефферсону, Мэдисон признал, что большинство требует включения БоП, но к нему это не относится. Мэдисон был известным скептиком и никогда не верил в «красивые слова» политиков или автоматическую поддержку народом тех или иных даже самых здравых рассуждений. Глядя в суть вещей, он заметил в письме, что без тщательного законодательного сопровождения и не менее тщательного юридического контроля БоП может оказаться *«parchment barrier»*, то есть препятствием, тонким, как пергаментная бумага (это был повтор фразы из 48 статьи сборника «Федералист»), и напомнил Джефферсону, что вирджинская Декларация Прав «нарушалась в каждом случае, когда ей противостояло несогласие народа по какому-либо положению БоП».

После кратких дебатов восторжествовала точка зрения Мэдисона, делегаты большинством голосов проголосовали против предложения Мейсона и на время о БоП забыли.

Но когда настало время ратификации Конституции, то неожиданно выяснилось, что вопрос о включении БоП в текст Конституции во многих штатах приобрёл чуть ли не решающее значение. А среди набора гражданских прав, весьма различных в разных предложениях, опять на первое место вышел вопрос об общем ордере.

«Предположим, что офицер [чиновник] Соединённых Штатов, — писал известный публицист в памфлете для журнала «Maryland Farmer» — должен с применением силы войти в дом — крепость гражданина — с предписанным общим ордера. Являются ли общие ордера незаконными, согласно Конституции США? Я не думаю... Свобода сможет сохраниться в Соединённых Штатах только если строжайший запрет против общих ордеров будет добавлен в Конституцию».

Борьба о включении БоП во время дискуссии на конституционной Конвенции 1787 года развернулась между федералистами, возглавляемыми Гамильтоном, Д. Адамсом и Вашингтоном, и анти-федералистами, во главе которых был Мейсон и несколько известных делегатов из Вирджинии и Массачусетса. Анти-федералисты боялись любого усиления центральной власти и требовали гарантий от тирании федерального правительства. Такие гарантии они видели в БоП. Возражения федералистов заключалось в положении, приведённом Мэдисоном, и в том, чтобы во-

прос о правах граждан, учитывая разные культурные традиции в различных частях Союза, решался на локальном уровне в штатах.

Ко времени ратификации Конституции ситуация обострилась и в ключевых штатах Вирджинии, Нью-Йорке и Массачусетсе анти-федералисты не соглашались голосовать за ратификацию Конституции без гарантированного включения в неё БоП. В результате большинство штатов ратифицировали Конституцию только с условием, что Первый Конгресс обязательно разработает БоП для последующего включения в Основной документ в виде Поправок. Четыре штата дополнительно включили условием ратификации обязательное требование о недопустимости агентами федерального правительства ареста и обыска без строгого обоснования своего действия ^[xi].

Джеймс Мэдисон, подчинившись требованиям анти-федералистов (к которым вскоре примкнёт сам), предложил в Конгрессе двадцать поправок — гарантий гражданских прав и ограничения роли федерального правительства в области «подавления» личных свобод.

Конгресс после рассмотрения сократил список до двенадцати. 25 сентября 1789 года они были переданы штатам для ратификации.

— 5 —

В конце 18 века смена политических предпочтений и политические игры среди американских политических деятелей мало чем отличались от сегодняшнего дня.

В 1787 году, как мы видели, за включение БоП в Конституцию были анти-федералисты, а федералисты были против. Всего через два года интересы партий изменились на противоположные. Ко времени ратификации Поправок федералисты предпочли всячески поддерживать инициативу, в основном, чтобы выбить важный козырь из рук анти-федералистов, которые именно в этом вопросе опирались на большинство избирателей. Анти-федералисты, в свою очередь осознали, что ратификация Поправок ставит крест на их основной цели — добиваться повторной Конституционной конвенции для принятия «лучшей» конституции. Один из новых лидеров анти-федералистов, вирджинец Ричард Ли, организовал среди своих однопартийцев авторитетную группу, которая возражала против БоП на том основании, что он не затрагивает основные требования анти-федералистов — неприятие установления федеральной юриспруденции и федерального налога.

Как считает большинство американских историков, самыми главными дебатами в истории страны были дебаты по ратификации Конституции. Всего через два года, может быть, не с таким накалом все повторилось во время обсуждения и ратификации Поправок к Конституции.

В Википедии по поводу процесса ратификации сказано:

«20 ноября 1789 Нью-Джерси ратифицировал 11 из 12, включая 4-ю. В декабре 1789 — январе 1790 Мэриленд, Северная Каролина и Южная Каролина ратифицировали все 12. В конце января Нью-Гемпшир и Делавэр ратифицировали 11 из 12, включая 4-ю. Дальше дело застопорилось. Коннектикут и Джорджия решили, что в поправках нет необходимости и отказались их ратифицировать вообще. Массачусетс ратифицировал часть поправок, но забыл оформить ратификацию и послать документ в Конгресс. (Эти три штата ратифицировали БоП только в ... 1939 году). К

июню 1790 ещё три штата ратифицировали 11 из 12, включая 4-ю. Вирджиния, обидевшись на всех остальных, решила вообще не рассматривать этот вопрос, но после включения в Союз нового штата Вермонт и после того, как Вермонт в ноябре 1790 ратифицировал все 12 поправок, поменяла своё решение и 15 декабря одобрила все 12.

1 марта 1792 года госсекретарь США Томас Джефферсон объявил об успешной ратификации 10 поправок к Конституции. С тех пор Боп (Bill of Rights), включающий 10 положений (поправок) по защите гражданских прав и ограничению прав федерального правительства, стал органичной частью американской Конституции».

Таким образом, только что рождённая страна получила свой Билль о Правах, смысл и практическое применение которого она будет по-разному интерпретировать всю последующую историю, включая, конечно, и наше время.

Между прочим, комплекс поправок Билля о Правах логичнее было бы назвать Биллем о Запретах. В самом деле, первые восемь поправок говорят только о запрете:

- Первая поправка запрещает правительству вмешиваться в вопросы религии, свободы слова, свободы прессы, свободы собраний и свободы подачи любых жалоб и петиций.
- Вторая — запрещает правительству запрещать наличие оружия у граждан.
- Третья — запрещает в мирное время квартировать армию в частных домах и владениях без согласия владельца.
- Четвертая — запрещает арест и обыск без ордера, выданного судьёй, и в котором нет имени, места и обоснования подлежащего аресту или обыску.
- Пятая — запрещает нарушать строгие правила, которым федеральные власти должны следовать при обвинении подозреваемого в уголовном преступлении. Она устанавливает так называемый *due process of law*, нарушать который даже в мелочах категорически запрещается.
- Шестая — запрещает нарушать определённые права любого гражданина, обвиняемого в уголовном преступлении, в том числе, право на справедливый судебный процесс с обязательным участием адвоката и свободным привлечением свидетелей со стороны обвиняемого.
- Седьмая — повторяет шестую, но для гражданских дел в суде.
- Восьмая — запрещает необоснованные штрафы и запрещает все случаи насилия и пыток со стороны государства по отношению к обвиняемому.

И только Девятая и Десятая относятся к разрешающим, а не запрещающим.

- Девятая — обосновывает сомнения Мэдисона и говорит о том, что включение в Конституцию перечисленных прав не ограничивает любые другие права граждан.
- Десятая — одна из самых важных — утверждает, что полномочия, которые Конституция не передала в ведение Соединённых Штатов и которые не запрещены в штатах, остаются за штатами.

Все знают, что народу нужно (лучше самого народа)

— 1-

Четвертая Поправка (в официальном русском переводе) звучит следующим образом:

Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться. Ни один ордер не должен выдаваться иначе, как при наличии достаточного основания, подтвержденного присягой или торжественным заявлением; при этом ордер должен содержать подробное описание места, подлежащего обыску, лиц или предметов, подлежащих аресту.

Любому, даже начинающему юристу ясно, что в тексте Четвертой есть, по крайней мере, две внутренние проблемы. Первая связана с неопределённостью самого текста.

Четвертая безусловно, и с этим никто не спорит, имеет прямое отношение к любому из миллионов арестов и обысков по уголовным преследованиям и обоснованным подозрениям в отношении правонарушителей. Но к чему в тексте относится слово «необоснованных»? Судя по тексту, только к обыскам и арестам. Если в первой части первого предложения идёт речь об «охране личности», то к этому понятию относится многое, не только обыск и арест в случае уголовного расследования. Можно ли задержать кого-либо для краткого допроса без ареста? Может ли полицейский остановить человека на улице или остановить автомобиль, чтобы проверить документы? Что он должен делать, если при этом водитель пьян или на заднем сидении лежит автомат Калашникова? Обратиться к судье за ордером? А проверки, включая фактически обыск багажа в аэропортах? Проверки в школах на пронос наркотиков? Многочисленные и длительные проверки спортсменов на отсутствие запрещённых препаратов? Слежение за гражданами с помощью видеокамер? Дронов? Спутников? Досмотр сумок при входе во многие здания? Могут ли полицейские в гражданской одежде следить за подозреваемыми? Наконец, разрешает ли Четвертая чтение e-мэйлов и прослушивание телефонных разговоров ни в чем не повинных граждан, что стало известно совсем недавно? И многое-многое другое.

Долгое время, может быть, весь 19-й век и часть 20-го, для того, чтобы придать определённость тексту, юристы разделяли Четвертую на две отдельные части:

- Право граждан на охрану личности, жилища, бумаг и имущества не должно нарушаться.
- Право граждан не подвергаться необоснованным арестам и обыскам не должно нарушаться.

Первая часть поддерживалась в определённой степени моральными обязательствами общества перед гражданами и достаточно противоречивыми и очень многочисленными законами, вторая — меньшим количеством гораздо более строгих законов. Но путаница понятий, вызванная неопределённостью самого текста и его интерпретацией разными школами юристов, привела к тому, что Четвертая на протяжении первых примерно 120 лет была самой часто рассматриваемой поправкой в судах штатов и федеральных судах, включая Верховный Суд (ВС), что не могло не привести к включению в неё все более широких сфер применения. Все стало ещё запутаннее после решению по делу *Mapp v. state Ohio* (1961), в котором

exclusionary rule Четвертой (материалы следствия, изъятые с нарушением Четвертой, не могут быть представлены в суде) связали с *due process* Четырнадцатой поправки. Эта связка, на которой мы не будем останавливаться, вызвала новую лавину судебных исков и ещё более запутала ситуацию.

Но вторая внутренняя проблем была гораздо сложнее.

Что *конкретно* могут и что не могут делать правоохранительные органы [xii]? Чем они обосновывают «обоснованное» не соблюдение Четвертой?

Что важнее — право на частную жизнь или безопасность?

И самый фундаментальный вопрос, выходящий за пределы дискуссии по Четвертой, вставший уже не перед юристами, но всем обществом: кто имеет право на установление баланса (как для общества, так и отдельного гражданина) между свободой и безопасностью? И поскольку Государство в данном случае является как бы очевидным субъектом, с готовностью берущим на себя эту ответственность, то остаётся самый-самый главный вопрос: имеет ли на это Государство моральное, юридическое и конституционное право?

Совершенно ясно и уже английский и американский опыт 18-го столетия показал со всей определённостью, что в Четвертой заключён глубокий конфликт интересов самого общества. С одной стороны, каждый честный американец меньше всего хотел бы видеть повторение необоснованных преследований на основании только подозрений и-или интересов определённых лиц или институтов так или иначе связанных с государством. Поэтому Конституция в Четвертой абсолютно однозначно заявляет, что Она не потеряет практики полицейского государства. С другой, каждый честный американец хотел бы видеть себя защищённым от насилия криминальных элементов, видел в этом главную функцию власти и понимал, что может существовать ситуация, когда интересы государства по защите общества могут не совпадать с интересами отдельных членов общества. Ведь если посмотреть «правде в глаза», то кто чаще всего фактически прибегает к защите Четвертой? Ясно, что в большинстве случаев не самые хорошие люди. Кому она связывает руки? Ясно, что правоохранительным органам, особенно — полиции, находящейся на переднем крае борьбы с преступностью. Кого выпускают из тюрем и кого отпускают из зала суда за технические нарушения Четвертой? За редчайшими исключениями — преступников.

Почти весь конфликт Четвертой заключается в слове «необоснованных» (выделено мной жирным шрифтом в тексте Поправки). Что в таком случае является «обоснованным»? Четвертая всегда, с самого первого дня, представляла из себя дилемму для общества и вызывала острые, я бы сказал — острейшие, споры среди юристов.

Для американских юристов Четвертая представляет уникальный интерес.

Если, например, за весь 19 век Верховный суд ни одного раза не рассматривал дела по Первой поправке, то Четвертая, как я уже говорил, с первых дней существования ВС подвергалась различным, практически непрерывным интерпретациям.

Достаточно быстро утвердилось мнение, что в Поправке нигде не сказано, что правоохранительные органы *всегда* должны получить ордер на арест, подписанный судьёй. Другими словами, согласно сложившимся юридическим представлениям, в Четвертой нет никакого основания на некое *право* гражданина не быть арестованным или подвергнутым обыску без предъявления ордера. К нашему времени, после многочисленных «туда-сюда» интерпретаций в американской юриспруденции выработалось представление о том, что, *возможно*, главным в судебном

рассмотрении дел по Четвертой является понятие «целесообразности» ареста или обыска, то самое дополнение, которое было включено Джоном Адамсом в массачусетский вариант поправки. Судьи при рассмотрении жалоб по Четвертой должны определить, был ли арест или обыск целесообразен без получения предварительного ордера от судьи.

Конечно, понятие целесообразности было, есть и будет понятием интуитивным, в своём практическом понимании зависимым от обстоятельств времени и места. Целесообразность — это всегда попытка соблюсти баланс между интересами человека в защите частной жизни и интересами государства, заинтересованного в эффективности работы всей правоохранительной системы общества. Соответственно, с введением и принятием в судебной практике принципа целесообразности («*Reasonableness Clause*») судьям легче не стало^[xiii].

Тем не менее, на основании принципа целесообразности были разрешены многие «классические» юридические процессы, дошедшие до ВС. основополагающим считается дело «*Соединённые Штаты против Рабиновича*» (и здесь не обошлось без Р.), дело рассматривалось в 1950 году. В решении было сказано: «... необоснованный обыск был запрещён Четвертой поправкой... но основателям Конституции было понятно, что могут иметь место обоснованные обыски, которые не требуют специального ордера». Как же Суд будет знать, когда противоречивое вторжение полиции нарушает Четвертую? В деле Рабиновича ВС ответил на этот вопрос со всей *незамысловатой* прямотой: «Суд должен найти обоснование в фактах и обстоятельствах каждого конкретного дела». Уф, если тебе, читатель, стало что-то понятно, то ты много умнее меня.

Тем более, что *Reasonableness Clause* далеко не единственная интерпретация Четвертой. Есть ещё не менее сильное второе течение в ее интерпретации, основанное на так называемом «*Warant Clause*» или *Warant Preference*. Это направление настаивало на том, что правильное (законное, согласно Четвертой) оформление ордера само по себе является важнейшим положением Четвертой. Оно было разработано судьёй ВС Феликсом Франкфуртером и утверждало, что *Warant Clause* модифицирует *Reasonable Clause* тем, что оно первично, то есть, обоснованный арест и обыск зависит и обусловлен самим фактом законно выписанного ордера!

Этими двумя основными направлениями далеко не ограничивается представление о практическом применении Четвертой, но позвольте привести ещё только одно и на этом остановиться. Третьим, осторожно скажем, мнением, хотя на самом деле — одним из самых популярных направлений, нашедшим своё исполнение в целом ряде решений американских судов, и имевшим широкую поддержку в обществе, является совершенно другой подход к Четвертой. По этому направлению главным является совсем не обоснованность-необоснованность, целесообразность-нецелесообразность, но любой, почти абсолютный запрет на вмешательство государства в частную жизнь... без решения суда или судьи.

Этот принцип можно сформулировать по-другому. Должно ли общество слепо верить — как часто кажется, в своих очевидных собственных интересах — в то, что силы правопорядка, например, полицейские — это люди достойные нашего всяческого уважения, никогда не действующие против интересов общества, всегда лучше нас знающие «что и как надо делать» для нашей защиты? Или общество априори может и обязано видеть в «условных» полицейских некую враждебную стихию, которую надо тщательно контролировать? Конечно, мы все признаем, что полицейский должен действовать быстро и решительно, защищая себя и наши ин-

тересы. Конечно, мы признаем за ним право в определённых случаях применять силу и насильственные акции без соответствующего предписания судьи, но не следует ли при этом одновременно тщательно и постоянно следить, регулировать и жёстко пресекать необоснованную по мнению общества жестокость и некомпетентность?

Вспомним, что отцы-основатели задумывая Конституцию признавали несовершенство человека, признавали, что человеком всегда правят личные, часто корыстные мотивы. Совершенно очевидно, что они не были идеалистами и создали принципы, законы и нормы, лучше всего и наиболее полно отражённые в Конституции, для *неидеального* человека и общества. Разумно предположить, что правоохранительные органы, как частный случай людей у власти, тоже состоят из неидеальных людей. Людей, которым присуща ревность, амбиции, жестокость, корпоративная защита своих интересов в ущерб интересам общества, некомпетентность, в конце концов ^[xiv]. Поэтому, по мнению юристов, придерживающихся «третьего» направления, только самое жёсткое, бескомпромиссное соблюдение Четвертой под непрерывным и эффективным контролем общества может дать суммарную пользу обществу. Даже если в каких-то конкретных случаях именно отсутствие свободы принятия решения правоохранительными органами или ужесточение ограничений в их действии приведёт к отдельным человеческим трагедиям ^[xv].

Даже этих простых примеров и перечисления только трёх направлений мысли и практики юридического сообщества достаточно, чтобы понять всю как теоретическую, так и практическую сложность в применении Четвертой в конкретных делах.

— 2 —

Практическое применение Четвертой на практике относится к одному из самых противоречивых, сложных, меняющихся, неопределённых разделов юридической высшей математики. При этом за 220 с лишним лет ее применения определилось несколько достаточно противоречивых закономерностей.

Первая — это непрерывное расширения положений Четвертой на все большее количество обстоятельств жизни общества.

Вторая — все меньшая защита «права народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества» в первой части Поправки. И все более узкое толкование понятия «необоснованные» во второй части Поправки: почти все стало обоснованным в наше время. Или, вернее будет сказать, бывает обоснованным в течение долгого времени. Иногда — слишком долгого.

С первой закономерностью все более-менее ясно. Принимавшие Четвертую не могли предусмотреть возникновение фотографии, автомобилей и других средств транспорта (которые не могут существовать без жёсткого регулирования, то есть, «ограничения свободы» в сфере безопасности), дактилоскопии и ДНК, телефонии и интернета, телекамер наблюдения и «умных» кредитных карточек со встроенными «чипами», хранящими о нас больше информации, чем знают самые близкие нам люди и так далее и тому подобное ^[xvi].

По мере возникновения и распространения все эти новые обстоятельства окружающей нас жизни повлияли на представления граждан об «охране личности» и их согласования с Четвертой. Очевидно, что во многих случаях население болез-

ненно реагировало на нововведения и видело в них нарушение Четвертой. Юридическое сообщество вынуждено было реагировать на каждый отдельный случай предполагаемого нарушения и из такого реагирования вышли десятки и десятки новых законов и положений. Например, только по вопросу о том, по какому поводу, в каких условиях, на каких основаниях, где, кем и как можно останавливать движущийся автомобиль и что при этом может или не может делать полицейский существует такое количество законов, что они могли бы составить толстый том.

На вторую закономерность также повлияло развитие науки и технологии в 19-20 столетиях, то, что я назвал «меняющимися обстоятельствами жизни», но повлияло по-другому.

С появлением и развитием новых технологий происходила постоянная эрозия защиты граждан от «необоснованного» обыска в пользу интересов правоохранительных органов. Главным в этом, по мнению некоторых юристов, было заметное отставание регулирующих (законодательных) и юридических органов, впрочем, как и всего общества, в понимании последствий развития новых технологий. Без юридических и законодательных ограничений правоохранители имели возможность в полной мере воспользоваться новыми возможностями при отсутствии каких-либо ограничений.

Характерный пример — телефонная прослушка. В 1870-х началось распространение телефонов в Америке, и сразу же возникла система прослушивание телефонных разговоров. Прослушка была запрещена во время Первой мировой из-за предположения, что она может быть использована для шпионажа; после войны некоторые штаты её вообще запретили... для частных лиц и частных агентств, но разрешили федеральным службам «как способ борьбы с нарушителями запрета». Когда одно из дел, поданных против такой практики, дошло до ВС, то Суд в своём решении (*Olmstead v. United States, 1928*) постановил, что «прослушка не означает обыск и в смысле Четвертой не требует судебного гаранта». Первые ограничения на прослушку, которой к тому времени широко пользовались все правоохранительные органы страны, появились только в 1934 году в Законе «О Коммуникациях», принятом американским Конгрессом. К тому времени прослушке уже было 50 лет. Но даже после того, как ВС в 1938 году принял решение (*Nardone v. United States*) о том, что Закон в равной мере относится и к государственным организациям, мало что изменилось на практике и «правоохранительные органы продолжали использовать прослушку без судебного разрешения ещё 30 лет».

Только в 1967 году в деле *Katz v. United States* (опять Кац, ну что у них, право, куда ни кинь — то Рабинович, то Кац), ВС постановил, что «прослушка есть обыск в смысле Четвертой». Прошло 90 лет пока получение судебного гаранта стало юридической *нормой* во всех случаях, связанных с прослушиванием телефонных линий ^[xvii].

Ещё один хрестоматийный случай — программа COINTELPRO, разработанная FBI для слежения за членами компартии, гражданскими активистами и участниками антивоенных протестов. Эта программа широко использовала «жучки» для определения местоположения, передвижения и получения другой информации о ничего не подозревающих гражданах. С 1956 по 1971 годы было проведено более 2000 операций в рамках программы, в том числе для наблюдения над людьми, против которых не было никаких подозрений. Известно, например, что для слежения за Мартином Лютером Кингом было «обжучено» как минимум 16 комнат в различных отелях. Для установления «жучков» никогда не испрашивался судебный га-

ранг. Только через 30 лет использования такой программы и только после скандальных разбирательств в Конгрессе подобная практика была запрещена Законом «Об электронных коммуникациях», как противоречащая Четвертой.

Подобных примеров можно привести много. Здесь и «*pen registers and trap devices*» (желающие могут найти информацию в Гугл), и термальное сканирование домов на предмет поиска домашних ферм марихуаны, DNA анализ, фотографирование с высоким разрешением (возможность увидеть, что происходит *внутри* дома [xviii]), и многое-многое другое.

Представление о том, что вышеописанная практика является вторжением в частную жизнь, очень медленно проникало в судебную практику. Впрочем, как и в сознание граждан. Эти две вещи обычно идут рука об руку. И все же, законодатели и юристы нашли некоторые возможности ограничить — пусть с огромным запаздыванием по времени — аппетиты правоохранительных органов и спасти хотя бы часть традиционного представления о неприкосновенные частной жизни.

Но с возникновением e-мэйл и интернета Четвертая столкнулась с кризисом невиданного до того размера, который перерос в катастрофический после удешевления возможности хранить базы данных в практически неограниченных размерах и практически неограниченное время.

— 3 —

Некоторое время назад я написал статью на тему достаточно близкую к данной.

Статья называлась «**Если вычесть свободу...**». В ней я утверждал необходимость в *мирное время* строгого соблюдения американской Конституции при любых условиях. Даже в условиях очевидного преобладания у населения Соединённых Штатов эмоций и страхов, которые неминуемо появляются в неожиданных обстоятельствах новых и серьёзных угроз безопасности жизни граждан и, как некоторым кажется, угроз существованию американской государственности.

Я пытался показать, что сегодня, впрочем, думаю, что и всегда, американскую нацию, американский народ, удерживает в Союзе только и исключительно *национальное согласие* на соблюдение определённой согласованной отцами-основателями системы жизни страны, записанной ими (чтобы не забыть) в тексте Конституции. Эта система жизни для *этого определённого народа* предполагает:

- первичность и самоценность личной свободы,
- разделение власти с чётко прописанными ее функциями на всех уровнях,
- регулярная выборность власти на всех уровнях,
- жёсткий и постоянный контроль за властью с помощью разработанной системы «сдержек и противовесов».

Эта система ясно указывала на то, что в обществе неидеальных людей не может существовать идеальная власть, и отцы-основатели не могли придумать ничего лучшего, кроме как разработать и предписать самый жёсткий контроль *народа* за деятельностью власти. То, что в облегчённом виде стало известным лозунгом города, в котором я живу: «*Never trust authority*» — никогда не доверяй власти. «Отец» Конституции и будущий президент Джеймс Мэдисон сформулировал это так: «Если бы людьми управляли ангелы, то ни внешнего ни внутреннего контроля за государством не надо было. (*If angels were to govern men, neither external nor internal controls on government would be necessary*)

Ответом на мою статью было серьёзное несогласие с основными тезисами. Несогласие сводилось к следующему:

- За 200+ лет Америка изменилась. То, что было предписано мелкой стране в совершенно других внутренних и внешних обстоятельствах не может быть верным сегодня.

- Ссылаться на высказывания и мнения отцов-основателей сегодня несколько странно, если не сказать — глупо.

- Понятие свободы никогда не было определено и сегодня понимается и принимается обществом не так, как 200+ лет назад. В общем и целом, сегодня свобода для американского гражданина не так актуальна, как раньше. Или, по-другому: сегодня в интересах населения страны обменять существенную часть свободы на безопасность.

- За 200+ лет Америка изменилась.

- Необъявленная война с терроризмом отличается от других войн именно тем, что она не может быть объявленной по определению. По этой причине возможны и необходимы ограничения в конституционной личной свободе граждан, конечно, в интересах самих граждан. В том числе, секретные ограничения, не прошедшие проверку законодателей и суда.

- Жёсткий контроль народа за властью — это химера. Мне было сказано, что «Население нигде и ничего не контролирует. Этого не было никогда и ни в какой стране. Это просто невозможно».

- Правоохранительные органы, прежде всего — органы «госбезопасности» нельзя контролировать, опять таки, по определению. В противном случае они становятся неэффективными. Поэтому им надо прощать некоторые случайно открывшиеся недостатки, в том числе — нарушение Конституции.

- За 200+ лет Америка изменилась.

- «Органы» лучше нас знают, что надо делать. По определению. В том числе, они лучше нас знают, какой уровень свободы нам допустим и достаточен, поэтому им надо прощать некоторые недостатки, в том числе — нарушение Конституции.

- Государственная бюрократия и бюрократия «органов безопасности» отличается от всех других бюрократий тем, что она лучше других. В частности, думает сначала о народе, а потом о себе. Поскольку она днём и ночью только и думает о нашей общей пользе и никогда о своей собственной, то ей надо прощать некоторые недостатки, в том числе — нарушение Конституции.

- За 200+ лет Америка изменилась.... Извините, кажется, я начал повторяться. Впрочем, этот рефрен повторялся и у моих многочисленных критиков.

Прежде чем продолжить расследование Четвертой, позвольте очень коротко ответить оппонентам.

Да, Америка очень изменилась за 200+ лет. Она изменялась с удивительной скоростью в каждом поколении, начиная, как минимум, с поколения отцов-основателей. Наверно, нелегко понять, что само *последовательное утверждение и защита личной свободы*, как первичного блока при строительстве фундамента государства, и привитое с первых дней уважение к Конституции и законам, разработанным на ее основании, как раз и стали главными факторами быстрой изменчивости социальной, экономической, да и политической жизни страны.

Без личной свободы не может быть свободы политической. Без политической не может быть свободы экономической, без которой не может быть развития

и роста благосостояния, во всяком случае, в странах, которые выбрали для себя демократическую политическую систему. Без сочетания и взаимного усиления всех трёх не может быть стабильности в обществе, роста качества жизни и, вместе с тем, ощущения безопасности. Безусловно верно то, что на этом пути хватало всевозможных отклонений и что в американском обществе было, есть и всегда будет значительное количество людей не уважающих законы страны, но не они определяют результирующую вектора развития.

Отцы-основатели не были гениями (возможным исключением по мнению многих историков был Гамильтон), и они очень часто были непоследовательными и противоречивыми в своей деятельности. Многие из них подходят под определение «я бы с ним в разведку не пошёл» — с Джефферсоном я бы не пошёл, это точно. Но это ничего не значит в далёкой — нашей — исторической перспективе. Несмотря на постоянные споры и несогласие в тысячах насущных вопросов своего времени, они пытались создать и смогли создать (конечно, опираясь на созданное предшественниками) определяющую дальнейшее развитие систему ценностей жизни рядовых граждан и уникальную систему организации политической жизни страны. Эти две системы, в отличие от десятков других систем в других странах мира, смогли выстоять в нашем непрерывно меняющемся и враждебном мире в практически неизменённом виде.

Самим своим существованием, тем, что за почти 240 лет после провозглашения Независимости страна, собранная, как лоскутное одеяло, из десятков отдельных микро-государств с различными политическими и культурными традициями, все ещё существует, говорит о том, что фундамент и первоначальная конструкция первого этажа были правильными.

Но построение здания «американское государство» не останавливалось ни на минуту. В каждую их этих минут выбор следующего элемента строительства был результатом споров, общественной дискуссии, удачных или неудачных компромиссов, даже драк — как в случае Гражданской войны: в общем случае — проб и ошибок. Не зря для описания нашей национальной стройки существует расхожая фраза — «американский эксперимент».

Эта экспериментальная стройка, конечно, имела генерального подрядчика — исполнительную ветвь власти, олицетворяемую правительством и президентом.

Люди, нанимающие генподрядчика, были реалистами и предполагали и соглашались на определённое число плохих, «безруких» строителей, неграмотных расчётчиков, бестолковых плановиков, несогласных с генеральным планом подрядчиков, даже на задержку со строительством новых этажей, но с чем эти странные для наблюдателей со стороны люди никогда не соглашались, это на существование прораба, который точно знал, какую перегородку в каком месте нужно установить именно в данную минуту.

Как это ни удивительно, но этих людей не волновала эффективность самого процесса строительства. Им была чужда немецкая методичность и тщательное соблюдение правил строительства, французская любовь к изяществу в деталях, итальянская страсть к идеальной форме здания, английская традиция разделения этажей стройки на аристократические и для всех остальных. В то же время, стройка всегда была под непрерывным контролем заказчика, американского народа в целом. Заказчик же оценивал качество строительства исходя из очень утилитарного взгляда — насколько удобно для души и комфортабельно для тела жить на уже построенных этажах.

Все неизбежные ошибки строительства корректировались последующим ремонтом согласно этим простым требованиям заказчика. Если генподрядчик увлекся строительством никому не нужных завитушек на фасаде, вовремя не адаптировался к новым технологиям строительства или совершал самое страшное преступление — не хотел делать ремонт по первому требованию заказчика, то его просто меняли.

Американский эксперимент, постройка удобного для жизни здания, уникален ещё и тем, что заказчик строительства одновременно и рядовой рабочий на этой стройке. В полном согласии с первой фразой (преамбулой) американской Конституции — *«Мы, народ Соединённых Штатов, в целях образования более совершенного Союза, утверждения правосудия, обеспечения внутреннего спокойствия, организации совместной обороны, содействия общему благосостоянию и обеспечения нам и нашему потомству благ свободы, учреждаем и принимаем эту Конституцию для Соединённых Штатов Америки»*. Обратите внимание на два важнейших постулата преамбулы:

- ... более совершенного Союза,
- ... обеспечения нам и нашему потомству *благ свободы*.

То есть, более совершенный Союз предполагает обязательным условием сохранение благ свободы.

У «благ свободы» есть одно очень простое свойство, исторически данное американскому народу на уровне чуть ли не ощущения или, если сказать более мудро, подсознания.

Дело в том, что построить экономически развитое государство с ростом благосостояния народа можно и не следуя «американскому пути» или даже демократическому пути. Многие страны Юго-Восточной Азии пошли другим, авторитарным путём. Нефтедобывающие страны Персидского залива или гитлеровская Германия тоже добились очевидных успехов, не заморачиваясь идеями демократии. Но только до определённого предела. Как любому механизму для работы нужны определённые степени свободы и зазоры в шарнирах, так и при строительстве государства абсолютно жёсткая конструкция не выдерживает первых серьёзных усилий по ее разрушению.

Когда американцу дают какое-либо задание на работе или когда американский родитель поручает своему дитяти сделать что-то необходимое, то практически всегда звучит фраза «have a fun», получай удовольствие. Это не просто дежурная, ни к чему не обязывающая фраза, но чрезвычайно важный посыл в духе американского представления о благах свободы. Любое дело спориться, любое дело исполняется лучше, если исполнители делают его с удовольствием. В свою очередь, удовольствие нельзя получить под принуждением, при боязни совершить ошибку и быть наказанным. Личная свобода американца, право на «have a fun», право на выбор по собственной инициативе различных «проб» и совершение «ошибок» органично распространяется и на строительство государства, на «американский эксперимент», осуществляемый по принципу «проб и ошибок», на получение удовольствия при строительстве и отсутствия боязни получить наказание за ошибки.

В результате такого подхода здание, возможно, получится не самым совершенным, почти наверняка будет построено с перерасходом «сметы», скорее всего, зазоры в «шарнирах» окажутся не максимально эффективными, но, во-первых, строители получают удовольствие от процесса строительства, и, во-вторых, им будет

приятно жить в здании, построенном собственными руками. *Свободные люди обязательно построят государство, в котором они будут чувствовать себя свободными и счастливыми.* И, может быть, самое главное — уже по этой причине они будут беречь его больше.

Весь опыт строительства американского государства показал чисто утилитарное преимущество «благ свободы». Но «блага свободы» ни в коем случае не даны от бога.

И уж ни в коем случае они не дарованы властью.

Отдельным и чрезвычайно важным для общества остаётся вопрос о контроле власти и, прежде всего, борьбе *против любого произвола, ограничивающего «блага свободы».*

Органичным и присущим власти в любой стране является тенденция усиления власти за счёт ограничения свобод граждан.

Это совершенно ясно понимали отцы-основатели, завещавшие нам постоянный и максимально жёсткий контроль власти [xix]. Любой власти. И реально осуществлять этот контроль кроме как народу в целом — некому. И не только по совершенно ясному положению Конституции на этот счёт, но по существующему уже два с лишним столетия национальному согласию о необходимости защиты свободы против злоупотреблений власти. Неважно, что формально в США существует представительная демократия в республиканской форме, означающая передачу власти избранным представителям. Несмотря на высказанное мнение, что «Жёсткий контроль народа за властью — это химера. Население нигде и ничего не контролирует. Этого не было никогда и ни в какой стране. Это просто невозможно», несмотря на это — контроль народа в США существует и очень действенный, [xx] хотя, конечно, далёкий от идеального, задуманного отцами Республики. Он выражается, среди прочего в:

- чувствительности власти к общественному мнению (обратная связь),
- участия народа в **регулярных** выборах [xxi] (прямая связь) *всех своих представителей* на всех уровнях местной, штатной и федеральной власти (включая большинство судей),
- прямых дискуссиях с представителями власти на так называемых *Town Hall*,
- обязательном утверждении высокопоставленных сотрудников исполнительной власти американскими законодателями — Конгрессом [xxii] и аналогичной практикой на всех нижестоящих уровнях,
- периодической отчётности исполнительной власти перед избирателями на уровне местной власти и высшей исполнительной власти государства перед Конгрессом,
- юридическом преследовании представителей власти, нарушившей общественный (конституционный) договор,
- влиянии свободной прессы, особенно через FOIA — закон о свободном предоставлении информации [любое государственное агентство обязано в определённые короткие сроки предоставить всю возможную информацию, кроме официально обозначенной секретной, в виде письменных документов, e-mail и телефонных переговоров по письменному запросу любого представителя прессы или по запросу общественных организаций и отдельных юридических лиц],
- финансовому контролю нижней палаты Конгресса над расходами исполнительной власти государства и подобной системы на всех более низких уровнях,

- бескомпромиссной конкуренции трёх ветвей власти,
- не менее бескомпромиссной конкуренции борющихся за власть партий.

Только многоуровневый, эффективный и бескомпромиссный контроль власти спасает любую демократическую страну от сползания к диктатуре. При этом я совсем не идеализирую ни «власть народа», ни роль прессы, ни, *тем более*, законодательную власть Конгресса. Их эволюция за последние два столетия далеко не всегда служила превалирующим интересам общества в целом. Фридрих Хайек в своей замечательной книге «Право, законодательство и свобода» показал это со всей убедительностью. Ещё раз — не существует идеального контроля неидеальной власти. Любая из них — исполнительная, законодательная или юридическая, всегда стремится к увеличению своего веса и влияния, но очень важно для американского общества само понимание существующей проблемы и непрекращающаяся борьба как за саму возможность контроля, так и за его эффективность.

В той или иной степени подобные вопросы стоят перед каждой демократической страной. Страны же между собой отличаются не только историей и культурой, но и традицией контроля власти, уровнем эффективности контроля. Что касается последнего, то при всех «заскоках» Соединённым Штатам есть чем гордиться — *регулярная* бескровная смена политической элиты и не только сохранение, но и цивилизованное ^[xxiii] *расширение* личных свобод граждан, является лучшим тому доказательством.

Почти каждое поколение американцев сталкивается со своими конкретными угрозами безопасности и совершенно очевидным желанием обменять часть своей свободы на безопасность. После каждой угрозы, особенно — неожиданной, у общества возникает своеобразная реакция, похожая на внезапную болезнь. Все вокруг представляется в черных красках и кажется, что наступает конец света. Это тоже часть общественного мнения, своеобразная обратная связь, которую все ветви власти не могут и не должны игнорировать.

Естественной, самой очевидной и, возможно, самой лёгкой реакцией власти на новые вызовы безопасности является перераспределение баланса свободы и безопасности граждан в сторону увеличения контролируемой безопасности за счёт уменьшения бесконтрольной свободы.

История же убедительно говорит о том, что надо очень хорошо подумать, прежде чем «обменять свободу на безопасность». Ничего хорошего такой обмен не дал раньше, не похоже, что даст сегодня.

(окончание следует)

Примечания

[1] После неудач первых лет войны Англия к 1763 году смогла добиться существенных военных успехов в борьбе со своими главными европейскими противниками — Испанией и Францией, при этом значительно усилила свое присутствие в Индии и в Северной Америке. В предложенном Георгом III мирном договоре Парламент и два бывших премьер-министра, Пит старший и Ньюкасл, видели неоправданные уступки своим бывшим противникам, потерю многого, завоеванного тяжелыми военными усилиями страны. Простолюдины Англии придерживались того же мнения: однажды карета Георга III подверглась нападению разъяренной толпы, протестующей против заключения мира.

[ii] Цензура в Англии была отменена в 1688 году, но оставались статьи закона «против пасквилей», что было «серой» зоной в юриспруденции.

[iii] Название можно перевести как «Шотландец». В то конкретное время иронию названия и заложенную в нем «подковырку» в отношении короля понимали практически все англичане.

[iv] В русской транскрипции встречается написание Уилкс или Вилкс.

[v] Сами по себе указы короля ничего не значили, они становились «установкой к действию» только после подписи министров. В описываемые времена министров не надо было долго уговаривать.

[vi] Интересно, что подобное требование было в параграфе № 39 Магна Карта!

[vii] В дальнейшем послушный королю Парламент несколько раз лишал Уилкса иммунитета, что позволяло «законно» его арестовывать.

[viii] В тридцать девятом параграфе Магна Карты было записано: «No free man shall be seized or imprisoned, or stripped of his rights or possessions... except by the lawful judgment of his equals or by the law of the land».

[ix] Право должностного лица или государственного органа действовать по собственному усмотрению.

[x] Франклин плохо относился к Уилкесу, считая его демагогом и подстрекателем толпы к бессмысленным антиправительственным выступлениям. Франклин-республиканец был за «интеллигентную», организованную, представительную демократию.

[xi] Вопрос о включении Боп в текст Конституции был только частью борьбы за изменение текста. Так Вирджиния проголосовала за ратификацию с условием, что будут рассмотрены 40 (сорок!) изменений и дополнений, предложенных ее законодательным собранием. Нью-Йорк предложил 23 изменения. Очень многие из главных действующих лиц в политике того времени, например, Патрик Генри и Джордж Клинтон, требовали созыва Второй конституционной конвенции, которая должна была учесть сотни новых предложений. Мэдисон писал в одном из писем, что «секретное желание в их душах заключается в разрушении всей созданной системы».

[xii] В 19-начале 20 века под правоохранительными органами понимали полицию, прокуратуру и суды. «Органы госбезопасности» — FBI, CIA, NSA (включающее 16 отдельных разведывательных организаций) появились позднее. О роли этих «новых» правоохранительных организаций и об их связи с Четвертой я буду говорить в следующих главах, часто называя их «органы» или «органы госбезопасности».

[xiii] Тем более, что юридическая теория определяет «обоснованность» в тексте Четвертой совсем не так как это делает здравый смысл.

[xiv] Некомпетентность и непомерные политические амбиции — бич юристов, работающих в государственных правоохранительных органах, особенно в органах прокуратуры. Существует мнение, что работать «на государство» идут самые интеллектуально слабые выпускники юридических факультетов.

[xv] В этой связи встает интересный вопрос о роли суда и конкретного судьи, как обязательной составляющей законности Четвертой. Очевидно, что Четвертая придает статусу суда (и судьи) по мнению многих юристов слишком высокое значение, может быть, гораздо более высокое, чем просто одной из трех ветвей власти. По Четвертой решение судьи является конечным и необсуждаемым, но судьи, в конце концов, это та же власть со всеми ее встроенными недостатками. Среди судей могут и всегда действительно встречаются не самые достойные люди.

[xvi] Новая неопределенность Четвертой была связана со смартфонами. Сегодня в смартфоне существует практически вся информация об его носителе. Можно ли при обыске без ордера конфисковать такой телефон и воспользоваться информацией из него при подозрении на пре-

ступление? Совсем недавно ВС решил, что нельзя: в смартфоне *слишком* много частной информации не для глаз и ушей правоохранительных органов. В то же время ВС разрешил по-настоящему похожий вопрос о взятии образца ДНК без согласия подозреваемого.

[xvii] И как оказалось, только временной победой Четвертой.

[xviii] Максима «мой дом — моя крепость» в американской юриспруденции распространяется на всю частную собственность домовладельца: дом и его участок, «все, что внутри забора». Телеобъектив с высокой разрешающей способностью дает возможность не только «видеть» происходящее внутри дома через окна, но и следить за человеком вне дома, но внутри границ его собственности.

[xix] Иногда даже люди у власти понимают смысл и обоюдную пользу жесткого контроля. 17 июня 2015 губернатор штата Мэйн, ЛеПэйдж, выступая перед депутатами законодательного собрания штата, сказал, обращаясь к жителям штата: «Жители штата должны понимать, что наше правительство (речь шла о правительстве штата) коррумпировано. Жители штата должны требовать большего от своих представителей». Губернатор, кстати, является главой правительства штата.

[xx] Конечно, не только в США. В той или иной мере, с разной эффективностью он существует во всех демократических странах. Первоначальным образцом и для многих — недостижимым образцом, является Англия.

[xxi] За все время жизни страны система выборов менялась только один раз, и то незначительно: по 17-й Поправке выбор членов Сената стал осуществляться голосованием народа соответствующего штата, а не конгрессменами штата, как до того. Сроки выборов не изменялись ни разу!

[xxii] Некоторых чиновников утверждает нижняя палата, Конгресс, некоторых — верхняя, Сенат. Всего подлежит утверждению около 8 тысяч позиций, включая примерно 800 федеральных судей.

[xxiii] Под понятием «цивилизованное» расширение свобод я понимаю достигнутое в результате длительного и всестороннего обсуждения вопроса, где у каждой стороны была возможность высказать и бороться за свою точку зрения.

Борис Тененбаум

УЧЕТ ВЕКСЕЛЕЙ

В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Главы из новой книги «Израильские войны»

(предыдущие главы см. в №6/2015 и сл.)

I

В свое время, еще до предложений Комиссии лорда Пила о разделе Палестины, Жаботинский говорил, что следует ожидать попытки англичан понизить свои обязательства. И даже приводил пример, ссылаясь на свою юность в дореволюционной России:

"... у нас в Одессе какой-нибудь коммерсант ни за что не признавал, что он банкрот. Но однажды вечером он приглашал своих кредиторов на чаепитие, и предлагал им вернуть его векселя на 30% номинала, и уверял, что это — в общих интересах. И я чувствую, что в Лондоне уже начали кипятить чай ...".

Ну, если продолжить аналогию, то да, действительно: в ноябре 1917 сионисты, включая и самого Жаботинского, смотрели на Декларацию Бальфура как на вексель — только выписанный не безвестным одесским коммерсантом, а Ротшильдом.

По ставшей штампом поговорке, "... над Британской Империей не заходило солнце ..." — она была явлением беспрецедентным, рядом с ней меркли все прочие.

Со времен Рима мир не знал другого столь же грандиозного построения — но Империя британцев превосходила и Рим, ибо правила не только землей, но и морями.

Это даже было отражено в гимне, который по-английски начинался словами: "Правь, Британия, волнами ..." — после чего следовало смелое утверждение, что правление это возгласили ангелы еще с тех пор, как по воле Небес остров Британия поднялся из лазури моря.

Так что если уж Британия в лице лорда Бальфура пообещала евреям создать их национальный очаг, то они обещание это рассматривали как "... вексель банка Ротшильда ...".

Но, увы, и самые крупные банки иногда вынуждены проводить реструктуризацию долгов.

II

Японцы называли Первую мировую войну "... гражданской войной европейцев ..." — и со своей точки зрения были правы. Основные военные действия развернулись в Европе, окончились поражением Германии и Австро-Венгрии, а заодно — и распадом Российской Империи — но и победители оказались до крайности истощены.

Франция буквально потеряла целое поколение, Англия пострадала меньше, но финансы ее были подорваны.

Она была вынуждена так экономить, что не обновляла даже военный флот. К началу 1939 оказалось, что из 12 линейных кораблей, имевшихся в распоряжении Великобритании, только два были построены в 20-е годы — а остальные 10 были ветеранами Первой мировой войны, не прошедшими модернизации.

В докладах Адмиралтейства говорилось, что "... в метрополии нет ни одной военно-морской базы, оборона которой отвечала бы современным требованиям ..." — а между тем угроза новой войны становилась все более и более отчетливой.

Мюнхенское соглашение 1938 года рухнуло, и в этих условиях Великобритании следовало направить все свое внимание на подготовку к новой войне в Европе.

Из этого проистекала необходимость поддержания "... спокойствия в колониях ...". Ну, а если не полного спокойствия, то хотя бы максимально возможного.

В этом виделась абсолютная неизбежность.

III

Так называемая Конференция круглого стола между арабами и евреями состоялась в Лондоне в феврале 1939 — но ее ход можно было предсказать заранее, еще в декабре 1938.

Именно в этом месяце прошение Сионистской организации к британским властям о внеочередном допуске 10 тысяч еврейских детей из центральной Европы в Палестину было отклонено.

Резкое ограничение еврейской иммиграции было твердым требованием всех арабских делегатов — и недавних мятежников, возвращенных из ссылки членов Верховного арабского комитета Палестины, и Абдуллы, эмира Трансиордании, и Нури Саида, виднейшего политического деятеля Ирака, и принца Фейсала из Саудовской Аравии, и представителей правительства Египта.

В еврейской делегации главными людьми были трое — доктор Хаим Вейцман, Давид Бен-Гурион, и лорд Ридинг — бывший вице-король Индии, он был одним из наиболее уважаемых членов еврейской общины Великобритании [1].

Конференция началась с того, что арабская делегация отказалась сидеть за одним столом с еврейской делегацией. И даже более того — отказалась находиться с евреями в одной комнате.

Так что с самого начала дискуссия разделилась: стороны находились в двух разных залах, и говорили не друг с другом, а с английскими посредниками.

Ну, и дальше конференция шла по той же колее.

Еврейскую точку зрения изложил доктор Вейцман. Он сказал, что понимает озабоченность арабских представителей тем, что новые иммигранты превьсят "... экономическую емкость Палестины ...", но заверил их, что этого не произойдет, и что положение арабов в Святой Земле ничуть не ухудшится, а даже изменится к лучшему. А правительство Великобритании он просил не сокращать иммиграцию в тот "... черный день ...", который пришел к евреям центральной Европы.

От арабов выступал Джамал ал-Хуссейни, близкий родственник Амина ал-Хуссейни, муфтия Иерусалима.

Ну, и он сказал, что речь, собственно, может идти только о том, что Палестина получает, наконец, независимость, ее будущее правительство само решит все во-

[1] Движение, возглавляемое Жаботинским, с Англией больше не сотрудничало, и приглашения не получило.

просы, связанные с присутствием в стране всяких там еврейских чужаков. А в обмен на согласие Великобритании на такое урегулирование будущее правительство пообещает в разумной мере учесть "... интересы Англии в сфере безопасности ...".

Заявление делалось по всем правилам торговли на восточном базаре — запрос на порядок превышал ожидания продавца.

На этом конференция и прервалась.

IV

Всю следующую неделю Малколм Макдональд, министр колоний Великобритании, выкручивал руки еврейской делегации, настаивая на том, чтобы она согласилась на прекращении иммиграции в Палестину. А в ответ на отказ говорил, что коли так, то Англия может и согласиться на арабский запрос, и оставить ишув без британской защиты.

Эта угроза была подкреплена тем, что Невилл Чемберлен, английский премьер, сообщил прессе, что Правительство Его Величества в принципе готово принять идею независимой Палестины — с демократической формой правления и с "... законодательным собранием, избранным на пропорциональной основе ...".

На практике это означало, что законы в Палестине будут приниматься при гарантированном арабском большинстве в две трети голосов, а что такое полиция, набранная на основе пропорционального представительства, евреи помнили со времен хевронской резни.

В последней попытке "... добиться согласия сторон ..." министр колоний известил еврейскую делегацию, что ее отказ на ограничение иммиграции ведет только к ужесточению переговорной позиции арабов, создает трудности британской администрации, и тем самым ведет к усилению антисемитизма в самой Англии. Чего, добавлял министр, "... не может желать ни один истинный друг еврейской общины ...".

Убедить евреев согласиться на закрытие Британской Палестины для мечущихся в поисках спасения беженцев из Германии министру не удалось. Но, как оказалось, на его "... компромиссные предложения ..." не согласились и арабы.

В итоге Правительство Его Величества приняло решение самостоятельно.

Было объявлено, что в течение следующих 10 лет Палестина получит независимость. Еврейская община сохраняет право принимать иммигрантов, но в количестве не больше 10 тысяч человек в год в течение 5 лет. Впрочем, еще 25 тысяч могут въехать по дополнительной квоте — но продажа земли евреям запрещается, немедленно, начиная с момента принятия Белой Книги 1939 года.

Книга была принята 17 мая. Она, в сущности, отменяла Декларацию Бальфура. Жаботинский, говоря о "... возможном понижении обязательств ...", оказался просто безудержным оптимистом.

Англия не понизила свой вексель — она его порвала.

По всей еврейской Палестине прошли отчаянные демонстрации протеста. Но это ничего не изменило — а 1-го сентября 1939 года Германия начала вторжение в Польшу, и это изменило все.

Началась Вторая мировая война.

Ася Лapidус

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

"Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
не по плечу одному"

Давно, усталый раб, замыслил побег ...

А.С. Пушкин

*...сперва опрыскивают мертвой водой, а потом живой.
Мертвая вода как бы добывает, превращает его в оконча-
тельного мертвеца. Это своего рода погребальный обряд...
теперь он — настоящий умерший, а не существо, витаю-
щее между двумя мирами ... Только теперь, после окропле-
ния мертвой водой ... живая вода будет действовать ...*

В.Я. Пропп

Американский госпиталь — так он назывался в нашей свежемигрантской среде — с нескрываемой уважительно-почтительной серьезностью. Насколько мне помнится, помещался он в довольно скромном современном здании на той стороне Тибра, невзначай заблудившись — пугалом посреди василькового поля — в путанице старинного еврейского квартала — с отчетливым привкусом средневековья. Вот там при иммиграционном медосмотре я и узнала, что беременна. Значит, жизнь идет своим чередом — продолжается, хотя казалось — она закончилась предрасветным утром 17 февраля 1981-го, когда мы с тяжелыми чемоданами — молча, в полной темноте — пешим ходом, наощупь по ступенькам спускались с девятого этажа. Впрочем, чемоданы тащили Лева Пономарев на пару с Тарасовым — провожали нас с мамой на тот свет. По поводу нашей отходной — а может, и по другой причине — в доме отключили все — отопление, электричество, воду. И без того было мучительно не продохнуть — этой ночью неожиданно умерла добрая наша соседка — Лидия Викторовна Мазырина, до последней минуты своего 96-летия не растерявшая ни здравомыслия живого природного ума, ни строгой балетной стройности — ушла скоростижно — внезапная смерть бесцеремонно унесла ее аккуратно перед самым нашим отъездом. Такое вот вышло прощание...

Ах, кабы знала я, кабы ведала — да откуда было мне знать наперед, что для меня это не конец, а начало — для моего же воскрешения-возрождения — перво-наперво безжалостно окропить водой мертвой и только уже потом — живой. Но до живой воды надо было еще дотянуть — далеко было до живой воды.

А началось все 10 лет назад — в 71-ом с первых недозволенных мыслей об эмиграции. Как-то встретила я в метро Лену Горлину — они с Ромой Рутманом были еврейскими диссидентами — книжки у них водились разные, и разговоры велись — тоже разные, и про отъезд в том числе — но как-то теоретически. А тут оглушила — собираемся в Израиль.

Когда пришла домой — сразу все, что узнала про отъезд, и выложила. Неожиданно родители отнеслись к моему сообщению — всерьез и с интересом. Долго судили-рядили. Папа тогда сказал — если ехать, то в Америку — да кто меня

там лечить будет, а в Израиль я не хочу. В Израиль — тогда еще в Палестину в незапамятные времена передовым отрядом отправилась целая когорть самарских друзей и знакомых-сионистов — оппонентов дедушки-бундовца. След их затерялся. Зато с американскими родственниками эпистолярная связь практически не прекращалась, а с оттепелью заметно оживилась, но и тогда все-таки не без опасений. Кое-кто из Америки даже навещался к нам. Конечно, мы ни звука — никаких политических разговоров — ни-ни — с осторожностью и с некоторым, я бы даже сказала, безоглядным ужасом — но окно в мир манило и звало, а уж советская-то власть осточертела хуже горькой редьки.

Но двигаться куда бы то ни было — было невозможно — папа тяжело болел — сказывалась отсидка, лагерь, война, безработица — чего уж говорить — бесправие вряд ли идет на пользу здоровью и долголетию — уже в октябре 71-го — его не стало. Осиротели мы с мамой — не до отъезда. Но когда в 76-м эмигрировала в Израиль моя двоюродная сестра Ира — со всею капеллой — с мужем Владиком, мальчиками Женей и Мишкой, мамой — дорогой моей Соней — и еще с ворохом друзей — владикиных поделщиков, разговоры об отъезде возобновились всерьез, и в 78-ом получили мы с мамой от них долгожданный вызов.

Мама осторожничала — еще до подачи документов, по ее категорическому требованию, я списалась с американскими родственниками, которые отнеслись к идее нашей эмиграции с решительным энтузиазмом. Эвелина — дочь папиного двоюродного брата — начала активные хлопоты. Когда в госдепартаменте ей отказали по ее запросу принять меня, минуя израильский вариант — они сослались на дальность родства, но это не остановило ее — она списалась с конгрессменом — тот обещал помочь — позже я своими глазами видела его ответ на ее письмо. Но об этом я узнала годы спустя, по приезду в Америку.

Ну, а пока — дело наше пошло-поехало по накатанному маршруту — документы, ОВИР — все, как обычно. Из ИТЭФа уволилась, предварительно пристроившись внештатным переводчиком — надо было зарабатывать на прожитие. Там для оформления требовалась справка с работы — вот я ее им и предоставила, и тут же ушла из родного ИТЭФа, где проработала добрый десяток лет. Кстати, я наивно пыталась устроиться на любую должность в любом самом неприязнительном месте — лишь бы взяли — какое там — пятый пункт работал без перебоев.

По увольнении прошла, как положено, через небезызвестную бюрократическую мясорубку — бухгалтерия, отдел кадров, даже подпись директора потребовали. Друзья-коллеги помогли всем, чем могли, а Карен Аветович — милый Тер-Мартirosян — принял самое доброе участие. Перед увольнением я ему все, как на духу — он в долгу не остался и по-свойски так, как только он умел — а на дворе, между прочим, 78-й — не такой уж вегетарианский год — скороговоркой и как бы невзначай:

— Ася — да вы с ума сошли — женщина — одна, и в такую даль — лучше уж в Израиль, все-таки поближе, и знакомые у меня там. Во всяком случае, если сорвется что-то, мы вас не оставим, а если надо, то и обратно возьмем...

Он ошибался — я была не одна, а с мамой, и обратно — калачом уже не заманишь, хотя кто знает — всякое могло сложиться... Он очень поддержал меня — ведь это он сломал злостное сопротивление и бухгалтерии, и отдела кадров — так что там обошлось без особого кровопролития.

Зато Чувило — директор Института Теоретической и Экспериментальной Физики — аккуратно отправлявшийся в научную командировку в Америку — попил

кровушки, как умел — не желал визировать богопротивный документ, не помню уж какого содержания — помню только, что директорская подпись требовалась категорически — а он ни в какую — нуловим. Спасибо теоретической секретарше Нине Семеновне, подкараулившей сановного Чувило и конспиративно запустившей меня к нему в кабинет, где он, как водится, изрядно помытарил меня — в директорском кабинете нас трое — третьим — умелец, в последнюю минуту починающий начальству заморский калькулятор. А начальство, игнорируя мое присутствие, брезгливо отодвигает щекошливую бумагу, и обращаясь только к мастеровому, красочно описывает мое вероломство — подчеркнуто в безличном множественном числе — *они*. Дремучая шевелюра директора кажется невзаправдошной, упитанное простоватое лицо чисто выбрито и красно — то ли загаром, то ли гипертонией, то ли врожденным окрасом — директорское это лицо не выражает ничего, и от безразличности негромкого глухого его голоса — мне по-настоящему страшно. Но, слава тебе, господи — все-таки подписал.

Обещанного три года ждут, впрочем, нам никто ничего не обещал, да и ждали мы меньше. Переводила — денно и нощно за пишущей машинкой — и не угодить — редакторша изводит меня придирками — недовольна моим русским языком, а точнее — я ей просто не нравлюсь, скорее всего пятым пунктом. Это Ира — подруга моя дорогая — бессменный научный редактор издательства Мир просветила меня на этот счет:

Если бы у меня были такие добросовестные переводчики, я бы горюшка не знала, а твоя просто вредничает — не любит вашего брата.

И впрямь, как в воду глядела. Мучила меня редакторша, как только могла — да ее воля — хозяин — барин. Зато я научилась безжалостно редактировать собственный текст, и самое главное — печатать на пишущей машинке почти без ошибок. В конце концов — нашла она на меня управу — потребовала справки с работы, а какая справка — я уже больше двух лет, как безработная. И опять Ира:

Не печалься — я за тебя оформлюсь, ко мне она придираться не будет, так что переводить ты будешь нуще прежнего.

Казалось бы, сказано — сделано, но не успели — неожиданно-негаданно позвонила тетка из ОВИРа — пришло разрешение на отъезд. Конечно, я ей не поверила — решила — дурацкий розыгрыш и шмякнулала трубкой. Но она терпеливо перезвонила — видать, не одна я такая недоверчивая — и снисходительно разобьяснила — высочайшее соизволение санкционировано. Итак — конец - делу венец. А дел выдалось невпроворот.

Советская власть мстила по мелочам. Когда отказывалась от гражданства — обсчитали меня на 25 рублей — по тем временам для меня деньги немалые. А уж про эпопею сдачи багажа вспоминать просто страшно — таможенник — говори, еврей — в очках, вполне интеллигентного вида, так что я было обрадовалась — вдруг как гаркнет:

Встать! Именем Советского Союза...

Это изъяли из багажа старый, выдавший лучшие времена бабушкин никелированный поднос — мы его преданно ежегодно никелировали, чтобы был, как новенький — память о маминной маме — бабушке Гене — несмотря на мои протесты, мама все-таки умудрилась упаковать его. Ну, думаю, сейчас арестуют — не арестовали, зато вместо меня арестовали сахарницу по причине, как выяснилось, ее незаконного польского происхождения:

А крышка от сахарницы пусть едет, — глумливо разрешил очкастый интеллигент.

На прощанье он мне — неожиданно (привожу дословно):

— Вы меня, наверно, презираете...

— Я? Вас?! Никогда...! — отвела душеньку — уж как водится — фигой в кармане.

Спасибо дорогим моим друзьям — поддержали-помогли, снаряжали с той степенью сердечной заботливости, которой чревата старая дружба на пороге вечной разлуки — боль безнадежно невозвратимой утраты ощущалась на каждом шагу — никто тогда не мог предположить, что когда-нибудь свидимся.

В предотъездном утаре я соображала кое-как, точнее не соображала совсем — еще бы — обвал — кошмар наяву. Между тем, от прежней жизни не осталось и следа, можно сказать, в одночасье — пустота и глушь — погром. Пианино — Татке, все остальное — безжалостно на продажу. Покупщики набросились на наш нехитрый скарб — что мухи на помойку. А мы — как все — никуда не денешься — по общему эмигрантскому распорядку разменяли наш обиход на миклухо-маклаевскую дребедень, как будто собирались не в Америку через Европу, а в путешествие к дикарям-каннибалам в дистрикты джунглей.

Вырученных денег оказалось и много и мало. Кооперативная квартира наша ушла на обмен валюты. Алик Ш. — перебравшись в Америку — поменял нам рубли на доллары — один к пяти — тогда это было грабительским курсом — хотя понять его можно — старался для брата-отказника в Новосибирске. Так что в Нью-Йорке нас ожидало сказочное богатство аж в 500 долларов.

Трат оказалось выше головы — но огромная сумма в 600 рублей за мои переводы так и осталась на сберегательной книжке невостребованной — даром, что оставила Ире генеральную доверенность — бывают же словеса чеканно-чванного канцелярита — произнести без трепета невозможно. Ира даже в самые трудные времена щепетильно не тронула ни копейки — и подневольным трудом заработанные деньги обесценились в горбачевско-ельцинскую девальвацию до нуля.

Бедная мама — письма, документы, папины рукописи, просто записки — ушли в огонь — наняла дворника — все сжег — пепел по ветру. В семьдесят лет расстаться с нажитым, чтобы в крошечной неизвестности начинать с нуля — она мужественно не проронила и слезинки. А я не просыхала. Ожидание разрешения длилось так долго, что стало образом жизни, привычным уютом. А тут обрыв — раз и навсегда — господи, спаси и помилуй — злейшему врагу не пожелаешь такого.

В аэропорту девушки-красавицы таможенницы, как водится, разворотили чемоданы, отобрали мамнины часы — папин подарок — оказываются — не декларированная цепочка драгоценно-серебряная, а мы и не знали, зато теперь узнали, еще вместе с часами сняли прямо с маминой руки бабушкины памятное обручальное кольцо — тяжелое слишком, и тут же, не церемонясь, давай примерять мои незатейливые украшения — тонкий серебряный браслет погнулся, но не налезал ни в какую — я отвернулась.

— *Ты чего держишь руки в карманах?*

— *Бомба у меня там, — не выдержала я.*

В кармане у меня лежал крохотный кристаллик горного хрустала на память от Левы Пономарева, я крепко сжимала его — чтобы хоть как-то успокоиться.

— *Захотела на гинекологический досмотр?*

И повели. Заставили было снять башмаки, но отвлеклись на что-то более интересное — и отпустили. Они заметно скучали, но тем не менее успевали получить всю совокупность садистического удовольствия — ни дать ни взять СС-овские барышни. Развязные возбужденные разговоры их на прибалтийском наречии застревали в ушах.

Последнее прощание. Как у Антониони, через стекло. Сердце зашло — навсегда.

И наконец, самое последнее. Солдатик рассматривает — читает наши пропускные бумаги — долго — мучительно долго — мы уже опаздываем, но он не спешит — тянет время. Молодой такой солдатик — не обстрелянный — но неукоснительный.

Всё — бегом к самолету. У меня в спешке вывалились сережки из ушей — грошовые, а жалко — память как-никак.

Успели. Самолет поднимается — прощайте — прощайте... — из-за слез ничего не вижу — плачет душа — надывается, сейчас выпрыгнет вон. Направо от нас чуть позади какой-то шумок — кто-то обращается к маме:

— *Что случилось?* —

Ответа ее я не слышу, они о чем-то говорят — и вдруг через мою-глухоту-слепоту:

— *Не надо плакать — вас ждет благополучная жизнь — вот увидите...*

У нас знакомые уехали и не нарадуются...

Кто же эти люди — откуда у них эта сочувствующая доброта — компатриоты-эмигранты? А вот и нет. Делегация советских рабочих-станочников-машиностроителей летит с нами в самолете в Вену — они с мамой через проход тихонечко так переговариваются — утешают — благожелательно-участливо. Забегая вперед скажу, что до самой Америки — до встречи-знакомства с Турчинными соотечественники не одаривали нас подобной душевностью.

Приносят еду. И я оживаю. Международный рейс — черная икра и курочка. Очень кстати — оказывается, мы зверски голодны. Курочка — незабываема — никогда такой не едала — с голодухи или на нервной почве, или и впрямь всем курам курица — не знаю.

А как прилетели — не помню. Помню только большой автобус, на котором подъезжаем к просторному угрюмому зданию-дворцу — впрочем, из окна не особо различимому, но хмурая призрачная мрачность его подавляет отчетливо. Откуда-то сзади детский звонкий голос:

— *Мама, это тюрьма?*

Коридоры, коридоры, коридоры... Огромная комната с полами. Спать будем поэтажно — мама на первом, я на втором этаже. Что-то в этом невыносимое. Мы, как сельди в бочке. Хочется вон. Спасение — душевая. Громадная. Пар коромыслом. Обширно-плебейские толстомясые уборщицы зычно перекликаются, перекрывая воздушное пространство грубым криком и мужиковатой неукротимой плотью. Они нас откровенно ненавидят — как тут не вспомнить обаятельно-венское происхождение незабвенного фюрера. Оказалось, вышла ошибочка — громогласные уборщицы — югославки, но туда же — отнюдь не филосемитки.

Обедать-обедать-обедать! Благоговейно-почтительный подобострастный шепоток — кошерная еда аж из Израиля — можете себе представить. В Израиль почти никто не собирается, но все мы здесь так или иначе благодаря братьям-ев-

реям — оттуда, из — страны-страны далекой — под древним названием из древних молитв. Это понимают все — тем более что сохнутувская команда, принимающая нас здесь — израильская.

Но какой-то сбой происходит — между израильтянами и теми, кто отправляются в другие страны. Вот и мы — в Америку. Не могу сказать, что представитель из Сохнута — выяснявший — кто куда — дал нам понять, что наше решение злокачественно — отнюдь — усталый, но улыбочивый, он вполне доброжелательно пожелал нам удач — почему-то в Бруклине. Мы его послушались — как приехали, поселились угол Kings Highway и Ocean Parkway именно в Бруклине.

Между тем, нам даже позволили бесплатно позвонить по телефону — в любое место на земном шаре. Когда подошла моя очередь, я попросила — не очень слышным, но очень просительным голосом — Нью-Йорк, пожалуйста. На эти мои негромкие слова милая сохнутувская барышня почему-то прореагировала, как на гремучую в 20 жал змею двухметроворостую — так что даже телефонной связи с Нью-Йорком у нее для меня не получилось. Она отчаянно вскипела:

— *Ах ты жидовская морда!*

Вот это да! Ни от кого, нигде, никогда — ни до, ни после — я этого не слышала. Меня это просто оглушило-оглушило — по сю пору сама себе не верю — да из песни слова не выкинешь.

Я пошла правдоискательствовать. Нашла кого-то из начальства — маленький и, как мне показалось — энергичный, хотя совсем не молодой человек. Я ему жаловаться, а он мне:

— *Вам это показалось.*

— *Да нет же...*

— *Показалось!*

— *Нет — что вы...*

— *Показалось!*

Все. Я промолчала — в ответ все-таки позволила себе его безжалостно рассмотреть — плюгавый человечек из мало интересного племени мелких канцелярских крыс — никакой справедливости от него не жди. Позже уже в Нью-Йорке перед новоприбывшими выступал в *NYANA* примерно такой же мелкотравчатый чинуша. На малограмотном языке с карикатурно утрированным, казалось бы, нарочито антисемитским акцентом он предупредил сидевшую перед ним заметно более образованную, но тем не менее уважительно пригихшую аудиторию — ни в коем случае не рассчитывать на бесплатную курочку, на которую — натурально или фигурально — по тем временам никто и не рассчитывал. В зале затаилась неловкость — никто не предполагал оказания подобного приема. Тут приумолкшая было мама мне тихонько и скажи:

— *Почему он с нами так разговаривает — он что — отказывает нам в помощи? А вообще-то, если хочешь знать, в еврейской общине всегда была традиция благотворительности, и на праздники курочка была на столе у каждого бедняка — я это хорошо помню. Что-то он не то говорит.*

То или не то, а неприятный осадок остался. Зато мы кое-что узнали — о времени и о себе и еще, возможно, о королях и капусте, а как поется в пионерской песне — все, что мы узнаем, на пользу нам идет.

Но вернемся к венскому обеду. Трапеза — иначе не назовешь. Длиннющий красиво накрытый парадный стол. Бесчисленная перемена блюд — еда — отменно вкусная. А кругом люди - соотечественники-единомышленники — компатриоты. Не знаю почему — лиц не различаю. Устала — сил моих нет — от слез, от неизвестности и еще — совершенно неожиданно — от непонятно откуда взявшейся чужеродности.

Но сюрприз. В невнятной сумятице коридоров знакомое лицо — Митя К. Бросилась к нему, как к родному. Ему не до меня — жена рождает на австрийской земле. Он нервничает — курит, как паровоз — просит, нет ли сигарет. Есть — мне Ира аккуратно перед отъездом купила по случаю каких-то особенных заграничных сигарет на продажу — все перед отъездом рассчитывают на грошовую коммерцию, и мы туда же — валюты дают с гулькин нос, а без денег в чужой стране... — вот все и надеются на диком западе расторгнуться — разумеется, по мелочам — но об этом потом. Я безоговорочно тут же сбегала и принесла ему этих самых сигарет — он у меня их все и выкурил — не сразу — со временем, так что мне — считай, повезло — не пришлось стоять на углу, как сиротке из песенного репертуара сестер Бэрри.

Я знала Митю еще по Москве — нас свел отъезд, точнее Сеф — родственник митиной жены — был такой поэт, с которым муж моей двоюродной сестры — тогда еще совсем юный Владик познакомился на этапе. Зэкowska юношеская дружба не вянет с годами, и когда мы собрались уезжать, Владик препоручил нас Сефу.

Подобно всем или почти всем, нам с мамой хотелось взять с собой наши семейные реликвии — дело житейское. Но не тут-то было — казна распорядилась иначе — ни одного писанного слова — и ничего до 48-го года. А у нас еще и наследство от бабушки Пелты — папиной мамы — летом 56-го она приехала из Самары в Москву с огромным потертым черным кожаным ридикулем, содержащим это самое наследство — старинное столовое серебро. Как она это довезла — не знаю, ей было уже за 80, и один только половник весил больше полкило. Но благодаря бабушкиному подвигу по перетаскиванию тяжестей, мы в нашем скромном быту пользовались исключительно старинными столовыми приборами — ели, как говорится, на серебре.

Все это наше имение, не подлежащее легальности, Сеф взялся переправить через жену свою Ариэлу — нежно называющего мужа Поросюшей — некое сходство хоть и было, но чисто внешнее, впрочем, это их дела, к тому же говорят, это было его прозвищем. Сама Ариэла с резкими чертами лица, трубным голосом и бесцеремонными хватками — казалась злокой. Литовско-израильская репатриантка и парижская жительница, она свободно курсировала через железный занавес. Почему у нее была такая свобода, оставалось только догадываться, и я конечно, догадалась, но помалкивала — благодетелей не судят. Впрочем, она нас и не благодетельствовала — все, что с возу упало в ее руки, то и пропало.

Ариэла не щадила просителей — по крайней мере, меня. Бывало, приду — проведет меня в темную комнату и исчезнет в недрах квартиры — свет зажечь не решаюсь — жду терпеливо долго, а потом — выясняется, что принять меня она не сможет — ушла, даром, что я заранее договорилась с нею о встрече. Когда уже после нашего отъезда, исполненная решимостью в борьбе за справедливость, верный и милосердный друг мой Ира взяла на себя нелегкий труд забрать у Ариэлы хотя бы что-то из наших вещей, та приняла ее, в постели тетешкаясь с собачкой — и непонятно почему по-барски выговаривая ей с той степенью издевательской досадливости и грубой брезгливости, которая Ире была просто пугающе незнакома.

Кое-что бесстрашной подружке моей удалось возвратить — не за себя ведь хлопотала — но далеко не все, конечно.

Впрочем, мне думается, что к Максиму Шостаковичу, Ариэла отнеслась несколько иначе. По воле случая перед самым нашим (и его) отъездом мы с мамой встретились с ним у Сефов. Ариэла светилась приветливостью. Максим мгновенно на меня отреагировал — мама, конечно, растаяла и совершенно напрасно — Дон Жуан — он Дон Жуан и есть — московского ли уезда, нью-йоркского или парижского — дела это не меняет, ну, а любезность Ариэлы могла обмануть только мамину наивность.

Но вернемся к Миге К. Митя тоже был в подаче, и организовал группу по изучению английского языка — не знаю — платную или бесплатную — с меня денег не брал — английский у меня был более или менее свободный — я многие годы задолго до всяких мыслей об эмиграции занималась разговорным языком с лучшей на свете Мартой Наумовной Голуб — музыкантом и композитором. Она родилась в Нью-Йорке, восемнадцати лет в самом конце 20-ых годов репатрировалась с родителями в Союз — и застряла навсегда. Уроки ее были большой привилегией — удовольствием, которое я вполне могла позволить себе — практически они были бесплатными — так что моя нерегулярная репетиторская деятельность по математике покрывала их с лихвой. Занимались мы с ней еженедельно — с грамотностью у меня был полный порядок — читать-писать, да и говорить — в общем — сколько угодно, но хотелось владеть языком, вот мы с нею и разговаривали — обо всем на свете — от Фолкнера до политических передраг — нынешних, прошлых и будущих. К сожалению, я не успела с ней толком попрощаться — сказала только по телефону, что получила разрешение, но в суматохе отъезда так и не выбралась к ней.

К Миге на занятия я ходила, не сказать, что систематически — бывало, что просиживала за пишущей машинкой и выбраться не могла. Все та же Ира — родная душа — дала мне на неограниченный срок замечательную английскую книжку-разговорник с магнитофонными записями. Я принесла ее к Миге — показать. Он попросил оставить на пару дней, чтобы сделать копию — разумеется, Ира позволила. Книгу Митя не вернул — сказал, что пропала.

— *Как пропала?*

— *Пропала.*

Митя немногословен, а я в ужасе — где такую взять — достать ведь невозможно — что я Ире скажу. А Ира — благородная душа — только рассмеялась:

— *Как-нибудь переживу. Не горюй.*

Так что с Мигей случился перебой. А теперь я радостно курю с ним трубку мира. Вот как бывает на свете.

Все дороги, как известно, ведут в Рим. Вот имы с Мигей, Тусей и их теперь уже двумя мальчиками, включая новорожденного, свиделись, ну, не совсем в Риме — в Ладисполи — римском предместье, хотя сначала все-таки в Риме. Но об этом потом.

По прихотливости зыбучей памяти ночного переезда из Вены в Рим не запомнила — помню только бессонную ночь в поезде. Первое римское впечатление — улица под названием XX сентября — дата объединения Италии и мамин день рождения — маме будет 71, а Италии — 110.

Pensione Sant'Andrea — так, по-моему, называлось наше убежище. Высокая тяжелая деревянная дверь непривычного элегантно-заграничного покроя. За две-

рю сумеречно, мы стоим в подслеповой темноте у решетчатого лифта — направо уходит вверх витая кованая — старинной выделки лестница — похоже, нескончаемая, с высоченными пролетами. Лифт не работает, и мы ждем, когда его включат. Наконец, включают, и лифт неуверенно замедленно приползает-причаливает — но нас отгесняют-отталкивают. Что делать — непонятно — не говоря уже о поклаже — маме ни за что не подняться пешком.

Не знаю, как добрались наверх — и как назло, снова вниз — обедать. Толстые, тяжелые желтые макароны, подкрашенные розовато-оранжевым, совершенно не лезут в глотку, хотя есть хочется отчаянно.

Хочется есть, хочется спать, а главное — просто необходимо смыть дорожную усталость и сердечную боль-тоску — но не тут-то было — в душевую не протолкнуться — очередь — горячую воду подают по неписаному закону — как бог на душу положит — вот народ и свирепствует.

Нам выделили каморку с одной — не сказать, что широкой кроватью — мы с мамой никогда не спали вместе — прилегли, а заснуть невозможно, обе боимся пошевелиться — как бы не разбудить друг дружку — хорошо бы хоть книжкой что ли отвлечься, но голая тусклая лампочка на коротком шнуре под потолком — освещает только отчаяние и неуют, а света от нее никакого. Мы молчим — терпим потихонечку.

Утром в ХИАС — маму ноги совершенно не несут. Я вижу, что ей невмоготу, но ничего не могу поделать. Потерпи, пожалуйста, потерпи — у меня у самой сил нет — еще немножко — потерпи. Слава тебе, господи — добрались, а как обратно? Заполняем документы — в Америку в Нью-Йорк. А потом бредем с мамой — улиц не помню — смотрим под ноги — полно собачьего дерьма — на каждом шагу. Поразительно — Колизей тоже загажен, кажется, так и должно быть — мешаниной явлений — впрочем, нам не до того — нам бы шаг за шагом, как бы не споткнуться.

Казалось бы — полжизни прошло, а по сю пору Рим — безукоризненно классически стильный и беззаботно эклектический Рим — для меня этот город — неминуемая депрессия — в Риме она со мной, там я ее встречаю за каждым поворотом.

В первые же дни — дверь в нашу комнату с треском растворяется, и крошечное помещение буквально вскипает толпой торгового люда. Это кочевники-репатрианты из Израиля пришли за товаром. Про них я узнаю потом. А пока они бесцеремонно хватают наши вещи — мы ошарашены. Не успели оглянуться, как маленький жилистый — совсем даже немолодой хватает бутылку с коньяком — и запрокинув кудрявую с сединой голову — булькает — и вот уже бутылка пуста — он крикает, утирается ладонью и тянет нам непрошенные, впрочем, грошовые деньги — мы в растарянности — везли в Америку в подарок (еще папин пятизвездный армянский коньяк), и вот тебе раз. А ему наш коньяк не по вкусу — он не доволен и что-то он по этому поводу говорит унизительно-нелицеприятное. Просто горе горькое — ну, что прикажете делать?

Когда в ХИАСе, столкнувшись, лицом к лицу все с тем же Митей К., я рассказываю ему эту историю, он великодушно предлагает мне пойти вместе с ним по какому-то там адресу, где он рассчитывает расторговаться. И вот мы с Митей сидим за столом с купцом — коробейником. Митя негромко о чем-то договаривается, должно быть торгуется — я тактично стараюсь не слушать — но как увидела у Мити сигареты на продажу, так враз и обиделась — мой-то он искурил, а свои приберег. На том моя коммерческая эпопея и закончилась. Накануне отъезда в Нью-

Йорк я соберу весь этот мой так и не востребованный товар и отнесу в подарок ладиспольскому таксисту, который пришел нам на подмогу и о котором я расскажу позже. Его не окажется дома, и многодетное семейство его очень удивится моему подношению, состоящему из странных никому не нужных предметов, вроде деревянной утвари.

Наши римские каникулы потекли по самому, что ни на есть, обыденному руслу — гостиница — ХИАС — гостиница. Когда узнала, что беременна — так и не поняла — обрадовалась — огорчилась ли — чувства иссякли — исчезли. А тут еще надо искать жилье — за городом — Рим не по эмигрантскою дырявому карману. Ножом по сердцу — оставляю маму одну в гостинице, а сама на поезд в Ладисполь. Нас несколько человек — все больше мужское население — жены — те все по домам, а мы купили сезонный билет и рыщем, я у них должна быть на вес золота — говорю по-английски. Но толку от меня мало, разве что дорогу спросить — мафия из израильских репатриантов окупировала аренду квартир, и язык в ходу — русский. Зато за усталостью беременность протекала незаметно — но однажды — я как-то вдруг поняла — не могу больше, и неожиданно для себя самой я и скажи попутчикам:

— *Все — нас, и вообще я беременна.*

Человека по фамилии Фрухтман — хотя они жили с нами в одной гостинице — я почти не знала, но он тут же благородно откликнулся:

— *Я сниму вам квартиру, езжайте себе домой.*

Не мешкая — как бы не передумал — я доверчиво вручила ему деньги — все, какие были — до копейки, и к маме. Квартиру он снял — на две семьи — их трое — еще жена и сын, и нас двое. Но остатка денег он почему-то не вернул, впрочем, сперва я как-то стеснялась спросить, а потом стало не до того — в Ладисполе начались у меня какие-то непонятные боли, и стала я подкравливать. Маме вначале не говорила, но когда мне совсем плохо сделалось — с испугу призналась — но куда деваться — я опять к Мите — все-таки какой-никакой, а знакомый. Он нехотя привел меня в медпункт, где и оставил — не стал дожидаться. Там от меня просто отмахнулись, ну, я и поползла обратно домой. А дело все хуже. Я к квартирному хозяину — он готов отвезти меня в неотложку, но надо подождать — жена на семейной их машине отправилась в церковь — день был воскресный. Мама в ужасе — я вся в крови. Тут подоспел хозяин с машиной, и мы втроем с ним и с мамой — как я догадалась куда надо ехать, до сих пор удивляюсь — покатали мы к ладиспольскому раввину, а его нет дома. Но жена его вызвала неотложку и научила магическому слову ХИАС.

Когда приехала санитарная машина, уже стемнело — ну, как я могу бросить маму одну — вот я и скажи бравым санитарам-медбратам, что умру, а без мамы не поеду ни за что. И нас обеих повезли в госпиталь в стольный город Чиватавеккио. Там первым делом выяснили, хочу ли я оставить ребенка — хочу, конечно. И положили нас с мамой в больницу на сохранение. Ночью навалились на меня жуткие боли-схватки. Невозможно поверить, но всю ночь напролет у моей кровати дежурили две милые медсестрички. Я им со словарем — *dolore* и *morira* — больно — умираю. А когда совсем невмоготу — уже без словаря в отчаянии — *aborto*. Но к утру боль стихла, никакого *aborto* не потребовалось — я ожила. А на соседней кровати — мама, ее кормят-поят наравне со всеми.

Палата большая, светлая, народу — включая нас с мамой, человек пять-шесть — похоже, все абортницы, хотя госпиталь католический. Мне велено не шевелиться,

вот я и лежу, как вкопанная — берегу ребеночка. Сколько дней миновало — не помню, уже боли были позабыты. Как-то на завтрак принесли сырок — развернула, а он черный — протухший — гадость. На мгновение я позабыла, что вставать нельзя — встала и упала. И ребенок... Вот и все. Повезли меня в операционную.

Тут-то я перестала разговаривать. Доктор, медсестры, маму жалко, а говорить просто не могу себя заставить. Между тем, в палате жизнь своим ходом. Вечер — к женщинам приходят посетители. Разговоры, смех, и слезы тоже. Но я вроде как оглохла — лежу на спине — глаза в потолок. Тут к моей кровати подходит молодой итальянец — нет, не доктор — из навещающих — муж соседки напротив. Подталкивает меня, поворачивает, безо всяких церемоний ложится рядом на госпитальную мою кровать — родственник да и только — и заводит разговор:

— Я механик. Мы с женой собираемся эмигрировать в Канаду. Не как вы, а свободно из страны в страну — у нас уже все договорено. Да вот жена забеременела. А в эмиграции с малым ребенком — не просто. Потому мы и решились на аборт. Так что считайте — вам повезло.

Тут я заплакала. Подошла мама — бледная — ну просто лица нет.

— Не волнуйся, — говорю, — Живы будем — не помрем. Еще смеяться будем.

Заговорила я.

А на следующий день меня выписали. Улыбчивый голубоглазый доктор наговорил мне комплиментов и обещал выводок детей.

— Я вам завидую — американские госпитали оборудованы несравненно лучше наших, — добавил он на прощанье.

В обратный путь автобусом — а как его найти автобус-то этот, когда мы обе на полусогнутых, и никто вне госпиталя по-английски не говорит-не понимает. И еще боимся, что денег на автобус не хватит. Но ничего — добрались.

Чиватавеккия — ветряный-продувной портовый город, вроде Феодосии — так что может, это морской воздух, а может, просто потому, что дорога из Чиватавеккии в Ладисполь прекрасно, освежающе живописна, но мы тогда впервые за все эти безрадостные дни — обе — почувствовали живительное прикосновение весны — такое было кругом благолепие.

У дома нас встретил сосед наш Фрухтман. За время нашего отсутствия он нашел других жильцов и предложил нам немедленно съехать. Ужас — куда денемся. Никогда — ни до, ни после меня так не обжигало яростью — обобрал, а теперь выгоняет. Ну и конечно — язык длинный, а ум, как водится, короткий. Я и не выдержала:

— За привилегию сказать, что я о вас думаю, я заплатила вам сполна. И могу теперь объявить в полный голос — вы негодяй.

Он развернулся — нет, он не ударил меня — точным движением каратиста — угрожающе выбросил вперед руку перед самым моим лицом — этого было вполне достаточно — меня отшатнуло. К счастью, мама прошла вперед и ничего не видела. Громкий радостный мальчишеский голос озвучил немую эту мизансцену:

— Папа — посмотри — какая она стала старая.

Семилетний сын — Фрухтман-младший стоял у отца за спиной, а я и не заметила его присутствия.

Остаться в доме с таким соседством было страшно — и я отправилась на поиски жилья. Задача оказалась не простой — съём квартир был в руках израильских репатриантов — надо было найти, к кому обратиться — официального агентства как бы и не существовало, вместо него был чёрный рынок — а как с ним обходиться — я не знала. Кто-то научил меня — по-моему, все тот же Митя, и вот я tête-à-tête с нужным человеком в пустой просторной комнате — человек этот хватает меня за юбку, и в ту же секунду меня — как ветром сдуло — откуда только прыть берется — я на улице. Уже темно, но мама меня беспокойно поджидает. Мимо проезжает такси — мы не сговариваясь - наперерез, останавливаем машину, и на всех известных-неизвестных нам языках — зываем о помощи. Толстый пожилой итальянец обещает помочь. Но на следующий день, стучась в двери к незнакомым людям, я сама нахожу жильё — недорогое и относительно приличное — правда, на унылой окраине вдалеке от всего, но волка, как известно, ноги кормят. К счастью, нам ХИАС только что выдал очередную денежную помощь — её аккуратно хватает на оплату квартиры — мы отчаянно экономим — покупаем сероватый дешёвый хлеб и тоненько его нарезаем — он быстро сохнет, рассыпаясь в черствые крошки — нам очень горько, голодно и одиноко.

Между тем меня вызывают в ХИАС. За столом молодая женщина, усаживает меня напротив себя и без особых предисловий тут же спрашивает — как и почему я попала в больницу. Я холодею — что меня теперь ждёт - непонятно, но внутри вдруг распрямляюсь — все - мне уже просто не может быть новых унижений — я надеваю темные очки — ну, прямо, как в кино, зато слез не видно — и рассказываю, не вдаваясь в детали — очень коротко. Она что-то записывает. Потом поднимается — протягивает мне руку и неожиданно говорит:

— Не волнуйтесь — все в порядке. ХИАС заплатит за ваше пребывание в госпитале.

Дома — конечно, ничего маме не рассказываю. А мама — веселая — смеется — приезжал наш таксист, но не на такси, а на ярко красной пожарной машине с громогласным гудком — неузнаваемо нарядный в униформе с эполетами и аксельбантами — спрашивал синьорину. Позже он рассказал, что у него две работы — таксистом и пожарником. Когда он снова появился — пригласил нас поесть с ним в горы, мы поначалу не решались — отказывались, а потом для храбрости на всякий случай позвали с собой ещё одну женщину — поехали и не пожалели — поездка была замечательно интересной — весна — все нежно зеленеет и благоуханно цветет — не говоря уже о прозаическом, но для нас достаточно важном — он нас накормил обедом — мы ведь подгололаживали.

Долго ли коротко ли — а тут возьми и случись нечаянная радость — к нам из Израиля приехала мамина старшая сестра и любимая моя тетка Соня. Конечно, не одна — в её-то возрасте — хотя выглядела Соня прекрасно — сохранила былую статью. Её привезла племянница со стороны мужа — Русенька, у которой был свободный и русский и итальянский — она уехала из Союза четырёхлетней в Швецию, куда был назначен торгпредом её отец. Впоследствии он мудро решил на родину не возвращаться ни за какие ковриги, и остался на Западе. Язык Русенька сохранила, а итальянскому невучилась уже от мужа-итальянца, когда они жили в Риме. Она и по-английски говорила свободно, и немецкий с французским знала — никуда не денешься — европейское воспитание. А за Сонею в Израиль она специально приехала, чтобы мы все смогли повидаться. Соня поселилась с нами, а Русенька в Риме в гостинице. Каждое утро я встречала её на железнодорожной станции — иногда

она запаздывала — приходилось ждать, так что однажды незнакомый молодой итальянец на ходу заметил мне:

— *Неприлично порядочной женщине болтаться без дела на вокзале.*

Я страшно растерялась, стала что-то объяснять. Позже, когда Соня с Русенькой уже уехали, мы случайно с ним столкнулись опять же на вокзале, но в Риме — не в Ладисполи. Мы были с мамой, и он церемонно пригласил нас обеих в музей. В музей мы пошли, но от ланча отказались, согласившись только на чай — скорее из застенчивости, чем из гордости. К тому же Соня привезла нам двести долларов, и мы уже могли покупать съедобную еду — не были такими голодными. Эти деньги нам оченьгодились — непонятно, как иначе мы смогли бы принять их с Русенькой, а так было все, как полагается. Русенька тоже водила нас по музеям и экскурсиям — так что и на нашей улице случился римский праздник. Праздник-праздником, но тогда вечный город все-таки обошел нас стороной, оставив болезненное ощущение подавленности. Только раз случилось чудо. Внезапный мгновенный весенний ливень-потоп смыл многолюдье на *Piazza San Pietro* — и опустевшая площадь явила свое божественное совершенство — неужели такое бывает наяву?

После отъезда наших дорогих гостей я воспрянула и, наконец, смогла дозвониться в Нью-Йорк до Алика Ш. — того самого, что согласился обменять рубли, полученные за кооперативную квартиру в Москве, на доллары в Нью-Йорке — он был моим единственным эмигрантским контактом в Америке. От брата, провожавшего нас в Шереметьеве, он знал, что я в Италии — и я надеялась на него — он обещал, ну — если не помочь, то хоть как-то поддержать на первых порах:

— *Здравствуйте, Алик. Это Ася...*

— *Spell your name — неприязненно отрезал он, и не дожидаясь ответа, бросил трубку.*

Тут-то я и решила позвонить американской родственнице Эвелине все в тот же Нью-Йорк. В Вене звонка не получилось, а после всех моих перепетий я как-то не могла отважиться, но из-за неудачного звонка Ш. — в отчаянии дерзнула:

— *Где ты? Куда пропала? Мы тебя ждем!*

Прямо бальзам на раны.

В самом конце марта нас вызвали на собеседование к американскому консулу. Разговор с ним был дружелюбным и более чем приятным. Очень скоро мы узнали, что получили разрешение. Так что едем, как и хотелось, в Нью-Йорк.

13 апреля 1981-го года ступили мы на американскую землю. Нас встретили Эвелина с Виллом и телевизионные журналисты — я дала свое первое, но не последнее телевизионное интервью — по непонятным причинам со мной это случается.

Эвелина и Вилл были у нас в Москве. Тогда папа был еще жив, хотя и болел — гипертонический криз — постельный режим. Встреча вышла очень сердечной, было такое чувство, что приехали они не из заокеанской Америки, а из соседнего Ленинграда.

И вот теперь мы в Нью-Йорке. Дорога необыкновенна — мосты — развязки — просто декорацией к зловредно-евтушенковскому спектаклю "Под кожей статуи свободы" — но какая величественная и благородная красота — не верится, что это реальность.

Первым делом — ланч. Ресторан — деталей не помню — но не думаю, что из дорогих — никто не собирается пускать нам пыль в глаза — все очень просто и

как-то по-доброму — совершенно по-свойски. Я попросила чего-нибудь американского — получила гамбургер с ворохом картошки-фри, а мама, присоединившись к Эвелине и Виллу, взяла курочку с горой овощей.

С тех пор ежегодно в день нашего приезда — 13 апреля — Эвелина с Виллом будут приглашать нас в украинский ресторан — на неизменные бефстроганов с гречневой кашей — в районе 14-й улицы, поблизости от места, где они жили. Традиция эта ушла вместе с ними — их обоих уже нет на белом свете.

Между тем, пообедав — все вместе едем к Роде в Бруклин. Ее мы тоже знаем по Москве — она приезжала в середине 60-х — останавливалась в гостинице Минск, куда мы с родителями приходили, чтобы с ней повидаться. Встреча случилось мимолетной — Рода куда-то спешила. Здесь в Нью-Йорке она живет одна в большом красно-кирпичном двухэтажном доме — с лужайкой и тремя спальнями. Дом этот построил в начале XX века ее отец-подрядчик — папин двоюродный брат. У нее мы будем жить на первых порах, пока не найдем себе квартиру.

Не могу сказать, что жизнь у Роды была безоблачной, но в детали не хочется вдаваться. Так или сяк, но через пару дней Рода неожиданно уехала на отдых во Флориду, и мы остались без ее опеки — и, поскольку мы жили у родственников, нас *NYANA* же сняла с довольствия — вот и сидели мы и без денег тоже. Мы было кинулись за помощью в местную еврейскую общину. Не тут-то было. Нас просто проигнорировали — кстати, свои же — прибывших к общинному пирогу. Когда пришел дележки час — попросту бесплатный ланч — нас, не чинясь, отгеснили и выставили вон. Мы обиделись — особенно мама — и решили терпеть — но в общину больше не обращались. Эвелине мы постеснялись звонить — так что она просто не знала, что мы остались одни. Впрочем, к нам приходил дальний родственник Роды — пекарь, приносил хлеб, так что настоящего голода у нас не случилось.

К счастью, аккуратно в это время мне удалось дозвониться до Алика Ш. и попросить у него злосчастные 500 долларов, которые были нужны нам до разреза.

— Ну что вы так настаиваете, — отвечивал он, — это же суициде копейки, а мы работаем, заняты — привезти не можем.

Наконец, я его уговорила. В ближайший выходной — они со Светланой — нарядные и легкомысленные, прикатали на машине из Вашингтон Хайтс — путь неблизкий. Не успели войти, как попросили покормить Алика — у него могут начаться язвенные боли - надо что-то срочно съесть. Просит бутерброд с сыром, а у нас просто нету — по глупости, на последние, отчаянно сбереженные деньги я купила сдобного печенья для гостей к чаю — было искушение купить недорогого оранжевого цвета американского сыра, но удержалась, надо было сохранить лицо, и теперь в доме, кроме дурацкого этого печенья - хоть шаром покати...

Между тем, позвонила Эвелина, и озадаченная непредвиденным отъездом Роды, немедленно приехала к нам. Состоялся разговор, которого я никогда не забуду.

Дело в том, что моя ведущая в *NYANA* — очень немолодая и довольно странная женщина — вся закутанная в тяжелое черное пальто — это по весне-то — сообщила мне, что поскольку английские курсы мне не нужны, я могу немедленно приступить к работе на фабрике — делать пуговицы. Когда я заикнулась было о моем университетском математическом образовании и профессиональном прошлом, она отрезала:

— Никакого у вас образования нет, и профессии тоже. Будете делать пуговицы.

Пуговицы — это у нас семейное. Когда в космополитическом 48-м папу поперли из Труда (была такая газета) с волчьим билетом политической неблагоодежности, он совершенно отчаялся и был готов на любую работу за любые деньги. Потерявший зрение папин приятель и коллега — как сейчас помню, по фамилии Мохов, предложил устроить папу туда, где сам работал — в артель слепых, где делали пуговицы:

— *У нас там больше зрячих и здоровых, чем инвалидов и слепых, и я знаю — нам нужны люди.*

Ничего не вышло — не взяли подозрительного папу в артель. А меня — пожалуйста — кого куда, некоторых на английские, а потом на компьютерные курсы, а меня по малограмотности на пуговицы — надо было для этого в Америку эмигрировать. Тут я испугалась всерьез и рассказала об этом я Эвелине — она рассердилась.

— *Никаких пуговиц. Они что с ума там все походили? А насчет курсов — никаких бесплатных курсов — они бесполезны. Лучшие курсы — университетские. Пусть дорого — мы заплатим — пожалуйста, не возражай — потом отдашь.*

Ведущую мне сменили. А курсы мне так и не понадобились. Однажды — через пару недель после приезда, брела я меланхолически по *East Side* в районе 60-х. Час ланча — светит весеннее солнышко — на улице нарядная, казалось, беззаботная публика — пестрая толпа. Смотрю — написано *Hunter College*. Дай — думаю — зайду-посмотрю на вмериканский колледж — интересно же — да и чем черт не шутит — коллеги все-таки — я верила в товарищество математического сообщества — вдруг помогут, научат — что, куда и как. Я не ошиблась. Но на кафедре математики как-то сразу не решилась, и спросила для первоначалу, где компьютерный отдел — по этой части все-таки больше спросу. Там наткнулась на художавого высокого — вполне академически-приятного на вид, бородатого субъекта, показавшегося знакомым, чего, конечно, не было и быть не могло, но ощущение от встречи с ним было самым, что ни на есть благоприятно-доброкачественным. Он представился профессором по компьютерным наукам Тенненбаумом. Мы разговорились, он оказался, как и я — из математиков и стал меня расспрашивать — надо сказать — с интересом:

— *Работа — я думаю, для вас найдется. Если чего узнаю - позвоню.*

Взял мой телефон и позвонил через неделю.

— *С вами свяжется моя студентка. Им в Memorial Sloan-Kettering (Нью-Йоркский онкологический центр) в отделе радиотерапии нужен специалист вашего профиля. Скорее всего, они вас возьмут.*

Все произошло так, как предсказал ободрительный Танненбаум. Очень даже вскорости позвонила дружелюбная девушка, и тут же, не откладывая в долгий ящик, назначила мне встречу с ее начальством. Вооружившись резюме, написанным совместно с отцом и сыном Турчиными (оба были по компьютерной части — Валя профессорствовал в Сиги колледже, а Митя там же учился), отправилась я на свое первое интервью.

Д-р Могэн — слегка лупоглазый, с круглыми детскими щеками — оказался индусом и физиком — есть такая специализация — физика для медицины. Он подробно-любопытательно расспрашивал меня, и предложил прямо тут же на компью-

тере запрограммировать линейную интерполяцию на забытом ныне, а тогда популярном форгане, что я и сделала. Но на нервной почве со скобками вышла неурядица — ответ получился невпопад. Мой интервьюер не заметил ошибки. Зато я заметила:

— *Ой — ошибка! — вырвалось у меня.*

— *Где? Какая еще ошибка? — скупающе спросил он.*

Не знаю, как я сообразила сказать, что все в порядке, хотя совесть и запротестовала, но все-таки не очень. Особенно, когда он встал, протянул мне руку и с места в карьер сообщил — причем вполне официально, что я принята на работу с окладом — стыдно сказать — каким. Позже выяснилось, что у них там даже ставок таких низких не было, так что мне стали выплачивать чуть больше его щедрот — но тогда мне эта цифра показалась астрономической — никогда я не чувствовала себя такой богатой.

ППредстояло пройти всякие медосмотры — в лечебном заведении — а *Sloan-Kettering* это и исследовательский институт и госпиталь — поэтому медицинская проверка — сеобезная и длительная процедура. Пока суть да дело — я позвонила Алику Ш. сообщить приятные новости. Он откликнулся довольно неожиданно:

— *Скажите, как называется лаборатория, как зовут начальника, и дайте мне, пожалуйста, его телефон. У меня знакомый хочет поменять работу — ему бы это место подошло.*

Я испугалась и растерялась. Господи — помоги и спаси:

— *Но я же еще не работала там ни одного дня...*

— *Ну и что — все это советская параноя — свободная конкуренция — бог свободного человека, — напыщенно возгласил он.*

Я в ужасе — передаю трубку маме. Какая же она у меня умница:

— *Сделайте одолжение, оставьте ее, пожалуйста, в покое, — хладнокровно отозвалась она без предисловий и тут же без послесловий повесила сердито заверещающую трубку.*

Надо было срочно найти квартиру — Эвелина настаивала на Манхэттене, где она родилась и прожила всю жизнь, считая, вполне, впрочем справедливо — раз Нью-Йорк, значит Манхаттен. Сами-то они жили на два дома — зимой в НЙ, а с ранней весны до поздней осени за городом, но ради нас кочевали туда-сюда. Между тем, наша квартира неожиданно нашлась сама собой, но не в Манхэттене, а в Бруклине, впрочем, практичная Эвелина ее одобрила — рядом со станцией сабвея — просторная с высокими потолками — о двух спальнях с привольной гостиной, ванной с окном, поместительной кухней и большой прихожей — по московским понятиям — генеральская квартира. Кому-то из друзей Деби — племянницы Роды — это жилье показалось слишком дорогим — а на наш с мамой денежный запрос — в самый раз. Правда, несмотря на свежий ремонт, окна были заносенно грязными и линолиум в кухне протерт до дыр — мама как это увидела — промолчала, конечно, но расстроилась. С нами тогда была Эвелина — она сочувственно заметила мамину реакцию, и тоже ничего не сказала. А через несколько дней пришли рабочие — перестелили линолиум в кухне и помыли окна. Ее наводка.

Эвелина с Виллом отнюдь не были богатеями — оба давно пенсионерствовали. А до того Вилл — дантист по образованию-профессии — преподавал стоматологию, а Эвелина была психологом в школе. Чисто внешне мы с Эвелиной были

похожи — обе мелкокостные, рыжие — никуда не денешься — генотип. И с мамой они мгновенно подружились — во-первых, сверстники — мама на год старше, во-вторых, по сходству характеров. Объяснялись они на ломаном идише — по взаимной симпатии понимая друг друга с полуслова. Помню, мама сказала Эвелине —

— Я старше и уйдураньше. На вас я могу положиться — не оставляйте моего ребенка.

Так оно и случилось. Они меня не оставили. Мы с Джоном любили у них бывать — в тесно заставленной книжными шкафами квартире с тремя маленькими спальнями, две из которых теперь служили им библиотеками-кабинетами — а когда-то были спальнями их сыновей. Они с Виллом вырастили двоих мальчиков — старший — мой ровесник, пока не ушел в равнины и не переехал сначала в Нью Джерси, а потом в Мэйн, профессорствовал в Йейле — преподавал философию, а младший был адвокатом в Нью-Йорке. Большой дружбы у нас с молодым поколением не случилось — по отсутствию взаимного интереса — а с родителями и интерес был и дружба была. Нам с Джоном их не хватает — в этом доме для нас всегда было и ванильное мороженое в холодильнике и интересный разговор — обо всем — и та сердечная доброта, дороже которой нет ничего на свете.

Вот и тогда на помощь пришла все та же Эвелина — поскольку я еще не работала — отпросилась выйти через неделю — вышла-то я на работу 26-го мая 1981-го года — а пока суть да дело арендный договор подписали они с Виллом. Еще они нам приперли две раскладушки с бельем-подушками, а мы с мамой все эти дни — давай чистить и скрести — навели чистоту-порядок, и пошла-пока тилась-началась наша американская судьба.

Владимир Порудоминский

ИЗ "ДЕТСКОГО АЛЬБОМА"

"Странно и приятно думать, что то время, которое я помню, — 30-е года — уже история.

Лев Толстой

Вместо эпитафии

Мне было шесть лет.

Недавно, на днях, может быть, вчера, убили Кирова.

Этот день, 1 декабря 1934 года, я хорошо помню.

Мы с соседской девочкой Танькой Тепляковой, топгались у ворот нашего дома и смотрели, как дворник, дядя Костя Афанасьев, которого все жильцы именовали просто Афанасием, взобравшись на некрашеную деревянную лесенку, направляет в кольцах над воротами спутанные ветром красные полотнища, обшитые со всех сторон широкой черной каймой.

Мне было страшно.

Тревога и предчувствие дрожали в моей детской душе, пораженной неведением.

По улице, отбивая шаг, проследовал отряд красноармейцев в остроконечных шлемах и длинных серых шинелях.

Туманное морозное утро, серая улица, серый, как бы застывший в каждый миг своего движения отряд, — потом всё это осталось в памяти высеченным из гранита барельефом на серой стене противоположного дома.

Лица пешеходов были угрюмы и замкнуты.

Торопливым шажком прошел мимо наших ворот священник. Облачение вне храма священникам надевать не разрешалось, — мы узнавали их по длинным волосам, стекающим из-под черной шляпы, по бороде, которую тогда мало кто носил, по всей особой повадке. Встреча со священником считалась недоброй приметой. Танька, хоть и годом младше, была много шустрее меня: она тотчас легонько хлопнула меня ладонью, как хлопают, играя в салочки, и крикнула: "Горе на тебя!". Я беспомощно озирался: следовало, не медля, осалить еще кого-нибудь и передать недоброе пожелание, — но кому? Не Афанасию же!..

Откуда было знать мне, маленькому, что вся Россия уже *осалена*, запятнана, заклеимена кощевым шестипалым прикосновением, обожжена приговором: "Горе на тебя!".

Мамины папиросы

1.

...Иногда я просыпался по ночам.

Мне казалось — глубокой ночью.

В соседней комнате горел свет. Оттуда слышались негромкие разговоры взрослых...

Может быть, конечно, я просыпался вовсе не среди ночи.

Просто меня рано, в приличное возрасту время укладывали спать, и всякое пробуждение в темноте чудилось случившимся глубокой ночью.

Но может быть, и в самом деле я просыпался далеко за полночь, а взрослые еще бодрствовали: дни в ту пору, и с ними вся жизнь, сильно сдвинулись в ночь.

2.

Привлекательные лозунги о восьмичасовом рабочем дне были вкованы в законы и указы — и забыты. Потому что "Время — вперед!", "Пятилетку — в четыре года!" — кто посмеет тормозить могучую поступь народа, спешащего в социализм?!

"Просыпается с рассветом вся советская земля", — даже если только-только успела глаза сомкнуть.

"Не спи, вставай, кудрявая, навстречу дня", — даже если еще не ложилась. Вот ведь и — "люди в Кремле никогда не спят"...

Товарищ Сталин любил работать по ночам. От него и пошла эта всесоюзная бессонница.

Соответственно, ближайшее окружение должно было находиться на месте. Опять же соответственно, на месте должны были пребывать наркомы, после войны переименованные в министров, а с ними сотрудники наркоматов-министерств, предприятий, ведомств — все, кто мог потребоваться и страшился быть востребованным во всякое время дня, а главное, ночи. И так, по цепочке, до небезызвестной Марьи Федотовны, балагурки, уборщицы при общественном нужнике на площади Ногина, напротив тяжелого темно-серого здания прежнего ВСНХ, позже заселенного серьезными министерствами. "Без меня всю Москву зассут", — доверительно говорила полунощному посетителю Марья Федотовна, угощаясь папироской.

Поэты воспевали никогда ими не виденный немеркнущий свет в окне сталинского кабинета.

В прозрениях Даниила Андреева запечатлелись эти бессонные сталинские ночные бдения, когда за плотно закрытыми дверями вождь вступал в общение с силами мирового Зла, набираясь от них яростной темной энергии.

Меня всегда занимал вопрос: почему Сталин, подыскивая вымышленную дату своего рождения взамен подлинной, выбрал 21 декабря — самый короткий день в году, самую долгую темную ночь?..

3.

...Я просыпался.

Табачный дым беспокойно качался в просвете двери

Я побаивался темноты и просил оставлять дверь приоткрытой.

Взрослые разговаривали и курили.

Курили тогда много. Мне кажется, что в пору моего детства люди курили много больше, чем теперь.

У Поэта: "С табаком в чайных чашках весь в окурках буфет".

Быть взрослым означало, прежде всего — курить. Мальчики во дворе (чуть позже — и я с ними) сворачивали цигарки из сухих листьев. Вкурившись во вкус, начинали таскать папиросы у родителей. В девятом классе я уже курил вовсю.

Во время войны, кроме наших исконных российских папирос, появились американские сигареты. Я поворовывал у мамы из большой, сразу на сто штук, пачки

полученные по ленд-лизу сигареты "Мемфис". Позже никогда их не встречал. Они казались замечательно вкусными (может быть, после рассыпного табака и махорки) и остались в душе лакомым, каким-то шоколадным воспоминанием ранней юности.

4.

Из папирос моего детства помню "Нашу марку", "Яву", "Пушки", "Бокс" — двух сортов: дешевые — в бумажной пачке и дорогие, с тем же названием, в картонной коробке. Но у дорогого "Бокса" на крышке коробки были яркими красками нарисованы почему-то не боксеры, а восточные борцы, похоже, что монголы, низко пригнувшиеся для схватки и протянувшие один к другому руки.

Охочий до шуток народ расшифровывал самую ходкую аббревиатуру *ВКП(б)* — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков): *Ворошилов курит папиросы ("Бокс")*. За такую шутку можно было хлопотать нешуточный срок.

(Замечательная способность — рождать недозволенные шутки и анекдоты под прицелом надзирателей. Когда за острое слово перестали сажать, таковые слова не то что числом поубавились — просто почти что вывелись. То ли сочинять стало неинтересно ("русская рулетка"), то ли жизнь нынешняя сделалась настолько нелепой, что анекдот, шутка, призванные заострить действительность, оборачивать страшное смехом, не в силах превзойти ее, хоть и страшную, но смехотворную нелепость).

5.

Никакой борьбы с курением, конечно, не велось. Разве что в излюбленных тогда "сборных" концертах, где певцу сменял юморист, юмориста — скрипач, скрипача — чечеточник, а чечеточника — дуэт из оперетты, среди иных прочих появлялся чтец с ранним чеховским (еще Антоши Чехонте) рассказом "О вреде табака", суть которого как раз в том, что лектор, вышедший на сцену, чтобы поведать публике о вреде никотинового зелья, не в силах удержаться, рассказывает взамен своей неудавшейся жизни.

Да и кто бы посмел поднять руку на табак, когда даже на первой странице главной книги для детей "Вчера и сегодня", повествующей, как счастливо преобразовала октябрьская революция наше отечество, красовался портрет товарища Сталина, раскуривающего трубку? Когда придворные стихотворцы равняли огонек сталинской трубки с сиянием кремлевских звезд: "Шуршит по крышам снеговая крупка, На Спасской башне в полночь бьют часы. Знакомая *негаснущая* трубка, Чуть тронутые проседью усы..." и т.д.

Еще в начале 1930-х известный литератор, увидевший Сталина, особо отметил в дневниковой записи, что тот курил свою *легендарную* трубку.

Среди немногих подробностей интимной жизни вождя и учителя было, в частности, известно, что курил он не трубочный табак, а, набивая трубку, обламывал папиросы "Герцоговина флор".

Из статьи об этих папиросах, обнаруженной в интернете, я узнал, что начали их выпускать в 1912 году (то есть Сталин к ним приохотился, возможно, еще в дооктябрьскую эпоху).

В статье, правда, сказано, что в сталинское время папиросы "Герцоговина флор" как предмет высочайшего пользования производились под надзором ГБ, в очень ограниченном количестве и в свободную продажу не поступали, будучи распространяемы лишь в кругу избранных. Но это — позднейшая острая приправа..

Черно-зеленые с золотом коробки "Герцоговины флор" в те достопамятные годы можно было увидеть во всяком порядочном табачном киоске и, затягиваясь кисловатым дымком, как бы сподобиться общего причастия с величайшим и единственным.

У Анатолия Рыбакова в "Детях Арбата" есть запоминающаяся глава о приглашенном к Сталину зубном враче. У персонажа, насколько я знаю, имелся реальный прототип. Материал главы основан на его рассказе. По свидетельству врача, у Сталина были испорченные никотином, темные зубы заядлого курильщика.

6.

У мамы были крепкие белые зубы сибирячки, хотя курила она вовсю.

В течение дня выкуривала пачку и вечером успевала распечатать новую.

Курила она охотно, можно даже сказать — с любовью. Видно было, что каждая папироса ей в радость.

Мама курила "Беломор".

Эти папиросы начали выпускать в 1932 году.

Пачка из грубой серой бумаги. Бело-розово-голубая картинка: схематическая карта Европы, на которой, как особенная достопримечательность, красным отмечен Беломорско-Балтийский канал имени Сталина.

Рекордно быстрое строительство канала подходило к окончанию. Оно было завершено в 1933-м.

7.

Канал был гордостью первой пятилетки. Такого строительства нигде и никогда в мире и в самом деле не было. Беломорканал был невиданной по размаху *каторжной* стройкой. Его от начала до конца строили заключенные. Их именовали с подлой демагогической торжественностью — "заключенные *каналоармейцы*". Отсюда и пошла ставшая составной частью нашей истории аббревиатура *з/к* (зека). Потом просто — *зек*. Про "каналоармейцев" забыли за ненадобностью. Всеобщий, всесоюзный *зек*.

С Беломора начиная, каторга сделалась весомой *естественной* частью советской "экономики". При этом произносились речи о том, что (рабский) труд превращает враждебных обществу людей в полноценных и полезных граждан. На Беломоре это с той же демагогической подлостью называлось — "*перековка*".

8.

Еще прежде того, как развернулось строительство канала, Максим Горький по приезду из Италии нанес визит в Соловецкий концлагерь особого назначения, оглядел пытливым взглядом социалистического реалиста то, что ему сочли нужным показать, и, захлебываясь в слезах восторга, благодарил чекистов, "чертей этаких" (любовно), за их самоотверженный, гуманный труд по воспитанию нового человека.

Горький придумал сделать возвышенную, жизнеутверждающую книгу о том, как за колочей проволокой, в концлагерях (с карцерами, расстрелами, в голоде и холоде, — о чем в книге, понятно, сообщать не предполагалось) чуткие педагоги чекисты *перековывают* недоброкачественную людскую массу в советский народ.

Это самая позорная, самая преступная книга, вышедшая в России.

По-своему самая замечательная и самая необычная книга.

Ее коллективным автором были лучшие тогдашние писатели. "Звезды" советской литературы.

Писателей привезли на стройку, кормили икрой, балыками, колбасами, которых многие в те скудные посленэповские годы и дома не едали (норма зека — 500 граммов хлеба и баланда), инженеры человеческих душ под руководством лагерного начальства беседовали с каторжанами, высоко оценили человечность и гуманность чекистов ("любая иная гуманность и человечность являются ложью"), восторгались увиденным — и, как повелось на канале, ударным трудом быстро собрали огромный 600-страничный том, озаглавленный просто и мощно — "Беломорско-Балтийский канал имени Сталина".

9.

Виктор Борисович Шкловский рассказывал, будто на вопрос одного из руководителей НКВД, как он чувствовал себя на строительстве Беломорканала, откликнулся рискованной остротой: "Как живая черно-бурая лиса в меховом магазине".

Но в книге писатель зачем-то посмеялся над только что привезенной партией зеков из Средней Азии: очень смешно они выглядели на беломорском холоде в тощей южной одежке (не на меху), в которой их взяли.

10.

Вообще *в лагере литераторов*, как вспоминали они по приезду, царил бодрое, веселое настроение (в отличие, надо полагать, от лагерей, которые им показывали): много пили, пели, шутили, выпускали юмористическую стенгазету.

11.

У Мандельштама — об этом: "Есть прекрасный русский стих, который я не устану твердить в московские псиние ночи, от которого, как наваждение, рассыпается рогатая нечисть. Угадайте, друзья, этот стих — он полозьями пишет по снегу, он ключом верещит в замке, он морозом стреляет в комнату:

...не расстреливал несчастных по темницам ...

Вот символ веры, вот подлинный канон настоящего писателя, смертельного врага литературы".

Осенью 1933-го, той самой, когда звезды советской литературы воодушевленно варили книгу о канале, Осип Мандельштам написал роковое "Мы живем, под собою не чуя страны..." — и начал свой путь на Голгофу.

12.

Книга "Беломорско-Балтийский канал имени Сталина" предназначалась в качестве подарка делегатам 17-го съезда ВКП(б). Съезд проходил в 1934 году. Его торжественно именовали "съездом победителей". В 1937-м большая часть "победителей"-делегатов была уничтожена. Съезд шопотком переименовали в "съезд рас-

стрелянных". Книга, набитая к тому же *не теми* именами, оказалась не ко двору. Было приказано изъять ее из библиотек и книжных магазинов.

Памятником каналу, "чуду первой пятилетки", остались береговые откосы, темный камень, темная вода — и папиросы "Беломор".

Вот уж и впрямь — подлинное чудо. Паршивые папиросы 5-го класса, с обилием вредных смол, восемьдесят лет всё в той же несменяемой аляповатой упаковке, — единственная марка, пережившая эти годы-десятилетия и, даже при нынешнем табачном изобилии, по-прежнему любимая народом.

Может быть, впрочем, и не каналу памятник, давно сдвинутому в осознаваемой нами картине мира куда-то в сторонку иными "великими стройками", но памятник эпохе, так или иначе, поныне нескончаемой, — памятник самим себе.

13.

Двадцать пять с лишком лет спустя, в 1961-м, снова собрали съезд партии, уже 22-й по счету.

На этот раз объявили, что социализм в стране построен, теперь до коммунизма рукой подать. Коммунизм назначили в 1980 году.

Почему бы и нет?

Помню, зимой 1953-го большой группе работников печати показывали подхившее к концу строительство университета на Ленинских горах. Мне тоже достался билет — по знакомству: я в ту пору не работал, никуда не брали. До смерти Сталина оставалось несколько недель. Время было мрачное.

Удостоившиеся входного билета работники печати сидели в каком-то пустынном, ярко освещенном актовом зале и ждали приезда начальства. С поздним временем, как уже помним, тогда не считались. (Мне иногда кажется, когда вспоминаю — не памятью, а всем существом, — что той зимой время как бы остановилось). Наконец, на сцене появились несколько плотных, ухоженных мужчин. Они пощептались между собой, потом один из них, самый моложавый, с ярким румянцем на полных щеках, выступил вперед и произнес буквально следующее:

— Когда наша машина поднималась на Ленинские горы и под нами, внизу сверкала огнями красавица-Москва, а перед нами устремилась к небу башня университета, мы замерли от волнения, и лишь минуту-другую спустя один из нас, — (сразу стало понятно, что это он про себя), — сказал: "Братцы, а ведь это уже коммунизм!".

Пребывавшие на сцене братцы согласно закивали и заулыбались. Зал отозвался на то только что объявленный коммунизм бурными аплодисментами.

Но вот Сталин умер, и выяснилось, что коммунизма всё еще нет.

Стихи о похоронах Сталина, ходившие по рукам, Борис Слуцкий закончил строчкой: "Социализм был выстроен, поселим в нем людей".

Построили пятиэтажки, люди расселились; пора и в самом деле — в коммунизм.

14.

Другим решением 22-го съезда было — убрать тело Сталина из мавзолея.

В отличие от коммунизма с этим делом справились быстро — в одну ночь.

В подробном описании перезахоронения меня особенно поразила малая подробность: перекладывая тело вождя из стеклянного саркофага в обычный гроб, с

мундира генералиссимуса спорили золотые пуговицы, переданные затем в спецхране, а взамен пришли латунные. Было что-то трогательное в этой нашей неизменной заботе о государственном достоянии (так сказать: бриллианты для диктатуры пролетариата).

15.

Вскоре после завершения 22-го съезда, ранним осенним вечером того 1961 года, еще не стемнело, мы с Н., торопясь куда-то, вышли к Земляному валу, и — такая удача! — на стоянке такси, будто только нас и дожидаясь, задержалась единственная машина. Мы шустро пробрались на заднее сидение, лихой водитель в летней кожанке, еще не спрашивая "куда?", нажал на газ — и тут же еще более резко наступил на тормоз. Машину сильно качнуло. "Ого!" — только и выдохнул водитель, даже и не изумленно, скорее — потрясенно. Мы вслед за ним глянули в переднее стекло.

...Не обращая внимания на уличное движение, не поворачивая в его сторону головы, уверенным размеренным шагом Садовую переходил — Сталин.

Это был *он*, и только — *он*. Его голова, его фигура, его походка, его слегка согнутая в локте рука. Серая шинель, не с погонами, как в поздние годы, а хрестоматийная, довоенная, со слегка распахнувшимися на ветру полами бронзовела в лучах заходящего солнца (это я для красоты описания).

Садовая ошалела от неожиданного восторга. Скрежетали тормоза машин. Медным всадником вздыбился троллейбус; контактная штанга, срываясь с провода, выдрала из него метровую голубую искру. А *он* шел себе ровным ходом, не отступаясь, нигде не сворачивая, и я вспомнил, пересказывали, будто, услышав музыку нового гимна (взамен революционного "Интернационала"), ту самую, которая и поныне подымает с места полтора (или сколько там осталось) миллионов россиян, вождь заметил удовлетворенно: "Как броненосец прет!" Сталин между тем приблизился к нашей машине, прошел перед самым ее носом, обогнул и, даже касанием глаза не поинтересовавшись, имеется ли кто-нибудь на заднем сидении, открыл переднюю дверь, устроился рядом с водителем и, не повернувшись к нему, по-прежнему глядя прямо перед собой, негромким хриплым голосом с сильным акцентом приказал: "На Большую Грузинскую".

Я тогда еще ничего не знал ни про ныне легендарного Феликса Дадаева, которого якобы и впритык не в силах были отличить от подлинника даже понавидевшиеся вождя члены политбюро (или делали вид со страха?), ни про четырех (кажется) других двойников Сталина, чьи имена остались для меня неизвестными. Возможно, это была опасная шутка или, скорее, шаг отчаяния кого-нибудь из них в те дни и часы, когда дело их жизни было по велению свыше низвержено в трехметровую яму и сырою землю зарыто в тщетной надежде, что навсегда предано поруганию и забвению... Не ведаю. Но то, что я пишу, — не выдумка, не притча. Как говорил мой знакомый охотник из какого-то таежного племени: "Это не факт, а было на самом деле".

"На Большую Грузинскую!" — хрипло, с акцентом приказал человек в серой шинели и серой низко надвинутой на лоб фуражке. Он достал из кармана трубку и, не раскуривая, держал ее в левой руке. "Есть!" — восторженно отозвался водитель.

За всю дорогу странный пассажир не произнес ни единого слова. Он сидел неподвижно с нераскуренной трубкой в руке и смотрел из-под козырька фуражки

только вперед. Мы все тоже сидели молча. В нужном месте он слегка шевельнул трубкой, останавливая машину, вынул из кармана маленький старомодный кошелек для мелочи и щелкнул замочком из двух цепляющихся один за другой металлических шариков. "Не надо. Спасибо, товарищ Сталин", — зачарованно остановил его водитель. Человек снова щелкнул замочком, опустил кошелек в карман и, так и не повернувшись в нашу сторону, мерной походкой направился в подворотню большого ведомственного дома.

Мы продолжали стоять, не трогаясь с места.

"Перекурим?" — сказал водитель. Я протянул ему пачку с сигаретами. "У меня Беломор", — сказал водитель. Мы закурили.

"Надо же, — засмеялась Н. — Из мавзолея выгнали, в землю зарыли, а он тут как тут".

"Куда мы без него, — сказал водитель. — Пропадем..."

16.

Я хорошо знаю эту книгу про Беломорканал. Серый, "стального" цвета переплет. В правом верхнем углу — также отливающий металлом медальон с барельефным портретом Сталина. Вот уже почти восемь десятилетий книга стоит у меня на книжной полке.

В трудные 1930-е мои весьма смиренные родители книг не уничтожали.

А помойки в те годы полнились книгами.

Дом у нас был большой, три корпуса, — соответственно, и помойка обширная: этакое кирпичное сооружение, в облике которого сквозила даже архитектурная мысль (тайком, сильно рискуя, — но как удержишься: всё та же русская рулетка! — ее именовали "мавзолей"). По утрам выброшенные книги распирали прочные стены помойки, развалом и пачками обступали ее снаружи.

Дом был кооперативный, заселен интеллигенцией. (Тогда, в 1930-е, изначальных жильцов поубавилось, появились новые, иных сословий).

Как известно, в 1930-е германские национал-социалисты, придя к власти, раскладывали в городах костры из *не-наших* — то есть *не-ихних* — книг. (Примечательно: организатором сожжения книг были не штурмовики, не геббельсовское министерство пропаганды, а *по-нашему* — то есть *по-ихнему* — настроенные студенты и университетские профессора.) Недавно общественность и СМИ Германии отметили восьмидесятилетие книжных аутодафе.

Мы о своей расправе с книгами, конечно, и не вспоминаем, хотя уничтожили их, может быть, не меньше. Выбрасывали книги на помойки, предварительно исследуя, не остались ли где автограф, дарственная надпись или пометки на полях. Топили ими печи (тем, у кого оставалось печное отопление, в этом смысле сильно повезло). Увозили за город и оставляли в каком-нибудь лесном овраге. Счастливые обладатели отдельных квартир (в отличие от обитателей коммуналок, где, куда ни повернись, чужой взгляд) жгли интеллектуальные сокровища по листку в унитазах, задыхаясь от дыма и страшась предательской копоти.

Представим себе хотя бы только объем уничтоженной полигической литературы — выходявшие миллионными тиражами брошюры и иные обращенные к "широкому читателю" сочинения разного калибра авторов, теперь объявленных "врагами народа". Прибавим к ним сотни учебных и научных изданий, написанных *не теми, не о том, не о тех*. А тут еще прозаики, поэты, драматурги, вдруг как бы

бесследно исчезнувшие с лица земли и тем самым лишенные права жительства на книжных полках в квартирах рядовых граждан...

17.

Мои родители книг не уничтожали.
Они не были героями.

Где уж там!.. До самой смерти Сталина мама привыкла проводить бессонные ночи: читала, дымила "Беломором" и прислушивалась к шуршанию пробегавших под окном машин — не остановится ли какая...

Может быть, и книги они не выбрасывали, не сжигали — отчасти из страха: засорить трубу в клозете, закоптить стены, встретить крадущегося на помойку соседа со своим ворохом гутенберговских отпрысков под мышкой.

Или интуитивно познали истину, годы спустя сформулированную опытным *сидельцем* Львом Разгоном: "Если за тобой пришли, а у тебя в шкафу только сочинения классиков марксизма, — всё равно заберут".

Книгу, сделавшуюся запретной, родители просто перемещали на полке в задний ряд, укрывая от недоброго глаза за строем тесно прижавшихся корешками одно к другому выставленных впереди изданий. Туда же переселяли книги, не обретшие статуса запретных, но, по маминым представлениям, не пригодных для предъявления посторонним.

Так в заднем ряду вместе с Гумилевым и Пильняком теснились знаменитые томики Есенина в белой мягкой обложке с березками, ремарковская "На Западном фронте без перемен" и уж вовсе непонятно почему, засекреченный мамой "Анатоль Франс в халате и туфлях" Жан-Жака Бруссона.

В укропной темноте *закнижься* провел долгие годы жизни и "Беломоро-Балтийский канал имени Сталина".

18.

Родителям, конечно бы, несдобровать, если бы кто-нибудь в то время узнал, *от кого* досталась им эта книга. Но дарственного автографа на титульном листе, слава Богу, не имелось, а родители были не хвастливы.

...Однажды, жарким летним днем моего отца, медика, срочно вызвали на консультацию к ответственному больному. Я не в силах объяснить, как это случилось, позже такое стало невысказанным, да и в те времена, уже не "вегетарианские", было трудно представимо, но отец взял меня с собой. Может быть, впрочем, и разгадки искать не следует, может быть, *просто* — взял. Бог любит простодушных, — сказано в псалме, а папа был простодушен. Он хотел одарить меня радостью: человек более позднего, чем мое, поколения не в силах понять, всем своим существом почувствовать, что значило для нас, тогдашних детей, *покататься на машине*.

В давнем рассказе я писал про жившего в нашем дворе комдива, — который иногда, приехав под вечер домой, пообедать, приказывал шоферу (слова "водитель" еще в обиходе не было, только — "шофер") *покатать* нас, детей, игравших во дворе, на служебном "Линкольне" (счастье катания закончилось с исчезновением комдива, конечно же, не уцелевшего в истребительной охоте 1930-х годов).

Ответственный больной прислал за отцом не "Линкольн", а (по мальчишескому счету — поднимай выше!) сверкавший никелированными подробностями васильково-синий "Крейслер". Я мог поспорить с кем угодно, что не только ни один

мальчик из нашего двора, но и ни один взрослый его обитатель ни разу не влезал в такой лимузин. Шофер был пожилой, седой, коротко стриженный — бобриком; за всю дорогу он слова не проронил.

Нас доставили к дому с просторной открытой террасой. Дом стоял на возвышенности, и с террасы далеко смотрелись картинно-красивые окрестности. Теперь, когда я вспоминаю этот день, мне кажется, что дом, в котором мы оказались, располагался где-то неподалеку от трассы строившегося канала Москва-Волга.

Канал этот, связавший столицу нашей родины с пятью морями, строили, также как Беломорский, зеки — всё та же каторжная индустрия. Правда, о *перевовке* трубить как-то уже перестали, нового книжного тома, изготовленного ведущими силами союза писателей, тоже, кажется, не предполагалось. На Беломоре ГУЛАГ пытались показать миру праздником, теперь он сделался буднями, повседневностью и повсеместностью.

Впрочем, подробности пейзажа того давнего солнечного летнего дня, наверно, возникли в моем воображении много позже. Через двадцать лет после истории, о которой пишу, я работал в выходявшей на канале многотиражке (это был уже не канал Москва-Волга, а Канал имени Москвы — образчик высочайшего велемудрия: *канал имени города*), — пейзажи окрестностей трассы мне хорошо известны.

Отца увели куда-то вглубь здания. Я остался один на террасе, подошел к барьеру и скучал, глядя, как из-за дальнего леса выплывали на синий простор неба белые облака. Из двери, ведущей во внутренние покои, появилась плотная немолодая женщина в темном платье и белом переднике. В одной руке она несла тарелку, на которой лежали несколько крымских яблок, удлиненных, с румяной щечкой, и гроздь винограда, в другой — поставленный на блюдце высокий стакан с лимонадом. "Это тебе!" — коротко сказала она и снова ушла. Яблоко, а тем более — виноград, я взять постеснялся, но лимонад в ту пору был для нас, детей, неодолимо желанной радостью. Чтобы не пить слишком быстро, я, слегка наклонив стакан, не глотал, а потихоньку всасывал холодную, чересчур пахучую влагу и, скосив глаза, следил, как из ее глубины выныривают блестящие пузырьки.

Я оставался один недолго. Отец возвратился на террасу в сопровождении хозяина, моложавого, по-военному подтянутого, с худощавым лицом, полноватыми губами и слегка курчавящимися рыжеватыми волосами. На нем была белая рубаха с засученными рукавами и светлые брюки. (Я предпочел бы гимнастерку с тремя — или... сколько ему там причиталось? — ромбами в петлице. Хотя... У чекистов, кажется, вместо ромбов были звездочки.)

Человек был весел, белозубо улыбался, слегка потрепал мне волосы, сказал несколько шуточных слов — что-то самое обыкновенное. Он отодвинул соломенное кресло, пригласил отца присесть перед дорогой. Тотчас возникла женщина в белом фартуке, принесла поднос с такими же крымскими яблоками, виноградом и фруктовой водой, уже в бутылках. Хозяин что-то оживленно рассказывал отцу, но я видел, что папа чувствует себя неловко: как и я, он не притронулся к соблазнительно красневшим щечкой яблокам, даже фруктовую воду не пил, хотя очень ее любил (мы с ним тайком от мамы удирали к киоску на углу нашей улицы пить газировку) — он кивал, слушая хозяина, и неловко отщипывал от грозди длинные зеленые ягоды.

Человек, который принимал нас, большинству знавших о нем соотечественников казался всемогущим. Возможно, он и себе казался таковым: Часто как раз тот, кто особенно хорошо осведомлен о хрупкой уязвимости человеческого существования, со странной легкостью забывает о ней, присматриваясь к собственной

судьбе. Когда в твоей власти оказывается великое множество людей, чья жизнь зависит от твоего слова, взгляда, жеста, наверно, трудно удержаться и не почувствовать себя богом. В "ревизских сказках" человека, который сидел перед нами за столом, вкусно, большими глотками отпивал лимонад из запотевшего стакана, говорил что-то веселое и широко улыбался, числились сотни тысяч, даже миллионы, пребывавших в его владении "крепостных душ". Человек этот был Матвей Берман, начальник ГУЛАГ'а, властитель бескрайнего архипелага.

Мне не дано знать, как это пришлось к беседе, но хозяин вдруг сказал: "Хотите посмотреть, как меня охраняют?". Я хорошо помню этот вопрос и горделивый тон, каким он был произнесен, потому что меня поразило то, что произошло тут же, следом, и потому, что папа долгие годы вспоминал эту сцену, изумленный (как он определял) ее *непостижимой наивностью*.

Наверно, под столом имелась какая-нибудь кнопка, которую тайком нажал хозяин, но вопрос его еще, что называется, висел в воздухе, а на террасе со всех сторон вдруг выросли крепкие плечистые ребята в военной форме. Берман, прищурясь, провел по ним взглядом, улыбнулся и небрежно махнул рукой: "Всё в порядке". Добрые молодцы исчезли, как в сказках "Тысячи и одной ночи".

И правда — *непостижимо!* В стране, где, исключая разве что самого владыку, ничья жизнь не стоила даже ломаного гроша, один из самых осведомленных участников, того более — организаторов (папа определял — *кашеваров*) происходящего вроде бы не шутя уверен, что пять-шесть ладно сбитых ребят способны охранять, сохранить его жизнь?..

Через несколько лет, в 1937-м, Матвея Бермана назначат наркомом связи — пост (хоть и министр), по неписанной субординации тех лет, несравнимо уступающий ГУЛАГ'овскому (не говоря о том, что, согласно тогдашним же правилам игры, такое перемещение означало скорый конец). Еще год спустя вчерашнего командующего ГУЛАГ'а арестуют прямо в здании ЦК партии, в кабинете с курьерской скоростью набирающего силу Маленкова, и расстреляют.

Где были в тот день и час его добрые молодцы? Сами же волокли бывшего хозяина и подопечного в подвал Лубянки или Лефортова? Или, притаившись под террасой, на которой я когда-то пил лимонад, охраняли его преемника (этот продержался на высоком посту лишь год с небольшим, получил свой орден Ленина и тоже был расстрелян)? Или самих молодцев к тому времени уже пустили в расход за то, что охраняли врагов народа?..

...Беседа на террасе не затянулась. Мы поднялись уходить, когда Берман, припомнив что-то, показал рукой задержаться, вышел и спустя минуту снова появился с книгой о Беломоре, в которой волею судьбы выступал одним из главных героев. Протянул отцу: "Начнете читать, не оторветесь".

В самом деле. Годы минули, десятилетия, а я всё не могу оторваться памятью от того, что написано в этой книге, и от того, что в ней не написано, но, желали авторы или нет, хранится между строк, и от того, как и кем книга была произведена на свет. Потому что всё это, по-своему и в разных измерениях, так или иначе вошло в состав моей жизни, моей судьбы, в мой духовный и душевный состав...

Больше в тот день ничего существенного не случилось, если не считать, что на обратном пути, укаченный мягкими рессорами "Крейслера" и разомлевший от жары и духоты, я слегка облевал роскошную обивку сидения. Папа оттирал пятно носовым платком и бормотал извинения; седой шофер, посверкивая бобриком за тылка, утешительно пробурчал что-то в ответ.

19.

В 1980-е годы художник Петр Белов написал картину — "Беломор".

Своего рода живописный проект памятника эпохе.

Тяжело лежит на земле (занимая *большую* часть поверхности холста) огромная бело-розово-голубая с красной метой пачка от папирос "Беломор". Угол пачки надорван, как надрывают курильщики. Четырехугольная громада захватившей земной простор пачки — это лагерный барак. В черную дыру надорванного угла, как в барачные ворота, со всех концов земли движется потоком темная людская масса.

На строительстве Беломорканала работало около полугорста тысяч заключенных.

В одной нынешней (!) статье о канале утешительно сообщается, что число зеков на самом деле *не превышало* (!!!) 126 тысяч.

Всего-то!

Шестьсот человек на каждый километр трассы.

20.

Мама говорила лихо: "Будете меня хоронить, положите в гроб пачку "Беломора"".

Но дело до этого не дошло. Однажды, уже в старости, она перестала курить. Не бросила, а именно *перестала*.

Легко, как-то само собой, не задумывая наперед и не прилагая к тому никаких усилий. Будто забыла в одночасье, что курила.

(Со мной, в мое время, произошло то же самое. Одним прекрасным утром *почему-то* не захотелось взять любимую первую, открывающую день сигарету — и больше уже никогда *не захотелось*, даже не снится никогда, что курю.)

Папины часы

1.

Это были свежающие никелем карманные часы с мелко гравированным ободком вокруг циферблата и витиеватой вязью *Ударнику* на задней крышке.

Часы в то скудное время были предметом почитания.

Часами награждали вместо ордена.

Как и фотоаппаратом. Или — патефоном собственного советского производства "Тизприбор".

В характеристике писали: "Награжден именными часами".

2.

Папины часы были тоже новинкой, недавно освоенной советской индустрией. Они скоро остановились и, похоже, навсегда.

Идущими я их не помню.

Стрелки несменяемо показывали двадцать пять минут третьего.

В Каталоге проходившей уже в недавнее время не где-нибудь — в Кремле! — выставки истории отечественных часов говорится, что революция ознаменовала конец высокого часового искусства в России.

3.

В конце тридцатых годов Николай Погодин написал пьесу "Кремлевские куранты", ставшую одним из знаковых произведений советской драматургии.

Несомненно, самой запоминающейся в пьесе (спектакле) стала сцена беседы Ленина со старым часовщиком.

Часовщик понадобился Ленину, чтобы снова пустить в ход остановившиеся (к слову: пораженные снарядом при взятии большевиками Кремля) куранты на Спасской башне и научить их звучать *по-нашему*, то есть вызванивать "Интернационал".

Сцена, казалось бы, побочная, но по глубинному замыслу — центральная (свидетельство тому — название пьесы). Кремлевские куранты отбивают *наше* время.

Хотя мастер, починивший куранты, и другой, набравший на игральный вал мелодию коммунистического гимна, в действительности ни евреями не были, ни стариками, чуть драматурга подсказало Николаю Погодину, что *его* часовщиком непременно должен быть старый еврей.

Это придало сцене неповторимый колорит, решительно выделило ее в тексте пьесы.

В пьесе, в спектакле можно многое забыть, можно даже всё забыть, но эта сцена не забывается. (Исполнение роли старого часовщика Борисом Яковлевичем Петкером в спектакле Художественного театра единодушно признается классикой актерского искусства.)

В беседе с Лениным часовщик рассказывает, что после революции его "объединили" в артель, а артели не нужна уникальная, штучная работа, ей нужен "поток". Мастер напомнил новому начальству артели басню Эзопа. Лиса упрекает львицу: она, лиса, рождает сразу шестерых детенышей, тогда как львица только одного. На что львица отвечает: "Но я рожаю льва!" Начальство басни не поняло и объявило старика агентом Эзопа, а Эзопа — агентом Антанты. Ленин, заливаясь, хохочет.

Но большой "артели", которой он руководит, нужен поток, а не штучные львы.

На Первом съезде Советских писателей (уже в 1934 году, к которому я то и дело возвращаюсь) Бухарин ставил задачей, чтобы "в ширпотребе было поменьше брака, а качество всего ширпотреба не уступало бы качеству товаров из торгсина". (Напомню: в торгсинах — аббревиатура: "торговля с иностранцами" — товары хорошего качества продавались не на советские рубли, а на золото.) Но советское время шло, золото оставалось золотом, а ширпотреб, в том числе и рубли, и, в большой своей части, литература, оставался ширпотребом.

4.

Папины часы *Ударнику* покоились в плоской синего стекла вазочке на туалетном столике, именовавшемся у нас почему-то "трельяж", хотя зеркало было только одно, небольшое и круглое; по обе стороны от него — маленькие выдвигаемые ящички, в которых лежали мамины бусы (из розовых коралловых шариков и еще одни, из мелкого, как икра, жемчуга), а также пересыпанные табаком пуговицы, недорогие брошки, зажимы для галстука, огрызки карандашей, старые рецепты, счета за квартиру.

Тут же на трельяже стояли простые настольные часы, похожие на будильник (может быть, и правда, будильник?), — едва ли не главный в доме прибор для определения времени. На кухне были еще жестяные ходики с тяжелой гирей на длинной цепочке. Когда гиря, приводившая в движение механизм, опускалась совсем низко,

ее, взявшись за цепочку, с металлическим лязгом снова подтягивали наверх. Ходики показывали часы, тем более минуты, очень приблизительно. Была, наконец, черная тарелка репродуктора на буфете: в начале каждой передачи по радио сообщали время, а каждый шестой и двенадцатый час проводили *проверку времени*: "Третий сигнал соответствует шести (или двенадцати) часам по московскому времени"...

Весьма памятный на подробности, наручных часов ни на папе, ни на маме не помню.

5.

В тридцатые годы наручные часы, можно считать, были редкостью. Счастливые их обладатели, демонстрируя свою особенность, старались при удобном случае побольше высунуть руку из рукава.

Век наручных часов бурно начался у нас сразу после войны, когда наши солдаты хлынули домой из поверженной Европы.

Известно, что, ворвавшись в немецкий дом, победители прежде всего искали алкоголь, женщину и часы ("уры").

В послевоенной Москве часы можно было подобрать себе "на углу" — у инвалидов.

Инвалиды войны, не умевшие найти места в мирной жизни, сбивались группами на углах улиц (по большей части вблизи пивных палаток, торговавших и водкой в розлив), продавали поштучно кустарно набитые папиросы, кремни для зажигалок (тоже вывезенный из Европы трофей) и — часы. Иной из таких продавцов, предлагая товар, закатывал рукав поношенной гимнастерки: пять-шесть штук часов разных марок обстегивали руку до самого локтя.

Так я незадолго обрел первые свои часы — выдавший виды давнего выпуска "лонжин", который между тем еще долго и верно мне служил и выбыл из строя по не зависящим от него причинам.

Инвалиды своим внешним обликом и поведением, своим самоощущением "вольницы", за пролитую кровь им дозволенной, конечно, исказили облик советских городов, бодро взявших курс на дальнейшее строительство коммунизма. Однажды мы проснулись в городе без инвалидов на углах, с папиросами по талонам и с продукцией 1-го и 2-го госчасзаводов на прилавках государственных магазинов.

Но, как говорится, "процесс пошел". Люди всё реже спрашивали друг у друга который час, и, чтобы ответить на вопрос, уже почти никто не проталкивал пальцы за часами в кармашек жилета: время, несущее нас по жизни (уносящее из жизни), металлическим сердцем стучало едва ли не у каждого на руке.

6.

Любопытно (почему-то раньше не поинтересовался), надел ли товарищ Сталин после войны наручные часы или обходился старыми карманными.

(Ныне, когда у правителей страны на запястье состояние в полмиллиона долларов, вопрос приобретает дополнительный интерес.)

Из некоторых воспоминаний узнаём, что у вождя собралась даже небольшая коллекция чем-то привлёкших его внимание наручных часов. Но опять же из воспоминаний узнаём, что он неохотно вносил перемены в свой вещный мир.

7.

Про серебряные (похоже, самые простые) карманные часы Сталина рассказывается в опубликованном дневнике Корнея Ивановича Чуковского.

Позже в записках другого литератора о тридцатых годах я обнаружил занятную подробность: разговаривая, Сталин играл перламутровым перочинным ножиком, висевшим на часовой цепочке.

Но у Чуковского часы эти — не подробность, пусть занятная, пусть даже значимая: в его дневнике они вырастают в триумфальный образ (прямо-таки кремлевские куранты!), в грандиозную метафору сталинского величия.

Рассказ ведется о съезде комсомола, на котором Чуковский присутствовал, в апреле 1936 года:

"Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А ОН <прописные у К. Ч.> стоял, немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое.

Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его — просто видеть — для всех нас было счастьем. К нему всё время обращалась с какими-то разговорами Демченко <прославленная в те годы колхозница-ударница>. И мы все ревновали, завидовали — счастливая! Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой — все мы так и зашептали: "Часы, часы, он показал часы" — и потом, расходясь, уже возле вешалок вновь вспоминали об этих часах.

Пастернак шептал мне всё время о нем восторженные слова, а я ему, и оба мы в один голос сказали: "Ах, эта Демченко, заслоняет его!" (на минуту).

Домой мы шли вместе с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью".

8.

Когда я прочитал этот горячечный бред, первая мысль была, что это сатира, пародия на происходившее. Ну, не мог же Корней Чуковский, злой, насмешливый умница, с его отменным, четким вкусом, с его жестким неприятием пошлости, всерьез написать *такое*.

Если даже всерьез искренно, то всерьез так пошло:

"...утомленный, задумчивый и величавый..."

"...у всех (!)... влюбленные, нежные лица..."

"...просто видеть его — для всех было счастьем..." и проч.

И эта галиматья с часами...

И эта клуонада с Демченко, которая всё время ЕГО заслоняет...

Возникло даже подозрение: не *оберег* ли это.

Вон у Евсея Цейтлина в его необычной книге "Долгие беседы в ожидании счастливой смерти" главный герой, литовский писатель-еврей (лицо реальное), в трудную пору "дела врачей-убийц" сочиняет пьесу о евреях-вредителях, диверсантах. Объясняет наивно: его придут арестовывать, станут просматривать бумаги, а тут эта пьеса; значит — *свой*.

Подобных примеров, вне сомнений, немало, просто не афишировались, конечно.

9.

Но вот шестью годами раньше Чуковский занес в дневник свой разговор с Тыняновым (тоже человек умнейший и вкуса безукоризненного). Речь шла о колхозах.

"В историческом аспекте Сталин как автор колхозов, величайший из гениев, перестраивавших мир. Если бы он, кроме колхозов, ничего не сделал, он и тогда был бы достоин назваться гениальнейшим человеком эпохи"...

Разорялась деревня, эшелоны увозили десятки тысяч крестьянских семей на Север, на Дальний Восток, черной тучей надвигался голодомор.

Сам "величайший из гениев" выступил с ("Гениальной", конечно) демагогической статьей "Головокружение от успехов", торопясь перевалить на чужие плечи очевидные беды начавшейся коллективизации.

А тут — такой непомерный восторг.

Разговор завершился весьма своеобразно — пожеланием держать сказанное в секрете: "столько прохвостов хвалят *его* теперь для самозащиты".

10.

Оборвись эта фраза двумя словами раньше — из нее вычитывался бы один смысл.

Но "для самозащиты" (оберег) — это уже другое.

Допускаю, что насчет колхозов Чуковский заблуждался искренно. Накануне он размышлял в дневнике: "...Ни одному даже самому мудрому из народников, даже Щедрина, даже Чернышевскому — ни на секунду не привиделся колхоз. Через десять лет вся тысячелетняя крестьянская Русь будет совершенно иной, переродится магически — и у нее настанет такая счастливая жизнь, о которой народники даже не смели мечтать, и всё это благодаря колхозам".

Ну, что тут поделаешь! Остается лишь пожалеть Корнея Ивановича. Пронзительно зоркий, умеющий тотчас схватить суть, к тому же человек весьма недоверчивый, он не взглянул *окрест себя*, не выбрался за пределы полос официозных газет (а других уже не было), тех самых полос, по которым бродил уничтожающий термин "чуковщина", где имя его было привычно окаймлено хулой и почти никогда хвалой, где незадолго до того напечатано было вынужденное *отречение* его от своих сказок (сказки Чуковского, по определению Крупской, "муть", "болтовня"), от любимых своих мойдодыров, мух-цокотух, тараканищ.

Так что и о *самозащите*, наверно, подумать было не грешно.

11.

В предисловии к изданному "Дневнику" составитель Е.Ц. Чуковская, знавшая жизнь Корнея Ивановича, что называется, *изнутри*, пишет:

"Тяготы 30-40-х годов: личные — смерть младшей дочери — и общественные — убийство Кирова, террор в стране, — накладывают отпечаток на содержание и характер записей. После убийства Кирова в записях появляются многочисленные пробелы, в дневниковых тетрадах — множество вырванных страниц, вырезанных строк... Многие важнейшие события в жизни автора "Дневника" и его близких не нашли никакого отражения или упомянуты лишь мельком.

В августе 1937 г. был арестован зять К. Чуковского, муж его дочери Лидии — физик-теоретик М.П. Бронштейн, вскоре расстрелянный, и Корней Иванович присутствовал на квартире дочери в момент обыска, конфискации имущества, опечатывания дверей. Обо всем этом в "Дневнике" написаны два слова: "Лидина трагедия".

Умолчания, относящиеся к событиям середины 30-х годов, попытки убедить себя вопреки всему, что дела обстоят превосходно ("Какое счастье, что детская литература наконец попала <...> в руки Комсомола. Сразу почувствовалось дуновение свежего ветра"... и другие аналогичные записи), описание изматывающих баталлий с партийными руководителями культуры... — всё это характеризует дневник этих лет. <Похвалы ЦК ВЛКСМ — несколькими страницами раньше сталинских часов на съезде комсомола.>...

Смесь трезвого и меткого наблюдательного взгляда с испуганными попытками объяснить необъяснимое и принять неприемлемое, запечатленная в записях 30-х годов, характерна для восприятия эпохи многими писателями той давней поры".

12.

Снова буду цитировать. Потому что никогда не смог бы сказать то, что хочу сказать, лучше, чем это сделала Лидия Яковлевна Гинзбург в замечательном эссе "В поисках тождества". Того более: мне, скорей всего, не пришло бы в голову сказать то, что я собираюсь предложить читателю, если бы в свое время я не познакомился с этим потрясающим текстом.

Вот что пишет Л.Я. Гинзбург об эпохе, о которой идет у нас речь и которая была полной мерой *ее* эпохой.

"Тридцатые — коллективизация, украинский голод, процессы, 1937-й — и притом вовсе не подавленность, но возбужденность, патетика, желание участвовать и прославлять. Интеллигенция заявила об этом и поездкой писателей по Беломорканалу, и писательским съездом 1934 года с речами Пастернака, Олеси, Заболоцкого и проч.

Нынешние всё недоумевают — как это было возможно? Это было возможно и в силу исторических условий, и в силу общечеловеческих закономерностей поведения социального человека.

К основным закономерностям принадлежат: приспособляемость к обстоятельствам, оправдание необходимости (зла в том числе) при невозможности сопротивления; равнодушие человека к тому, что его не касается...

До нас же об украинском голоде доходили неясные, подавленные слухи. Мы ни за что не отвечали и ничем не могли помочь, в наше поле это не вошло. Поэтому мы были равнодушны и занимались тем, что нас касается.

На этот факт не было установки, как не было установки на факт коллективизации (тоже подавленные слухи), на аресты, пока они совершались в другой среде и еще не стали опасностью для пласта, к которому принадлежали равнодушные...

Личная реализация общих ценностей — регулятор социального поведения. Чтобы активизироваться — в чем человек испытывает неодолимую потребность — надо с существующим примириться, если только активизация не состоит в сопротивлении существующему. Чтобы притом сохранить чувство полноценности, надо оправдать себя и то, с чем примирился...

А на своем поэтическом уровне Мандельштам всё это выразил глубочайше

Как я ступать и говорить умею...

Человек хочет, конечно, быть лучше других, но этого ему мало. Главное — быть не хуже других, только это, а вовсе не сознание своей гениальности избавляет от комплекса неполноценности.

*Я человек эпохи Москвошвей, —
Смотрите, как на мне топорщится пиджак...*

Москвошвей — это место, где шьют для всех, для бедных, и плохо шьют. Где говорят на упрощенном языке. Но это язык всех, тех, за кого на своем языке говорит поэт, поэтому поэт тоже имеет право быть одним из всех.

На этом праве особенно упорно настаивал Пастернак...

В.В. Иванов в воспоминаниях о Пастернаке рассказывает, как Борис Леонидович огорчился, обиделся, когда писателям скопом давали ордена, а ему не дали. Он даже просил кого-то по телефону похлопотать.

Удивительно здесь не то, что огорчился. Кто из нас без греха слабости и суеты? Удивительно, что не скрыл, не постыдился огорчение обнаружить. Это не просто спонтанная инфантильность Пастернака. Это тоже поиски равенства: пусть все знают, что я тоже хочу орден — как все (как все определенного ранга).

В стихах оно обернулось публичным отречением от дара невероятных сочтаний, от чуда "Сестры моей — жизни", где всё замешает и всё объединяет всё.

Неотвратимо заявил о себе под конец двойной пастернаковский комплекс — равенства в жизни и простоты в стихах..."

13.

Пастернак увидел Сталина с его часами на съезде комсомола уже после ныне ставшего легендарным телефонного разговора с ним о Мандельштаме, разговора, в котором Сталин резок, невежлив, напорист, как следователь, и который закончился тем, что на предложение Пастернака поговорить о бытийных проблемах (о жизни и смерти) попросту бросил трубку ("к счастью для собеседника", — замечает сын поэта Е.Б. Пастернак в книге об отце).

1936 год, о котором веду речь, был трудным для советской культуры и для Пастернака, в частности (впрочем, что для нее, что для него *легкий год* подобрать не просто).

Сам поэт писал тогда же:

"Зимой была дискуссия о формализме... Началось со статьей о Шостаковиче <"Сумбур вместо музыки" в "Правде">, потом перекинулось на театр и литературу (с нападками той же развязной, омерзительно несамостоятельной, эхоподобной и производной природы на Мейерхольда, Мариетту Шагинян, Булгакова и др.). Потом коснулось художников и опять-таки лучших..."

В определении критики существенны эпитеты — "омерзительно несамостоятельная", "эхоподобная": ни для кого не было секретом, что статья об опере Шостаковича написана под диктовку Сталина.

В ходе всех этих по указке сверху организованных дискуссий неизменно доставалось и Пастернаку.

"Пастернаку предложено задуматься, куда ведет его путь индивидуализма, цехового высокомерия и претенциозного зазнайства".

Он пытался перевести разговор в бытийный план:

"Ах, эта невозможная жизнь! Здешные ее нелепости, становящиеся препятствиями для художника — баснословны. Но такова и должна быть революция... До судеб ли тут, до оправдавшихся ли биографий. Но история размахнулась тут чем-то несговорчиво-крупным и это — возвышает".

В ответ, вполне в манере вождя, обличители угрожающе бросали трубку:

"Поэт, которого чуть было не провозгласили вершиной советской поэзии, пишет, печатает <...> стихи, в которых клеветает на советский народ.

Он как свое *изделье*

Кладет под долото

Твои мечты и цели.

Нельзя без возмущенья читать эти строчки и говорить о них".

Путь от самобытности к "как все", готовность и даже желание отдать ради этого свои мечты и цели под общее "долото" ведет, по слову Л.Я. Гинзбург, к отречению от себя, к обмену золотой валюты на ширпотреб.

Вот и Борис Пастернак в пору мучительных (подчас, без преувеличения, на грани жизни и смерти) раздумий о своем месте в этом невозможном для художника мире *как все* с восторженным благоговением воспринимает разыгранную самовлюбленным тираном клоунату с часами, завидует колхознице Марии Демченко, возле тирана размещенной, сердится, что она "заслоняет" его, "задумчивого и величавого", сам, кажется готов стать ею.

14.

(Я заинтересовался лишь одним, не слишком значительным эпизодом в дневнике Корнея Чуковского, эпизодом с сталинскими часами. Чувства и взгляды писателя будут, что совершенно естественно, меняться. После разоблачений 20-го съезда прочитаем дневниковые записи и про "сталинскую полицейщину", и про "Сталина, Ежова и их подручных... всю эту мразь, которая хотела искоренить интеллигенцию, ненавидела всех *самостоятельно думающих*, не понимая, что интеллигенция сильнее их всех...", и про радость оттого, "что из Третьяковки вынесли все картины, где холуи художники изображали Сталина" и т.п. В последние годы жизни старый писатель занял, однако, позицию, которую, опять же согласно с Л.Я. Гинзбург, можно определить не как активизацию на стороне существующего, а как активизацию *сопротивления существующему*, и это замечательно прочитывается на его дневниковых страницах.

Отношения Пастернака со Сталиным внимательно рассмотрены в капитальном труде Б. Сарнова "Сталин и писатели".)

15.

В годы, на которые пришлось мое раннее детство, новогодняя (она же — рождественская) елка была под запретом.

Доброе деревце ("и много, много радости детишкам принесла") громоздилось в бдительных умоизращениях политкомиссаров — контрреволюцией, антисоветчиной, поповщиной.

Радостное празднество детишек оборачивалось для неосторожных взрослых бедами и лишениями.

Так, случайно похмелившись в чужом пиру, на "нелегальной" елке, пострадала мамина приятельница с несчастным именем Фрина. Прежде она то и дело к нам забегала и очень мне нравилась (ярко накрашенные губы, подведенные синим глаза и даже меня, малыша, пьянящий запах каких-то особенных духов). Эта Фрина занималась чем-то в культпросвете и однажды водила меня в детский театр (едва ли не первый спектакль, мной увиденный). Показывали "Сказку о рыбаке и рыбке", и я до сих пор помню, как жадная старуха, которая не хотела больше быть дворянкой, а хотела стать царицей, лупила от злости кулаком огромную подушку в красной наволочке, а из подушки летели во все стороны изображавшие пух белые клочки бумаги. Фрине пришлось даже на время покинуть Москву. Уезжая, она пристроила у нас низкое мягкое кресло, обитое зеленым бархатом, в котором я очень полюбил валяться, особенно с книгой. Прошло несколько лет, Фрина не появлялась. Кажется (к моему тогдашнему огорчению), она вышла замуж за какого-то железнодорожника. Мама, вспоминая ее, непременно прибавляла: "Сча^астливо отделалась" (всегда с ударением на "а").

16.

При своей крайней встревоженности и очень опасливом отношении к советской власти, мама с упрямой убежденностью всякий год одаривала меня елкой.

Конечно, всякий год мне снова и снова объяснялось, что, "если хоть муха узнает", — папу тотчас с работы, а, может быть, даже в тюрьму, и маму, скорее всего, тоже, и, вообще, — прощай, Москва: "Ты ведь Фрину помнишь? Еще сча^астливо отделалась!". Я, задыхаясь от волнения, спрашивал (впрочем, не сомневаясь в ответе): "И часы *Ударнику* отнимут?" — (Наверно, в этих часах я интуитивно ощущал воплощенное сопряжение папиной исключительности и его причастности к тождеству). "Непреренно отнимут".

17.

Одно из частых слов моего детства — "кошелка".

Проверяя себя, заглянул в словарь.

Кошёлка — *плетеная* сумка.

Даже — корзина.

Но кошелка моего детства — сумка не плетеная, а сшитая из плотной ткани, парусины, часто из клеенки.

Женщины *с кошелками* ходили по магазинам, на рынок, *отоваривали* карточки, цепко высматривали, где что *дают*, стояли в очередях, озабоченные стойкой необходимостью добывать *продукты*.

В советское время с продуктами всегда были сложности. Весной 1982-го, когда советской власти перевалило уже за шестьдесят — пенсионный возраст! — была принята новая продовольственная программа, обещавшая вскоре досыта накормить население. Но до назначенного срока советская власть не дожидка.

18.

...В один из последних декабрьских вечеров, мама, возвратившись с работы, прямо от двери направлялась со своей черной клеенчатой кошелкой в дальнюю за-проходную комнату, где в уголке прижалась и моя маленькая кровать, и по маминему возбужденному лицу, по глазам я тотчас понимал, что настало время чуда.

Я нетерпеливо, как собачонка, прыгал вокруг мамы, а она, будто мучая меня (это тоже было частью игры — *ожидание* чуда), нарочито не спешила: задергивала тяжелую штору на окне, шла обратно в прихожую — скинуть пальто, что-то передвигала, переставляла. Наконец, порядком меня истомив, она поворачивала ко мне лицо, в котором таилась улыбка, мною угадываемая, прикладывала к губам палец: "Никому?" Я тоже прикладывал палец к губам: "Никому". Она брала меня за обе руки, повторяла, уже серьезно: "Ну, смотри, милый, чтобы — никому..."

Мама доставала из кошелки большую еловую ветку (где только она ее находила в те "безъёлочные" годы?), пушистая зеленая лапа, оказавшись на свободе, распрямлялась, встряхивалась, — и тотчас комнату заполнял чудесный запах хвои.

Суровой ниткой ветку пришивали к коврику над моей кроватью. На серой холстине коврика — аппликация из лоскутков: белая в коричневых пятнах собака в чуткой стойке замерла среди высокого камыша. Простецкое воспроизведение картины художника Мако.

Чудо продолжалось.

Мама открывала стоявший в кухне сундук, большой, зеленый, обитый по краям и крест-накрест по крышке и бортам полосками черной жести. Здесь, в сундуке, хранились старые вещи, извлекаемые обычно с появлением *Тютельки в тютельку*, Пульхерии Андреевны, старушки с мягкими щеками и яркими для ее годов голубыми глазами, — старушка ходила по домам и за недорогую плату и обед с необычайной изворотливостью перешивала в детские одежды ношенные материнские платья, отцовы пиджаки и рубахи. Словами *Тютелька в тютельку* она определяла качество своей тщательной, изощренной выдумками голи рукодельной работы. (Пульхерия Андреевна прославилась еще и тем, что во всех домах, где приходилось ей шить, приучала детей к любимому своему блюду — сладкой пшенной каше, которую надо было есть непременно с хлебом.)

Из сундука появлялись отслужившие свой век, но по скудости жизни на всякий случай хранимые вещи, которые казались мне очень интересными: бабушкино, будто атласом поблескивающее пальто, почему-то еще не перешитое, мамин изрядно потраченный белый меховой воротник, папина черная визитка... Наконец, откуда-то с самого дна выбиралась на свет круглая жестяная коробочка, голубая, с золотой надписью "Халва" на крышке. В ней — чудом уцелевшие в перипетиях лет старинные елочные игрушки — несколько красных и желтых деревянных вишеноч, попарно, по две ягоды, дрожавших на проволочных рогульках-черенках, и вырезанные из картона фигурки — маркиза в сказочно прекрасном розовом платье и маркиз в голубом камзоле. Такие картинки когда-то укладывали как подарок в коробки с шоколадом фабрики Эйнем.

"Мама, а трельяж?" — спрашивал я с надеждой.

"И трельяж, — говорила мама. — Только смотри — никому!"

Мы развешивали на елке брошки и красивые пуговицы, окутывали ее мамиными бусами — розовыми, коралловыми, и набранными из мелкого бисера.

"Мама, — снова спрашивал я. — А часы?"

"Ну, если папа разрешит..."

Я, волнуясь, бежал к папе.

С прилаженными часами елка отчего-то становилась не только прекрасной, но даже значительной.

"Прямо кремлевская башня", — говорила мама.

Она зажигала на туалетном столике свечу в подсвечнике, всегда бывшую наготове на случай, если отключат электричество, и гасила в комнате свет.

Пламя свечи отражалось в зеркале трельяжа, рассыпалось сверкающими звездочками в висевших на елке бусах, пуговицах, брошках.

В этот счастливый вечер я засыпал *под елкой*, вдыхая яркий, смолистый запах хвои...

Утром, когда я открывал глаза, всё в комнате было уже обыкновенно.

На серой холстинке над моей кроватью, как всегда, стояла, поджав переднюю лапу, знакомая до последнего лоскутка белая в коричневых пятнах собака.

Еловой ветки и след простыл.

И чудо то ли вправду меня навестило, то ли явилось в прекрасном сне.

19.

Новогоднюю елку снова разрешили в конце 1936-го.

В главной газете "Правда" появилась статья видного большевистского руководителя Постышева: запрет елки объявлялся "левацким загибом".

Статья, конечно же, была согласована со Сталиным. Но вождь благодушно оставил идею сатрапу. Считалось, что елку "вернул детям" Постышев.

Человек, причастный ко многим жестоким преступлениям режима (и к украинскому голодомору тоже), он стал глядеться в разговорах добрым дядюшкой, который разве что не водит с детьми хороводы и не распекает с ними "В лесу родилась елочка..."

Песенка эта долго считалась народной, тогда как автор ее, поэт Раиса Адамовна Кудашева, по своим причинам, в те годы вполне объяснимым, пряталась в безвестности. Природа наделила ее долголетием: она тихо пережила сталинское время и даже хрущевское, — в конце жизни ее, наконец, стали упоминать как автора повсеместно распеваемой "Елочки".

Постышева, которого расстреляли через два года после того, как он "подарил детям елку", она тоже пережила.

В недолгое оставшееся время жизни Постышев одарил население, детей и взрослых, новой забавой. На этикетке спичечного коробка он обнаружил замаскированный портрет Троцкого. Потом — какое-то крамольное изображение на обложке школьной тетради. Дальше — больше. На хлебной корке, на куске колбасы он видел свастики. Конфетные этикетки тоже оказались под подозрением.

Не думаю, что он помешался. Помешанными были все. Время Большого Террора — *сон разума, рождающий чудовищ*.

По примеру руководителя, доверчивое и вместе бдительное советское население стало в любом сочетании линий и пятен угадывать преступные замыслы врага.

Я уже учился в школе. На уроках и на переменах мы со страстью рассматривали рисунки в наших учебниках, даже (и особенно) на просвет — и непременно находили что-нибудь возмутительное. То подобие фашистского знака, то запретное сочетание букв, то всё того же Троцкого.

Я хорошо помню эти "страшные" спичечные этикетки. На рисунке — зажженная спичка, три острых язычка пламени, в которых ослепленному подозрению в зрелом чудились клоки волос над лбом, нос и острая бородка — профильный портрет самого страшного врага нашей советской родины.

Спички с такими этикетками изымались из продажи.

Коробок спичек мог грозить его владельцу изъятием из жизни.

Самого Постышева расстреляли как организатора подпольного троцкистского центра и заодно как японского шпиона.

20.

Разрешение устраивать елку явилось неожиданное-негаданное, под самый Новый год. Тотчас и елки откуда-то взялись, в Москве, во всяком случае. Страна бросилась делать игрушки: фабричные в тот первый год не успели.

Клеили из цветной бумаги фигурки, цепи, резали бахрому. Серебрили грецкие орехи. В посеребренный орех, в крошечную дырочку, там, где смыкаются половинки скорлупы, втыкали примерочную булавку с петелькой, сквозь нее протягивали нитку — привязывать орехи к ветвям елки. Вешали на елку пряники, конфеты, мандарины (они только что появились в продаже — каждый мандарин был завернут в листок папиросной бумаги).

...Как хорошо — не бояться!

У нас елка — до потолка, и шторы на окнах — настезь.

Вдруг оказалось, что папа умеет делать из гофрированной цветной бумаги замечательные китайские фонарики — желтые, зеленые, красные шары и цилиндры (из обрезков мы с мамой лепили фантастических — какие в голову приходили — рыб и попугаев).

21.

Год спустя *новогодняя елка* стала уже обязательным общественным мероприятием.

Придя с работы, папа протягивал мне красивый гляцевый билет — елка для детей сотрудников, и непременно надо пойти, председатель месткома сама разносила билеты по отделам, — ну, и подарки, конечно, будут. И мама приносила с работы гляцевый пестрый билет. В школе тоже елка. И в домоуправлении. И "главная елка страны" (тогда еще не в Кремле) — в Колонном зале. И знакомый мальчик пригласил к себе домой на елку. И знакомая девочка. И кто-то подарил родителям для меня билет на елку в клуб наркоминдела, — как такую пропустить!..

Артистка Рина Зеленая, прославившая себя тем, что передавала детскую речь, какой она представляется взрослым и тешит их, всякий день читала по радио один и тот же написанный кем-то к случаю уморительно-смешной монолог затасканного по елочным праздникам ребенка.

Чтобы украсить елку, большого труда уже не требовалось: прилавки магазинов были завалены всевозможным *елочным ширпотребом*.

22.

...Прошло полвека.

Даже больше.

Папы уже не было в живых. И мамы тоже. Хотя она надолго его пережила.

Я не забывал про папины часы, но они давно не попадались мне на глаза, и стали для меня больше образом, творимым памятью, чем предметной реальностью.

Пока однажды счастливый случай вдруг не явил их мне снова.

Они обнаружили в черной лаковой федоскинской шкатулке, на крышке которой лихая тройка с седоками в яркой одежде мчалась по серебристому снежному полю.

Шкатулка упряталась в платяном шкафу, в самой глубине, на полке, где лежали стопкой мамины блузки, шейные косынки и платки, которые, несмотря на

миновавшие годы, хранили ее запах и, казалось, тепло и прикосновение, — так что не было возможности ни раздать их, ни даже переложить куда-нибудь.

В шкатулке, огнисто алой изнутри, оказались некоторые памятные вещи, прежде хранимые в "трельяже". Самого трельяжа давно след простыл; не помню, чтобы его отдали кому-нибудь или попросту выбросили за ветхостью и ненадобностью, — он как-то сам собой неприметно исчез, будто стерся временем, — такое нередко случается со старыми вещами.

Я обнаружил в шкатулке мамины розовые коралловые бусы, брошку темно-синего стекла, сквозь которую в детстве любил смотреть на свет лампы и — папины часы.

Часы показывали всё те же двадцать пять минут третьего.

Они вдруг увиделись мне замечательно красивыми — с резным ободком вокруг просторного, свободного от подробностей циферблата, четким курсивом цифр, каллиграфически исполненной гравированной надписью *Ударнику* на задней крышке.

Часы лежали у меня на ладони, их стальное тельце понемногу набиралось моего тепла.

Мне хотелось прижаться к ним ухом и услышать мерное биение их маленького стального сердца.

Я почувствовал требовательное желание оживить их, дожить свой век по этим папиным часам, с которыми познакомился в рассветную пору детства и вновь встретился на закате дней.

Мысль о мистической связи времен разогревала мое желание.

23.

Мне дали адрес некогда знаменитого часовщика.

Старик уже давно не работал, но иногда выполнял на дому частные заказы, если они были ему интересны.

Он жил на Маросейке, в одном из переулков.

Дом был старый — пятиэтажный доходный дом позапрошлого столетия, и лестница — старая, просторная, со стершимися каменными ступенями, и дверь, каких теперь уже не бывает — с резным рельефом и круглой медной ручкой.

Квартира была тесно заставлена старинными вещами, начиная с тяжелой стоячей вешалки — такие еще в пору моего детства называли "старинными".

Всклоченные седые волосы мастера нимбом облегли лоб; давно не бритые румяные щеки серебрились щетиной.

На старике была домашняя клетчатая куртка с бархатным воротником; его ноги прятались в высоких ботах на меху.

В комнате у окна стоял рабочий стол, покрытый матовым стеклом. На нем, в каком-то заведомо значимом порядке были разложены всевозможные часовых дел инструменты.

Рядом со столом, на старинной тумбочке виселись песочные часы — очень большие, каких мне никогда не приходилось видеть; песок тонкой ровной стружкой перетекал из одного стеклянного шара в другой. Песка в ёмкости хватало, может быть, на целый час, или даже два.

Мастер усадил меня и стал расспрашивать, с чем я к нему пришел. Я рассказал больше, чем предполагал: глаза старика встречали мои слова с доброжелательством и интересом.

Наконец, я извлек из кармана часы.

Старик почти жадно выхватил их из моей руки, быстро, как-то боком, по-птичьему, взглянул на них — и радостно заключил: "Не *Павел Буре*".

Артист Художественного театра Борис Яковлевич Петкер чудесно бы его сыграл.

23.

Он надвинул на голову кольцо с окуляром, пристроил окуляр под кустистой бровью, ловким движением сбросил с часов заднюю крышку, тут, там тронул маленькой отверткой механизм. Быстрым щелчком вернул крышку на место, сдвинул окуляр на лоб и протянул мне часы обратно.

"Вы, конечно, мне не поверите, но эти часы чего-нибудь *стоят* именно тогда, когда они — *стоят*".

Он произнес это опять же радостно, точно сообщал мне нечто необыкновенно приятное и нужное:

Его небритые щеки пылали под сединой радостным детским румянцем.

"Вы меня понимаете? Теперь, когда часы *стоят*, они показывают абсолютно точное время. Это то время, которое вам оставил на память ваш отец. Предположим, у нас получится — мы их запустим. И *что*? Каждый вечер вы будете заводить пружину, тревожить хрупкий механизм. Часы будут, конечно, отставать или убежать вперед, потому что, нравится нам это или нет, то, что вы держите в руках, не *Павел Буре* и тем более не *Брегет*. Вы будете сердиться и крутить туда и сюда минутную стрелку. В один прекрасный день, и, наверно, очень скоро, часы снова остановятся. Но на них будет уже не время вашего отца, а — ваше время. Вы понимаете, что я хочу сказать?.."

Тихо отворилась высокая дверь, на пороге появилась маленькая полная старушка в светлом фартуке.

"Исай! — сказала она. — Может быть, ты лучше предложишь моему гостю покушать суп с клецками?.."

24.

...Кажется, с того дня мне не приходилось больше есть суп с клецками...

25.

А папины часы лежат теперь у меня на столе.

Время от времени я поглядываю на них и уточняю время, в котором живу.

На циферблате всегда двадцать пять минут третьего.

1934-й год.

Елена Кушнерова
ИНТЕРМЕЦЦО
Служба на Военфаке
при Московской Консерватории

После того как моя консерваторская рекомендация в аспирантуру «сгорела» по причине невъезда за границу на конкурс, а вместе с ней «сгорела» и возможность предоставить в качестве аргумента выигранную на конкурсе премию, я просто выпала в осадок из нормальной жизни. Консерватория окончена, красный диплом в кармане, к экзаменам в аспирантуру по вышеуказанной «уважительной причине» не допущена, а распределения не получила, потому что мне дали рекомендацию в аспирантуру. Эдакий заколдованный круг.

И вот оказалась я в такой ситуации: не учусь и не работаю. А ведь в Советском Союзе, как известно, безработицы не было! Те люди, которые не учились и не работали, назывались просто и ёмко: «тунеядцами»! То есть моя блестящая карьера благополучно завершилась, так и не начавшись. Я стала «невъездной». «Невъездной» — это крест на человеке. Был человек, и нету человека. Тебя никуда не берут, даже документов не принимают. К экзаменам в аспирантуру не допускают, на работу без распределения тоже не берут. И вообще — замолкает телефон, от тебя шарахаются люди. Ты умер и похоронен в общей могиле таких же, как ты, «невъездных».

Бедный мой папа без усталости писал письма: министрам культуры и культуры, в ЦК КПСС и даже лично дорогому Леониду Ильичу. Понятно, что всё это было гласом вопиющего в пустыне. Никто на эти письма не отвечал. Только от Брежнева (точнее, из его секретариата) мы получили «ответ», что, дескать, Леонид Ильич вашу телеграмму получил. На этом наша борьба была благополучно завершена. Что дальше? А ничего! Живи, как хочешь!

Папочка страшно переживал: он чувствовал себя ответственным за случившееся, потому что родственники эти, из-за которых чисто формально меня «застолбили», были по его линии. И сколько я ему ни говорила, что это предлог, что не было бы родственников, было бы что-нибудь другое, и что даже и без всяких родственников на меня стучали без усталости, он всё равно не мог с этим смириться, что в конечном итоге привело к нескольким инфарктам и безвременной его кончине в 1988 году.

Сегодня я охотно заглянула бы в свои акты: кто и что там про меня интересного писал, просто так, скажем, для общего развития.

Но вернёмся в Москву, в год 1982.

Понятно, что я раздражала: с одной стороны — еврейка, да ещё и «ничья девочка», то бишь, не блатная, а с другой — отличница, бессменный комсорг курса (а до этого — класса), одна из лучших на курсе, вся такая весёлая и всегда в центре внимания. Наверное, было это всё вполне непереносимо. Вы спросите, почему я была бессменным комсоргом сначала в ЦМШ, а потом в консерватории? Ну, так это же проще простого! Меня единогласно выбирали! И, будучи «уязвимой», или, как говорили в то время, «инвалидом по пятому пункту», не могла отказаться от этой «чести»! Тогда в моей характеристике не было бы убойного «принимает активное участие в общественной жизни школы (курса), являясь комсоргом класса (курса)»! И была бы я ещё более уязвима!

И вот началась «новая жизнь». С большим трудом и по большому благу, с помощью маминых знакомых композиторов взяли меня на военно-дирижёрский факультет при Московской Консерватории концертмейстером. На полставки (60 рублей в месяц). Работа моя состояла в том, чтобы играть различные симфонические произведения и военные марши в четыре руки с другим концертмейстером, заменяя оркестр. А курсанты под руководством преподавателя (военного дирижёра) нами дирижировали, так сказать, учились на нас управлять оркестром.

Работала я, как и все концертмейстеры, на двух кафедрах — симфонического дирижирования, где мы играли всевозможные симфонии и концерты для фортепиано и оркестра, и на кафедре военного дирижирования (не помню, как точно она называлась), где игрались военные марши, которые обычно звучали на парадах. Там самое смешное было то, что по жесту дирижёра оркестр замирал. Кто смотрел эти военные парады, транслировавшиеся по телевидению, те помнят, что главное «счастье» заключалось в том, что маршал, стоя в машине, объезжал войска и поздравлял их с праздником. После выдерживания паузы в несколько секунд, рота (или, там, батальон) по команде кричала «Ура!». Так вот, военный марш должен был внезапно прекратиться ровно в момент остановки перед солдатами машины со стоящим в ней маршалом. Независимо от музыки, в произвольном месте.

Меня этот процесс почему-то всегда страшно веселил. А в классе, когда надо было совершенно неожиданно и против музыки по жесту курсанта буквально замереть на одной ноге (или на одной ноте), со мной просто истерика делалась! Я так смеялась, что чуть не падала со стула, и заражала этим смехом окружающих, которые к этим внезапным остановкам давно привыкли и перестали на них реагировать. А с приходом новенькой у всех вдруг открылись глаза, и все, включая и педагогов-полковников, и курсантов, и концертмейстеров заражались моей весёлостью и смеялись вместе со мной. Кроме того, именно на этих уроках я научилась понимать солдатский юмор, типа: «Сапоги надо чистить на ночь, чтобы надевать их утром на свежую голову». Но как это всё было ни смешно, играть марши или играть симфонии — это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

Естественно, все концертмейстеры рвались в класс симфонического дирижирования, где было хотя и сложнее, но зато не в пример приятнее — сидишь и играешь себе какие-нибудь симфонии Брамса или Бетховена в четыре руки! Или концерты со вторым роялем! И, понятное дело, за симфонический класс шла борьба. Но не только между концертмейстерами, а в основном даже между военными, кому в класс распределят каких концертмейстеров. Чем выше было мастерство концертмейстеров, тем вероятнее было их распределение в класс симфонического дирижирования. Поначалу у меня, как у новенькой, было много часов в военном классе, но вскоре все разобрались, что к чему, и поняли, что значительно целесообразнее использовать меня в классе симфонического дирижирования.

Как это обычно бывало, сначала меня все очень тепло приняли: и женщины-концертмейстеры, и педагоги-полковники, и майоры, и курсанты — ко всем я относилась дружелюбно, была весёлой, работать со мной было легко. Кроме того, я хорошо читала с листа, с детства была научена мамой играть в ансамбле, а также умела играть «под руку», то есть подчиняться дирижёру. Тут уместно упомянуть, что в первых классах ЦМШ я и сама была дирижёром нашего маленького оркестрика, унаследовав от мамы страстную любовь к дирижированию. Так что, как бы это всё было и неудивительно.

Но, опять же, как это обычно бывало, со временем эта любовь начала увядать и где-то через полгода совсем пожухла: я уже встала всем попере́к горла — самая молодая, единственная незамужняя, единственная беспартийная и, по общему мнению, лучшая пианистка. Все педагоги хотели меня в свой класс, но это было невозможно, и началась борьба между педагогами. Поэтому на меня сначала пообижались все женщины-концертмейстеры (особенно те, кто до моего прихода за главных считались), потому что все старались меня «обменять», чтоб я играла только симфонический репертуар и фортепианные концерты, а не военные марши. Потом обиделись полковники, которым меня «не дали», а потом вообще меня перестали распределять к майорам (которые были молодые), во избежание совращения их мной... Майоры стали в коридорах умолять полковников «уступить меня» на часок... В общем, началась свистопляска. А поскольку я была уже невъездной, то совершенно сознательно превратилась в настоящую “bad girl”. Размышляла я следующим образом: вот я была такая хорошая и правильная, и училась хорошо, и комсоргом была, и по всем предметам имела пятёрки (включая историю КПСС и прочие «необходимые» музыканту науки, как то: исторический и диалектический материализмы, а также предмет, так и оставшийся для меня таинственным — «научный коммунизм»), и что? На конкурс меня всё равно не пустили! Так должна же я теперь, так сказать, «посмертно», оправдать это! Чтобы справедливость возторжествовала! С самого начала я со смехом отказалась быть комсоргом. Прямо так и сказала: «Не-е, ребята! Я уже оттрубила комсоргом десять лет, ухожу на заслуженный отдых». Отлынивала нагло от так называемой общественной работы, отказывалась вступать в партию (как я объясняла, по причине острой политической незрелости), а также «отказывалась» выходить замуж — на постоянные вопросы, почему я не замужем, я кроила слезливую физиономию и отвечала, что меня никто не берёт. Говорить, что я не хочу, было глупо, кто ж в это поверит? Считалось, что все девушки хотят. А когда я говорила, что никто не берёт, начинался цирк, потому что все сразу предлагали себя. Но поскольку все были женаты, я жалобно говорила: «Ну так вы же уже женаты!» На это обычно следовала фраза: «Так я разведусь!» В общем, я развлекалась по полной программе и, как умела, расшатывала дисциплину на факультете. К примеру, когда занятия начинались в 8:30 утра, что для меня было запредельно рано, я прибежала вся в мыле, курсант бежал вместо меня в библиотеку за ногами, а я с разбега плюхалась на стул педагога, а не к роялю, и, по сложившейся традиции, педагог-майор и курсант поднимали меня прямо со стулом и несли под общий хохот к роялю. И там уже ваша покорная слуга, как заводная кукла, лихо отбарабанивала военные марши. Зато за полтора года работы на факультете я сыграла семь концертов с их духовым оркестром, что, конечно же, было абсолютным рекордом господина Гиннеса!

К сожалению, за давностью лет плохо помню людей с факультета, стёрлись из памяти имена и лица. Майоры, полковники, концертмейстеры, курсанты... А были среди них и очень интересные личности. Вспоминается мне, к примеру, один молодой и очень красивый майор. Был он как две капли воды похож на Эрста Фандорина, появившегося значительно позже на страницах романов Акунина. Тонкие черты лица, быстрый взгляд, чёрные волосы и седые виски. Очень он был хорош собой! Как раз перед тем, как меня взяли на работу, он развёлся с женой из-за романа с одной молодой концертмейстершей, принятой на работу незадолго до меня. Это был, оказывается, очень шумный скандал. Предполагалось, что военные не могут влюбляться в кого попало, особенно, когда они уже женаты. Этот майор

и со мной общался довольно кокетливо, что меня развлекало и веселило, но дело было не во мне, а в его манере общаться с противоположным полом. И мне было непонятно, почему после первого полугодия меня не распределили к нему в класс, хотя он очень стремился меня заполучить к себе. Он бегал по коридорам и пытался выменять меня хотя бы на час у полковников. Понятное дело, что это ему удавалось далеко не всегда, но вот не распределять меня к нему в класс по причине «опасности соращения», которая якобы исходила от молодой и незамужней девицы, было абсолютным вздором! Он же как раз «обжётся!» Уверена, что ему просто необходимо было жениться на моей молодой коллеге, с которой он закрутил роман, иначе — вылетел бы он с работы, как пробка из бутылки! Смешно, что я, как всегда, ничего не знала. И поразилась, когда на одном уроке, эта самая Татьяна начала нагло делать ему замечания прямо при курсанте, что он-де всё неправильно говорит. Я просто опешила! Он же, помню, вспыхнул лицом, стал красным, как рак и, с трудом сдержав себя, как-то сгладил неловкость. А я так и сидела с открытым ртом. И как можно после такого жениться?! Но ведь и НЕ жениться тоже никак нельзя было! Иначе — аморалка!

Ещё запомнился один курсант, был он постарше других и ужасно прилежный, но не очень способный. С ним мы работали над первым концертом Листа, который я должна была играть на его экзамене. Взгляд у него какой-то безумный был. И был он единственным, который иначе прореагировал на мой ответ о замужестве: сначала замер с открытым ртом, потом как-то криво улыбнулся и говорит: «Это вы меня разыгрываете, наверное» — а у самого взгляд неуверенный...

Во время экзамена, где мы с ним выступали с первым концертом Листа, он в трудных местах ошибался, «промахивался», несмотря на то, что мы с ним много работали. В этих местах он смотрел на меня в ужасе, ожидая катастрофы, ну а мне приходилось его «ловить». Дело в том, что все курсанты должны были дирижировать наизусть, то есть партитура должна была вся быть «в голове», а это невероятно сложная задача, даже для профессионалов! Много ли существует дирижёров, которые без партитуры дирижируют?

После концерта бедняга подошёл ко мне, как бы извиняясь: «Ой, как же вы меня ловили! Я вот понимаю, что не туда махнул! Слушаю, а мы вместе! Потом опять! И опять вместе!»

Что же касается пресловутой «общественной работы», я с шуточками и прибаутками продолжала её бойкотировать. И когда через год, уже под угрозой выговора, меня заставили-таки сделать политинформацию (за год работы я не только её не сделала, но даже ни разу на них не присутствовала), я просто взяла, да и прочитала подряд передовицу газеты «Правда». Это была обычная «правдивая» пафосная передовая статья ни о чём (какая-то ужасная чушь), я не понимала ни одного слова, и с соответствующей выразительностью, спотыкаясь и оговариваясь, её и зачитала. Усугубился этот моноспектакль тем, что у меня была застужена шея и голова не поворачивалась, при этом шея была замотана шарфом — «шикарный вид!» Полковники от ярости багровели, а после ко мне подошёл начальник факультета и сказал, еле себя сдерживая: «В следующий раз, товарищ Кушнерова, вы должны сами написать доклад, а не читать газету!» На что я, тихо и очень скромно, потупив взгляд, ответила: «Неужели вы, товарищ полковник, думаете, что я могу написать доклад лучше, чем в передовой статье газеты "Правда"?» Ну, против лома нет приёма, он побагровел, и я думала, что вот он сейчас лопнет, а до этого огреет меня кулаком или уж не знаю, что со мной сделает (посадить в тюрьму в эти годы

за такое было уже невозможно). После этого инцидента уже «недолго мучилась старушка», тем более, что я вторично была отобрана на прослушивании для участия в международном конкурсе в Испании, и, как выяснилось, не могла, будучи вольнонаёмной в военной организации, даже думать о выезде за границу. Так что меня вскоре уволили по моему же «собственному желанию». И опять оказалась я безработной.

Вместо послесловия

В заключение должна отметить, что на факультете я не мучилась, а наоборот, даже получала своеобразное удовольствие. Для себя я решила, что из любой ситуации нужно постараться извлечь максимум пользы. Например, я с удовольствием наблюдала занятия по дирижированию и, как могла, училась сама. Научилась до такой степени, что, когда дело касалось фортепианных концертов, многие педагоги вообще оставляли курсантов на меня, а я уже решала, как и что им показывать, где дирижировать на четыре, где на два, где дробить, а где, наоборот, расширять (если было много нот), чтобы оркестр курсантов мог следовать за дирижёрской палочкой.

Это время — полтора года после окончания консерватории, с 1982 по 1984 год, было единственным временем в моей жизни, когда я ходила «в присутствие» (2 раза в неделю), после этого я работала до самой эмиграции (1992) только в Москонцерте. Но это уже было совсем другое дело! Работа моя заключалась в том, чтобы играть концерты, а это «работой» я никогда не считала, и за все годы так и не научилась говорить «отработала концерт». Взяли меня туда с большим трудом, только после настоятельной рекомендации Тихона Хренникова, который просто вызвал к себе «на ковёр» тогдашнего шефа Москонцерта Алексея Скавронского. Помню, как Скавронский позвонил мне прямо из кабинета Хренникова и сказал: «Леночка! А чего ты не несёшь нам своих документов? Мы тебя давно ждём!» Знаете, как в том старом анекдоте: Рабиновича вызывают в КГБ и спрашивают о родственниках за границей. Он отнекивается, что, дескать, контакта давно нет, не переписываемся и не перезваниваемся. Тогда КГБшник ему говорит: «А почему так? Вот садитесь и пишите письмо вашему брату!» Даёт ему бумагу и ручку. И Рабинович пишет: «Дорогой Изя! Наконец-то я нашёл удобное место и время написать тебе письмо...»

Так вот и Скавронский нашёл место и время, и позвонил-таки мне из кабинета Тихона. И так он дружески со мной говорил, как будто это не он игнорировал мои звонки и многократные попытки до него достучаться с рекомендациями того же Хренникова и Доренского! Но работа в Москонцерте — это уже другая песня. И она будет описана в другой раз.

Баден-Баден, 22 июля 2015 (Последние исправления 15.09.2015, Нью-Йорк)

Сергей Колмановский

НЕСВОБОДА ТВОРЧЕСТВА

От редакции. К 70-летию композитора Сергея Колмановского мы публикуем его очерк. Сергей Эдуардович – не музыковед и не теоретик. Это, скорее, размышления практика о трудностях собственной работы. Кто из любителей музыки не задавался вопросами: как она создаётся? Через какие трудности проходит композитор на пути к слушателю? Вот об этом и рассказывает наш сегодняшний автор.

*Всё в жизни-контрапункт,
то есть противоречие.*

М. Глинка

В этом коротком очерке речь пойдёт не о много раз вскрытых зависимостях искусства от правителей и богачей, а о сложностях, заложенных в самой природе творчества. О них не устраивают публичных дискуссий по ТВ, но неужели же они интересуют только профессионалов? Хочется приоткрыть двери нашей кухни и непосвящённым, но жадным до неизвестного-не все же Вы, дорогие читатели, сочиняете музыку!..

1. Дилемма художника: ждать или добиваться?

Как и всякий занимающийся искусством, я подвержен мистике, которая, собственно, и отличает этот род деятельности от всех других. Приведу простой пример. Стихи Евг. Долматовского «Старый барабанщик», сыгравшие важную роль в моей творческой судьбе, я в первые услышал в исполнении своего коллеги, уже написавшего на них музыку и был поражен редкой для этого талантливого композитора невыразительностью, тем более что стихи написаны в форме детской считалочки, и в них уже был заложен чёткий музыкальный ритм. Через какое-то время то же самое повторилось с другим, не менее талантливым композитором, моим близким другом. Я решил, что какие-то силы вызывают именно ко мне и тоже сделал попытку — стихи и меня завораживали ритмом. Но и у меня долгое время ничего не выходило. И вдруг я услышал музыку, которая не считалась с этим ритмом, ломала его и даже выходила на распев. И тогда я понял, что следуя ритму стихов, можно было только присоединить к ним барабан, а любая рабски следующая за ним мелодия только мешала ему, повисала на нём гирей. Вот почему у всех у нас долго ничего не получалось. Подчёркиваю последовательность — сначала случилась музыка, а потом понимание — где надо было её искать. Сиречь: моей заслуги — ноль, я искал не там, где надо, просто Господь решил посветить мне своим фонариком. Тут уместно процитировать Евг. Евтушенко:

В продуманности строки
Тончайшая тяжеловесность.
Ей это приносит известность,
И ценят её знатоки.

В нечаянности строки
Есть слишком завидная лёгкость,
И можешь кусать себе локоть,
Но именно это — стихи.

Вот он — ответ на вопрос, возникший хороших 60 лет назад и всё больше уходящий в прошлое: может ли компьютер сочинять музыку? Однозначный ответ был бы — может. Установлено, что если дать 10 партитур, сочинённых компьютером и 10 партитур, сочинённых профессиональными композиторами, десятерым музыковедам, процент правильных ответов будет невысоким. Но не на всякий вопрос можно дать однозначный ответ. Что считать музыкой? Ведь искусство живо только исключениями. И вот компьютеры становятся всё совершеннее, всё больше помогают в работе и нам, композиторам, но уже давно никто не надеется на сочинённую компьютером и подхваченную людьми мелодию, поскольку «нечаянность строки» невозможно запрограммировать.

Так что же, не искать, не добиваться, а просто ждать господнего фонарика? Как бы не так! Почему-то он светит только тем, кто сам не плошает и при этом на Бога даже и не надеется.

Многое зависит и от природы композитора. Например, далеко не все могут сочинять музыку в срок, что особенно важно в кино и в театре, где часто музыку надо сдавать «вчера». Скажем, Дунаевский естественно всего выходил на Божию помощь (привычнее назвать это творческим гореньем или вдохновением) в цейтноте. Других же эта гонка полностью парализует.

Вот это необъяснимое манит меня в искусстве больше всего. Я десятки раз смотрел фильмы с Жаном Габеном, но его тайны так и не разгадал. Конечно же, его русский аналог, всенародно обожаемый (и я тут не исключение) Михаил Ульянов во много раз интереснее и богаче, его творческий диапазон несравнимо шире, но палитра его выразительных средств — на виду. Габен же в некоторых фильмах не только не повышает голоса и не разбрасывается жестами и мимикой, он иногда и глазами ничего не делает, и чем берёт — совершенно неуловимо.

А пение Булата Окуджавы? Франсуа Вийон говорил, что свои стихи поэт должен читать монотонно (стало быть, не пытаться их «продать»), пусть они всё скажут сами за себя.) Окуджава пел свои песни как-то упоительно монотонно — ни голоса, ни тембра, ни актёрского мастерства, всё под одну дуду и три солдатских аккорда на гитаре... И никто не поёт эти песни лучше него. Воистину «можешь кусать себе локоть»...

2. Волк волку композитор?

К сожалению, такое продолжение формулы «человек человеку волк, а...» имеет все основания. Это особенно применимо к работающим в жанре песни. Дунаевский говорил, что у композитора с поэтом должен быть настоящий роман с сопутствующими ему страстями, ревностью и даже возможной ненавистью после разрыва. Очень часто поэт говорит композитору: ещё раз напишешь музыку на стихи такого-то, и забудь меня. Был случай, когда маститый поэт после «развода» забрал у не менее маститого соавтора стихи, на которые тот уже написал музыку, потом, отдавая стихи другому корифею, напел ему эту музыку как собственный эскиз (поэты часто делились с композитором мелодией, которая им мнилась при

сочинении стихов). Корифею понравилась мелодия и он с согласия поэта выдал её за свою. Когда обнаружилась истина, руководство радио (телевидения тогда ещё не было) сочло за наименьшее зло не исправлять ситуацию, и до сих пор звучит известнейшая песня одного великого композитора под фамилией другого! Можно себе представить, как они любят друг друга! И всё же возьму на себя смелость утверждать, что в искусстве, как и в поле, один не воин, нельзя ни сформироваться, ни пробиться без помощи собратьев по цеху. Очень важно, у кого учиться, но также важно — с кем вместе учиться. Обычно профессор обсуждает сочинение каждого студента в присутствии всего класса, и замечания, которые получает автор, гораздо легче берут на вооружение его товарищи, поскольку для автора они, как правило, болезненны, он долго мучается сомнениями, прежде чем их принять, а часто этого вообще не происходит, да и авторское самолюбие не способствует восприимчивости к критике. Со стороны же обычно гораздо яснее видна очевидная правота мастера, точность и меткость его замечаний, они иногда запоминаются на всю жизнь. Я помню консерваторские сочинения своих соучеников — Эдуарда Ханка, Марка Минкова, Максима Дунаевского, Алексея Рыбникова, Геннадия Гладкова — лучше, чем свои, а недавно один мой бывший одноклассник напел мне мою мелодию почти 60-летней давности. Замечу, что мне повезло учиться в одно время с такими яркими индивидуальностями, и как я ни рад их успехам, мне жаль, что такими последующим переходом в неакадемический жанр они многого лишили симфоническую и камерную музыку... Позволю себе вернуться к своему «Барабанщику» не потому, что переоцениваю достоинства этой песни, а потому, что уж очень показательна её долго не складывавшаяся судьба. Её не принимали ни в одной редакции, поскольку увлекшись борьбой с поначалу вдохновившим меня барабанным размером стиха, я как-то упустил из вида его заидеологизированность, свойственную многим вещам Евг. Долматовского — не зря он сам называл себя поэтом-идеологом. Это ведь только высокое начальство пропагандирующих организаций призывало нас воспевать, а каждый редактор искал для своей передачи нечто согревающее слушателей, вызывающее у них живой отклик. А, скажем, итоговые слова песни: «Старый барабанщик на посту!», — отпугивали не просто просоветским, но даже несколько сталинским привкусом. Надо представить себе, до какого отчаяния я дошёл, обратившись в отдел сатиры и юмора, визитной карточкой которого была всем известная передача «С добрым утром!»! Но один из тамошних редакторов Борис Вэйц — он же композитор Борис Савельев, не только сразу определил, что это детская песня, но и за руку, почти силой привёл меня в детскую редакцию радио, где песня была принята на «ура». Мы с Долматовским ничего не понимали, там ведь говорилось о человеке, прожившем долгую и нелёгкую жизнь. Нам пошли навстречу — наряду с детским хором, песня была записана с Эдуардом Хилем, и когда это зависело от авторов, передавалась исключительно в этом очень выразительном исполнении, которое, однако, в отличие от детского, совершенно не воспринималось. Причину возникновения этих ножиц я понял значительно позже: в исполнении детей барабанщик становился отвлечённо-романтическим, даже несколько сказочным героем, а не советским комиссаром, оставившим «по далёким странам с верным барабаном добрый след». Почему же опять мистика стала на моём пути? Почему талантливый, но не имевший никакого музыкального (подозреваю, что и общего) образования Боря понял природу песни тоньше, чем разносторонне образованные авторы? Потому, что Мейерхольд был совершенно прав: в искусстве гораздо важнее догадываться, чем знать...

3. Классовая борьба.

Непростые отношения между соавторами по песне можно считать идиллией по сравнению с тем, что творится в области музыкального театра. Тут почему-то испокон веков не признаётся соавторский паритет. На сводных афишах музыкальных театров всегда обозначается только композитор, автор либретто остаётся в тени.

Кто не знает, например, что автор замечательной рок-оперы «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» — композитор Алексей Рыбников? А никак не менее талантливого автора либретто Павла Грушко знает только узкий круг любителей жанра. Это же относится и к Юрию Димитрину — классику музыкального театра, автору либретто первой советской рок-оперы «Орфей и Эвридика» (с неё началась известность композитора А. Журбина).

И так было всегда, начиная с первых итальянских опер. Между тем, тут нужно редкостное сочетание способностей — надо быть не просто драматургом, но владеть именно музыкальной драматургией, а также театральным стихом. Именно поэтому над либретто очень часто работает целый конгломерат литераторов. Иногда в такой коллектив попадают и приبلудные дельцы, лишь сводящие партнёров с композитором или с театром.

Дунаевский порой работал над опереттой с коллективом из трёх человек и говаривал: «X — владеет драматургией, Y — стихом, а Z — просто прирождённый соавтор». Как известно, Лев Толстой считал своего брата несостоявшимся писателем, поскольку при очевидных его достоинствах ему не хватало необходимых для этой профессии недостатков. Автор либретто должен обладать недостатком трудно объяснимого происхождения. Имя ему — комплекс вторичности.

Я не понимаю, откуда у талантливого драматурга и поэта возникает убеждённость в неспособности создать собственный сюжет. Музыкальные театры уже давно принимают только узнаваемые названия, но были времена — оперетты и оперы писались и на оригинальные сюжеты. Однако, окунувшись в этот жанр, авторы и таких либретто, как «Аида» или «Сильва», уже никогда не решались стать основными авторами и обратиться в драматический театр. Можно себе представить, как они относятся к композиторам, в тени которых им суждено развиваться. Но и у нас к ним есть счёт. Ведь автор либретто не может представить произведение театру — он не умеет петь под собственный фортепьянный аккомпанемент. Ездить же по городам вдвоём накладно для театра и трудно организационно — слишком многое должно благополучно совпасть. Чаще всего композитор делает это самостоятельно — и диалоги читает, и музыкальные номера демонстрирует. И постепенно начинает чувствовать себя ущемлённым: на нём весь груз переговоров с театрами, и при этом он должен в первую голову заботиться об интересах соавтора. Ведь позиция либреттиста весьма агрессивна: вся слава тебе, ты и рискуй. А меня — будь добр, обеспечить договором да авансом. Мол, не слава, не положение, так хоть деньги!

Один из моих бывших соавторов до того обнаглел, что на середине работы над кантатой стал требовать деньги с меня! Так, может, их вторичность никакая не мистика, а просто нежелание заниматься околотворческой оргработой, предоставляя эту нервотрёпку композитору? Впрочем, не боль ли пролетарской мозоли, на которую недавно так немилосердно наступили, заставляет меня придти к этому предположению? Конечно же, жизнь гораздо богаче и сложнее прочерченной мною схемы, и ни в какие классы и классовую борьбу я не верю. И отношения между

композиторами и либреттистами бывают самые разные. С некоторыми я дружу. И в каждом из них сидит эта вторичность. А ведь работая над либретто, многие из них уходят от оригинала, куда дальше, чем такие классики драматического театра, как Евг. Шварц или Гр. Горин. А скажи такому — так тебе, мол, и карты в руки, прямой путь в свободу и независимость от композитора, он обязательно ответит: «Нет, я вторичен».

Когда моему младшему брату было 5 лет, ему стали объяснять, что трёхлетняя Катя, с которой он дружил, его двоюродная сестра. Он очень внимательно выслушал, как образуется это родство. Его спросили: «Ты всё понял?» — «Всё. Только она ведь младше» — «Конечно, ты её старший двоюродный брат» — «Этого не может быть. Старший брат — Серёжа» Он тоже своё место знал. Странно только, что не стал либреттистом...

4. Национальность и творческая природа

Эти два понятия очень часто путают, иногда намеренно. Больше всего меня возмущает, когда печатные органы в погоне за увеличением числа подписчиков играют на местечковом ура-патриотизме, называя, скажем, выдающихся композиторов еврейской национальности великими *еврейскими* композиторами.

На самом деле тема «еврейская профессиональная музыка» болезненно противоречива. Это, конечно, несправедливо, больно и обидно, что такой музыкальнейший народ не создал своей оперной или симфонической классики, но — что поделаешь — её создаёт не нация, а государство (так же, как, скажем, архитектуру), которого у евреев не было. Нет собственного государства, нет собственного оперного театра и симфонического оркестра — нет еврейской оперы на уровне «Аиды» или симфонии на уровне «Героической» Бетховена! А когда возникло государство Израиль, там было не до музыки, а потом современная музыка вышла на виток такой замисловатости, что говорить о национальном в ней не представляется возможным.

Нельзя на основании большого количества физиков — лауреатов нобелевской премии еврейской национальности — говорить о еврейском направлении в физике, но можно говорить об израильском направлении в медицине. В диаспоре же любому народу свойственно противоречивое желание ассимилироваться, не отвергая при этом своих корней.

Ярчайшим представителем очень интересной общности — российские евреи в искусстве — был Марк Бернес. Он гордился своим еврейством, хорошо знал идиш, а когда ему не нравилась песня, говаривал: «Ребе, это не получилось!». Его второй женой стала русская женщина с девичьей фамилией Бодрова. Он ласково называл её «моя гойка». До Бернеса она была замужем за французом по фамилии Но, и, гордясь её умением готовить еврейские блюда, Бернес каламбурил: «Она Бодрова, Но Бернес!». Однако в творчестве его героем был, конечно же, русский советский человек.

Согласно старой еврейской поговорке: «Пой песню того человека, на чьём возу ты едешь», из века в век, из поколения в поколение евреи в естественном стремлении ситуироваться были вынуждены развивать в себе чуткую мембрану к реалиям страны пребывания и постепенно стали великими певцами чужих песен, во множестве случаев опережая в этом аборигенов. И Бернеса можно назвать первым в этом ряду. Правда, для него, как и для многих диаспорных евреев не первого

поколения, эти песни были уже своими. Как и у любого другого шансонье, в его репертуаре нет-нет и мелькали еврейско-одесские интонации. Но до чего же показательно, что их-то как раз поставляли композиторы-великороссы — Н. Богословский («Шаланды полные кефали»), Б. Мокроусов («Песня фронтового шофёра»)! А песни с явно русскими интонациями писали для Бернеса евреи — М. Блантер («Враги сожгли родную хату»), М. Фрадкин («Течёт река Волга»).

...Это я к тому, что в последнее время в средствах массовой информации всё чаще и безграмотнее национальность путают с творческой природой... Когда в угоду определённому кругу подписчиков газета или журнал печатает материал с такими, например, пассажами, как «хасидские мелодии Покрасса», их редактор — будем надеяться — невольно примыкает к окололитературным антисемитам, которые после перестройки ввели в наш лексикон понятие «русскоязычный», а не русский писатель. То есть, еврей по-национальности не может быть русским писателем. А ведь покрасовские мелодии ничуть не более хасидские, чем у Пахмутовой или Соловьёва-Седого. Или, например, в статье с претенциозным названием «Иудейские корни современного мелодизма» с усердием, достойным сотрудников канцелярии Эйхмана, исследуются процент еврейской крови у выдающихся музыкантов и, скажем, объявляют Элвиса Пресли носителем этого самого иудейского мелодизма, поскольку у него бабушка еврейка. А в самом деле, какой процент еврейской крови у музыканта достаточен таким исследователям, чтобы объявить русским писателем или певца еврейским? Ein Halbjudе пойдёт? A Viertel? A Dreiviertel? Вам это ничего не напоминает? И если объявлять Мендельсона и Рубинштейна еврейскими композиторами, Левитана — еврейским художником, а Пастернака — еврейским поэтом, то почему не провозгласить Пушкина родоначальником африканской литературы? И как быть с бедным, начисто обделённым еврейской кровью Шостаковичем, для которого народная еврейская интонация является едва ли не творческой доминантой?

Однако, как и всякая другая, моя теза не абсолютна. Существует мощнейшая и разнообразнейшая народная музыка еврейских местечек. В самое, что ни на есть, сталинское время в Москве процветал, особенно в годы руководства С. Михоэлса, ГОСЕТ (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ — что очень важно — еврейский театр), пусть не оперный, но безумно музыкальный. Это была аккумуляция талантливейших сил, начиная с М. Шагала, стремившихся создать именно еврейский профессиональный театр.

Архив большого знатока еврейской народной музыки Л. Пульвера, который был завмузом и единственным композитором этого театра, я разыскивал много лет. А найдя, долго изучал. Это, правда, театральная музыка, но в некоторых проявлениях по форме близка камерной классической музыке, оставаясь пропитанной еврейской народной интонацией. Я делаю обработки этой музыки для ф-но и других инструментов, и надеюсь, что скоро она зазвучит на профессиональной эстраде. Получен грант в Израиле на сохранение и вывоз этого архива, и моя кузина Тамара Колмановская защитила по Л. Пульверу диссертацию...

Не скрою, я столько размышляю на эту тему неспроста. В Советском Союзе меня мало интересовала собственная национальность. Когда же Германия приняла меня как еврея, я счёл своим долгом проявить себя в этом качестве и, прежде всего, конечно, музыкально. Написанные мною сочинения, связанные с еврейской тематикой, слава Богу, довольно широко исполняются, особенно «Из дневника еврейского эмигранта в Германии» — 7 юморесок для скрипки с фортепиано, фангазия „Mein Schtettele“ для этого же состава, кантата «Хрустальная ночь» для хора и ор-

кестра, «Еврейская рапсодия» для струнного оркестра, «Еврейская сюита» — 5 пьес для виолончели с фортепиано по картинам Елены Флёровой, а недавно начались выступления потсдамской группы *Arpeggiato* с целой программой из моих сочинений, которая называется «*A gith Jontow*» (Счастливого праздника). Не могу пожаловаться на невнимание прессы — об этих сочинениях написано много отзывов — от умеренных до определённо-положительных, но в одном критики единодушны: это не еврейская музыка, а сочинения русского (иногда пишут «советского») — и это точнее, если иметь в виду время моего формирования) композитора на темы быта и истории евреев. Думаю, что они правы. И то сказать: даже великого Римского-Корсакова ещё никто не назвал арабским композитором, какой бы гениальной ни была его знаменитая «Шахерзада»...

Особого разговора требует музыка еврейского ритуала. Мне приходилось слышать от руководителей различных еврейских религиозных институтов, что подлинная еврейская музыка звучит лишь в синагоге. Позволю себе не согласиться с ними. Музыка композиторов — евреев в диаспоре — хотели они быть еврейскими композиторами или нет — вообще испытывала на себе сильное влияние музыкальной культуры стран пребывания. Отсюда очень часто, скажем, на концертах клецмера попадают такие названия, как «румынское», «болгарское» или «венгерское». Это стало особенно ярко проявляться и в ритуале в связи с хасидской реформой, имевшей одной из задач сделать службу доступней для в значительной мере ассимилировавшихся прихожан. В музыке ведущего композитора этого жанра, Левандовского, слышны явные отголоски европейской популярной оперной классики, что ни в коей мере не умаляет её несомненных достоинств.

Мне только дай повод пожаловаться — вот, мол, как мучительно «я привыкаю к несовпадениям», как поётся в известной песне. Но мне хотелось бы, чтобы меня правильно поняли. Для того чтобы определить главную проблему нашей профессии, вовсе не нужно писать целую статью. Достаточно вспомнить очень старую шутку, доля правды в которой — все 100%: композиторов до чёрта, а нот всего семь...

Ольга Новиковская
ДЕРЕВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ.
ДВА ГОДА СПУСТЯ

Дело инвалида Великой Отечественной войны
О.Г. Желябужского

Из очерка А.Н. Алексеева, опубликованного в журнале «Семь искусств» (№ 59) «Деревенская история. Дело: «Государство против инвалида Великой Отечественной войны»»:

...На этом завершается наша «Деревенская история». В ней причудливым образом переплелись наши современные будни и история России. И каждый из участников и героев этой истории (героев в кавычках и героев без кавычек) может почувствовать себя причастным к чему-то, куда большему, чем он сам (не исключая 400-летия дома Романовых). И вместе с тем, нет ничего более значительного, чем жизнь и судьба конкретного человека — Личности, ее уникального ценностного мира, ее жизненного пути, ее страданий и наслаждений, ее удовлетворенных/не удовлетворенных интересов и реализованных или погранных прав.

1. Жизнь после суда

Напомню события двухлетней давности, связанные с судьбой инвалида Великой Отечественной войны Олега Георгиевича Желябужского. Знаю я этого человека с детства (каждое лето провожу на Новгородчине, в Боровичском районе, по соседству с Олегом Георгиевичем) и очень его уважаю. Сразу скажу — старик этот замечательный, сделавший в свое время много добра людям (в том числе и нашей семье). Когда же постарел и потерял зрение, то был вынужден обратиться за помощью к окружающим. Среди местных жителей нашлись желающие помогать одинокому старику. (Приличная по деревенским масштабам пенсия инвалида ВОВ позволила Олегу Георгиевичу оплачивать эти услуги). Пожилой человек выбрал себе в помощники одного из наименее пьющих местных жителей, оформив его в качестве социального работника. Но родственница другого соискателя от обиды, что не ее племянник-алкоголик стал подрабатывать, написал письмо в прокуратуру о, якобы, плохом уходе за старым человеком.

Тут все и закрутилось. Приехали чиновники из райцентра и местной администрации и проявили такую заботу о престарелом инвалиде, которую иначе как принудительным милосердием назвать невозможно. В Боровичском районном суде по заявлению Комитета социальной защиты возбудили дело. На удивление оперативно провели судебное заседание в отсутствие самого О.Г. Желябужского и его представителя (т.е. меня). В результате было принято судебное решение о помеще-

нии старого (дееспособного!) человека в учреждение социального обслуживания (т.е. Дом престарелых), **без его согласия.**

(Федеральным законом № 122-ФЗ от 2 августа 1995 г. "О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов" (ст. 15: «Ограничения прав граждан пожилого возраста и инвалидов при оказании им социальных услуг») такая возможность предусмотрена)

Внимание! Еще один немаловажный момент: туда же — в Дом престарелых (а может быть и не только туда?) должна была поступить и немаленькая пенсия инвалида ВОВ, плюс ежемесячная 10-ти тысячная прибавка к ней за последние 16 месяцев, подкопленная на недоступной для лежащего больного сберегательной книжке, хлопотами местной администрации.

Единственным желанием самого же Олега Георгиевича было — «оставить все как есть»: жить в родном доме, не расставаясь со своей любимой собачкой и пользоваться услугами, выбранного им социального работника Андрея Кавицына. Надо заметить, что старый слепой человек не заметил, что дом его постепенно пришел в негодность. Старик упорно не желал покидать свое жилище, где за долгие годы ему все было знакомо наощупь. А ведь еще раньше О.Г. Желябужскому, как инвалиду ВОВ, имеющему ветхое жилье, была предоставлена однокомнатная квартира в районном центре - городе Боровичи. Старик поблагодарил, но переезжать из деревни в город отказался. В соответствии с его распоряжением квартира та была продана, а вырученные деньги пошли на покупку бульдозера и мотоцикла для Андрея Кавицына. (Бульдозером Андрей расчищал 2-х километровую дорогу от своего дома до заброшенной деревушки старика, а на мотоцикле ежедневно ездил навещать больного).

Но вернемся к событиям 2013 года. Когда глава местной администрации В. Никитин зачитал Олегу Георгиевичу решение Боровичского суда (на котором лично присутствовал), то 86-летний старик ... объявил голодовку, а своих чиновных «благотетелей» стал называть не иначе как фашистами. (Судебные приставы должны были приехать за стариком как раз в канун Дня Победы). Ситуация стала критической. Несмотря на только что перенесенную операцию мне пришлось срочно выезжать в деревню.

Лишь благодаря слаженной деятельности группы волонтеров (жителей Санкт-Петербурга — О.А. Новиковской, А.Н. Алексеева и местного жителя — Д.М. Иванова), а также питерского адвоката В.Г. Белякова, удалось отстоять право старого больного человека жить в деревне среди знакомых ему людей, а не принудительно отправляться в казенное учреждение. Ввиду нависшей опасности, исходившей со стороны Комитета социальной **защиты** (?!), мне все-таки удалось уговорить пожилого человека переехать в соседнюю деревню, в благоустроенный дом к своему социальному работнику Кавицыну. После этого адвокатом Владимиром Геннадьевичем Беляковым была направлена кассационная жалоба в Новгородский областной суд. Процесс нами, питерскими волонтерами, вопреки активному противодействию местной администрации, был выигран, но стоил защитникам старика больших моральных и временных затрат. (Ведь города Боровичи и Великий Новгород находятся не в двух шагах от Санкт-Петербурга, а выезжать туда пришлось многократно, не говоря уже о работе над множеством юридических и журналистских текстов).

Взвесив все обстоятельства попавшего на страницы прессы дела, Новгородский областной суд все-таки отменил решение районного суда о помещении инва-

лида 1 группы О.Г. Желябужского в Дом престарелых против его воли. Выбранного же стариком помощника А.А. Кавицина Комитет социальной защиты населения города Боровичи был вынужден назначить его попечителем.

Вся эта история подробно описана в документальной повести, которая опубликована в журнале «Семь искусств» (№ 59).

Со времени этих событий прошло два года. Что же изменилось? Летом 2015 года Олегу Георгиевичу исполнилось 89 лет. Он по-прежнему находится в здравом уме и твердой памяти. Живет, как того пожелал, в деревне в семье людей, которые обязались о нем заботиться — это Андрей Кавицын и его подруга Светлана Леонова. Нельзя сказать, что законно признанный попечитель Андрей к старику ласков, что наконец-то наступил для пожилого человека душевный комфорт, ... но Олег Георгиевич ухожен, помыт и накормлен, что в его положении (лежачего и незрячего больного) тоже весьма важно. Старый человек в долгу не остается — он платит своему попечителю и его подруге не только благодарностью, но и тем, что дал им право полностью распоряжаться всеми своими средствами, в том числе внушительной (даже по городским масштабам) пенсией — около 50 тысяч рублей ежемесячно.

Последние два года попечители (Андрей и Светлана) за счет старика зажили на широкую ногу, чего с ними прежде никогда не случалось. Изба их теперь обшита сайдингом; крыша покрыта железом, на окнах стеклопакеты; огород же, наоборот, заброшен. Для выполнения прежде привычных хозяйственных дел эти состоятельные селяне последнее время предпочитают нанимать работников.

При этом хозяева ревностно следят за тем, чтобы никто лишний к их подопечному не приходил. Если визитер покажется Андрею и его жене Светлане (этим летом у них была свадьба) нежелательным, то попечители заявляют, что ходить незачем — «старик уже ничего не понимает».

Кстати, о свадьбе. Неделю «молодые» гуляли, отмечая знаменательное событие в своей жизни, а старый человек так и не узнал о том, что происходит рядом с ним.

И еще из последних новостей: собачка Олега Георгиевича — из-за которой он, в частности, отказывался переезжать в Дом престарелых, этой зимой умерла под скамейкой возле дома, в котором теперь живет «в людях» ее хозяйин. Ведь в избу, где у попечителей стоит новая мебель, старую собаку пускать перестали. Старик, узнав от Андрея о том, что его Тотошка замерз на улице, горько плакал.

Но зима прошла. Наступило лето. Я, как обычно, приехала из Санкт-Петербурга в отпуск — в Новгородскую область. Как и многие годы до этого я, продолжала каждую неделю навещать старого человека. Но давалось мне это теперь не просто. Входя в дом попечителей, я шла к комнатке старика, как сквозь строй, стараясь не обращать внимания на недоброжелательные взгляды хозяев. Все что я говорила Андрею и Светлане — это «здравствуйте» и «до свидания». Впрочем, ответ я получала далеко не всегда. Но лучше уж так, чем выслушивать откровенное хамство или нецензурную брань в свой адрес. (Год назад было и такое! Видимо, боялся Андрей, что я буду на что-то претендовать, например, на возмещение своих затрат, связанных с судом. Напрасно опасался).

Мои разговоры с Олегом Георгиевичем в доме попечителей слышны хозяевам через тонкую стенку, поэтому никаких неосторожных вопросов старому человеку я не задаю. Каждый раз, сидя у постели больного, рассказываю ему о погоде, о деревенских новостях, пересказываю радио и телепередачи (особенно ему интересны научно-популярные и исторические темы), читаю книги. Прошлым летом я

оставила Олегу Георгиевичу аудиоплеер с наушниками, на который Дима Иванов (один из моих помощников в судебной борьбе за свободу старика) записал аудиокниги по истории России. Тогда Олег Георгиевич их с удовольствием слушал.

В этом году от плеера слепой человек оказался. Я спросила — почему. Олег Георгиевич ответил, что «рассказы об истории включать некому». Продолжать разговор на эту тему я не стала, опасаясь, что в мое отсутствие старику может попасть от попечителей за жалобы.

Многие годы, навещая пожилого человека, я приносила ему угощение. При первой нашей встрече этим летом Олег Георгиевич, как обычно, с удовольствием ел фрукты и сладости, а во второй мой визит вдруг стал отказываться, говоря, что у него «все есть, он ни в чем не нуждается». Я же сказала, что хочу лишь порадовать его. Ведь у больного осталось так немного — способность слышать и чувствовать вкус пищи. Вот я и разговариваю, и приношу каждый раз что-нибудь вкусное. (Кстати, памятью о том, что тактильное чувство тоже не утрачено, я всегда скрашиваю моменты нашего прощания тем, что пожимаю руку Олега Георгиевича. Старик в этот момент всегда улыбается). Вот, собственно, и все что я теперь могу сделать для старого одинокого, но дорогого мне человека.

Летом ко мне в деревню на недельку приезжал старший сын Иван с женой. Они, как водится, тоже навестили Олега Георгиевича. При нашей следующей встрече, Олег Георгиевич, видимо под впечатлением от общения с молодежью, спросил, не нужен ли Ване участок в деревне Торбасино (земля старика). Я ответила: «Спасибо, Олег Георгиевич, не надо». Но, видимо, это неосторожное предложение со стороны растроганного пожилого человека послужило причиной того, что его попечители начали очередную кампанию против меня.

В следующий раз, когда я пришла к больному, Олег Георгиевич, даже не повернулся ко мне, а продолжал лежать лицом к стене. Его первой фразой было: «Что это за сплетни? (Спасибо, и на этом — понимает, что сплетни!) Зачем ты звонила по телефону доверия?». Я удивилась, и сказала, что куда-то не звонила. А сплетни, на то они и сплетни — верить им нельзя. Дальше я попыталась начать привычные разговоры о деревенских событиях, о видах на урожай, предложила старому человеку почитать книгу, затем хотела угостить его лесной малиной, но вновь услышала, что он «ни в чем не нуждается». Олег Георгиевич разговор так и не поддержал, лицом ко мне не повернулся. Вскоре старик холодным тоном сказал, что хочет отдохнуть. Я пожелала пожилому человеку здоровья и засобиралась уходить. Олег Георгиевич, не оборачиваясь, протянул мне свою ладонь.

А ведь недавно все было иначе. Еще пару недель назад, я рассказывала старику новые факты из истории его семьи. Тогда Олег Георгиевич был совсем в другом настроении — доволен и разговорчив.

P.S.

Нужно добавить, что в мой последний визит этим летом Олег Георгиевич, по счастью, был уже в своем обычном расположении духа. Никаких укоров он мне больше не высказывал и к неприятному разговору не возвращался. О причине же его прежнего недовольства я узнала позже. Оказывается, когда попечители старика праздновали свадьбу (пили целую неделю), то кто-то из «неравнодушных» соседей, сообщил об этом в Боровичский комитет социальной защиты населения. (Надосказывать, что ни завистливой тетки, ни ее племянника-алкоголика, уже нет на этом свете. Но, как видно, не оскудела земля наша добротами).

Данный звонок по телефону послужил причиной внеочередной комитетской проверки. В деревню Горбино приехали сотрудники соцзащиты проверять хорошо ли осуществляется уход за инвалидом Желябужским. Узнав же о причине недавнего веселья почитателей старика, местные чиновники сочли причину уважительной, тем более, что к их приезду, жизнь в доме уже вошла в свою обычную колею.

2. Потомок старинного рода, или продолжение семейной хроники Шутовых-Желябужских

Теперь же от скучной действительности перейду к делам куда более интересным — историческим. Недавно я порадовала Олега Георгиевича тем, что поведала ему новую информацию о его предках. Надо сказать, что для этого мне пришлось провести большую работу — разыскивая исторические справки не только в интернете, в музеях, но и в Центральном Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга.

Как уже было сказано в заключительной главке «Деревенской истории», удалось разыскать где находится могила деда Олега Георгиевича по материнской линии. Она указана под № 905 в списке захоронений «Нового кладбища» Гатчинского некрополя. Там же сообщается, что умер **Герман Михайлович Шутов** в 1901 году.

В начале 2014 года, через краеведа, составившего список данных захоронений, мне посчастливилось выйти на сотрудника Гатчинского музея И.Э. Рыженко. Ирина Эдуардовна сообщила для Олега Георгиевича следующую информацию о Г.М. Шутове. (На основании старинного документа *«Штаты министерства Императорского двора по Гатчинскому дворцовому управлению» за 1900 год* (стр. 467-468).

Родился Герман Михайлович Шутов 12 мая 1846 года. Был женат, имел 6 детей. Жил в казенной квартире. В службу Шутов вступил 17 марта 1868 года. Сначала он был околоточным надзирателем. А с 14 сентября 1881 г. получил должность смотрителя по наружной полицейской части Гатчинского Дворца. Чин Коллежского асессора Г.М. Шутову был присвоен в 1893 году.

В конце 90-х годов 19 века жалование Герману Михайловичу Шутову причиталось по 800 рублей в год. («Это много» — заметила Ирина Эдуардовна). Кроме того смотрителю Шутову выплачивалось еще 400 руб. столовых и 200 руб. развозных.

Дед Олега Георгиевича был Кавалером ордена Святого Станислава 3-ей степени (пожалован в 1892 году). Имел медаль «за усердие» для ношения на шее на Владимирской ленте в память Императора Александра 3-го; медаль в честь коронации Николая 2-го и за труды в первой всеобщей переписи населения 1897 г.

На мой вопрос о том, сохранился ли дом, где проживал Шутов с семьей на Екатерининвердерской улице (Олег Георгиевич ошибочно называл ее Коннетабельской, теперь же она называется Красноармейским проспектом) историк Ирина Эдуардовна Рыженко ответила, что, скорее всего, цел, так как деревянные дома в этом районе Гатчины до сих пор стоят. Но здание теперь, «конечно же, в измененном виде». «Нет ли старого фото дома?» — поинтересовалась Ирина Эдуардовна. Я ответила, что, к сожалению, нет.

После общения с профессиональным историком я купила ее книгу «Александр III в Гатчине». Летом 2014 года я читала Олегу Георгиевичу эту книгу и рас-

сказывала ему о том, что удалось узнать о его дедушке (по материнской линии). Как выяснилось из документов, генералом дед Герман, не был; но действительно служил во Дворцовом управлении в Гатчине.

Сообщила я старому человеку и о том, что выслала в Гатчинский музей фотографии его деда Г.М. Шутова (в электронном виде) и, что историк Ирина Эдуардовна обещала их включить в свою следующую книгу об истории Гатчинского дворца.

Летом 2015 года я привезла Олегу Георгиевичу еще более полную информацию о его предках. В Центральном государственном историческом архиве г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) мне удалось отыскать дела, касающиеся не только Г.М. Шутова, но и «старинного дворянского рода Желябужских» (предков Олега Георгиевича по отцу). Пожилой человек слушал мой рассказ и чтение этих документов с большим интересом.

Поделиться радостью от своих исторических открытий (пусть и семейного масштаба) мне хочется и с читателями, которые уже знакомы с изложением семейной хроники О.Г. Желябужского, записанной мною с его слов и опубликованных х А. Алексеевым в 2013 году на сайте Когита.ру.

Начну с обнаруженного в ЦГИА СПб **архивного дела Г.М. Шутова**. Дело это из лечебного учреждения — «Дома призрения душевнобольных, учрежденный Императором Александром III» (ЦГИА СПб: Фонд 389. Опись 1. Дело 1403). Данное архивное дело было начато 1 октября 1900 года. Оказывается, в конце жизни коллежский ассессор Герман Михайлович Шутова заболел «прогрессивным параличом головного мозга» и был помещен в 3-ю Психиатрическую больницу Санкт-Петербурга.

В деле № 1403 после служебной переписки гофмейстера Графа Арсения Голенищева-Кузцова и начальника Гатчинского дворцового управления генерал-майора Гернета с директором Дома призрения, на предмет определения туда на бесплатное лечение Шутова (за долголетнюю добросовестную службу), находится объемная медицинская карта пациента. Из описания состояния больного при поступлении в лечебное заведение ясно, что, говоря современным языком, Герман Михайлович перенес инсульт.

В медицинском документе приводится подробный анамнез больного, начиная с раннего детства. (Это было великой удачей! Ведь врачи подробно описали то, что не прочитаешь ни в каком формулярном списке о службе — характер человека). В медкарте смотрителя по наружной полицейской части Гатчинского дворца коллежского ассессора Г.М. Шутова указано, что Герман — третий сын у родителей. И далее: *«Как протекало детство неизвестно, но с его воспоминаний ребенком он был всегда здоров. <...>*

Воспитание получил в детских годах под влиянием отца, но очень строгой матери. Затем 8 лет учился в начальном училище. Занимался отлично, был прилежен, очень понятлив. Науки давались легко. Память превосходная. Развитие скорее преждевременное, чем соответствующее годам. На здоровье занятия не отражались.

Воспитание получил отчасти строгое, отчасти без определенной системы. С 12 лет находился в чужих людях, довольно добросовестно относящихся к нему.

С детства характер ровный, мягкий, прямой, общительный, веселый, добрый, не унижительный, но и не гордый, справедливый по настоящее время.

Нравственно терпел много неприятностей. Довольно впечатлительный, сочувствовал нуждающимся, посильно помогал в разных видах».

Далее в медицинском документе сообщается о профессиональной деятельности Г.М. Шутова и его отношении к работе: *«Занятия выбирал, как средства к*

жизни, часто не менял. После отбытия воинской повинности служил в Санкт-Петербургской Полиции, 33 года на Государственной службе, работал энергично и добросовестно. Из них почти 20 лет служил в Дворцовом ведомстве». <...>

«Образ жизни правильный, семейный, с детства терпел лишения и позже кроме служебного содержания ни он, ни семья его не имели других средств к жизни. Общественное положение интеллигентное. Уважали его как начальство, так и служащие.

Подчинение к начальству безприкословное (так! — примечание Ольги Новиковской), старался облегчать положение подчиненных по мере сил.

Служа в Полиции, несколько раз подвергался опасности, иногда смертельной).

Затем врач, обследовавший больного, записал данные о семейном положении Г.М. Шутова: *«Женат с 1875 г. по собственному соображению, которое не высказывал. Семейные размолвки иногда были, но не крупные (так! — примечание Ольги Новиковской). Выкидыш (речь идет о жене Шутова — примечание О.Н.) один — вследствие испуга, детей в живых пять. Здоровы. Умерло двое от коклюша с осложнениями. Отношение к родным ласковое, доброе, внимательное, заботливое.*

У Г.М. Шутова кроме пяти родных детей была еще старшая приемная дочь Леля. (Дочь жены от первого брака).

Далее в старинном медицинском документе указана причина заболевания коллежского assessора Шутова: *«Болезнь началась 17 августа 1900 г. В ночь на это число, проходя по корридору (так! — примечание О.Н.) упал, почувствовал слабость в ногах, которья (так!) принял за результат непосильных трудов за последнее время на службе. Сильно ушиб затылок, что повлияло на память. С этого дня начали замечать странность и забвение ближайшего прошлого. Появились постоянные стремления и попытки уехать путешествовать на ночь. Вначале расстройства высказывалось: настроение веселое, благодушное. Упадок умственных способностей выражался потерей памяти. Идей особенных не выражал, кроме желаний строить дома, открывать движения конно-железных дорог <...>. Галлюцинаций не было. Болезненные явления были неизменными. Поведение относится к разряду веселия и иногда временного раздражения».*

Заключение психиатра начала прошлого века о состоянии здоровья пациента Г.М. Шутова следующее: *«перутомление мозга от непосильных обязанностей службы, которые выказались сначала слабостью организма, вследствие чего падение, ушиб головы, на которое последовало нервное расстройство».*

Далее в медицинской карте больного приводится подробное описание ежедневного лечения Г.М. Шутова. Написано много, но уже другим — очень неразборчивым почерком, с употреблением медицинской терминологии и указанием названий лекарств. В этой части старинного документа мне удалось разобрать лишь несколько фрагментов текста:

«Больной поет», «Мечется в постели, плачет, бранится, вырывается», «Заговаривается, говорит, что владеет половиной Санкт-Петербурга, половиной Москвы, что на 4 ноты берет выше Мазини», «30-31 декабря 1900 г. — Танцует, держит себя прилично», «3 января 1901 г. — переведен в наблюдение отдела пансионерского дома», «25 января 1901 г. выбыл домой в улучшенном состоянии».

На этом архивное дело о лечении Германа Михайловича в 3-й Психиатрической больнице Санкт-Петербурга в 1901 г. заканчивается. (К сожалению, улучшение состояния здоровья больного Г.М. Шутова было лишь временным. Ведь из

других источников известно, что в 1901 году в возрасте 54-ти лет Герман Михайлович скончался).

Ознакомившись с записями врача-психиатра о чертах характера Г.М. Шутова, мы с Олегом Георгиевичем с удовлетворением отметили, что отец его матери был симпатичным человеком. Жаль, что прожил он, по теперешним понятиям, не слишком много — 54 года. Однако память о Германе Михайловиче оказалась значительно дольше. Скоро будет 115 лет со дня смерти смотрителя по наружной полицейской части Гатчинского императорского дворца Германа Шутова, а мы с Олегом Георгиевичем не только помним об этом человеке, но, благодаря старинному документу, довольно близко с ним познакомимся.

Свои выписки из архивного дела Г.М. Шутова (здесь они приводятся в значительном сокращении), я послала по электронной почте двум профессионалам: Гатчинскому историку И.Э. Рыженко, а также знакомому врачу-психиатру О.Н. Луковской. Как я и предполагала, у обоих специалистов эти документы вызвали живой интерес, хотя и с разных точек зрения.

Внимательно прочитав в архивном деле данные о детстве деда О.Г. Желябужского, я пришла к выводу о том, что семейная легенда № 2 (о том, что Герман Михайлович Шутов был внебрачным ребенком императора Александра II не находит подтверждения). Впрочем, отрицательный результат в исследовании — это тоже результат.

Теперь от семейных преданий перейду ко вполне реальным историческим фактам. В электронном каталоге Центрального государственного исторического архива СПб я нашла несколько интересных архивных дел, связанных с Желябужскими — предками Олега Георгиевича по отцовской линии. При изучении материалов этих дел меня тоже ждали маленькие открытия.

Так, в документах двоюродного дяди Олега Георгиевича — счетного чиновника Контроля С.-Петербург-Варшавской железной дороги **Алексей Гордеевич Желябужского**, 1877 года рождения (ЦГИА СПб: Фонд 14. Опись 3. Дело 32794), я обнаружила Копию грамоты Дворянина Гордея Алексеевича Желябужского (отца данного человека). Грамота была выдана Гордею Алексеевичу **Тульским Дворянским Депутатским Собранием** 25 сентября 1850 года и свидетельствовала о «вне-сенши в Дворянскую родословную Тульской Губернии книгу в 4-ю ея часть записи о законном рождении у Алексея Желябужского сыновей: Владимира, Алексея и Гордея» (если воспроизводить точно — то *Гордия*).

Кроме того из ветхого этого документа, написанного уже выцветшими чернилами мне удалось составить поколенную роспись рода Желябужских, начиная с 1796 года! Это подряд пять поколений семьи Желябужских. Большинство мужчин этой семьи были военными. Так, прапрадед Олега Георгиевича — Андрей Алексеевич Желябужский служил Штабс-ротмистром. Во всяком случае, таковым он был в 30-ти летнем возрасте, когда вносил в Дворянскую родословную книгу Тульской Губернии трех своих сыновей. (Дочерей в данных документах не указывали).

Один из сыновей штабс-ротмистра Андрея Алексеевича Желябужского — Алексей Андреевич (1821 года рождения) был женат на Пелагее Сергеевне (это прадед и прабабка Олега Георгиевича). В найденном мною старинном документе имеется выписка из формулярного списка о службе этого человека. Приведу ее здесь с небольшими сокращениями:

«из Калужской Палаты Государственных Имуществ от 26 августа 1849 г. за № 12610 (или № 12670 - Примечание О.Новиковской), формулярного списка <...>

просителя Губернского Секретаря Алексея Андреевича Желябужского, значит, что он, Желябужский, отроду имеет 30 лет, православного вероисповедания, жалования получает 428 рублей 88 коп., столовых 142 руб. 46 коп. серебром в год, из дворян, имения за ним родового (так!): Курской губернии, Тимскаго уезда при с. Афонасьевском, крестьян 79 душ, земли 750 десятин, Калужской губернии при с. Гутневе 12 душ крестьян, благоприобретенное Калужской губернии Михеинскаго (так!) уезда при дер. Уткиной крестьян 12 душ и земли 210 десятин в пустоши земли 87 ½ десятин при селе Гутневе 73 души крестьян и земли 502 десятины.

(Не потому ли село называется Афонасьевским, что владел им когда-то отец дипломата петровских времен Ивана Афонасьевича Желябужского?)

По получению домашнего воспитания в службу вступил в Белозерский, что ныне Пехотный Генерал-Адъютанта Князя Волконского Полк, Унтер-Офицером 1837 г. июня 1; Подпрапорщиком того же июля 1; за отличие по службе Прaporщиком с переводом в Архангелогородский (так!) Пехотный Полк 1840 августа 28; передан обратно в Белозерск того же года декабря 20; Подпоручиком 1841 мая 20, переведен в Рязанский пехотный полк 1843 мая 3, удостоился получить в числе прочих Высочайшия благоволения три раза, уволен от военной службы по домашним обстоятельствам Поручиком 1843 октября 16, по прошествии его определен помощником Брянскаго Окружного Начальника 1845 мая 18, приказом Правительствующаго Сената переименован в Провинциальные секретари 1846 января 4, проведен в Губернские секретари со старшинством 1846 апреля 1, по распоряжению Г. Министра Государственных Имуществ определен исправляющим должность Жездринаскаго Окружного Начальника 1848 года декабря 29 числа. В походах и штрафах не был, аттестовался способен».

(Позже, в 1887 году, Алексей Андреевич Желябужский получил чин Надворного советника).

Всего сыновей у Алексея Андреевича и его жены Пелагеи Сергеевны было пять: Андрей 1844 г.р., Сергей 1847 г.р., Владимир 1849 г.р., Алексей 1851 г.р. и Гордей 1852 г.р. По крайней мере, двое из них: Андрей Алексеевич и Алексей Алексеевич служили на железной дороге.

(Старший из сыновей — Андрей Алексеевич, 1844 года рождения. Это тот самый «дядя Андрей», муж актрисы Марии Андреевой (партийный псевдоним — Феномен), которого Олег Георгиевич помнит из раннего детства).

В другом архивном деле о службе **Андрея Алексеевича Желябужского** в контроле Николаевской железной дороги (ЦГИА СПб: Фонд 1363. Опись 1. Дело 118.), начатого в 1912 г., а оконченного в 1919 г., приводится подробная информация о старшем сыне Алексея Андреевича и Пелагеи Сергеевны. (Андрей Алексеевич — был братом деда Олега Георгиевича). В названном архивном деле содержится копия «формулярного списка о службе Главного Контролера Контроля Николаевской железной дороги Тайного Советника Андрея Алексеевича Желябужского», составленного в декабре 1913 г. Документ весьма интересный. Частично приведу его здесь: А.А. Желябужский

«Имеет ордена:

Святой Анны 1 ст.

Святого Станислава 1 ст.

Святого Владимира 3 ст.

И иностранный орден Льва и Солнца 2 ст. (ниже будет указано, что пожалован А.А. Желябужскому этот орден был «Его Величеством Шахом Персидским» — примечание Ольги Новиковской).

Золотую табакерку с вензелевым изображением имени Его Императорского Величества и медаль в память царствования Императора Александра III.

Медаль в память войны 1904-1905 гг. и Светло-Бронзовую медаль в память 300-летия Дома Романовых.

Содержания получает в год:

Жалование 2800 руб.

Столовых 2800 руб.

Квартирных 1400 руб.

ИТОГО: 7000 руб.

<...>

Воспитывался

в Морском Кадетском корпусе с 1858 г. 8 января.

В Гардемарины флота произведен 1863 г. В Мичманы 1865 г.

Командирован в Санкт-Петербург в Портовую Таможню для ознакомления с таможенными обрядностями и делопроизводством 22 февраля 1868 г.

Уволен от службы по флоту для определения статским делам с награждением чином Коллежского Секретаря 29 апреля 1868 г.

Младший помощник Пакагузнаго (так!) Надзирателя и Помощник Корабельного Смотрителя Санкт-Петербургской Таможни 16 мая 1868 г.

Произведен за выслугу лет в Титулярные Советники со старшинством 29 июня 1871 г.

Произведен за выслугу лет в Коллежские Ассессоры со старшинством 29 июня 1874 г.

Определен Младшим Ревизором Временной Ревизорной (так!) Комиссии с 1878 г.

Произведен за выслугу лет в Надворные Советники со старшинством 29 июня 1878 г.

Произведен за выслугу лет в Коллежские Советники со старшинством 29 июня 1882 г.

Переименован из Младшего Ревизора Временной Ревизорной Комиссии в Младшие Ревизоры Департамента Гражданской отчетности 25 февраля 1883.

Назначен Старшим Ревизором железнодорожного отдела Государственного Контроля 15 декабря 1884.

Произведен за выслугу лет в Статские Советники со старшинством 29 июня 1886 г.

Назначен Главным Контролером Закавказской железной дороги 7 июля 1889 г.

Назначен представителем Государственного Контроля в Особой Комиссии одним из старших членов местного Контроля (производства работ за счет особого капитала 7510000 руб).

Назначен представителем Государственного Контроля в Особом Совете образованном под председательством Тайного Советника Иващенко, для обсуждения вопросов о сооружении подъездных к Закавказской железной дороге ветвей 5 июня 1892 г.

Назначен Главным Контролером Контроля Московско-Курской железной дороги.

За отлично-усердную службу Всемилостивейше награжден чином Действительного Статского Советника 11 марта 1893 г.

Назначен представителем Государственного Контроля в Комиссию для приема в казну Донецкой железной дороги 23 июня 1893 г.

*Главный Контролер Контроля Московско-Курской железной дороги
Назначен Главным Контролером Контроля Юго-Западной железной дороги 25 августа 1906 г.*

Пожалован чином Тайного Советника 29 марта 1909 г.

Перемещен в Контроль Николаевской железной дороги.

Был ли в походах против неприятеля и в сражениях.

В Компаниях был в Балтийском море и кругосветном плавании.

С 31 октября 1904 г. и по 25 августа 1906 года состоял Полевым Главным Контролером Второй (слово неразборчиво, скорее всего «Второй») — примечание Ольги Новиковской) — Маньчжурской армии.

Женат ли

По расторжении первого брака повенчан вторым браком на дочери Главного Режиссера Императорских Театров девице Марии Федоровне Юрковской. (Театральный псевдоним ее — Мария Андреева; а партийный псевдоним, данный Лениным — Феномен — примечание Ольги Новиковской).

Имеет сына Георгия, родившегося 29 ноября 1888 г. и дочь Екатерину, родившуюся 10 сентября 1894 г.»

О дальнейшей службе Андрея Алексеевича свидетельствует последний документ архивного дела № 118. Это удостоверение, выданное ему Контролем Николаевской железной дороги 23 июля 1919 г. Таким образом и при новой (Советской) власти Андрей Алексеевич оставался при деле и в возрасте 75 лет еще трудился в качестве «Старшего Контролера Государственного Контроля Р.С.Ф.С.Р.»

Удалось мне посмотреть в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга документы, связанные с обучением детей Андрея Алексеевича Желябужского и Марии Андреевой — Георгия (позже он стал называть себя Юрием) (ЦГИА СПб: Фонд 171. Описание 2. Дело 1186.) и Екатерины (ЦГИА СПб: Фонд 51. Описание 7. Дело 75.)

Я обратила внимание на несоответствие даты рождения Юрия (Георгия) Андреевича Желябужского, указанной в материале Википедии и прочитанных мною архивных документах. Вот что приведено в интернете в свободной энциклопедии:

«Юрий Андреевич Желябужский (1888-1955) советский оператор, режиссёр, сценарист.

Ю.А. Желябужский родился в 12 (24 декабря) 1888 года в Москве. Мать — актриса Мария Федоровна Андреева, отец — действительный статский советник Андрей Алексеевич Желябужский. После того, как родители расстались, отчимом Юрию приходился многолетний спутник жизни матери Максим Горький».

Однако, в просмотренном мною архивном деле № 1186 гимназиста Георгия Желябужского, на листе 3 располагается свидетельство, которое сообщает иные данные. Вот выдержка из Свидетельства № 176 от 29 мая 1904 года на переводных испытаниях Георгия при переводе его из IV в V класс: «дано сие ученику 4 класса Московской частной Гимназии Фр. Креймана Георгию Желябужскому, из дворян, вероисповедания православного, родился в Тифлисе, 29 ноября 1888 г. ...» и далее приводятся оценки, окончившего курс прогимназии Георгия. Та же дата рождения будущего кинорежиссера (29 ноября 1888 г.), указана в формулярном списке его

отца Андрея Алексеевича Желябужского в архивном деле: ЦГИА СПб Фонд 1363. Опись 1. Дело 118. (См. выше).

Описание семейной истории Желябужских закончу составленной мною поколенной росписью этого рода. Родословная эта далеко не полная, так как в нее входят лишь те Желябужские, которые имеют отношение к Олегу Георгиевичу, для которого я собственно и занималась всеми этими изысканиями.

3. Родословная (поколенная роспись) Желябужских

Прародитель

(информация взята с сайта Википедии)

Иван Афонасьевич Желябужский (1638 — после 1709?) — русский государственный деятель, дипломат, мемуарист, московский служилый дворянин.

Дед Ивана Афонасьевича Желябужского был выходцем из Речи Посполитой — служил в Москве оьяком, отец диплоата (Афонасий) стал воеводой.

... Пропущено примерно 5 поколений

I (известное) поколение *(информация из «Грамоты Дворянина Гордея Алексеевича Желябужского о внесении в Дворянскую родословную Тульской Губернии книгу в 4-ю ея часть»)* (ГИА СПб: Фонд 14. Опись 3. Дело 32794).

1. Иван Васильевич Желябужский (? — до 1796) *(Жирным шрифтом в поколенной росписи выделены прямые предки Олега Георгиевича Желябужского).*

2. Михаил Васильевич Желябужский (? — после 1796). *Надворный Советник в 1796 г.*

II поколение *(информация из «Грамоты Дворянина Гордея Алексеевича Желябужского»)*

3/1. Василий Иванович Желябужский (? — ?). *Гвардии-Сержант в 1796 году.*

4/1. Алексей Иванович Желябужский (? — ?). *Гвардии-Сержант в 1796 году.*

III поколение *(информация из «Грамоты Дворянина Гордея Алексеевича Желябужского»)*

5/4. Андрей Алексеевич Желябужский (? — ?). *Штабс-Ротмистр. (?)*

IV поколение *(информация из «Грамоты Дворянина Гордея Алексеевича Желябужского»)*

6/5. Алексей Андреевич Желябужский (1821 — после 1887). *Сначала военный. Потом вышел в отставку и с 1848 г. стал исправляющим должность Жездринского Окружного Начальника. Позже — получил чин Надворного Советника (См. ЦГИА СПб Фонд 14. Опись 3. Дело 32794, лист 21)*

Жена: Пелагея Сергеевна Желябужская (? — после 1887)

7/5.? Андреевич Желябужский (? - ?)

8/5.? Андреевич Желябужский (? - ?)

V поколение *(информация из «Грамоты Дворянина Гордея Алексеевича Желябужского»)*

9/5. Андрей Алексеевич Желябужский (29.08.1844 — после 1927)

1-я Жена: (?).

2-я Жена: Желябужская (в девичестве) Юрковская Мария Федоровна (артистический псевдоним Мария Андреева, партийный псевдоним Феномен) (04.07.1868 — 08.12.1953). Затем, разойдясь (но не разводясь с мужем) Мария Андреева стала любовницей Саввы Морозова, а с 1904 г. гражданской женой Максима Горького.

10/5. Сергей Алексеевич Желябужский (17.01.1847 — ?)

11/5. Владимир Алексеевич Желябужский (03.05.1849 — ?)

12/5. Алексей Алексеевич Желябужский (19.02.1851 — до 1926)

13/5. Гордей (Гордй) Алексеевич Желябужский (02.04.1852 — ?)

Жена: Желябужская (в девичестве — Каменковская) Мария Константиновна

VI поколение (информация из архивных документов, воспоминаний Олега Георгиевича и статей из интернета).

14/9. Екатерина Андреевна Желябужская (10.03.1894 — ?) Переводчица, сотрудница Комитета советских женщин в Москве. (ЦГИА СПб: Фонд 394 Опись 1 Дело 6658).

15/9. Георгий (Юрий) Андреевич Желябужский (29.11.1888 — 18.04.1955) Оператор, кинорежиссер.

16/12. Борис Алексеевич Желябужский (по воспоминаниям Олега Георгиевича) (ок. 1883 — ?) Военный.

17/12. Георгий Алексеевич Желябужский (по воспоминаниям Олега Георгиевича) (ок. 1885 — ок. 1960). Контролер на железной дороге, грузчик, торговый работник, чертежник...

Жена: Желябужская (в девичестве Шутова) Любовь Германовна (1886 — 1970). Учитель.

18/13. Алексей Гордеевич Желябужский (20.04.1877 — после 1912). Счетный чиновник на железной дороге.

VII поколение (по документам ЦГИА СПб, воспоминаниям Олега Георгиевича Желябужского и информации из интернета).

19/14. Приемная дочь Е.А. Желябужской Шибарина Елена Михайловна. (ЦГАЛИ: Фонд Р-499. Опись 2. Дело 85).

20/17. Ирина ? Шутова — внебрачная дочь Л.Г. Желябужской (Шутовой) (ок. 1912 — ок. 1942).

21/17. Сергей Георгиевич Желябужский (ок. 1920 — ?). Директор музея В. Короленко в Джанхоте.

22/17. Олег Георгиевич Желябужский (05.07.1926). Участник Великой Отечественной войны; токарь, часовщик, библиотекарь.

Август-сентябрь 2015

Александр Кунин

ЛЮДИ И УБЕЖДЕНИЯ

- Прекрасно! — промолвил Рудин, — стало быть, по-вашему, убеждений нет?
- Нет — и не существует.
- Это ваше убеждение?
- Да.
- Как же вы говорите, что их нет? Вот вам уже одно на первый случай.

И.С. Тургенев. Рудин.

Убеждения признаются таковыми после проверки на прочность. Именно в качестве "твердых убеждений" они принимаются с должным почтением. Но "твердость", как и всякое другое качество, не может быть безусловно полезным. Ницше считал даже, что "убеждения - более опасные враги истины, чем ложь".^[1]

Рассуждая об убеждениях, следовало бы установить, насколько это возможно, границы понятия. Определением такого рода трудно избежать т.н. *необходимой тавтологии*. Различные словари выстраивают многочисленные синонимы: *убеждения* — это взгляды, воззрения, позиции, принципы, мировоззрение, идеология, ценностные ориентации. Мне кажется предпочтительным краткое определение С.И. Ожегова: *прочно сложившееся мнение, уверенный взгляд на что-либо*. Но к этому следовало бы добавить: убеждения субъективно воспринимаются как *несомненные истины и существенно влияют на поведение*.

Полезность убеждений кажется очевидной, если предполагать, что строятся они опытом, наблюдениями, умозаключениями и служат средством приложения приобретенных и выверенных знаний к новым ситуациям. В действительности убеждения далеки от того, чтобы быть чисто интеллектуальным продуктом, и влияния здесь могут быть совершенно неожиданными. Так, консервативные политические убеждения оказались связанными с развитым чувством брезгливости (высокими показателями по Disgust Sensitivity Scale)^[2]. Еще более сложными выглядят связи такого рода убеждений, которые выбраны здесь предметом обсуждения, именно — *убеждений религиозных*. Хотя они и относятся к области, именуемой *верой*, речь идет, как этого и требует определение, о прочно сложившихся и устойчивых мнениях об окружающем мире и человеческом существовании. Они, конечно же, субъективно воспринимаются как несомненные истины и существенным образом влияют на поведение. Отправным пунктом служит постулат о существовании Бога, который (в современной интерпретации) является причиной всего сущего и определяет его законы, а от человека требует соблюдения установленных правил и выполнения необходимых ритуалов. При понятном консерватизме религиозных учений, прочно связанных с первоисточником — Священным писанием, монотеистические религии все же не пренебрегают возможностью толкований и доказательств. Тысячелетние усилия священников, теологов, религиозных философов и создали то, что может быть названо современными религиозными убеждениями.

В последние десятилетия психологи, антропологи и биологи, долгое время державшиеся в стороне от этой небезопасной области, стали проявлять к ней все

большее внимание. Их усилия заслуживают, мне кажется, краткого обзора, также как и некоторые новые явления в среде верующих (по преимуществу, израильских).

NOMA. В 1997 году Stephen Jay Gould предложил примирительный принцип, широко известный под именем NOMA — "non-overlapping magisteria", призванный разрешить, при обоюдном согласии, пресловутый конфликт науки и религии. Для этого следовало признать, что каждой из сторон принадлежит суверенная область, нигде не перекрываемая другой. Magisterium науки — факты материального мира и выстроенные на их основе теории, а magisterium религии — область морали и смысла жизни. Каждая из областей владеет методами, способными решать подвластные ей проблемы, но теряющими свою силу за её границами [3].

Принцип NOMA, не предлагая ничего существенно нового, придавал концептуальный вид мирному сосуществованию науки и религии, установленному в 20-м столетии. Но в конце этого периода границы стали нарушаться особенно часто, причем, с обеих сторон. Креационисты противопоставили важнейшему принципу естествознания — теории эволюции — свой принцип *Разумного Замысла* — Intelligent design, утверждающий, что с чисто научной точки зрения развитие сложных органов и систем у животных лучше объясняется *Замыслом*, чем случайным отбором многочисленных мелких признаков. Биологи и психологи ответили целой серией «вторжений», в которых с помощью новых методов пытались исследовать сопредельную область. При этом большинство соглашалось с целью, ясно определенной нейробиологом D.F. Swaab: главный вопрос не в том, существует ли Бог, а в том, почему столь многие люди являются религиозными. [4]

Последнее исследование, проведенное WIN/Gallup International в 65 странах и опубликованное в апреле 2015 года, с несомненностью свидетельствует, что религия продолжает доминировать в жизни большинства людей: 63% определили себя как религиозных и только 11% назвали себя убежденными атеистами. Некоторые из опрошенных — 22% предпочли отнести себя в группу светских, но не противников религии. Как и следовало ожидать, обнаружилось значительные различия при сравнении регионов. В Африке и на Ближнем Востоке о своих религиозных убеждениях заявили соответственно 86% и 82% опрошенных, в Северной Америке — 66% [5].

Подробное и основательное исследование религиозности — «A Portrait of Israeli Jews» опубликовано в 2009 г. Пять групп израильтян определили себя в следующей пропорции: харедим (ультраортодоксы) — 7%; ортодоксы — 25%; соблюдающие религиозные традиции — 32%; светские — 43%; светские противники религии — 3%. [6]

Приходится признать, что религия, неременная часть культуры всех прошлых человеческих сообществ, проявляет удивительную стойкость и теперь, когда она лишилась традиционной роли монопольного толкователя природы и жизни. Более того, новые её формы (секты, ответвления) продолжают рождаться и в наше время [7]. Способна ли наука со своими «линейками и весами» (по В. Набокову) сказать об этом что-либо вразумительное?

Нейротеология и ген бога. Такие, не совсем приличные для серьезной науки обозначения употребляют, когда пишут о вторжении новых методов в исследование религии. В первом случае речь идет о функциональной МРТ (fMRI) — Магнитно-резонансной томографии, с помощью которой определяют, какие области мозга ак-

тивируются при молитвах, медитациях, ответах на вопросы, связанные с религией. Такие области действительно существуют, как и некоторые различия религиозного и нерелигиозного мышления в активации мозговых структур. Хотя цветные изображения мозга выглядят на томографии впечатляюще, ничего существенного для понимания религиозных убеждений из них, надо признать, не следует.^[8]

Другое обозначение — *ген бога*, было придумано известным американским генетиком Dean Hamer для его книги «The God Gene: How Faith is Hardwired into our Genes»^[9]. Hamer связал психологические характеристики 1000 индивидуумов с их ДНК и обнаружил значимую связь между склонностью к мистике и религиозности и определенным геном — VMAT2, влияющим на регуляцию важных медиаторов головного мозга — серотонина, допамина и норэпинефрина. Автору крепко досталось и от ученых, и от теологов, которым связь религиозности с биохимией мозга показалась неубедительной, да еще и выраженной в нарочито сенсационной форме. Но если речь идет о наследственном предрасположении к религиозным взглядам и практике, то этому есть и другие подтверждения.

Поскольку близнецовые пары, как правило, воспитываются вместе, они подвержены влиянию одних и тех же семейных и средовых факторов, в том числе и религиозных традиций. Разница по совпадению выбранного признака у одной-двух (генетически идентичных) близнецов и двуйцевых (генетически схожих не более чем братья и сестры) традиционно служит для оценки генетического вклада в развитие этого признака. Близнецовые исследования, выполненные в нескольких странах: США, Нидерландах, Австралии, Великобритании оценивают генетический вклад в религиозные убеждения между 40 и 50%^[10].

Homo religious психологов. При должном почтении к изощренным поискам мозговых центров, ответственных за склонность к религии, большие надежды возлагаются всё же на непосредственное исследование психики. Но чтобы приблизиться к принятым стандартам анализа, основанным на измерениях, следовало изготвить подходящие «линейки». Они и были предложены в виде многочисленных *шкал религиозности*, выверенных и прошедших необходимую проверку. Составленные в форме опросников, относящихся к различным сторонам религиозной жизни, они позволяют ранжировать то, что недоступно прямому физическому измерению. Каким образом это делается, видно из следующих примеров.

В известном опроснике Santa Clara Strength of Religious Faith Questionnaire под № 4 значится следующее утверждение: «Я думаю, что моя вера — источник цели и смысла всей моей жизни». Предлагается оценить его верность по баллам: 1 — совершенно не согласен; 2 — не согласен; 3 — согласен; 4 — абсолютно согласен^[11]. Религиозный индекс Университета Дьюка (DUREL) содержит вопрос: «Как часто вы посещаете церковь или другие религиозные учреждения?»

1 — никогда; 2 — раз в год или реже; 3 — несколько раз в год; 4 — несколько раз в месяц; 5 — один раз в неделю; 6 — чаще, чем раз в неделю^[12].

Сумма баллов по всем пунктам опросника принимается как оценка религиозности испытуемого, а сложение показателей всех испытуемых служит количественным показателем для группы. Расширив понятие религиозности, оценивают также человеческое качество, называемое «Spirituality», русский перевод которого — «Духовность» не совсем точен. Речь идет о вере в интуицию, предчувствие, чудеса; в то, что не все в мире подчинено материальным причинам, а природа полна загадок, недоступных научному толкованию; в то, что существует «шестое» чув-

ство и некая связь с «потусторонностью». Соответствующие опросники позволяют оценить это качество, а при желании — и собственную «духовность», к примеру, при помощи Quiz: How Spiritual Are You? [13].

Сделав религиозность доступной измерению при помощи соответствующих «линейек», получили возможность соотносить её с другими сторонами человеческой личности.

Прежде всего, выявилась негативная связь показателей религиозности и интеллекта. Те, чей уровень умственных возможностей оценивается как высокий, менее склонны принимать религиозные доктрины или обнаруживать религиозное поведение. Низкие показатели интеллекта особенно ясно коррелируют с высоким уровнем религиозного фундаментализма [14]. При исследовании IQ в группах с разным отношением к религии обнаружилось, что у атеистов он выше, чем у агностиков, либеральных верующих и религиозных фундаменталистов соответственно на 1,95; 3,82 и 5,89 пункта [15].

Некоторые тесты позволяют оценить склонность к одному из двух типов мышления — аналитическому либо интуитивному — и соотнести её с религиозностью. Аналитический когнитивный стиль, как выявилось, реже сочетается с религиозными убеждениями и мистическими верованиями, чем интуитивный [16].

Тем же способом сравнения шкалы оценивают связь религиозности с некоторыми чертами личности. Пятифакторный личностный опросник (The Big Five) выделяет пять независимых качеств: нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, сотрудничество, добросовестность. Предполагается, что именно эти факторы достаточно полно определяют психический облик индивидуума. Религиозность положительно связана с двумя: *сотрудничеством* и *добросовестностью* и отрицательно коррелирует с фактором *интеллектуальная открытость*. *Сотрудничество* (кооперативность) — стремление к единению и солидарности с группой, альтруизм, забота о близких, эмоциональная поддержка. *Добросовестность* (надежность, скрупулезность) — склонность к порядку, методичность, обязательность, самоконтроль, осторожность, социальная конформность.

Интеллектуальная открытость (Openness/Intellect) — менее ясный фактор. Его черты — понятливость, смысленность, восприимчивость, осведомленность, открытость для новых впечатлений и жажда знаний. Высокие показатели по этой шкале коррелируют с низкими баллами религиозности. [17].

После всех этих измерений и сравнений мы знаем теперь, какие характеристики интеллекта, мышления и личности склоняют человека к принятию или, наоборот, к оппозиции религии. К этому можно прибавить некоторые статистические данные: материальное благополучие и хорошее образование не способствуют религиозности; ученые в целом менее религиозны, чем прочая публика, а биологи больше атеисты, чем физики [18].

Увы, главные источники человеческого пристрастия к религии не спешат обнаружить свою природу в тестах и измерениях. Но источники эти должны быть достаточно обильны, чтобы поддерживать религию во все времена, на протяжении всей человеческой истории.

Религия и естественный отбор. Одна из гипотез утверждает: религия стала непременной частью человеческой культуры из-за полезности для выживания и обладает, следовательно, эволюционными преимуществами. Можно ли подкрепить это утверждение фактами?

В большом обзоре сотен исследований Harold G. Koenig сопоставил уровень *религиозности/духовности* (religion/spirituality — R/S) с показателями психического и физического здоровья. Обнаружились любопытные корреляции. Высокий R/S предсказывал низкий уровень депрессии, редкость самоубийств, низкий уровень тревоги, редкость наркотической зависимости и алкоголизма, а также низкий уровень преступности. Та же закономерность наблюдалась и в отношении физического здоровья. Лица с высоким R/S реже страдали коронарной болезнью сердца, инсультами, инфекциями, злокачественными опухолями. Низкий уровень смертности и большая продолжительность жизни подтверждали достигнутый уровень здоровья^[19].

Хорошо спланированная работа на ту же тему выполнена в Израиле. Известно, что у живущих в кибуцах смертность ниже, чем в среднем у еврейского населения страны. Дает ли принадлежность к религиозному сообществу дополнительную защиту жизни и здоровья? Оказалось, что смертность в религиозных кибуцах определенно ниже, чем в светских, и это очевидно для обоих полов, для всех возрастов и оставалось постоянным на протяжении всех 16 лет наблюдения. Преимущество сохранялось при сравнении смертности по главным её причинам.

Возможные объяснения столь благотворного влияния религиозной жизни сводятся, по сути, к двум пунктам:

— нормы поведения, подкрепленные авторитетом божественного источника, требуют воздержания от курения, наркотиков, пьянства, обжорства, опасных сексуальных контактов. Это вполне соответствует врачебным предписаниям здорового образа жизни.

— душевное равновесие важно для устойчивости к физическим недугам. Его укрепляет взаимная поддержка членов общины при всех трудностях и потерях, надежда на заботу высших божественных сил, прочность семейных отношений. (Частота разводов в религиозных кибуцах в 11 раз ниже, чем в светских). Релаксация, достигаемая частыми молитвами, строгое соблюдение субботы и праздников, посвященных отдыху и религиозным обрядам, снижают уровень стресса.^[20]

Возникает соблазн легкого умозаключения: члены религиозных сообществ дольше живут, отличаются лучшим здоровьем, рожают больше детей, следовательно, обладают всеми качествами, нужными для естественного отбора. В этом то и причина распространения религии повсеместно и во все времена.

Некоторые обстоятельства заставляют, однако, не торопиться с обобщениями.

Средние статистические данные, как оказалось, находятся под сильным влиянием определенных групп. Канадские социологи установили, что благотворное влияние религии зависит от высокой вовлеченности во все её проявления — посещения храмов, участия в мессах, совместных молитвах, чтения Библии, размышлений о Боге, праведной жизни и т.п. Благоприятный эффект проявляется наиболее ясно в небольших сплоченных общинах^[21]. Но и здесь существуют границы, за пределами которых замкнутый коллектив, управляемый фанатичным фундаменталистом, может принести немало вреда душевному и физическому благополучию своих членов.

Многочисленные религиозные массы далеки от того уровня R/S, который заметно влияет на здоровье и, что особенно важно, от той сплоченности и взаимной поддержки, которая необходима для этого.

Есть все же обстоятельство еще более важное. Применимость полученных данных к сообществам далекого прошлого кажется очень сомнительной. Все современные исследования относятся к благополучным народам, исповедующим мо-

нотеистические религии. Требования здорового образа жизни вряд ли были бы понятны племенам и народам, страдавшим от бед иных и более суровых, чем курение и переядание. Отношение к богам, по крайней мере, в тот период истории, о котором сохранилось достаточно сведений, очень мало напоминает отношение современного иудея, христианина или мусульманина к тому единственному богу, который заменил весь многочисленный пантеон. «Когда Бог стал единственным, отношение к нему приобрело интимность и напряженность отношения ребенка к отцу. Все сводится к отношению "сын - отец", Бог есть возвысившийся отец, тоска по отцу — корень религиозной потребности» [22]. Ничего похожего на такое чувство не мог испытывать верующий ни к вавилонскому богу Мардуку, ни к египетскому Гору, ни даже к греческому Зевсу. Ждать от них отеческой заботы и духовной поддержки не приходилось.

Групповой отбор. Но, может быть, преимущества религии проявляются наиболее полно, когда отбор действует на уровне групп?

Способность спланировать группы и придавать им устойчивость должна быть особенно успешной, когда социальные правила и законы подкрепляются авторитетом Бога. В качестве примера D.F. Swaab приводит иудаизм, который позволил евреям выжить, несмотря на диаспору, инквизицию и Холокост [23].

Но этот пример как раз и раскрывает всю сложность проблемы. Он вполне хорош для историка и сомнителен для биолога. Дело тут не в естественном отборе, который является, по сути своей, выживанием генов. Гены евреев сохранились и у тех, кто под давлением инквизиции принял христианство, пусть эти люди теперь и называются испанцами.

Если дарвиновский отбор на уровне групп действительно существует (а спор об этом далек от завершения), то для доказательства следовало бы отыскать в истории два типа человеческих сообществ — религиозных и нерелигиозных — и показать, что первые выжили благодаря своим религиозным убеждениям. Поскольку атеистических племен и народов, вероятнее всего, не существовало, предполагают (Colin Renfrew), что соревнование могло идти между группами более религиозными и менее религиозными, и отбор предпочел первых. Серьезных доказательств для этих утверждений не находится, а исторические примеры могут быть и совершенно иного свойства.

Религия — сопутствующий продукт? Гипотеза эволюционного отбора религии может быть исправлена предположением о важных свойствах человеческой психики, *сопутствующим продуктом* которых религия, возможно, и является.

Ричард Докинз: «Теория о том, что религия является случайным побочным продуктом — досадным проявлением чего-то полезного, представляется мне наиболее убедительной» [24].

Не отвлекаясь на оценку «случайности» и «досадности», можно попытаться обнаружить эти полезные свойства:

1. Развитая социальная организация человека требует некоторых качеств, которые, по Edward O. Wilson варьируются генетически и могут быть материалом для естественного отбора [25]. Возможно, что это именно те личностные факторы — *сотрудничество* и *добросовестность*, которые достоверно коррелируют с показателями религиозности. Различные пропорции этих качеств в различных сообществах могут определять предпочтения группового естественного отбора. В этом

случае религиозность является сопутствующим эффектом признаков, отобранных эволюцией.

2. Человек - неутомимый искатель причин и следствий. Побуждение к этому столь настоятельно, что порождает особый вид *каузальной атрибуции* - приписывания причин событиям, происхождение которых неясно и запутано. Антрополог Stewart Guthrie показал на примерах важное свойство такого рода атрибуции — *персонализацию*, стремление замечать и обнаруживать в окружающей среде действие сознательных и целенаправленных сил. Шелест листьев, тени в лесу, раскачивание ветвей, шумы и шорохи заставляют думать в первую очередь о присутствии живых существ. Это важно для выживания, так как не заметить врага или хищника намного опаснее, чем ложное предположение об их присутствии [26].

От персонификации один шаг до заключения, что некоторые события — внезапная смерть близких, лесной пожар, наводнение и т. п. или, наоборот, удачная охота, чудесное выздоровление, рождение первенца вызываются вмешательством высших, наделенных разумом сил. Их благотворность или, наоборот, враждебность зависят от скрытых причин, толкование которых становится для избранной группы профессиональным занятием.

Религиозные убеждения могут быть выведены (без большого насилия) из особенностей такого мышления. Рожденные им представления о "сотворении", происхождении племен и народов, грозных явлениях природы, болезнях и эпидемиях являются, по сути, многообразными и украшенными человеческой фантазией *каузальными атрибуциями*. Но если такого рода мышление устойчиво и не меняется со временем, то длинный список ситуаций и природных явлений, которые когда-то представлялись неясными и загадочными, значительно сократился. Не следует ли из этого необходимое сужение *религиозной атрибуции*, а с ним и оснований для религиозных убеждений? Такое предположение может соответствовать действительности и заслуживает специального рассмотрения.

Религии, однако, поддерживаются и другими, достаточно мощными силами, отношение которых к эволюции много сложнее. Естественный отбор не только «бережлив» и «экономен», но и лишен сантиментов по отношению к своим творениям. Для гладкого хода эволюции, «чтоб хорошо сучилась нить» [27], поколения должны сменяться с достаточной скоростью, а это значит, что всему живому уже при рождении выносится смертный приговор. Но знать об этом дано только человеку, потому что только он получил от эволюции ценный, но опасный подарок — развитое самосознание.

Предвидение неизбежного - слишком тяжелое бремя, и это обнаружится уже в захоронениях позднего палеолита. Признаки погребального ритуала можно считать первыми доказательствами рождения религии с её представлением о жизни после смерти, для которой усопший снабжался необходимыми предметами [28].

Чудесные возможности восприятия, анализа и памяти сделали человека самым успешным творением эволюции, и они же с нестерпимой ясностью представили ему неизбежную картину несчастий, болезней и смерти. Настоятельная потребность психологической защиты выбрала одним из своих средств религии, которые, развиваясь и изменяясь, сопровождают человечество с древнейших времен до наших дней.

Зигмунд Фрейд считал религию «общечеловеческим навязчивым неврозом» [29]. Но если прибегать к психиатрическим аналогиям, уместно вспомнить о любопытной категории, которая входила в старые классификации, именно — о «тюремных

психозах». У приговоренных к смерти иногда развивался «бред помилования» [30]. Они пребывали в уверенности, что приговор отменен, что тюрьму уже посетили важные персоны и принесли «благую весть», которая и будет вскоре объявлена. Каждая из религий приносит подобного рода успокоение, отрицая уничтожение.

Это, разумеется, не единственный род защиты, и не только им заняты религии. С другой стороны, самим религиозным убеждениям приходится отстаивать себя в нелегкой борьбе. Но это уже тема следующей главы.

(окончание следует)

Библиография

- [1] Фридрих Ницше. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. Отдел девятый: человек наедине с собой, 483. Сочинения в 2-х томах, т.1. Москва, "Мысль", 1990. Пер. С.Л. Франка.
- [2] Yoel Inbar, David A. Pizarro and Paul Bloom. Cognition and Emotion. Volume 23, Issue 4, 2009, pages 714- 725.
- [3] Gould, S. J. (1997). Non-Overlapping Magisteria. Natural History 106 (March): 16—22.
- [4] D.F. Swaab. This is your brain on religion: Uncovering the science of belief. <http://www.wingia.com/web/files/news/290/file/290.pdf>
- [6] A Portrait of Israeli Jews. Beliefs, Observance, and Values of Israeli Jews, 2009
- [7] Daniel C. Dennett. Breaking the spell: religion as a natural phenomenon. Penguin Books 2007
- [8] Sam Harris, Jonas T. Kaplan, Ashley Curiel, Susan Y. Bookheimer, Marco Iacoboni, Mark S. Cohen. The Neural Correlates of Religious and Nonreligious Belief. <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0007272> OOMEN, PALMYRE. "Neurotheology." Encyclopedia of Science and Religion. 2003.
- [9] Dean Hamer. «The God Gene: How Faith is Hardwired into our Genes». Anchor; Reprint edition, 2005
- [10] Tim Spector. Studies of twins suggest that faith is influenced by genes.
- [11] Plante, T.G., & Boccaccini, M. (1997). The Santa Clara Strength of Religious Faith Questionnaire. Pastoral Psychology, 45, 375-387.
- [12] The Duke University Religion Index (DUREL): A Five-Item Measure for Use in Epidemiological Studies
Harold G. Koenig and Arndt Büssing
Religions 2010, 1, 78-85
- [13] Quiz: How Spiritual Are You? web.pdx.edu/~tothm/religion/Spiritual%20Quiz.pdf
- [14] Gary J. Lewis, Stuart J. Ritchie, Timothy C. Bates. The relationship between intelligence and multiple domains of religious belief: Evidence from a large adult US sample. Intelligence 39 (2011) 468-472 <http://www.midus.wisc.edu/findings/pdfs/1197.pdf>
- [15] Helmuth Nyborg. The intelligence—religiosity nexus: A representative study of white adolescent Americans. Intelligence, January—February 2009, Vol. 37(1): 81-93
- [16] Gordon Pennycook, James Allan Cheyne, Paul Seli, Derek J. Koehler, Jonathan A. Fugelsang. Analytic cognitive style predicts religious and paranormal belief. Cognition. June 2012, Vol.123(3):335-346

- [17] VASSILIS SAROGLOU and JEAN-MARIE JASPARD Personality and Religion. From Eysenck's Taxonomy to the Five-Factor Model.
- [18] D.F. Swaab. This is your brain on religion: Uncovering the science of belief From Pope Francis to Phil Robertson: Why are some people of faith generous — while others are nuts?
- [19] Harold G. Koenig. Religion, Spirituality, and Health: The Research and Clinical Implications <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3671693/?report=reader>
- [20] Kark JD, Shemi G, Friedlander Y, Martin O, Manor O, Blondheim SH. Does religious observance promote health? mortality in secular vs religious kibbutzim in Israel. Am J Public Health. 1996 March; 86(3): 341-346.
- [21] George K. Jarvis, Herbert C. Northcott. Religion and differences in morbidity and mortality Sm. Sci. Med. Vol. 25, No. 7, pp. 813-824, 1987
- [22] Фрейд. Будущее одной иллюзии. <http://tululu.org/read51921/2/>
- [23] D.F. Swaab. This is your brain on religion: Uncovering the science of belief.
- [24] Докинз, Ричард. Бог как иллюзия. Издательство КоЛибри, 2008. Гл. 5.
- [25] Edward O. Wilson. The social conquest of Earth. Norton, 2012. freekindbookdownload.blogspot.com
- [26] Stewart Elliott Guthrie. Faces in the Clouds: A New Theory of Religion, Oxford University Press, 1995
- [27] Илья Эренбург. Когда зима, берясь за дело...
- [28] Edward O. Wilson. The social conquest of Earth. Norton, 2012. freekindbookdownload.blogspot.com
- [29] Фрейд. Будущее одной иллюзии. <http://tululu.org/read51921/2/>
- [30] Ю.В. Каннабих. История психиатрии. Л.: Государственное медицинское издательство, 1928.

Борис Лихтенфельд
**«ЭТА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНА...»**

ВСТРЕЧА

— Заблудился я, кажется. Вы не подскажете,
где я? — не узнаю — далеко ли до Хутора?
— По просёлку — вёрст пять, а тропой через пажити,
да леском напрямик — так не больше полутора.
— Коли пять, не дойду дотемна. Делать нечего,
только не заплутать бы опять...

— Не сворачивай
до ручья, ну а там, возле брода овечьего
есть мосток в два бревна...

Интонацией вкрадчивой
подкупающий голос:

— Пролеском осиновым
выйдешь прямо к овину. Дотопаешь засветло...
Мнётся, тянет, еще уточняет...

— Спасибо вам.

Всё как будто понятно...

И вдруг слово за слово:

— Как Хозяйка-то? Нынче, небось, не управится
без помощников? Не вылезает, замаяна,
из угодий своих... А была ведь красавица!
Тяжело ей, бедняжке, теперь, без Хозяина...

— Да какой я помощник! Ну, разве за хворостом,
за водой к роднику, намекнёт когда, сбегая...

— Значит, не поддаётся печалям и хворостям?
Как-нибудь к ней нагрюну с попутной телегой...

Нету смысла спешить в этом ритме размеренном.
Впрягся в странный сюжет — вот и жду, чем развяжется,
и покорно топчусь у обочины меринном —
зачарован, бессилен и тронуться, кажется.
Дальше слушаю. Где же я? — так и не ведаю,
и какое-то время неопределённое,
порождённое сею тягучей беседою,
брезжит, сея в глаза нечто сине-зелёное.
Словно переплелись колея и коллизия...
Не добраться вовек мне до хутора вдовьего!
Озираюсь вокруг: может быть, в парадизе я?
С кем тогда разговаривал?... Нет и следов его...

ФАНТАЗИЯ

Москва в огне. Петрополь под водой.
Карающий во гневе на Россию
легко определяет выбор свой —
какую где использовать стихию.

Рой саламандр над стенами Кремля
взвивается трескучею шутихой.
Русалки извиваются, суля
на дне Невы разливы неги тихой.

Звонят всё глуше сорок сороков.
Сигналы SOS доносятся все реже...
Да где же Богородицын Покров,
апостола Петра святые мрежи?

Георгий всё никак не поразит
копьем победным огненного змея.
Под гордыми дворцами грунт размыт.
Всё гибнет, ничего не разумея...

Там, где голландский люгер затонул,
скользит всё тот же утлый чёлн карела.
На склонах Воробьёвых гор — аул.
Затоплен Петербург. Москва сгорела...

Но вечно ищет рога носец Пьер
в квартире 50 Наполеона.
И вечен конной статуи карьер
в расколоте сознания Родиона.

БОЛОТНАЯ СТАНЦИЯ

Нарциссом застыв над Невой,
Петрополь не подозревает,
что невдалеке от него
судьбы эмбрион созревает —
и Мойр кабинет теневой
работает именно тут!
Чужим непонятен их труд:
торят свои тайные тропы,
дитю наввих чар гороскопы
из флоры болотной шлетут.
Зачем-то им уровень важен
грунтовых невидимых вод,

и каждое утро обход
в лесу пробуравленных скважин
они совершают. — На сажень
сегодня повыше. Вот-вот
болотные вспенятся воды,
и судя по стокам — пора!
Но снова отложены роды.
...Быть может, последние годы
каприз доживает Петра.

* * *

Эта действительность недействительна,
ведомств неведомых представитель на
ней не поставит покуда визу
росчерком где-нибудь сверху-снизу.
В действие приведённая визио-
нером, она обретает физио-
номию, коей черты по сути
определимы едва в дебюте
и лишь затем, подтвердив наигия
в ходе логического развития,
сводятся в контуры, по которым
смыслы скользят, как по коридорам.
Втянуты звёзды в игру чиновничью,
в сон многоклеточный, что давно вничью
мог бы закончиться жертвой тонкой
и нескончаемой перегонкой.
Но продолжается, невзирая на
лица-бумаги с печатью Каина,
что, мельтеша, не глядят ни вниз, ни
вверх, где суровый Начальник жизни.

ПОСЛЕДНЯЯ БИФУРКАЦИЯ

Холодно. Ход свой замедлило время. Целыми днями ум во тьме ледяной
пребывает.
Дремлется и непонятно: снился ли, мнится ли, будто Земля остывает
в опровержение грозных прогнозов глобального потепления.
Арктика в сговор вступила с Антарктикой. Обществу потребления
с его экспедиционными корпусами, с конкурентной борьбой за приоритет
в командных ставках на полюсах подготовлен адекватный ответ.
Одновременно двинуты силы сверху и снизу. Возмездие ждёт ойкумену.
Наносится первый удар по коммуникациям, водоснабжению, теплообмену.

Канаду уже доконали. Дрожит всемогущий сосед. Аляска зубами лязгает. Лысеет спина евразавра, а три флотилии айсбергов подходят к Австралии, Африке, Южной Америке. Огненная Земля заиндевила. Новую Зеландию заживо метель замела. Везде у заговорщиц имеются геополитические интересы. В Японии — эпидемия хакари: заморожены все прогрессы. Китайский притих муравейник, а наши просторы застелены духовнейшими простынями без американской зелени. Для премьер-министра единой Европы в Лихтенштейне бурявят вечную мерзлоту, чтобы бункер под ней оборудовать. Только чистый разум останется на посту в новом мире, воистину биполярном и экологически чистом, где холодный расчёт ледяным подчиняется числам согласно степановской универсальной концепции*, где во имя высшей идеи культурушка гибнет — процентщица. Как рубахой смирительно-свадебной, сиянием белых одежд нивелирован многообразный рельеф. Истории многофазный сюжет истёрт в проклятых торосах под скрежет любовный, а её долгожданный конец абсолютной пронизан свободой. Мировой океан стекленеет. У экватора сходятся обе союзные армии, сферы влияния делят, как тайная конференция определила заранее. Рациональному бессознательному в чистые руки передаются бразды правления. В общем, такая конспирология, что сионские мудрецы отдыхают в вечных снегах Кордильер, Гималаев и Килиманджаро, где, упоены освоением terra incognita, как нового жанра, пингвины с медведями белыми воссоединение празднуют — и жалко нас всех, отлучённых от этого пира прекрасного: не про нас сокровенная манна и камень бел, ибо, кристаллизуясь, мечтания свой обретают предел.

GEORGIA

Штат Джорджия, измотан затяжным конфликтом с Южной Каролиной, вторгся в её пределы. Северная вмиг пришла на помощь, крейсера направив во все порта агрессора лихого, чтоб выход к океану перекрыть. Атланта без Атлантики осталась. Когда ж Флорида с Джорджией в альянс вступила, тотчас обе Каролины ретировались. Тут вдруг заявил штат Теннесси свой интерес исконный и бомбанул Майами, отвлекая войска Флориды на себя. А дальше и штаты Алабама с Аризоной

не пожелали в стороне остаться...
Локальная война всё расширялась,
от штата к штату расплзалась, как
огонь в сухом торфянике. И слухи
при этом расплзались чёрным дымом,
что всюду поджигатели, агенты
спецслужб заокеанских, в госструктуры
проникшие — то бишь рука Москвы...

ПРОАНТРОП

Биологический наш вид
ещё природе предстоит
очеловечить:
прямоходящее отнюдь
не лишним будет чуть пригнуть,
чуть изувечить
и кой-чего лишить к тому ж,
привычного его уму,
чтоб научился
иному (лучше — после нас!)
охотник первобытный на
слова и числа,
чья эра — в сущности, пустяк,
на эволюции путях —
лишь полустанок,
где эфемерный удалец
под толщей лет схоронит след
своих стоянок.

ХОРОШЕЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Владимиру Алексееву

Приснилось хорошее слово.
Не знаю, к чему приложить —
да чтобы без умысла злого
его существо обнажить;

да чтобы без всякой обиды
звучало, при этом открыв
уму всевозможные виды
на сей семантический взрыв.

Пускай ни к чему не прицепят
его как враждебный ярлык!
О, неименуемый трепет!
Кой смысл ему равновелик?

То так прилагаю, то эдак,
горюю, как немощно-сир,
как тёмн, скажу напоследок,
мой *жидобязненный* мир!

ГОРОД-МОЗГ

Что-то в мозгу моём рушится,
в части его исторической.
Тихого заговор ужаса
хочет из памяти вычеркнуть
всё, что в нём было так дорого.
Вороги-варвары шустрые
всё перестроят, не чувствуя
сути им чуждого города.
Крахнет система центральная
нервная и обездвижится.
Связей померкнет мерцание.
Пробок сосуды не выдержат.
Будут шунты виадуками
соединять полушария —
меж Дибунами с Шушарами
только тоску наведут они.
Здания мыслей возвышенных
скоро, как зубы, повыпадут.
Мышц без натуги промышленных
новыми заменены будут.
Будет, предвижу, просторно в них
переоценкам имущества
и кривотолкам толкущимся.
Стенами правдоупорными
лишнее отделено будет.
Быстро стемнеет за окнами,
словно покроются копогью.
Так вот сеанс и закончится.
Не сохранятся параметры.
Страшная сила в мозгу растёт.
Город мой перезагрузится,
да и сотрётся из памяти.

ПЕТАРДЫ

Новолетия радость беспечна,
и её в одночасье пожрёт
самовластного времени печка,
только искры дая от щедрот.
Растворит их бездонное небо.
Отгуляв, отрезвев народ
и потащится сонно и немо
к предначертанной цели, вперёд.
Впереди остаётся всё меньше...
Дым всё гуще, всё ближе черёд...
Искры гаснут, и жизнь всё крошечней,
и всё внятней обратный отчёт.

ИЗ ПУСТОТЫ ВОЗВВХ

Во многих мудрости много печали.
Мне ж печалиться не о чем:
ведь как ни учили, ни поучали —
так и остался неучем.

Особого не было к высшим тайнам
выдано, видно, допуска.
Одним только веяньем их случайным
весь я выветрен допуста.

Пыльцу ветхолиственных инкунабул
тьма хранит чердака того,
что призраками забит дотесна был
замысла непочатого.

Ещё прорастёт, покоробив доски...
Странный шелест сквозь щели я
предельшу — тишайшие отголоски
радости воплощения.

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

1

Молчанье долгое взыскует оправданий:
«Des embarras de toutes espèces...»
Как будто писано в трясущемся рывдване,
как будто гнал перо какой-то мелкий бес —
и почерк все следы ухабов тех и рытвин,
как перепады настроения, хранит:

то весел, то угрюм, то чуть ли не молитвен —
как тон и слог, он свой меняет вид.
Да что графологический анализ!
Такие обороты, что слова
заранее в своём бессилии признались —
и закружилась голова
неведомого адресата.
Что милостивый этот государь
уразумел в прочитанном? Утрата
контекста направляет вглубь и встарь.
«Не для того ли мы и жили, чтобы
грядущим поколениям послужить
уроком важным?» День бежит от злобы,
и, вроде, не о чем тужить.

2

Исповедальня в конверте:
чёрточки, петельки сплошь.
Будят, как петелы, черти
совесть уснувшую: «Ложь!»
Не объяснить адресату,
как был попутан, как влез
в дебри повлекших расплату
этих трухлявых словес.

3

Хохот надмирный сосватав
с бездною скорби,
можно в обход адресатов:
urbi et orbi.
Можно неистовым козням
кратко отдаться.
Можно, как с носом, остаться
с детищем поздним.

4

Проигрывать всё подчистую
и снова прощенья просить.
Осталось бумагу простую
слезами любви оросить.

А замысел новый за сценой
готовит иную игру,
парит, словно ангел бесценный,
зовёт не к ответу — к перу.
Изящные буквы, как бесы,
хитры и умелы весьма
под шорох суфлёрской завесы
письмо доводить до Письма.

5

Скучно сытому Ангоше
и голодному Ванюше.
Варятся в московской каше
родственные души.
Несварением желудка
тот страдает — тот селёдкой
тыкан в морду, бит колодкой:
каждому несладко.
Хороши врачи немецкие,
да не все недуги плотские
им подвластны. Слёзы детские
в три ручья, а бедушки
друг за другом так и нижутся.
Аз воздам — трепещет ижица.
Жизнь горька, но сладко пишется
на деревню дедушке.

6

Где жизнь, а где литература —
порою трудно разобрать.
Гнал бесоборец комиссара,
и бесов подступала рать.
И Клию в ту же дудку дула,
и тенью грозной нависала
над беглецом, а псевдоним
судьбой позвякивал над ним:
«Вне закона объявил меня ты,
идеалы чистые поправ.
Но они и попранные — святы,
и за весь народ, лишённый прав,

я тебе взаимностью отвечу,
в твоё царство возвращу билет.
Верю в нашу будущую встречу
за пределом этих бранных лет.
От своих безумных вакханалий
ты очнёшься разве что в аду.
Никогда пред идиолом из стали —
пред тобою — ниц я не паду».
Диктовала, знать, за граница
и водила его перо
в горячах да, суля покров,
подвела, и неужто Ницца —
тот сакральный текст-бастион,
недоступный известной фирме?
Будь ты Фёдор, будь Родион —
вездесущ текстолог Порфирий!

7

Где же исправления, поправки?
Сохранились только на факсимиле...
Гуттенберги-пшюмбумы их вымели,
как ненужный сор. Теперь и марки
в прошлое вот-вот уйдут почтовые,
чтоб в ночлежке филателистической
трепетать перед последней вычисткой.
Смысл непостижим издалека:
бабочка застыла волоокая,
и, со дна прекраснородушно окая,
пузырится волжская лука.

8

Потом потомки смутнолицые
снимут с полки последний том,
вломясь, как тайная полиция,
беззастенчиво в частный дом.
Ингимной жизни соглядатаи
все подтексты перетрясут —
и анекдоты бородастые
на последний предстанут суд.

9

Ну, вот и дописались. Доплясались
до печки, на которой отлежал
всю дурь свою наш лодырь. Вот и сами
лежим на ней, не чувствуя, как жар
уходит задушевный. Печь, как сани,
несёт, куда прикажем. Милый жанр
эпистолярный в прошлое уходит,
теснимый самозванцем-пугачом,
что удалюю своей разгорячён,
но почему-то погружает в холод.
«...Что ж, так угодно было Богу!
Теперь молось я всякий час,
чтобы письмо дошло до вас
и Вы примчались на подмогу»

*А. Степанов. «Число и культура. Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории». Москва, «Языки славянской культуры», 2004.

Женя Левкович

ВОКРУГ ПЕТЕРБУРГА

Предисловие Галины Гампер

Женя Левкович — поэт, переводчик (английский, немецкий), член Союза писателей Санкт-Петербурга, автор ряда стихотворных книг. Ее подборки можно встретить на страницах таких журналов и альманахов как «Нева», “Folio Verso”, «Неизвестный Петербург» и др.

Я наблюдаю за литературной работой Жени около 15-ти лет и мне хотелось бы, чтобы ее тексты стали известны более широкому кругу читателей. Это стихи, не стремящиеся за рамки традиций русского стихосложения, не тяготеющие к авангардизму и новаторству, но возводящие современный русский язык на уровень поэзии живого человеческого голоса, прямой речи от первого лица — не автора, но читателя.

Галина Гампер

P.S. К словам Галины Сергеевны Гампер я должен добавить несколько слов. Надо рассказать историю предлагаемой вашему вниманию подборки Жени Левкович.

Как, возможно, вы знаете, 25 сентября автор этого предисловия, прекрасный поэт и великий человек (чтобы справляться со своими недугами поистине следовало быть великой!) ушла из жизни. Этому горькому для многих событию предшествовали очень тяжелые для Гали и ее близких недели. В наши последние разговоры по телефону она несколько раз говорила, что это — конец. Тем поразительней то, что она продолжала заниматься тем же, чем всегда, — думала о своих учениках и старалась их поддержать.

Где-то в двадцатых числах я получил подборку Жени Левкович. Сперва Галя позвонила для того, чтобы узнать мое мнение, а потом позвонила еще раз, чтобы удостовериться, что тексты отправлены в «Семь искусств». Голос у Гали всегда был высокий, но сейчас звучал особенно резко. Прибавилась хрипотца. Было понятно, что ситуация очень сложная, но уж очень не хотелось верить в то, что счет идет на дни. Я вроде как защищался от этой смерти и убеждал себя в том, что Галя сможет ее обмануть.

О том, что было дальше надо сказать хотя бы коротко. Я открыл планшет между занятиями в университете и узнал о том, что Гали больше нет. Через несколько дней были похороны на кладбище в Павловске. Ее провожали по сути все питерские литераторы — вне зависимости от возраста, убеждений и пристрастий. Она была общим другом и сейчас это как-то особенно осознавалось.

Несомненно, в последние дни у Галины Гампер было еще много дел, но для нас с Женей Левкович эта ее попытка помочь оказалась последней. Вроде как завещанием. Это ее послание я прочитываю так: не забывайте о своих обязанностях — сколько бы мелки и незначительны они ни были! Постарайтесь закончить свою жизнь, не оставив после себя долгов!

Александр Ласкин

Женя ЛЕВКОВИЧ Вокруг Петербурга

Памяти Галины Гампер

ПЕТЕРБУРГ

*«Петербург всегда смотрит на Россию
как бы снаружи, извне, со стороны.»
Политолог Д. Витушкин*

Петербург, наблюдая Россию как-будто извне,
На Европу поглядывая словно со стороны,
Отрешённо-безмолвный стоит над Невой в белом сне —
Незнакомец в туманном мундире нездешней страны.

Обращая свой взгляд то на Ладогу, то на Валдай,
До Москвы доглядится порой, но забудет тотчас,
Что увидел. И снова — Васильевский да Голодай,
Да Поклонной горы не высокий, но веский Парнас.

Вздохом Котлин остудит, на Гогланд рукою махнёт,
И погрузится в чтение прерывистых радиограмм —
Перепадов давления ветра на облачный гнёт
Пограничного неба, заладившего: Амстердам...

Усмехнётся, и тучи сойдутся в Андреевский флаг.
Улыбнётся, и хлынет салют из гранитных бойниц.
Но не многим дано лицезреть, как он делает шаг,
Снисходя ненадолго на землю с офсетных страниц.

ВЫРИЦА

Выйди из роли уже, шагни, но только не в крик!
В шёпот смешливый, в глупость, в «тебя люблю»,
В солнечный блик в роднике в саду, где старик
Дремлет напротив спящей жены. Кораблю
самому скромному не развернуться в этой реке,
даже яхте не разгуляться — лишь только на мель присев,
затихнуть смирившись, с горячей свечой в руке,
и дожидаясь канона утрени разучивать местный распев.
Юбку изображать, придерживая платок,
Стрижку скрывать отрезом капронового волокна.
До тех пор пока шмель морочит белый цветок,
Пытаясь вычерпать весь нектар до самого дна.
Лапы елей тревожить собой, сосен строй бередить,

Теребить за полу кого-то Огромного, выдыхая «Аминь».
Пить эту воду живую, напиваться ею и снова пить,
Упиваясь тем, что неисчерпаема и бездонна небесная синь.

ИНГРИЯ

Усталость талая апрель переживая
На шхерах Ладожских длил домыслы прохлады.
Весна ступает здесь неловко, как чужая,
И смотрит с ужасом на снежные громады.

Подснежник-выскачка, вооружась бутоном,
С армейской доблестью морозу угрожая,
Ломает хрупкий наст, наперекор законам
Цветёт, как ссадина, как рана ножевая.

Кристаллы горечи в слепых слезах капели
искрятся ревностью к журчащим эпигонам,
с холмов струящимся туда, где пичьи трели,
где ветви вербы ожидают их с поклоном.

Неделя, две и всё закончится листвою -
качнутся ветреницы, ландыши очнутся
И в лето ринутся, как в омут, с головою,
И наконец сирень с жасмином рассмеются.

Всё после! Нынче Оредеж с Ижорой
Из ломких льдин возводят баррикады,
С Невою Охта шепчется за шторой,
И дремлет Ингрия в объятьях нежной Лады.

ПАВЛОВСК

Вновь Павловск, робкий и нечаянный,
Лесные тропки теребя,
Встречает с нежностью отчаянной
Необычайного Тебя.
Стесняясь показаться выпреним
К реке с кувшинками ведёт,
Заметив с изумленьем искренним,
Что облаком вода цветёт.
Берёзы в колланаду выстроит —
согнув все мостики души —
Смущение в гулком гроте выстоит

И в хвойной скроется глуши.
То нимфой бронзовой покажется,
То римским портиком мелькнёт,
Как будто нет его, он кажется,
Он снится, чудится. Вспорхнёт
Капустницей с куста шиповника,
Надломит стебель чебреца
И с лаской прежнего любовника
Обнимет крыльями дворца.

Посёлок Эдвардса

Меня стремительно уносит
Куда-то за город ... К нарциссам...
Туда, где ландыш медоносит
Благоухающим дефисом.

Туда, где в шорохи морошки
Спадают ветви ежевики,
Где мухомор на тонкой ножке
Порхает в розовой тунике.

Туда, где иван-чай и мята,
Где кружевные фижмы пижмы.
Где бродят стайками опята,
Маслята влажные, хоть выжми.

Где пусто даже выходными —
В тупик за Вырицей, в Посёлок!
Где сосен строй и лапы ёлок,
И Оредеж журчит под ними.

Меня влечёт люпинов просинь,
Хоть вид лесных пролесков жалок,
Когда несётся август в осень
С волной левкоев и фиалок.

Шёл дождь, отражаясь в лужах

Шёл дождь, навзрыд, по встречной полосе,
На перекрёстках мелкой изморозью всхлипывая,
Рыдал, захлёбываясь в собственной красе,
Пока неслась ему навстречу роща липовая.
Пока летела с вёдрами наперевес,

Грозя грозой, растрёпанная радуга,
И пробегал трусцой сосновый лес,
И приближалась центробежно Ладога.
Пока Нева стремилась второпях,
Опережая небо — Свирь, подрагивая,
Несла себя, как будто на руках,
Не замечая Курзу, Тойгу, Янегу,
Святуху, Погру, оставляя Вырь
В прошедшей дали, отболевшей полностью.
И расцветал на горизонте монастырь
Эквипотенциальной звёздной полостью.

Отражение в луже I

Дождь с Ливнем шли обнявшись через мост,
Глаза потупив, за руки держались.
К ним приближался полицейский пост,
Но всё тесней они друг к дружке жались.
Кричали чайки что-то им в лицо.
Вороны в спину каркали. Швыряли
Сороки обручальное кольцо
На ниточке. И молча укоряли
И Тополя и Липы их, а Дуб...
Аж заходилась вместе с Громом в гневе,
Когда они безвучной дрожью губ
Шептались о любви, и в том напеве
Друг в друге отражаясь глубоко,
Рука в руке, глаза в глаза и выше...
Всё шли и шли, и было так легко.
И как ещё об этом можно тише?
И как ещё об этом можно сквозь
Все тучи, что над ними собирались?
И прошибала радуга насквозь
Когда они украдкой целовались.

Отражение в луже II

Шёл Дождь, фактически без ливня —
По лужам шлёпал босиком.
Без изморози мёрзнул сильно,
Но всё же шёл вперёд, пешком.
По Невскому и по Садовой,
Не забегая в Летний Сад,
Спешил ступить на мост Дворцовый

(Закрыт), на Троицкий (парад
на Марсовом). Да что ж такое!
Как в Петропавловку попасть?
И он оставил бы в покое
Всех Вас, а так же Вашу власть.
И не маячил тут без снега,
По центру города, наглец.
Когда б не закатилась нега
Курортных Дюп за Сестрорецк.

Отражение в луже III

Шли Дождь и Ливень с Изморозью в снег —
В Пургу они на Новый Год спешили.
В кругу друзей, знакомых и коллег,
Они там ежедневно гладью шили,
И вышивали крестиком, меж тем,
По-нотам караоке распевая,
Не выясняли долго кто и с кем,
Шампанского цистерну распивая.
Покуривали беломор-кальян.
Поноховая белый живанши.
И вмазывая что-то там... В баян
вгрызались всей просторностью души.
Потом полизывали... вроде чупа-чупс?
И марки клеили... Обычно на hotmail.
Вокруг витали Ляпис, Лепс и... Упс..!
Алла Борисовна в полнейшей fairy-tail.
Темнело медленно, светало тяжело,
Но очень быстро и всегда не вовремя,
Но было всё законно и жило,
Платя налоги вовремя, стремя
Себя неотвратимо в Новый год —
Вперёд ногами, мордой в оливье.
И, стоя аплодировал народ!
И восхищался бижутерией в колье!

Отражение в луже IV

Шёл в ливне Дождь - вздыхал и задыхался,
То спотыкался, то поскользывался, то
Он про себя тихонько чертыхался —
Точнее Богохался: Всё не то! —
Направо Дождь в обнимку с Ливнем плачут.

Налево - Дождь без снега, в чём его...
А прямо — Троица... Козлом и вепрем скачут
Дождь-Ливень-Изморось... Не видно ничего,
Всё занавесили собой, всё заслонили,
Метро заполнили и трамвай.
Куда бежать уже от этой гнили?!
Да некуда! Короче... Наливай!
А тут ещё наперстный шею тянет.
Быть может снять?... Раздвинув берега,
Раздеться в снег, обнявшись с Ливнем ране,
И с пьяной Изморозью броситься в бега.

Письмо в Ленинград

*Теперь так мало греков в Ленинграде,
Что мы сломали греческую церковь
И. Бродский*

Ложится монета орлом или решкой,
Но город не любит бродягу Улисса
И шепчет с ухмылкой хитрого лиса
Пожухлой листвою: Убирайся! Не мешкай...

Ныряет в Неву Эрмигажа громада,
И ангел перстом задевает за небо.
Объягтя распахивает коллонада
Собора Казанского Невскому. Слепо

Преследуя крики отчаянных чаек,
Залива зеркальное блюдце перечит
Испанскому кофе, Английскому чаю,
И шаль русской речи бросает на плечи.

И смотрит в глаза с византийским укором —
Нет греческой церкви давно в Ленинграде!
И Санкт-Петербург мчится в поезде скором
В окно Европейское за разговором
О том, что исчезло ещё в Петрограде.

ПЕТЕРГОФ

Петергоф роскошно и глумливо
В медь фонтанов золотом трубя,
Зорко смотрит в сторону залива.
Ждёт кого-то... Может быть тебя?

Нет. Он ждёт кого-нибудь повыше
Званьем, побогаче, познатней,
Для кого шампанское забрызжет
Из шутих — дубков, грибков, скамей.
По каскаду кружевных беседок
Нижний парк затопит высший свет,
Обагрит края кленовых веток
Фейерверков праздничный букет.
Торопясь к прилёту вертолёта,
Встретив на бегу морской трамвай,
Затворит перед тобой ворота —
За оградой, братец, погуляй...

Бедным родственником у его порога
Потопавшись, побредёшь назад,
Но шепнёт Александрия: "Ради Бога,
Что Вам тот господский маскарад..."
Распахнёт калитку, оправляя
Шаль из свежескошенной травы
На холмах: "Вас поджидали с мая,
Где ж всё лето пропадали Вы?
Проходите. Вон по той аллее
К морю, где белеет теплоход
Вдалеке и горизонт алеет
Близостью заката. Хоровод
Водят сыроежки возле дуба,
Грузди отдадут осинам честь,
У подножия берёзового сруба
Мостика — опят не перечествь.
А потом по склону вверх идите.
Видите? Где дом увит плющом
И стоит подсолнух, как смотритель,
Кланяясь учтиво. Под плащом
Спелых яблок прячутся тропинки,
В паутинке золотой листок,
Огород лепечет без запинки:
Кабачок, морковь, любисток..."

Пару раз ещё вздохнут качели
Прежде чем Морфей умчит нас прочь,
И шагнёт с полотен Ботичелли
В бронзу, зажурчав фонтаном Ночь.

Исаакий

Мы не решились на Исаакиевский подняться,
Чтоб очутившись с ангелами рядом,
Перелистнуть гранитный лист форзаца,
Страницы крыш окинуть беглым взглядом.
Преодолев расчёты Бетанкура
С гравюрами эскизов Монферана,
Вглядеться в очи ночи белокурой
На полотне небесного экрана —
В царапину заката на предплечье,
В рассвета ссадинку у самого запястья,
И утонуть в глубоком междуречье
Под флёрот перманентного ненастья
Всегда чрезмерно мраморной погоды.
Ступив на монолитные колонны
Далматского светильника свободы,
Творить необозримые поклоны
На бледный список с лика Черноморья
В окладе серебристых днот залива,
Перед лампадой Пулковского взгорья
Под шаткой сенью Шалаша Разлива.
На западный предел в подъёмных кранах,
На северный канун чугуннойковки
Пока туристов яркие ветровки
Трепещут детским пластырем на ранах.

Мы не решились в эту высь подняться,
Чтоб город весь обнять влюблённым взглядом,
Простив, что он не устаёт меняться,
И без предвзятости все новые абзацы
Его прочесть с крылатой стражей рядом.

Набережная Лейтенанта Шмидта

На набережной Лейтенанта Шмидта
Всегда необычайно Тихий Ход —
То наводнением она размыта,
То на проезжей части ледоход,
То алый парус вспыхнул у причала
И хлынула выпускников толпа
К подножию гранитного начала,
Всех моряков рострального столпа,
Фон Крузенштерна, с полновластьем бонзы
Надежды, указуя курс Неве
Несокрушимым столпником из бронзы,
Застывшим в кругосветной синеве.

Алекса́ндро-Невская Ла́вра

Там где жёлтый дом с яснооки́м прудом
Обнимает нежно немой тростник —
Дремлют старики под моги́льным спудом,
Живоносным мёдом журчит родник
Бесконечно дряще́йся светлой Пасхи
Жёлтыми кувшинками по реке.
И в листве довольно любви и ласки,
Чтобы, замерев, замолчать в руке
Тонкою свечой восковой и тая
в лепестках огня, обжигаясь плыть
По долинам горним, изъязв из мая
Размышлений жимолость, мыслей сныть.

Прогулка в одиночестве

Мне нравится по городу бродить,
С тобой особенно, но если без тебя...
То под нос переулочки бубнить,
То скверики шептать, двором скрипя.
Проспект невнятно про себя напев,
Бульвар читать со сцены в микрофон.
Пока застыл над шаром белый лев
Под клёнов в кракелюрах жёлтый фон.
Мостов псалмы листая по складам,
Твердить садов кафизмы наизусть,
Замалчивать мечети Нотр-Дам,
предотвращая синагоги грусть.
Споткнувшись об Исаакиевский собор,
Казанского объехать избегать.
Смотреть, как Лавры золотой убор
Лавровый прошивает неба гладь.
И постоянно арку набирать,
И площади без устали звонить,
И над общественным каналом замирать,
Задев душой Ростральной связи нить.

Перед отъездом

*«Красота находится в глазах смотрящего»
Говард Шатц*

Не могу надышаться тобой,
На тебя наглядеться,
Когда рыжие кудри твои,
в синеве утопая,
замирают в зернистом металле
доски тинго-мешо,
Светотенью глубокой печати
В душе проступая.

Не могу на тебя наглядеться
Тобой надышаться,
Когда медь твоих крон обнимает
Бездонное небо,
Изумляя до изморози
фотосессией Шатца
Очи луж за очками зеркально-
Защитными, слепо.

И пока мечет золото под ноги
Щедрый Октябрь
Этим сильным рябиновым криком
Осенней печали,
Предваряющим холод, смертельно-
Прекрасный в начале...
Наглядеться... Уже не успеть —
Надышаться хотя бы...

Борис Кушнер

ТАМ-ДАЛЕКО-ВДАЛИ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ (ЯНВАРЬ — ИЮНЬ 2015 г.)

* * *

Затор в пути. Движенья нет.
Не мчатся налегке.
Сейчас бы сочинить сонет,
Да хоть о мотыльке.
Очнуться, обойти запрет,
Пусть на кривой козе.
А также сочинить сонет,
Да хоть о стрекозе.
Заря. Вовсю сияет свет,
И Ангел за плечом.
Ах, мне бы сочинить сонет,
Да хоть и ни о чём.

5 января 2015 г., Route 22, East

* * *

Я — тугодум, я, как, жираф, —
Стою, от пустоты балдея,
И жду, пока дойдёт идея,
И оттого обычно прав.
И зная это, скородумы
В моём присутствии угрюмы.

7 января 2015 г., Route 22, West

* * *

Ледяные зеркала,
Снежные пустыни,
Только лезвие крыла
Нам судьбой отныне.
Только синь над головой,
Только блеск из бездны,
Только счастье — я живой! —
.....
Если не исчезну...

9 января 2015 г., MD-80, Pittsburgh — Dallas

* * *

Размах распахнутых небес —
Ну, просто океанский! —
Куда меня заносит бес! —
К границе мексиканской.
Быки и пальмы на уме,
Турбины — песнь тореро,
Всё ближе это бе-са-ме —
Гитары и сомбреро.

9 января 2015 г., MD-80, Dallas — San Antonio

ВАРИАЦИЯ 11-73

Ну, пошёл же, Б-га ради,
Жизнь сказала: «*Je vous aime*»...
Философские тетради?
Ну, не Ленин я совсем!
Пусть Судьба раздула жабры,
Я — не Кант, от сих до сих.
Я потопа абракадабры
Облеку в чеканный стих!

16 января 2015 г., Route 22, East

* * *

Зелёный свет в два глаза,
Двуглавый светофор. —
Дорога — как зараза,
Как смертный приговор.
Прилипнет, не отцепишь,
Проказа и репей.
Она — настырный фетиш, —
Молись и свирпей.
Но как легко гасконцам
Скакать среди дубрав,
Так мне езда под солнцем
Милее всех забав.

16 января 2015 г., Route 22, West

* * *

Предсказание метели,
В сером небе ни души. —
Мне б теперь дойти до цели,
Здесь все средства хороши.
Хрусткий саван поля, рощи,

И почти дремучий лес —
На машине было б проще,
Да какой в том интерес!

21 января 2015 г., Johnstown

* * *

Ты говорил с судьбой «на ты»,
Ты был в себе уверен. —
Смотри — обрушились мечты,
И обветшал твой терем.
Забвения нависла шель,
И памяти разруха.
Теперь пришла пора болеть,
В дверях с косою старуха.

22 января 2015 г., Johnstown

* * *

Далёкой музыки разливы —
Мы счастливы иль несчастливы? —
Где ударенье ни поставь,
Но обжигает душу явь,
Как откровение пророка. —
А явь, мой друг, всегда жестока.

22 января 2015 г., Johnstown

* * *

Лечу во много чисел Маха,
Как Змей-Горыныч — огонь и свист! —
Стихам не достаёт размаха? —
Так я с Судьбой станцую твист.
Она вспылит, потопит лодку,
Напустит полчища горилл? —
Так я схвачу Судьбу за глотку,
Как встарь Бетховен говорил.

26 января 2015 г., Route 22, East

* * *

Вижу чёрное зарево.
Освенцим — кровавое слово.
И тьма на сердце — всё заново.
Снова...

27 января 2015 г., Johnstown

* * *

Небо, чистое, как ключ,
Отражённый снегом луч,
Пышный след аэроплана —
Сердце солнцем осяяно, —
Истекай слезами, лёд, —
Всё живёт, и всё поёт!

28 января 2015 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 11-74

«Февраль. Достать чернил и плакать» —
Сегодня плачут без чернил.
Зато грохочущую слякоть
Сменил зари холодный пыл.
Автомобиль — моторной лодкой
Упорно режет мокрый лёд,
Заря румянится чахоткой,
Вот-вот умрёт.
Шоссе, некстати ледяное,
Над ним Простёртая Рука,
Но вспоминать проделки Ноя
Без толку здесь наверняка.
Я рушу синтаксиса зданье,
А с ним грамматика на снос,
Я для себя решил заранее —
Утру спинозам-кантам нос!
Что там первично, что третично, —
Терзайся, Гегель, суесловь! —
Мне лемма Данте симпатична,
Что звёзды двинула Любовь.

2 февраля 2015 г., Route 22, East

* * *

В пышных шубах ели,
Ветер в чашах стих,
Жизни отзвенели
Сверстников моих.
Сверстников и сверстниц —
В трауре восток. —
В бледной сини месяц
Стынет одинок.
Как кипело пламя
Молодых забав! —
Занавес за нами,
Тишь могильных трав...

4 февраля 2015 г., Johnstown

* * *

Простор открылся с перевала —
Светило, шпась зиме назло! —
Уже с долины покрывало,
Сперва оплавившись, сползло.
Сверкали крыши-черепицы,
Пружинил горизонтный круг,
И радостно кружили птицы,
От ледяных отбившись рук.
Пожар любви по всей Вселенной,
Вселенский праздник новизны... —
Печаль иллюзии мгновенной,
Как искра из костра весны...

6 февраля 2015 г., Route 22, West

* * *

Над покинутой деревней
Лес навис — угрюмый, древний,
Весь в грибах, да вот ничей.
На суку сова с добычей,
Всё под нож — уклад, обычай,
Только трубы от печей...

7 февраля 2015 г., Pittsburgh

* * *

Я заблудился. Лес дремучий.
И копыа елей впились в тучи,
Колочих лап живой забор,
Не различить за бором гор,
Сверкают инистые латы,
Иссине-чёрн гонец крылатый,
Пылает непреклонный взор,
Из клюва-глотки приговор:
«Ты задолжал. Пора расплаты».

12 февраля 2015 г., Johnstown

РЕТРО

Мгновений липка паутина,
Несфокусированный ум. —
И вдруг — из прошлого картина,
Зимой — самум!
Здесь грозы в кратовском июле
И объясненья без прикрас,

И неизбывно ветры дули,
И старой дачи ныл каркас.
Метался пёс, как солнце, рыжий,
Кипел восток в зари котле,
И, кажется, верхушек ниже
Як-40 ведьмой на метле.
Не стало обстоятельств места,
Ушли причастия времён,
И сам я из другого теста —
Не вдохновен, не озарён.

15 февраля 2015 г., Pittsburgh

* * *

Настырный зуд чужих людей,
Их незатейливых идей —
За что мучение такое? —
Я не ищу эдемский сад,
Моя дорога — прямо в ад
.....
Но хоть мгновение покоя...

17 февраля 2015 г., Johnstown

* * *

Лёд трещит — стрельба из базуки
Над замёрзшим кустом.
Так обжигают ужасом звуки
Ночью в доме пустом.
Где же часы стихотворных радений,
Огненных строк?
На чердаке возня привидений —
Снов философий урок.
Тщетно тянуться свечой к зажигалке —
Чёрствый незыблемый мрак.
Жалки стихи, и завяли фиалки,
Всё ни к чему и не так.

19 февраля 2015 г., Johnstown

* * *

Я целый мир держу в горсти,
Подвластен миру.
Чего бы мне изобрести,
Ума не приложу.

Я напряжён, дрожу струной,
Изобретенья бред. —
Лети, сомненье, стороной —
Вот он, велосипед!

26 февраля 2015 г., Johnstown

ФЕВРАЛЬ (СОНЕТ)

Вот и кончается февраль. —
В делах бесплодных тонешь. —
Как ни спеши, как ни авраль,
Мгновенье не догонишь.
Не зря песочные часы,
Считают время молча. —
Беззвучна молния косы,
Отчаяние волчье.
Ах, не успеть, нет, не успеть, —
Бесцельна жизни стройка.
Трубе не звать, трубе не петь,
Напрасно мчится тройка.

Нехватку драгоценных дней
Не возместит огонь коней.

27 февраля 2015 г., Route 22, West

МАРТ

Февраль, умирая, совсем одурел,
Как будто он горькую запил. —
Явление марта — весёлый пострел
При всех ожиданиях внезапен.
Ах, песней бы встретить его, шельмеца,
Разливом небесной улыбки.
Но краски сползают бессильно с лица,
И порваны струны на скрижке.
Романсы запеты, гнедых — ни гроша,
Гитара в сетях паутины.
И рвётся из клетки напрасно душа,
Над нею смеются кретины.
Сбивается маятник — пьяный хромой,
Надежды сметает сирокко. —
Безводна пустыня, и лишь за кормой
Раскинулось море широко...

1 марта 2015 г., Pittsburgh

* * *

Март начинался — Солнце и снег,
Автомобилей неистовый бег.
Дикие спешки —
Куда и зачем? —
Жалкие пешки
Его Теорем...

2 марта 2015 г., Route 22, East

* * *

До неба звон, столкнём стаканы,
Огонь вина необходим!
Пусть, как грибы, растут Аманы,
Мы победим!

5 марта 2015 г. — 14 адапа 5775 г., Johnstown

* * *

Весны стремительный набег,
Фронгальная атака.
По косограм мокнет снег,
Кругом затмение мрака.
Оркестры обалдевших птиц,
Текут с газонов реки.
Лучи со льдом играют блиц,
Швыряют фейерверки.
Поверить в эту благодать
И сердцем, и душою. —
Довольно ныть, хрипеть, страдать —
Сонет — не за межою!

8 марта 2015 г., Pittsburgh

* * *

Аэроплан в небесах одинок,
Б-г знает, на чём он держится. —
Кажется, миг — и последний звонок,
И небо безмолвием нежится.
А здесь, на земле прибавка беды, —
Куда там считаться славою.
Бесцельно судьба оставляет следы —
Чаще всего, кровавые.

9 марта 2015 г., Pittsburgh

* * *

Ну что возьмёшь с него, с пиита? —
Ведь что ни рифма, то избига,
Что ни строка — топор повесь. —
Но без ума и град, и весь.

12 марта 2015 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 11-81

Что ж ты, волчье отродье? —
Ни погопа, ни медных труб! —
Какое там половодье, —
Засуха губ.

13 марта 2015 г., Pittsburgh

Alfred, Lord Tennyson

Crossing the Bar

SUNSET and evening star,
And one clear call for me!
And may there be no moaning of the bar,
When I put out to sea,
But such a tide as moving seems asleep,
Too full for sound or foam,
When that which drew from out the boundless deep
Turns again home.
Twilight and evening bell,
And after that the dark!
And may there be no sadness of farewell;
When I embark;
For tho' from out our bourne of Time and Place
The flood may bear me far,
I hope to see my pilot face to face
When I have crossed the bar.

ПЕРЕСЕКАЯ ЧЕРТУ

По Теннисону

И был закат с вечерней звездой,
И ясный зов впереди.
Но я не дрогну перед чертой,
Когда мне в море идти.
Вот так, вздымаясь, уснула волна —
Пены шипящий слой. —
Когда опадает в пучину она,

Вернувшись к себе домой.
Так в сумерках гулки колокола,
И тьмы беспросветна жуть. —
Печали прощанья подрежьте крыла,
Когда я пускаюсь в путь.
Из Времени-Места, что с нами четой,
Пусть унесёт ураган.
Но я надеюсь там, за чертой —
Встретить Тебя, Капитан.

15 марта 2015 г., Pittsburgh

Alfred, Lord Tennyson

Far—Far—Away

(For Music)

WHAT sight so lured him thro' the fields he knew
As where earth's green stole into heaven's own hue,
Far—far—away?
What sound was dearest in his native dells?
The mellow lin-lan-lone of evening bells
Far—far—away.
What vague world-whisper, mystic pain or joy,
Thro' those three words would haunt him when a boy,
Far—far—away?
A whisper from his dawn of life? a breath
From some fair dawn beyond the doors of death
Far—far—away?
Far, far, how far? from o'er the gates of birth,
The faint horizons, all the bounds of earth,
Far—far—away?
What charm in words, a charm no words could give?
O dying words, can Music make you live
Far—far—away?

ТАМ-ДАЛЕКО-ВДАЛИ

По Теннисону

(Для музыки)

Какие виденья его вели
полями наперерез,
Туда, где зелёные краски земли
вливались в оттенки небес —
Там-далеко-вдали?
Какие из звуков родных долин
душа ближе всех приняла?
Медовые звуки «лан-дин-дон-лин» —

Вечерние колокола.
Там-далеко-вдали.
Загадочный шёпот, и слёзы, и пыл —
Всего лишь три слова,
Что мальчик твердил —
Там-далеко-вдали?
Из жизни рассвета тот шёпот? Скорей
Дыханье рассвета из смерти дверей —
Там-далеко-вдали?
Но как далеко? С колыбели внемли
Туман горизонта, пределы земли —
Там-далеко-вдали?
Слова-чудеса и других таких нет.
Затихли — вернёт ли вам музыка свет
Там-далеко-вдали?

16 марта 2015 г., Pittsburgh

* * *

Вставай, ленивое светило, —
Ты заспалось, ты заспалось!
Нахлынь, могучий день-Аттила,
Переверни земную ось!
Чтоб распорядок монотонный
Отбросить, как постылый груз,
Чтоб мироздания законы
Сменил полёт свободных Муз.

16 марта 2015 г., Route 22, East

* * *

Полёт коней, их спины в мыле —
Такие вдруг являлись сны. —
Они терзали и манили
Неотразимостью весны.
Рассудка строгость не лечила —
Пора взъерошенных сердец. —
Перо, бумагу и чернила —
Клавиатуру, наконец!

20 марта 2015 г., Route 22, West

ВАРИАЦИЯ 11-83

Я видел Крым в столетье оном. —
Бывают же такие сны! —
Под воспеванье Теннисоном
Огня бессмысленной войны.

Истории слепая сила —
Как скорпион, везде враги! —
Она сама себя разила
И возвращалась на круги.

23 марта 2015 г., Route 22, East

* * *

Утро свежее,
Небо бежево,
Вздых зари.
Тихо-сажево
Гаснут заживо —
Фонари ...

23 марта 2015 г., Route 22, East

* * *

Сладко годы доживать,
В облака плывёт кровать,
Так, проснёшься на рассвете, —
Всё болит, и по примете,
Ты, молитвы отложив,
Сообщи себе: «Я жив»!

27 марта 2015 г., Johnstown

* * *

Дискуссий неустанный жрец,
Он изъяснялся как по нотам. —
И думал о себе: «Мудрец»! —
А был болтливым идиотом.

27 марта 2015 г., Route 22, West

* * *

И снова дел неупорот,
Усталости телега.
А мелкий хулиган Эрот
Скромнее в мае снега.
Пушу усталость на постой,
Сестрой мне лень диванья. —
Есть прелесть в старости простой,
В печали увяданья...

30 марта 2015 г., Route 22, East

* * *

Горизонт и облака,
Золотистые бока.
Но сползает позолота,
Серый день встаёт стеной,
И опять в душе болото,
Медный змей, да пьяный Ной...

30 марта 2015 г., Route 22, East

1-е Апреля

Встречать апрель в народной гуще
Под скрежет обнажённых роц. —
Первоапреля день всеобщ,
Поскольку глупость вездесуща.

1 апреля 2015 г., Route 22, West

* * *

Леса как будто оживают,
Очнувшись от удушья сна,
Несётся ветер, собаки лают,
О, Б-же, неужель весна?!

1 апреля 2015 г., Route 22, West

* * *

Бывают дни нежнее прочих,
Когда, прозрачны и чисты,
На волю из набухших почек
Чуть слышно просятся листья...

2 апреля 2015 г., Pittsburgh

15 НИСАНА 5775

Алмазы глаз, рубин вина,
И радость полной чашей. —
Сияй же, полная луна,
Свидетель воли нашей.
Над человеческой рекой
Его Любовь и Милость
Простёртой мышцей и Рукой —
И море расступилось.

3 апреля 2015 г., 15 нисана 5775

* * *

Старел и горбился бульвар,
Кричали птицы злее.
И спотыкался Боливар
На липовой аллее.
И в тусклом зеркале пруда
Мерцали кроны-гуши.
И ощущался без труда
Закат — пока грядущий.

6 апреля 2015 г., Road 22, East

* * *

Мой горизонт? Конечно, мой! —
Настойчив до испуга:
Идёшь как будто по прямой,
Но вечно в центре круга.

7 апреля 2015 г., Johnstown

* * *

Здесь не отыщется лазури,
Хрипит водопроводный кран, —
Стакан воды вмещает бури,
Каких не ведал океан.

8 апреля 2015 г., Johnstown

* * *

Дела на *posthum* отложив,
Спешу встречать, покуда жив,
Творца прощальные приветы —
Мои последние рассветы.

9 апреля 2015 г., Johnstown

* * *

Души самосожжению
Закончиться пора —
Конец стихосложению,
Безумию пера.
Вернуться к равновесию,
К размерности дней —
На пенсию, на пенсию! —
Карету и коней!

14 апреля 2015 г., Johnstown

ДЕНЬ ПАМЯТИ

Вовеки земля. В искрах утренних рос
Пришли поколения другие. —
Ваш пепел живыми цветами пророс, —
Спигте, мои дорогие...

16 апреля 2015 г., Johnstown — 27 нисана 5775

* * *

Откуда взялся этот миг?
В пространства мерном гуде
Он вдруг явился напрямик
Связным меж «было»-«будет».
Неуловим, он всё же есть. —
Реальней скал и зданий,
Вместил в себя и смерти месть,
И чудо созиданий.

16 апреля 2015 г., Johnstown

* * *

Теперь, когда всё позади,
Когда всё сказано-сделано,
Шепчешь себе: «Иди»... —
Да света не видишь белого.

17 апреля 2015 г., Johnstown

* * *

Ваше благородие,
Госпожа пародия. —
В сердце колобродие,
Разгулялся вроде я.
Только не ко времени
Разгуляй-загул —
Холод в моём тереме,
В трубах ветра гул.
Ни к чему старания
Пригворяться львом. —
Очевытирания
Мокрым рукавом.
Сам себе пародия —
Смейся, в кресло сев,
Ваше благородие,
Обветшавший лев.

17 апреля 2015 г., Route 22, West

* * *

А хочется, песню услышав,
В открытое море грести,
Рассыпаться ливнем по крышам,
Подснежником прорасти.
Но строки пусть свяжутся туже,
Пушкой соберутся в горсти,
А если они неуклюжи,
Бессонная Муза, прости.

17 апреля 2015 г., Route 22, West

* * *

Стихи навзрыд,
Впадая в детство!
Пригворству —
Непритворный бой!
Но как достигнуть совершенства
В искусстве быть самим собой?..

17 апреля 2015 г., Route 22, West

ВАРИАЦИЯ 11-84

С ананасовым соком,
В опьянение высококом
Северянина слышу —
Жаль, шампанского нет.
Мне б всё выше и выше —
Жаль поехала крыша, —
Сочиняю поэзу
Под названьем «сонет».
И к чертям Опанасы, —
Тошно думать о них. —
Я жую ананасы, —
Ну, а рябчиков — в массы!
Знаю всё, Карлы-Марксы,
Я от сих и до сих.
Сплю и снится Россия
Как всемирный мессия,
И небесный Кормилец
Тоже с ней заодно.
А в метельное сонье —
Не свеча в заоконье —
Мчигся однофамилец
С Пастернаком в ландо.

17 апреля 2015 г., Route 22, West

* * *

Выпьём на посошок —
Разлуки грядущий шок
Ещё не осознан. —
Ещё нас уносит к звёздам... —
Расстанемся по-людски...
.....
Какой океан тоски...

19 апреля 2015 г., Road 22, East

* * *

За горло возраст нас берёт,
А вызовы — необозримы. —
Дежурит старость у ворот,
И грозно наступают зимы.
А в парке девушка с веслом —
Старуха в трещинах-морщинах,
И ей и нам пора на слом —
Мечтает о былых мужчинах...

23 апреля 2015 г., Route 22, West

* * *

Мы расставались с апрелем —
Снег и цветы пополам —
Сменой прощальным свирелям
Шествие эпиталам.
Вышние аэропланы,
Синь отрясала мигрень,
И расцвели тюльпаны,
И распускалась сирень.
Сладостный до одурений —
Хоть из печи вынимай! —
Воздух стущённый сирений
Полнился песней про май.

26 апреля 2015 г., Pittsburgh

* * *

Гудели дикие ветра,
И стёкла дребезжали,
И спальню заполнял с утра
Разлив вселенской жали...
О чём жалел сей серый свет
Со мною в унисоне?
О том, что в мире правды нет?
О грязи на газоне?

27 апреля 2015 г., Pittsburgh

* * *

Памяти Бориса Горобца

Ушёл. На вешалке пальто.
Лист на столе, как парус в сини.
И что ни скажешь, всё не то. —
Тоска пустыни.

Весна не ведаёт тоски,
Её язык не горький идиш. —
С деревьев снегом лепестки... —
.....
Да ты не видишь...

27 апреля 2015 г., Pittsburgh

1-е МАЯ

Сегодня тихий Первомай
Без шествий, стягов, танков. —
А в парке первобытный рай —
Тюльпаны ярче маков.
И, как с подноса хлеб ржаной,
Пьянит огнём недавним, —
Дышу небесной тишиной,
Распахивая ставни.

1 мая 2015 г., Pittsburgh

* * *

Небо золотом расшито,
Самолёты в роли швей,
Солнце, как Бардо Брижита,
Вдруг в улыбке до ушей.
Прочь, постылые обеты,
Время песен и стихов! —
На войну идут Бабетты,
Покоряя женихов.

3 мая 2015 г., Pittsburgh

* * *

А из поднебесья
Канонада бесья,
Стрелы напролом.

Ужас ультрасвиста,
То взмахнул Мефисто
Чёрным плащ-крылом.

Раздражать не надо
Эти смерчи ада —
Вряд ли я их цель.
Оттого-то лучше
Я на всякий случай
Заберусь в постель.

Слаще сны малины —
Райские долины,
Давняя весна.
Небо голубое,
Ты, да я с Тобою —
Мы на крыльях сна.

5 мая 2015 г., Pittsburgh

* * *

Из мрака проявилась тень —
Видение такое. —
Пусть мне подпишет бюллетень
Карга с клокою.
Не зря своей рекой прошпыл
В грехах и в страсти.
И пусть теперь лишился крыл,
Но был. Какое счастье!

6 мая 2015 г., Pittsburgh

* * *

Очнулся. Тьма. В проёме — вот он! —
Явился одноглазый Вотан.
И, как отряхивать репъё,
Трясёт картонное копьё. —
А рядом с ним Ягой из сказки
Брунгильда — вокруг огонь бенгальский.
Визжит, как под ножом свинья —
Некстати пробудился я!
И разрезает мрак упырий
Полёт то ль МИГов, то ль валькирий!
Ну что ж, вставать, сей сон кляня, —
Коварный Вагнер — чур, меня!

6 мая 2015 г., Pittsburgh

* * *

Я слышал звяканье бандур,
Неон, протуберанцы.
В собранье дураков и дур
Сегодня танцы.
А, впрочем, я и сам дурак,
Гадюка злая. —
Людей ругаю просто так,
Их бед не зная.
Да пусть мазурка иль фокстрот,
Иль твист до жмури. —
О, горький человеческий род! —
За каждым смерть дежурит.
7 мая 2015 г., Pittsburgh

* * *

Шатры зелёные под синью,
Так памяти бездонна даль. —
Как в польню в тоску польню...
.....
И уходить вдруг стало жаль...
12 мая 2015 г., Pittsburgh

* * *

Полнейший штиль. Листва в истоме.
И вечер чутко невесом.
Так хорошо в скрипучем доме
Наедине с любимым псом.
Ещё не сдали жизни скрепы,
Ещё не пустота казны... —
Рычит, вздыхает пёс свирепый —
Невинные собачьи сны...
Через века, что нам приснится,
По истечение дней и лет? —
Судьбы сгоревшая Жар-птица,
Её обглоданный скелет...
12 мая 2015 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 11-85

Над головой пудовой гирей
Опять повис полёт Валькирий,
Валхаллы мёртвое старье,
Брунгильды вопли и копье. —

Осточертел мне наглый Рихард
С его драконом на посту. —
Пусть Пастернак подскажет выход
Из удушенья в простоту.

14 мая 2015 г., Route 22, East

ВАРИАЦИЯ 11-87

За облаками соло аэроплана,
Опера опер на сцене сцен.
Дождь по крышам — дробь ратаплана,
Зрители в — Зале. Билеты — без цен.

Что мы услышим, небес мейерберы,
Вагнеры, верди под силой Судьбы?
Рыцарям снятся валькирий химеры,
Доннеры-веттеры, громы пальбы.
Вот и Брунгильда что твой птеродактиль,
Гном протащился с мешком на горбу. —
Боги и боги! Явился бы Д'Актиль
С песней, зовущей народ на борьбу.
Правда, Альфред, не на днище фужера,
Кован сапог, содрогается плац. —
Плачет в усы безутешный Руджеро, —
Вдруг обернулся тираном пацц!
Герцог заглох в середине куплета,
Всюду призывы к оружию уже. —
На баррикады ведёт Риголетто
Под Марсельезу де Лиля Руже.

17 мая 2015 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 11-88

Бес улыбался и глядел
На результаты хитрых дел,
Что он затеял шутки ради. —
Свободы бюст на баррикаде
И стопудовый «Капитал»,
И «Философские тетради»,
И люди гибнут за металл,
И сочиняют гимн скотине,
Её возводят в божество,
И «Марсельезы» торжество,
И Робеспьер на гильотине,

Туда же Троцкого влекут... —
У революций норов крут,
Сопротивляться — святотатство. —
Зато эпоху нарекут
«Свобода, равенство и братство».

18 мая 2015 г., Pittsburgh

* * *

Май. Сиянье изумруда.
Лега сини широка.
Только вдруг из ниоткуда
Ослепительное чудо —
Легкокрылая строка.

19 мая 2015 г., Pittsburgh

CUI PRODEST

Харон у лодки заскучал, —
Некстати опустел причал. —
Поставим ли ему в вино,
Что призывает он войну?

20 мая 2015 г., Pittsburgh

* * *

Шаланды полные кефали
Не Змей-Горыныч-крокодил,
Не лознгрины-парсифали —
В Одессу Костя приводил.
А Костя был моряк отменный,
Баркас уверенно руля,
Он пел про герцога измены
И дал оркестру ноту «ля».
Я вам не скажу за всех валькирий —
Издали Брунгильда хороша.
Но, увидев лик её упырий,
Костя с холодком ей крикнул «ша»!
В облаках исчезла вражья стая,
Не снеся позора своего, —
Костю покорить — мечта пустая,
А Брунгильду сбило ПВО.

24 мая 2015 г., Pittsburgh

* * *

Тень скользила по облакам
Как эсминец по Каме.
И было неожиданно тревожно нам —
Что там под облаками?
Что укрывала собой пелена —
Турбины взвыли банзаем. —
А если там началась война —
Мы это ещё не знаем.

27 мая 2015 г., B-737-900, Pittsburgh — San Francisco

* * *

Разворотом мир распорот,
И открывшийся провал
Вдруг заполнил южный город,
Симпатичный либерал.
На мостах машин кипенье,
Утро — с коркою батон, —
И турбин умолкло пенье,
Под колёсами бетон.

27 мая 2015 г., B-737-900, Pittsburgh — San Francisco

ВАРИАЦИЯ 11-89

В разрывах функции антье
Пылали солнца оболочки,
И Азнавур дразнил Матье,
И мир внимал галиматье,
И Кеплер молча мерил бочки.
Процентам гимны пел рантье,
Людмила шла в ночной сорочке,
И так вращалось Бытие
Вокруг одной недвижимой точки.

29 мая 2015 г., San Francisco

* * *

Волны апельсина —
Ветер с океана. —
Вздохи клавесина,
Взрыв фортепиано.
Век бредёт, хромая,
Преданный без лести. —
Жаль себя и мая —
Мы уходим вместе.

31 мая 2015 г., San Francisco

* * *

Кончился праздник. По Лете ушёл.
Только турбинный неистовый пыл.
Взор упирается в бездны провал. —
Будто я вечность поцеловал.
Мелкие дрязги и хлопоты — прочь!
Только крыла и бессонная ночь...

2 июня 2015 г., A-320, San Francisco — Pittsburgh

* * *

Земля, обуглившись, гудела, —
Игра без правил, без предела. —
Умри, невинный иль с виной,
Забаву ту зовут войной.
Театрами зовут фронты
Штабные франты. Смерть «на ты»
Не с ними. Здесь в расход актёры.
Их в ключья — души и тела,
Здесь рушатся семей опоры,
Любови сожжены дотла.

4 июня 2015 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 11-90

Бетон роился миражами,
Обрывками цыганских карт,
Здесь Вагнер в шёлковой пижаме
И в треуголке Бонапарт.
И в знойном мареве тревожном
Кипенье искривлённых тел. —
Шагать в бессмертие пирожным
Наполеон так не хотел!
Джеймс Бонд поёт хвалу «беретте»,
Пьёт Периньон, ест камамбер,
И Вагнер в бархатном берете
Упорно бредит: «Мейербер»...

5 июня 2015 г., Pittsburgh

* * *

Река пестрела парусами,
Их тихо поджигал закат,
И над окрестными лесами
Аэропланов пыл парад.
Они мечтали о посадке,

Перины мягче им бетон,
И колыбельные их сладки —
Турбины замиравший тон...
Мир, озабоченный ночлегом,
Был нежен, дружелюбен, прост —
Плыла Земля, плыла ковчегом
По океану солнц и звёзд.

7 июня 2015 г., Pittsburgh

* * *

Арабам руку протянуть,
С улыбкою поднять забрало. —
Пусть песня мира полнит грудь! —
.....
Недолго музыка играла...

8 июня 2015 г., Pittsburgh

* * *

Стустился первобытный мрак,
Мы по уши в маразме. —
За это послан нам Барак —
Не заслужили разве?
Вот брызжет либерал слюной,
Что ж ты страшишься? Встань же! —
За это нам идти с сумой —
Коль не зарежут раньше...

9 июня 2015 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 11-92

Библиотеки тишь да гладь,
Остановились миги. —
Здесь пребывает благодать,
Которой имя — книги.
Монументален этот кров
Для жриц «конкордов», дрожек.
О, сколько скрыто здесь миров
Охраню обложек!
Пружинит мирозданья ось,
Кружит начальный ветер. —
Здесь всё свершилось, всё сбылось,
И застрелился Вертер.

12 июня 2015 г., Pittsburgh

* * *

Пьянила мокрая земля
В могучем изумруде. —
С землёю возрождался я
Частицей в этом чуде.
И вот, забыв про свой закат,
Пою земле-прожоре
Венок неслыханных сонат,
И все они — в мажоре!

15 июня 2015 г., Pittsburgh

* * *

Музыкальные шкатулки
Спрятаны в чащобах крон. —
Их разливы звонки, гулки
К вящей зависти ворон.
Уголь этих адских пугал,
Ржавым крикам в укорот,
Созерцает, скрывшись в угол,
Рыжий зверь, соседский кот.
А внизу собаки бродят, —
Им певуний не достать... —
Жарко, душно, влажно вроде —
Но такая благодать!

19 июня 2015 г., Pittsburgh

22-е ИЮНЯ 2015 г.

Птица кружила, кричала
Под небом седым. —
Сегодня войны начало
Кровь, гарь и дым.
Сегодня ещё одна дата,
Кровавый рассвет. —
И облако каской солдата —
Его силуэт.

22 июня 2015 г., Route 22, East

* * *

Грядущее тайной скрыто,
Интригуя, маня... —
Старуха, море, корыто —
Это всё про меня.

22 июня 2015 г., Route 22, East

* * *

Себя я проклял мощью зла,
И кровью чёрного козла
Свой договор скрепил.
И сколько б од я ни кропал,
Мне приговор один — пропал! —
Канат и нет перил.
Напрасно взор вперил ты в ад,
Как некогда Джульетта в сад —
Вотще! —
Тебя терзает и разит
Мефисто, шут и паразит
В малиновом плаще.
Посыпь кровавейшей из зол
И шевелюру, и камзол,
И образ голубой. —
Но как бодается козёл,
Зарезанный тобой!

22 июня 2015 г., Route 22, West

* * *

Небеса из стали,
Ветры перестали
Раздувать мятеж. —
Миг тревожно свеж.
Жуть и напряженье,
Скорость без движенья,
Тишина кругом.
Дальняя дорога,
Близкая тревога... —
.....
И ударил гром.

23 июня 2015 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 11-93

Мирские заботы отринув —
Безумна любовная жуть! —
Поёт Флорестан Киарину,
А, впрочем, не в имени суть.
Да пусть Беатриче иль Лида,
Пусть даже колдунья Лилиг, —
Она раскалённой болида

На небе твоём возгорит.
Кипи же, священная ода,
Сжигай, вдохновение, нас!
Поэта долой счетовода,
Бухгалтер, не лезь на Парнас!

24 июня 2015 г., Route 22, East

* * *

Восток в оранжевой золе
Лежит, едва дыша.
И снова пусто на Земле —
Печалится душа.
Но всё-таки волнует риск,
И рифмы хороши. —
Смотри, встаёт огромный Диск, —
Замри и не дыши!

24 июня 2015 г., Route 22, East

* * *

Ариетта, Ариетта... —
Медленно уходит лето,
Осень сердца и ума.
Надвигается зима.
Ледяной пожар заката.
Ночь. Последняя соната...

29 июня 2015 г., Route 22, East

Составлено 12 августа 2015 г., Pittsburgh

Анатолий Николин

ТЕЧЕНИЕ И ЗАВОДЬ

Повесть

Слышишь? Ты не один.
Течение выносит в заводь. Тихо кружатся листья.
Кто-то еще неясный тянет легкую руку.
Свет трепещет в горсти.

М. Харитонов, «Сюита XXI»

1

ТЮРЬМА МИЛОСЕРДИЯ

Длинные жёлто-серые корпуса городской больницы тянутся ровными казарменными рядами с востока на запад. Укрыты они густыми зарослями бузины и сирени, и в каждом корпусе насчитывается три этажа - с процедурными кабинетами и палатами для больных.

Инфекционное отделение — проклятое заведение, лепрозорий — желтело оштукатуренными стенами на самом отшибе. Из широких деревянных дверей каждое утро медсёстры выкатывали носилки с накрытым простынёй неподвижным телом. Умирают здесь от тайных, неафишируемых болезней — холеры, тифа или гепатита.

Отделение располагалось в двух шагах от последней земной инстанции - приземистого, посещаемого женщинами в чёрных платках и суровыми мужчинами здания морга. А в трёх шагах от него вилась узкая тропинка, увидившая в мир живой и весёлой жизни.

По этой-то укромной дорожке, мимо морга и чахлах акаций, прибегал ко мне на свидание мой друг Павлик Зотов. По ней же, движимый чувством сострадания, мчался он в ближайший магазин за вином, чтобы скрасить моё жалкое больничное существование.

Свидания наши протекали следующим образом.

Инфекционным больным — я лежал с тяжёлой формой гепатита, по-тогдашнему — желтухи - категорически воспрещались контакты с внешним миром. Свидания с родственниками были исключены. Продуктовые передачи тщательно, как в тюрьме, проверялись специально назначенной для этого медсестрой.

Передав в деревянное окошко сумку с продовольственным набором, навещавшая меня по воскресеньям мама подходила к окну, чтобы со мной поговорить.

Прогулки на свежем воздухе больным не позволялись. Разрешалось, если была хорошая погода, отворять заборные сеткой окна и беседовать с посетителями с высоты третьего этажа...

Стояла тёплая, золотая осень. Окно в палате было круглые сутки отворено, и я, как Шильонский узник, прикивал к железной сетке при каждом шорохе снаружи.

Но посетители ко мне приходили редко.

«Шо, не идуть? — подавал голос лежавший у окна и с интересом наблюдавший за моими метаниями дед Шумейко.

Этот низкорослый румяный старичок был в палате долгожителем. В отделении он лежал не то четвёртый, не то пятый месяц. Положили его с диагнозом «желтуха». Курс лечения он давно прошёл, а результаты «выпускных» анализов были хуже некуда. Таинственная болезнь и не думала отступать. Дряблая старческая кожа деда сквозила желтизной, как перезревший лимон. По ночам старика одолевали мучительные боли, он корчился и жалобно стонал. Консилиумы, собираемые заведующей отделением доктором Овсянниковой, моложавой женщиной со строгим лицом и громким, не терпящим возражения голосом, оставляли больше вопросов, чем ответов. Общее мнение сводилось к тому, что больного следует отправить в областной центр для более тщательной диагностики. У деда подозревали рак...

В ожидании запланированной поездки дед Шумейко валялся на кровати, о чём-то размышляя или наблюдая за соседями.

— Не идуть? — усмехнулся он. — Ко мне тоже бабка не ходит. Раньше приезжала кажен день, а теперя перестала. Говорит, далеко... На базар недалеко, а в больницу ей далеко...

И он обиженно отворачивался.

— Ясное дело, — бормотал глухо. — У нас своя жисть, а у них своя...

Я лежал в сером полумраке палаты и думал о шумейкиной «старухе». Когда-то, когда они были молоды, у них была, вероятно, любовь и взаимная тяга друг к другу. А закончилась всё жалким бормотанием в стенку и полным забвением...

Любимой девушки у меня не было. Вернее, была, но любимая только с одной стороны. Моей. Меня она не любила и мои ухаживания не принимала. Единственное, что мне позволялось, — беседовать с ней по телефону.

Я звонил ей по вечерам из пустой ординаторской, единственного места в больнице, где имелся телефон.

Наши беседы затягивались за полночь. Не знаю, было ли ей со мной интересно, или она терпела меня из жалости, чтобы не отказывать больному. Теперь я точно в этом не разберусь.

Была осень 1964 года. Оля радостно сообщила о пленуме ЦК КПСС, на котором сняли со всех постов Никиту Хрущёва. И что новым Генсеком избран Леонид Брежнев, а председателем Совмина какой-то Косыгин.

Оля была радостно взволнована и уверяла:

«У них всё получится, вот увидишь!»

К историческим переменам в Москве я отнёсся без энтузиазма.

Хрущева, как и многие в стране, я недолюбливал. Когда он взошёл на престол, стало ясно, что царя на троне сменил деревенский дурачок и простофиля.

Мне было безразлично, Хрущёв управляет Советским Союзом или Сталин. Эта страна была — не моя. Моим было то, что находилось за её пределами. В глубине и темноте моего только ещё пробуждавшегося «Я». Чем отчётливее ощущалось биение его пульса, тем бессмысленнее казалось всё вокруг. Даже ядерная война, которой нас пугали, представлялась сущим пустяком...

Рассказ Оли о перестановках в Москве я выслушал вежливо и - равнодушно.

Безразличия добавлял тюремный образ жизни в отгороженной от остального мира больнице.

Чем закрытее учреждение, тем больше запретов и рекомендаций оно производит.

Всевозможных ограничений — свободы, предпочтений, привычек и слабостей — в инфекционном отделении было великое множество.

Нам запрещалось, например, принимать душ, когда захочется. Ванная комната в отделении была одна, и старшая медсестра тётя Поля установила попалатный график помывки. В душ можно было сходить, когда придёт время...

Для завтраков, полдников, обедов и ужинов тоже было выделено определённое время. Для приёма лекарств, уборки помещения, доставки передач от родственников — неродственникам приходилось доказывать, что они имеют к посещаемому прямое или косвенное отношение — сослуживцы, соученики или же лица, приписанные к одной жилищной конторе.

Строго регламентированный, упорядоченный образ жизни исключал эксперименты и фантазии. Вспышки инициативы и сумятицу побуждений, неясных и проблематичных.

И только редкие посещения Павла — «Пола», по-нашему, — вносили в мою жизнь крупицу импровизации.

Я проделал с помощью ножа в противомоскитной сетке небольшое отверстие и расширил его, чтобы образовалась прореха, в которую можно просунуть голову. Я научился её искусно маскировать. По воскресеньям медицинский персонал отсутствовал, а дежурная медсестра делала вид, что ничего не замечает...

Наша переключка с Полем начиналась с приветствий и обсуждения житейских проблем, переходивших в политические анекдоты. Оживлённая беседа настоятельно требовала алкоголя.

Спиртное больным употреблять строго воспрещалось под страхом скорой и неминуемой смерти. В страшных корчах и судорогах. В больнице я томился третий месяц, уровень билирубина в крови был выше некуда, и лечащий врач Старикова, красивая женщина, возбуждавшая плотские желания даже у безнадежных больных, собирала бесконечные совещания с коллегами. Моя жизнь, как следовало из её слов, висела на волоске.

Но о волосках я ничего слышать не хотел!

Павлик вытаскивал из авоськи бутылку вина, я спускал из окна жгут из свёрнутых простыней и полотенец, он привязывал к нему бутылку за горлышко и доставал точно такую же для себя.

Таким же нехитрым способом он передавал мне книги, отобрав их в моей домашней библиотеке с покорного согласия мамы.

«Выбирай, что хочешь. Я ничего в этом не понимаю...»

Наличие вина и книг в корне меняло отношение к жизни.

Опустошив бутылку вермута, я чувствовал себя заново родившимся. И готовым к любым испытаниям. Даже близость морга действовала не так угнетающе. Я был свободен и смел, и жизнь казалось не такой уж безнадежной...

С довольным видом матери Терезы, вырвавшей из лап смерти очередного чумного, Пол прощался и уходил. А я ещё долго не мог уснуть. Моё сердце разрывалось от счастья. Это чувство было неистребимо, потому что мои душевные и телесные силы ещё не были до конца исчерпаны.

... Наутро меня ждала очередная капельница, и трагический шепоток медсестёр, не суливший ничего хорошего...

2

МАСКА УРИБЕ

* * *

Эдуардо Урибе, Танжерец, — типичный продукт тюрьмы. В этом бесспорном факте и заключалась притягательность этого человека.

Старый писатель-эмигрант утверждал, что побег из неволи — давняя, традиционная тема русского народного творчества.

Мысль о побеге из больницы мне никогда не приходила в голову. На воле беглеца ждала верная и неминуемая смерть. В заточении ещё теплилась какая-никакая надежда. Но на свободе — нет! Тюрьма была спасением от воли и от смерти, что в сущности одно и то же.

О воле можно было только мечтать. Что я с успехом и проделывал, валяясь на больничной койке. Мечтать безопаснее, чем жить. К тому же, если долго находишься за семью замками, не веришь ни в какую будущую жизнь. У мечтаний имеется неоспоримое преимущество: они слаще самой раскрепрасной жизни.

Мечтам о свободе томящийся в неволе (или больнице) предаётся в редкие минуты больничного (тюремного) отдыха.

Рабочий день у надзирателей подходит к концу. Наконец они оставляют вас в покое. Ночью или в часы послеобеденного сна ты свободен, как будто ты умер. Тебя уже нет. Нигде — ни на земле, ни в облаках.

Вследствие многомесячного безделья спать по ночам я почти разучился. Время, отведённое для сна, использовал для фантазий в сослагательном наклонении (в ином их попросту не бывает).

Лёжа с закрытыми глазами, чтобы не возбуждать подозрений у дежурной медсестры, время от времени обходявшей палаты и прислушивавшейся к дыханию больных, я предавался сочинению счастливых мгновений. Они касались самых разных сторон оставшейся за больничной оградой жизни — учёбы, художественного творчества, общественной деятельности. Любви к женщине и взаимоотношений с пришельцами с других планет. Это было удивительное время первых полётов в космос, и близость иных миров, более разумных и гуманных, казалась очевидной. Мы с нетерпением ждали первых контактов с представителями «внеземного разума», они должны были, по нашему представлению, освободить землян от вопиющих несовершенств нашей жизни...

Но стоило очнуться — звонок на обед, громкий голос медсестры, призывавший к вечерним или утренним процедурам или команда приготовиться к утреннему обходу, — как всё сразу менялось. Пресная действительность разрушала с трудом изваянный иллюзорный мир. Что такое мечта, как не идеальное Государство, созданное взамен убогой, неприглядной жизни? Утопия в наиболее полном и правильном смысле...

Для общения с надоевшим миром обязанностей, строгих правил и неукоснительно соблюдаемого распорядка больные (заклѳчѳнные) надевали специальную маску. У каждого она была своя.

Я напяливал на себя маску Эдуардо Урибе — странного типа из романа Хуана Гойтисоло «Ловкость рук».

Эта книга (вместе с новѳнским томиком Камо) была доставлена в больницу Полом вышеизложенным способом — через больничное окно в один из сумеречных осенних вечеров.

Шёл дождь. За окном текло и хлопало. Дождь барабанил по жестяному подоконнику, и я с тоской вчитывался в мелкие строчки:

*«Когда они вышли на улицу, дождь всё ещё лил. Капли, отрываясь от кровли, падали на шиферный жёлоб, и сточные колодцы у обочины тротуара с шумом всасывали потоки воды».**

От текста веяло безнадежностью. Я сообразил, что это и есть то, чего взывает моя душа. Безнадежности и гибельности. Бесчувствия и тоски по неведомой жизни, не существовавшей нигде и никогда...

* * *

Первым они взяли Китайца. В ночь, когда убили того в штатском, приехал «Чёрный ворон», и два милиционера в синих мундирах вывели его, полусонного, из квартиры.

Через десять минут он сидел в кабинете следователя и отвечал на вопросы.

«Кто с вами был?»

«Друзья».

«Кто именно?»

«Не помню. Друзья».

«Отвечайте по существу».

Лампа ярко горела, бросая длинные тени.

«Я и отвечаю».

«Отвечаешь, да не так. Будешь валять дурака - применим силу».

«Применяйте», — сплюнул Кигаец.

Маленький следователь с интересом на него уставился.

«Красиво живёшь. Как бы потом не пожалеть».

«Мне всё равно...»

Он вел себя мужественно, но он никогда не был нашим лидером, вожаком. Главным в нашей компании был Джек — Женька Михайлов.

Мы все — Женька, я, Пол, Кигаец и Боров-Порк (кличка и фамилия одновременно) учились в одной группе. У всех были двойные — западные — клички; я взял себе прозвище Танжерец, и мои друзья его не оспаривали.

С Женькой-Джеком никто особенно не дружил. Он был словно с другой планеты. В институте ни с кем не общался. В учёбе никому не помогал и сам не просил помощи. Был как зверь: в одиночку появлялся и в одиночку исчезал. Можно сказать, мы его сами выбрали. В тоске по вожаку нашей, едва сколотившейся стаи. Сначала приняли его в друзья, а потом и в лидеры. Было в нём что-то такое, что предполагало опасные и тёмные дела.

Вожакон он был таким же — одиноким, таинственным и неразговорчивым. Новый социальный статус его нисколько не изменил.

«Мы ничего от него не заимели, — пожал плечами Боров. — Что с Женькой, что без него — какая разница! Только дуется и молчит».

«Ну да, — соглашались мы, но оставляли всё как есть. — Поживём — увидим...»

* Здесь и далее курсивом выделены фрагменты из романа Х. Гойтисоло «Ловкость рук», поэмы А. Вознесенского «Лонжюмо» и книги А. Камю «Брачный пир».

Джек был суров, и с его лица не сходила маска презрения и подлости. Если такие вещи вообще можно считать маской. Такая она у него была естественная и несменяемая.

На Джека неприятно было смотреть, неприятно с ним разговаривать — после двух-трёх мимоходом сказанных фраз возникало ощущение оскорбления. Хотя Женька или помалкивал, равнодушно пожимая плечами, или отделялся ничего не значащими словечками: «Не знаю...», «Трудно сказать...», «Спроси, чего полегче...»

Женька и ввёл нас в таинственный и опасный мир фарцовки.

Поначалу нас было трое — я, Пол и Боров, толстый, смешливый парень в очках, знаток физики.

«Какого черта ты поступал в медицинский, — недоумевал Пол, прихлёбывая вино и слушая рассуждения Борова о квантах. — Тебе не людей резать, а радиоприёмники чинить...»

Был вечер, мы торчали в нашей забегаловке. Это была дрянная кафешка в порту. На окраине города нас никто не увидит — ни преподаватели, ни друзья родителей.

Мы сидели за мокрым столом с двумя бутылками кагора и не знали, как убить время.

Кафешка была никудышная, потому что она была не настоящая. Днём это была обыкновенная столовка, где питались докеры и железнодорожные рабочие. А после шести вечера её переименовывали в кафе «Тополёк». В буфете появлялось вино, включался патефон с вечными «Ландышами»...

Идиотская затея устроить из столовой кафе пришла в голову кому-то из комсомольских вождей. Молодёжь могла вечером потанцевать и послушать музыку. Как будто подделка могла нас устроить.

«Ничего умнее они не придумали, — хмыкнул Пол, когда мы появились здесь первый раз. И думали, что в последний. — Полный абсурд.»

«Даже кафе не могут построить», — поддакнул Боров.

Борову было всё равно, настоящее кафе или поддельное. Он не любил ни вина, ни танцев. Главное для него — потрепаться про свои кванты. Дома скучно, мать-учительница сидит за тетрадками ночи напролёт, отца у него нет... Да хоть бы и был: о чём можно трепаться с родителями? Ни о чём, это знает каждый. Или о войне. Их же хлебом не корми, дай поговорить о Сталинграде. А нам он на кой ляд?!

«Путного кафе не могут поставить, а хотят преобразовать мир», — поддакнул Пол, срывая сургуч с горлышка бутылки. Как будто хотел сказать: «даже вино не умеют как следует закупорить...»

«Они и преобразуют. Так, что нельзя будет жить», - сказала я.

Шёл дождь, улицы были пусты, и никуда не хотелось идти. Дома одно и то же: пересуды родителей о зарплате, о будущем урожае — «на кой чёрт мне ваш урожай!» — о необходимости сделать весной ремонт.

«Обязательно к празднику, — напомнил папа. — К Первому мая.»

«Разумеется, — соглашалась мама. — Дорога ложка к обеду...»

Я ничего не понимал в их «обедах» и «ложках». Не понимал, почему ремонт или генеральную уборку в доме нужно производить к Первому мая или Седьмому ноября. Почему два раза в год, на праздники, во всех городских витринах появляются портреты членов Политбюро. Кто такие эти дядьки, что я должен на них с почтением взирать и возносить им хвалу — жрецы, пророки, доблестные воители, — агаммноны и патроклы?

«Квартал бурлил праздничным весельем. Распорядители с повязками на рукаве раздавали шоколадки, миндаль и конфеты шумным стайкам ребятишек, которые кричали, ссорились и наскакивали друг на друга. Гуляющие размахивали бумажными флажками, жители домов развешивали густую сеть гирлянд и украшений. На крышах только что построенных домов пламенели, полощась на ветру, вымпелы. Алый ковер покрывал трибуну. Толпа напирала к трибуне, чтобы послушать оратора...»

Почему я должен тратить время на ваши идиотские игрища, — кипел я. — Его можно провести с девушкой или в пьяной компании. Почему я должен вчитываться (или вслушиваться) в корявые речи ваших вожаков и объяснять их содержание факультетскому комсоргу. А он, рыжее, высокомерное существо, будет решать: правильно я понял или ошибся. И со мной «нужно как следует поработать»...

А мой отец-инженер и член партии советует в тяжёлых случаях обращаться к первоисточникам.

«И Ленин отвечает. На все вопросы отвечает Ленин».

Он и домашние задания, когда я учился в школе, заставлял меня выполнять, поставив на стол портрет Вождя.

«Смотри на него, сынок. Этот человек поможет тебе преодолеть трудности!..»

А папа Луиса гневным перстом, как на корень всех бед, указывал на —

... «... стопку книг, сваленных на столе: пьесы социалистических театров, французские (значит — левые) и советские романы».

Вот и пойми, на чьей стороне правда. Или неправда. Скорее всего, ни на чьей. А на моей собственной. Но я не могу её сформулировать...

«Враги — как называл их отец — маршировали вдоль шоссе. Это были плохо одетые парни, которые несли плакаты и клеили листовки на деревьях и стенах домов. КО ВСЕМ РАБОЧИМ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ, СОЦИАЛИСТАМ, ПРОСТЫМ ЛЮДЯМ!..»

Колонна при виде темной массы полицейских сомкнутыми рядами продолжала свой марш по параллельной улице. Мужчины шли, высоко подняв сжатые мозолистые кулаки. Возле них шныряло немало оборванных женщин, они смеялись».

Вот и всё отличие! Какое мне дело до того, чьи интересы они защищали, — свои собственные или народа, — методы были одинаково отвратительны.

И, главное, какое отношение этот балаган имеет ко мне, моим вкусам, симпатиям и устремлениям?

Но мне не у кого было спросить. И получить на мои вопросы внятный ответ. Члены кремлёвского Политбюро и руководители испанской Фаланги ничего не могли нам дать — у наших родителей была своя жизнь, а у нас — своя. И мы не желали принимать участие в их делах и заботах.

«Дома всё осточертело», — вслух сказал я, как будто от этого станет легче. От того, что я высказался. Или потому, что мы тогда все думали одинаково. Даже неженка и маменькин сынок Боров. С его очками, добродушной рожей и разговорами о физике. Для него физика была то же самое, что для нас портовая забегаловка и Интерклуб.

«Я не могу вернуться в этот дом: это не мой дом», — хотелось кричать мне.

Но я не был уверен, что меня поймут. Ведь мы ни о чём таком не толковали. И не сговаривались. Просто встречались по вечерам, где придётся, и слонялись по

дождливому, опустевшему городу. Мы были искателями приключений. Только бы не сидеть дома. У каждого были свои причины. Мы их держали про себя, чтобы не прослыть нытиками и слюнтяями...

В такой вот поздний дождливый вечер нас и нашел рыжий Джек.

«Прежде всего надо обрубить причальные канаты».

«Есть девка, она даёт всем, — заявил он, входя в забегаловку и расстёгивая пальто. — Хотите?»

Мы ещё как хотели, но предложение Джека застало нас врасплох. Надо как следует расспросить его и всё взвесить.

С его шляпы, как с навощённой бумаги, стекали капли дождя; минуту мы смотрели на него с недоумением: «какая девка? Мы ни о чём не договаривались!»

«Чего приехали? — усмехнулся он, и мне показалось, что я вижу Рауля Риверу, друга Танжерца. — Или живой бабы боигесь?»

«Что ты, Джек, — произнес Пол. — Мы не это имели в виду. Всё так неожиданно...»

«Вот и ладно, — кивнул он. — Что пьёте, кагор? — Мутятина. У меня есть лучше».

Он вытащил из-под полы бутылку коньяка и показал горлышко.

Мы переглянулись.

«Но это потом. Когда придём по адресу. Сначала её надо напоить. Она без этого не даёт. И без денег... Деньги у вас есть?»

«Какие вопросы, Джек!» — развязно сказал Боров.

По его улыбке, широкой и пьяной, видно было, что он ничего не соображает. Ни девка, ни Джек, ни мы, его приятели, ему были не нужны. Он блаженствует оттого, что выпил. И забыл про всё на свете.

«Какие вопросы...»

«Погоди, Джек, — вмешался Пол. — Мы не против, но деньги... Мы так не договаривались. Денег у нас нет... Сегодня... Может, перенесём на завтра?»

«Ждать она не будет. К ней очередь. Я напросился из-за вас. Мне-то самому не нужно. У меня своя есть. А вам, вижу, без бабы тошновато».

«Это так, — кивнул я. — Но надо предупредить...»

«Чего тут предупреждать, — пожал плечами Джек и закурил «Pall mall» — мы с завистью проводили взглядом его руку, достававшую из пачки длинную, тонкую сигарету... Что ни говори, красивый парень Женька!»

«Чего тут предупреждать, если денег нет, и не предвидятся», — сказал он, глядя мне в лицо.

Мы виновато опустили глаза. Женька был прав: в обозримом будущем денег у нас не будет. И в необозримом тоже.

Воцарилось тяжёлое молчание. Пол сделал вид, что наслаждается вином, я молчал. Боров думал о своём, покачиваясь на стуле. Хлипкий стул вот-вот обрушится под его тяжестью.

«Ладно, — прервал молчание Женька. — На первый случай я заплачу. В первый и последний раз. А дальше — без меня».

«Это по-дружески, Джек», — пьяно кивнул Пол.

«Ещё как, — подтвердил я. — Очень даже по-дружески».

От стакана вина я опьянел. Голова кружилась, как будто я летел в пропасть. Слова не связывались, в душе было пусто. Хотелось плакать, неизвестно отчего. Или писать стихи, что одно и то же.

Я не помню, когда и как я начал сочинять. И откуда в моих стихах бралась такая горечь. Или таинственным образом эти вещи — юность и горечь — совпадают?

... Всё началось с Лермонтова. Когда я прочёл — «мой ум немного соверши». Что тут было такого, что я заплакал? Из каких недр вырвались первые безутешные слёзы? Откуда бралась безнадежность и горечь, терзавшие мою душу? И почему мы так с ним похожи? С кем, — богачом! Или богатство и бедность тут не при чём. И несчастье, в сущности, — великое счастье и признак человеческого достоинства?

Маленький, грустный, смешной клоун Урибе! Ты украсил свою жалкую жизнь сотнями разноцветных стекляшек, мелких безделушек, бумажных фонариков, тряпичных кукол, маленьких и больших зеркал, — в них отражались твои пьяные, грустные глаза и бледное, измождённое личико. Твоё зелёное бархатное пальто и мой красный свигер — я не снимал его ни днём, ни ночью, — были бронёй, помогавшей мне уцелеть.

«Уцелеть — где?! — спросите вы. — В каких таких тяжких испытаниях и житейских битвах? Какие могут быть испытания у юноши в восемнадцать лет. В одной из самых спокойных и гуманных стран в мире? Не выдумывайте!»

«Самые настоящие испытания, — отвечаю. — Только в восемнадцать лет жизнь и выглядит жестокой и несправедливой. В любой, даже самой человеческой стране. При самом деликатном общественном строе. А не обманщицей, предлагающей мнимые радости. Вроде проститутки Джека, к которой мы плетёмся, с трудом переставляя ноги. Она, жизнь, — отпетая преступница без права на помилование и реабилитацию».

«Мало-помалу я проникся ненавистью ко всему, что меня окружало».

Что же ещё оставалось, как не писать стихи?

Друзья помалкивали, но мне кажется, они меня понимали. Как и я их — приблизительно и условно.

3

БЕДНЯКИ И НЕБО

* * *

Одиночество как синоним отстранённости, — главный урок, преподанный Больницей. Тюрьмой, где не наказывают, а излечивают. От настоящих или мнимых преступлений. Оказавшись в больнице, ты осознаёшься в преступлении, кого-то не совершал, это необходимое условие содержания под стражей. Твоё преступление заключается в том, что ты — не здоров. Это свойство отличает тебя от обычных людей, здоровых и жизнерадостных. Некоторые особенности твоей физиологии подразумевают непростительную ущербность.

Если предположить, что нездоровье — норма, то здоровьем будет считаться именно оно, а не так называемое «настоящее» здоровье; оно — удел маргинального меньшинства. Подлинным, а не выдуманным здоровьем следует считать состояние тела, присущее большинству; всё же относящееся к противоположному лагерю, должно быть признано патологией, а её носители подлежат немедленной изоляции.

В некоторых социологических и психиатрических рассуждениях чувство отстранённости, инаковости, метафорически именуют аутизмом.

У меня, непрофессионала, этот термин вызывает сомнения. Речь не о том, чтобы оказаться «вне» (буквальный перевод английского слова «out»), пределов общественной жизни. А в том, чтобы творить жизнь, отличающуюся от установок и стереотипов большинства. То есть, моё собственное, независимое «in». На первом этапе ему присущи черты соглашательства, но в дальнейшем они размываются, и некий индивид или группа творят новую сущность.

«Он ничего не любил из того, что выбрал сам, а только то, что незаметно пришло к нему в силу обстоятельств».

* * *

Мы шли пустынной улицей, хлопая по лужам и ёжась под мелким дождём. Пал туман, и было не холодно. Сквозь его плотную вату пробивался тусклый свет уличных фонарей, они едва тлели. Дома, телеграфные столбы, деревья, их голые раскоряченные ветви были погружены в летаргический сон.

Была глубокая ночь.

«Долго ещё? — буркнул Пол, скользя в грязи. — Ни черта не видно. Тьмутаракань, а не город...»

«Не ной», — отозвался Джек. Он шёл ленивой, раскачивающейся походкой, держа сигарету на отлёте; запах дыма был слышен далеко.

«Табак сдобрен наркотиком, — принохался я. — Что-то такое он рассказывал, — не то опиум, не то кокаин...»

«Не ной, — повторил Джек. — Я предупреждал, она живёт далеко».

«Но не настолько! Уже час идём...»

Боров плелся сзади. Он протрезвел, у него разболелась голова, и ему не хотелось ни девки, ни коньяка.

Я молча шёл за Джеком. Мне были безразличны и коньяк, и девка. Главное, не останавливаться. Движение отвлекает от плохих мыслей.

Мы утрюмо смотрели в спину идущего впереди Джека (мне мерещился плотный затылок Рауля Риверы) и ждали.

«Пришли», — прохрипел он.

Джек остановился и стал всматриваться в темноту.

Впереди чернел дом — на углу, возле корявого дерева.

Дом был одноэтажный и, кажется, деревянный. Но я не уверен — в тумане могло показаться.

«Пришли, или — кажется?» — усомнился Пол. Парень он терпеливый, но любит ясность, а её сейчас явно не доставало.

«Не ной, — повторил Джек. — Плохо видно. Из-за тумана. Но я уверен, что мы пришли».

«И где же твоя сучка?» — оживился Боров.

«Ты такой нетерпеливый, — усмехнулся Джек. — Посмотрю я на тебя, когда в дом войдём».

«Не спорьте, — вмешался я. — Войдём, не войдём — какая разница. Отворяй».

«Сам боишься?»

«Ты хозяин, тебе и отворять», — вступился Пол.

Стукнула задвижка, закрипели ржавые петли...

Во дворе было пусто. Из собачьей конуры послышалось недовольное рычание.

«Она не кусается, — сказал Джек. — И не высовывается...»

«Хорошая собачка, умная собачка», — засмеялся Боров.

На крыльце Джек постучал кулаком в дверь. В окне вспыхнул свет, и стало видно, что дом действительно деревянный, — не дом, а избушка на курьих ножках. Одна комната, кухонька и мрачные, холодные сени.

Щурясь и запахивая на груди халат, на пороге выросла хозяйка. Вероятно, та самая. Молодая, белокурая, почти белобрысая. Джек рассказывал, что она студентка-химик и подрабатывает проституцией. Стипендия маленькая, отца нет, а мать не в состоянии её содержать.

Недоверчиво нас оглядев, хозяйка посторонилась.

Джек вошёл, развязно придвинул табурет. Тускло горела, коптила керосиновая лампа, бросая мельтешащие тени.

Джек достал и поставил на стол бутылку коньяка...

«Вечером бедняки возвращаются к столу, покрытому клеёнкой, и к керосиновой лампе — другого убранства в их жизни нет».

Широким жестом хозяина Джек пригласил нас сесть.

«Не стесняйтесь... Тебя можно?» — кивнул он хозяйке.

Они отошли к печке и долго шептались.

Она согласно кивнула, достала толстые гранёные стаканы и пол-литровую банку маринованных огурцов.

«Извините, закусить нечем...»

Она виновато улыбнулась, и сердце у меня сжалось. Опять эта вечная жальность! Она постоянно подкладывает дёготь в мои бочки с мёдом!

Мне хотелось встать и уйти. Но Джек нависал над нами, как обломок скалы. Мы выпили, потом ещё.

Хозяйка пила жадно, закрыв глаза; в распахнувшемся халатике, когда она замахала руками, болтались две недозрелые грушки.

Она нас не стеснялась, и от того, что она была такая жалкая и тихая, возмездие не приходило.

Первым с худосочной студенткой — мы даже не спросили, как её зовут — ушёл Пол. Я отказался, сославшись на головокружение.

«Дело хозяйское, — пожал плечами Джек; он закинул ногу на ногу и курил, пуская кольца дыма. — Боров, твоя очередь».

Пол выглядел спокойным, даже задумчивым. Улыбался одними губами, курил...

Боров колебался, его одолевало волнение. Это был его первый сексуальный опыт, и он боялся, что не справится.

Когда боишься, то ничего и не получится.

У Борова — не получилось. Точнее, всё случилось преждевременно. Он долго мучил студентку на кухонном столе и отпустил, когда убедился, что ничего не выйдет. Она не возмущалась, не жаловалась. Покорно выполняла его желания, жалкие и неумелые. Тихо вошла, робко взглянула — вид у неё был растрёпанный и дикий. Я отвернулся — сделал вид, что занят огурцом.

«Ну — всё, — потянулся Джек. И, порывшись в бумажнике, сунул ей три мятых десятки — «третья за него, — кивнул он на меня. — Он не захотел, но мы договаривались. Я слово держу».

Она затравленно кивнула: всё кончено, можно уходить.

Мы возвращались в центр города в полной темноте. Фонари погасли, туман висел серой свинцовой пеленой; мы шли и молчали. Потом ехали в холодном трам-

вае, вагон мотало из стороны в сторону, и я спал на ходу. Чувство времени было потеряно, как и представление о местности — казалось, мы несёмся в безвоздушном пространстве. Я просыпался, засыпал и видел во сне беловолосую студентку — она была, как живая. Урибе говорил о таких женщинах: они до жути реальны. Она и во сне была такой. Неприятной, неотличимой от настоящей. И я её за это ненавидел. Она была то, что я никогда не смогу полюбить...

Трамвай трясло, как в ознобе, в окне мелькали и тухли огни. Вспыхнуло огромное, во всё небо, зарево — на металлургическом заводе сливали расплавленный шлак, и на минуту показалось, что я узнаю дорогу и местность. Но потом снова становилось темно, и ничего нельзя было разобрать.

Мои товарищи спали. Боров похрапывал, привалившись к стеклу. Пол клевал носом, а Джек спал прямо, как по линейке, и лицо его казалось мёртвым.

Проснулся он тихо, как и уснул.

«Рота, подъём», — мы, как по команде, вздрогнули и зашевелились.

«Приехали...»

В окне стали мелькать огни, забегали тёмные силуэты прохожих...

«Значит, так. Распорядок на завтра, — скомандовал Джек, когда мы выбрались из вагона; смертельно хотелось спать, мы едва держались на ногах. — Встречаемся в шесть вечера в ингерклубе. Дальше я скажу...»

Смертельно хотелось спать, мы едва держались на ногах. Но я знал, что мы обязательно отыщем жертву. Среди своих или чужих, и принесём её невидимому божеству за свои или чужие грехи...

«Атмосфера насыщена кровью, — писал Гуарнер. — Молодёжь словно издавлекта чует это. Очень странно. В моё время всё было иначе. Тогда люди по крайней мере вели себя благопристойно...»

Мы не могли позволить себе роскошь быть благопристойными. И вернуться в прошлое тоже не могли. В прошлом остались наши родители, — мы их презирали, — и старшие братья, заменившие нам отцов. Но их мораль была устаревшей и пресной. Если в прошлом нет опоры, то не знаешь, как себя вести.

Одно мы знали твёрдо: прошлое с его войнами, революциями, «трудовыми победами», нищетой и демагогией — развлечение не для нас. Это напичканное пряностями блюдо не годится для нашего обоняния, осязания и пищеварения, они у нас устроены иначе. Всё старое, непригодное заслуживает забвения. Его следует уничтожить. Убей старика, просил Луиса Паэса маленький, несчастный Урибе. Старик — жертва, которую следует принести во имя выздоровления...

«Молчи и слушай. Нам надо прикончить одного старого придурка.»

Танжерец провел рукой по губам: он был явно доволен.

«Ты говоришь, старый?»

«Да.»

«Это хорошо — прикончить старикана.»

После того, как будет совершено последнее ритуальное убийство, на Земле воцаримся мы — «художники, поэты и анархисты». Особи вне времени и пространства, — не существа, а — сущности.

Как прекрасны были эти казавшиеся немислимыми слова, прекрасно само словосочетание — «художники, поэты и анархисты»!

Поэтов в нашем кружке представлял я, художником был Джек. Да, самый настоящий мастер кисти, лёгким, едва заметным движением вдыхавший жизнь в

мёртвую материю. Анархистами были Пол, Порк... Да мы все, чего греха таить! Каждый таил в себе безграничные возможности отрицания, был яростным врагом оппортунизма и слашавого всепрощения. Единственным, к чему мы испытывали любовь, было — небо. Мы — бедняки по убеждению, и нашей единственной частной собственностью было оно — огромное и величественное. Как наши представления о добре и справедливости. И в сущности непригодные для общего употребления...

О нет, — тут я вынужден оговориться. Нам ничего не требовалось покидать. Всё, что нам было не нужно, мы давно покинули в сознании и душе. И времена года были тоже не причём. Лето отрицания не заканчивается, оно вечно, как огромное светило, сжигающее всё живое. И оставляющее после себя пепел для постройки жилищ и убогих храмов...

* * *

Девушки из Интерклуба были развязны и распутны. Совсем недавно это были красивые, свежие девушки — слабый отблеск молодости светился на их грубых лицах.

Элла Пименова — к ней я был равнодушен — была черноглазая, черноволосая и гибкая, как цыганка.

«Привет, поэт, — насмешливо встречала она, дымя сигаретой. — Зря пришёл, здесь девушки не для тебя...»

«Подумаешь. Нужны вы мне...»

«Ещё как нужны», — смеялась она.

Я смущался и уходил. Хотя мне ужасно хотелось остаться. Я воображал себя Урибе с маленькой Алисией, когда они рассматривали Тебасские письма.

Эллу в клубе любили и остерегались, потому что она никого не любила...

Вика Ильницкая — густо-чёрная еврейка с усиками и хриплым голосом.

«Меня любят греки, — посмеивалась она, припудривая длинный носик, изогнутый, как лук Ионафана. — Я им напоминаю их баб. Славянками они недовольны. Ваши дамы недостаточно страстны...»

Вику любили греки и югославы, итальянцы и французы — все, кого морская судьба заносила в наш порт.

Из желания угодить заморским гостям дирекция Интерклуба подбирала проституток — у них было прозвище «Легион» — с оглядкой на Вику и Эллу. Десять-двенадцать штатных сотрудниц клуба, а фактически жриц любви, были девушками тёмной масти и нерусского происхождения. Они напоминали морякам их родной дом и привычных женщин.

...Долгий зимний вечер на юге. Туман и слякоть, слякоть и туман. Они сопровождали каждое наше движение, каждый шаг. Царство коротких дней и длинных ночей...

Туман обволакивал заморские сухогрузы, начиная с Бычьего Брода — узкого мелкого пролива, отделявшего одно море от другого. Более сильное от более слабого...

В тумане табачного дыма прятался широкий полированный стол с бокалами и переполненными окурками пепельницами.

Зимний вечер был в разгаре. Прибывали новые гости, они знакомились с девушками, предлагали шампанское и коктейли. Вежливые беседы, нарядные девушки....

Клубные стюарды, женоподобные мальчики в чёрных бабочках и с блестящими залезанными волосами, разносят напитки; многоязыкая речь прерывается взрывами хохота.

Смех становится всё развязнее, девушки ведут себя всё смелее. Улыбки откровенны и приторны. Чем дольше длится вечер, тем откровеннее и приторнее... Партнёры крепко обнимают их за талию, — расплывшуюся, мягкую, готовую к превратностям соития.

Мы терпеливо ждём, пока пара за парой матросы и девушки удаляются в темноту. Скрываются в вязкой сырости тумана.

«Уже скоро, — сказал Джек, сминая сигарету. — Минут через двадцать. Когда все выйдут...»

Мы с Полом цедим коктейль, Боров тускло курит.

«Может, не надо?»

«Надо, — отрезал Джек. — Кто вчерашнюю сучку будет отрабатывать?»

«Ладно, это я так...»

«И я — так...»

Маленький пьяный грек спросил, коверкая русские слова, где находится туалет.

«Направо, — сказал Пол. — Right, pleas...»

Мы курим и молчим. Голова тяжёлая после коктейля и табака.

В фойе за зелёным столом два итальянца играют на бильярде. Круглые полированные шары с сухим треском перекатываются по сукну.

Итальянцы играли на деньги и время от времени яростно спорили.

Чёрные угрюмые югославы перекидывались в пинг-понг.

Ушёл и вернулся озабоченный Джек.

«Двигаем к выходу. Китаец уже во дворе...»

Китайца я знал плохо. Он был приятелем Джека, и мы подозревали, что он-то и был настоящим хозяином фарцовки.

Я видел его изредка на занятиях. Тщедушный молодой человек, чернявый и хорошо одетый. Ходил стремительно, не смотрел по сторонам. У него были крошечные тёмные глазки, из-за них он и получил своё прозвище. И такое же тёмное прошлое: поговаривали, у Китайца был срок за фарцовку или убийство...

«Значит, так, — шёпотом инструктировал Джек. — Товар получаем я и Китаец. Быстренько вам передаём. И — врассыпную. Пока мусора не заловили. На всю операцию две-три минуты. Главное, получить шмотки и передать деньги...»

Он рассказывал, мы напряжённо слушали. У каждого в предстоящей операции были свои обязанности: я принимаю блоки сигарет. Пол — женское бельё. Боров, как самый массивный, — мужскую одежду, он её тут же, в кустах, должен на себя надеть.

Не знаю, зачем это было нужно. Барахло я никогда не любил. Да и остальные тоже — Пол, Боров... Денег нам перепадало мало, всё забирали Китаец и Джек. Да мне и не нужны были их деньги. Я жил с родителями, и на мелкие расходы мне хватало. А на что-нибудь крупное просил у стариков, они никогда не отказывали. Мне вообще ничего не было нужно — ни денег, ни одежды. Ни сигарет, ни кокаина.

Фарцовкой я занимался потому, что мне надоели комсомольские собрания и призывы к строительству коммунизма. Как будто собраниями что-то можно изменить...

Боров и Пол были из того же теста, что и я. В отличие от родителей, нам ничего не было нужно. Не знаю, почему так получилось. Какая оса нас ужалила, что у нас ни к чему не лежала душа. Мы были чисты и пусты, как небо над нашей головой.

Что-то определённое на этот счет можно сказать лишь о Поле. Его сильно ударило года два назад. Он был курсантом Качинского лётного училища, и на втором курсе у них начались учебные полёты. Летали на стареньких, изношенных ПО-2. Сначала с инструктором, потом самостоятельно. Что-то такое произошло в полёте, что самолёт Пола потерял управление. Машина рухнула, и в результате травмы головы Павлик потерял пятьдесят процентов зрения. Из училища его отчислили, так он оказался среди нас. За компанию занялся фарцовкой: хоть какое-то развлечение!

Мы разошлись по ночному тёмному скверу. В баре я перебрал коктейлей, и в голове шумело. Ярко светился вход в Интерклуб, на крыльце хохотали гости и их подружки, обнявшись, они парами уходили в темноту.

Торопливой тенью мелькнул Джек; пошатываясь, мы потянулись за ним.

За углом Китаец и Джек спорили с маленьким итальянцем. Подошли ещё двое. Они стали что-то снимать и нагружать бараклом подоспевшего Борова.

Следующим должен был к ним подойти я. Но тут Джек молнией метнулся в сторону. Неизвестно откуда взявшийся незнакомец схватил Китайца за руку. Китаец вырвался, человек как подкошенный повалился наземь. Что-то выкрикнул и, захрипев, затих.

«Засада! Бежим!», — рванулся Пол.

Тяжело дыша, мы помчались на набережную. Куда подевались остальные — не знаю.

Была глубокая ночь. Общественный транспорт уже не ходил. Пустая набережная была ярко освещена.

«Чёрт, ни одной машины!

Я пытался закурить сигарету.

«Брось её к черту! Не понимаешь, что происходит?»

«А что произошло?»

«Нас вычислили. КГБ! Не сегодня-завтра всех переловят. По одному!»

«Может, обойдётся?»

Мне было безразлично, заберут меня или гроза пройдёт мимо.

Скорее всего — не пройдёт. Поодиночке они на дело не ходят. Как и мы. Если товарищи убитого (убитого?) поймали Джека, тот сдаст всех. Наверняка. Потому что у него нет ни чести, ни совести. А у кого она есть. У меня? У Пола? Или у Борова с Китайцем? Кого ни возьми — каждый способен на предательство. Поэтому нас и загребут. Рано или поздно...

Такой поворот событий придавал нам новые силы. Потому что с машиной повезло: кто замечает следы, тому бог помогает.

Пустой самосвал с грохотом мчался по пустынной набережной.

Пол с водителем бросили меня в кузов, и дальше я ничего не помню. Кажется, меня вывалили у дома. Пол помчался дальше, на Левый берег. Это нас и спасло. Когда мусора взяли Китайца, он после недолгого сопротивления рассказал про Джека. Джека и Борова взяли на следующий день; они пили в баре пиво и делали вид, что пришли в первый раз. Испуганный бармен показал, что вчера они были тоже и вбежали в бар сразу после ночного убийства.

«Они явно замешаны, — лопотал бармен, покрывшись испариной. — Ру-чаюсь...»

О нас с Полом в суматохе забыли. Мы выпали из поля зрения ментов, а друзья на допросах нас не называли. Так что всё обошлось...

«Мы стремимся спрятаться, скрыться, другие нас ловят, выносят нам приговор. До каких пор мы будем убегать по тропам отчаяния?»

Но это так, к слову. Риторические вопросы никогда меня не интересовали. В часы, предшествующие рассвету, мутному и холодному, ни о чём таком не хочется думать. Меня спасла сама жизнь — это и был ответ на вопрос Хуана...

После ареста друзей я скрылся. Уехал, пока всё уляжется, в Крым, к тётке, жившей с мужем в Алуште.

В декабре на Южном берегу зацветает мушмула, тепло и солнечно.

Я прожил у тётки, доброй, отзывчивой женщины, ухаживавшей за мужем, инвалидом по зрению, всю весну и лето. А когда всё успокоилось, вернулся домой. А осенью слёг с гепатитом, и меня поместили в больницу. Я не знаю, когда я отсюда выберусь, и выберусь ли вообще. Моя судьба меня не интересует. Я остался один на всём свете. Если не считать Пола. Но он тоже скоро исчезнет: его приходы становятся всё реже, вот-вот прекратятся совсем. Когда-нибудь он не придёт, — подумал я, — и с этим надо смириться...

Я захлопнул книгу и задремал. Поздней осенью темнеет рано; за окном хлещет дождь, и в палате зажгли свет, тусклый и сумеречный.

Вошла дежурная медсестра, чтобы поставить мне укол...

4

ПОЧЕРК МИРА

Лучше всего лежать с закрытыми глазами и думать. Ни о чём. Не шевелиться и делать вид, что усердно размышляешь. Или вспоминаешь. Но это не так приятно. Я не хочу знать, что со мной происходило все восемнадцать лет моей жизни. Чёрная полоса: ранняя, слишком взрослая юность, друзья и детские чувства. Рано или поздно она закончится, исчезнет. Юность прошла пополам с алкоголем и кокаином. Но мне это безразлично. Я ненавижу свою жизнь, так она отличается от того, что я себе навывдумывал. Про свои возможности и желания. Что теперь со мной будет, я не знаю. Прошлое я ненавижу, а будущего боюсь.

Вспоминать я люблю только море в Крыму и мои одинокие прогулки.

Я уходил далеко и поднимался на горное плато. Обдуваемый ветром и пронизываемый жарким солнцем, я часами сидел на камнях, подставив лицо ветру.

Иной раз открывал книгу, её напоследок принес Пол. Вытащил её из книжного шкафа, спросив у мамы разрешения. Мама не возражала. Она ничего не знала ни о Гойтисоло, ни о Камю и позволила ему рыться в моих книгах сколько угодно.

«Делай что хочешь. Если он сказал, я не буду спорить. Но мне кажется, ему лучше спать, принимать лекарства и соблюдать диету».

Мама, мама, как ты была права! После того, что произошло, ничто не имеет значения. Я чувствовал себя свободным как ветер или каменистая почва предгорий на пустом алуштинском пляже. Я был один, если не считать ветра и солнца. И помимо этого мне никого и ничего не было нужно.

... Спускаясь вниз, мимо белых мазаных домиков, я следил за прихотливо извивавшейся тропинкой и думал: как бесполезны и сиротливы мы оба — я и суровый крымский пейзаж!

Меньше всего моя жизнь нуждалась в доказательствах. Что-то внутри протестовало против логики, словно я превратился в чистый лист бумаги — нечто изначальное и самодостаточное.

И всё же...

Не видеть, не осязать, не чувствовать по примеру камней и воды было бы трусостью. А трусость никого ещё не сделала счастливым. Борьба с нею научил меня Джек. Когда он чего-либо опасался или испытывал страх, он смело шел навстречу опасности. Летом, на вечерах танцев в Городском саду, или зимой, наткнувшись на стайку выпивавших или куривших «план» бродяг, он никогда не уступал дорогу. Всегда шёл навстречу конфликту.

И они ему уступали — хулиганистые подростки, не желавшие делиться девушкой, или бандиты из подворотни, решившие, что Женька — местный авторитет.

«Я его знаю, — неуверенно бормотал самый боязливый. — Он фартовый. Ходит с пером...»

И хотя никакого «пера» у Женьки не было — убийство вообще не его профессия — он не опровергал слухи и ничего не доказывал. Он был выше их и нас. Тех, с кем судьба свела его на узкой и опасной криминальной тропе. Он всегда был сам по себе. Вакуум — возделенное состояние одиночек. Для типов вроде него и меня. Какая разница, из какой материи ты его для себя создаёшь...

Джеку не повезло — ему потребовалась человеческая среда, чтобы получить своё одиночество. Я же одиночкой был изначально: одиночкой абсолютным, не нуждавшимся в дополнительных условиях.

После приезда из Алушты я оказался в больнице и понял: это то, что мне нужно. Мне нравилось, что мною помывают. Врачи и медсёстры. Нянечки и ветераны вроде деда Шумейко, возлежавшего в углу наподобие вора в законе. Нравилось быть оловянным солдатиком, по команде падающим и встающим. Нравилось не думать, а выполнять требования и указания. Быть не часами, а часовым механизмом.

Тут я запинался и морщился. Мне не хотелось знать, кто и с какой целью запустил движение моей персоны — движение самодостаточное, вроде бега на месте; и кто однажды его остановит. Я пресытился миром, не дождавшись, когда он пресытится мною. Я его обманул, опередил, и это тоже была выучка Джека. Что с того, что ему дали пять лет, и он не вернулся домой из лагеря под Кохтла-Ярве. Говорят, его пырнули ножом за слишком явно выраженную независимость. Что с того! Ученики не похожи на своих учителей. Моё добровольное затворничество было иного рода — я забыл себя для того, чтобы обо мне помнили. Ежечасно и ежеминутно. В будни и праздники. Я такая же часть мира, как и вы. С единственным различием: мне нравится, что вы считаете меня никем, это позволяет мне раствориться среди вас. Исчезнуть, оплодотворив вас собою. И, значит, возродиться в миллионах чужих жизней. Это вы стали мной, а не я — вами. Я даже чувствую, представляю, как это происходит.

Такое вот мистическое, запредельное, злорадное знание. Оно не тяготит меня и не смущает, как ваши мелкие, несущественные догадки. Вы о нём даже не догадываетесь, и это доставляет мне большое удовольствие.

Эдуард Бормашенко

ЗАСЕДАНИЕ СЕНАТА

ד'טב

*Человек по природе своей склонен
более к осуждению, нежели к похвале*
А.С. Пушкин. Исторические Записи

Мир без меня нежелателен, но возможен; вообразим мир без звездного неба надо мной и нравственного закона во мне. Трудно-представим мир, опроставшийся от всех наличных вещей, но мир без заседаний невозможен и невообразим. Без них не обойдутся ни сверхцивилизации, ни инобытие. Райская доэмигрантская жизнь в Харькове представлялась так: семья, работа плюс колбаса; минус гебье, КПСС и профсоюзные собрания, а в Израиле: семья, работа плюс здоровье; минус арабы и заседания Сената.

Сегодня заседание Сената колледжа, черный день в календаре. О черном дне можно думать, но поминать его все нельзя. В американском университете ректор ляпнул: "у меня вчера был черный день", одарив слушателей голливудским оскалом, мышечным усилием схожим с улыбкой. Афроамериканские доценты не сразу (наверняка, изможденные диетами, крысopodobные профессорши надумили), но сообразили: "черный — это, что же, непременно — плохой?" Вон отсюда, недобитый расист. Ректор тоскливо огрызался: я не недо-биг, я плохо информирован; пустующие, небеременеющие профессорши не научили, язык-фашист подвел. Отбрехивался вяло, от трибунала политкорректности — пощады не жди, пришлось, поджав немодный белый хвост, уползть в отставку.

Ножищи огромного, полированного П-образного стола почти упираются в стену зала заседаний. Еще немного, и стол обсыдят почтенные профессорские плечи, присыпанные перхотью пиджаки, пестрые платки и парики. Надо занять местечко поближе к выходу. Часа полтора я выдержу; когда последний шмат терпения отломится, озабоченно полезу в карман за мобильником, плотненько прижму к уху и, озабоченно сутулясь, засемену из зала заседаний, разведя на физиономии крайнюю озабоченность. Нельзя же не ответить, когда беспокоит по личному делу сам Царь Машиах. Никто мне, разумеется, не звонил, но как иначе смыться, не обронив лица?

Но прихожу я вовремя, иначе не займешь креслица у выхода. Напротив меня уже ерзает на стуле тощенькая профессорша Майя Соломонова, молекулярный биолог. Ее ручки рыскают по полировке, щека подергивается тиком, мушиные, выпушенные глазки ни на чем долго не задерживаются. Правый сканирует меня, а левый стопку оттисков, засиженных разомкнутыми коричневыми кружочками. Много кофе пию над статьями профессора Майей, дамой нервной, честолюбивой и даровитой.

Майя отпускает статьи на покаяние и, жеманно отставив острый угол локотка, поправляет косыночку, отнюдь не герметично покрывающую кудряшки. Майя — слегка религиозница; цветастая, двусмысленная тряпица на ее голове

несет многослойное послание: я женщина, скромная, богобоязненная, но не мракобеска, парика от меня не дождетесь. Косыночку Майя поправляет для меня, чарует, как может, дробно просчитывая сметливыми мозгишками, устроит мне этот тип вырванные годы, или нет? Этот тип — я, профессор Лернер, Борис Михайлович. Год тому назад, по врожденной болтливости, я рассказал Майе об изящной математической схеме, явно не бесполезной в ее исследованиях.

Ее проворства я недооценил, Майя быстро провела эксперимент, отшлепала патент и стришет с моей схемы развесистые купоны, в трудах и заботах своих забыв помянуть меня по имени. До этой истории я не замечал прикорнувшего в прилагательном "проворный" — вора. А теперь ей приходится с головы до ног прыскаться дорогущими духами, стрелять глазами, намекающими на гормональные неполадки, и томно теревить косыночку. Нет, скандала в комиссии Колледжа по научной этике я ей не учиню — лень.

Рядом с Майечкой воздвигнулся серый с интеллигентной искрой, добротный, двубортный пиджак профессора Адольфа Азариевича Хвостова-Верченко. Срамным именем Хвостов обзавелся в год пакта Риббентропа-Молотова. Его еврейские родители, искренне, не за страх, а за совесть влиившие с линией ВКП(б), подарили первенцу имечко венского маляра, в одночасье оказавшегося другом и союзником товарища Сталина. Налепленное на младенца имя все-таки оказывает роковое воздействие на жизнь, судьбу и личину носителя. Ибо вместе с пиджаком напротив меня прорисовались седые с чернью, камышастые усы Адольфа Азариевича. Это ж сколько времени надо проводить у зеркала, чтобы так выхолить щетинистый газончик?

Серые, застекленные линзами, литовские глазки Хвостова глядят на меня благосклонно и безучастно. На мне он не поживится. Он биолог, специалист по головному мозгу, но мой недобрый взгляд различает в Адольфе Азариевиче вертлявого, лихого шарлатана, доильца научных бюджетов. Хвостов-Верченко заполз во все сочащиеся щелями бюджетные щели. Ему удалось и вовсе немислимое — припасть воспаленными губами к секретным статьям бюджета министерства безопасности. Вельможная осанка, костюм с искрой, отглаженная болтовня и привычка клеить к каждому существительному приставки "нано" и "сверх" позволяют залезть в самые запечатанные сундуки.

У Адольфа на содержании — дюжина породистых лаборантов, запертых за железной дверью с шифрованным замком. Чем они там занимаются неизвестно. Однажды один из них подполз ко мне с просьбой решить дифференциальное уравнение. Я взглянул на протянутый мне листик и обомлел: правая часть уравнения была густо закрашена черным. "Любезный, чтобы решить уравнение, мне необходимо видеть его голеньким, целиком, снимите чадру с правой части", давась от смеха, сказал я хвостовцу. Мило потупившись, лаборант промямлил: "Адольф Азариевич, сказали, что правая часть строго секретна".

Хвостов — жулик, и он знает, что мне это известно, поэтому глядит на меня любезно-тускло. Но он неистребим, как рыжие муравьи. Из-под пелла последней, ядерной войны выползет Хвостов-Верченко, держа в зубах выбитый из короля термитов грант на изучение целительных свойств муравьиной кислоты. На заседаниях Сената голосует за разумные, осмысленные решения, умело подставляя плечо ректору, едва справляющегося с саблезубой оппозицией.

Едва переставляя туфли на высоченных каблуках, прибавляющих росту и от рождения немалому, липко пожимая руки всем сенаторам, вливает лидер се-

натской оппозиции, юристка Тamar Айхенгорт. Каблуки и рукопожатия — знак незашоренности и раскованности. "Я знаю, что во мне метр восемьдесят росту и не стесняюсь этого, и от моего рукопожатия еще ни один кипатый-бородатый фанатик не помер. Так что пусть справляются со своими средневековыми проблемами и не унижают дам, подозревая в непрерывных месячных". Религиозные профессора, даваясь, выпрастывают руки из карманов и брезгливо жмут пальцы Тamar. Тamar блаженствует. А я необременительно сострадаю ее позвоночнику, измученному пыткой цокающими по паркету шпильками.

Тamar лет сорок с плюсом, и она не замужем. На бледном лице ни морщинки, кожа подтянута, как на фибровом чемоданчике, возраст бой-профессорши определить невозможно. Когда Тamar говорит (а злобно журчать она может часами, не сказав ничего), постепенно возбуждается, и на шею проступают красные пятна, быть может, свидетельствующие о злочувственности. Подозреваю, что сожителю Тamar приходится выслушивать прелюдии, предваряющие сердитую, рваную, кусачую любовь; не позавидуешь.

Тamar годами подсиживает нашего ректора, явно метя на его место. Никакого значения не имеет, что именно предложит сегодня ректор Сенату; с двухметровой высоты донесется: "я — против". А вот и сам ректор. Славный потомок немецких эмигрантов, профессор химии Яков Баренбойм, учтиво улыбаясь всем и никому, бочком протискивается к председательскому креслу, склонив бритую голову, пригвожденную крошечной кипой. Диаметр кипы — экзистенциален, им измеряется формально неопределимая, но всем в синагоге понятная "серьезность". Чем больше размер шапочки, тем уважительнее ее носитель относится к Моисееву Закону. Необратимо серьезные люди носят незнайкины шляпы. Я, отдавая респект и уважение традиции, в синагогу захоаживаю, но жить так, как живут эти люди, превратившие судьбу в метафору Закона, не могу. Вместе со всем прогрессивным человечеством я променял святость и бессмертие на турпоездки и интересную жизнь. Я — несерьезен.

Ректор — недурной химик, но главная страсть его жизни — политика. Когда дело идет начистоту, о главном, то есть о назначениях, защитах, профессуре и доцентуре Яков расцветает, его голос крепнет, и в нем звенят пророческие ноты. Но Яков не гневный пророк, он — мироносец. Наш ректор убежден в том, что дурной профессор лучше доброго гения. С гением хлопот не оберешься, докажет теорему, а потом надует щеки, растопырит пальцы, и престижную премию получить откажется. А ректору отдуваться перед болванами-журналистами. Напротив, дюжинный, прикормленный, ручной профессор и неистребим, и благодушен и крауголен, без него — никуда. О существовании "гамбургского счета", Яков догадывается, но верит в него не слишком. Ученые в него верят, но их слава Б-гу немного.

Насадив на все начальственные посты не верующих в гамбургский счет чинодралов, ректор, не мельтеша, толково управляет Колледжем, студенты охотно несут нам деньги, дипломы выдаются вовремя, статьи печатаются; сытно, бездарно и благолепно под нашими галилейскими небесами. Ядовитая Тamar, тысячекратно опаснее незлобивога Якова, добравшись до власти, начнет мелко, суетливо, по-бабьи подвывая, пакостить. Поэтому я всегда железно голосую вместе с ректором, усвоив за длинную жизнь, что смена начальства не к добру, и прогноз "хуже не будет" под еврейским Солнцем никогда не сбывается.

Одесную ректора, его вернейший пес, ученый секретарь колледжа, филолог, специалист по второй части поэтики Аристотеля, доктор Сима Шенкина. Я

люблю пить кофе в ее ухоженном кабинетике, приобщаясь к начальственным сплетням. На столе ни сориночки. Нежилая чистота. В доме у Симы, матери-одиночки тоже все вылизано. Сима имеет на меня виды, и часто зовет в гости, угощая чем-то вычурным и невкусным.

Женщины либо любят убирать, либо готовить. Чистюли — трудолюбивы, самоотверженны, холодны. Поварики — ленивы, пристрастны к сладкому и чувственны. Симины дочка в армии, интиму не препятствует, но безупречно натертая мебель наводит меня на грустные подозрения. Кроме того я ленив. Мы остаемся друзьями.

Сима оглашает первый пункт повестки дня: о порядке проведения экзаменов. За ивритом-канцеляритом прячется извечная борьба Педагога и Магога — нечестивого на руку двоечника: студенты безбожно списывают, экзамены превратились в фарс.

Прошли времена мастерски изготовленных гармошек-шпаргалок, прячущихся в душных, немых складках студенческих тел. Технология до основания обновила дело скатывания. Один из наших студентов, еврейский левша, изобрел наручные часы, в которых элегантно пряталась фотокамера. Задачи фотографировались, левша, скорбно почесываясь подмышками, их передавал приятелю, изучившему повадки ленивых профессоров, черпавших вдохновение из старых добрых советских учебников. Послониив пальчик, приятель отыскивал на последних, крошащихся страницах книг решения и передавал на приемник, запрятанный в те же чудо-часы. А уж как решения распространялись по классу, остается только догадываться, но почему-то все студенты, как сговорившись, делали неразличимые ошибки, и обозначали переменные одними и теми же греческими буквами.

Экзаменационные надзиратели заподозрили, что распространение информации происходит в туалетах. Чистенькие, спрыснутые лавандовыми дезодорантами туалетные штабные комнаты, скрывали вечный комплот студентов против преподавателей. Разведки и диссиденты всех времен и народов облюбовали сортиры; мистики, верующие в тайную энергетику и гений места, должны признать туалеты важнейшими узлами мироздания.

Привыкший разрубать узлы и срывать дамкловы мечи Яков, мудро предлагает ограничить туалетное время пятью минутами. Не затухли еще звуковые волны ректорского голоса, как у меня над головой прорычали: "я — против". Проблема студенческой оправки была введена Тамар Айхенгорт в широкий контекст прав человека, вообще, и учащихся меньшинств, в частности. Большие и малые студенческие дела опарой беляевского вечного хлеба вырывались на свободу из индивидуальных кабинок и заполняли запустевший Космос. Шея Тамар краснела, голос звенел, в нем слышалась уже и баригональная хрипотца, разъясняющая талмудическое "голос женщины — срам". Но опытная Тамар оттягивала оргазм, ведь заседание только началось.

Сидящая напротив меня Майя прилипла глазами к свежему Nature. Ненависть мешает ей смотреть на Тамар. Подуставшая от честного замужества, многодетная мать Майя, презирает вольноопределенную, холеную Тамар. В Тамар ей противно все: бриллиантовые серьги, левизна, лженаука, подтянутая кожа, голос, а главное удача. Но говорить Майечка не будет, не снизойдет до блядюшки.

Сановно откашлявшись, рванув ворот рубахи и составив завещание, припечатанное кодой: "все остается людям", решительно, как на последнюю баррикаду, встает Хвостов-Верченко. Нас ждет экскурс в теорию и практику сортирного про-

мысла. Начав с йогов и еврейских мудрецов, всячески ударявших на необходимость полного и своевременного очищения, через римские лагрины и уличные амфоры, заполнявшиеся прохожими мочой, столь необходимой для имперских сукновален, забираясь в дебри, доступные лишь очень образованному человеку, Адольф Азариевич не спеша восходит к ошибочной постановке туалетного дела в нашем Колледже. Сурово глядя на ректора, Хвостов вносит революционное предложение: ограничить во время экзаменов пребывание студентов в кабинках семью с половиной минутами. Исполнение возложить на экзаменационных капо.

По предложению Хвостова высказывается дюжина сенаторов, умиленно вслушивающихся в переливы собственной речи. Мой друг, доцент-биолог Марик Рубинштейн, очень ученый, прекрасно воспитанный, добрый и недалекий малый, настаивает на учете различия мужской и женской физиологии; спис-время должно быть дифференцировано. Я люблю Марика за незнание жизни, почти несовместимое с активной подлостью. Сегодня, в Сенате Колледжа, настаивать на том, что женщины чем-то отличны от мужчин, мог только самоубийца. Тamar высыпала на голову моего приятеля гроздь феминистского гнева, уличив в мужском шовинизме, мачизме и сексизме. Ходульная речь Тamar — клад для биологов, головным мозгом она не управляется, тогда чем же?

После бурного, изнурительного обсуждения предложение Хвостова проходит небольшим числом голосов. Ректор прикидывает в уме расплату с Адольфом, кому из его славного клана предстоит защита? Заседаем уже час.

Ректор стучит судейским молоточком по столу: переходим ко второму вопросу: о переименовании Колледжа. По обобщенному сенаторскому телу пробегает шевелящаяся мускульная волна, седые головы решительно откинута, носы в красных прожилках раздуты, плечи расправлены. Это есть наш последний и решительный бой. Отступать некуда. Позади сионистское отечество. Оппозиция швырнула нашему синедриону свою левую перчатку. Еврейский Колледж Верхней Галилеи, Тamar, заручившись подписями половины Сенаторов, предлагает переименовать в Колледж Верхней Галилеи.

Какой же он, к шуту, еврейский, если треть студентов у нас арабы? А все уборщицы — друзки. А один из профессоров — араб христианин. И какие, вообще, в двадцать первом веке могут быть "еврейские колледжи", иудейской науки не бывает. Наше название — назойливый анахронизм. Тamar говорит долго, с ненавистью поглядывая, на все более хмурающийся в углу по ходу ее речи портрет Жаботинского. Из другого угла, с дурацкой улыбкой, вытаращил на Тamar язык Альберт Эйнштейн. Впрочем, Эйнштейн показывает язык и правым ораторам и левым. В физике можно вращаться вправо, или влево или вообще не вращаться. А в Израиле третьего не дано, или ты правый или левый.

Наши левые профессора — преимущественно гуманитарии, о себе говорят так: ученый я может быть не бог весть какой, зато знаю, что сегодня носят в Гарварде и Йеле. А свет приходит только оттуда. Правые все больше физики, химики. Для них свет — электромагнитная волна, и ходит она, куда ей велят знающие люди. А поскольку знающих людей у нас больше, так мы еще худо-бедно выживаем, окруженные соседями, ездящими на ослах, пашущими на женах и развлекающимися резанием глоток зазевавшимся родственникам.

Мнение оппозиции поддерживает специалист по современному кинематографу, доцент Амир Хацбани. В Амуре не более полутора метра росту, и он отраспил назорейскую, волнистую шевелюру до пояса. Амир напоминает злого, не про-

спавшегося гнома, выглядывающего из стожка. Хацбани равномерно и прямолинейно ненавидит: правых, поселенцев, ортодоксов, выходцев из России, Марокко, Йемена и Эфиопии, но более всего своих поделщиков из партии МЕРЕЦ, никак не дающих ему стать главным левым Папой Израиля, кресло-то верховного понтифика прогресса — одно. А претендентов знаете сколько?

Самое частое слово в его речи — толерантность. Я никогда не слышал, чтобы Амир разговаривал, он всегда выступает. Вот и сейчас, шипя и брызгая долетающей до меня слюной, Амир вопрошает: доколе мы будем таскать на горбу это замшелое название, унижающее наших студентов?

Терпение Майи Соломоновой обрывается. Она требует слова, и, дергаясь обеими щеками, обличает оппозицию, желающую стереть, затоптать и опоганить все, на чем лежит благородный отблеск еврейского. При этих словах в зале происходит то, что в старинных парламентских хрониках описывалось так: "на скамьях оппозиции сильнейшее оживление и шум". Через минуту уже все кричат, никто никого не слушает. А я сижу и думаю: коллеги, отчего это вас все это интересует? У меня недостает сил заинтересоваться ни студентами-жуликами, ни вывеской на Колледже. По должности и жалованью вам положено жить ремеслом, но если по грехам нашим обрушится сейчас потолок, мировая наука ущерба не понесет.

Выдержав приличную моменту паузу, пожевав губами и откашлявшись, просит слова профессор Хвостов-Верченко. Он мягко напоминает собравшимся о том, что и в светочех мира, Соединенных Штатах Америки и поныне существуют католические и баптистские университеты. И никто обиды студентам в этом не усматривает. О том, что Еврейский Университет пока еще не переименован. И о том, что прилагательное "еврейский" не матерное. Говорить он будет долго. Ректор глядит на Хвостова с ужасом, предвидя час расплаты с Адольфом Азариевичем. Не иначе, в деканы метит. Девяноста сенатских минут истекли. Я лезу в карман за мобильником и на полусогнутых вытекаю из зала. Назавтра Марик расскажет мне, что проползло предложение Хвостова: Колледж именовать еврейским, но на бланке и фасаде будет впредь написано Колледж Верхней Галилеи. Не знаю, как Колледж, а решение вполне кондовое, бердичевское: доски в бане гладко, во избежание заноз постругать, но положить строганным вниз, не оскользнуться бы на мыле.

Филипп Исаак Берман

ДВОР ИМПЕРИИ

Асе

0.

Божественный еврей Иоанн, страстный поклонник молодого раввина Иешуа из Назарета (названного впоследствии Иисусом Христом) был сослан римским императором Домицианом на остров Патмос в Эгейском море. Это произошло, скорее всего, между 81 и 85 годом. Император Домициан стал императором в 81 году после смерти своего знаменитого брата Тита Флавия Веспасиана. Тит правил всего два года и умер, когда ему было 42 года, от простуды. Прежде чем стать императором, Тит захватил Иерусалим, жестоко подавил восстание евреев и разрушил Иерусалимский храм. Его отец, Веспасиан, начал осаду Иерусалима во время первой Иудейской войны, восстания против Рима, длившегося с 66 по 70 года. Во время осады он был провозглашен императором и отправился в Рим, где его встречали как великого полководца и человека, равного Богу. Два человека предсказали, что он станет императором. Одним из них был Иосиф Флавий, молодой еврейский вождь, носивший после своего пленения, теперь уже навечно, признак своего рабства, предательства и величия: имя Флавиев. Это предсказание спасло Иосифу жизнь, Веспасиана же охватил восторженный трепет жизни, клекот божественных птиц, уносивший его в небеса.

Иосиф был для него великим еврейским пророком, глазом Бога на земле. После уничтожения Иерусалима и сожжения храма Тит с триумфом возвратился в Рим. Тысячи евреев были распяты на крестах, тысячи других сопровождали в цепях Тита, когда он входил в Рим.

Тит умер через два года в возрасте 42-х лет. Последние дни своей жизни он носился по Риму, распивая-раздавая простым смертным римлянам деньги. Тит пытался спасти душу, он чувствовал неминуемую кару абстрактного невидимого Бога, веру в которого он пытался распять на деревянных крестах вбитых в землю на римской дороге.

Домициан стремился подчинить, уничтожить иудаизм, как и Тит, противный их собственной божественной философии всего сущего и римской мощи, а теперь появилась новая мощная ветвь от того же самого дерева: на землю пришел новый, молодой, и к тому же, опять, еврейский Бог, о котором писал Иоанн: Он был в мире, он создал мир, но мир не знал его! Так он написал в евангелии.

На острове Патмос Иоанн работал в каменоломнях, белый же камень, который он рубил, уносился вверх в небо и шел вглубь земли, пока однажды, в глубине неба он увидел красного дракона — будущую судьбу жизни, и она входила в него, и он жил в ней, а она жила в нем.

Прежде, однако, появилось великое чудо в небе, и женщина одетая в солнце, в свет солнца, в тепло его, в жизнь его, созданную Создателем всего, появилась женщина одетая в солнце и под ногами у нее была луна, и на голове у нее была корона из двенадцати звезд, из двенадцати звезд была корона на ее голове.

И был вместе с нею, и был в ней, и родился в ней, и путешествовал в своем рождении в ней, в муках, ее ребенок, ее родной будущий сын, — родился в ней от ее плоти, от ее плача, в муках, в своем рождении.

И другое чудо удивление появилось в небе, неразгаданным удивлением в небе: семиголовый красный дракон, имеющий семь голов и десятирогий, семиголовый и десятирогий, и с семью коронами на своих головах, семиголовый красный зверь-дракон.

Архангел Михаил, взлетевший в небо, уничтожил и поверг зверя наземь. И зверь, хвост его унес треть всех небесных звезд, бросив их на землю, и теперь стоял перед женщиной, чтобы уничтожить ребенка, как только он родится, как только появится на свет.

И женщина с короной из двенадцати звезд улетела в дикие пустынные места, в пустыню, в места, приготовленные для нее создателем, где он поддерживал ее там тысячу двести шестьдесят своих, только ему известных лет.

Интерпретация 12-ой главы — Откровений, написанных Ионом на острове Патмос стала ясна автору под красно-зелеными рассветами в Техасе в 84-ом году, проявились вдруг все детали написанного две тысячи лет назад, пожалуй, каждая строчка 12 и часть тринадцатой глав: кем был красный семиголовый дракон и кем был новый зверь, пришедший после него.

На Красной площади, великом кладбище революции, стоял одинокий человек Ихаил Ергеевич Орбачев — седьмая голова дракона.

1.

Была зима 1953 года, шел 35 год советской империи.

Сталин, переодетый в обычное платье боевого генерала, хотя и был в полной безопасности, в мягко оседающем на поворотах бронированном автомобиле, как-то скукожился и поднял каракулевый воротник генеральской шубы.

Утренний ровный сумрак, туманный яичный желток солнца, смотревший в него в упор, будто бельмом слепого, белый снег и внезапная тишина были ему не по душе.

Случилось это неожиданно, с утра проглядывало еще солнце, будто залитое яичным белком, потом столицу империи вдруг затянуло от горизонта до горизонта мглой, пошел густой снег, потом сразу же мгновенно все стихло, как перед концом света, полог снега исчез, и оттого стало видней, но столица, будто теперь до конца дней своих, отмеренных для нее провидением, лежала под куполом темного ровного света. И от этого на душе Сталина было беспокойство собственной отмирающей жизни.

Однако он не верил, что когда-нибудь умрет. Он не знал, какое это было беспокойство, но страх за свою жизнь был в нем.

Страх приходил отовсюду. Страшными были ночи, страна думала, что великий кормчий работает ночью для блага всего человечества, а он не спал, потому что ночью он видел страшные сны, он боялся спать.

Но в этом новом, пятьдесят третьем году, иногда и дни тоже становились наполненными сменяющимися друг друга страхами.

Особенно страшно было сейчас от белого снега, летевшего вниз в почти черном небе.

Сталин и сам был удивлен и озлоблен этим внезапным, опять подтвердившим свое существование отчетливым чувством, накотившим на него. С природой, пока что, он расправиться не мог. Он не мог расстрелять природу.

2.

Имперская трава весной 1952 года зеленела особенно ярко и густо, тонким зеленым волосом застилая землю: дождь, прошедший утром, еще не высох, тяжелыми висели капли на ней, не скользя к земле. Можно было подумать, что она была смазана специальным, удерживающим воду составом, благодаря предусмотрительности главного садовника империи. Имперский лес тоже был прекрасен, корабельные сосны уходили ввысь, в синее небо, как тысячулет назад, и если лечь на землю, то могло показаться, что ничего на этой земле не меняется: есть небо, сосны, бездонная синь, земля, покрытая стелющейся зеленью; правда странным было то, что описанный пейзаж был безлюден, только иногда над империей пронеслась единственная охранная птица, а потом снова устанавливалась мертвая тишина; и хотя на траве висели капли воды, тяжестью своей подминая травное тело, но и они были будто бы застывшим прозрачным воском. Сосны тоже стояли бездвижные, и синь была ровная, одной покраски, без единого облака, — все, что было живого в этом имперском мире, будто на миг застыло, муравьи, жуки, бабочки оставались там, где они будто когда-то были, на тысячу лет в прозрачном, бесцветном воздухе, только, как мы уже заметили, иногда над этой землей пролетала охранная птица империи. И это было будущее этой земли. И должно было пройти еще много лет, когда это будущее настанет. Этой земле Провидением суждено было умереть.

А, возможно, все это было так, только в глазах вселенной-Регистратора, — глаза Бога, оказавшегося в неурочный спящий час в чужой земле.

Потом, вдруг все разом разомкнулось, задрожала земля, наполняясь гулом жизни, послышался стук вагонных колес, звук паровозных гудков через все пространство, ударило вдруг, в лицо, обжигая морозным небом, ветром, а в воздухе раздался во все стороны запах степи и над землей медленно начало всходить огненное солнце. Теперь Регистратор знал, что он был там, где и должен был оказаться. Здесь, на этой земле, начиналась его жизнь.

3.

Между тем, наступавший день 13 января, по сталинским меркам, должен был быть сегодня особенным, а может быть, даже и счастливым. Давняя его страсть уничтожить евреев была гораздо выше и интенсивнее страсти римского императора сечь Рим. Эта страсть сейчас растекалась в нем злобной молчаливой радостью. И сегодня она должна была начать осуществляться. Правда, он еще не знал, как можно было это сделать, как можно было бы убить их всех, чтобы пространство жизни вокруг него стало бы пустым от них, чтобы с плеч его спала бы ноша собственного несовершенства, убогости и неполноценности, отчего постоянно и угнеталась его душа в каждом их слове и жесте, и в их присутствии. Чтобы его орлиный взгляд никогда бы больше не встретил неуничтожаемой и невидимой стены презрения.

Джугашвили-Коба-Сталин-Сосо (дэкаэсэ) думал так: сегодня должно было начаться фактическое уничтожение евреев. Но план этот не до конца был еще ясен ему самому. Гитлер сжигал евреев, печки топил еврейским телом! дым их души шел в небо к Богу! но и то, не смог Гитлер справиться, а сначала сам отбросил свои фашистские коньки, а евреи продолжали жить! и ему, Кобе, надо было теперь почти начинать все сначала! Оттого у Гитлера не получилось, что он, Гитлер, был национал-социалист, а он, Сосо-Коба-Сталин, был социалист интернационалист! Интернациональный социалист!

Сегодня тринадцатого января 1953 года, по его собственной команде, в Правде, было опубликовано сообщение о евреях врачах-отравителях. Эт, нэ на первой полосе, под огромными заголовками, как хотелось бы, а тихой сапой, внутри газеты, одна всего лишь колонка, под скромным заголовком: хроника. Так будет спокойнее, а то Америка всполошится, западное общественное мнение всполошится: только что прошла война, их любимых евреев по всему миру убивали, а тут, в стране победившего социализма опять начинают убивать любимых евреев. Но знал, какой шквал поднимется от одного только столбца в Правде. Нужно было, чтобы народ, русский народ, сам бы, поднялся бы в гнэве, встал бы, во весь свой богатырский погромный рост. А так, хроника — означало всего лишь текущие наши дни, вчера, сегодня, завтра.

Вместе с евреями, казнью и русским морозом, должны были быть сожжены их десять заповедей, которыми, будто цепью, был скручен весь мир.

Он думал злобно, лениво и медленно: каким образом можно было бы их просто и дешево убить, подсунув миру лживое объяснение благородного народного гнева русского народа, уничтожившего их. Построить бараки в одну доску в Сибири, свезти их туда и сбросить без тепла, воды и пищи, да и так сделать, чтобы торцовые стенки барачков были бы открыты, чтобы мороз с ветром выжгли бы их, несясь по длинному барачку по ним из в конца в конец. Только сначала надо было русский народ накачать этим благородным гневом. Газета Правда накачает их благородным гневом. Одын толко столбец в Правде накачает их благородным гнэвом! Крокодил накачает их благородным гневом. Литературная газета накачает их благородным гневом.

Смерть обрывала жизнь, после которой ничего не было, кроме пустого мира и камней.

4.

По Небесно Деревянной дороге Регистратор вылетел к Гончарной, к Имперскому Кругу, где и крутилось гончарное колесо. Небесно деревянная дорога привела Регистратора сначала к Черешневой горе, внизу которой тек-несся ручей Черепашья шея, а потом вынеслась на простор, от которого у него сбило дыхание. Дорога рассекала землю надвое, слева и справа от нее тянулась бескрайняя плоская степь, покрытая зеленым лугом, кустарником, черной пашней и местами небольшими деревьями. Густой синевы небо недвижно стояло над всей землей, и в нем было только два облака. Черная пашня, нарезанная тут и там ломтями, переходила в неубранную, еще золотого цвета пшеницу. От легкого ветра, шедшего над землей, она то темнела, утемняясь синевой неба, то светлела на ветру, будто раскаляясь чем-то изнутри. По краю же горизонта, между краем земли и неба, рассвет и закат соединялись вместе и стояли недвижно над степью, как и само небо.

По Небесно Деревянной дороге он вылетел к Гончарной, к имперскому Кругу, где и крутилось гончарное колесо. Вот так всегда: если хочешь к Гончарной, то попади сначала на Небесно Деревянную дорогу, а хочешь уйти из Гончарной, то никакой другой дороги обратно нет, только одна, Небесно Деревянная, и уходит трудно, тянет, затягивает сердце болью, но и взлететь на нее тоже не всегда взлетишь, только неведомой никому тайной времени, — тоже, будто вытягивает тебя кто-то откуда неизвестно, оттуда, где только камень, а ветер над землей несет синие разбеги неба и легкий песок жизни, и солнце навсегда неподвижно. Но Регистратор справился, вытянул и, Господи, как легко стало сразу, как потянуло родным из Гончарной, от имперского Круга, старой вечной жизнью, снова вспомнил, откуда он был, маму, как она легко шла по лесу, все искала его руками, но никак не могла до него дотянуться. И тут Регистратор увидел ее легкий след, след летел впереди него по Небесно Деревянной дороге, спасая его, среди пашни, пшеницы, к Гончарной, и чем быстрее летел он сам, тем скорее уносился от него ее след, ведя его в Гончарную, и кто-то сказал внутри него: ну, вот видишь, все, что я говорю, сбывается, все приходит, только надо одно, и ты знаешь, что надо; тут регистратор мучительно стал думать, что же было надо, чтобы все свершилось, что видел забывающимся отражением жизни, все, к чему тянуло его душой, но никак не мог прийти к тому, что было надо. Разгадка пришла к нему позже, в самой Гончарной, над горнилом, куда все складывалось, над скрытыми глиняными плашками огнем.

Как и раньше было: он думал, а это с ним происходило. Так он и вошел в гончарную, на старом Имперском Кругу.

5.

Сталин злобно чувствовал, что его собственный круг ссужался все туже, но отказывался верить в свою смертность. И когда он чувствовал давление этого круга на своем горле, его охватывала ярость, осветлявшая тусклое утро. Пока жива была ярость, жив был он! Сегодня утром вновь приезжали проверять, не отравлен ли воздух в его кремлевской квартире, потом проверяли, не отравлен ли воздух в самом Кремле, всюду брали пробу окружающего его воздуха, и хотя он сам хотел в этом убедиться, что дышать можно было без страха, и ждал результатов пробы, он все же торопился унести, умчаться из Кремля, потому что потом, когда он вздохнет его, этот отравленный ядом воздух, будет уже поздно; унести из Кремля без всякого предварительного плана, будто в самих стенах Кремля, плотно ловушкой окруживших его, таился заговор против него. Он хотел унести от черно-тусклого неба с белым летящим снегом, будто такое небо в тот день было только над Кремлем.

Но такое небо было всюду.

Из Спасских ворот Кремля, блестящим черным лимузинным цветом, подвывая, вылетели на пустынные, очищенные от людей московские улицы. И ночной сон его опять пролетел страшным еврейским воплем в нем, когда хороводом неслись они по Красной площади и плясали сумасшедший свой танец фрейлехс.

И еще, Лобное место на Красной площади, где когда-то отрубали головы, бывшее перед церковью Василия Блаженного как бы без дела, уже много лет, пришло на ум. На этом месте Сталин и собирался устроить принародную казнь евреям. Об этом он подумал вновь, когда они вылетели из Спасских ворот, сворой, наводящей на всех жителей Москвы страх и рабское послушание. Эта публичная казнь евреев-отравителей, убийц в белых халатах, была бы только началом его плана.

Он вызвал к себе Поскребышева. Тот холуйски-энергично мгновенно появился. Сталин любил Поскребышева. Хорошую выучку прошел, хараше понимал его, Сталина! Каждое желание знал вперед, угадывал. В глаза его смотрел всем своим телом. Все свое тело под него подкладывал! Жизнь свою, под него, Сталина, подкладывал! Его предки еще при татарах лакеями были, наверное подати собирали для татар, спину гнули, Поскребышев, как Иван Калига, понимал, как жить надо! Подскребался под него всей жизнью своей, не то что евреи! Сталин сказал, что надо дать писать писателю, писателю надо дать написать, пусть напишет Убийцы в белых халатах! Константин Симонов пусть напишет! Эренбург пусть напишет! Эренбургу не давать: опять евреи будут первыми! Симонову дать, оказать высокую чест русскому человеку, а не еврейскому человеку! Это будет хараше! Пусть напишет: подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей! А то, сколько можно жить на это: жди меня и я вернусь, надоело, надо двигаться вперед! После войны уже восемь лет прошло, ждать уже надоело, надо привлекать евреев к ответственности перед всем миром! за несчастья, за страдания народа, за голод, за разруху! за то, что идты вперед, к победе коммунизма нэ дают, тормозят наше движение к светлому будущему всего человечества!

Теперь в белых халатах танцевали евреи фрейлехс на Красной площади, из-за исторического музея, на Красной площади, вылетели, древние, танцем своим, с пейзами! цепью еврейской своей мавзолеей весельем своим обкрутили.

Он, наконец, был готов покончить с терзавшим его много лет собственным смятением души, ночным чтением тугого текста библии, который ему не давался — покончить полным уничтожением, так называемого, избранного, древнего народа. Все придумали, мир обкрутили, Авраама придумали, Моисэя придумали, придумали мир заставить жить по своим законам: чтобы не убивать, чтобы не воровать! А он, Сталин-Коба, или Сосо-Коба-Сталин, или Сосо-Коба-Сталин-Джугашвили, сын Джуги! сейчас он сам усомнился, как лучше называть себя, он, Сосо-Коба-Сталин-Джугашвили, только что атомную бомбу украл у американцев, евреи тоже помогли нэмножко! для окончательной победы коммунизма в отделно взятой одной толко странэ! для равновесия в мире! Когда подумал так, вновь ночной сон пришел.

Один еврей сидел перед ним ночью, один Некто, которого нельзя было ни пристрелить, ни оттащить в карцер на Лубянку. Убить нельзя было, неубиваемым был. Все шло в него и не выходило никуда, и охрана носилась по Кремлю, не видя его, а только он, Сталин, видел это! Перед ним сидел, в его сталинском кабинете сидел. Политбюро вызвал, оно было теперь рядом с ним и не видело его. Только он, Сосо-Коба-Сталин-Джугашвили видел его! И сибирский ветер морозный, убивающий летел мимо него по длинному, в одну доску бараку. Только он, Сталин-горный орел, видел его своим зорким орлиным глазом!

Белый снег летел, как летели по Красной площади евреи, на черном небе они летели вниз с неба и падали в его, Сталинскую могилу рядом с мавзолеем! Вот что он видел орлиным глазом своим среди красно-площадьевых гробов: всех, кого убивал клал рядом, под боком, на Красной площади, чтобы далеко нэ убежали! Дураки, нэ знали, что он кладбище на Красной площади организовал, чтобы все знали, что с ними будет и где они будут лежать! Чтобы жизнь всегда ходила рядом со смертью! И чтобы помнили! Услышал стук молотка и снег летел в черном небе, а солнце было залито будто яичным белком и смотрело в него будто бельмом слепого, в его орлиную душу!

Сталин смотрел на еврея: прозрачная белая кожа, так что виделись синие прожилки сосудов, обтягивала, с бугорком посредине, нос, широко раскрытые синие глаза под черно-седыми бровями, перебитое, согнутое тощее тело, все, казалось, было стянуто, подшито друг к другу одним неземным тугим перегнутым стержнем, сложенные на коленях белокаменные живые руки. Высыхающий высокий старик покачивался в такт своим молитвам быстро, нескончаемо шептал их, спрессовывая вместе, взгляд его проходил через все предметы, через сталина, через стены красного кирпичного Кремля, ни в чем, что окружало его, не оставляя своей энергии и света; ни страха, ни восторга, ни унижения, не изображал этот взгляд еврея: все превращалось в нем в частицы, уносимые ветром Вселенной.

Смерть придет от евреев, от евреев, смерть придет от евреев, для тебя, сталин, для тебя, от евреев смерть придет, от евреев; иногда голос его взывал к небу, падая, поглощенный шелестящими чужими звуками, падающей водой жизни: для тебя сталин для тебя, от них, от картавых, носатых, забитых, вонючих евреев, от Авраама и Исаака, от Хайки и от Мойши, от их радости и от их горя, от их несуществующего Бога она придет, для тебя сталин, для тебя, смерть придет из Ура, Харрана и Ханаана, из их долин, из их горных вершин, не от тех вершин, где летает горный орел, а из других чужих предгорий, для тебя сталин, для тебя, смерть придет для тебя сталин из их предгорий, из их чистого прозрачного воздуха, из их кочевий и от их шатров, она придет из дубравы Мамре, от Авраама, и от Исаака, и от Иакова, она придет от их страха, от страха Фарры и Авраама, и от страха Сарры, и от страха Исаака, и от страха Иакова, и от их детей, и от их внуков, и от их детей и от их внуков, от вонючего гонимого народа, от Хаи и от Ривы; она придет от их Бога, от невидимого, несуществующего Бога, который есть всюду, который был всегда, который есть всегда, который будет всегда, а не из предгорий вершин и пиков, над которыми летал горный орел, а из чужих прозрачных предгорий, из пустого мира она придет, она придет из пустого мира, из пустого мира она придет, а не из предгорий, где летал горный орел, она придет!

От этого и было застлано солнце бельмом слепого.

6.

Гончарная была местом, где плавилась, варилась земля, текла жизнь, рождались и умирали люди, лили дожди и текли реки, были розово-зеленые рассветы, а потом жухли травы и опускалась ночь. Бело-розовая глина становилась жизнью, а жизнь долгим временем превращалась в бело-розовую глину.

Как и раньше было: он думал, а это с ним происходило.

Надежда-гончарница крутила гончарный круг, а кто-то вдыхал в глину жизнь. Регистратор теперь не помнил, кто и зачем привел его сюда, а чувствовал вот что: пахло печеным хлебом и приехал как будто бы отдохнуть домой; перед этим была долгая дорога, что там было, не помнил ничего, а потом увидел несшиеся перед ним следы, не знал и не помнил чьи, и чем быстрее он несся, тем быстрее неслись и они к этому родному месту.

На обед у гончарницы-Надежды были темные сладкие бобы. В кувшине, обожженном только вчера в огненном горне, до края было налито холодное молоко. Хлеб она купила в булочной, которая тоже располагалась на Имперском Кругу. Теперь буханка плотного хлеба лежала на столе, стояла банка соли и, на

глиняном, разрисованном цветами блюде, лежал крупный испанский лук, две головы. Бобы были сладки. Место было слишком щедрым — Гончарная, где сотворился мир. Это ее следы летели в гончарную, и он летел следом, по небесно деревянной дороге, и так легко влетел следом, будто всегда жил здесь и все знал наперед, что случится и кто что скажет. Как и раньше: он об этом думал, а это с ним происходило.

7.

Еще тянулся снежный дымок из-под колес этой, блестящей чернотой, акулей своры, когда она неслась в этот час по сумрачной Москве.

Сначала из-под колес вился снежный дымок, потом несся вверх, все еще меня направление от особой закрутки, будто начиналась метель, но еще только слегка, невидимо и секретно, а чуть повыше, в небесах, дымок этот подхватывался ветром Вселенной и разносился по всему земному миру для того, чтобы вселить страх в оставшихся жигелей земли.

Когда пропал еврей, он, Сталин, понял, что наступал главный час в его жизни. Политбюро было в сборе, охрана стояла перед ним, и он сам уже не видел молящегося еврея. Тогда он понял, что главный момент в его жизни наступил. Под горло подкаатило решение. Он шел к нему всю жизнь, к евреям, и к еврейскому Богу. Оттого так неслись евреи вокруг него танцем своим фрейлехсом, сумасшедшие, день октябрьской революции праздновали! Прошло уже тридцать пять суровых лет, в метели, из-под колес его лимузина, летела гражданская война, смерть Ленина и его, Сталина, путь, дорога его жизни, начало его настоящей жизни. Теперь развернуться можно было! Смерть пришла для Ленина, жизнь пришла для Сталина! Стало просторнее дышать после ухода Ленина, тогда, после смерти Ленина, он еще удивлялся, стоя возле гроба и источая из себя суровую скорбь, каким образом? это маленькое тело заключало в себе волю, перевернувшую Россию наизнанку и потрясшую весь остальной мир — теперь же оно, маленькое тело прошлого вождя, представляло только слой будущего праха. Троцкий тогда жив еще был, не убит. В сороковом году написал, что это он, Сталин, отравил слышайте-любите-изучайтэ Илича, он Сосо-Коба-Сталин-Джугашвили его отравил! Как легко, оказалось, перевернуть было мир! Слышайте, любите, изучайтэ, Илича, нашего учителя, нашего вождя! И это было для него великим! уроком, две, а может быть, и три тактики социал-демократии, две, а может быть, и три составные части марксизма! Первая тактика, составная часть марксизма, была убивать! вторая тактика была убивать! И третья, составная часть марксизма, была тоже убивать! Тут он поймал себя на том, что слово великий, он произнес с сильным грузинским акцентом! как в том знаменитом своем тосте после войны, и слово знаменитый, тоже произнес сейчас с акцентом! — великим уроком оттого, во-первых, как воля превращалась в почти божественную силу мира, и, во-вторых, что со смертью она полностью исчезала, превращалась в прах прошлой жизни! Была ленинская, а стала сталинская! Когда тело убивали, тогда волю убивали! Три тактики! Воли Ленина больше не было нигде! И, стоя у гроба маленького человека, с заострившимся татарско-русским теперь лицом, он физически ощущал ее, воли, отсутствие и пустое освоенное пространство. В уме, сейчас, когда несся по Москве пятьдесят третьего года, он все пытался вычесть из 53 двадцать четвертый год и все не мог никак сосчитать, сколько же прошло лет, и вместе с белым снегом летели теперь смерти его

жизни. В это единственное одно мгновение! летела почему-то вслед смерть Каменева (до сих пор помнил старую, 1916 год! обиду, может, оттого вспомнил, что еще в 16 году, в Ачинске, задумал всех их задушить своими собственными руками! когда Каменев слова вставить ему не давал, он только ходил, низколобий, с желтыми глазами, и трубой пыхтел, чтобы хотя бы дымом, дымом своим! их потихоньку травить!), душил его в камере жарой, хараше топили! множество других смертей белым снежным дымком вилось-летело следом; это они были евреями! это их смерти были сейчас все белым летевшим снегом теперь вокруг него, Сталина, летела борьба с левыми и правыми уклонами, летели все следом в темном утреннем, уклонном от косога снега, небе, и он ткнул кулаком в них, в окно своего лимузина, помутившимся сейчас его собственным разумом, и тогда на черном небе вновь полетел тяжелый белый снег; потом вновь смертельная борьба с троцкистами, убийство Кирова, (а кто такой был Киров?) — впрочем все эти смерти были только дорогой к этому главному делу его жизни: к евреям. Вот так он думал сейчас одним летевшим в нем мгновением — все сразу! доказать никто ничего не может, все свидетели давно сгнили, сгнили-прогнили давно! оттого что были убиты! под боком у него лежали замурованными в кремлевской стене, пеплом своим замурованными заживо! Из пепла еще никогда человек живым не вставал! Христа с креста сняли евреи и в небо унесли с ним, потому что вовремя не сожгли в пепел, потому что атеистами не были! потому что в Бога много верили, молились. Пепел не может взлететь в небо, пепел лежат может в урне, а не в небо взлетать! Он всех помнил, свидетелей, имена наизусть выучил, каждый день повторял, чтобы не забыть, не пропустить! иногда подсчитывал по ночам, пересчитывал, кто еще жив остался! Главный его человек, отравитель, фармацевт, специалист по ядам, Ягода сгнил! Он присутствовал при последних минутах жизни-смерти! Позвонил Сталину из Горок: Ленин умер! Теоретик-революционер умер! Он мог все человечество чужими руками уничтожить! А он, Сталин, практик-революционер, он мог весь мир своими руками уничтожить! Ягода отчитался перед ним, Сталиным, все, дело сделано, отравил! Отчего еще душила собственная злоба, что недоказанным преступлением попрекали Сосо-Кобу-Сталина-Джугашвили! Вот до каких инсинуаций могла докатиться буржуазная клевета на него! Сталина! и, сказав так, продуманной фразой из своей будущей речи на столетнем! (да! доживем до столетнего со дня смерти ленинского юбилея!) со дня смерти! будущем ленинском юбилее, усмехнулся своей скрытой в устах губой и подумал, что никогда в жизни он еще не смеялся так захлеб и открыто, не торжествовал открыто свою победу над всеми! Он, Троцкий, осмелился! назвал его ленивым и посредственным! был неленивый, но уже убитый! а он, ленивый Сталин, достал его из Мексики, не поленился! на столетнем ленинском юбилее будет речь произносить: слушайте, любите, изучайте Илича! нашего учителя! нашего вождя! Он, ленивый Сталин! убил его детей и жену, и самого Троцкого прикончил! — на этот раз (хотя и внутри самого себя) Сталин подумал об этом открыто, и почти сказал это вслух — и это было от несмываемой временем счастливой радости, оттого, что этого еврея теперь не было нигде и не было навсегда! а он, ленивый, посредственный Сталин, летел сейчас по Москве в 1953 году, и над всем миром горным орлом впереди всех, летевших следом, а неленивый Троцкий с проломанным черепом гнил в земле! — вот такой он был посредственный и ленивый человек — и, наконец, летела кровавая война сорок первого года, которая чудом вынесла его теперь на улицы Москвы и катила в тусклой мгле следом, громяхая разрывами и победными маршами.

8.

Гончарная находилась на маленькой площади. Тогда он открыл дверь и вошел туда.

Вещество жизни и любви росло в нем восторженной избыточной силой.

И вот что он увидел: вращался Имперский Круг, летела земля, и был там один маленький человек.

Гончарница-Надежда сидела за гончарным кругом, он тоже вращался, руки же ее обминали глину, и чем туже вращался круг, тем сильнее она отталкивала от себя влажное темное глиняное ядро, а оно все более выбивалось из рук, как живое тело, будто уже дышало и жило, руки же ее тянули и вытягивали это тело в жизнь. Теперь пальцы ее шли уже вверх от того центра, который она сделала для себя, от центра гончарной и ее жизни, пальцы ее все тянулись вверх и все боялись как бы не упустить жившее под рукой живое тело. Однако кувшин не вышел, что-то не дотянулось до той жизни, в которой был он, Регистратор, все вдруг пропало, смялось, тянулась река по горизонту обструганным железным блеском, заполняясь медным тяжелеющим расплавом от заходящего, тоже теперь медного, солнца. И вот он увидел, что хотел увидеть.

Гончарная прежде была большим гаражом с въездными воротами. Теперь ворота поднимались, слева, недвижно сидел старый индеец с черной косой. На полках стояли кувшины и тарелки из белой и медного цвета глины, висели куски материи и коври ручниц, одеяла, сшитые из разных мелких цветных кусков. Однако, несмотря на красочные платья и одеяла, гончарная казалась пустым заброшенным зданием, в котором никогда не был дух жизни. Однажды в гончарной появилась гончарница Надежда. Она носила длинную широкую цыганскую юбку и ярко-красную блузку, на шее у нее был шелковый шарф из смеси разных темных цветов будто вырезанных из тонкой зелено-золотой жести, покрытой пылью. Юбка ее была сшита из разных цветных матерчатых кружков. Каждый матерчатый круг обтягивал разноцветные жестяные пластинки. Когда она ходила, говорили, что она летала над всем, что находилось в старой гончарной, из-за стен раздавался тонкий звон сталкивающихся между собой кувшинов. Бело-медная пыль лежала на всех предметах. На длинных сколоченных деревянных столах лежала влажная живая глина. Откуда она привозилась и кем, никто не знал, известно было только, что она была из дальней земли. Говорили, что она прилетала белым песком вместе с сине-небесным ветром. Гончарная была трехэтажным просторным зданием. Трех внутренних этажей не было. Зато был балкон-лофт, выходящий внутрь. Балкон никуда не вел и был во всю ширину здания. Над балконом, внутри гончарной, висел желтый щит, на котором большими буквами во всю стену была надпись: Господь Бог правит Небесно-Деревянной дорогой. Толстые каменные стены неизвестно какой толщины сами поддерживали себя и также держали крышу. Гончарница Надежда сидела за своим большим механическим колесом и делала кувшин из сине-небесной глины. Река Братьев протекала зади гончарной, огибая ее, а потом отдалялась и терялась у горизонта. Прежде никто не слышал странного звона кувшинов, поэтому люди останавливались и заглядывали в окна гончарной. Там они видели гончарницу Надежду, вращающийся круг, ее цыганскую юбку и шарф с пыльными жестяными цветами.

9.

Тринадцатого января 1953 года, Сталин знал, к чему все двигалось, к чему все составлялось, он знал, что произойдет сегодня, 13 января, что произойдет завтра, после этого дня тринадцатого января: кто будет убит, кто будет уничтожен в подвалах на Лубянке, а кому будет разрешено еще стоять в очереди за хлебом: кому пайка, кому водка, а кому кайло и деревянный бушлат в мерзлой тундре.

После войны с Гитлером прошло восемь лет и в стране было голодно и холодно. Зимним русским морозом обжигало кожу страны.

И он, Сталин, знал, к чему все двигалось, к чему все составлялось. Списки нужны были, списки всех евреев Советского Союза, со всей нашей необъятной Родины!

Главным признаком Бога было: создавать будущее или убивать его, кому давать жизнь, а кому смерть. И он тайно думал о возможном собственном бессмертии.

Сталин вызвал к себе Берия-Хрущева: Я, Сосо-Коба-Сталин-Джугашвили, хочу, чтобы евреев убивали в каждом дворе, в каждой подворотне. Хрущев ответил вымуштрованно, подобострастно: московская партийная организация предана вам, товарищ Сталин! мы за Вас свою жизнь готовы отдать! товарищ Сталин! московская партийная организация выполнит любое Ваше поручение, Иосиф Виссарионович! любое поручение партии! Потому что партия и Сталин — близнецы-братья! Первым ответил, успев вклиниться до Берии, пока тот свою грузинскую пасть раскроет. Сталин посмотрел на Хрущева, не доверял ему, но понравилось сказанное прямым и простым русским человеком Никитой. Сказал: Ты, голуб Никита, немного путаешь, — трубку свою сосать начал, — это лучший советский поэт, Маяковский про Лэнина сказал, а не про Сталина, тебе надо в школу пойти учиться, голуб Никита! Хрущев сказал: Так точно, товарищ Сталин, пойти учиться! Сталин — наше знамя боевое! Сталин — нашей юности полет! С песнями, борясь и побеждая! наш народ за Сталиным идет! Сталин довольный сказал: Иды, голуб Никита, пока ходыт умеешь! Ты хараше паньмаешь марксистко-лэнинскую науку! Убывай евреев в каждой подворотне! Пусть великий и могучий русский народ докажит на что он способен!

Когда же Берия уходил, Сталин возвратил его обратно, долго смотрел на него, ничего не говоря, раскуривая свою трубку, трубку мира раскуривал вождь всех народов. Берия повернулся к нему, блеснув своим пенсне. Боялся, что прямо сейчас он, Сталин-Коба-Сосо-Джугашвили, убьет его, Берию. Он знал, что в пенсне он, Берия, выглядел профессором, а Сталин не любил профессоров. Одно спасало Берию что, когда надевал пенсне, он как бы преображался в того, другого человека, которого убил по приказу Сталина. Этого другого человека, интеллигента, он помнил всю свою жизнь, хотя и безо всяких собственных чувств. Первый раз он надел пенсне, когда впервые, собственноручно, то есть своими собственными руками, сам, в пыточной, убил своего крестника; тогда он выстрелил ему в затылок, сам же рванулся в сторону от выстрела, нащупал на столе следователя пенсне убитого, которое тот снял перед смертью, нацепил пенсне на себя и вышел из пыточной новым, другим человеком, тем, убитым, вышел, новым человеком! а когда выходил, слышал, мешком свалился со стула убитый им человек. А потом вошел к Сталину в пенсне, чтобы сказать ему: все сделано, как ты Сосо-Коба-Сталин-Джугашвили хотел, я убил его по твоему приказу. Да еще так

же прошелся перед Сталиным, как тот ходил. Особое свойство появилось тогда в нем: мгновенно превращаться в того, кого убил! А Сталин даже усом спасибо не сказал, только подумал: теперь ты всех, кого я прикажу, будешь убивать! И сейчас, поворачиваясь к Сталину, блеснув своим пенсне, Берия вспомнил убитого и подумал, что настала теперь его собственная очередь. Холодок пошел изнутри, будто Сталин сам собирался сейчас снять его пенсне и убить его. Сталин сам убьет его в затылок сейчас, а потом снимет с него пенсне и наденет его на свой сталинский нос, чтобы увеличить свои желтые мелкие глаза!

Сталин медленно теперь ходил, будто решал исход самого главного своего сражения, просил привести митрополита, православного человека, поговорить с ним о бессмертии, когда человек может стать бессмертным, какие нужны были условия для этого? Беспокоил его библейский факт об отце еврея Авраама, который жил 200 лет, а сам Авраам почти сто пятьдесят, а если православный митрополит не поможет, то надо было найти умного еврея, а не православного попа. Евреи иногда тоже полезны, такие, как Наум Этингон: организовал убийство Троцкого, или Ягода: отравил Лэнна, в котором тоже наша кровь течет, многих других отравил по моему приказу! преданные евреи люди, слово свое могут держать, мог его, Сталина, отравить, но не отравил его, Сталина, потому что дурак был, ему, Сталину, был предан, - что не паньмают, что никому преданным быть нельзя, три тактики и три составные частимарксизма не знают евреи! первая тактика убивать, вторая тактика убивать! и третья тактика убивать! это Сталин потом его сам Ежовым убил! все знают, только боятся свою собственную жизнь спасать! Может, они тайну жизни знают Лаврентий, а? Может, они мертвых в живых превращают? Знают, но не говорят, скрывают от всего мира! На калэни нас хотят поставить! На калэни хотят поставить великий русский народ-победитель! На калэни хотят поставить великий советский народ-победитель!

Сталин сказал: А ты, Лаврентий, лучше сними пенсне, я хочу увидеть твои честные глаза, Лаврентий. А то огнем блестя, сгореть можно! Блестят так, будто убить меня хочешь!

10.

Несколько машин обошло Сталина справа и слева, будто он был сам охранной шавкой, а не диктатором империи. Машины шли ходко, с подвывом, будто стая волков летела за добычей.

Потом он вновь был среди них, потом ушел несколько вперед, но не на первое место, где в форме генералиссимуса мчали его двойника. Унеслись из Кремля, где измеряли, отравлен ли воздух, а летели теперь в другое место. Врага надо было брать тепленьким, неожиданно.

Путь был недолгим, на Спиридоновскую, где стоял особняк мида, особняк Министерства Иностранных Дел.

Проскочили Никитские Ворота. Неожиданно увидел: из особняка, где раньше жил знаменитый пролетарский писатель Максим Горький, а в прошлом это был особняк — замок знаменитого русского капиталиста Рябушинского, метнулась перед ним черная кошка в сторону закрытой гулкой и пустой церкви.

Это была большая церковь Святого Вознесения, где венчался когда-то Александр Сергеевич Пушкин и Наталья Гончарова. В советское время церковь

была большей частью в запустении, спасибо, что не взорвали, она открылась только однажды, в 1941 году, когда немец стоял в двадцати километрах от Москвы, и Москву беспрерывно бомбили, а в 1953 году там частично располагались какие-то механические мастерские, остальное же пространство было пустым.

Кошка принадлежала соседке дворника Ивана Михайловича, жившего во дворе дома номер восемь по Малой Никитской — тихая опрятная женщина имела восемь кошек разной масти, включая и одну черную, с гладкой блестящей шерстью. Именно она метнулась перед летящей акульей сворой Сосо-Кобы-Сталина-Джугашвили, блестящая чернота своры взметнула в ней вихрь собственной жизни. По поводу же владелицы кошек, было такое впечатление, что она только наблюдала за чьей-то проходящей мимо жизнью и растила своих кошек, а скорее всего, была тихим, так называемым, спящим человеческим агентом, наблюдавшим за порядком имперского двора.

Особняк-дворец Рябушинского углом выходил на две улицы: на Малую Никитскую фасадом своим, и другим фасадом, углубленным краем-стеной своей он выходил на Спиридоновскую улицу; но он окружен был еще мощным высоким забором, так что простые жители Москвы могли видеть только величественные деревья старого сада, громадные окна особой формы в темно-дубовых ветвистых переплетах и особого размера, и возвышающиеся стены нерусского красивого замка. За ним, по Спиридоновской улице, также отделенное забором от всей остальной жизни располагалось другое известное в Москве здание, двухэтажный особняк-дом важного советского писателя, в прошлом графа, Алексея Толстого, которого даже Сталин любил и не убивал, не потому что он был граф, а потому что граф этот был нужен, ему, Сталину, — граф блистательно служил советской власти. Впрочем не только он, граф Алексей Толстой, но и другие, так называемые, советские и иностранные аристократы-графья, и их отпрыски, внуки и правнуки, вполне доказали, что за жизнь свою вполне готовы были облизывать вонючее место главному охраннику империи и всем будущим охранникам после него.

Сталин сразу же, после кошки, изменил решение, куда надо было мчаться, обронил: к Берии, будто все заранее знал, знал, что за воротами в доме Горького ждала засада, за глухими воротами были люди с пушками, ждавшие его, чтобы убить. Это было покушение на него, Сосо-Кобу-Сталина-Джугашвили. Машина его вместо поворота помчалась дальше, по Малой Никитской к дому Берии. Вот так он бежал из отравленного Кремля, а попал в новую засаду-заговор! И снег все летел бельми тяжелыми хлопьями по черному небу, а солнце было будто бельмо слепого и прямо этим бельмом-глазом смотрело на него, Сталина.

После мгновенного испуга Сталин оправился, взглянул на своего холуя, генерала мgb, Рюмина, напряженно сидевшего всю дорогу рядом; Сталин посадил его с собой рядом намеренно, потому что если мgb, то есть сам Рюмин, убьет его, Сталина, то оно — мgb убьет и своего генерала, генерала Рюмина, который на еврейских делах быстро вырос от полковника до заместителя министра мgb. Это товарищ Сталин растил его, новую звезду государственной безопасности! Бывший министр, Абакумов, не справился с еврейским делом! Михозлса убил (13 января 48 года!), а с делом не справился! Не получилось международного резонанса о еврейском заговоре, об американском шпионском центре! Чем хорош был еще Рюмин, что был маленького, короткого роста, меньше даже, чем сам он, Сталин и поэтому Сталину было на него приятно смотреть. Сталин бросил ему: кошку-троцкистку, проститутку, расстрелять, захлебнулся злобой, забылось, что нужно было сказать дальше!

Но тут же Сталин вспомнил прошлую ночь, еврея и его молитву, кто-то все ходил по его кабинету, и ни он, ни его охрана никак не могли схватить его, поймать, а сейчас всего лишь за одни сутки была вторая попытка покушения на него!

Сейчас его жизнь убежала за ним, из отравленного Кремля, от ночного покушения, и летела вперед акульим лимузинным блеском! Человеческая комедия жизни летела пляской следом за ним!

Рюмин не знал, что нужно было ответить, то ли засмеяться шутке вождя, но тогда бы он смеялся бы и над покушением на вождя всех народов, то ли сейчас же остановить кавалькаду и броситься ловить кошку, а возможно, следовало бы немедленно осадить бывшую усадьбу Рябушинского тройным кольцом агентов, поставить на ноги все мгб,- и не решаясь ни на что, выпалил, что подсказало ему его собственное крестьянское лакейское нутро, возвращенное тысячелетним рабством его предков, что оказалось самым надежным и безопасным ответом в той стране, в которой он жил, и в то время, в котором он жил: всех! Иосиф Виссарионович, расстреляем, всех! кого только пожелаете, расстреляем! по мановению вашего пальца, расстреляем!

Сталин уже смотрел мимо, суженными своими мелкими глазами с желтизной, которые все его портретисты значительно увеличивали, чтобы придать им нормальное и даже теплое выражение, но смотря так мимо, в будущую свою жизнь, слыша своим внутренним костным слухом нужный ему ответ, Рюмин отвечал правильно! сказал: и тебя расстреляем, Рюмин, если еврейское дело, дело врачей, провалишь!

Страх Сталина происходил, на самом деле, не оттого, что дорогу его пересекла опрометью черная кошка. Это, конечно, имело значение для него, отца всех народов, как и малейший шорох и звук происходивший в империи.

Но главным было другое: сумасшествие прошлой ночи, когда вдруг всем показалось, что Некто еврейский, опустился-прилетел в ночь на тринадцатое января на Красную площадь и теперь жил в его сталинском кабинете! зашло это ночью в него от его собственного сна и от сумасшедшего еврея, который все бесконечно долго молился, что смерть придет от евреев для него Сталина, но никто его не видел и не смог поймать! он прилетел и он улетел! потом Берия схватил несколько похожих верующих стариков и они истерзанные Берия в его персональной пыточной умирали в подвале, в десяти шагах от его дома.

Историки и секретные службы империалистов до сих пор не знают, что в нескольких десятках метрах от дома-особняка Берии была устроена в небольшом одноэтажном домике, выходящем на знаменитое московское Садовое кольцо, в подвале, персональная пыточная господина Берии: чтобы далеко не ездить и не ходить, рядом с домом, с его собственным особняком. Никому не было дано знать тогда, что домик этот, превратится потом много лет позже в ателье, что он будет стоять рядом с домом музеем Чехова, и что свидетелем страшного времени все еще останутся в подвале-складе ателье каменные мешки, железобетонные со стальными дверьми, размером для одного человека, в подвальной стене со стальными дверьми. Не знаю, стоит ли он там сейчас, в 97 году, но в 81 году он еще был там.

Один из стариков говорил все время одно и то же, и чем более его били и пытали, тем все чаще, приходя в себя, он все повторял, что пришло время, когда вторая голова зверя исчезнет, умрет в небытие, что в Москву, на Красную площадь должен был прилететь, опуститься, Еврейский Бог!

Страшным было то, что это был тот же еврей, сидевший прошлой ночью в его кабинете, которого никто, кроме Сталина не видел. Он что-то знал, что не знал никто другой. Никто, например, не знал, что означала вторая голова зверя. Лубянским телепатам это тоже было не под силу.

Все бы это, куда бы ни шло, — все это можно было бы назвать бредом истерзанного человека, если бы не подробности его, Сталина, собственной жизни, которые кроме него, Сталина, и секретных его людей, никто не знал. Когда еврея спросили, как он может доказать, что все это правда, избитый и истерзанный славными чекистами, он вдруг на глазах начал молодеть, стала молодеть его черная борода сиянием небесного черного крыла, которое Сталин видел накануне во сне летевшим в небе, он, еврей, ответил, что Сталин видел во сне, что он видит сейчас, летящее сияющее крыло, на котором спускался на Красную площадь Некто, что одна рука Сталина полусогнута в локте, а два пальца на его левой ноге срослись, что он приказал построить себе подземный железобетонный бункер из восьми симметричных комнат. И что Некто, на сияющем крыле, опустится на Красную площадь, чтобы совершить предначертанное в реестре времени возмездие. Потом шла длинная монотонная молитва еврея, Сталин же слушал ее злорадно, зная, что он, Сталин, готовил на Лобном месте, и улыбался. Конечно, ни в какого еврейского Бога, летящего на сияющем крыле, он не верил, но еврей говорил правду, он видел сон этот накануне, железобетонный бункер уже был построен, и на левой ноге два пальца его срослись.

Он вздрогнул, тревожное, леденящее, сотворившее все время, летело в нем сейчас мгновением еврейского видения, иссиня-черным сияющим божественным крылом, и Красная площадь увиделась теперь вымершим пустым местом. И хотя смеялся над сумасшедшим, но было странное состояние, будто была правда его собственной жизни в словах еврея! Оттого и был с утра мрак, оттого бельмом слепого смотрело на него, Сталина, солнце, чтобы потом из мрака вылететь убивающим небесным черным крылом.

Слух приходит неожиданно, как и война, чаще всего без объявления, а потом молниеносно, со скоростью звука, распространяется по Вселенной и по необъятным просторам империи, и чем необъятнее, тем он быстрее летит над землей, будто синий небесный ветер Бога, охватывает всю землю и через мгновение уже некуда деться от этого слуха, уже люди не шепчутся, а говорят об этом вслух, как об известном и доказанном факте жизни. Так думал маленький рябой человек Сталин, самый могущественный человек земли, 1953 года от рождения еврейского юноши Иешуа, и он хотел убить этот слух живой настоящей смертью.

11.

Чудеса бывают на земле, и они весьма и весьма уместны, и автор может засвидетельствовать это опытом своей собственной жизни, о котором здесь говорить автор считает не ко времени. Но разговор об этом заслуживает самого высокого приоритета, и мы надеемся еще к этому вернуться. А пока, любознательному читателю, мы оставляем подумать над чудом, произошедшем в 1941 году, когда Провидение столкнуло лбами два фашистских режима: сталинский социализм и гитлеровский национал-социализм! Столкновение, приведшее к неисчислимым страданиям и бедам, к уничтожению миллионов людей, имевших несчастье ро-

дигься и жить тогда. Автор полагает, однако, что это и был тогда оптимальный путь сохранения всей жизни на земле — столкнуть их лбами! если вдруг встать на точку зрения существования высшей силы, кровно заинтересованной в сохранении жизни на земле. Повремени Провидение, эта самая высшая сила, кто знает, куда бы скатилась сначала Европа с Россией и Азией, а потом и наивная, усердная в своем невежестве, Америка.

Настало скрещение времен, свободная воля людей, как это случалось уже не раз, завела человечество в тупик, пора было вмешиваться Провидению. Оставляя теперь читателя с этим размышлением, вернемся к тем прошлым, пожалуй, более конкретным временам. Так случилось и с этим фантастическим слухом о прилете Бога (который автор сам слышал, и даже видел невероятное, проживая в то тревожное время в юношеском состоянии в Москве), пока акулья черная свора Сталина мчалась по тревожно-судорожной Москве, отливая блеском своих черных лимузинов, мимо дома, где автор имел счастье проживать и самолично, выйдя из дома, наблюдать несущуюся сталинскую свору. Автор видел, как по черному небу шел белый необычный снег, и когда он прошел по Малой Никитской мимо церкви, где венчался Пушкин, и мимо особняка Рябушинского — дома Горького, после метнувшейся из-под ворот кошки, и когда он взглянул в черное небо с белым снегом, сам увидел: летел к земле огненный бесцветный столб и огненный горящий песок рядом, и от страха он упал к земле и старался все глубже зарыться в нее, раздирая свою кожу, будто столб должен был сжечь всю землю. В то же самое мгновение, само собой получилось, что слух о прилете Некто уже пронесся сквозь стены московских домов, сквозь степи и леса России и Малороссии, он пролетел, будто горный орел над кавказским хребтом! над вершинами Памир и Гиндукуш и над пиком Ленина и Сталина, и над пиком Победы! сначала, правда, он пролетел над империей: когда автор посмотрел вверх, в небо, была ночь, он увидел оторванную голову Сталина, висевшую неподвижно в небе, освещенную прожекторным светом, другие же люди утверждали, — оказалось, что очень много людей смотрело каждый день в небо, будто ожидая чего-то, но чего ожидало, не знало — что было две головы, одна была похожа на ленинскую, тоже лысая и с бородкой, а другая была сталинской, почему-то этот слух превратился в слух о прилете Некто, хотя приятель автора утверждал, что испытывалось новое советское оружие, которое, используя сворованную американскую атомную бомбу, должно было покончить с мировым империализмом, и что эта ракета была покрыта портретами Ленина и Сталина, что это летела советская новая ракета, низко, чтобы все видели, а не сталинская оторванная голова! неизвестно дошел ли до Сталина этот слух, или у лубянских телепатов были более веские данные, но слух есть слух, он рождается сам по себе, живет своей собственной жизнью и издает свои собственные приказы по всей империи.

Советская империя, как известно, была обширной, она занимала одну шестую часть суши всего мира, и слух теперь тоже занимал одну шестую часть света!

Тринадцатого января 1953 года вся страна, вся одна шестая часть суши, в разделе хроника, в газете "Правда" прочитала новое экстренное сообщение. Это было сообщение об извергах человеческого рода, евреях-врачах, евреях-убийцах. Убийцах в белых халатах. Заговор, или дело врачей!

Генерал мГБ Рюмин и был тем человеком, кому было поручено, так называемое, дело врачей.

Потом это сообщение полетело по всему миру, в Европу, Америку и Африку, в остальные пять шестых частей Земли. Но для всего мира это сообщение не

было началом нового геноцида евреев. Все человечество, все так называемое, прогрессивное человечество, с восхищением смотрело на вождя всех народов и с восхищением внимало всему, что исходило от него.

Хотя Европа и была разрушена после войны и хотя она в полной мере узнала, что означал для нее фашизм, Европа еще только оправлялась от последствий разрушений и бедствий своих, она все еще не осознавала, что означал советский, сталинский фашизм. Наоборот, освободителями Европы были сталинские дивизии, русские солдаты пришедшие с востока, и сообщение это, об извергах человеческого рода, не связало для нее, Европы, Сталина и социализм с истинным фашизмом, а судьбы мира с судьбой евреев в один неразрубаемый узел.

Будто мало было войны 1941-1945 годов, унесшей 20 миллионов жизней, 34, 37, и семнадцатого годов особого двадцатого века, уничтоживших жизни и достоинство всех народов, населявших бывшую царскую империю, будто мало было страданий и несчастий и беды, которые принесли 35 лет советской власти, будто мало было смертей крестьян, рабочих и солдат, — теперь начинался новый виток злодеяний, по мнению автора, приведший к распаду одной из самых жестоких на земле империи зла.

Нашу идею выразим просто: уничтожение евреев приводит к уничтожению мира.

Оттого это происходило, что мир не связывал тогда еще, да и сейчас, на пороге двадцать первого века, не связывает судьбу евреев со своей собственной судьбой и с судьбой мира в один неразрубаемый узел жизни.

Мир не понимал, что смерть или убийство части означало смерть или убийство всего целого. Мир этого не знал и не знает сейчас. Ветер Вселенной летел над миром, но мир этого не знал. Ветер Вселенной нес песок прошлой жизни над землей, который когда-то был жизнью. Опыт войны 1941-1945 годов, по крайней мере, для России, как бы прошел бесследно. Война не разрушила сталинизм-фашизм, она его укрепила. Война еще более ослепила Сталина. Гитлер не смог уничтожить всех евреев, теперь это хотел сделать Сталин.

Создатель всего смеялся над злом.

Он, Создатель всего, Он был всегда, Он есть всегда, Он будет всегда. Бог неубиваем. Только Небесный ветер Вселенной летел над миром, засыпая прошлую жизнь белым слепящим песком.

12.

Сталин сам теперь, в который уже раз, начинал снова и снова читать собственное сообщение, которое он сам, всего каких-нибудь несколько часов назад, ночью, как всегда, боязливо было засыпать, одобрил. Стоял перед ним Рюмиц, вытянувшись по струнке, специалист по еврейскому вопросу!

Здесь в Кремле, над спящей судорожной Москвой летал его, Сталина орлиный дух, и он, Сталин, решал на всю страну, кому суждена пайка с кайлом, а кому водка с хлебом, он, Сталин, назначал каждому судьбу: жизнь, или смерть.

Сталин с тайным мстительным чувством представил, как вся страна читает сейчас его сообщение, он сам себе говорил голосом (еврея!) Левитана, это его, Сталина-Левитана голос благородным громоподобным торжественным негодованием вещал на весь мир: говорит Москва! работают все радиостанции Советского Союза! Только голос этот был с грузинским сталинским акцентом.

Кузнецы его счастья теперь сидели в башнях Кремля, на Лубянке, в здании зловещего НКВД, бывшего некогда страховой компанией, в подвалах государственной безопасности по всей стране, пытая и убивая, или, применяя клише знаменитых совковых газет: на заводах и фабриках, в институтах и больницах, на колхозных полях и пашнях. Они сидели в каждом медвежьем углу этой необъятной страны, в красных погонах и голубых мундирах — войска мГБ, — на суше и на воде, под водой и над водой, — а в синем небе сталинские соколы сторожили империю с воздуха, чтобы на нее, империю, не напали бы империалисты, агенты международного сионизма!

Это был год великих побед и теоретических свершений, теперь Сталин нашел главное звено теории, вместе с делом врачей нашел! ускользавшее от него по ночам: раньше передовые марксисты считали, что сионизм есть агент международного империализма, а он, Сталин, открыл, что это международный империализм есть прямой агент сионизма! агент и пособник международного сионизма! его соратник, Ленин, наверное вертится сейчас в своем гробу в мавзолее, оттого, что не он это придумал! наверное, икает без усталости, надо бы заглянуть к нему, к Ленину, когда день: сто лет со дня смерти будет! в две тысячи двадцать четвертом году заглянуть! в январе, как раз, как сейчас будет, январь, проведать старика, окружить мавзолеей войсками мГБ, и его, сталинской заботой, а потом войти к нему, к Ленину, поговорить по душам со стариком, со своим соратником! И тут же мелькнуло у Сталина: хорошо, что он, Сталин, меняет караул у мавзолея Ленина, а не Ленин, меняет караул у его, мавзолея Сталина!

И когда подумал так, про январь 2024 года, про будущее столетие со дня смерти Ленина, вновь вспомнил сегодняшнее солнце, будто бельмо слепого, смотревшее прямо в упор, утренний ровный сумрак, будто перед концом света, и почувствовал, что вновь кто-то перекрыл его кровь в венах, кто-то душил его жизнь еврейскими костлявыми старческими руками, и когда увидел слепое солнце, захрипел слоной в лицо Рюмина: Бога надо убить! убить Бога надо, Рюмин! убить надо Бога, еврейского Бога, надо убить, Рюмин!

Январь и почти весь февраль прошли в злобном ожидании казни. Приближался еврейский праздник Пурим — пятого марта. Избавление от злодея. Поэтому и казнь евреев была намечена на пятое марта. Посмотреть хотел товарищ Сталин, чем на это его действие ответит товарищ Еврейский Бог? Но, на всякий случай, в рубиновых звездах Кремля, расставил таманскую дивизию, зенитки поставил, чтобы Бога убил, когда он опустится на Красную площадь, на кладбище революции, опустится вздумает!

Списки евреев по всей стране собирали, кругом были одни евреи! По всей стране!

Потом он стал рассматривать свое лицо, ища в нем хотя бы скрытые намеки мужества и благородства: лицо обсыпанное рытвинами оспы, густые черные волосы, узкая полоска лба и тут же густые брови, усы. Под бровями совсем мелкие желтые глаза, будто не его были глаза, а из другого мира, из другого чужого мира, вставленные в него этим миром. Короткие ноги. Особенно эта неизбежность: короткие ноги и желтый цвет мелких свиных глаз, от чего нельзя было избавиться никогда: глаза не покрасишь другой краской, а ноги не вытянешь, — вызывали злобное уныние. Если бы природа вырезала его глаза больше. Тогда и желтый цвет, хоть чужд был человеческому лицу, но дал бы новое живое ощущение всему его облику. Большие желтые глаза и густые черные волосы, не так уж это плохо! Воз-

ника негасимая злоба: кто она, эта природа, кем она была! выше человека прыгала, выше человека была! что сделала, то уж не изменить, не переокрасить в другой цвет! Но другое можно сделать, чтобы желтые глаза стали миром самим, самой природой, чтобы они бы светили бы над ней, летали бы над ней, над природой! котлованы-каналы прорыть по всей земле! Змею с голубем скрестить, чтобы по небу бы змеинные голуби бы летали, змеинный бы красный голубь-зверь летал бы, и желтые глаза тогда стали бы миром самим.

Но не вырезал его лицо Господь Бог иначе, а таким, каким он был: желтые мелкие свиные глаза, узкая полоска лба, короткие ноги. Два сросшихся пальца на ноге, не хватило у природы желания доделать то, что начато было, разочаровалась в нем природа, когда увидела, что получается, сил на него не желала природа трагить, отделить их, два пальца, чтобы было как у всех людей, один короткий удар ножом всего лишь! Но ничего не сделала, не улучшила, не отделила.

Блеск ножа придал ему силы.

Опять пришел к нему его собственный свет жизни: другое можно сделать, — чтобы желтые глаза стали миром самим, самой природой, чтобы они бы светили бы над ней, летали бы над ней, над природой! Как два прожектора его революции. Тогда природа была бы над Россией, а он был бы над природой!

Жадный оказался Бог, скаредный, слепил, да и только. Люди еще говорят, что глаза — это зеркало души, и он знал, что души у него не было. Потому что душа — это буржуазный идеализм, душа была частью Бога, но тогда надо было бы признать существование самого Бога, которого не было, — придет время, и он это докажет всему миру! Даже с двумя своими сросшимися пальцами на одной ноге докажет!

Змеинные голуби будут летать по небу и голубинные змеи! Голубя в змею, он, Сталин, превратит, по всему миру его голуби летать будут!

Думая так, он не знал, что это его сон, теперь уже в дневной его жизни, приходил к нему.

Он усмехнулся мстительно и злобно, чего не было видно никому, даже если бы кто-то и был здесь, рядом с ним: только усы шевельнулись, усы были надежным прикрытием, а желтый цвет глаз надежно скрывал злобу собственным своим цветом, без примеси и без иных жизненных оттенков.

И снова, сейчас, как и давно уже прежде, он сам снова выбирал для себя другой путь: без души и без Бога.

Бог не дал ему ничего, кроме того, кем он был на самом деле: коротконогим уродцем-пигмеем. И он, Сталин, не задолжал ему, Богу, ничем, и не был ему ничем обязан. Отец его хотел сапожником сделать, а не священником. А мать священником, поближе к Богу, чтобы был. Хорошей жизни хотела для него, чтобы жил, как у Бога за пазухой. А он сам, бога за свою пазуху заткнет, положит его туда, куда захочет сам!

А ведь и он начинал от, так называемого, бога. Когда это было? Уже лет двадцать шесть прошло, в 1890 году, учил даже древнееврейский в церковной горийской школе, греческий, русский язык. Потому что бог говорил на древнееврейском, Христос сам был евреем, сам на древнееврейском говорил, от них все пошло, оттуда, от розовых холмов Иерусалима!

Все пошло отсюда. И тут вновь пришел странный его сон, хотя и не было в нем сначала самого страшного обычного места, сон, который он давно видел еще в ссылке, свою всю будущую жизнь: неслись какие-то красные знамена, Кремль, все

неслось мимо внизу, мелькало, толпы кричащих людей, его, Сталина имя вопили, его собственный портрет во все ночное небо, в красных лентах и орденах, освещенный тысячами прожекторов, он еще подумал, что начнут топтать его ногами, портрет его, но не затопали, а только в восторге вопили имя его! а где же страшный-то сон? подумал он, Сталин, и потом вдруг, провал всего, одним мгновением пронеслась вся его жизнь! будто летел он в пропасть и не в силах был шевельнуть даже пальцем — все было отнято обратно, все его силы — и под ним розовые иерусалимские холмы и ослепляющий его своей летящей белизной-белый падающий на него город на розовых холмах; появился старик — еврей, который все шептал свои молитвы, спрессовывая все время вместе, и его вместе со всем временем, с падающими домами, с горящей землей, взгляд еврея проходил через все предметы, ни в чем не оставляя своей энергии и своего света, превращая все в небесно-синий ветер вселенной, потом мелькнула внизу синяя площадь, красная мраморная гробница посреди синей площади, каменная брусчатка площади-мостовой, и его собственная кровь — жижка все, что осталось от него после мгновенного его падения, когда весь белый город вошел в него, размалывая его и дробя своим белым камнем.

И в мертвой тишине, когда все звуки мира для него уже исчезли навсегда, слышен был только голос древнееврейской молитвы: для тебя сталин, для тебя, смерть придет от евреев, сталин, от евреев, от евреев смерть придет для тебя! и собственное имя его стало куском разбитого камня с его собственной могилы, и выбито оно было мелко, выщербленное рядом простых мелких букв: для тебя сталин, для тебя, смерть придет от евреев, от евреев она придет! Она придет не из твоего дома, не из горных вершин, где летает горный орел, из пустого мира она придет, из мира, которого нет, который не существует, из пустого мира она придет, от их вымышленного несуществующего Бога, а не от горных вершин! над которыми летает горный орел, от Аврама и Сарры она придет, от Мойши и Хайки она придет! От евреев она, твоя смерть, сталин, придет! И вот это и было самым страшным, их угроза, и что мир узнает, кто он был на самом деле, коротконогим кровавым пигмеем! а не то, что он сам превратился в кровь-жижку, потому что их, обещанная ему смерть, могла бы быть только такой, чтобы узнал весь мир! кто он был на самом деле!

И все это произошло в одно его то мгновенье, когда подумал он, Сталин, о собственных желтых глазах, которые летали бы над всем миром и были бы единственным его светом — единственным светом мира.

Никак не мог вспомнить, откуда взял про розовые холмы, про семь холмов, на которых стоял город, про Иерусалимские ворота. Да, вот так было — явь, будто он, Сталин летал над ним, и из розового утреннего рассвета поднимался белый город.

Он хотел было начать теперь раздевать самого себя, чтобы вновь увидеть убогое свое тело, чтобы решить, какое искусство надо было бы применить, чтобы скрыть от глаз людей врожденные его дефекты, собирался вновь, в который уже раз обглядеть свои сросшиеся пальцы и грудь, но после странного приступа, в котором он пережил уже собственное свое раздробление и смерть среди белых камней, сил не было.

На этом его собственное рассматривание в зеркале закончилось, — после этого рассматривания, хотя и не было сил, он будто получал новый заряд жизни, который еще должен был возрасти в нем энергией бытия, хотя он и не задумывался, и не знал, отчего и откуда, из какого желтого мира, шла эта жизнь к нему, будто так было предопределено кем-то заранее и задумано его собственным желтым богом.

Теперь, когда она, эта новая его жизнь, приходила к нему, он видел далеко, в будущем мире, едва светлело желтизной его собственных глаз из сплошной тьмы, и он начинал опять рассчитывать и обдумывать свою будущую жизнь, каждый свой будущий шаг, каждое свое слово и жест. Приступ его, скрытый ото всех людей его тщательным обдумыванием своей жизни и действий, наконец, прошел.

Он раскурил трубку, что означало для него начало новой жизни, в другом фантастическом ее измерении, в дыму его сражений и его будущих битв, не на жизнь, а на смерть, куда никто никогда не мог проникнуть: они варились и сжигались в сером, своем собственном пепле и рассеивались небесным ветром мира, левевшим над землей.

И если бы мир видел и знал, что он, Сталин, видел и знал, что означала его собственная свобода от мира, то мир содрогнулся бы.

В такие минуты он знал, кем он был, и он знал, в эти минуты, что мир еще узнает его, кем он будет, и он знал, опять в тайном своем месте, что мир еще будет твердить и заучивать его, Сталина, имя! до смертной своей гробовой доски!

13.

Любовь в эту ночь пришла к восемнадцатилетней гончарнице дважды. Первый раз был темно-красный рассвет, конец ночи и это был только сон. В гончарную вошел Некто, тайна времени влетела небесным ветром, и вещество жизни, называемое любовью, взлетело ввысь в ней, от кончиков пальцев ее ног, до ее шеи и губ. К счастью, это был только сон. Второй раз был ее муж, который вчера вернулся из своих странствий по окрестностям небесно-деревянной дороги. Мужа своего она нашла на мусорной свалке, на джанк-ярде, где доживали свою жизнь старые разбитые машины, ненужное ржавое железо, резиновые покрышки стесанные дорогами. Будущий ее муж был бродяга, он жил в кузове старого форда. Муж-бродяга одолжил деньги у своего отца, жившего возле Черепашьей шеи и купил себе телескоп с тысячекратным увеличением. По ночам, когда на джанк-ярд спускалась ночь, он вытаскивал свой телескоп и направлял его на разные звезды. Телескоп был завернут в старые джинсы фирмы Гэп, труба пряталась в штанину, а поверху в старый цветной квилт его матери.

Однажды, когда Надежда-гончарница ждала темно-красный рассвет, чтобы положить его потом на свои вазы из медной и белой глины, дабы вазы стали веществом жизни, она встретила длинноволосого бородатого человека, который бродил от тоски по окрестностям небесно-деревянной дороги. В следующую ночь они встретились на его джанк-ярде. Из секретного места из багажника Олдсмобила он достал свой телескоп и рассказывал Надежде о чудесах звездного неба. В ту ночь она увидела движущийся Сатурн и его кольца. Земля, на которой жила она, никогда не двигалась. В эту же трубу она увидела целую планету, движущуюся ей навстречу. Ее будущий муж огулился ее астрономическими познаниями, рассказывая ей о более счастливой и возможной жизни на других планетах. Хотя она ничего не знала о движении звезд и не понимала о чем он говорил, однако, поверила его вдохновению, что имело романтическое продолжение среди чудовищ джанк-ярда. Покрывалом для них была южная темная ночь с большими яркими звездами, а ложем движущийся сияющий Сатурн.

14.

Иосиф Сталин сидел в своем кабинете и трясущейся рукой старался набить трубку, забывая раскаленный пепел старого обжигающего пальцы слоя.

Но дым вываливался, расходясь мгновенно тонкими плавающими тарелками. Они вытекали сквозь стены его кабинета. Сталин стал стрелять, но был не в силах уследить за разорванной тканью дымных слоев: они мгновенно заживали, срастаясь, и после стрельбы, после всей обоймы, они также уходили сквозь стены, будто ничего не произошло, дым появляясь, исчезал, оставался только сладкий запах сожженного табака Герцеговина Флора.

Будто для заглушения гниения в трупной, на кладбище, кто-то обрызгал тело его флаконом специальной трупной жидкости.

В небе, за Рекой Братьев, увидел Регистратор, вдали от гончарной, несущиеся остекленные глаза сталина.

Пятого марта Сталиным было намечено начало еврейских казней на Красной площади. В этот день должны были начаться еврейские погромы и высылка в Сибирь для полного уничтожения в бараках, построенных в одну доску, с открытыми торцовыми стенками, так, чтобы русский мороз и ветер смертным движением мерзлоты выжег бы их жизни, вместе с их еврейским Богом на все времена. Сталин полностью перестал быть на земле пятого марта 1953 года. Теперь душа его не могла стать даже душой таракана. В этот же день, пятого марта, так распорядилось Провидение, начинался еврейский праздник избавления от злодея Пурим, который праздновался уже около двух с половиной тысяч лет подряд.

15.

И среди несущегося белого камня, в темном небе увидел Иоанн, шла война: и вознесся архангел Михаил, и его ангелы бились со зверем, сбросив его на землю, и все его окружение, вся свора, все его тугое разросшееся смрадное тело несло к земле, чтобы разбиться; пришло время Бога, который был всегда, который есть всегда, который будет всегда. Семиголовый зверь был разбит о белый камень Иерусалима. И первой головой зверя был Ленин, а седьмой головой Ихаил Орбачев.

Майя Квятковская
ПЕРЕВОДЫ
ИЗ ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ

ФЕЛИКС ЛОПЕ ДЕ ВЕГА
(1562 — 1635)

Великий драматург и поэт «Золотого века». Написал около 2000 пьес, некоторые из них до сих пор не сошли со сцены («Учитель танцев», «Собака на сене», «Девушка с кувшином» и др.). Гораздо меньше известен Лопе де Вега как лирический поэт. Непревзойденный мастер таких стихотворных форм как романс, терцины, сонет, песня. Многие его песни утратили авторство и считаются народными.

РОМАНС
(в сокращении)

Одинокством к людям гонимый,
Прихожу к одиночеству снова —
Ибо, кроме моих размышлений,
Не встречал я друга иного.

Что мне хрупкая оболочка,
Где живу я и умираю?
От себя я так отдалился,
Что вот-вот себя потеряю.

Мне с собой ни сладко, ни горько,
Но одно я постиг несомненно:
Человек — воплощенье духа —
Как в тюрьме, в своем теле бrenном...

... Самый мудрый сказал: — Я знаю,
Что я ничего не знаю, —
Величайшее с наименьшим
В беспримерном смиренье равня.

Но себя я не чту премудрым,
Ибо чту себя несчастливым,
А когда и где неудачник
Обладал умом прозорливым?...

... Мы, испанцы, от прочих народов
Отделились чертой приметной:
Те живут в серебряном веке,
Нам на долю достался медный.

И какой настоящий испанец
С болью в сердце не видит ныне,
Что мужчины на вид всё те же,
Только мужества нет и в помине!...

...Бог велел, чтобы хлеб свой засушный
Человек до скончанья света
Добывал в труде — потому что
Он презрел Господни заветы.

А сегодня богоотступник
На кусок дармоеда презренный
Променял, не страшась позора,
Старой чести залог бесценный.

И теперь Добродетель и Мудрость,
Как слепцы в неприютном скитанье,
Ковыляют, держась друг за друга,
Со слезами прося подаянья.

Есть два полюса в этом мире,
Два магнита для всякого сброда:
Покровительство (вместо счастья),
Деньги (вместо знатного рода)...

...Говорят, недостойна зависть;
Грешен я — она мне знакома:
Зависть к тем, кому нету дела,
Что творится за стенами дома.

Нет у них ни книг, ни записок,
Нет бумаги в шкафу ни листочка,
За чернильницей ходят к соседу,
Если надо черкнуть две строчки.

Ни бедны они, ни богаты:
Есть очаг и похлебка в миске,
Не мешают им спать заботы,
Искательства, происки, иски,

Не злословят они о сильных,
Не питают к слабым презренья,
Никогда, словно я, не пишут
Покровителям поздравленья.

С этой завистью неразлучен,
Никому не промолвив слова,
Одиночеством к людям гонимый,
Прихожу к одиночеству снова.

КЛЕВЕР

Господи, как пахнет клевер,
Алый клевер полевой!
Клевер любящей супруги,
Чья любовь годами длится;
Клевер той отроковицы,
Чьи невинные досуги
Стерегут замки и слуги,
Да не уследят порой;
Господи, как пахнет клевер,
Алый клевер полевой!
Клевер дамы, всем готовой
Уступить товар бесценный;
Клевер вдовушки почтенной,
Втайне ждущей свадьбы новой:
Под одеждою суровой —
Нижней юбки край цветной...
Господи, как пахнет клевер,
Алый клевер полевой!

К НОЧИ

О, сумасбродка ночь, гнездо обмана,
Ты — пряха снов, ткачиха наваждений,
В край зыбких гор, безводных наводнений
Ты нас ведешь сквозь облако дурмана.

Твой дом — в мозгу безумца, шарлатана,
Ты — мать письмен, волшбы, изобретений,

Слепая рысь, пестунья преступлений,
Ты начеку и в страхе непрестанно.

Тьма, ужасы и зло в твоей отчизне;
Ты — сказочница, знахарка, больная,
Ты — жертва и палач: вот суть твоя.

Сплю иль не сплю, плачу тебе полжизни:
Днем усыпишь, коль ночь провел без сна я;
Когда ж я сплю, не знаю — жив ли я

Мой преданный, разбитый мой челнок!
Гоним враждой и дружною притворной,
Ты уцелел, и я гребу, упорный,
Пером и шпагой, а причал далек.

Перо истерлось, выщерблен клинок;
Но следом за удачей иллюзорной
Ты все плывешь — живучий, непокорный —
Из гавани надежд в моря тревог.

Правь на свою звезду, презрев события;
Лишь дураку в диковину открытье,
Что вечных нет ни дружбы, ни вражды.

Мы лучшие года с тобой скитались,
И ради дней, что нам еще остались,
В порт не спеши и не страшись беды.

ПОЭТ ОПРАВДЫВАЕТСЯ ЗА ТО, ЧТО ПИШЕТ В НИЗКОМ СТИЛЕ

Небесный Свете, на высокий лад
Я воспевал Тебя былой порою;
Но квинта лопнула, и в низком строе
Запела лира... Я ли виноват?

Среди моих бесчисленных утрат
Моя же боль смеется надо мною;
Я в крайности, и Ты тому виною:
Ведь Ты на милости не тароват!

Сколь высоко Тебя бы я восславил,
Когда бы помогла мне исцелиться
Хвала вельмож от нищеты и прозы!

Ты всё же мне сокровища оставил,
Хотя на них и зависть не польстится:
Две книги, три холста, четыре розы.

ЛУИС ДЕ ГОНГОРА (1561 — 1627)

Поэт-новатор, ярчайший представитель стиля барокко, создатель собственной эстетики. Изощренность и затейливость его стиля породили литературный термин «гонгоризм», или «культеранизм». Современники часто высмеивали его стихи, но в начале XX века к творчеству Гонгоры обратились такие поэты как Федерико Гарсия Лорка, Рафаэль Альберти, Рамон дель Валье-Инклан, признав его своим предтечей и открыв в его творчестве неожиданные пути для обновления испанской поэзии.

БЕЛОЛИКОЙ ДАМЕ В ЗЕЛЕНОМ

То лебедь, брызгами осеребранный,
Оставив зыбкое течение вод,
Под солнцем светлыми крылами бьет,
Густыми камышами окруженный;

Снежинка белая в траве зеленой,
Лилея, что к душистым миртам льнет,
Во мху лесном струи хрустальной лед,
Алмаз, венком смарагдов окаймленный,

Пусть боле не кичатся белизной
С тех пор, как нас пленила гордой статью
Ты, Леда белая в зеленом платье,

И совершенства облик ледяной,
Смирив мой пыл, здоровье дал недугу
И ясность — глубине, и зелень — лугу.

О РОЗЕ И ЕЕ БЫСТРОТЕЧНОСТИ

О, роза — явный пурпур, тайный снег,
Пришлица меж скромными цветами,
Ты тьмы влюбленных ранила шипами,
Тьмы доблестных смутил твой краткий век.

Мать ароматов, пышный твой побег
Сравнится ли с тончайшими духами,
Вспоенный благовонными устами
Самой богини сладострастных нег?

Ты солнце на заре опередила;
Почуяло оно, что за скалою
Среди цветов есть дерзкое светило —

И выплыл пламеносный василиск,
Соперницу узрело око злое —
И сжег ее горящий гневом диск.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ
ПО НАИВОЗМОЖНЫМ ЧАСАМ
(в сокращении)

1. ПО ПЕСОЧНЫМ

Время, Время, тиран бесстрастный,
Что тебе сей полон стеклянный,
Для того тебе нами данный,
Чтобы сжать тебя дланью властной,
Хоть ловить тебя — труд напрасный,
Как бы длань ни была крепка,
И всегда от тебя далека
Наша жизнь, под ропот которой
Истекаешь ты, Время, скорой
И беззвучной струйкой песка!

2. ПО БАШЕННЫМ

Что тебе рычаги, спирали,
Шестерён огромных когорта,
Если ты, в их зубьях истерто,
Невредимым несешься далее?
Что стопам твоим груз сандалий

Из свинца, если ты летаешь
Вместе с ветром, и отбиваешь
Тяжкозвучною медью час,
Тем добром одаряя нас,
Что и молча не отнимаешь?

3. ПО СОЛНЕЧНЫМ

О, какой рукой многомочной,
Пусть железом отягощенной,
Миги жизни, нам отведенной,
Отмеряешь ты мерой точной!
Ты уводишь нас в час урочный
От прельщений — стезей прозрений;
Ограждая от заблуждений
Нашу жизнь, ты ей, как слепому,
Солнцем путь указуешь к дому —
И стрелю смертельных теней.

5. ПО ЖИВЫМ

Слышу ль я петушиное пенье,
Полевую ли тварь вопрошаю —
В диких кликах не различаю
Твоего я, Время, биенья,
И теряюсь в недоуменье,
Ибо зори возглашены
Глупой птицей в миг тишины;
Но не эти ль часы причастны
Нашей жизни и с ней согласны,
Хоть порою и не точны?

9. ПО ЗВЕЗДНЫМ

Если, Время, тебя отыскать
Я хочу меж звездами ночными —
Вижу, как ты уходишь с ними
И уже не вернешься вспять.
Где незримых шагов печать?
За тобою тщетно слежу!
Я обманут, как погляжу:
Не бежишь, не кружишь ты, не льешься —

Время, ты всегда остаешься,
Это я навсегда прохожу.

ФРАНСИСКО ДЕ КЕВЕДО
(1580 — 1645)

Один из великих писателей XVII века, автор романа «История жизни пройдохи по имени дон Паблос», цикла социальных памфлетов, многих новелл, лирических и сатирических стихов. Диапазон его необъятен — он и обличитель современной жизни, и борец со злоупотреблениями власть имущих, и моралист, осуждающий человеческие пороки, и тончайший лирик, и мудрый философ.

ДРУГУ, ПРОВЕДШЕМУ СВОЙ ВЕК
ВДАЛИ ОТ ДВОРА

Счастливец, ты живешь в дому родном
И старирься, где Бог привел родиться;
Здесь колыбель твоя, твоя гробница;
Он крыт соломой, устлан камышом.

Над позабытым этим уголком
И солнечным лучам привольней литься,

И жизнь день ото дня неспешно длится,
И час безмолвья не солжет ни в чем.

Ты не по консулам считаешь лета,
Твой календарь — бразды твоих полей,
Где трудишься, не зная козней света.

Незнание это — к прибыли твоей:
Не ждешь наград, не терпишь от навета,
И, чем твой мир тесней — тем ты вольней.

ПСАЛОМ XXVI

И после стольких дней и дел напрасных,
И стольких тягостных полнощных бдений,
И после стольких бесполезных пеней
И стольких жалоб, умолить не властных,

И после стольких радостей опасных,
И стольких мной заслуженных мучений,
И после стольких слез и огорчений,
И стольких действий, для меня злосчастных, —

Одна лишь мысль меня не покидает:
Что низменный обман владеет мной,
И перед ним надежда отступает.

И понял я, что в бытности земной
Душа себе прозренья покупает
День ото дня, мучительной ценой.

КИНТИЛЬИ

Не судьбы грозит рука,
Не кометы появленья,
Не предчувствия тоска —
Венценосца подозренья,
Ненависть временщика.

Персть ничтожная, прозрей:
Для тебя ли разгорятся
Зори горних алгарей?
Умирают, как рождаются,
Все — от нищих до царей.

Без пророчества планет
Зрел я бедствия земные,
Без участия комет
Покидает цезарь свет —
При кометах мрут портные.

Мнят владыки, что они
Выше всех в земной юдоли;
Что же звездные огни
Возвещают искони
О рожденье ...нищих в поле?

Пламенная звезда
Поражает, как недугом,
О, король, тебя испугом;
Губит страх твои года,
Да и врач всегда к услугам.

ЛИРИЧЕСКАЯ ЛЕТРИЛЬЯ

*Роза, чем гордишься ты
Пред незнатными цветами?
Завтра сменятся шипами
Пышные твои цветы.*

Для чего тебе гордиться,
Роза, прелестью своей?
Умираешь ты быстрее,
Чем успеешь народиться.
Плакать нам иль веселиться,
Видя в тот же самый день
Жизни цвет и смерти тень?
От восхода до заката
Исчезает без возврата
Совершенство красоты.

*Роза, чем гордишься ты
Пред незнатными цветами?
Завтра сменятся шипами
Пышные твои цветы.*

Видеть спесь твою нет мочи —
Всех ты краше, но смотри:
Выйдя из пелен зари,
Ты наденешь саван ночи.
Век твой царственный короче
Дней любого сорняка, —

Нет Аврорина цветка!
И смеется, нам кивая,
Мальва, грива луговая,
Чьи обычаи просты.

*Роза, чем гордишься ты
Пред незнатными цветами?
Завтра сменятся шипами
Пышные твои цветы.*

Изабелла Мизрахи
ПЕРЕВОДЫ
из Харта Крейна, Чеслава Милоша,
Шеймаса Хини

ХАРТ КРЕЙН

Харт Крейн, американский поэт, родился в 1899 году в семье успешного коммерсанта. Не окончив школы, начал самостоятельную жизнь с 17 лет. В период созревания на него оказали влияние поэты елизаветинской эпохи и французские символисты, особенно Рембо. Самое известное его произведение поэма «Бруклинскому мосту» была задумана, как новый американский эпос. Возвращаясь из Мексики в 1932 году, куда он отправился по гранту фонда Гуттенхайма, бросился в воды Мексиканского залива.

БРУКЛИНСКОМУ МОСТУ

Как много ты рассветов проводил
Гигантской чайкою присев на воды,
Роняя кольца белые в залив,
В цепях застыв у статуи Свободы.

Законченной кривой влечешь ты глаз
Или скользишь, как парус по странице
С рядами цифр, пунктиром чертежей,
Линуя наклонившиеся лица.

Я вспоминаю миражи кино,
Толпу перед экраном в трансе.
Но кадры промелькнут, настанут будни,
Жизнь смотана до нового сеанса.

Ты радугой над гаванью повис,
И на серебряный ступая свод,
Восходит солнце по твоей дуге,
Свободно протянувшейся вперед.

Из шахт метро и мебельных берлог
Влечет к тебе безумцев — встанут тихо,
На миг застыв над водами, и — вниз,
Во тьму. Лишь всплеску вторит эхо.

Стекает полдень по тебе в щель Уолл-стрига,
Как зубом вспорота небесная слюда,
Дрейфуют кружевные вышки кранов,
Атлантику вдыхают провода.

Непостижима, как еврейский Бог,
Твоя награда. Рыцарское званье
Ничто для наших низменных времен —
Сплошная передышка и зиянье.

Алтарь и арфа! Чья смогла рука
Так стройно струны натянуть твои?
Преддверье неба и зарок пророка,
Молитва парии и крик любви!

Огни прожекторов под вздохи звезд
Высвечивают твой стальной размах,
Пространство, словно бусы нанизав.
Следя, как ночь растёт в твоих руках,

Застыв под арками и сводами, я ждал,
А в сумерках яснил твой силуэт,
Кипенье улиц утихало в темноте
И год железный погружался в снег.

Бессонный, как река, что под тобой,
Ты к нам с небес на землюходишь строго,
В прыжке над бездной волшебством застыв,
Загадкой кривизны бросая вызов Богу.

ЧЕСЛАВ МИЛОШ

Польский поэт, родился в 1911 году на территории нынешней Литвы. В годы войны участвовал в Сопротивлении. В 1951 году эмигрировал во Францию, позже преподавал в университетах США. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1980 года.

ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ

Господь, я любил клубничный джем
и темную сладость женского тела.
Еще холодную водку, селедку в оливковом масле,
запахи корицы и чеснока.
Какой я пророк? Зачем святому духу
посещать такого человека? Многие другие
были справедливо призваны.
Кто бы поверил мне? Ведь видели,

как я опустошаю стакан, как бросаюсь на еду
и жадно поглядываю на шею официантки.
Грешен, и знаю это. Желая величия,
способный учуять его повсюду, —
я лишь отчасти ясновидец, —
но знаю, что обречено не стать великим, вроде меня:
пир кратких надежд, вече гордецов,
турнир горбунов, литература.

СМЫСЛ

— Когда умру, увижу подкладку мира.
Другую его сторону, за пицей, горой, рассветом.
Истину, готовую раскрыться.
Что никогда не сходилось, сложится.
Необъяснимое будет понято.

— А что если подкладки у мира нет?
Что если дрозд на ветке не символ,
а просто дрозд на ветке?
И в смене дня и ночи нет никакого смысла?
И на земле нет ничего, кроме этой земли?

— Даже если так, останется слово,
разбуженное губами, которые истлеют,
неутомимый гонец, бегущий
сквозь звездные поля, несущиеся галактики —
окликающий, остерегающий, зовущий.

ПОСЛЕ РАЯ

Не убегай больше. Тише. Как мягко падают
капли дождя на крышу. Как совершенно
все вокруг. Теперь для нас двоих,
проснувшихся в королевской постели на мансарде,
мужчины и женщины. Для одного растения,
разделенного на мужское и женское, тянущихся друг к другу.
Да, это мой дар вам. Поверх пепла
на горькой, горькой земле. Поверх
подземного эха протестов и обещаний. Так что теперь,
на рассвете будьте внимательны: наклон головы,
рука с гребнем, два отражения в зеркале
навсегда только однажды, даже если их не вспомнить,
так что следите за тем, что есть, исчезающим,
благодарные за каждое мгновение.
Пусть этот крошечный парк с позеленевшими бюстами
в жемчужно-сером свете летнего дождика

останется таким, как и был, когда вы отворили ворота.
И улицы с высокими осыпающимися портиками,
которые ваша любовь преобразила.

ШЕЙМАС ХИНИ

Шеймас Хини родился в 1939 году в Северной Ирландии. Изучал английский язык и литературу в университете Квинс в Белфасте, преподавал в педагогическом колледже Сент-Джозеф. Позже, уже став знаменитым поэтом, читал лекции в Гарварде и Оксфорде. В 2003 году в университете Квинс открылся центр по изучению поэзии имени Шеймаса Хини.

Шеймас Хини был лауреатом многих литературных наград, в 1995 году был удостоен Нобелевской премии. Умер 30 августа 2013 года в Дублине.

КАМЕННЫЙ ПРИГОВОР

Когда на месте казни он стоит,
в руке все та же палка, та же шляпа
на голове, истерзанной сомнением,
презрением к лести или отговоркам,
суд не свершится только потому,
что кто-нибудь промямлит приговор.
Он свыше ждет того, что больше слова,
всю жизнь полагаясь на молчанье.

Пусть будет как в судилище Гермеса,
завалов и захоронений Бога,
где камни приговора в ноги
бросали, пока новое надгробье
его величью не коснулось плеч.
Быть может, у обрушенной стены
вдруг, наконец, промолвит кто-то: «Дух Его
витает здесь». Но даже этим скажет слишком много.

ДЕТИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Когда по склону насыпи взбирались,
глаза почти касались проводов
и белых шишек телеграфных линий.

Как нарисованы, — они на мили
вились к востоку, к западу за нами,
и тяжесть ласточек их прогибала.

Нам, мальчикам, казалось, что не знаем
чего-то главного. Мы думали — слова
несет по проводам блестящим током

и в каждом слове-капле — зерна света,
так что сиянье строк и сами мы,
столь бесконечно малые частицы,
могли протечь через игольное ушко.

ИЗ ЦИКЛА «ОЗАРЕНИЯ»

I

Смещение яркости. И зимний свет
в прихожей, и на каменных ступенях
бездомного дрожащий силуэт.

Вот как звучит особый приговор:
пустые стены, дождь плюет в камин,
в натекшей луже — души облаков.

А что в конце дороги этой ждет —
известно. Но способен лишь вперед
смотреть привыкший к горизонту глаз.

Деталей в приговоре этом нет,
из старой правды он, но крышу сдуло.
В стенаньях ветра угадать ответ.

II

Заделай крышу. И заройся внутрь.
Пей из жестянки и испробуй холод
замков, засовов и щипцов каминных.

Потрогай балки и, забивши гвоздь,
проверь отвесом косяки и смычки,
и ровность стен, и кладку дымохода.

Перемести куда-нибудь порог,
и выправь рамы в окнах мезонина,
попристальней взглядишь в дощатый пол.

Топи, как гайку, каждое желанье,
крепя тем самым бастионы чувств.
Не поскользнись на слове. Будь потверже.

IV

Под океаном собственного гула
толпа на римских амфитеатрах и другой
могла услышать рокот. Посильнее.

Как будто в раковине, к уху поднесенной
у моря, — звук настойчивый посланья:
слова, произносимые там где-то,

как эхо, отраженное гробницей,
накатывали волнами тирад
классических — то громче, то слабее.

О, как воздушно и привычно там, вверху,
без тела для одежд, без головы для мозга,
и все возможно — музыкой, приливом...

ИЗ ЦИКЛА «ДЕКОРАЦИИ»

XV

И эту сцену тоже высеки из золота,
чтобы насытиться могли глаза.
Рембрандтовские сумерки, солома,

и мой отец, склонясь над сундуком,
набитым солью, шарит в его брюхе
одной рукой — другой держа фонарь.

Вот, как живую плоть, он извлекает
шмат ветчины, потом — бутылку рейнвейна
и, рассмотрев, обратно их кладет.

Той ночью я владел зерном Египта.
За пляской лампы сторожа следил.
Невидимый ему, стоял у входа.

НАКАЗАНИЕ

Я мог чувствовать ужас
сдавлившей петли,
и как ветер сек кожу,
как выдул соски

в две янтарные бусины,
как он качал
этот хрупкий каркас
ее ребер.

В темной жиже болота
я вижу ее:
тело с камнем на шее,
плавучие ветви,

и она, как дубовый
побег, в глубине
обрастала корою,
пока не отрыли.

Бригый черный початок
ее головы,
с залепившей глаза
грязной тряпкой,

и аркана кольцо —
чтобы помнить любовь.
О, изменница, до наказанья
словно лен были косы твои,

а худое лицо
под коростою дегтя
прекрасно.
Бедный жертвенный агнец,

я почти что влюблен,
хоть и знаю, что был
среди тех, кто бросал в тебя
камни молчанья.

Искушенный маньяк,
сладоострастно смотрю
на открытый твой мозг,
в каталог занесенные кости.

Я, который безмолвно стоял,
когда сестры твои,
тебя выдав,
намазались дегтем и выли,

и привыкший сквозь пальцы
на блага насилия смотреть,
все еще принимаю прямую —
родовую и личную месть.

Елена Тамаркина
ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

Пауль Целан

Псалом

Никто не вынесит вновь из земли нас и глины.
Никто.

Никто говорить не станет о нашем прахе.
Никто.
Будь благословен Ты, Никто.

В угоду Тебе расцветаем.
Тебе
Вопреки.

Ничем
мы были, мы есть, мы станем,
когда отцветаем:
Ничем- ,
Ничейною Розой.

С пестиком светлой души,
тычинками в небе пустом,
короною, красной
от пурпура слов, что мы распевали
над, о над
Шипом....

(Пер. с немецкого 2012)

Стихи и Сонеты
Джордж Гордон Байрон

Солнце Бессонных...
(из цикла "Еврейские мелодии")

Солнце бессонных, грустная звезда!
Твой луч печальный чуть дрожит всегда.
Ты разогнать бессильна тьму ночи —
Так трепетны, нежны твои лучи.

Пусть прошлых радостей мерцает свет —
Давно, увы, никто им не согрет!
Ты в тёмном небе стережёшь печаль —
Ясна, но холодна, как голубая даль...
(Пер. с англ. 1978 — 2015)

На сердце мрак...

На сердце мрак; певец, скорей
Дотронься арфы струн, лаская! —
Пускай персты твои по ней
Бегут, истому извлекая!

Когда бы в сердце греть надежду,
Мелодией пленяясь вновь...
Пускай блеснёт слеза, как прежде —
И успокоит в жилах кровь.

Нет, я услышать бы хотел
Не радостный напев теперь!
Откроюсь я тебе — поверь:
Я плачем душу отогрел!

Печалью вскормлена она
В молчании бессонных лет.
И вот, теперь обречена
Погибнуть — или петь в ответ!
(Пер. с англ. 1978 — 2015)

Сумерки*

*В этот час, когда с ветвей
Сыплет трели соловей,
Речи сладкие, как мёд,
Милой юноша поёт;
Ухо ловит каждый звук,
Слышен сердца частый стук,
Мягкий, нежный ветерок
Гонит прочь судьбы злой рок,
Светит в сумерках луна,
Всюду ночь царит одна.*

**Авторское стихотворение (1977), написанное по мотивам стихотворения лорда Байрона Twilight (It Is the Hour...) — (прим. Е. Т.).*

Джон Китс

Кто в городе надолго заточён...

Кто в городе надолго заточён,
Взгляд к небу долгий должен обратить —
Улыбку там увидев, обречён
Молитву выдохнуть, на миг застыть —
И, с лёгким сердцем — счастья боле нет —
Устало пасть на трав волнистых ложе,
Неспешно велух прочесть любви сонет
О чувстве, что — сердца иные — гложет...
А вечером — брести домой, лениво
Прислушиваясь к пению соловья;
Поглядывать на облачко ревниво;
Оплакать день, уплывший за моря;
И, вновь взглянув на небо, молчаливо
Отправиться в привычные края...

(Пер. с англ. 1978 — 2015)

Уильям Уордсворт

На Вестминстерском Мосту, 3 сентября 1802

Земных красот прекрасней не найги;
Как скучен тот, кто мимо смог пройги
Такого трогательного величья:
Весь Город, словно в одеяньи дивном —
Очарованье утренней красы:
И корабли, и храмов купола, театры, башни — все, в тиши
Представшие пред взором и пред небом,
В прозрачном воздухе сверкают и блестят.
И никогда не видел я, чтоб солнце над миром так сияло высоко;
И на душе — так радостно, легко
В мгновения чудесного покоя...
Течёт Река — по своему согласью;
О Боже! Те же самые дома — как будто спят...
Могучий великан — у сна во власти!

(Пер. с англ. 1978 — 2015)

Уильям Уордсворт

Нарциссы

Я брёл однажды одиноко,
Как облако, среди холмов,
Пока не увидел потока
Нарциссов, золотых цветов:
За озером, в краю другом,
Танцуют с лёгким ветерком;
Каймой по берегу прошли,
Как звёзды Млечного Пути
Сияют в сумрачной дали—
Цветы желтеют впереди:
Сто тысяч я увидел враз—
И отвести не смог я глаз:
Затмили плеск усталых волн,
Их лучезарный дивный блеск!
И замер я, восторга полн,
Как будто был в плену чудес...
Я долго так на них глядел— .
Каким богатством я владел!
В уединеньи предо мной
Их образ снова проплывёт—
Блаженство сладкою волной
Внезапно душу обоймёт— ,
И сердце радостно войдёт
В нарциссов ярких хоровод!
(Пер. с англ. 1979 - 2015)

Роберт Бернс

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛИРИКА

Чем усмирить нам юный пыл,
Как не борьбою с гнётом?
Вперёд, вперёд! Наш час пробил!
Довольно — жить в тенётах!

Толкуют нам: мол, короли—
Наместники господни.
С делами, что творят они,
Им место — в преисподней!

Сегодня каждый патриот
"Свобода или смерть" поёт!

Венец страдальцев возложить
Святошам нашим сможем,
И пэрам — петли одолжить,
И рыцарям — "поможем,"

Что нагло притесняли нас;
Продажны были судьи.
Но вот настал отмщенья час —
Встречайте Правосудье!

Корона! День последний правь!
А завтра — всяк Свободу славь!

Век золотой нам возродить
Назначено судьбою:
В согласии, по-братски жить,
Не спорить меж собою.

Кто в добродетели возвращён,
Тот ближнего возлюбит.
Пусть будет с честью воплощён
Девиз: гуманны люди!

И тост поднимем мы не раз
За Мир, Свободу и за нас!

(Пер. с англ. 1977)

Генри Лонгфелло

Сумерки

Печальны мгlistые сумерки,
Дует ветер, свободный, дикий,
И, как белые крылья птицы,
В пенном море мелькают блики.

А рядом, в рыбацкой хижине,
Красноватый огонь горит,
К окошку приникло личико
И в тёмную даль глядит

Близко-близко к стеклу прижалось,
Словно эти детские очи
Различат силуэт знакомый
В самой гуще кромешной ночи.

И женская тень, качаясь,
Безутешно в окне маячит :
Вот она к потолку взметнулась,
Вот — согнулась, как будто плачет...

И о чём океан ревущий
И дикий, холодный, ветер
Напевают в ночи ребёнку,
Ставни срывая с петель ?

И зачем океан бурлящий,
И ветер, суровый как рок,
Ударяют матери в сердце,
Прогоняя краску со щёк?
(Пер. с англ. 1978-2015)

Дикси Уилсон

Я ТАК ЛЮБЛЮ СЫРУЮ МГЛУ

Я так люблю
Сырую мглу.
И крик ночной
Совы люблю.
И ветра вой
Над головой.
Люблю ноябрьский
Серый день,
Когда с ветвей
Стекает тень
На ближний пень—
Как с пальцев — лён...
Люблю сидеть я
И глядеть,
Об очаге
Своём радеть...
Я так люблю
Сырую мглу.

(Пер. с англ. 1979)

Эдмунд Бёрк

ЗЕРКАЛО

Стою перед зеркалом —
Кто это в нём?
Признаться, с субъектом
Таким не знаком!

Я сам-то — моложе
И много стройней,
Чем тип тот, что зеркале
Видится мне!

Куда подевались
Десятки зеркал,
Что лет, эдак, тридцать
Назад я знавал?

Ох, жизнь изменилась!
Не та, что была...
Не те, согласитесь,
Теперь зеркала!

При виде морщинок
Не стоит грустить!
И нынче я понял,
Как надобно жить:

Увидев изъяны
В своём отраженьи,
Считать: в зеркалах
Завелось искаженье!

(Пер. с англ. 2010 - 2015)

Уильям Конгрив

Благочестивая Селинда

Едва к ней ближе подхожу —
В молитвенник уткнётся.
Но лишь заметит: ухожу —
В слезах, глупышка, бьётся!

Ах, благочестие — не дым!
Надеяться на что мне?
С ней становлюсь — почти святым,
Она со мной — греховней.

(Пер. с англ. 2010)

Роберт Льюис Стивенсон

ИЗ ОКНА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ВАГОНА

Быстрее, чем ведьмы и добрые феи,
Пронесётся зданья, мосты и траншеи;
И кони, что мирно на луге пасутся,
Как будто в атаку лихо несутся.

Горы, овраги, рвы и долины —
Быстро сменяются эти картины,
И — исчезают в мгновение ока:
Мчатся со свистом пёстрым потоком;

Вижу: мальчонка, в кустах застревая,
Сочной малиной рот набивает;
Праздный бродяга — стоит и глазеет;
Луг — в одуванчиках ярко желтеет;

Вот, по дороге, выпятив пузо,
Катит погонщик телегу с грузом.
Мельница, тихая, мелкая речка —
Всё промелькнёт и — исчезнет навечно!

(Пер. с англ. 1976-2015)

Лэнгстон Хьюз

НЕГР

Я — негр.
Чёрный, как ночь.
Чёрный, как моя Африка.
Я был рабом:
У Цезаря счищал я грязь с порога.
Ботинки начищал я Вашингтону.
Я был рабочим:
Под моей рукой — вставали пирамиды.
Месил раствор — для здания Вулворга.
Я был певцом:
От Африки до Джорджии — весь путь
Пел песни грустные. Я танцевал рэгтайм.
Я жертвой был:
Бельгийцы мне рубили руки в Конго.
Еще меня линчуют в Миссисипи.
Я — негр.
Чёрный, как ночь.
Чёрный, как моя Африка.

(Пер. с англ. 1977 — 1978)

Вопрос № 1

Когда старый мусорщик Смерть
явится забрать наши тела
и станет запихивать их в мешок забвения,
интересно бы знать, оценит ли он
дороже в монетах вечности
труп белого мультимиллионера,
чем чёрный горс негра —
сборщика хлопка.

(Пер. с англ. 2010)

Герберт Шипман

Любовь

"Прохода нет!" — я начертал
У входа в сердце, строго.
Но крикнула любовь, смеясь:
"А мне — везде дорога!"

(Пер. с англ. 2010)

Хаим Нахман Бялик

Возьми меня под крыло...

Ты возьми меня под крыло,
Стань мне матерью и сестрой,
Несбывшиеся мольбы
На тёплой груди укрой.

И при свете свечей, в сострадания час,
Шёпотом, горький открою секрет:
Все говорят о юных годах —
А у меня их нет!

И вот ещё признаюсь тебе:
Душа моя сгорела в огне.
Слышал, есть любовь на земле —
Что за любовь? Где?

Звёзды — обманули меня!
Была мечта, но нет и её...
И вот, я совсем один —
Больше нет ничего.

Ты возьми меня под крыло,
Стань мне матерью и сестрой,
Несбывшиеся мольбы
На тёплой груди укрой.

(Пер. с иврита 1992 — 2015)

Ури Цви Гринберг

В любой дали всегда есть скрипка, что хранят,
И — рука, что рождает в ней звук,
В любой дали всегда печален девы взгляд,
Слышат песнь её в полночь вокруг.

В любой дали есть дом, весь белый, как сугроб,
В нём — молигва пред тем, как уснуть.
В любой дали клочок земли найдёт под гроб
Всяк, кто в дальний отправится путь...

Сараево, 1916

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ЦИКЛА "С БОГОМ МОИМ, КУЗНЕЦОМ..."

«עם אֱלֹהֵי הַנֶּפֶס»

С моим Господом, Кузнецом

(первое, второе и десятое стихотворения цикла)

1.

Пламенеют, как главы пророчества, дни всей жизни моей,
И в горниле их огненном корчится тело моё.
И стоит надо мною Господь мой, Кузнец, и куёт —
И раскрыты пред Ним мои раны, полны до краёв,
И каждая — искрой — свой тайный огонь отдаёт.

Так вершит надо мною судьба до полуночи суд.
Возвращая на ложе избитого тела комок,
Рану рта разомкну —
В наготы моей Богу хрипло: утомляет Твой труд.
Ночь — Тебе отдохнуть бы! И я — отдохну.

2.

Как женщина, силу чар своих надо мною познав,
Насмешливо молвит Господь: беги, если можешь!
И убежать — не смогу.

Кинусь прочь от Него — в гнев, в отчаяньи,
Выплюнув, как горящие угли, зарок нечаянный:
«Не вернусь, ни за что».

И... — к Нему возвращаюсь опять
В дверь глухую стучать,
Умолять и кричать.

Будто в письме мне любовь посулил.

10.

И случается ночью нам вместе брести на ночлег:
Ты всегда без гроша — воеет ветер в карманах пустых;
Я разжился двумя — и сегодня плачу за Тебя;
Но как я, на постели, никак не желаешь Ты спать,
Говоришь, хорошо Тебе спится на голом полу.

И устало Ты валишься на пол, как будто, бедняк,
И кряхтишь, как бедняк, на голом ночлежном полу.
И ловлю на себе, засыпая, Твой пристальный взгляд,
И в закрытых глазах моих — Ты:
Бедняк, уснувший на голом полу.

Дан Пагис

Надпись карандашом в опечатанном вагоне

(Из цикла «Опечатанный вагон» в книге Дана Пагиса "Перевоплощение")

Здесь в этой партии
Я Ева
С сыном моим Авелем.
Если встретите старшего сына моего,
Каина сына Адама,
Скажите ему, что...

(Пер. с иврита 2008)

Леа Гольдберг

Прощание

Литовский мотив

Тёмная ночка, путь будет долог.
Ой ты, дорога, ой же ты, путь.
Те, кто простились, все ль воротились?
Назад вернусь ли когда-нибудь?

Конь вороной мой всё понимает,
Светится лоб его с белой звездой.
Седло расшито твоей рукою,
Капелька крови родной — со мной.

Белой рукою коня обнимешь,
Прощай же, дом, невеста-сестра,
Жаркие кудри, звонкие серьги
Будут со мной в пути до утра.

(Пер. с иврита 2011-2015)

Хамуталь Бар-Йосеф

Довольно быстро

Довольно быстро выучить возможно слова чужого языка,
Однако почему-то ускользает смысл предложенья целиком!

Так странности твои: склоненья необычные грамматики иной
Зубрю, бывало, с ученическим восторгом,

А слово, столь необходимое сей миг, чтоб потушить им, как водой, пожар,
Выходит с грубой грамматической ошибкой
На языке твоём, что никогда родным не станет мне.

(Пер. с иврита 2011)

есть Перст выпрямляющий мой образ
как серебряную обёртку разглаживают на столе
осторожно
чтобы дать малышу
и она подрагивая звенит
тонко так.

(Пер. с иврита 2011)

Майя Бежерано

Всего-то...

Всего-то и видим
Бойлеры и антенны.
Всего-то и видим
Чёрный — в небе — платочек.
Всего-то и видим
Бойлеры и антенны —
И утром, и к ночи...

Всего-то и видим
Пейзажи Бат-Яма.
Всего-то и видим
Уродство квартала.
Всего-то и видим,
Как город прекрасен.
Всего-то и видим
Закат.

Всего-то и видим
Всё в цвете пурпурном.
Всего-то и видим
Мир бледно-лазурным.
Всего-то и видим —
Уходит всё прочь.
Всего-то и видим
Ночь.

(Пер. с иврита 29 апреля 2013)

Алла Цыбульская

ДОЛГИЙ ПУТЬ ОТ ОДНОГО УЖАСА К ДРУГОМУ

Спектакль московского академического театра имени Е. Вахтангова на гастролях в Америке

В июне 2015-го года в Америку на гастроли был привезен спектакль московского театра имени Е. Вахтангова “Улыбнитесь нам, господа”, поставленный выдающимся деятелем современного российского театра Римасом Туминасом по созданной им инсценировке двух романов — дилогии Григория Кановича “Козленок за два гроша” и “Улыбнитесь нам, господа”. Оба: и режиссер, высоко оцененный в Вильнюсе, а ныне приглашенный в Москву на должность главного режиссера театра имени Е. Вахтангова, и писатель, ныне проживающий в Израиле, родом из Литвы. В их устремленности ощутима близость. Хотя точки отсчета у каждого свои.

Прежде всего, низкий поклон автору, оба романа — подлинная лигатура!

Однако, замечательна мастерски написанная Римасом Туминасом инсценировка. Режиссер, отобрав из дилогии самое главное, расширил ее пределы. Он отказался от следования событиям книги до конца, и вместо горестного авторского эпилога в начале 20-го века обратился к трагической исторической ретроспективе, именуемой Холокост.

Премьера была представлена московским зрителям в марте 2014-го года, и столичные критики откликнулись на нее большим количеством рецензий, в которых выразилось горячее отношение, хотя встречалось и рассудочное. Критики сходились в том, что постановка в Вильнюсе этой инсценировки Римаса Туминаса превосходила по воздействию московскую. Я не бывала на театральных фестивалях, где можно было увидеть первоначальную версию. Не могу сравнивать. Я увидела спектакль театра имени Е. Вахтангова через год после премьеры и осталась лично затронута, глубоко взволнована, восхищена.

Но когда о премьере, казалось бы, все всеми высказано, можно еще что-нибудь прибавить?

Наверное, можно. Все-таки восприятие у каждого пишущего свое. Спектакль, привезенный из Москвы, захватил меня масштабностью подачи истории, на первый взгляд, обычных людей, а по сути примечательных, цельных, чистых. Персонажи на подмостках обретают плоть и кровь, характерность и просветленность в воплощении великолепных актеров театра. Они играют в спектакле, который создан режиссером с огромным вниманием к человеческой душе, проходящей тяжкий земной путь. Поэтому возникает на сцене мир, раскрывающий судьбы героев с огромным сочувствием, прослеживаются невидимые связи. И происходит это противостоящими бытовому доступному театру средствами театра условного, метафорического, ассоциативного... В спектакле особый художественный образный мир, сотканный богатством воображения режиссера, его умением будто из рукава извлекать феерические фантазии, даре — прозу претворять в трепещущую плоть театрального воздуха. Не идеальны, а многострадальны герои, которых из типажных режиссер захотел и сумел поднять до эпических. Автор пишет об евреях из местечка Мишкине в Литве в начале 20-го века. Но, указывая время и место событий, этническую особенность своих персонажей он не живописует.

Римас Туминас, ставя спектакль об евреях из черты оседлости, не превращает их ни в персонажей из анекдотов, ни в колоритных героев Бабеля или Шолом-Алейхема, или Менделя Мехер-Сфорима... И наверняка режиссер не стремится возродить стиль эмоционально-патетической игры, отличавшей знаменитый ГОСЕТ (Государственный Еврейский Театр), возглавленный С. Михоэлсом и уничтоженный Сталиным в 1949-ом году. Нет ничего общего в атмосфере спектакля Р. Туминаса с песенно-танцевальным направлением Еврейского камерного театра, созданного Юрием Шерлингом в начале 70-х годов 20-го века.

Еврейские бедняки из прозы Григория Кановича предстают в воплощении актеров, воспитанных в русской психологической школе переживания. Играют от сердца, талантливо, мастерски, проникновенно, не стремясь передавать характерную для идиш интонацию, или национальную знакомую мимику... Если бы это было задумано, не забудем, что умение копировать входит в мастерство актера, проблемы бы не было. Но акцентирование этнического начала не соответствовало бы духу философской притчи, воссоздаваемой на сцене. Григорий Канович пишет о людях, о природе, о времени, о лошади, о связи всего сущего в мироздании. И тут мне видится переключка с Чингизом Айтматовым, рассказывающем о своем народе. Он также пишет о людях, о верности, о предательстве, о жизни и о смерти, о близости человека и животного на земле, о космосе... И разве важно, что речь идет о киргизах? Большие писатели, в число которых входят Григорий Канович и Чингиз Айтматов, рассказывая о своем народе, всегда выявляют общечеловеческое. Режиссер Римас Туминас явно стоит на такой же позиции.

Итак, ничего общего ни с традицией театра идиш, недавно возрожденного, ни с традицией старых постановок в павильонных декорациях с ясным обозначением мест действия этот спектакль не имеет. Согнанный из философских бесед, которые никогда не становятся развлекательно-репризными, втягивающий в их содержательность, казалось бы, он буксует в бездействии. Условно, герои в дороге, в повозке, запряженной старой лошастью. Но они стоят на месте. А ощущение движения дают идущие им навстречу случайные путники. Так, когда на стоянке один из встречных поездов трогается, пассажирам другого кажется, что двинулся их поезд.

Иллюзия в жизни рассеивается, в театре остается, держит в своей власти. Никакого торможения в действии нет. Есть намеренная неспешность спектакля, погружающего в мысли-рассуждения, неожиданно резко и стремительно сменяющаяся словно единым вырывающимся из груди трех главных героев выдохом — ЯЯААХ!

И тогда это внезапный откровенно театральный переход к движению в ногу, с ведущим и замыкающим, к танцу, ритму, дрожи и лихорадке, к выплеску долго сдерживаемых подспудно порывов... Но какое отчаяние в их танцевальных движениях, какая печаль в звуках тоскующей скрипки, то льющейся сольно, то сливающейся с виолончелью... Поразительна по мелодиям, по чувству одиночества, пронизывающего спектакль, музыка Фаустуса Латенаса... Она и фон, и импульс, и живой ток действия, и боль, и стон... И звучит так, что вспоминается последняя фраза Н.В. Гоголя в “Сорочинской ярмарке”: “И тяжело и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему”...

До того, как станет понятно, кто такие путники-герои, куда они держат путь, что столкнуло их, и что погнало в дорогу, вглядываясь в затемненную сцену, мы увидим горстку тяжелых камней, сложенных вместе, глухой забор — задник сцены, сбоку справа подобие заколоченных ворот и словно скульптурное изваяние, вмонтированное в стену, — женскую фигурку в белом. Внезапно, спускаясь со стены, эта ожившая статуя в образе Козочки придает действию нежность и невысказанность. Вся роль придумана исключительно пластическими средствами. С выгнутыми кистями рук-копытцами, с одной ногой, как бы копытцем (на ней туфелька с каблучком), и с другой в балетной тапочке, с неровной походкой, то ли ступающей, то ли прихрамывающей, то ли летящей, она ассоциируется с шагаловской козочкой... Кто она? Ангел-хранитель путников? В спектакле символика многослойна. Козочка налетит и подаст Эфраиму четыре кружки молока. Вспомните авторское в романе: “Пей, Шахна, пей, Эзра, пей, Церга, пей, Гириш”... Это для четверых детей, они давно разбежались, кто куда, исчезли дорогие... И потом опять решенная пластическими средствами сцена дойки... Без слов, переливаясь изнутри светом, струящимся из глаз, воплотила образ Козочки, а точнее, духа места, его хранителя — Юлия Рутберг.

Речь о самом простом: о любви человека к животному и животного к человеку... А камни — горстка, вынесенная на авансцену, — разве это не олицетворение тяжелых мыслей, в том числе и о детях? — “Дети — это не близкие, дети — это далекие”, — горестно произнесено в спектакле. А может быть, это тот самый “Тяжелый песок”, что остается после пережитых событий... Невольная перекличка темы в общности судьбы еврейского народа у Анатолия Рыбакова и Григория Кановича совпадает по чувству...

Для тех, кто не читал произведение Григория Кановича — вкратце, о чем оно. Сын каменотеса Эфраима, уехавший в Вильнюс из Мишкине, оскорбленный унижением, причиненным ему губернатором, стрелял в него и ранил. Он посажен в тюрьму и ожидает смертного приговора.

Время действия — начало 20-го века — пора народовольческих волнений, террористических актов. Эфраим, три жены которого умерли, оставленный своими разлетевшимися в разные концы света взрослыми детьми, должен пережить смерть сына, которого в инсценировке мы не увидим. Отец отправляется в долгий путь поглядеть свое горемычное дитя — революционера и проститься с ним. Это путешествие становится содержанием спектакля, превращающегося из пригчи в мистерию.

В романе — дилогии есть скупое описание воспоминания Эфраима о том, как он когда-то подбрасывал своего маленького мальчика, ставшего взрослым, как радовались оба... Прошло то время. Подавленный, молчаливый он пускается в дорогу. Последние его слова: наказ соседям покормить козу. Между тем, Козочка — Ю. Рутберг последует невидимо для хозяина за ним.

Попутчиками в дороге для Эфраима становятся двое: Шмуде-Сендер Лазарек-водовоз и Авнер Розенгаль — погорелец, превратившийся из бакалейщика в нищего. Дорога, время и события в пути — суть спектакля. И все в нем кроме чувств — условно. В уста Эфраима автор вкладывает фразу о том, что родина — это наши воспоминания. Режиссер и художник Адомас Яцовскис материализуют их, превратив старый скорбь, пожитки бедняков, волоком тащимое за собой прошлое, в повозку на троих. В нем и венские стулья, и старые комоды с ящиками, и чемоданы, и сундуки, и опрокинутый платяной шкаф, обозначивший тело лошади... Там, где предполагается голова, подвешен в овале женский портрет... Там, где хвост, — водружено пустое ведро. Одно накладывается на другое. Быстро, ловко рабочими сцены или массовой на глазах у зрителей смонтированы эти предметы, и они образуют единое целое с высоким сиденьем возницы... Художник сконструировал не только по- современному авангардно свою сценографию, но и, следуя традиции вахтанговского театра, преобразяя неодушевленные предметы, в которой они “играют”. Рухлядь из мебели, составившая основу повозки, — это то, что выражено в изречении: “Куда бы человек ни поехал, повсюду за собой он возит самого себя”.

Самих себя везут трое. У каждого из троих путешественников свой груз прожитых лет и потерь. Они разные не только в соответствии с авторским описанием, но и в идущем от индивидуальности актеров образном решении. Эфраима играют в очередь Сергей Маковецкий и Владимир Симонов. У С. Маковецкого этот пожилой герой, укутанный в старое поношенное пальто, — усталый, немного обмякший, поникший от печали, смирившийся со своим горем. У В. Симонова, на плечи которого наброшено то же самое пальто, этот малоподвижный старик еще наделен исполинской силой. Каким-то непонятным образом, за ним угадывается род работы - каменотес, высекающий надгробия. Его молчание иное. Он слышит и не слышит тех, кто что-то говорит, находясь во власти потрясения, связанного с неминуемой казнью сына. Оба актера на более чем тридцать лет моложе своего героя, которому в романе восемьдесят. И оба находят психологические штрихи, внешние приметы для передачи возраста Эфраима... Также в очередь в двух составах играют два исполнителя роли водовоза и возчика в пути Шмуде Сендера: Евгений Князев и Алексей Гуськов. И вновь этот персонаж кажется представлен по-иному в воплощении этих двух замечательных актеров. У Е. Князева с его романтической внешностью Шмуде кажется решенным мужественно, но обобщенно. Тоскующий о своем сыне Берле, уехавшем в Америку, привязанный к властной жене, теряющийся в дорожных проишествиях, он может быть представителем любого народа. У А. Гуськова — с его русским лицом — без интонации идиш, без пластики фрейлекс и других национальных признаков — с точечным попаданием на сцене — предстает узнаваемый образ бедного еврея. Таким мог бы быть воплощен сценически в пьесе “Богатый и бедный еврей”- из программного фортепианного сочинения Мусоргского “Картинки с выставки” — бедный. Звучание не униженное, а умоляющее. Сыграно классически и характерно. И самое главное —

до острой боли сочувствия — живо. Как-то особенно пронизан печалью эпизод, когда его Шмуле обнаруживает, что с копыта лошади слетела подкова. Гнать лошадь дальше нельзя. Но где в лесу подковать лошадь? Заметьте, на сцене все придумано, все сооружено из абсурда, все условно. И вдруг вы абсолютно переживаете ситуацию, вы вовлечены в нее, пока она не разрешается. И также вы охвачены мечтой Шмуле о сыне Берле, который благоденствует в далекой Америке и однажды приедет — весь в белом! И тогда самого Шмуле станут называть “Мистер!” И на могиле будет написано Мистер! И вы слушаете эти бесконечные дорожные разговоры, а в них ни капельки утешения. Когда Эфраим говорит: “Отцы умирают не тогда, когда их в землю закапывают, а когда их оставляют на другом берегу”, Шмуле откликается, слегка вздрагивая... “Мы едем к детям, а они едут от нас”... “Куда бы мы ни поехали, куда бы ни шли, мы едем и идем к нашим детям. А они едут в противоположную от нас сторону все дальше и дальше. И никогда мы с ними не встретимся” — вот ключевые слова в романе. Тяжелая философия жизни... Неужели нужно ее прожить, чтобы постичь?!

Одиночество, разлука с детьми, отдаление их, смерть самых дорогих и любимых — тяжелые чувства переполняют героев и переданы исполнителями...

Третий товарищ и попутчик — это бывший владелец бакалейной лавочки, сгоревшей дотла, ставший нищим, — Авнер Розенталь — Виктор Сухоруков, играющий свою роль без замены и превращающий ее в фонтанирующую. Кого бы он ни играл, из него словно чертик выпрыгивает. А в роли нищего, чудака, почти юродивого В. Сухоруков балансирует постоянно на грани отчаяния. Его игра — временами бурлеск, временами буффонада, временами — эксцентрика, а порой редкостное признание наивной по-детски души, росчерк его артистического пера, и всегда стремление души к свету...

Не сразу, а постепенно, в зависимости от обстоятельств и в высокой сложности раскрывает В. Сухоруков необычность своего персонажа. Сначала его Авнер устраивает представление, сыграв сцену расстрела солдатами того, кто явится жертвой судебного произвола. Уже с этого момента он полностью завладевает залом. Включаясь в свою игру, он показывает: Вот маршируют солдаты (это прусская, любимая Павлом шагистика с высоким заносом ноги), вот раздаются: Пли...

Боже.... Неистовство, с каким актер творит воображаемые обстоятельства, набрасывает на этот персонаж краски легкого безумия. Принимая самые разные обличья, оно овладеет Авнером М. Сухорукова до конца. Иногда он озорной, успевающий вслед за остальными в танце, обернувшись, завершить последнее па. Временами он тих и мечтателен. И что-то в этом как бы благополучном недолго состоянии тоже внушает тревогу. Казалось бы, он просто вспоминает, что однажды, когда к его лавочке еще шли покупатели за изюмом и корицей, Эфраим вырубил ему каменное крылечко. — “У всех деревянные, а у меня каменное!” — произносит он с упоением, а в это время грызет его душу печаль. Увы, нет ни деревянного, ни каменного! Как нет ни жены, ни детей... Феноменально по всплескам чувства и по трогательности “проживает” актер монологи своего персонажа... “Велика ли радость, что господь сотворил нас людьми? Я думал, почему нет нищих-птиц или нищих-зверей? Или нищих деревьев?”

И он продолжает, взгромоздившись на самый верх сооруженной из мельного скарба телеги: “Я хочу жить как дерево. Я хочу шуметь листьями, тянуться к небу, весной зеленеть, осенью желтеть... Хочу, чтобы белка жила в моем

дупле... Белка, а не печаль...” И его кто-то спрашивает: “Твой народ тебе не нравится?” На что следует ответ: “Нравится, но лучше бы я был ольхой” ... Этот Авнер — не гоголевский сумасшедший, он не путает календарные даты месяцев, не молит пожалеть его бедную головушку... Его головушка как у Лиры осознала слишком поздно, что есть ценность, что тлен... Подвижный, возбудимый, недоумевающий он странен и своим вытянутым бледным лицом, и светло-голубыми несчастными глазами... Но когда нужно помочь, он, казалось бы, бесполезный, незамедлительно бросается словно в омут. В одном эпизоде в пути в их телегу встречные военные литовцы хотят посадить рекрутов. Тогда бы нашим путникам никогда не добраться до места. Кстати, эта сцена в цепочке следующих друг за другом ужасов, решена режиссерски иронично и гротескно. Из пустого пространства за повозкой вылетает неправдоподобно высокий русский офицер с шашкой в длинной шинели, прячущей под ней второго актера в роли литовского солдата, на плечах которого он стоит... И Авнер - Сухорукова, расцарапывая себя и рискуя быть разоблаченным, притворяется прокаженным... К прокаженному никто не рискнет подсесть. Когда нужно покормить лошадь, то Шмуле просит Авнера пойти в ближайшую деревню за овсом. Ему не хочется, он никогда не просил милостыню в виде овса. Но Шмуле говорит: “Прошу тебя не от своего имени, а от имени своей лошади”... И Авнер идет, приносит мешок, а возница щедро осыпает, подбрасывая вверх горсти зерна для гнедой... С какой легкостью по воле режиссера условность сменяется мгновенным правдоподобием! И какой это дает пронзительный эффект! Когда Авнер чувствует, что настоящая болезнь вцепилась в него, что его похоронят в лесу, кажется, что последним усилием воли он поднимается и начинает сбивать доски с заколоченной боковой стены. Ее заколачивали как двери, как вход в дом перед отъездом Эфраима. Сейчас на глазах зрителей эта стена обретает другое значение. Она становится вратами в иной мир. Они распаиваются, и темная мрачная сцена оказывается залитой сиянием света. В этот символический свет уйдет навсегда Авнер М. Сухорукова... Все игра, и все действие, и все события для путников.... Когда выясняется, что во время ночлега украдена лошадь, путники отправляются в поисках ее по следу к Иоселе-конокраду. И попадают на похороны. Покойник лежит прикрытый простыней. Его вдова Хаса (Ольга Шиповская), оплакивая мужа, рвет на себе седые космы. Малые дети, не ощущая никакого горя, стреляют в присутствующих из рогаток. Ритуал прощания совершают местные люди. Группа персонажей на сцене образует живописную композицию, кто-то стоит, кто-то сидит на корточках, мать тащит за собой девочку с лицом недоумка... И весь этот ритуал плача внезапно прерывается потому, что кому-то пришлось в голову сдернуть простыню с покойника. Обнаруживается, что простыня прикрывала бревно. А сам высокий черноволосый развеселый живехонький Иоселе - Владислав Гандрабур — появляется, пригланцовывая и припеваючи. Возвращением лошади заканчивается приключение.... Но его нужно было пережить! И сколько этих происшествий случается с путниками... Вот лошадь почуяла волков. Их нападение представлено как метафора другого зла, другой беды: На сцену выбежали мужчины с огромными сучковатыми палками и принялись громить, что ни попадя... Волки или погром? И что опасней, и от чего кровопролития больше?! Одно несчастье спроецировано режиссером на другое. Меньший масштаб катастрофы — на больший. Долгий путь от одного ужаса к другому будет продолжаться до конца спектакля. Но об этом еще речь впереди. А внезапное появление молчащей и как бы парящей

Козочки воспринимается как знак ее верной заботы о хозяине... Не послушалась, побежала за телегой... Образность спектакля вызывает боль сопереживания...

И путники идут “через дремучие леса, через полноводные реки, через отчаянье и сомненья”. Контрасты сравнительно мирных и драматических эпизодов оттеняют один другой. И где грань между реальностью и воображаемыми фантомами?!

Перед отправлением в Вильнюс толпа из местечка пришла на прощанье. Невеста злополучного сына Эфраима — Нехам (Нино Кантариа) плача и гневаясь, выкрикивает какие-то горестные слова. (В инсценировке этот эпизод дополняет события диалогии). Ее отец — седобородый Рабби Авиэзер (Алексей Кузнецов) призывает всех к терпению и умиротворению. Но как? Ни в его поколении, ни в поколении Эфраима никто из евреев в правителей не стрелял... В их миролюбивом сознании мир богатых и благополучных неприкосновенен. К ним относятся с пиететом. Даже не к самому владельцу большого соседнего имения графу Завадскому, но и к его холеному с иголки одетому управляющему Юдлу Крапвникову (Александр Рыщенко). Этот персонаж появляется в обществе двух девочек-подростков, неправдоподобно тоненьких, одетых как барышни, с кружевными зонтиками от солнца, выступившими с внезапным вокальным дуэтом, выпевая знаменитый Полонез Огинского “Прощание с родиной”...

Странно?

Но это и есть отстранение действия! Художественный прием, позволяющий в обычном увидеть неожиданный смысл (термин, введенный В. Шкловским).

Ингермедия? Гротеск?

Замечательно!

В одной мизансцене художественным смещением оказались запечатлены и эпоха, и разные слои общества, и пропасть между ними, и благоденствие, и горе-горькое... Тут свою лепту в создание атмосферы спектакля внесла художница по костюмам — Александра Яцовская.

Дорога в Вильнюс становится своего рода паломничеством. А сам Вильнюс — недостижимым Иерусалимом... Есть еще одна печальная ассоциация у героев: короткая дорога ведет только в корчму или лавку, длинная дорога всегда ведет человека на кладбище.

Новые встречи тоже по-своему символичны. Повозка в центре. Вокруг — воздух и только. Из пустоты слева появляется неизвестный. Он высок, худощав и одет в черное. В руках у него скрипка в футляре. И направляется он пешком напрямком в Палестину. Оттого и именуется этот персонаж — “Палестинец”. Он фанатик идеи. На гастролях его играет Павел Попов. Решив отправиться в святую землю, “Палестинец” оставляет жену, детей. Далеко-далеко от родного края он видит единственную возможность жить достойно. Но пренебрегает при этом своим долгом перед близкими, не готовыми разделить с ним скитальчество. Он истово упрям. Между тем, кто мог знать, что семья его, пойдя с ним, и выживи, возможно, не попала бы под кровавое колесо истории европейского еврейства в середине 20-го века. Были такие землепроходцы, добирались они до Палестины, строили там кибуцы с социалистической жизнью... Лучами, расходящимися в разные стороны истории, освещены начало или точка отсчета в выборе пути многострадального народа...

Еще один встречный в дороге появляется, притворившись слепым. В руках у него не палка слепого, а хлыст, которым он размахивает, высекая свист в воздухе. На голове у него капюшон, напоминающий то ли те, что на картине “Сле-

пые” Брейгеля, то ли средневековые шлемы, то ли шлемы комиссаров “на той единственной гражданской”... Но он меняется, превращаясь из агрессивно озлобленного бродяги в человека, мечтающего о справедливости, находящего в священном писании, читаемом им из укрытия, из-под повозки, что делает наглядным его слова о том, как горько евреям постоянно жить в тени, как хочется видеть солнечный луч... Образ Хлуни-Генеха целиком придуман режиссером, и сыгран броско и остро Виктором Добронравовым... Когда Хлуни-Генех В. Добронравов рассказывает Эфраиму, сидящему в безысходном оцепенении анекдот, он стремится его немного отвлечь... Именно Хлуни — В. Добронравов, пришедший ниоткуда, без конкретных примет времени, вдруг заставит верить в реальность того, что горячо, что холодно.

Неживые вещи, предметы в постановках Туминаса обычно имеют не одно значение.

Помните про горстку камней у авансцены? Они окажутся вдруг раскаленными какою-нибудь в эпизоде бани. Обжигая ступни, станут подскакивать на них Хлуни, и с лета запрыгивать в ведро с ледяной водой, высоко разбрызгивая ее. А потом распрямлять пальцы на ногах, словно сведенные судорогой, загнутые торчком... Конечно, чисто театральная игра! Почему нет? Но и передача физического состояния — баня так баня, что может быть лучше бани для притомившихся дорожных товарищей?! Испытавших вполне, что значит, из огня да в полымя! У Канюча в этом эпизоде заключен смысл, не столь очевидный в инсценировке: в бане один благополучный еврей всякий раз оставляет нуждающимся свою одежду...

“Отыграв” свою роль, камни остаются тем же, что были: камнями... А может быть, хотя они и велики, это камни, чтобы положить на могилы? Ведь положено по ортодоксальному еврейскому обычаю при посещении могил класть на них камни, а не цветы... На этих камнях остаются лежать несколько вещей из багажа Авнера: среди них ключи, ручная кофемолка... Он уже ничей. И вещицы — все, что осталось от него, тоже ничьи... Многозначность бутафории можно домысливать. “Палестинец” изображает игру на скрипке, не держа в руках ничего.... Компания из пятерых попутчиков разыгрывает виртуозно эту с изображением концерта инструментального квинтета. Режиссер сам постоянно дает повод разгадывать смысл двойных и тройных превращений... Он предлагает конкретность лишь ненадолго, в массовых сценах, как, например, в сцене появления жены Шмуле Фейги (Ольга Шиповская), бранчливой, самоуверенной, наступательной... А главным образом, в его спектакле присутствует рой видений, и в них нужно разобраться...

Не доедут до Вильнюса наши герои. Не увидит отец сына. Не станет, как в романе, раскапывать его в общей могиле, чтобы похоронить достойно и изваять ему надгробие... Долгий путь от одного ужаса к другому обозначится необычайно сильным финалом.

Еще одно последнее нападение на путников осуществят одетые в противогазы мужчины. Они окурат их и всю сцену непроницаемым дымом, они начнут громить утлый скарб, из которого сложен возок. Методично. Автоматически. Неостановимо. С каменным упорством. Команда дезинфекторов? Команда убийц? Команда эсэсовцев? Из более позднего времени? Из страшного периода, называемого Катастрофа, до которого Эфраим и Шмуле наверняка не дожили? И когда этот зловещий “хэппенинг” закончится, наверху под падугой в центре высветится большая старинная семейная фотография в проволочной раме-оправе, в просве-

тах которой между соединениями зажгутся огоньки свечей. Потом фотография будет несколько раз повернута тыльной стороной, и мы увидим, что к ней приколоты парные башмачки, парные сапожки... Тех, кто их не сносил...

Господь не улыбнулся молящим...

Свет в спектакле, где его было так мало, и потому его вспышки значили так много, возложив на него эмоциональную нагрузку, выстроили Майя Шавдушвили и Александр Матвеев...

А Римас Туминас подвел финал к масштабному обобщению трагедии народа, к счастью, не истребленного полностью геноцидом. В моем раздвоенном сознании человека послевоенного поколения — по культуре, по любви к русскому искусству я — русская, а по крови — еврейка, в генетической памяти которой запечатлен долгий путь моего народа от одного ужаса к другому, возникло чувство огромной благодарности к Римасу Туминасу, захотевшему обратиться к теме, к которой лично он не причастен, но, раскрывая ее, проявил не только свой дар, но и готовность сердца откликнуться на беды мира.

Игорь Ефимов
ЗАКАТ АМЕРИКИ
САРКОМА БЛАГИХ НАМЕРЕНИЙ

(продолжение. Начало в №1/2015 и сл.)

Часть вторая
К Т О

11. СТРАЖНИК

Враг вступает в город, пленных не щадя,
Потому что в кузнице не было гвоздя.

Самуил Маршак

В течении 19-го века ключевой фигурой в охране закона и порядка в США был избираемый шериф, имевший вооружённых помощников. Любое преступление должно было рассматриваться судами того штата, где оно было совершено. Но в начале 20-го века произошли изменения, потребовавшие усложнения системы.

Организованная преступность могла раскидывать свою сеть от океана до океана, радикальные политические группировки тоже не считались с границами между штатами. Развитие автотранспорта и авиасообщений давало возможность злоумышленникам стремительно перемещаться и исчезать с места преступления. В связи с этим в 1908 году при Министерстве юстиции было создано Бюро расследований, превратившееся в 1920-е в ФБР. После Второй мировой войны разведывательные подразделения различных родов войск были объединены в ЦРУ — Центральное разведывательное управление. В систему охраны порядка также входят пограничный контроль, береговая охрана, таможенная служба. В случае массовых беспорядков губернатор штата может вызвать Национальную гвардию.

Казалось бы, такая многослойная защита от врагов должна только радовать законопослушных американцев. Но в них также традиционно живёт страх перед возможностью превратиться в полицейское государство, наподобие описанного Оруэллом в романе «1984». Поэтому все слои обороны от преступности подвергаются нападкам, критике, ограничениям со стороны прессы, юристов, законодателей. Стражам порядка предъявляется трудно выполнимое требование: «Да, защищайте нас, но так, чтобы не нарушать права человека, даже если этот человек вообразил, что у него есть право не считаться с требованиями закона».

Рассмотрим несколько наиболее характерных примеров того, как это происходит в реальности.

ПОЛИЦИЯ

20 декабря 2014 года в новостях сообщили об очередном преступлении в Бруклине: чернокожий мусульманин подошёл сзади к отпаркованной полицейской машине и расстрелял из пистолета двух патрульных, сидевших в ней. Потом скрылся в метро и там покончил с собой.

Расследование показало, что он планировал эту акцию как возмездие за смерть Эрика Гарнера, погибшего осенью в результате потасовки с полицейским и на улице Штетин Айленда, что даже объявлял об этом в интернете и что перед отъездом из Балтимора в Нью-Йорк он застрелил свою подружку. Странники идеи мультикультурализма могут найти в этой печальной истории слабое утешение: один из убитых патрульных был латиноамериканцем, другой — китайцем.

Нам следует напоминать себе об этих трагедиях каждый раз, когда действия полицейских вызывают у нас протест или раздражение. Ведь им, действительно, приходится жить готовыми к бессмысленной гибели каждый день. Разгул преступности в стране, где в руках рядовых граждан находятся миллионы ружей, пистолетов, автоматов, превращает стража порядка в удобную мишень для всякого накурившегося психопата или идейно-религиозного фанатика. Я также стараюсь не забывать о двух случаях, когда дорожные копы останавливали меня за превышение скорости, но, заглянув в старенький автомобиль и увидев там небогатую семью с ребёнком, только пожурили и отпустили без штрафа.

С другой стороны, работа полицейского постоянно заставляет его соприкасаться с преступным миром. Со временем он свыкается с нормами и порядками в этом мире, в какой-то мере начинает копировать их в своём поведении. В американских фильмах и романах тысячи раз всплывает фигура стража порядка, вступившего в симбиоз с гангстерами, оказывающего им услуги и побряжки, получающего взамен деньги, льготы, а порой и гарантию собственной безопасности. Крайне редко товарищи по подразделению захотят выдать его — они знают, что и их послужной список содержит не одно нарушение устава. Соблюдение лояльности, покрывание друг друга делается в какой-то мере делом чести. Только если случается громкое преступление и начинается серьёзное расследование, на свет может всплыть подлинная картина взаимоотношений полиции с преступными элементами.

Ярким примером этого может служить убийство Ли Харви Освальда профессиональным гангстером, Джеком Руби, случившееся в Далласе 24 ноября 1963 года.

В глазах закона и Налогового управления Руби числился владельцем двух ночных клубов со стриптизом. Официанткам в этих клубах было приказано бесплатно или с большой скидкой подавать заглянувшим на огонёк полицейским чего бы они ни пожелали, включая крепкие напитки. Есть свидетельства, что стражи закона имели к своим услугам также и дам, выступавших там. Когда одна из танцовщиц хотела пожаловаться на побои, опытный знакомый отсоветовал ей, сказав: «Руби имеет столько материалов на Далласскую полицию, что она и не подумает обратить внимание на такую пустяковую жалобу».¹

Однажды Руби избил своего служащего кастетом так сильно, что свидетели вызвали полицию. Она приехала и арестовала *избитого*. Всего за время пребывания в Техасе Руби арестовывали восемь раз, из них два раза — за незаконное хранение оружия. Шесть раз обвинение снималось, два раза он заплатил пустяковый штраф.²

Всё это попустительство полиции прошло бы никем не замеченным, как оно проходит в сотнях американских городов, если бы не громкое тройное убийство в ноябре 1963. Тут уж полицейское управление кинулось спасать честь мундира любой ценой. Вся страна и весь мир хотели узнать, что представляет из себя человек, застреливший предполагаемого убийцу президента Кеннеди. Следователи и журналисты засыпали полицейских вопросами: кто он такой? Был ли знаком с Освальдом? Как он проник в охраняемый гараж, где готовилась перевозка арестованного? Как смог приблизиться к своей жертве и всадить пулю в живот?

Ни один из далласских стражей порядка не признался, что видел всеобщего друга, Джека Руби, в здании полицейского управления и 22, и 23, и 24 ноября. Его присутствие там было зафиксировано только фото- и кинокамерами журналистов. Ответы полицейских были сбивчивыми и противоречивыми: «не знаю, не видел, не помню, не знаком».

Убийство президента Кеннеди произошло на Дэйли-плаза в 12:30, а сорок минут спустя на окраине Далласа Освальд застрелил полицейского Типпитта. Спрашивается: что делал патрульный Типпит в своей машине на пустынной улице, когда эфир был заполнен призывами радиодиспетчера всем мчаться к месту убийства президента? Не поджидал ли он там убегающего Освальда по поручению своего близкого друга, Джека Руби? Не было ли ему поручено устранить опасного свидетеля, который примчигся туда, чтобы забрать обещанную ему для бегства красную машину? Ведь если бы Типпит сумел извлечь свой пистолет на секунду раньше Освальда, Руби не пришлось бы убивать того два дня спустя на глазах у всего света. Тогда бы задуманный сценарий убийства президента сработал отлично — ни у кого бы не возникло даже мыслей о заговоре. Да, психопат пытался скрыться с места преступления, был остановлен и убит бдительным полицейским — всё, дело закрыто.

Комиссия Уоррена затребовала у полицейского управления транскрипты радиопереговоров полицейских с диспетчером. Были представлены три различные версии с таким количеством подчисток и несообразностей, что следователям Комиссии пришлось витиевато объяснять и замазывать их в окончательном отчёте.³

Взаимоотношения полиции и преступника всегда привлекали обострённое внимание защитников «прав человека». В какой-то момент благонамеренные в высших эшелонах американской юстиции задумались: «Конечно, пятая поправка к Конституции, дающая обвиняемому право не свидетельствовать против себя на суде, — прекрасная вещь. Но что случится, если полиция арестует человека, не знающего об этом конституционном праве? И он, по незнанию, сознается в преступлении или другим образом выдаст себя? Нет, мы не должны этого допускать!».

И в 1966 году Верховный суд США постановил: «При аресте подозреваемого полиция обязана объявить ему, что он имеет право не отвечать на вопросы, что имеет право нанять адвоката, а если это ему не по средствам, адвокат будет предоставлен бесплатно. Если же такое предупреждение не будет зачитано, это может служить основанием для снятия обвинения».

Решение было принято пятью голосами против четырёх. Один из несогласных, судья Джон Харлан, писал: «Наш суд всё добавляет и добавляет новые этажи к храму Конституции, забывая, что после какой-то очередной добавки храм может рухнуть». Другой несогласный, судья Байрон Уайт, выразил нежелание разделить с остальными ответственность за волну преступлений, которая добавится в результате введения этого правила. «В множестве случаев суды будут выпускать на свободу убийц и насильников, которые станут совершать новые злодеяния».⁴

Новый закон получил название «Правило Миранды», по имени Эрнесто Миранды, судимого в Аризоне за похищение и изнасилование 18-летней девушки. На допросе он признался в содеянном и подписал протокол, в котором были слова «подписываю добровольно, без всякого принуждения». Однако Верховный суд отменил обвинительный приговор суда на том основании, что подсудимый не знал о своём праве на адвоката. Миранду судили заново и дали срок от 20 до 30 лет. Он отсидел только пять и был выпущен условно. Статус знаменитости дал ему возможность подрабатывать: полицейские приносили ему карточки с текстом обязательного предупреждения, и за небольшую плату он надписывал их. Увы, четыре года спустя его зарезали в пьяной драке в баре. Главный подозреваемый воспользовался своим правом молчать, и его отпустили за неимением улик и свидетелей.² Как выпускали с тех пор и сотни тысяч других опасных преступников, поднагоровших в отыскивании лазеек в храме американского Правосудия.

В угоду страсти рационального ума к бесконечному регламентированию «Правило Миранды» стремительно стало обрастать поправками, уточнениями, ограничениями. Что делать, если подозреваемый не знает английского? Ждать приезда переводчика? А если подозреваемый пьян или под наркотиком? Например, в какой момент должны были начать декламировать «Миранду» полицейские, задержавшие в Лос-Анджелесе грабителя Родни Кинга, удиравшего от них на автомобиле со скоростью сто миль в час, а потом вступившего с ними в драку?

Этот молодой негр уже отсидел год в тюрьме за ограбление корейского магазина, был выпущен условно, и ему страшно не хотелось возвращаться в камеру за быструю езду в пьяном виде. Его можно понять. Полицейские гнались за ним по улицам, рискуя своей жизнью и жизнью прохожих, но это отнюдь не оправдывает их дальнейшего поведения.

Разве нельзя было спокойно объяснить беглецу, что накидываться на восьмерых стражей закона, пытающихся надеть на тебя наручники, — дело неразумное и безнадёжное? Разве не могли они хором прочесть ему «Правило Миранды»? Вместо того, чтобы негуманно пускать в дело пинки и дубинки?

И надо же, чтобы избиение происходило рядом с домом, на балконе которого один из жителей коротал вечер с кинокамерой в руках. И вся сцена оказалась у него на плёнке. И жестокость полицейских была показана на миллионах экранов телевизоров по всей стране множество раз.

Их отдали под суд, но присяжные вынесли оправдательный приговор.

Конечно, добрый город Лос-Анджелес не мог стерпеть подобной несправедливости.

Он ответил на неё знаменитым бунгом 1992 года.

Результат: 53 погибших, 2383 раненых, больше семи тысяч пожаров, разгром 3100 лавок и контор, и около миллиарда убытков.⁴

Полиция вынуждена была пускаться на разные уловки, чтобы сделать борьбу с преступностью более эффективной. В Нью-Йорке один за другим на посту мэра оказались два разумных и энергичных политика: Руди Джулиани и Майкл Блумберг, которым удалось сократить число убийств в городе вдвое. Достигнуто это было довольно простыми мерами. Полицейским было разрешено задерживать даже мелких нарушителей порядка, тех, кто раскрашивал стены домов, перепрыгивал через турникеты на входе в метро, мочился в телефонных будках. Эта тактика принесла неожиданно богатый улов: мелкие нарушения часто совершали люди, разыскиваемые за более серьёзные преступления. Видимо, любое беззаконие становилось для них чем-то вроде наркотика, без которого жизнь была не в радость.

Конституция США запрещает личный обыск без достаточных оснований. В нарушение этой статьи, полиция Нью-Йорка было разрешено останавливать молодых людей, ведущих себя вызывающе, и проверять их на наличие оружия и наркотиков. Называлось это «остановить и обыскать» — stop-and-frisk. Зная о такой возможности, потенциальные преступники остерегались выходить на прогулку с пистолетом в кармане или ножом. Конечно, стычек с кровопролитием стало меньше.

Увы, 90% останавливаемых оказались афро- или латиноамериканцами. Благонамеренные стали обвинять полицию в «профилировании задержанных по расовому признаку». Пропагандная кампания набирала силу, и новый мэр, Ди Блазио (сам женатый на негритянке), первым делом запретил эту практику. Как знать: если бы она действовала в декабре 2014 года, может быть, опытный глаз стража порядка разглядел не добрые намерения мстителя из Балтимора, и двое патрульных остались бы живы.

В случае гибели правонарушителя от рук полицейских часто раздаются обвинения в том, что выпущено было слишком много пуль, когда хватило бы одной — ранить и обезопасить. Мало кому из благонамеренных доводилось участвовать в схватке, где твоя жизнь поставлена на карту и где забота о конституционных правах твоего противника отступает на задний план. Расследования реальных перестрелок показали, что даже на расстоянии в два метра, половина пуль вылетающих из пистолетов полицейских, не попадала в цель. На расстоянии в 20 метров число попаданий уменьшалось до 14%.⁷

Гуманный подход должен распространяться не только на американских граждан, но и на гостей из стран Третьего мира. Каждому, кто заявит, что он ищет политического убежища от преследований на родине, нужно дать возможность изложить свою историю перед судьёй, рассматривающим проблемы иммиграционного статуса.

В сентябре 1992 года в аэропорту Кеннеди появился человек, предъявивший иракский паспорт на имя Рамзи Юсуфа. Зоркая сотрудница паспортного контроля обратила внимание на то, что в его авиационном билете стояло другое имя. Она считала, что прилетевшего необходимо задержать, но начальник отклонил её рекомендацию, потому что иммиграционный центр был переполнен. Юсуфу предложили явиться через три месяца к судье, который рассмотрит его просьбу о политическом убежище.

У судьи иракский гость не появился, но стал активно посещать мечеть шейха Омара, где и навербовал себе сообщников, вместе с которыми организовал взрыв во Всемирном торговом центре 26 февраля, 1993 года. Результат: шестеро погибших, тысяча пострадавших, ущерб на полмиллиарда долларов. Но сам Юсуф в день взрыва спокойно улетел из Нью-Йорка. До отлёта он успел увидеть дымящееся здание и был разочарован: заговорщики надеялись, что одна башня рухнет на другую и они обе превратятся в развалины.⁸

Тут мы вплотную приблизились ко второй линии американской обороны против нарушителей спокойствия и порядка.

ФБР

Эта организация возникла при президенте Теодоре Рузвельте в 1908 году, вопреки мощному противодействию Конгресса, опасавшегося возникновения секретной полиции в Америке. Однако разгул политического террора анархистов и шпионаж против США в годы Первой мировой войны сделали необходимым создание мощной структуры, способной противодействовать проискам врагов. Ис-

пользуя «Акт о шпионаже» (1917), Бюро арестовывало политических радикалов и живших в стране немцев, подслушивало разговоры, вскрывало почту, проводило секретные взломы и обыски.

В 1919 году 24-летний Эдгар Гувер возглавил тот отдел Бюро, который занимался борьбой с коммунистами. Люди, открыто объявлявшие своей целью уничтожение собственности и собственников во всём мире, сделались его главными врагами на всю жизнь. В 1924 году он был назначен директором ФБР и оставался на этом посту вплоть до своей смерти в 1972. Созданная им система слежки, составления «чёрных списков» и досье на тысячи «красных» и сочувствующих им, угрозы, шантаж, судебные преследования сыграли огромную роль в том, что коммунизм не обрёл в Америке такой силы и влияния, какими он пользовался во многих странах Европы.

Слежка велась не только за политическими радикалами, гангстерами и шпионами. В архивах ФБР имелись досье на многих видных политиков, включая конгрессменов, сенаторов, даже президентов. Знание интимных секретов заметных фигур давало Гуверу огромную власть над ними. Его осведомлённость была паразитической. Он знал, например, что у Элеанор Рузвельт был роман с молодым социалистом, Джозефом Лэшем (председателем Союза американских студентов), а потом с её лечащим врачом, Дэвидом Гуревичем. Что одна из возлюбленных Джона Кеннеди имела связь с восточно-германской разведкой, а другая, Джудит Кэмпбелл, одновременно одаривала своими ласками босса чикагской мафии, Сэма Джанкану.

Многие боялись и ненавидели директора ФБР, но ни один президент не решился уволить его с занимаемого поста. Особенно напряжённые отношения возникли у него с братьями Кеннеди. Роберт Кеннеди, занимая пост генерального прокурора, то есть Министра юстиции, формально был начальником Гувера. Однако ему так и не удалось добиться послушности своего строптивого подчинённого. Генеральный прокурор считал главной задачей своего ведомства борьбу с организованной преступностью и со сторонниками расовой сегрегации. Гувер же объявлял, что с мафией его Бюро практически покончило, а следует все силы направлять на противодействие красным и чёрным радикалам. Хранившееся у него досье на Мартина Лютера Кинга распухало от месяца к месяцу, к нему добавлялись транскрипты тайных совещаний, подслушанных телефонных разговоров, магнитофонных записей гулянок в номерах отелей с обильной выпивкой и покладистыми дамами.²

Убийство Джона Кеннеди, казалось бы, должно было лечь тёмным пятном на репутацию ФБР, проморгавшего преступление такого масштаба. Но этого не случилось. Новый президент, Линдон Джонсон, нашёл в лице Гувера надёжного союзника на все годы, что он находился у власти. Их сближало то, что они оба ненавидели Роберта Кеннеди. Но главное: с самого начала перед обоими стояла задача доказать американцам и всему миру, что Освальд был убийцей-одиночкой, а не маленьким звеном большого заговора.

Уже через две недели после Далласской трагедии ФБР состряпало подробный отчёт о расследовании, содержащий описание короткой жизни бывшего морского пехотинца, его пребывание в СССР в 1959-1962 годах, визиты в кубинское и советское посольство в Мехико-сити осенью 1963, протоколы допросов его вдовы, Марины Прусаковой-Освальд, показания Далласской полиции о гибели патрульного Типпига и многое другое. Вывод: психопат с коммунистическим уклоном, действовал сам по себе, от таких непредсказуемых типов не может защитить даже самая совершенная полицейская сеть.

У президента Джонсона были свои причины отвергать версию заговора. Он знал, что администрация Кеннеди подсылала убийц к Фиделю Кастро, что тот обнаружил это и, скорее всего, в целях самозащиты, нанёс опережающий удар, заплотив мафии за убийство президента. Если бы это выплыло на свет, разразился бы скандал такого масштаба, что демократическая партия утратила бы на десятилетия надежду увидеть своего кандидата в Белом доме. Не говоря уже о возможности термоядерной войны с СССР из-за Кубы, угроза которой была так близка всего год назад.

Сенсационное тройное убийство поставило перед Джонсоном и Гувером ту же задачу, перед которой оказалась полиция Далласа: спасти честь мундира.

Для Джонсона и созданной им Комиссии Уоррена главным препятствием к достижению их цели стала выплывшая на свет любительская кинолента, сделанная далласским жителем, Абрамом Запрудером. Она запечатлела проезд президентского лимузина по Дейли-плаза во время выстрелов. Анализ кадров ясно показал, что выстрелы были произведены с разных сторон, а это уже доказывало наличие нескольких стрелков, то есть заговора.¹⁰

Положение Гувера было ещё труднее. Выяснилось, что летом 1963 года Освальд предложил Далласскому отделу ФБР стать их тайным осведомителем, был принят на эту роль и получал за свои услуги по 200 долларов в месяц. Этот приём очень часто используют профессиональные преступники и террористы, когда им предстоит важная операция. В случае провала они смогут объявить на суде, что действовали по приказу правоохранительных органов. Тот же Джек Руби перед поездкой в Кастровскую Кубу в 1959 году для выкупа посаженных в лагерь крупных мафиозных боссов зачислился осведомителем ФБР.¹¹ Теперь и Джонсону, и Гуверу пришлось приложить огромные усилия к тому, чтобы информация о сотрудничестве Освальда и Руби с государственной организацией не просочилась в окончательный Отчёт комиссии Уоррена.

Споры по поводу расследования убийства Кеннеди только начали набирать силу, когда страну захлестнули другие бурные события: Вьетнамская война, борьба против сегрегации, террор «чёрных пантер», прокоммунистических группировок «везерменов», пуэрториканских националистов. ФБР вело борьбу с радикалами, мало считаясь с соблюдением законности. Сам Гувер признавался впоследствии: он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что вскрывать почту американских граждан, устраивать тайные обыски в их квартирах и конторах, устанавливать там подслушивающие устройства было уголовно наказуемыми деяниями. Но он не видел возможности другими методами спасти страну от вулкана революции.

Не следует забывать, что и его врагами часто двигали «благие», по их понятиям, намерения. «Везермены» видели себя честными борцами за мир. Они объявляли в своей пропаганде: «Если вы не прекратите войну во Вьетнаме, мы будем убивать ваших конгрессменов, сенаторов, даже президентов». Их угрозы не были пустым звуком. Они взорвали бомбу в здании Капитолия в Вашингтоне (1971) и объявили, что это возмездие империалистам за вторжение в Лаос. Взрыв в Пентагоне (май, 1972) был мстостью за бомбёжки Ханоя. Всего на счету «везерменов» набралось 38 взрывов. Расследование их Федеральным бюро не привело ни к одному осуждению подозреваемых. Почему? Потому что в начале 1970-х Верховный суд (о, из самых лучших намерений!) запретил использовать на суде данные электронной слежки, проводившейся без разрешения судьи.¹²

После смерти Гувера в 1972 году и Уотергейтского скандала деятельность ФБР была в огромной степени ограничена, почти парализована. Каждый агент знал,

что за применение незаконных методов слежки он может быть арестован, судим, отправлен в тюрьму. На посту директора люди сменялись, но никто из них никогда не достиг такой власти и влияния, какими пользовался Гувер. Заняв президентское кресло, Билл Клинтон, по рекомендации своих советников, пригласил судью Луиса Фри, считавшегося образцом честности и принципиальности, возглавить грозное учреждение. Тот согласился и, торжественно приняв присягу, начал — с чего? С того, что порвал всякие отношения с новоизбранным президентом и затеял многолетнее и дорогостоящее уголовное расследование его личной жизни и политической деятельности.¹³

За восемь лет правления Клинтон разговаривал с назначенным им директором ФБР хорошо если пять-шесть раз. Но уволить человека, который занимается расследованием твоих подозрительных делишек — это был бы политический скандал такого же масштаба, как скандал, стоивший президентского кресла Никсону. Именно за годы правления Луиса Фри ФБР было доведено до того плачевного состояния, которое убедительно отражено в трагической книге Стивена Эмерсона «Американский джихад. Террористы, живущие среди нас».¹⁴ В ней описано, как умело мусульманский мир использует все лазейки, оставленные в американских законах и конституции.

Вы отделили церкви от государства? Но мусульманская церковь не желает делиться — она видит свой долг в том, чтобы *господствовать над государством*. И этот свой долг мечети выполняют страстно, изобретательно, неутомимо. Так как доходы религиозных учреждений не облагаются налогом, никто не может узнать, какие суммы собираются в виде пожертвований, сколько сотен миллионов течёт и течёт непрерывно из мечетей Европы и Америки на поддержку террористов Палестины, Алжира, Египта, Чечни, Афганистана, Пакистана. Пропаганда ненависти и джихада подхватывается на магнитофонные ленты и разлетается по всему мусульманскому миру. На лотках рядом с мечетями вы можете купить тренировочные видео для военной подготовки джихадистов. На других будет показано, как палестинские «предатели» под пытками сознаются в своих преступлениях. Продаются и детские книжки для раскрашивания, использующие в качестве сюжета инструкцию «Как убить неверного».¹⁵

Слепой египетский шейх Абдель-Рахман горько жаловался американской журналистке на несправедливые нападки американской прессы на его мечеть в Нью-Джерси. Но тайный агент ФБР сумел заснять на видеоленту секретные встречи шейха с сообщниками, на которых они планировали одновременные взрывы здания ООН, Линкольнского и Холландского туннелей, моста Джорджа Вашингтона.¹⁶ При помощи этих лент шейха удалось осудить на пожизненное заключение. Однако строгие правила, регулирующие возможности расследования религиозных учреждений, доходят до того, что сотрудникам ФБР запрещено даже собирать брошюры и журналы исламистов, открыто продающиеся в киосках и продуктовых магазинах. Против отдельных агентов, нарушивших эти правила, могут быть — и неоднократно были — возбуждены судебные иски со стороны мечетей и «благотворительных фондов».¹⁷

Средства, собираемые «фондами», могут быть использованы для покупки маленьких бизнесов, под прикрытием которых джихадисты получают возможность обосноваться в Америке. Однажды в Нью-Джерси мне довелось столкнуться с группой молодых арабов, показавшихся мне крайне подозрительными.

В соседнем городке была небольшая лавка, в которой нам нравилось время от времени покупать какие-то русские деликатесы: красную икру, воблу, солёные

и сушёные грибы, пастилу и прочее. Находясь рядом с прекрасной французской пекарней, корейским супермаркетом и японским рестораном, магазинчик выживал с трудом, переходил из рук в руки. Однажды, зайдя в него, я обнаружил очередных новых владельцев: трое или четверо красивых молодых людей ближневосточной наружности прервали свою беседу и усталились на меня с недоумением и, как мне показалось, неудовольствием. Я попытался выяснить у них, будут ли они продолжать торговлю продуктами из России. Оказалось, что по-английски они едва-едва могут связать несколько слов. Единственное, что мне удалось узнать: новый хозяин — сириец, а сами они — из Ливана и Иордании.

Внешность молодых людей запала мне в память. Гордость, высокомерие, никаких улыбок зашедшему покупателю. С таким выражением лица идут на опасное задание, на самопожертвование, а не торчат за прилавком с пирожками и квашеной капустой. Чем-то они напомнили мне портреты Желябова, Рысакова, Гривешицкого, Каляева. Да и цены на продукты были так задраны, что становилось ясно: получение нормальной прибыли их не интересует, доход они получают из какого-то другого источника. Я понял, что русские деликатесы нам придётся искать где-то в другом месте.

А вскоре грянуло одиннадцатое сентября. И я не удержался: преодолел интеллигентскую безгильзность к доносительству и послал в местное отделение ФБР описание подозрительной арабской компании под вывеской русской продовольственной лавки. Не знаю, сыграло ли оно какую-то роль. Но полгода спустя в газетах появились статьи, описывавшие раскрытие сети террористов в нашем графстве Берген. К сожалению, расследование тянулось слишком долго, злоумышленников что-то спугнуло, и большинству их удалось скрыться. Русская лавка опять опустела.

Спрашивается: если бы ФБР не было доведено при Клинтоне до такой беспомощности, удалось бы ему предотвратить 11-е сентября?

17 августа 2001 года агент Гарри Самит позвонил из Миннеаполиса в Вашингтон своей начальнице, Кэтрин Кайзер, с тревожным сообщением: он допрашивал алжирца с французским паспортом, Захария Муссави, задержанного из-за просроченной визы. Про этого человека он получил сведения от старинного приятеля, руководившего частной лётной школой. Муссави изучал там управление полётом Боинга-747, но не интересовался техникой взлёта и посадки. Самит просил Кайзер добыть ему разрешение на вскрытие твёрдого диска компьютера, найденного у задержанного.¹⁸

Для получения такого разрешения нужно было обратиться в специальную коллегию судей, созданную указом Конгресса в 1978 году: FISA Court (Foreign Intelligence Surveillance Act). Процедура была усложнена новым постановлением 1995 года, требовавшим получать разрешение ещё и в министерстве юстиции.¹⁹ Но для этого нужно было представить какие-то данные, указывающие на связь подозреваемого с террористами или иностранной разведкой.

Таких данных у Самита не было. Три недели он и Кайзер обивали пороги вышестоящих — тщетно. Последний отказ в разрешении на обыск был получен 10-го сентября, 2001 года. Такая же судьба постигла сообщения агента Кена Вильямса из Феникса (штат Аризона) о том, что в лётных школах обучаются люди, сочувствующие аль-кайде.²⁰

Летом 2002 года Муссави всё же предстал перед судом. Обвинение сумело собрать много интересной информации о нём. Что в мае 2001 года он занимался в лётной школе в Оклахоме, той самой, которую посещали и два террориста, управ-

лявшие угнанными Боингами 11 сентября. Что получил денежный перевод из Германии в 14 тысяч долларов, из которых уплатил за уроки управления Боингом в лётной школе в Миннесоте. Судебный процесс Муссави превратил в фарс, громогласно вознося молитвы Аллаху о возврате мусульманам Андалузии, об уничтожении Израиля, России, Канады, США, об освобождении Палестины, Чечни, Афганистана. Когда прокурор ловил его на вранье, он объяснял, что священный джихад позволяет верующему говорить какую угодно неправду.²¹

Как правило, ни полиция, ни ФБР не имеют права арестовывать людей за то, что они ведут себя подозрительно. Преступное деяние должно быть совершено — тогда стражники берутся за дело, собирают улики, предъявляют их судье с просьбой выписать ордер на обыск или арест. Я готов допустить, что ни один из девятнадцати самоубийц, посланных Осамой Бин Ладеном взрывать главные здания Америки, ничем не выдал себя в месяцы, предшествовавшие атаке, и не дал повода для задержания и допроса. Но в истории этого величайшего преступления, сравнимого только с бомбёжкой Перл-Харбора (их разделяет ровно 60 лет), есть один момент, который не даёт мне покоя.

Судя по всему, атака планировалась задолго, и все детали продумывались очень тщательно. Три захваченных самолёта достигли намеченных целей. Ещё один рухнул в Пенсильвании, потому что пассажиры из телефонных разговоров с близкими узнали о том, что происходит в Нью-Йорке, и вступили в бой с террористами. Вскоре после первого тарана всё воздушное пространство Америки было закрыто. Свидетели показали, что в одном из Боингов, готовившихся к взлёту в Бостонском аэропорту, пятеро пассажиров ближневосточной наружности, покидали салон, выражая протест и возмущение. Скорее всего, это был пятый Боинг, запланированный к захвату.

Получается, что из пяти запланированных ударов террористам удалось осуществить только три. Они должны были понимать, что операция была бы гораздо более эффективной, если бы все самолёты, намеченные к захвату, взлетели из разных городов, но одновременно. Спрашивается: почему же они не избрали такой вариант? Почему четыре захвата были запланированы в Бостоне?

По моему мнению, ответ может быть один: потому что только в аэропорту Бостона у них был сообщник (или сообщница), дежуривший у входной калитки и пропустивший в самолёты джихадистов с оружием в руках.

Я не верю, что они были вооружены лишь резаками для вскрытия картонных ящиков. Эта обрывистая информация поступила от одного из пассажиров Боинга, разбившегося в Пенсильвании, и из неё нельзя делать выводы о том, что происходило в других самолётах. Мне трудно поверить, что даже самые тренированные террористы могли бы успешно ликвидировать всех пилотов без огнестрельного оружия.

Результаты расследования трагедии до сих пор не опубликованы полностью. Возможно, что важные детали начнут всплывать на поверхность с таким же запозданием, с каким раскрывалась история убийства президента Кеннеди. И если обнаружатся приметы намеренного искажения расследования, можно предвидеть, что мотивы будут те же, что и там: спасение чести мундира.

Ведь кто-то из высоких чинов должен был отвечать за подбор и проверку контролёров на входных калитках аэропорта Логан в Бостоне. И если бы выяснилось, что на такую ответственную работу, в угоду заветам мультикультурализма, проник джихадист вроде майора Хасана — психиатра на военной базе в форте Худ,

— какие миллиардные иски могли бы предъявить аэропорту родственники погибших в атаках 11-го сентября?

Встаёт также вопрос: а нельзя ли обнаруживать иностранных террористов ещё до того, как они проникли в США?

Теоретически, такая задача находится в ведении большого учреждения, расположенного в окрестностях Вашингтона, в городке Лангли.

ЦРУ

В контексте советской пропаганды, обе разведывательные организации США рисовались одинаково зловещими, разницу между ними нам не объясняли. Просто две головы одного дракона, единственная цель которого — уничтожение светлого царства социализма. Только оказавшись в Америке, мы начали замечать приметы глубокого раскола между ФБР и Центральным разведывательным управлением.

В начале Холодной войны президент Трумен подписал принятый Конгрессом закон о превращении разрозненных разведывательных служб армии и флота в единое учреждение. Для первого директора ЦРУ президент устроил в овальном кабинете импровизированную церемонию посвящения в рыцарский орден шпиков, использовав символический реквизит: чёрный плащ, чёрную шляпу, театральный кинжал.²³

С самого начала Эдгар Гувер выступал с резкими протестами. Он предвидел неизбежную путаницу, которая будет возникать при попытках разграничить деятельность агентов двух разведывательных гигантов. Кроме того, он опасался, что неопытность сотрудников ЦРУ сделает их лёгкой добычей для вербовки советским НКВД-КГБ и для проникновения в их среду советских шпионов.

Вскоре его опасения оправдались. Сотни завербованных ЦРУ агентов и шпионов, сброшенных с парашютом за железным занавесом, были либо пойманы, либо убиты советской контрразведкой.²⁴ Становилось очевидно, что где-то внутри западных разведывательных служб на очень высоких постах затаилась группа предателей.

В октябре 1949 года из Лондона в США прибыл высокопоставленный член британского разведывательного отдела MI-6 по имени Ким Филби. Традиции дружбы между союзниками времён Второй мировой войны были ещё очень сильны, и агенты ЦРУ делились важной информацией с высоким гостем. В апреле 1951 года сам начальник контрразведки Джим Энглтон и другие видные фигуры ЦРУ и ФБР посетили вечеринку в его доме в Вашингтоне. Туда же явился британский дипломат, Гай Бёрджес, который напился и начал устраивать скандальные сцены американцам.

А ещё месяц спустя все газеты по обе стороны Атлантического океана опубликовали сенсационную новость: Ким Филби, Гай Бёрджес и британский дипломат Дональд Маклин оказались советскими шпионами и сумели убежать в Москву. У западных разведок ушло много лет на заделывание брешей, проделанных британскими изменниками.²⁵

Несмотря на провалы, Конгресс США продолжал активно поддерживать деятельность ЦРУ. Финансирование осуществлялось не прямо, а через секретные фонды Пентагона. Гувер был возмущён, когда узнал, что бюджет ЦРУ превосходит бюджет ФБР в пять раз.²⁶ Тем не менее, и его организация делалась крупнее с каж-

дым годом. К моменту вступления Эйзенхауэра на пост президента (1952) она насчитывала около пятнадцати тысяч человек и имела на расходы 90 миллионов долларов.²⁷

В течение первых трёх десятилетий своей истории ЦРУ довелось принимать участие во множестве международных конфликтов. Блокада Западного Берлина (1948-49), Корейская война (1950-1953), Венгерские события (1956), запуск разведывательных самолётов У-2 над территорией СССР (1960), высадка антикастровцев на Кубу (1961), возведение Берлинской стены (1961), Карибский кризис (1962), вьетнамская война (1963-1973), Пражская весна (1968), и так далее. В течение этого времени ЦРУ было подотчётно только президенту и считало себя вправе использовать любые методы, дающие желаемый результат.

Уотергейтский скандал и свержение президента Никсона всё изменили. В американской конституции границы между исполнительной ветвью власти и законодательной прочерчены не очень чётко, особенно в сфере внешней политики. Вьетнамская война не была формально одобрена Конгрессом и велась двумя президентами без санкции законодательной ветви. Начиная с 1975 года Конгресс пытается вернуть себе право большего контроля за действиями Белого дома. Одна за другой создаются комиссии, которым поручено расследовать события недавней истории, чтобы обнаружить злоупотребления и выработать законы для предотвращения ошибок прошлого.

Двухпартийную комиссию, расследовавшую деятельность ЦРУ, возглавил сенатор-демократ Фрэнсис Чёрч. Много печальных явлений выплыло на свет в отчёте «Комитета Чёрча». Выяснилось, что новейшая технология использовалась для подслушивания телефонных и радиопереговоров американских граждан без разрешения суда. Что было вскрыто и сфотографировано больше двухсот тысяч почтовых отправок. А главное, ЦРУ активно участвовало в свержении и даже убийствах иностранных лидеров: Мохаммеда Мосадека в Иране (1953), Джакомо Арбенца в Гватемале (1954), Патриса Лумумбы в Конго (1961), Рафаэля Трухильо в Доминиканской республике (1961), Нго Динь Дьема в Южном Вьетнаме (1963). Попытки покончить с Фиделем Кастро делались в течение 1960-1965 годов, в какой-то момент ЦРУ даже пыталось нанять для этой цели Чикагскую мафию.²⁸

Последнее разоблачение возбудило новый интерес к убийству президента Кеннеди. Не могло ли случиться, что Кастро, узнав о покушениях на него, решил в целях самозащиты нанести опережающий удар? К этому времени были опубликованы десятки книг, вскрывающих все несообразности и противоречия в Отчёте Комиссии Уоррена. Поэтому в 1978 году для расследования была создана новая комиссия под руководством конгрессмена Луиса Стокса. Она получила огромные полномочия и средства, работала два года и пришла к выводу, что Освальд не был убийцей-одиночкой, что заговор имел место, но признала, что ей не удалось обнаружить достаточно веских улик для предъявления конкретных обвинений кому бы то ни было.²⁹

Президент Форд специальным указом запретил ЦРУ в будущем участвовать в убийствах иностранных лидеров. Но участие американских разведслужб в государственных переворотах продолжалось: изгнание Сомозы из Никарагуа (1979), свержение Бэби Дока Дювалье в Гаити (1986), Норвеги в Панаме (1989), Милосовича в Сербии (1999), иракского Саддама Хуссейна (2003), ливийского Каддафи (2011), украинского Януковича (2014). Во многих случаях свержения только ухудшали ситуацию: вместо изгнанного Сомозы в Никарагуа к власти пришёл комму-

нист Ортега, на Гаити — военная хунта, а потом марксист Аристид, в Иране на смену «недостаточно демократичному» шаху выпрыгнул Аяятолла Хомейни.

Тенденция решать глубинные проблемы путём смены руководителей проявилась и в истории самого ЦРУ. В отличие от ФБР, где Гувер бессменно правил 48 лет, в ЦРУ за 60 лет существования сменилось больше двадцати директоров. Если руководитель остаётся на своём посту два-три года, вряд ли он может провести в жизнь какие-то серьёзные перемены. Особенно в ситуации, когда американский государственный корабль столкнулся в конце 20-го века с совершенно новым врагом — с тысячами разрозненных ячеек неуловимых воинов-самоубийц.

В какой-то мере это было похоже на войну с пиратами. Но у капитана Декатура, атаковавшего пиратов Средиземного моря в начале века 19-го, были объёмы для наведения пушек — северо-африканские порты, где укрывались пиратские корабли. Сегодня всё стало гораздо сложнее. Аль-Каида, Боко-Харам, ИГИЛ, Хезбола, Хамас растворены в гуще мирного населения мусульманских стран. Попытки разыскивать их там и уничтожать точечными ударами неизбежно сопровождаются таким числом гибнущих стариков, женщин и детей, что волна оправданного возмущения в мире парализует эти усилия.

Создать и найти надёжного агента, который сумел бы проникнуть внутрь террористической организации, крайне трудно. Мало того, что он должен знать язык, нравы, обычаи, верования преступников. Чтобы заслужить их доверие, он должен будет принять участие в их злодеяниях. Как это будет выглядеть потом на суде: агент ЦРУ сконструировал бомбу или доставил взрывчатку, которыми были убиты несколько дюжин невинных людей?

А как обращаться с пойманными террористами? Следует ли рассматривать их как военнопленных, чьи права защищены Гаагской конвенцией? Или их следует судить в американских судах с присяжными и адвокатом? Каждый из них обладает важной информацией о своих сообщниках, о планировании новых нападений. Сколько жизней будущих жертв можно спасти, если заставить его говорить!

После атаки 11 сентября полномочия ЦРУ были расширены. Ему было разрешено устраивать тайные тюрьмы за пределами США, держать там пойманных без предъявления обвинений, применять по отношению к ним то, что сталинский прокурор Вышинский называл «методами активного дознания». Заключённых держали в одиночках при ярком свете и громкой музыке, изводя бессонницей и холодом, устраивали иммиграции похорон заживо, погружали с головой под воду. Подозреваемому Абу Зубайде (Abu Zubaydah) устраивали «уголшение» 83 раза. Чтобы спастись от пыток, он начинал давать показания, но все они на проверку оказывались ложными просто потому, что он не обладал никакой важной информацией.³⁰

Пытать или не пытать — эта дилемма снова привела к глубокому расколу между двумя разведывательными службами. Директор ФБР Мюллер и его агенты решительно отказывались принимать участие в «применении методов активного дознания». У них на памяти были судебные процессы, которым подверглись их предшественники в конце 1970-х за нарушение правил проведения следствия. Кроме того, они уже знали, что показания, вырванные страхом и болью, скорее всего, окажутся фальшивыми, и Бюро только потеряет время, идя по ложному следу.³¹

Мы ещё не знаем, какими методами ЦРУ удалось выследить в Пакистане лидера аль-кайды, Осаму Бин Ладена, точно направить к его обиталищу десантный отряд на двух вертолётах и уничтожить врага, виновного в гибели тысяч американцев. Но можно быть уверенным: если бы его взяли живым и доставили на суд в США,

нашлись бы юридические крючкотворы, которые с азартом начали составлять список «прав подозреваемого», нарушенных злыми диверсантами при задержании, и требовать снятия с него всех обвинений, а под суд отдать «морских котиков».

Технический прогресс последних трёх десятилетий невероятно расширил возможности стражей закона в сфере обнаружения преступников. Видеокамеры ловят их в момент совершения злодеяний, ДНК позволяет находить их и идентифицировать по капле слюны или спермы, смертоносный беспилотный дрон настигает их в далёких горах и пустынях. Однако стражам закона приходится делать своё трудное дело с постоянной оглядкой на армию благонамеренных, уверовавших в некоего абстрактного человека, доброго и справедливого, нуждающегося в постоянной защите его прав.

В отличие от стражников, злоумышленник не связан такими ограничениями. Он может использовать все достижения цивилизации без оглядки. Он может рассылать по почте хитроумные бомбы или смертельные бактерии, может использовать интернет для создания международных сетей террористов, может, прикрываясь религиозной маской, собирать огромные финансовые средства и пересылать их своим сторонникам в любую точку земного шара.

Нетрудно предвидеть, что в ближайшие десятилетия пик противостояния будет окрашен сражением между двумя самыми громкими лозунгами наших дней:

АЛЛАХ АКБАР! против ЧЕЛОВЕК АКБАР!

Уже одно то, что человек, в отличие от Аллаха, смертен, делает весьма хлипкими шансы на победу второго лозунга.

Ну, а то, что правоохранительные органы не собираются прекращать тайную слежку с использованием всех чудес современной технологии, ясно открылось для нас в разоблачениях Эдварда Сноудена (2013). Однако история этого скандала ещё далека от завершения, поэтому оставим её следующему поколению летописцев американского заката.

(продолжение следует)

Примечания

1. Moscovit, Andrei. *Did Castro Kill Kennedy?* (Washington: Cuban American National Foundation, 1996), p. 63.
2. Там же.
3. Там же, стр. 126.
4. http://en.wikipedia.org/wiki/Miranda_warning.
5. Там же.
6. Wikipedia. Los Angeles Riots, 1992.
7. Sowell, Thomas. *Intellectuals and Society* (New York: Basic Books, 2009), p. 27.
8. Weaver, Mary Anne. *A Portrait of Egypt* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 1999), pp. 100-205.
9. Weiner, Tim. *Enemies: a History of the FBI* (New York: Random House, 2012), p. 236.
10. Moscovit, op. cit., p. 191-192.
11. Blakey, G. Robert, and Richard N. Billings. *The Plot to Kill the President* (New York: Time Books, 1981), p. 296.

12. Weiner, op. cit., p. 285.
13. Ibid., p. 382.
14. Emerson, Steven. *American Jihad. The Terrorists Living Among Us*. New York: The Free Press, 2003.
15. Там же, стр. 6, 10.
16. Там же, стр. 49.
17. Там же, стр. 8.
18. Weiner, op. cit., p. 416.
19. Ibid., p. 405.
20. Ibid., p. 417.
21. Wikipedia, Zacarias Moussaoui.
22. National Security Act, 1947.
23. Weiner, op. cit., p. 141.
24. Ibid., p. 177.
25. Ibid., p. 174.
26. Ibid., p. 170.
27. Ibid.
28. Moscovit, op. cit., p. 286.
29. Ibid., p. 37
30. Weiner, op. cit., p. 425.
31. Ibid., p. 427.

Журнал «Семь искусств» № 10 (67)/2015 — Ганновер:
Семь искусств. 2015. — 403 с., 25,7 а.л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
Компьютерная верстка: Марина Жукова

Семь искусств
Ганновер 2015

Семь свободных искусств - основа воспитания, которое надлежит давать не для практической пользы, но потому, что оно достойно свободнорожденного человека и само по себе прекрасно.

Аристотель. "Политика"

